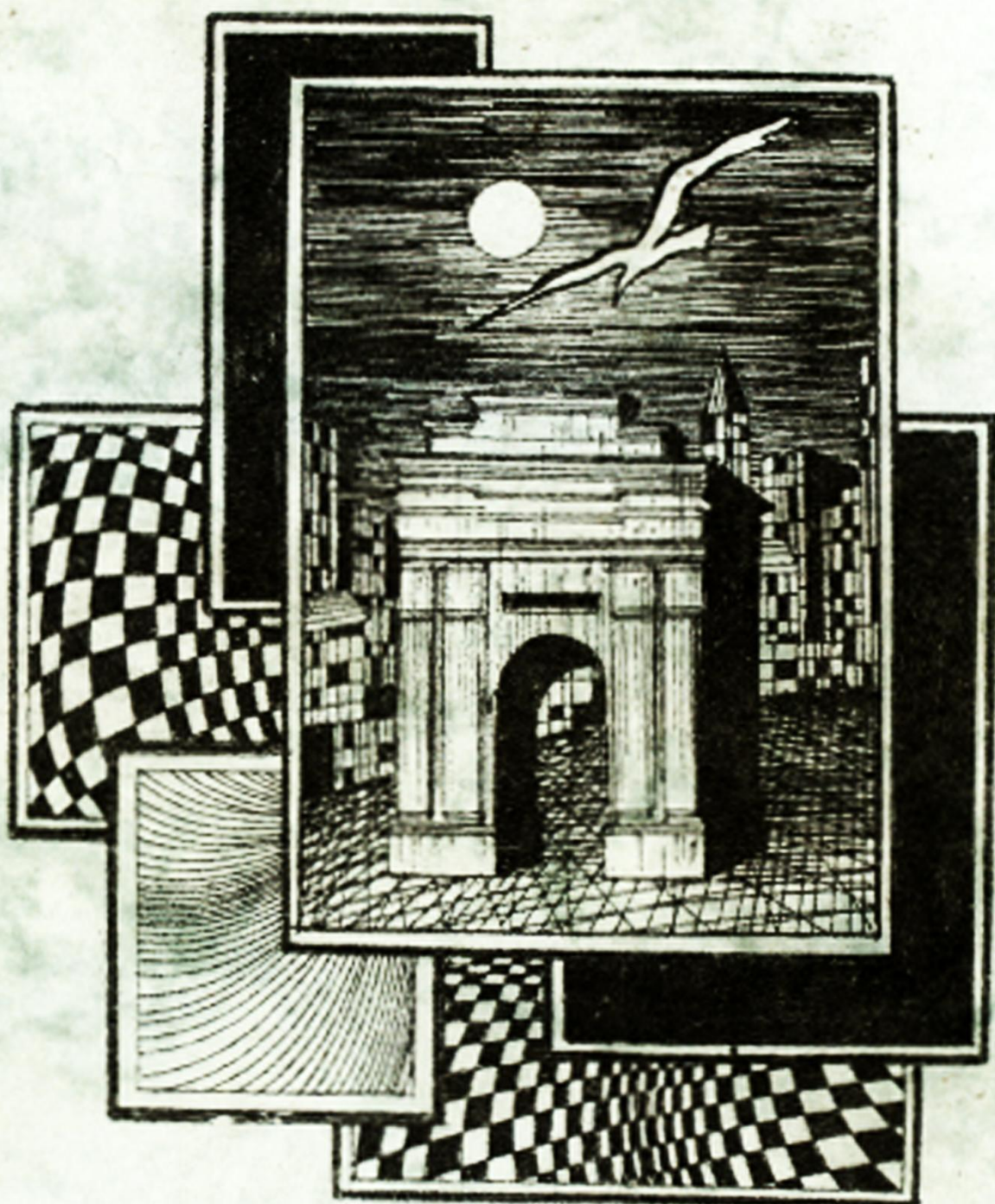




ТАРСКИЕ ВОРОТА

Издательство «Вариант-Омск»

2012-2013

ББК 84 (2Рос = Рус)6–44

Т 21

Тарские ворота: литературно-художественный альманах. Вып. 2. – Омск: «Вариант-Омск», 2012-2013. – 484 с.

ISBN 978-5-904754-05-4

Редакционный совет:

Главный редактор: Игорь Егоров

Заместитель главного редактора: Евгений Асташкин

Литературный редактор: Вячеслав Барыбов

Консультант по творческим вопросам: Наталья Елизарова

Менеджер по связям с общественностью: Дмитрий Соснов

Координатор проекта: Денис Качуровский

Корректоры: Евгений Асташкин, Вячеслав Барыбов

Дизайн обложки:

лицевая сторона и эмблема издания Павла Радзиевского,

оборотная сторона Дарьи Решетниковой

Этот выпуск альманаха издан на средства авторов при поддержке частных меценатов.

Телефоны редакции:

гл. редактор: 30-11-83, моб. тел. 8-950-336-96-98,

e-mail: igeg@bk.ru

координатор проекта: моб. тел. 8-950-781-51-07,

e-mail: d.e.n.i.s_k@mail.ru

© Литературное сообщество «КрЭдо», 2012

© «Тарские ворота», альманах, № 2, 2012

© Издательство «Вариант-Омск», 2012

Слово к читателю

Дорогой читатель, прошло всего полтора года с момента начала нового литературного издательского проекта в Омске: тандема – альманаха «Тарские ворота» и приложения к нему – журнала «Иртышъ-Омь». Вышло шесть номеров журнала «Иртышъ-Омь» и подготовлен к печати второй выпуск альманаха «Тарские ворота». Более того, под эгидой издательского проекта был опубликован (как эксперимент) коллективный сборник наших авторов «Рассказы для отдыха (на развилках ума)» в оригинальном оформлении талантливого омского художника Павла Радзиевского. За время выхода всех этих изданий в периодике появилось несколько статей о них. Наиболее интересные и значительные публикации, конечно же, известного публициста, театрального критика и журналиста Людмилы Першиной «Под сенью крыльев Пегаса» в газете «Новое обозрение» (№ 48 за 28 сентября 2011 года) и журналиста Виолетты Гордиенко «Откройте «Тарские ворота» в газете «Омская правда» (№ 62 за 12 сентября 2012 года).

Наш проект постоянно находится в состоянии совершенствования, обогащается новыми разделами и рубриками (даже такими необычными, как «Критические эссе на произведения в предыдущем выпуске издания»), идёт всё более тщательный отбор текстов для публикации, издания дополняются цветными вклейками репродукций картин художников (и не только наших земляков), графическими работами многих омских художников, в том числе и молодых.

И в этом выпуске альманаха будет немало известных имён (кстати, не только в литературе), которые говорят сами за себя: Светлана Василенко, Тимофей Белозёров, Светлана Савицкая, Аркадий Кутилов, Елена Миронова (Злотина), Михаил Малиновский, Борис Леонов, Галина Кудрявская, Сергей Поварцов, Евгения Гагарина, Сергей Сизов, Евгений Фельдман, Наталья Крофтс, Сергей Пашков, Дина Лебедева, Наталья Лайдинен, Ольга Овчинникова, Роберт Удалов, Александр Дегтярёв, Сергей Денисенко, Алексей Декельбаум, Георгий Бородянский, Вероника Шелленберг, Наталья

Елизарова, Александр Невардовский, Сергей Лeksuтов, Евгений Асташкин, Валерий Даркаев, Николай Мацак, Нэлли Арзамасцева, Михаил Ткачёв, Анна Палий, Галина Приходько, Игорь Косицын, Андрей Дёмин, Виктор Богданов, Ирина Юртаева, Станислав Радзиевский, Вячеслав Омский, Михаил Кузин, Ирина Пожарицкая, Александр Бекишев, Олег Салахутдинов, Эльвира Миляева, Александра Тригонос, Лариса Березина, Дмитрий Соснов.

Есть в альманахе и те имена (по большей части молодые авторы), которые пока ещё мало кому знакомы или даже совсем неизвестны, но уже могут вызвать серьёзный интерес у читателя своими произведениями. И вполне возможно, что кто-то из них станет настоящим явлением в литературе и, может быть, даже с публикации в этом выпуске.

Безусловно, огромную роль в становлении нашего издания-тандема играют опыт и достижения замечательного альманаха «Складчина» Омского отделения Союза российских писателей (редактор Александр Эрахмиэлович Лейфер). Кстати, совсем недавно вышла в свет весьма сильная первая книга «Складчины» (Избранное) с великолепным дизайном (двухтомник издаётся на муниципальный грант Администрации г. Омска, редакторы-составители: Сергей Павлович Денисенко, Александр Эрахмиэлович Лейфер, Вероника Владимировна Шелленберг).

Мы постоянно присматриваемся к литературным периодическим изданиям и в других регионах, стараясь почерпнуть и там для себя что-то полезное. В этом плане нам много дал солидный кемеровский альманах «Голоса Сибири», который выпускают энтузиасты своего дела Мэри Моисеевна Кушникова и Вячеслав Вениаминович Тогулев. Вышло 10 томов, среди авторов есть и те, что собрались под обложкой «Тарских ворот». Мы дорожим таким сотрудничеством, жаль только, что в кемеровском проекте наступил некий тайм-аут. Надеемся, что он будет преодолен. Это издание – образец фундаментального подхода к делу и, честно говоря, нам ещё не удалось выйти на такой уровень. Но мы надеемся.

Итак, в добрый путь по страницам нашего альманаха!

Главный редактор

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Светлана ВАСИЛЕНКО

(Москва)

ПРОЗА В СТОЛБИК

8 августа 2011 года гостя из Москвы председатель Союза российских писателей Светлана Василенко встречалась с омскими писателями, членами этой организации. Она часто ездит по регионам, посетила и наш. Речь на встрече шла и о наболевшем вопросе – статусе писателя. Сейчас он как никогда не защищён, литературным трудом в современных условиях прожить нереально, а Закон о творческих союзах, призванный как-то облегчить существование литераторов, на долгие годы застрял в Государственной Думе. Писатели выживают, как могут.

Но литературный процесс не останавливается. Писатели за свой счёт печатают книжки, областные министерства культуры издают журналы, выпускают антологии. И все надеются дожить до лучших времён.

Светлана Василенко подарила всем участникам встречи свой поэтический сборник с автографом. Она вошла в большую литературу как прозаик, но в последнее время, как отмечается в аннотации, стала и поэтическим прозаиком. Это отразилось в самом названии сборника «Проза в столбик». Таким получился у неё жанр.

Мы с разрешения автора публикуем несколько стихотворений из этой книги.

По дороге к тебе

По дороге к тебе
Завернула в сельский магазин
Купить четвертинку.
Хотела с твоим сыном
Посидеть,
Помянуть тебя,
Нина.
Подошла к дому,
Проваливаясь в снег.

– Тётя Маша, я остался один,
Совсем один! – сказал он моей матери
В тот день, когда тебя не стало, –
И заплакал.
Ровесник моему сыну.
Нет, немного помладше:
Двадцать пять ему исполнилось этим летом,
В жарком августе,
Когда я шла
Так долго
По белой, как пудра, пыли
К тебе,
Ещё живой, –
И не застала.

24 февраля 2006 г.
Капустин Яр

Харидвар

Среди огней, чужих молитв
и криков,
Где ты, как грозный соглядатай
Других миров, стоишь на берегу, –
Бродить потерянно
По каменному руслу,
По обмелевшей речке,
Упавшей с неба, –
Гангу, –
По щиколотку в серебре.

И отпуская лодочку, как дети,
Плыть по течению с цветами,
И руки погружая в молоко
Реки-праматери,
Искать на дне звезду
Потерянного неба.
И вдруг понять,
Что смерти нет.
К калитке вели собачьи следы,
Человеческих – не было.
Дом покосившийся, деревенский
Пустыми глазами смотрел
На меня,
Как мертвец.
Алёши не было.
Что мы с тобой одни
Среди огня и тьмы
В слезах
Стоим пред дверью,
За которой Ждут,
И шепчем под тамтамы:
– Отче!..

*Октябрь
Харидвар – Москва*

Ямал

Собаки
С волчьими лицами.
Олени,
Застенчивые, как ненцы.
Ненцы
По имени Прокопий и Пётр.

Снег, похожий
На глазурь, которой
Покрывают кулич
На Пасху.

Строганина в чуме.

Девочка Фая

Из народности ханты,
Закрывшая лицо руками:
То ли плачет,
То ли смеётся,
Как птица.

Над Ямалом,
Ямалом.
Ямалом.

*20 марта 2006 г.
Москва*



Галина КУДРЯВСКАЯ

(Омск)

ВАРВАРИН ДОМ

Рассказ

Больше всего на свете Варвара любила индийские фильмы за то, что жалостливые и хорошо кончаются. «Танцора Диско» смотрела восемь раз. И всякий раз плакала. Знала наперёд, что хорошо кончится, а не плакать не могла. Как не плакать, когда горе видишь. Это уже потом можно радоваться, когда всё обустроится. Потом, после слёз, и радость полнее. Она даже мелодию одну запомнила из этого фильма и мурлыкала её себе под нос, сидя ночью в будке на посту и глядя в окошко.

Будка стояла на одной из тихих улочек большого города, там, где город уже походит на деревню, где маленькие частные дома, огороды и лавочки возле ворот. Это напоминало Варваре родную Пахомовку, куда каждый год в сентябре, взяв положенный отпуск – восемнадцать рабочих дней, она отправлялась повидаться с бабкой Пелагеей и помочь ей выкопать картошку.

У бабки было хорошо, но тревожно: оставляла за себя временного человека – вдруг, что не так сделает.

– Ты, бабуся Поля, недопонимаешь, – втолковывала она старухе за вечерним чаем, когда та недоумевала: все от работы бегут, а эта на работу. – Ить одна я, никакой замены нету. Меня в конторе уважают, говорят, часовой на посту.

– Часовым-то, поди, поболе твоего платят, – вздыхала Пелагея. – Отвыкла ты от меня, вот и бегаешь...

Варвара утыкалась мокрым от слёз лицом в морщинистую Пелагеину щёку:

– Я бы и тебя забрала. Не то поедешь?

Пожалуй, ей для полного счастья там, в городе, не хватало только Пелагеи да вот этого их огорода. «Но опять, – думала она, – когда бы я в огороде чё делала? Да и бабуся в моей будке тесно покажется, она тут вольготно жить привыкла».

Работа у Варвары и впрямь была необычная. Когда-то тут дежурили три будочницы. По городу проходила железнодорожная ветка, она пересекала улицу, хоть и с маленьким, но всё же движением. Вот и был оборудован переезд со шлагбаумом и

построена та самая будка, что на восемнадцать лет стала домом для Варвары.

Товарные поезда, неизвестно чем гружённые, проходили по этой ветке только по ночам, да и то не каждую ночь. Проходили тихонько, будто крадучись, так что горожане считали, что тут и вовсе никогда поездов не ходит, и не понимали, зачем эти пути не уберут. А иные любопытные, проходя мимо будки, пытались заглянуть за плотно сдвинутые занавески, подозревая там какую-то скрытую жизнь. Но занавески эти раздвигались только тогда, когда свет в окнах гас, и на небе высыпали звезды.

Варвара, отпросившись у Пелагеи в город за лучшей жизнью, случайно наткнулась на объявление: требуется будочница. Что это такое, она не знала, но в слове самом ей почудилась надежда на прочность существования. Проработав полмесяца, явилась в контору к начальнику и заявила, что трём человекам тут делать нечего, она и одна управится. Всё равно, когда другие приходят, я, мол, тут же, потому как жить негде.

– Мы тебя в общежитие устроим, – улыбнулся начальник.

– Петрович! – позвал он предрабочкома. – Займись новенькой, место в общежитии надо.

Варвара была наслышана плохого об общежитиях ещё в Пахомовке, что жизнь там вольная, греховная. И Пелагея наказывала в дорогу: приткнись к какой-нибудь старушонке вроде меня, помогай, чтоб не гнала, а в общее житие не ходи, погубят там тебя.

– Не, не хочу я в общее житие, мне и тут хорошо. Днём посплю, а ночью буду дежурить. Да вы не бойтесь, я работающая. Вон, бабуся Пелагея знает.

– Какая ещё Пелагея? – поднял брови начальник.

– Да не, – махнула рукой Варвара, – вы ж её не знаете, бабка моя из Пахомовки. Деревня такая есть, может, слыхали? Она меня всегда так зовёт – дура работающая.

Начальник глянул на Петровича.

– Может, в этом есть резон, а? Делать там нечего, а трёх держим.

Петрович нахмурился:

– Так-то, так. Только закон нарушим.

– Да ладно, – начальник улыбнулся. – Оформим её разнорабочей, и всё!

– Дело ваше, – повернулся уходить Петрович.

– Ты погоди, погоди, с тебя забота не снимается, человеку жить надо... Распорядись, чтоб забросили всё необходимое.

Необходимого оказалось не так много – кровать с панцирной сеткой, тумбочка и две табуретки, а стол в будке был и прежде. Будка сложена была из кирпича, размером три на два с половиной метра. При ней имелась пристройка с сараюшкой, где хранились дрова и

уголь, и с туалетом. Два окна будки смотрели на обе стороны пути. «Всё у меня теперь есть», – отписала Варвара Пелагее в Пахомовку. Она прикрепила к стене газеты, вбила гвозди и устроила вешалку для двух своих платишек, юбчонки и полупальтеца, осмотрела будку – нет, неудобно. С первого аванса поехала в большой универмаг, где долго объясняла продавцу, что ей нужно, чтоб дёшево и красиво, на шторы и на занавеску, а то с улицы всю её квартиру видать.

Продавец помогла ей выбрать дешёвого ситцу с яркими цветами. На стол Варвара приобрела клеёнку, полыхающую алыми маками, и «квартира» её засияла. Теперь, в свободное время, она могла часами сидеть у печки, переводя взгляд со стола на занавески, и душа её радовалась, как радовалась когда-то там, дома, в Пахомовке, когда летом выбегала Варвара на лужок за огородом и замирала от восторга, так хорош был лужок, убранный кашками и мышинным горошком.

Очень нравилось Варваре, что дрова и уголь у неё казенные, бесплатные. Это ж какая выгода, думала она, пытаясь сосчитать, сколько экономит на этом, да с арифметикой у неё не шибко ладилось. Да ещё и без работы, всё привезут, хвалилась она в письмах Пелагее. Но на лето пришлось разориться, купить плитку. Летом печку не потопишь, жарится. Зато за электричество платить не надо и за жильё тоже. Так что жизнью своей Варвара была вполне довольна, и девяноста рублей ей хватало. «А куда их тратить-то?» – думала Варвара. Ела она совсем немного, как ни прикинь, больше сорока в месяц не уходит. Одежду носила подолгу, наряжаться некуда. Сразу по приезде, раза два вокруг танцевальной площадки походила, а потом всё, с десяти уже – к окошку и до утра. А на танцах только в это время всё и начинается.

В шесть утра ложилась спать, вставала в два часа, варила какую-нибудь похлёбку, обедала неохотно, без аппетита, сидя у окошка, задёрнутого занавеской, убирала свою «квартиру». Чистоту любила. Пелагеей приучена была мыть пол каждый день.

Рядом с будкой располагалась баня, почти впритык к рельсам. Варвара бегала бы туда хоть каждый день: во-первых, с людьми поговоришь, а во-вторых, воды – залейся. Никто не считает, сколько тазиков наберёшь. Но всё же Варвара, на всякий случай, возвращаясь от крана на лавку, говорила соседке, что вот, мол, уже третий таз наливаю, чтобы та не решила, будто она уже пятый раз к крану сбегала. Улучив минутку, когда душ был свободен, она нежилась под потоками тёплой воды, но, как только кто подходил, убегала на лавку, которую и выбирала поближе к душе.

На каждый день Варвара для бани денег жалела. А для кино – нет. Уже через два месяца городской жизни поняла, что в клубах да на дневных сеансах можно и сэкономить. На это её арифметики хватало. И всё одно в месяц на фильмы убегала десятка, да на баню – пятёрка.

Каждый месяц Варвара умудрялась тридцать рублей откладывать на сберкнижку. Так ей присоветовала одна очень умная и добрая женщина, кассирша Матвеевна, из их конторы. В год у Варвары накапливалось триста шестьдесят рублей. С них и одежду покупала, и бабке гостинцы, и за восемнадцать лет сумела накопить тысячу, чем очень гордилась.

– Представляешь, – округляя глаза, говорила она в очередной приезд Пелагее, – цельная тыща, это ж такая деньга, ужас.

Жила Варвара одиноко, но людей не сторонилась, в кино, в бане охотно с соседями разговаривала, а возвращаясь домой после кино, до следующего дня жила увиденным, и жизнь казалась ей наполненной и интересной. В танцора Диско она влюбилась, и теперь всю свою жизнь поверяла ему. Вернётся домой из магазина, из бани или из кино и всё ему обскажет, как будто он её тут дожидается, в будке. Говорит ему, улыбается хитровато, знает, что игра, но продолжает, потому что игра приятная. Расскажет всё, а потом спросит, понизив голос:

– А ты меня любишь? – и рассмеётся, закружится, будто в ответ услышит желанное.

Работой своей Варвара дорожила и гордилась. Все спят, думала она, а я вот караулю их от беды. За все годы ни разу у окна не задремала, хотя первое время, ох, как хотелось.

Два раза в месяц появлялась она в конторе за авансом и получкой. Готовиться к этому начинала загодя, дня за два.

Гладила платье и без того отглаженное. Теперь их у неё накопилось с десятков. Сначала выбирала, какое же надеть. Платья были яркие и все любимые. Останавливалась на самом скромном, чтоб не подумали, что несерьёзная. Гляделась, довольная, в маленькое зеркальце, висевшее в простенке над столом. Заходила в контору с улыбкой на широком лице, всем кланялась, со всеми здоровалась по ручке, и с начальником, если тот попадался на пути, не замечая сочувственных или насмешливых взглядов, не слыша, как молодая бухгалтерша почти в полный голос говорила кассирше:

– Дурочка наша явилась, ты посмотри, улыбается во весь рот. Хорошо ей, не жизнь – малина. Только дуракам и сладко – им что шло, что ехало.

– Не грехи, – одёргивала её кассирша, жалевшая Варвару и желавшая ей добра, – не такая уж она дурочка, лучше всех на участке работает.

– А что ей ещё остаётся, – передёргивала плечом бухгалтерша.

Варвара разглядывала и перечитывала все плакаты и объявления, в обилии развешанные по стенам длинного коридора. При этом она шевелила губами, краснея от старания. Капельки пота росой проступали над верхней губой. Увлёкшись, она начинала читать вслух. Стоявшие рядом переглядывались и понимающе улыбались.

Что, Варюха, читаешь? Читай, читай, грамота – вещь полезная, – говорил кто-нибудь из стоящих рядом в очереди, и Варвара старалась пуше прежнего.

Подойдя к кассе, ещё раз здоровалась с кассиршей и, показывая очередную обновку, крутила головой.

– Гляди, Матвеевна, какую вещь приобрела, кашемировый.

На голове её красовался зелёный, с красными огурцами, новый платок.

– Хорошая вещь, – одобряла Матвеевна, – платок тебе к лицу.

И отсчитывала Варваре тридцать рублей в аванс и шестьдесят – в получку

Варвара не торопилась, несколько раз пересчитывала деньги, не отходя от окошечка. Очередь и Матвеевна терпеливо ждали.

– Ну что, всё верно? – спрашивала Матвеевна, когда Варвара, наконец, прятала деньги в специально сшитый тряпичный мешочек.

– Ты, Матвеевна, никогда не ошибаешься, тика в тика, как мои часы. Вот, посмотри, ходкие – тика в тика, как в Москве.

Как-то, на пятнадцатый год работы, к Варваре нагрянула комиссия из месткома – обследовать жильё и поставить в очередь на квартиру. Она чуть не в ноги им: тут я привыкла – и работа, и дом вместе, да как я всё брошу? Комиссия не спорила – ну, не хочешь, не надо. Несколько раз Варваре премию отваливали по десятке, а один раз даже пятнадцать рублей. Тогда она устраивала праздник. Покупала торт и целую неделю пила чай с тортом, отрезая по кусочку и очень жалея, что такую вкуснотищу бабуса Пелагея не попробует. Она уже как-то собралась было купить да увезти, но проговорила продавцу, и та напугала, что пропадёт торт, и обе отравятся.

Полгода назад жизнь Варвары круто переменялась. Подарили ей на работе к сорокалетию цветной телевизор. Варвара только ахнула, такую деньжищу ухлопали. Вещь дорогая, а ненужная. Она привыкла, чтоб дёшево и нужно... Когда ей его глядеть?.. Но уже через неделю поняла, какая это экономия. В кино ходить не надо. И потом там же вся жизнь показана. Чего она раньше через своё окошко видела? А тут – целый мир сразу. Даже в баню Варвара теперь боялась отлучиться, вдруг в это время самое интересное покажут.

– Видишь, – говорила она танцору Диско, полагая, что он должен радоваться вместе с ней, – теперь у меня цельный день гости.

Телевизор не выключала с утра до вечера. Всех дикторов знала по именам, со всеми здоровалась.

– Здравствуй, здравствуй, Танечка, – так она начинала свой разговор с Веденеевой. Что-то тебя давно не видать было. Я уже стосковалась по тебе. А платье на тебе баское да фасонистое, ну, красавица ты в ём.

Веденеева говорила что-то своё, а Варваре казалось, будто это она с ней, с Варварой, разговаривает.

Всё бы хорошо, да переживаний прибавилось. Если бы только детские передачи показывали, то ещё ничего, а то ведь там и «Взгляд» и «До 16 и старше». Выключить бы, да сил нет. Как магнитом тянет. Насмотрится, а потом всю ночь перед глазами всякие страсти: то дома развороченные, то люди раздавленные, то военный в ребёнка стреляет. Даже бояться стала, что поезд прозеваает. Спать почти не удавалось. На улицу – только за водой и в магазин. Схватит, что под руку попадет, и в будку. А тут можно и готовить – глядеть, и есть – глядеть, и так до десяти. А в десять выключить, чтоб никакого соблазна. Работа есть работа. Да вот беда, после десяти чаще всего кино. Щемит душу, но утешится тем, что утром повторяют. А утром только уснёт и вскочит, кино глядеть. Похудела, почернела. Пришла за авансом, Матвеевна спрашивает:

– Болеешь, что ли?

– Да не, на улице не бываю, сплю мало...

– Хахаля завела? – это уже бухгалтерша вмешалась.

– Телевизор гляжу, – серьёзно ответила Варвара, – я теперь, как министр какой, все дела знаю.

– Подарили девке игрушку, почище любовника сушит, – пошутил кто-то в очереди.

Варвара не задержалась в этот день в конторе, убежала к своему телевизору. – Ну их, пустомелев, уши заболят.

Шла передача «Здоровье». Уважительно поздоровавшись с ведущей, Варвара уселась на табуретку – глядеть.

– Чево ты нам сёдни покажешь, какое диво? – она любила поговорить с телевизором, потому что не всегда всё понимала, что показывают, и в это время отвлекалась на разговоры.

Вдруг что-то насторожило её на экране. Показывали детей. Диктор сочувственным голосом сказала, что дети эти умственно неполноценные, она ещё какое-то слово добавила, но Варвара его не поняла. Дети были некрасивые, все похожие друг на друга, с широкими носами и лицами, с раскосыми глазами, с глуповатыми улыбками. Они почему-то казались Варваре удивительно знакомыми. Она смотрела на них с жалостью и одновременно с тревожным волнением, словно они могли как-то повернуть её, Варварину, счастливую жизнь в худшую сторону. И, главное, где же она их видела раньше? От напряжённого воспоминания заржавленный механизм Варвариного мышления закрипел, но с места не сдвинулся. Она рассердилась и выключила телевизор. Но тут же снова включила.

Ведущая продолжала что-то говорить, держа на коленях маленькую девочку, которая странно дёргала головой и раскачивалась всем тельцем, потом поднимала слабые худые ручки, брала себя за уши и тянула их, пытаясь оторвать от головы. Варваре стало больно в груди, она разревелась от жалости к девочке, каким-то образом ощутив причастность к её судьбе.

Нет, телевизор не принёс ей счастья. Раньше она ходила в кино и смотрела фильмы, где всё всегда хорошо заканчивалось. После этих фильмов можно было петь вечером песни, глядя в окно и, поджидая, когда появится подружка, маленькая, но яркая звёздочка, можно было с удовольствием выпить чай с куском серого хлеба, негусто намазанного маслом, можно было показать танцору Диско обновку – капроновые чулки. А теперь... Варвара снова выключила телевизор и стукнула с обидой по нему кулаком. Такое показывать!.. Но тут же испугалась, не дай бог, поломается, как тогда жить, всё равно что родного человека похоронить. И опять в груди шевельнулось недоброе предчувствие. «Бабуся-то Пелагея старая. Помрёт, и никого у меня не останется, кроме телевизора, – подумала так и вздохнула, – да ещё танцора Диско, да ещё звёздочки. И всё равно, бабуся жалко. Хорошо, скоро отпуск. Подарков ей накуплю, ситца, пряников!»

А как телевизор бросить? На кого? Ладно, если на место её Зинку поставят, она уберёжёт, а ежели Клавдею, так угробит. Она такая... Стукнет, и всё, а он обхождение любит. Додумала Варвара свою мысль и покраснела, вспомнила, что сама только что, минуту назад, стукнула его кулаком. Она незаметно погладила телевизор по тому месту, куда пришёлся удар, делая вид, что просто пыль вытирает, а сама вину заглаживала.

Телевизор в этот день больше не включала, томила, вздыхала. Сварила пшённую кашу, поковыряла ложкой и кое-как дождалась до десяти, когда можно заступить на дежурство и больше уже ничем не томиться.

Наступил сентябрь, ночи стояли ясные, холодные, звёздные. Варвара глядела в окно, раздвинув шторы. До поезда было далеко. Она ждала свою звёздочку. Скоро появится. Звезда всегда появлялась с вечера в этом окошке, а исчезала под утро, когда кончалось Варварино дежурство, в другом.

– Ага! Пришла уже! А чё так рано нынче? – всегда встречала Варвара звезду такими словами. Она и танцора Диско с ней познакомилась. – Знаешь, какая у меня подружка? Токо гляди, не влюбись, меня на неё не променяй. Иногда она лукавила:

– А я тебя и не ждала, – хотя на самом деле ждала, тосковала, если небо застилали тучи.

Утром, прощаясь, она махала рукой в другое окошко:

– Ну, всё... На сёдни отдежурили. Теперь поспи. И я тоже...

Потягиваясь и зевая, подходила к койке и засыпала ещё на лету, падая в постель. Но сегодня и звезда показалась ей скучной.

– Тебе чё, не может быть? Ишь какая бледная, – задумавшись, она долго глядела на звезду, и хотя всё сделала вовремя, было ощущение, что нарушила порядок, отвлеклась.

– Ах, квашня, – ругала себя Варвара, уже убирая шлагбаум. – Чуть аварию не устроила!

Улица была темна и пустынна и такой будет оставаться до утра, но для Варвары это не имело значения. «При прохождении поезда дорога должна быть перекрыта шлагбаумом», – это был главный закон её жизни. Для этого она жила на свете, в этом Варвара была уверена.

Она вернулась в будку, выпила стакан холодной воды, стуча зубами и сознавая себя преступницей. С трудом дотянула до утра, до конца смены. Только мысль о скорой встрече с Пелагеей утешала, но и та омрачалась сегодняшней промашкой: «вот скажи, скажи бабуся, как чуть поезд не прозевала, лиши её покоя».

Жизнь стояла тягостная и удушливая. Такими бывают нестерпимо душные предгрозовые июльские дни. Время остановилось. Сменяли друг друга зима, весна, лето, осень, но то было движение по кругу. Пелагея отмечала смену времен года по картошке: картоху садить, картоху убирать.

Но убирать было слаще, и не потому, что еда на всю долгую зиму, а потому, что Варвара приедет.

– Варька, Варька, горе моё луковое, – вздыхала Пелагея. – Вроде всем девка ладная, а не умеет жизнью распорядиться. И деньгу хорошую получает...

Варварина мать, Василиса, умерла от туберкулеза, наградив за год до этого Пелагею внучкой. А еще годом раньше задержался у них в колхозе залетный бондарь. День работал, неделю пил. Но за день делал как раз столько, сколько другому бы на неделю хватило, и без придирки.

Перестарок Василиса, больная и худосочная, не только о муже, но и о случайной ласке не мечтала. На весь колхоз мужиков десятков, они уже по третьему разу переженились, всех молодых и красивых перебрали. Хоть и плачут бабы, а утеха есть, детей растят. Вся деревня братья да сестры. И на бондаря невесты сразу нашлись. Да он оказался больше охоч на самогонку. Повезло Василисе как-то летним днём сойтись с ним на одной тропинке. Лето было сладкое, медовое, тёплое, с частыми дождями, с травами выше пояса, с надеждами на сытую зиму, на лучшую жизнь. Что промеж ними было, никто не видал, но вся деревня знала, что именно бондарь обрюхатил Василису.

Хлестала её по бледным щекам Пелагея, не допыталась.

– Думаешь ты али не думаешь, хто ж это дитё кормить будет и чем? У тебя ж сиськи к спине присохли. Ни коровы в доме, ни козы.

Бондарь исчез так же внезапно, как и появился, едва из-под короткой рваной Василисиной телогрейки выпятился живот с сидящей в нём Варькой. Впрочем, это могло быть и совпадением. Едва ли он помнил о той летней встрече, шибко был пьян.

Варьку вскормили жёвками из чёрного хлеба пополам с мякиной. Надежды на сытую зиму, впрочем, как и на лучшую жизнь,

не оправдались. Но Варька росла всей деревне на зависть, румяная и белая, будто молоком вспоённая.

– Не-е, Пелагея заговор знает, – судачили бабы, – да чтоб удохлой Василисы, да от такого пропойцы, да такая девка, да век тому не бывать.

Только в школьные годы Варька вдруг обнаружила свою несостоятельность, хотя читать и писать всё же выучилась. Учительница приходила по вечерам к Пелагее, пила морковный чай и пыталась втемашить в Варькину голову, что такое дважды два. Варька улыбалась, слушала, потом осторожно прикасалась к краю учительницыной юбки. – Ишь, бабуся, какая материя.

Учительницу она обожала. Так любят маленькие дети взрослого красивого доброго человека в ожидании, что вырастут и сами станут такими.

– Да не майся ты с ней, не майся, – уговаривала Пелагея учительницу, – у нас в родове к грамоте способных не бывало. Откуда в ей возмётся? Читать маленько кумекает и ладно, вывеску прочитает и копейку с копеейкой сложит.

Варвара явилась после успенья Богородицы, бледная, похудевшая. Вывалила подарки на стол.

– Тридцать рубликов в магазине оставила, – похвалилась, чтобы Пелагея оценила гостинцы. – Это на платье, это на фартук, это тапочки. Это чулки, а конфетов нынче шаром покати, в трёх магазинах была. Так я тебе вот чё привезла, надоумили меня, я прежде и не знала, что такие бывают. Торт это вафельный. Я бы другой привезла, но тем можно до смерти отравиться, а этим нет. Этот тоже вкусный, – тараторила она, не переставая, опьянённая радостью встречи.

А Пелагея смотрела и думала, что сдала её Варька, куда белила да румяна делись. Высушил её город. Не иначе наши балаболки сглазили, всё завидовали.

– Что-то ныне рано заявила, – прервала она Варьку. – Ещё бы погодить с картохой, пусть бы в земле посидела. Всё лето сушь, а тут дощ прошёл, хоть чуток бы ещё подросла да кожура бы окрепла. А ты ить как помело, на месте не усидишь, шир-пыр, восемь дыр, и умчишься.

– Ничё, хватит тебе той, что narосла. Не барыня, будешь с кожурой варить. Мне случай выпал – хороший человек на моё место заступил. А то потом бросай на какую баламошку.

– Да ладно, – согласилась Пелагея, – чё есть, то и будем есть. Скоко я теперь ем. Так, поклюю, как воробей.

Она разлила по стаканам чай.

– Ну, давай гостинцы станем отведывать, чем вас там по городам кормют... Ты отдыхай неделю-то, а с картохой мы вполсилы

за три дня управимся. Сладкой гостинец-то, – заключила она, перекатывая в беззубом рту кусочек торта.

Варвара в этот вечер на удивление легко уснула, сказались бессонные ночи и дни у телевизора. Но пяти часов ей хватило, и в три часа она уже сидела на кровати, прислушивалась к дыханию бабуси, к тиканью старых, еще с кукушкой, ходиков. Потом, накинув телогрейку, выскользнула на крылечко, села, подогнув босые ноги, пытаясь прикрыть их полами ватника. На чистом высоком тёмном небе горстями висели холодные осенние звезды. У Варвары разбежались глаза: «Ой, где же моя-то?... Там, дома, сразу вижу, а тут потеряла. Вот беда. Эта не моя, моя ярче, и это не моя, у моей соседки такой сроду не было». Она изо всех сил вглядывалась в ночное небо, наконец, проговорила тихо:

– Не кажешься, ну и не надо, приеду домой и глядеть на тебя не буду. Всю шею из-за тебя отвертела.

Тихо и сладко было в природе, готовящейся к зимнему отдыху. Варвара замерла, вдруг ощутив величие ночи. Очнувшись оттого, что зубами стучала от холода. Подхватила и в дом, юркнула в ещё не остывшую постель и снова уснула, теперь уже до утра.

Проснувшись, полежала, прислушиваясь к звукам и запахам родного дома, и сладкая волна узнавания накрыла её с головой. Стучала посудой Пелагея, пахло драниками, мяукала, выпрашивая подачку, кошка.

– Ой! – Варвара вскочила, обняла Пелагею. – Драники! Я уж забыла, что они бывают.

– Обленилась ты, девка. Драников напечь, великое дело. Было бы масло постное. У нас-то его по праздникам завозят.

Днём Варвара отправилась походить по деревне.

– В обход пошла, – говорила Пелагея.

Варвара, и правда, делала обход, как делает обход врач, отмечая улучшение или ухудшение состояния больного. Она с детства знала каждый дом и видела одно ухудшение. Дома старились вместе со своими хозяевами. Молодая жизнь, казалось, покинула их навсегда. Строенные с любовью и надеждой, но на скудные средства, они и не были рассчитаны на века, но, по отсутствию должного ухода молодых рук, уходили раньше, чем было им определено. Но грустная картина радовала Варварину душу, это была её счастливая родина. И всё сейчас, что напоминало детство, вызывало в ней восторг. И слезы накатывались на глаза.

Посреди дороги дымились неостывшим теплом свежая кучка конского навоза. Кто знает, что может порой довести душу человека до крайней точки блаженства, откуда уже дальше вперёд пути нет, только назад. В Варваринем детстве в деревне было много лошадей, она ходила на конюшню, как ходят городские дети в цирк, как на

праздник. Конюх Тимофей вручал ей скребок, и она чистила тёплые бока лошадей и заглядывала в их большие грустные глаза.

– Дядя Тимофей, а лошади – люди? – спрашивала она.

– А как же, даже лучше, – улыбался конюх, – они, брат, никогда не подведут, если токо сдохнут, но тут уже не их воля, Божья.

Теперь в деревне один пегий мерин, и это над его испражнениями стояла сейчас плачущая от счастья Варька.

– Эй, девка, никак золото нашла?! Эй, да ты Варька, что ли? – из покосившейся калитки вышла Матросиха, выплеснув помои, из-под руки глядела на Варвару.

День был пронзительно прозрачный, хрустальный, солнце слепило Матросихе глаза. Матросихой её прозвали в молодые годы, когда заезжал к ним на побывку, вместе с её братом, молодой моряк. Да не остался: места здешние не приглянулись, и невеста показалась староватой. Поматросил и бросил. Варвара утёрла глаза, обняла Матросиху.

– Ой, девка, – охала старуха, – ну нарядная, токо по телевизеру казать.

На Варваре было ярко-зелёное кримпленовое платье с огромными, величиной с подсолнух, жёлтыми цветами. Три цвета она любила больше всего – зелёный, красный, жёлтый. В городе на полчаса застревала у светофора, глядя, как меняются жёлтый – зелёный, жёлтый – красный. И сейчас похвала Матросихи обрадовала её. Но та оставалась собой.

– А похудела, подурнела, никому в молодых век не проходить. Вот Пелагее радость... А мой явится, токо горе привезёт. Мотается, что дерьмо в проруби, ото всех жен убёг, детишки по всем местам пооставлены. Вечор явился, ночь глаз не сомкнула, всю ночь прошарахался.

Варвара помнила её рыжего Кольку, как говорили, похожего на заезжего морячка, и парнишкой, и мужиком неопределённого возраста, грязным, опустившимся и нахальным. Года три назад, когда она вот так же в сентябре гостила у Пелагеи, поймал он её за огородам и давай лапать грязными лапами. Не его тогда Варвара испугалась, а себя, что приятно ей было это лапанье и убегать не хотелось. Рассердилась она на себя и всю свою силушку вложила в пощёчины, которыми отхлестала Кольку. Знала, знала она, чего нельзя, а что можно. И так иногда нехорошее томление в себе ощущала. Когда по утрам раздевалась и падала в постель, руки невольно касались груди, и прикосновение было приятно. Тогда она правой рукой била себя по левой и голосом Пелагеи произносила: «Нельзя! Грех это».

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы не вечное недосыпание да прочно заложенное в младенческую Варварину душу понятие греха. Вот и сейчас, услышав от Матросихи, что Колька здесь, она, уже почти опустившись на завалинку, чтобы всласть

наговориться и похвалиться телевизором, подскочила, как от удара, и понеслась домой. Матросиха осталась с разинутым ртом.

– Во, бешеная, живот что ли схватило?! Право слово, с приветом, не знаешь, чего выкинет, взбрыкнула и поминай, как звали, – не могла успокоиться Матросиха, ожидавшая хорошего разговора: хоть и дура, а всё же в городе живёт, обсказала бы чё почём.

А Варвара, добежав до своего дома, притаилась за акацией и выглянула на улицу. Так и есть... Из-за Петрачихино дома появился плотный мужик. Солнце, освещая его сзади, делало фигуру стройней и выше, и Варваре показалось, что он танцует.

– Танцор Диско! – вскрикнула она и ударила себя по губам, – Колька это пьяный идёт, ишь кренделя выписывает.

– Ты кого это тут выглядываешь? – услышала она голос Пелагеи. – Нешто с обходу вернулась?

– Голова болит, – буркнула Варвара, недовольная, что застали её за стыдным делом, за подглядыванием, и ушла в избу, улеглась на постель.

Не заболела бы, забеспокоилась Пелагея, а то, вот, помощницу бог послал, на кроватях лежать. После обеда заявила Петрачиха.

– Нет, ты глянь на неё. Явилась и носу не кажет. Я не верю Матросихе. Чтобы Варька приехала да ко мне не дошла, такого ещё не было, а она бока отлеживает.

– Пусть дома посидит, – вступилась Пелагея, – а то, что была, что нет, уедет, и не знаю. Всю деревню обполкает, а на меня времени не хватает.

Выспавшись накануне, Варвара опять не могла уснуть. Томно было душе и телу. Изжувкав всю постель, крутилась она с боку на бок и, когда кукушка прокряхтела трижды и Пелагея сквозь сон пробормотала, «чтоб ты подавилась», поднялась, подхватила фуфайку и на крылечко. Полная луна стояла над крышей Матросихино дома. Деревня, залитая призрачным светом, казалась таинственной и красивой. У соседнего забора мелькнуло светлое пятно рубашки, вспыхнул огонёк папирсы. Колька! Варвару будто ветром сдуло с крылечка. Дрожащими руками накинула она крючок и стояла, прижавшись лбом к двери, слушая, как бьётся, будто хочет выпрыгнуть, сердце.

– Варька! – позвал хрипло голос за дверью. – Открой, посидим, поговорим...

Варвара молчала, боялась, что скажи она слово, и он уговорит её выйти. Надо уходить в избу, к бабусе, убеждала она себя, а дверь не отпускала её, тянула, как магнит. Резко оторвавшись от двери, стараясь не наделать шума, Варвара скользнула в избу, легла в постель, и долго ещё дрожь волнами пробегала по ней от затылка к пяткам. И долго слышались шаги вокруг дома, и появлялась Колькина тень то в одном, то в другом окошке.

– Всё, – заявила утром Варвара, – копать надо. А то пойдёт дождь и сиди потом, жди, чтоб обдуло.

– Копать, так копать, – согласилась Пелагея и внимательно поглядела на внучку, – тебя тут давеча энтот охламон спрашивал.

– Кто? – покраснела Варвара.

– Ясное дело, хто. Матросихин довесок. Гляди, девка, кобелюга он известный.

В обед, когда разомлевшие от работы и тёплого осеннего дня Варвара и Пелагея устроились на картофельной ботве, вытянув натруженные ноги и прикрыв глаза от солнца, над ними птицей мелькнула тень. Обе враз очнулись от дрёмы. На мешке с картошкой сидел и склабился Колька.

– Привет, бабка Пелагея, – процедил он сквозь зубы, глядя на Варвару.

Варвара, опустив голову вниз, натягивала юбку на колени. Пелагея перевела взгляд с одного на другого, поднялась.

– Вставай, Варька! Робить будем. А ты иди, голубчик, своим ходом, иди, куда шёл, не мешай, говорю. А ну! – замахнулась лопатой. – Пойдёшь али нет?

Колька посмеивался, чуть отступая.

– Варька, поговорить надо...

Варвара присела над выкопанной картошкой, застучали тугие клубни, ударяясь о дно ведерка. Пелагея, подняв лопату заступом вверх, надвигалась на Кольку.

– Я тебе поговорю, бродяга! Ступай лучше подобру.

Увернувшись от лопаты, Колька обхватил Варвару за плечи, задышал ей в ухо:

– Ну и бабка у тебя, зверь...

Варвара, оттолкнув Кольку, кинулась к дому, он за ней, а следом Пелагея с лопатой наперевес. Понимая, что ей не догнать, швырнула лопату вслед Кольке и достала, шваркнула по плечу. Колька выругался, отскочил в сторону и перемахнул в свой огород.

– Убьёшь, дура старая! Нашла кого караулить. Да там с ней полгорода уже переспало.

– Знаешь, Варька, – сказала Пелагея вечером за чаем, – погостила и будет. Завтрева утром и отправляйся, а картоху я сама дорою. Сон дурной видела, как бы там твою фатеру не обчистили.

Утром, прощаясь, Варвара обняла Пелагею, и опять тревога защемила сердце. Так птица ждёт зиму. Зима ещё далеко, идёт где-то поверху, а птица уже знает, скоро придёт беда. Вдруг почудилось, что бабусю она больше не увидит. «Помрёт она тут без меня», – всплакнула Варька, оторвалась от Пелагеино плеча и долго оглядывалась, уходя в сторону центральной усадьбы, где останавливался автобус, и постепенно растворяясь в утреннем осеннем тумане.

– Иди уж, иди, – поторапливала Пелагея, поглядывая на Матросихину избу, только бы тот супостат не прознал да следом не кинулся.

– Ну, ты даёшь, – удивилась сменщица, когда Варвара, нагружённая картошкой, постучалась утром в окно будки, – а говорила, на две недели.

Варвара была счастлива, как путешественник, прошедший долгий и трудный путь, вернувшийся на обетованную землю. Всё было на месте – и телевизор, и звёздочка, и танцор Диско. Можно было продолжать жить. Но тут она вспомнила, что уже второй месяц не приходят её обычные женские дела. «Беременная!» – обмерла Варвара. Не находясь среди людей и не слыша обычных бабских разговоров, она совсем забыла, что такое бывает не только по беременности. Знала ведь, что у бабуся уже давно ничего нет, а детей она не рождает. Знала, что и дети не от сырости заводятся. Но тут одно важное знание вытеснило все другие. Раз – нет, значит, беременная. Возраста своего Варвара не замечала, ей казалось, что она всегда одинаковая.

Не успев напугаться своей догадкой, Варвара представила, что у неё будет ребенок. Хорошенький, маленький, сладко пахнущий, такой, как у Вероники. В контору прошлый раз бухгалтерша приносила.

Варвара забегала по будке: стол выброшу, тут колясочку поставлю, пеленок накуплю... А как же я днём спать буду? Ему ж гулять надо, ребёночку-то. Ничё, я же, – Варвара даже покраснелась от гордости, – я же буду в декретном, как Вероника была! В конторе все будут про меня говорить: она в декретном. А Матвеевна насчитает мне кучу денег.

Варвара ощутила себя значительной и важной, как и подобает будущей матери. И в контору за авансом она пришла серьёзная, сдержанная, со всеми поздоровалась и первой стала у окошечка кассы, обойдя двух или трёх человек, потому что слышала, что беременным можно без очереди.

– Как дела, Варя, идут? – улыбнулась кассирша.

– Идут, – Варвара смотрела на нее серьезно, – мне с тобой, Матвеевна, очень нужно поговорить...

– Поговорим, посиди, подожди, вот, выдам деньги.

– А, дебилочка наша явилась, – проговорила бухгалтерша, входя в кассу, улыбаясь и глядя на Варвару.

И Варвара расплылась в улыбке. Очень ей нравилась эта яркая, нарядная, красивая Вероника. Она и платья себе выбирала, как ей казалось, такие, как у Вероники. Само имя Вероника для нее звучало музыкой. Всех красивых она считала добрыми.

– Господи, – прошептала Матвеевна, – ты погляди, как она тебе улыбается.

Варвара старательно, высунув кончик языка, расписывалась в ведомости. Пока кассирша отчитывала Веронику, Варвара, уже забыв, что хотела поговорить с Матвеевной, шла по улице. Ещё вчера казалось, всё, осени конец. Пронзительный ветер срывал последние листья с оголившихся, стынувших на холоде деревьев, колючие снежинки ударяли в лицо. А сегодня выглянуло солнце и возвратило на землю почти исчезнувшие краски и звуки. Возле дворов возились ребятишки, хохот и крики отчётливо раздавались в осеннем воздухе. Варвара шла, осторожно ступая, жалея красоту упавших листьев, ведь каждый из них только что был живым и жил для чего-то, и вот короткая его жизнь кончилась, оборвалась. «Конечно, – рассуждала Варвара, уговаривая себя, – весной новые нарастут. Только это уже будут другие, не эти».

Пестрота осенних красок напоминала ей Веронику. «Красивая!» – с восторгом подумала Варвара. И тут в голове её отчетливо прозвучала фраза, сказанная Вероникой: «А, дебилочка наша явилась». Варварина улыбка угасла, уступая место тревоге – это она про меня. До неё постепенно доходило, что в словах этих было что-то нехорошее, гадкое. Где-то она уже слышала похожие слова. Варвара напряглась. Память не поддавалась. То, что лежало на донышке, никак не хотело всплывать на поверхность. Так иногда томишься час и другой, вспоминая, где это ты прежде видел только что мелькнувшее в толпе лицо. Но, увы... Разгадка, уже успевшая блеснуть в сознании, вновь исчезает, прячется.

У Варвары от непривычного напряжения заломило глаза и затылок. И тут из двора, мимо которого она проходила, выскочила громадная собака и бросилась прямо на Варвару. Варвара в ужасе замерла на месте. А рыжий, в подпалинах, пес пронёсся мимо, даже не повернув к ней головы. На дрожащих от пережитого страха ногах Варвара побрела домой, напроць успев, забыть и про Веронику, и про слово, которому она только что безуспешно пыталась найти разгадку.

А вечером, когда Варвара уже устроилась у окна, заступив на дежурство, когда ее звёздочка, появившись слева, уже успела продвинуться к оконному переплёту, в голове Варвары громко и отчётливо прозвучало: «Дебилы – это умственно неполноценные люди, дураки». Варвара оглянулась. Кто это за её спиной разговаривает? В будке было тихо и темно, только свет луны вызывал ответное свечение зеркала над кроватью. Варвара глубоко вздохнула и потрясла головой. Было ощущение, что нырнула и чуть не захлебнулась. Опасность подступила и сдавила её страхом. Только она никак не могла понять, откуда эта опасность, как она связана с ней.

Какие-то лица мелькали перед глазами, кривлялись, показывали языки. Варвара снова потрясла головой, наваждение не исчезало. Неведомая сила оторвала Варвару от окошка. Безотчётно повинуюсь

ей, она включила свет и оказалась у зеркала. На неё смотрело лицо, как две капли воды похожее на те, из передачи «Здоровье», лицо умственно неполноценного человека, дебила.

Раскосые глаза, короткий нос, толстые, чуть вывернутые губы, низкий лоб. Над короткой шеей нелепо топорщился помятый воротничок платья. И тут, впервые в жизни, проснулся, вспыхнул в Варвариной голове свет разума, свет прозрения. Вспыхнул, чтобы озарить, показать всю её жизнь и через минуту безвозвратно исчезнуть, оставив её в крошечной темноте. Раньше она жила душой, и душа её умела быть счастливой, а разум сказал, что жизни нет, не было и не будет.

Она стояла посреди комнаты, освещённая ярким электрическим светом, и медленно обводила взглядом свою будку. Жизнь, казавшаяся удачной и счастливой, надвинулась на неё страшной тенью, тёмной, непроглядной. «Я – не человек. Я не такая, как все они. Они живут. А я не живу, я никогда не жила». На мгновение в ней проснулась ярость, желание мстить им за всё – за эту будку, за нежизнь, за слова Вероники, за то, что они живут. «Вот устрою им катастрофу!» Но перед глазами возникло лицо Матвеевны, и гнев исчез: «Они не виноватые». Вместо Матвеевны появилось, как на экране, лицо девочки, мучительно сморщенное. Слабые ручки царапали, отдирали уши, плотно прижатые к голове. Зазвучал строгий женский голос:

– Чаще всего от умственно неполноценных людей рождаются такие же неполноценные дети, зачастую с ещё большими пороками развития.

«Мой ребёнок!» – молнией мелькнуло в голове у Варвары. И ей представилась целая цепь поколений, раскачивающихся, как эта девочка. И тут же чёткий голос жёстко произнёс: – Этого не должно быть!

И всё. Озарение кончилось. Лампочки перегорели и погасли.

Всё, что делала дальше Варвара, она делала механически, как бы исполняя чужую волю, тот приговор, что подписан и обжалованию не подлежит. Если и появлялась в её голове какая-то мысль, то она была тоже чисто механической. Так на табло вспыхивают буквы, из них складываются слова, но табло само не причастно к их возникновению.

Варвара точно знала, что нужно делать. Она была совершенно спокойна.

– Так надо! – сказала она звёздочке, глядящей на неё жалостливо.

До поезда ещё было время. Варвара причесалась, туго уложила волосы, умыла лицо. Сняла с себя всю одежду и бросила в печку. Достала чистое, приготовленное для завтрашней бани. Управившись, села к окошку ждать поезд. Восемнадцать лет она ждала его и никогда

не задумывалась, зачем он здесь проходит. А сегодня знала, зачем. Этот поезд для неё. Он увезёт её далеко-далеко. В никуда. Где будет покой, долгий покой. Он увезёт с собой и её девочку с уродливым лицом, и всех их будущих неполноценных детей, и им никогда уже не будет страшно и плохо.

Заметив вдалеке свет паровоза, она оделась и вышла из будки. Перевела шлагбаум, подошла к пути и села возле самых рельсов. Ещё нужно было рассчитать так, чтобы это оказались колеса вагона. Это не должны быть колеса паровоза, знала Варвара, потому что там человек, машинист. Она одёрнула юбку, тщательно прикрыла колени и посмотрела в небо. А там дрожала её звёздочка, и Варваре показалось, что она плачет.

– Чего ты плачешь? – спросила Варвара.

– Так не надо. Грех это, – ответила звёздочка Пелагеиным голосом, – жить надо. Кто будет тут за тебя работать? Они ить без тебя ещё аварию устроят.

– Конечно, устроят, – вздохнула Варвара.

– Ну, так и чего? – спросила звёздочка. – Чего, говорю, ты сидишь тут? Делать, что ли, нечего? Поезд прошёл, открывай шлагбаум да спать иди. Простынешь, поди, холодно на земле-то сидеть.

«И правда, – подумала Варвара, – чего это я здесь расселась?»

Через полчаса она уже крепко спала, чуть посвистывая носом. А в Пахомовке вскочившая среди ночи Пелагея пометалась по избе в тревоге, будто весть какую дурную получила, посмотрела в окно на высыпавшие крупные звезды, подумала: «к морозу, знать», и успокоилась вдруг, сказав себе: «И чего это я посреди ночи прыгать начала? Всё Варька бессонная, и меня полуношничать приучила».



Сергей ПОВАРЦОВ

(Краснодар)

ПРИЗНАНИЕ

Вечернее размышление, навеянное известием о кончине Стива Джобса

Американец Стив Джобс в юности принял буддизм.
Я же, надо признаться честно, веровал в коммунизм.

Американец остался верен истинам мудрецов.
Я давно потерял мечту, сохранив при этом лицо.

Что же случилось с нами, – там у него, а у меня тут?
Об этом когда-нибудь, знаю точно, – в твиттере дети прочтут.

Две системы, два мира, но дело не только в них.
Я, кажется, понял что-то, когда в ту проблему вник.

Жизнь, как сказал Кальдерон, это действительно сон.
Каждый из нас – заложник генов и хромосом.

А космобиолог один, циник и звездочёт,
Мне объяснил: «Не парься, знай лишь, когда зачат».

Ну и что с того? Вывод не так-то прост.
Да, рождён я под красной, самой красной из звёзд,

На Гасфортовской улице, там, где старинный дом,
В городе, лучшем в мире, городе тыловом.

Где-то война проклятая грохотала, кто-то калекой стал,
тот в плену или в землю зарыт.
Поэтому пацаны во дворе сообразно духу времени
играли в «убит-убит».

Рос я. Счастливое детство. Школа. Потом диамат, истмат,
А вот у Джобса за океаном вышел иной расклад.

Он тоже преображался, учился, правда, совсем не тому.
Создатель айподов, смартфонов, – хвала такому уму!

Выдумщик и прагматик, он страстно искал исток,
Из мест святого Франциска путь держал на Восток.

Географически я был ближе к Востоку,
казалось, – вот он, стоит рукой подать.
Но Запад есть Запад, и свет оттуда, так я любил повторять.

Приняли в пионеры, когда уже умер Сталин,
а Джобс не родился ещё.
О, как дорожил я красным галстуком
и румянцем мальчишеских щёк!

Стив нашёл утешенье в нирване, был, между прочим,
Шопенгауэром увлечён.
Мне же с Гегелем и Марксом в портфеле было всё нипочём.

Верить... не верить... гадание на ромашке,
вероученья бессильны, разве могут помочь?..
Джобс не открыл америк, великие книги лукавы,
и все мы уходим в ночь.

Слаб человек, ему невозможно смириться,
если романтизируют диалектику перемен,
Джобс заблуждался искренно, ведь он был просто гений,
вовсе не супермен.

Дети компьютерной эры печалются, плачут,
многие ставят свечки за упокой.
Плачьте, милые. Я понимаю тяжесть утраты.
Угас ваш первый герой.

Немного философии

М.Ш.

То, что зовётся душою,
Как ты привязано к плоти!
Днём ли, ночью порою,
В беге, в потоке, в полёте.
Жизнь, ты всегда кроветворна.
Слышу сосудов гуденье.
Жизнь без страданий позорна,
Только в единстве спасенье
духа и тела. Не ново...

Вечен вопрос Августина.
Но возникнет он снова
И для отца, и для сына.

17 октября 2010

Признание

*Памяти
Елены Злотиной,
Вильяма Озолина,
Эдмунда Шика,
Леонида Кудрявского,
Юрия Макарова,
Владимира Макарова,
Михаила Малиновского*

Друзья остались книгами.
И вот они стоят на полках, все живые.
Здесь каждый самый скромный переплёт
Напоминает дни былые.

Я с этой пел, а с теми пил вино,
и вместе мы взахлёб читали Блока.
Мы в новый день смотрели, как в окно,
распахнутое так широко.

Связует с будущим не камень закладной
и не плита, обросшая травой,
а тяжесть книг, их молчаливый строй,
готовый, если надо, к бою.

Мы держим перед вечностью ответ.
Вода, песок и ветер всё сметают...
Но ты, сентиментальнейший поэт,
ты твёрдо верь – друзья не умирают.

Октябрь 2011

* * *

Платье мамы, рубашка отца...
Не поверить, что сохранились.
Они оба мне ночью приснились,
но не смог досмотреть до конца

этот сон я. Тревога рассвета
возвестила о днях перемен.
Открываю глаза... «Их портреты
Укоризненно смотрят со стен».

Ноябрь 2011



Александр ДЕГТЯРЁВ

(Омск)

ПРИЁМЫШ

Рассказ

Л.Л.

Его принесли соседские мальчишки по весне из кладбищенской рощи. Беспомощного, большеголового птенца. Выпал он из гнезда и сломал лапку. Так появился у Любаши, кроме своих четверых, теперь уже взрослых детей, приёмш — грачонок Петька. Выходила, выкормила изо рта птаху. Вырос из заморыша важный чернявенький красавчик! Не зря ведь 35 лет отработала акушеркой в сельской больнице. Целый полк, посчитай, приняла ребятишек, и все выжили. Ни днём, ни ночью, ни в метель, ни в слякоть не давали покоя роженицы. Что ж поделаешь, такая профессия — народ множить. Сельчане кланяются Любаше при встрече, по имени-отчеству величают. Любашей называл её муж в первые годы семейной жизни. Потом мирная жизнь не заладилась, надломилась на вредных привычках злодейка-судьба. Но семья и надежда на лучшее — удерживали.

Сполнахватила лиха на своём веку Любаша. И горя. Два года назад на девяносто первом году умерла мать. Через полгода ушёл добровольно в мир иной муж. Вышла она на пенсию и осталась одной в большом доме. Спасибо детям, что наезжают часто — не забывают...

На кудрявой ёлке, напротив крыльца, обычно сидел Петька и каркал: жрать подавай! Или встречал на полдороге от больнички, садился на плечо, бил крылом и тут же тёрся о щёку своим шершавым клювом: иди, мол, бери лопату и копай червей в огороде. Смотрела Любаша в смородиновые глазки грачонка и невольно вызревала мистическая догадка о перевоплощении во второй жизни. Всякое приходит в голову, когда тоска одолевает.

Наступила осень. С прощальными криками стали сбиваться в огромные стаи грачи перед отлётом на юг. Метался, беспокоился целый день Петька, а к утру исчез со двора. За долгую зиму притупилась, пригладилась белыми метелями память о приручённой птице. А когда мартовский влажный ветер стал слизывать ноздреватые сугробы, причудилось однажды ночью, будто кто-то зовёт. Прислушалась: вроде как звуки, похожие на карканье с хрипотцой или на злобные мужские выкрики...

Любаша метнулась на крыльцо. Языческое предчувствие сдавило грудь. За спиной скрипнула дверь и будто прищемило душу. "Это ты, Яша?" – почти шёпотом спросила в темноту и не узнала своего голоса. С языка сорвалось совсем не то имя, которое собиралась произнести. Но в тёмно-зелёных лапах ели только усталым вздохом отозвалась вечность.

ПАЛОМНИК

Рассказ

Г.К.

Когда я вышел из тёплого архангельского автобуса и ступил на обочину рядом с дорожным указателем, обступившие снега уже наливались колючей синью уходящего дня. Тёмные зазубрины елей на противоположном берегу застывшей реки вонзались в хмурое декабрьское небо. За холмом скрылись красные огоньки стоп-сигналов, и сразу навалилось ощущение, что ты остался один на один с безбрежными снегами, с белой православной Русью – голубоглазой и светловолосой, куда не дотянулись встарь тёмные орды Мамаю.

На крутом берегу одиноко возвышалась древняя деревянная церковь. В полукилометре от неё, огородившись почерневшими от времени пряслами, готовилось к холодной ночи старинное поморское село Лявля. Прямоствольные высокие дымы из печных труб сторожили хрустальную тишину. Вот оно, утонувшее в снегах Время! Я, почти что, у цели. Посмотреть чудом сохранившуюся достопримечательность мне посоветовал экскурсовод в Малых Карелах, где собран уникальный музей деревянного зодчества Севера под открытым небом. И рассказал, как сюда добраться.

По пояс в снегу через ложбинку кювета, через сумёты на взгорке поднимаюсь к заброшенному храму. Тороплюсь до наступления темноты осмотреть величаво воспаривший силуэт былого мастерства и духа на фоне приплюснутых крестьянских подворий, полюбоваться резными узорами на кокошниках, запомнить чешуйчатую рябь маковиц куполов покрытых лемехом и, как неожиданно оказалось, обнаружить тайное родство скорбно заколоченных окон с неприкаянностью собственной души. Обхожу вокруг. Нет следов ни человека, ни зверя. С восточной стороны, где порушен алтарь, в стене торчал кованый квадратный гвоздь с большой шляпкой. Может быть, на нём когда-то висела икона, и она была намолена, но мне ярко представилось вдруг, что точно такие шпили были вбиты в ладони Иисуса Христа...

И первый раз в жизни я неумело, но открыто помолился.

Не из корыстных побуждений унести на память хоть щепочку старины, а запоздалый (без малого в две тысячи лет) слепой порыв - спасти! освободить Христа от мук и страданий! – подтолкнул моё желание вырвать гвоздь из смолистого бревна, будто бы из голгофского креста. Покрытый толстым слоем ржавчины, он не поддавался. Я стал его раскачивать на излом. В месте многократных перегибов железо нагрелось и отломилось, царапнув руку. На горячем стержне появилась кровь. Что это? Кара? Наказание за строптивость или за слишком позднее прозрение? Бог весть...

Перевязав руку носовым платком и упаковав в свежую местную газету дорогой для меня теперь обломок, я вернулся на попутной машине в Архангельск и в ту же ночь первым поездом выехал в Москву. А памятный поморский трофей, на котором запеклось бурое пятно, до сих пор покоится в ящике письменного стола, завёрнутый в ту самую газету, словно в евангельскую плащаницу.



Светлана САВИЦКАЯ

(Москва)

ДВОЙНОЕ СЕРДЦЕБИЕНИЕ

Памяти В. Высоцкого

Вы вроде бы те же, но в сердце озноб,
Что сделали годы? И версты?
Зачем регулярно читать гороскоп,
Коль вы не глядите на звёзды?
И даже свою не прочтёте ладонь,
В неверие прячась нелепо,
Не смотрите в воду и даже в огонь,
Не видите Землю, и Небо!
Вы сонно встаёте, жуя и куря,
Угрюмо спешите на службу.
И в дружбе клянётесь, но вы – не друзья!
Вы даже не верите в дружбу!
Заставит вас к Храму подняться беда,
Заставит креститься с порога
И свечи поставить, но вы, Господа!
Ведь вы же не верите в Бога!
Как дрожь пробегают по струнам года.
И нет исцеленья чудесней!
Но только зачем я пою, Господа?
Ведь вы же не слышите песню!
А в ней о любви я пою вновь и вновь,
Как Феникс, сгорая сурово,
Но только зачем вам слова про любовь,
Ведь вы же не верите в слово!

Двойное сердцебиение

На танцплощадке заброшенной
Два встретились настроения:
Двойное дыхание прошлого,
Двойное сердцебиение.

Ни слова о любви

Ни слова о любви. Оставим всё, как было.
Я принимаю вас, как песенный мотив.
Как в совершенстве сна подаренные крылья.
Я принимаю вас, как милый сердцу стих.

Позвольте лишь украсть без волшебства и магий
Один случайный взгляд, всего один лишь раз.
И грациозный жест оставить на бумаге,
Один лишь тёплый вздох позвольте мне украсть.

Ни слова о любви, вы это не поймёте,
Я в одиночестве уже в который раз.
Сумею удержать мотив в высокой ноте,
Найду свою звезду и помолюсь за вас.

Последний приют

С утра рассвело и стемнело опять,
Как будто зари не бывало.
Деревья прядут из куделей дождя
Коричневых луж покрывала.
И сердце, как прежде готово принять
Обиды и горечь утраты.
Не хочется плакать, а только прощать.
И слов запоздалых не надо.
Лишь только вдыхать бесконечно с утра
Седой аромат умирающих трав...
Смотреть, как деревья уныло прядут
Для скрюченных листьев последний приют.

Розовый рассвет

Какой волшебник небо перекрасил?
Всё – розового цвета, как мечта.
Восход сегодня сказочно прекрасен,
Как будто смотрит с древнего холста.
Я так привыкла к обветшалым тучам,
К дождю и моросливости сырой.
Быть может, оставаться серым лучше.
Зачем ты нынче розовый такой?

Так рассуждала я, ещё не зная,
Что розовый рассвет растает мой,
И купол неба, всё преображая,
Чистейшей поразит голубизной.

Слова недоступности

Дождь льётся без скупости.
Всюду – вода.
Зови – не зови,
Лишь тоска отзывается.
Слова недоступности –
Кубики льда,
В бокале любви
Раствориться пытаются.

Смятение весны

В сугробах вспотевших оторопь.
Откуда тепло взялось?
Небо сегодня до одури
Слезами любви зашлось.

Уверенный солнца лучик
Достал до сердца реки,
И крючковатые сучья
На ивах дали ростки.

Сбиваясь от прозы к рифме
И сразу на белый стих,
Ветер метелью вспыхнул
И снова дождём затих...
А утром на талую воду
Похожий на первый грех,
Таинственный и холодный
Ложился последний снег.

Сожаление

И всё же было сожаленье...
И я, закутываясь в дрожь,
Ища в пустом купе спасенья,
Везла из Ленинграда

дождь...

Везла из Ленинграда сны,
Непонятое вдохновенье,
И не могла уснуть от пенья
Переполюющей луны.
Ища в пустом купе спасенья,
Везла из Ленинграда яд,
Твой долгий восхищенный взгляд
И сожаленье...

сожаленье...



Наталья ЕЛИЗАРОВА

(Омск)

НЕПРИМЕТНАЯ

Сказка

Давным-давно в одном маленьком захудалом городишке на свет появилась девочка. Не родилась, как обычные дети, в муках и страданиях, а именно появилась, ибо мать её, производя ребёнка на свет, не ощутила ничего. Другие женщины корчатся от боли, кричат истошно, а эта и не заметила, как стала матерью. Бывают же такие чудеса... Да и сам ребёнок был каким-то чудным. Другие дети, едва увидев свет божий, орут благим матом, а этот и не пискнул.

Стала девочка подрастать – тихо и неприметно. Бывало, соберётся за столом вся её большая семья, а ей и чашку с ложкой дать забудут. Сядет девочка в уголок, поплачет беззвучно, а потом, когда все выйдут из комнаты, соберёт крошки со стола – тем и сыта. Или отправится её семейство в праздничный день на гуляния, а её ненароком в комнате закроют. Или приедет какой-нибудь дальний родственник в дом погостить, её братьям и сёстрам привезёт подарки: кому куклу, кому мячик, кому крендель с маком, кому обнову, а ей – шиш с маслом. Все веселятся, радуются, а она за дверью стоит, слёзы льёт. И ни одна живая душа этих слёз не видит.

Горько ей было терпеть такое обращение со стороны близких, да что поделаешь... Так уж повелось, что не замечал её никто, будто её и не было вовсе. Как ни старалась она понравиться людям, как ни пыталась им угодить, всё без толку.

Росла девочка, выросла. А вместе с ней росла и её обида на весь род человеческий. И такой огромной вскоре сделалась эта обида, что заполнила всю её душу без остатка. И стала она, как ржавчина, разъедать изнутри свою хозяйку, и стала искать выхода наружу, и рваться из сердца, как пёс цепной, как горный поток через плотину. И однажды прорвалась.

Случилось девушке влюбиться. И не просто влюбиться, а в самого красивого во всей округе юношу, от взгляда которого у женщин дыхание перехватывало и ноги подкашивались. Ей бы кого попроще найти, себе под стать, но разве прикажешь сердцу?..

И стала она по тому парню сохнуть. Куда ни глянет, всюду ей он мерещится: и во сне, и наяву. Истомилась вся, исхудала – прямо в

тень превратилась. А он про её любовь – ни слуху, ни духу. А если и узнал бы, лишь плечами пожал – от пригожих девок отбою нет, надоели до изжоги, а тут такая, что и на секунду глаз не зацепится: ни то, ни сё. Пустое место.

Его равнодушие было для неё пуще смерти. Даже если бы обругал, плюнул в лицо или ударил, ей бы и то слаще было, чем такое отношение.

И стала она, пытаясь обратить на себя внимание, устраивать ему разные каверзы. И были эти каверзы одна другой отвратительней. И полились на красавца грязным потоком клевета и злословие: он и убийца, он и растлитель, он и вор, он и пьяница. И вообще по нему верёвка плачет.

Чем нелепей и чудовищней ложь, тем труднее от неё отмыться. Нашлись те, кто поверил женщине. Красавца схватили и заточили в тюрьму. Судья над участью обвиняемого во всех смертных грехах долго не мудрствовал – и вынес смертный приговор. А через час плотники уже вовсю стучали топорами, сооружая на городской площади виселицу.

Женщина одумалась, поняла, какую беду натворила. Бросилась она в темницу, разыскала судью, начала клясться и божиться, что придумала всё до последнего слова. Нет за красавцем никаких преступлений. Всему виной её злоба и ревность. Но судья только отмахнулся: вынесенный приговор обжалованию не подлежит. Таков закон в этом городе.

Чего только ни делала женщина, чтобы задобрить и разжалобить судью: и с рыданиями в ноги кидалась, и деньги сулила, и всю вину на себя брала, требуя её покарать, а невинного отпустить. Но изменить ничего не смогла: адские шестерёнки в машине смерти уже закрутились, заработали полным ходом.

На следующий день ровно в полдень её любимый публично был повешен.

После казни она подкупила палача и выпросила у него дешевенькое серебряное колечко, принадлежавшее убитому. «Мне не суждено было стать его возлюбленной, так буду же вдовой», – сказала она, надев кольцо на безымянный палец. И, облачившись в чёрные одежды, отправилась прочь из города.

...Долгими и безрадостными были её странствия. Куда бы ни пришла она в поисках приюта – перед ней закрывались все двери. У кого бы что ни попросила – ей везде отказывали. С кем бы ни хотела сблизиться – от неё шарахались, как от чумной. Люди точно чувствовали её демоническую разрушающую силу и старались защитить и уберечь себя.

И им было чего опасаться. Едва её руки прикасались к какому-то предмету, как он превращался в прах: зеркала разбивались, цветы увядали, на картинах тускнели краски. Если пыталась заняться каким-нибудь делом, то все вокруг начинали ссориться и драться, а само дело разваливалось, ещё не успев начаться. Если проникалась к кому-то симпатией, то этот человек тотчас заболел неизвестной болезнью и умирал. Одно только её появление сеяло горе и хаос, одно только её присутствие несло тлен.

Люди презирали и боялись её. Презирали, потому что была слишком неприметной и ничтожной для того, чтобы испытывать к ней ненависть, боялись – потому что от неё невозможно было укрыться. Она появлялась внезапно и уходила, оставляя после себя руины. Люди страшились оглянуться назад и случайно встретиться с ней взглядом. Не зная её имени, они проклинали её. Пустота Дьявола – так называли её люди.

Она была одинока и несчастна. Ей хотелось любить, но любовь её была отравой. Ей хотелось открыть своё сердце, но там жила ядовитая змея, которая жалила любого, к кому она приближалась.

Не в силах больше так жить дальше, пошла она к старой шаманке, жившей высоко в горах, и начала слёзно упрашивать ведунью, чтобы та с помощью каких-нибудь языческих заклинаний обратила на неё внимание людей. «Мне надоело быть пустым местом! – плакала женщина. – Я хочу, чтобы на меня хоть кто-то посмотрел! Мне всё равно, что будут чувствовать окружающие – отвращение или любовь, – лишь бы они заметили меня! Я не хочу больше быть пустотой!» «Знаешь ли ты, о чём просишь? – пристально посмотрела ей в глаза шаманка. – В неприметности твоя сила. Ты хочешь лишиться её?» «Меня отовсюду гонят! Тоска иссушила мою душу! О какой силе ты толкуешь, ведьма?! – закричала женщина, и в горах её голос отозвался эхом. – Я – самый несчастный человек на свете!» «Хорошо, я исполню твоё желание, – отозвалась колдунья. – Ты больше не будешь для людей пустым местом. Но расплата будет очень горькой». Женщина была непреклонной: «Я ничего не боюсь».

Старуха вздохнула, покачала головой, но спорить не стала. Приготовив настой из горных трав, дала его выпить женщине. «Теперь люди увидят тебя», – сказала она.

Женщина, жадно схватив чашу, залпом осушила отвар...

Спустившись к подножию горы, она поспешила к первому попавшему селению. Ей хотелось немедленно испытать силу колдовских чар.

Первыми её увидели пастухи, перегонявшие овец вдоль ручья. Закричав во весь голос, замахав руками, они бросили отару и побежали в посёлок. Женщина засмеялась – её заметили!

Пройдя ещё несколько шагов, она в ужасе застыла на месте: навстречу ей с топорами и вилами бежали жители деревни. Сердце в её груди оборвалось и похолодело. А уже в следующую секунду разъярённая, обезумевшая толпа набросилась на неё и растерзала на куски.

В ту же ночь на крыше одной из сельских хижин загорелась солома, а уже к утру – выгорел дотла весь посёлок. Из жителей деревни не спасся никто: все они сгорели заживо или задохнулись в дыму...

Прошло сто лет.

Как-то ехал по извилистой горной дороге один учёный-математик. Смотрит по сторонам, пейзажем любуется, и вдруг видит – в долине какие-то развалины виднеются: древние, мохом поросшие. Он поинтересовался у проводника, что за селение здесь было раньше. И услышал в ответ легенду о Пустоте Дьявола.

История о неприметной женщине потрясла учёного. Ему захотелось сделать привал и побродить по заброшенному месту, где много лет назад случилась такая трагедия. Проводник не смог отговорить мужчину, и они вместе двинулись к руинам.

Пересохшие колодцы, проросшие сквозь каменный фундамент деревья, остовы стен... И жуткая таинственная тишина кругом. Казалось, даже птицы избегают пролетать мимо.

Проводник, опасливо озираясь по сторонам, торопил продолжить путь. И на этот раз уговаривать учёного не пришлось: ему и самому хотелось поскорее убраться подальше от этого зловещего места.

Вернувшись на горную тропинку, путники приготовились следовать дальше. Но тут внимание учёного снова было отвлечено: прямо у дороги лежали старые истлевшие кости. А рядом с ними, среди травы и камней – проржавевшее кольцо.

Долго не мог учёный отвести взгляда от тончайшего серебряного круга, который манил и притягивал к себе, но так и не решился его поднять.

...Тот математик потом сделал научное открытие: какие бы цифры в арифметическом действии ни умножались на ноль, его решение всегда будет неизменным – ноль. Такова магическая, непостижимая власть и несокрушимая сила этого числа. Ты прикасаешься к пустоте – и сам становишься пустотой. Приближаешься к тому, чего нет – и превращаешься в ничто.

2011 г.



Сергей ДЕНИСЕНКО

(Омск)

**...И ДАВИТ НА ПЛЕЧИ РЕЧЬ,
В КОТОРОЙ ТАК МНОГО РИФМ**

(Пять песен разножанровых)

Моя песня о Родине

(«Огонёк» – 2011)

Эх, наверно, тонка́ кишка:
бьётся, память храня...
На «позицию» матушка
проводила меня.
А годóв – уж полста́ тому:
мол, сынок, ты держись...
А позиция – статная:
под названием «Жизнь».

То молчанье, то выстрелы
по тебе и по мне...
Как же, Господи, выстоять
в этой странной стране,
где всё куплено-продано,
где не надо труда?..
Но страна эта – Родина.
Навсегда, навсегда...

Не несут больше ноженьки
ни туды, ни сюды...
Дураки да дороженьки –
две великих беды.
Ветры дуют холодные,
баржи тянет ко дну...
Это «слуги народные»
раскупают страну.

Не до жиру, ребяташки,
там, где жизни – каюк...
Эх, послать бы «по матушке»
многочисленных слуг,
дураков беспробудочных,
и чтоб больше – ни зги!..
Да вот утречком будничным –
кто ж подаст сапоги?

Просыпаюсь – и чувствую,
что Судьба стала – Рок;
и, как в ложе прокрустово, –
в этот самый сапог,
в тот, в котором всё пройдено
сквозь года, сквозь года...
Но страна эта – Родина.
Навсегда, навсегда...

...Как страна, – песня странная;
кто споёт? – невдомёк...
Но, пока за туманами
видеть мог паренёк
и под бедами-лихами
не сносил он главы, –
пел он песенку тихую,
ту, что слышите вы.

Одинокая песня

Словно птицу, песню отпускаю
в долгий путь без края и границ.
Улетает эта песня в стаю
бесприютных одиноких птиц.

И уже не видно в небе стаи,
звёздные миры её манят...
Улетает песня, улетает
песня одинокая моя.

Я о песне этой вспоминаю,
как о друге, – нежно и с тоской;

может быть, сейчас она витает
над его весёлою судьбой.

Может быть, сейчас она таится
в тех мирах, где нету никого,
и звучит для Маленького Принца
на планете крохотной его.

...Голос мой за горизонтом тает,
Слёзы расставанья не тая...
Улетает песня, улетает
Песня одинокая моя...

Частушечки «отборные»

Хорошо, скажу я вам,
крепкий кофе по утрам!..
Впрочем, мысль – довольно кúца...
Хорошо – во(о)бще проснуться!

Мы сегодня встали рано,
потому что – ветераны.
Мы – крепки, сильны и стойки, –
«ветераны Перестройки».

Ой, кали́на, ой, мали́на!
Если волк, не взявши в толк,
выпустил Указ козлиный, –
то козёл он, а не волк!

Ой, что сделали с народом,
белый свет уже не мил!..
Я бы с главным «кукловодом»
тет-а-тет поговорил!

Если жизнь страшней кошмаров
с каждым днём и часом, –
значит, много Дуремаров
рядом с Карабасом.

Я к бумажному змею́
«тыщу» прицеплю свою;

пусть летит он выше, мля,
чтоб видно было из Кремля!

Если где-то много «тыщ», –
значит, рядом кто-то нищ.
Вон она, тоща и хмура –
эх! – российская Культура.

Фраза сделана искусно:
«Не люби себя в искусстве!»...
Но позвольте мне спросить:
а кого ж тогда любить?..

Песенка про крохотный и смешной кораблик

Корабль предо мною встал –
и крохотный, и смешной,
но я почему-то знал,
что этот кораблик – мой.

Я весел был, молод, смел,
и мир мне казался мал,
и я на кораблик сел,
и я капитаном стал,

я крепко штурвал схватил,
я точно направил свет...
О, как я отважно плыл
в течение многих лет!

К стихам попадал я в плен,
свой голос делил на всех,
я был на подмостках сцен,
и даже имел успех.

Дни – как за строкой строка,
как кадры бегут в кино...
И стало перо в руках
привычным уже давно...

Но странный момент настал:
вдруг вижу – уныл рассвет;

и что-то дрожит штурвал;
и мне уже много лет,

В душе, как мираж, дрожит,
из детских ещё времён...
Тот сон назывался – «жизнь»,
иль жизнь называлась – «сон».

даёт мой кораблик течь,
поскольку на рифе риф,
и давит на плечи речь,
в которой так много рифм.

Как будто попал я в круг,
по кругу мне век кружить...
Уходят за другом друг,
а я продолжаю плыть.

Уже не вперёд, а вниз
смотрю под кукушек счёт...
И слышу приказ: «Держись!
Ведь всё впереди ещё!...».

О, кем же приказ мне дан?
На берег смотрю без сил, –
Там старший мой сын – Иван,
и Павел – мой младший сын.

И я им кричу: «Ура!»,
и я им машу рукой.
...И снова плывёт корабль –
и крохотный, и смешной.

Ноктюрн весны

1.

Оставленная долгими морозами,
хрустальная разбилась тишина,
и вот уже проснулся лес берёзовый,
а это значит, что пришла весна.

Рассветным солнцем ласково окрашенный,
нежнее цвета самых алых роз, –
стекает сок по чёрно-белым клавишам
весенних растревоженных берёз.

2.

Во взгляде – непонятное смятение,
я прохожу по лесу не спеша...
Прильну к стволу берёзы на мгновение –
и с небом вдруг сливается душа,

и слышу вдруг божественное слово я,
и, душу мою трогая до слёз,
плывёт печально-нежная мелодия
по чёрно-белым клавишам берёз.

3.

О, Небо, дай мне силы, дай мне мудрости
Судьбе ответить на любой вопрос!..
Звучит во мне, не отпускает Музыка,
печальная, как слёзы у берёз.

Стекают слёзы...
Чьи они, не Ваши ли?
Цветёт подснежник, трепетен и юн...
Проходит жизнь...
На чёрно-белых клавишах
рождается задумчивый ноктюрн.



Евгений АСТАШКИН

(Омск)

ОТДАЧА

Повесть

*«Благодарность – долг;
всякий честный человек
плотит свои долги...
но любовь – не деньги...»*

И.С.Тургенев

1.

Когда на очередной остановке сноровистые парни с кирпично-непробиваемыми лицами блокируют двери автобуса, не выпуская никого наружу, всегда по телу невольно пробегают неприятный холодок. Хотя билет у тебя в руке, но стеганёт подспудно: вдруг там какая-то циферка не понравится контролёрам и они принародно с биндюжной галантностью выволокут тебя на улицу – разбираться. А там наготове «ПАЗик» с синей милицейской полосой вдоль всего корпуса. Вот и на сей раз, когда намеревавшиеся сходить на очередной остановке вдруг нескладно спрессовались у раскрытых дверей, а навстречу им ломанулись в салон дюжие парни с непременными гербовыми книжками и голосами форсированной громкости, Артём Курганцев суеверно взглянул на свой билетик – нет, не выронил, как однажды было. Раз даже машинально скатал его в шарик и бросил под ноги, а потом опомнился и ещё пять остановок до дома опасался, как бы не пришлось доказывать, что ты не двугорбое и даже не одногорбое вьючное.

Курганцев покосился в сторону пробивавшегося к нему бугая с искательным, заранее неприветливым лицом. Тот, сверившись с дородной кондукторшей, какими цифрами заканчивается её рулончик, обшаривал глазами покорно подставляемые обрывки бумажек или проездные. При проверке почему-то всегда находился хотя бы один безбилетник.

Бугай оттеснил животом оказавшегося «неподсудным» Артёма и стал протараниваться вглубь прохода. Вскоре за спинами раздался его торжествующий в праведном гневе голос:

– Не надо мне подсовывать старый билет! Будем оформлять штраф, гражданочка...

– У меня нет денег, – препирался тонкий девичий голосок со знакомыми бархатными обертонами. Пассажиры с болезненным интересом скосились в сторону застигнутой врасплох: так беспардонно оправдываются лишь безбашенные подростки или «бывшие интеллигентные люди».

– Тогда пройдите со мной в машину!

– Никуда я не пойду. Я мать-одиночка...

Курганцев насторожился: человека не видно за чужими плечами, но голос-то узнаваемый. Неужели Настя?

Он не стал любопытствующе протискиваться в серединку, чтобы убедиться в своём предположении. Всё равно от «зайца» не отстанут, а раз отказывается платить штраф, выведут под белые ручки. Вон за остановкой притулился злобный микроавтобус с синей полосой. Там и будут разбираться. Дюже интересно, что там делают – составляют протокол, обыскивают или скапливают, чтобы отвезти в участок? А потом – на комиссию?..

– Выходите из автобуса! – настаивал контролёр, дав команду водителю открыть двери. Салон тут же стали штурмовать свежие пассажиры.

– Я ещё не получила детское пособие, – давила на жалость задержанная – голосом Насти. Курганцеву уже не нужно было искать её взором, это, конечно же, она. Сколько ей сейчас? Уже под четвертак, а всё ездит на авось, словно какая нерадивая пэтэушница.

– Не задерживайте автобус! – подала голос дородная кондукторша с измученным лицом. – Из-за таких нас лишают премии. Работать надо! Мне шестьдесят пять, а всё надрываюсь. На одну пенсию не больно разбежишься...

Стали прорезаться и возмущённые голоса торопящихся пассажиров. При других обстоятельствах Курганцев купил бы Насте билет и даже заплатил бы штраф, но после того, как он во второй раз по её милости остался у разбитого корыта, на душе у него не шевельнулось никакого сочувствия. Ни малейшего. Он только успел разглядеть в окно, что Настя стоит позади дежурного автобуса и вовсе не собирается в него заходить – с видом поправленной справедливости вполне невинно хлопает ресницами, что-то доказывая неотвязному контролёру. Она в том же примелькавшемся бежевом платье. За всё это время не справила себе никакой обновы. Что-то больше никто не спешит её наряжать, только он распинался перед ней.

«Икарус» медленно тронулся, Артём всё поворачивал голову, следя, как оправдательно ходят девичьи губки, как правдоподобно играет мимика на округлом чистом личике его бывшей пассии. Глаза невозмутимо заходятся искорками недоумения. Да, она хорошо, на всю оставшуюся жизнь, научила его, как верить таким вот честным глазам.

За окном проносились новые кварталы, а Курганцев безотчётно, незримо для самого себя сгребал в кучу разрозненные куски разбитого некогда целого. Как он изворачивался ради неё! Готов был отдать последнее. С первой же минуты она возымела над ним непонятную власть.

В самую начальную пору знакомства с ней жутким морозным утром неожиданно разглядел Настю в сумрачном салоне остановившейся маршрутки с густо заиндевевшими непроглядными стёклами. В полупустом салоне она сидела почему-то не на удобном среднем месте, а в тряском конце. Шестнадцатилетка жалась от стужи в жалкой демисезонной продувайке, в разрезе ворота – тощая голая шея. В таком виде выходить из дома на тридцатиградусную стужу – почти самоубийство. Тогда у неё ещё не было этого злосчастного гепатита. Напротив Насти сидела в тёплом пальто ухоженная дамочка лет тридцати с довеском. На людях полубовники старались «шифроваться» – не подавать вида, что тесно связаны общением.

Артём не выдержал и коротко, проглатывая звуки, спросил:

– Куда?

– К тётке, – ответила озябшая малолетка.

– В таком виде?

Настя, как всегда, равнодушно пожала сжавшимися плечиками. Его руки сами стали расстёгивать замок пуховика и вытягивать наружу тёплый шарф. Молча подал ей тряпицу, – хотя бы это.

– А как же вы?..

– Да я в центр ненадолго, – успокаивающе отмахнулся он, хотя дел было на целый день – и всё уличных.

Дамочка с неподдельным вниманием оглядела тщедушную девчонку, потом перевела заметно оживившийся взгляд на него, сразу их «расшифровав». У неё был нескрываемо заинтригованный вид: сели в маршрутку не вместе, вроде бы никто никого не знает – и вдруг такие жесты. Но следующей фразой Настя, наверное, вообще добила невольную свидетельницу, которая, вполне возможно, сама не могла козырнуть устроенностью личной жизни. Соплюшка в открытую, не приглушая голоса, произнесла, глядя на него:

– Я приду сегодня вечером...

Артём поёжился – могла бы прийти и без объявления. Зачем так открыто афишировать? Потом самоубаюкивающе предположил: этим она давала понять, что благодарна ему, и для неё подчёркивать особые отношения с человеком, отменяя неприлично большую разницу в возрасте, вовсе не зазорно. Её нечаянная, в угоду минутной ситуации выходка напоминала браваду: пусть кто как хочет, так и воспринимает это. Кому какое дело?..

Она так и не вернула ему тот шарф. И вообще непонятно, куда она девала все его подарки? Придёт в холод без беретки, он даст ей свою спортивную шапочку, которую можно носить любому – на ней

не написано, что мужская. Но потом ни разу не видел на ней чего-то из его рук. То ли считала те тряпки немодными и отдавала своим родственникам, то ли променивала на бутылку пива, без которого, как он убедился, жизни не представляла.

Недавно видел её крохотулю Алёнку. Ей уже годика четыре, если не больше. Шёл из магазина, а она топала ножками по кочкам впереди него, отстав от вечно пьяного Настиного отчима. Тот с недельной щетиной на чумазой физиономии пьяно перекачивался, бредя в сторону дома, и не обращал внимания на выбивающуюся из сил внучку. Даже ни разу не оглянулся. Хоть бы купил ей какую конфетку. У девочки не было в руках никакой игрушки. Правда, красное платьишко чистенькое. А мама где? Пьёт пиво с подружками или с очередным «подругом»? Особо нигде не работает, только стоит иногда за прилавком. Любит людные, проходные места – можно себя чуток продемонстрировать, авось, клюнет богатенький Буратино. Но больше одного-двух месяцев в бутиках не держится. В основном, подменяет кого-нибудь. Везде требуются документы частного предпринимателя, а откуда они у неё? Чаше стоит за уличным лотком с безделушками – «всё по десять». Но зимой тоже не будешь мёрзнуть. А больше где ты нужна со своими «тремя классами и двумя коридорами»?..

Опять почему-то вспомнилось, как она с малолетства обводила его вокруг пальца. Неожиданно придёт среди недели без приглашения, – обычно заранее улавливался, когда её ждать. Он скривится – опять доставай из кармана денежку; сам в то время едва перебивался. Тем более, как он потом понял, она не чуралась ходового принципа, выраженного «петросмешкой» телевизионного ведущего ежевечерних нескончаемых юморин – «Халява, сэр!..» Заявится и тараторит, что срочно понадобилась микстура от температуры, но по самой не видно, что ей нездоровится. Скорее всего, надо выпыганить на пиво – он её не раз и не два видел на остановке с запрокидываемой вверх пивной баночкой. Говорит, чтобы не чувствовать себя дураком: «Только я сам куплю твою микстуру. Где аптека?» Он в то время ещё не знал, где поблизости продают медпрепараты. «Вон там» – она неопределённо взмахнёт рукой. Идут по улице, перешли перекрёсток. Чувствуется, что Настя сама не знает, куда идти – надеется, что ему надоест попусту терять время и он просто даст ей двадцатку. Но вот навстречу идёт чёткой, почти строевой походкой выпрямленная женщина с папкой подмышкой. Настя заметно тушует, озирается, словно ища подворотню. Потом, когда цоканье женских туфель затихает вдали, облегчённо и чуть конфузливо выдыхает:

– Фу-у!.. Наша инспекторша из детской комнаты милиции...

Не исключено, что имела с ней контакты, может быть, даже состояла на учёте в инспекции. Школу бросила и расхаживает со взрослым ухажёром.

Возле высокого крыльца двухэтажного магазина, что близ почты, нерешительно останавливается:

– Вот здесь. Давайте, я сама...

Артём недоверчиво говорит:

– Я один раз заходил сюда, что-то не видел там аптечного киоска...

– Там есть. Недавно открыли. Давайте я сама, а вы идите домой, я потом приду...

Как будто давала понять, что ей неудобно заходить в магазин вместе с солидным чужим дядей. Ну, раз такое дело, то на тебе твою двадцатку. Не такие уж большие деньги...

Спустя пару дней он, идя с почты, где отправлял бандероль своей дочке, по пути всё-таки заглянул в тот магазин. Обошёл все отделы и, конечно же, не обнаружил никакого аптечного киоска. Не поленился поспросить у одной здешней продавщицы. А та: «Да у нас сроду такого отдела не было!...»

И вот теперь её высадили, как безбилетницу. До скольких лет собирается «зайцевать»? По рассказам Насти он знал то, о чём вряд ли догадываются контролёры. Она с подружками всегда прятала в носок полтинничек. Высадят, станут обыскивать – а у них пусто в карманах. Так и отпускают. Вот и на этот раз – пошумят, проверят карманы и, скорее всего, пошлют куда подальше, не догадываясь о заначке в носке...

После того, как Настя выписалась из инфекционной больницы, он думал, что их отношения исчерпаны. Но всё повернулось так, что не по своей воле он самоотрешённо попытался «дважды войти в одну и ту же реку», хотя прекрасно знал, чем это заканчивается...

2.

...Она заявила как ни в чём не бывало, словно пролетело два дня, а не два года. Неожиданно промелодировал дверной звонок. Когда отодвигаешь засов высокой калитки из оцинкованного листа, каждый раз гадаешь: кто это там? Вроде бы никого не звали. Сестра ходит к ним через общий огород. Почтальон является с материнской пенсией строго по третьим числам. Но сегодня Х – Х, как написали бы в клетке почтового или какого другого бланка. Десятое октября. Ещё время от времени ходят проверять счётчики. Недавно заставили поставить новый, электронный. Главный «прихватизатор», а теперь энергетик Чубайс утешал, что они более точные и помогут сэкономить наши гроши – какая трогательная забота о чужом кошельке! А на самом деле новая машинка накручивает цифры гораздо проворнее. Киловатты стали более шустрыми.

Настя была в той же узнаваемой демисезонной курточке. Никаких оправдательных ноток в голосе, да и произнесла она одно

единственное слово – обычное здоровканье. Взгляд совершенно не замутнён борением комплексов.

Ему ничего не оставалось делать, как пропустить её во двор. Верная дворняга сразу узнала гостью, вытянулась ввысь, затанцевала на свежей пороше задними лапами, передними упёршись в её тщедушные плечи и при этом поскуливая самым предательским образом. Так и хозяевам не радуется, разве лишь после долгой разлуки. Настя покачнулась, уворачиваясь от ненужных нежностей, – фу! фу! – но дворняга успела лизнуть её в щеку. Артём до самой двери оттеснял от гостьи прилипчивого четвероногого сторожа.

Мать неодобрительным взглядом проводила гостью, когда Артём заводил её в свою комнату. Он гадал, как же Настя будет объясняться? Он тогда всё-таки продал икону и купил ей дефицитное лекарство. Шуму, конечно, в доме было много; глазастая Оксана сразу догадалась, по какой причине со стены исчез наследственный раритет. После больницы Настя не вспоминала о своём спонсоре. Это его устраивало: если расстались, то лучше нигде не пересекаться и не создавать двусмысленных положений. С другой же стороны, его иногда посещало чувство, какое испытываешь, увидев пронёсшуюся против движения машину. Со дня выписки прошло два месяца, три, четыре, а Настя и не пыталась напомнить о себе хотя бы приветом. На улице она ему не попадалась, справок о ней принципиально не навёл. Да и Машка перестала заглядывать, чтобы разжиться провизией или выцыганить на сигареты. Стало быть, не нуждаются в нём. Неужели у них нашёлся новый спонсор?

А летом опять начались странные звонки. Названивали с уличного автомата от общежития, в трубке сквозь посторонний шум были слышны незнакомые девичьи голоса – очевидно, Настиных подруг; иногда различались смешливые сторонние подкаски, что «втирать в уши» великовозрастному дяде. Артём пытался вежливо отвязаться от набивавшихся в гости, но девчата продолжали нести всякую околесицу. Иногда трубку выхватывал какой-нибудь подросток и ломающимся неуверенным голосом произносил: «Девушки просят, соглашайся!..» Артём начинал злиться, и вдруг однажды в трубке раздался бархатный с прозвенью голос Насти – мягко выражаясь, не совсем трезвый. Она оговорила, назвав его на «ты», как ровесника, и тут же умолкла, словно журила, что он отказывается иметь с ней дело. Стало ясно, что это с её подачи разыгрался нескончаемый телефонный терроризм.

В отсутствии Артёма трубку брала его мать, и ей иногда доставалась щедрая порция хамоватых фраз с явными потугами на остроумие. Она, невольно коверкая, повторяла Артёму непонятный ей молодёжный сленг; он мог бы перевести это на человеческий язык, но избегал, чтобы не усугублять её мнительность. При нём мать пару раз, не выбирая выражений, выругала незримых подростков, и тогда

Артём посоветовал ей на время отключить телефон. Так и сделали. Включали телефон только тогда, когда самим надо было куда-нибудь позвонить. Артём поклялся, что больше ни куска не даст попрошайкам – пусть хоть с голоду умирают. Один раз дашь – потом на голову сядут. А в Насе он совсем разочаровался – она сама прошла каблуками по его чувствам. Он даже удивлялся, как мог так вляпаться? Связался с какой-то бессердечной пустышкой...

Тактика сработала – телефонное хулиганство прекратилось. Правда, за это время Артём успел обзавестись друзьями, и они не могли дозвониться до него. При встрече выясняли причину этого, а некоторые даже обижались, посчитав, что от них стараются отвязаться. На «пяточке» ему подсказали, что в городе есть клуб коллекционеров. В Доме учителя по выходным собирались нумизматы, филателисты, книжники и даже художники, которые расставляли на окнах свои картины. Приходила масса людей, в полдень было не протолкнуться. Делали покупки, обменивались, заводили нужные знакомства. Курганцев почувствовал здесь себя в родной стихии. Теперь он не пропускал ни одного выходного – как магнитом тянуло, не мог дождаться конца недели. Здесь можно было сбывать и рамочки; стали скапливаться заказы. Что ж он раньше не знал об этом месте?..

Артём сразу сдружился с одним ровесником – Никитой Аржавиным, который выискивал книжные раритеты. Он как-то пригласил Артёма к себе – щегольнуть своей домашней библиотекой. Артём сначала считал: ну, что особенного, увижу полки с книгами. А когда попал к нему в квартиру, ахнул: всё мыслимое пространство в трёхкомнатной квартире, за исключением, пожалуй, крохотной материной спальни, занято книгами. Стеллажи до самого потолка, книги даже под койками и в углах высокими стопками. Причём, некоторые стеллажи заставлены журналами «Новый мир», «Иностранная литература», «Наука и жизнь», «Книжное обозрение» – полные комплекты лет за десять. О какой бы редкой книге не спросил Артём, ему её сразу вытаскивали из укромного места. У друга не было ни одной гламурной книги, что враз заполнили все магазинные витрины в перестроечное время. Ни одного современного боевика, киноромана или детектива. «Мусор не держим!» Зато – «Литературные памятники», собрания сочинений Ивана Ильина, Василия Розанова, Николая Бердяева, Ключевского. Современные исследователи мировой истории, мемуары видных военачальников, деятелей искусства, политиков и даже международных авантюристов, наподобие Казановы.

Артём поинтересовался альбомами живописи, и Никита молча распахнул нижние дверцы серванта. Там прятались от света неподъёмные фолианты из разных стран. Именные альбомы и собрания известных галерей: Парижа, Нью-Йорка, Лондона, Ватикана,

Дрездена. Бросился в глаза футлярный том Ильи Глазунова, обожавшего изображать наших генсеков. Обрез альбома Александра Рекуненко был покрыт сусальным золотом – боязно листать. Никита продемонстрировал и курьёз – альбом порнографического венгерского художника XIX века Михаила Зичи, не менее трёхсот полотен с фривольными сценами. Оказывается, были и такие «мастера».

Любую из своих книг Никита без всякой жалости давал почитать, можно было её держать хоть год. Иногда Артём набирал целую сумку книг, но на лице друга ни разу не уловил и тени опаски. Каждый месяц Никита делал обязательный обход всех книжных лавок и оставлял там ползарплаты. Поэтому у него были все значимые новинки.

С другим ровесником Артём познакомился на «пяточке» художников. Процветающий менеджер Иван Ознобишин оказался земляком, хотя переехал сюда гораздо раньше. У него была своя небольшая фирма по установке пластиковых окон. Догадался начать в этом направлении одним из первых и теперь умело противостоял нарастающей конкуренции. Раньше можно было не печалиться о заказах, а теперь приходилось буквально за фалды ловить каждого клиента. Иван поинтересовался у Артёма, как у гуманитария, не сможет ли он набросать ему подробный рекламный проспект, желательно с художественным уклоном. Менеджер сразу посулил пятисотку за десяток страниц текста.

Решили обговорить подробности не на улице. Иван заскочил к Артёму домой, имея при себе дорогой кожаный саквояжик на защёлках, с которым никогда не расставался. Он начал с порога:

– Мне приходится между делом развозить рекламные листки по всему городу. Оставляю их в людных местах: в магазинах, библиотеках, на столиках уличных торговцев. Расклеиваю на столбах и на остановках, правда, их через неделю заклеивают другими бумажками. А теперь мне нужен приличный цветной проспект для тех, кто приходит в офис. Я его отпечатаю на высшем уровне в самой хорошей типографии.

Иван передал своими словами, что он хотел бы видеть в проспекте: как он начинал свой бизнес, какое место в нём занимает и как отличить хороших мастеров от нерадивых, чтобы окна не перекашивались, легко открывались и долго служили.

Артём решил подать материал с юмором. Даже придумал в виде ненавязчивых иллюстраций карикатурных человечков – установщиков окон. Когда через неделю Иван ознакомился с готовым и даже проиллюстрированным текстом, на что и не рассчитывал, он не смог скрыть восхищения:

– Вот это да! В самую точку! Даже не ожидал. У тебя прирождённый талант.

Он от души посмеялся над карикатурами и вместо пятисотки протянул Артёму целую тысячу. Перед уходом сказал:

– Взял бы тебя замерщиком окон, но это слишком мелко для тебя. Ты ещё пробьёшься здесь со своей головой. Я ведь тоже здесь никого не знал, а всё-таки нашёл свою жилу...

Надёжных друзей не каждый день встретишь, тем более в таком возрасте. Они теперь заходили к Артёму в гости, названивали. Поэтому ему пришлось потом путано объясняться, почему он надолго отключал телефон.

Отношения же с городскими принцессами близкого возраста у Артёма упорно не складывались. Книжный червь Никита, у которого была схожая жизненная ситуация, вообще не комплексовал по этому поводу:

– Я давно уже махнул рукой. Знаю массу людей, которых даже под пистолетом не заставишь по второму кругу начинать семейную сагу. Лучше съедят «перед ЗАГСом свой паспорт». Современных дамочек интересуют только наша кредитоспособность и чтобы «манны-маны» никогда не кончались. Совершенно бесполезно уповать на современных вумен: если они при знакомстве в течение десяти, ну пусть пятнадцати секунд не выяснят твоё материальное положение, их просто начинает колотить...

Друг советовал выбросить всё из головы и жить лишь для себя и увлечений. Со своей бывшей благоверной он не поддерживал ни малейших контактов, так как она всегда считала: когда разные хобби не приносят дохода, это блажь, если не шизофрения. Никита с чисто городской дотошностью установил определённое расписание: раз в месяц принимать визит собственного сына, недавно закончившего школу. Этот ритуал был незыблемым, в этот день он откладывал все срочные дела. Правда, Артёму такое благолепное подчинение жизни ежедневнику трудно было понять: если бы его Викуля жила рядом, вряд ли бы он стал календарить их отношения.

Артём с трудом уговорил книголюба составить ему кампанию: сходить в заводской Дворец культуры, на фасаде которого давно мозолила глаза афиша с зазывной надписью «Вечера для тех, кому за 30». Он как-то в автобусе услышал разговор двух мужиков, похваливавшихся, что после каждых тамошних танцулек ведут домой очередную дамочку, стараясь никогда не повторяться.

В ближайшее воскресенье друзья стали частью публики гомонящего танцевального зала авиационного Дворца культуры. Он был единственным в городе, где проводились подобные вечера. Вдоль стен выстроились матроны преимущественно пенсионного возраста с дымчато-фиолетовыми завивками, удачнее всего маскирующими седину. Ближе к эстрадке, на которой за аппаратурой восседал диск-жокей, жеребцово избавлялась от излишков энергии довольно-таки приличная куча-мала подростков, едва ли перешагнувших порог

совершеннолетия. Они-то что здесь потеряли? Видимо, рядом живут, – надо же где-то тусоваться, тем более что музыка гремит вполне современная.

Артёма интересовали женщины, для которых, если уместно будет придерживаться медицинской терминологии, ещё не закончился «репродуктивный период». Его поиск был сужен в промежутке от тридцати пяти до тридцати восьми лет. Если заводить новую семью, то её спясть может только общий «киндерсюрприз». Этих крамольных дум он вслух не высказывал, памятую тютчевское «Мысль изречённая есть ложь». Только заикнись о потомстве, сразу обступят опровергатели: «Зачем тебе это в таком возрасте? Ты их прокормишь?» Все лучше его самого знали, что ему надо. А он просто не нанячился в своё время. Это прошло мимо него.

Оглядев собравшихся соискательниц личного счастья, Артём убедился, что его мерила здесь не работают: женщины или слишком молоды или обременены годами. В противоположном конце зала он разглядел лесенку, ведущую на второй этаж. Там был буфет, как он догадался по дамочкам, спускающимся оттуда уже навеселе с баночкой пива в руке. Принимали для храбрости и раскованности.

Неожиданно вниманием Артёма завладела зазноба его «параметров», успевшая сильно поднять себе настроение в буфете. Она развязно преградила ему путь:

– Ого, не ожидала вас здесь встретить! Вы вчера составили бумагу, что в моём отделе нет кассового аппарата. Я только недавно открылась, не успела ещё с аппаратом. Может, мы как-нибудь иначе попробуем уладить это дело? Представляю, какой меня ждёт штраф!..

Дамочка явно приняла его за ревизора. Другой бы на его месте воспользовался этой ситуацией и, что называется, «взял натурой», но Артёму надоело размениваться по мелочам. Притом он был не один, и вечер только начинался. Он сказал ожидавшей своей участи дамочке:

– Вы меня с кем-то перепутали.

Она недоверчиво расширила небрежно накрашенные глаза:

– Разве?

Видимо, впрямь кого-то сильно напоминал.

В это время Никита нацелился сквозь старомодные роговые очки на яркую девицу лет двадцати пяти, стоявшую у колонны. Зазвучал медленный танец, и он молча направился в её сторону. «Нашёл себе ровесницу! – мысленно откомментировал Артём его выбор. – Губа не дура...» Никита что-то сказал сексапильной девице, та небрежно ответила, но не сдвинулась с места. Танцевать она явно не собиралась. Никита ни с чем вернулся к другу и удивлённо выдохнул:

– Вот это фокус!..

– Отказала?

– Да нет. Заявила: я здесь на работе. Танец – полтинник, ночь – восемьсот...

Артём не знал, что и сказать. Если кто-то «снимается» за твёрдую валюту, это вполне укладывается в рамки современной морали; но чтобы платить за танец... Это настолько оглушило приятелей, что они решили понаблюдать за девицей: как она будет себя вести?

К ней подошёл молодой парень, они о чем-то поговорили и вскоре присоединились к танцующим. Когда танец закончился, парень проводил девицу на место. Они опять стали о чём-то разговаривать. Потом парень попытался уйти, но его уже окружили «желторотики» – их тех, тусующихся. Стали что-то доказывать ему, он попытался вырваться, но его схватили за руки и поволокли в сторону туалета. Ежу ясно, что парень отказался выкладывать полтинник за танец, и ему сейчас будут предъявлять санкции – преимущественно в виде тумачков. Значит, подростки не только тусуются среди перестарков, но и совмещают приятное с полезным – «крышуют».

Артём с Никитой, перекинувшись взглядом, направились к разошедшимся парням. Настигнув их, они с нарочитой строгостью спросили:

– Что здесь происходит?

Те сразу отпустили «халявщика» и недовольно отправились на своё место.

В следующий раз Артём поехал во Дворец в одиночестве – Никита наотрез отказался «тратить время неизвестно на что». Всё те же дымчатые пенсионерки вдоль ближней стены и кучка молодёжи у эстрады. Музыка гремела безостановочно, ни малейших пауз на передышку; танго мгновенно сменялось быстрым танцем или вальсом. Децибелы рвали перепонки.

Артём примостился у колонны. Недалеко от него какая-то авангардная парочка, желая всех шокировать, стала изображать сексуальный танец под подчёркнуто однообразное «тун-тун» француженки In-Grid. Парень был тощий, словно циркуль, спутница – в полтора обхвата. Они ритмично изображали добрую половину «Кама-Сутры», правда, соблюдая некоторый зазор. Особенно отталкивающе выглядело, когда тридцатилетняя девица пыталась согнуться буквой «Г», а долговяз брался сзади за её расплывшиеся бока. Они, видимо, рассчитывали привлечь к себе всеобщее внимание и завести публику. Ожидали, что кое-кто из молодёжи последует их примеру, но вокруг имитаторов образовался какой-то санитарный промежуток. Другие танцоры держались от них подальше, словно опасались подцепить бацилл.

Никто не делал замечаний разошедшейся парочке. Неожиданно на Артёма накатил такой прилив отвращения (лучше подобное смотреть на DVD), что он быстро перешёл на другую сторону зала,

чтобы не видеть сомнительно вихлявших чресл горе-танцоров, явно не тянувших на роль местных секс-символов. Но и здесь ему не было спасения. Кто-то сзади шумно открыл баночку пива, и он затылком ощутил щедрые брызги. Это уже было сверх его сил. Резко развернулся, ища глазами хама. Если он мужского пола, вмазать его в стену. Но у стены стояли какие-то мужики и избегали его взгляда. В руках у них не было никакого пива. Врежешь, да не тому. А потом небо в клеточку покажется. Артём резко направился к выходу, чтобы навсегда забыть сюда дорогу. Такая огромная страна – и не найти места, где можно безопасно отдохнуть, чтобы обошлось без обязательного опоросячивания...

3.

А тут неожиданно пришла телеграмма от бывшей жены Анжелики. Она вместе с Викой проездом хочет заехать к Артёму на пару дней. Мать и сестра Артёма встретили эту весть буквально в штаны.

– Ты, конечно, можешь пригласить Анжелику, – сказала мать, – но я на это время уйду к Оксане.

А сестра, как обычно, была окружена крепко сросшейся с ней бронёй безмерной категоричности:

– Я Анжелику вообще не хочу видеть в нашем доме!

– Причём здесь Анжелика? – горячился Артём, не ожидавший такой реакции. – Я дочку не видел столько лет, а вы... Одна она всё равно не приедет. Да и с пересадкой ездить опасно – мало ли чего в дороге случается...

Но родственников было не унять:

– Столько тебе гадостей сделала Анжелика, а ты её принимаешь...

На счёт этого трудно было спорить. Не так давно он в ответ на просьбу дочки найти на дисках интересующих её рок-исполнителей выслал ей на день рождения посылочку с теми редкими записями; их ему удалось найти лишь в клубе коллекционеров, и пластиковые боксы, само собой, были слегка поцарапанными. В ответ на это от Анжелики пришло такое уничижительное письмо, что он не верил строкам. Она чёрным по белому писала, чтобы он больше не присылал таких нищенских подарков, «не позорился».

Время от времени она также требовала увеличить сумму алиментов. С этим делом вообще получилось оригинально. Когда он переехал на новое место, сразу пошёл к судебному исполнителю своего округа, чтобы узнать, какую сумму должен платить безработный алиментщик, чтобы у него не скапливалась задолженность. Как раз был разгар перестроечной вакханалии, судебные приставы переезжали в новое здание, у них не было бумаги

и конвертов для переписки, а тем более средств делать запросы в другую республику, ставшую отдельным государством. Письма или не доходили или на них не отвечали. Говорили даже, что на границе с тем государством зоны «среднеазиатского подбрюшья» находили выброшенные прямо в поле почтовые мешки с корреспонденцией. Судебный пристав пожевал губами, что-то соображая, и назвал Артёму сумму в 200 рублей. Потом посоветовал самому написать в тот город, откуда он приехал, чтобы выслали его исполнительный лист. Естественно, никто не ответил на такой самостийный запрос, и Артём каждый месяц сам пересылал деньги для дочери.

Кое-как уговорил Артём родных не устраивать никаких демаршей. Потерпят. Пусть Анжелика с дочкой погостит несколько дней, а когда Вика повзрослеет, сама будет приезжать – без сопровождающих.

На перроне поезд как по заказу остановился нужным вагоном рядом с Курганцевым. Проводник чутунно клацнул дверью тамбура и сошёл по ступенькам на солнцепёк. Артём во все глаза глядел на выходявших пассажиров: узнает ли дочку? Она почему-то не присылала своих последних фотографий, сколько он ни просил. У него были только её детские и отроческие снимки.

Первой Артём увидел несколько не увядшую Анжелику. Она без всяких эмоций твёрдым шагом зацокала в его сторону. Он искательно посмотрел за её спину и вдруг наткнулся на стальной взгляд серых глаз. На него пристально смотрела худошавая девушка, держа метровую дистанцию за матерью. «Взгляд как у тётки», – промелькнуло в его голове. Милая тётка насильно награждала своих зятьёв статусом батраков. По-другому в её понимании и быть не могло. Или так – или «развод по-итальянски». В общем-то, не без её мощного участия тем и закончилось в конце концов.

Артём, коротко пожав протянутую руку бывшей жены, обошёл её и обнял дочку; её руки тоже порывисто прижались ладонями к его бокам. Взгляд у Вики помягчел, но всё равно оставался пытливым и не улыбочивым. «Узнаю свою породу!» – обрадовался Артём. По письмам он убеждался, что дочка растёт вдумчивой – ни малейшего легкомыслия. И интересы у них общие. Он даже чувствовал, что она будет гораздо умнее его самого. И вот сподобился воочию увидеть собственное создание. Он её с двух лет видел от случая к случаю, а после отъезда только сейчас узрел, когда ей уже шестнадцать. И надо же, какое почтение к нему проявляется во всем её облике!..

Слава богу, он избежал незавидной участи, когда повзрослевшие дети перестают признавать своих предков и даже презирают их. В больших городах это весьма распространено. Один его здешний знакомый развёлся и покинул квартиру, в чём был одет. Он только попросил тринадцатилетнюю дочь сохранить его проигрыватель с коллекцией редких зарубежных грампластинок.

Несколько лет скитался по чужим квартирам и общежитиям, пока не встретил нормальную женщину, которая прописала его на своей жилплощади. Теперь можно было забрать коллекцию пластинок. Ему очень захотелось послушать свой любимый “Black Sabbath”; эта культовая группа уже появилась на компакт-дисках, но знакомый предпочитал виниловый звук. С дочкой всё это время он общался мало, в основном по телефону, хотя алименты платил исправно. Когда он пришёл в свою прежнюю квартиру за оставленными вещами, дочка огорошила его, сказав, что давно выбросила всю эту музыкальную архаику. И смотрела на него непонимающе. Он даже не стал переступать порога, обронив сквозь стиснутые зубы: «Считайте, что меня для вас больше не существует...»

Какому архангелу надо ставить свечку, что подобная участь не постигла Артёма? Его дочка так никогда бы не поступила.

Не успел Артём сообразить, о чём спросить Вику после долгой разлуки, как бывшая жена зачастила в ухо сквозь вокзальный гул:

– Надо купить ей кожаную куртку...

(Накануне в телефонном разговоре бывшая жена намекнула, что неплохо бы купить Вике хорошую кожанку; он сразу же откликнулся: «Без проблем!»).

– Прямо сейчас, что ли? – не выдержал Артём такой неуместной напористости. – Завтра смотаемся на оптовку. А сейчас поедem домой, баня топится, попаритесь с дороги...

Через полчаса езды на автобусе добрались до Артёминого дома. Едва гости вошли внутрь, жена при виде огромного обихоженного зала воскликнула:

– Ничего себе апартаменты! Целое футбольное поле!

И неожиданно с приправленной смешком выведывательностью добавила:

– Пора бросать мужа и перебираться сюда...

Он никак не отреагировал на её «тонкий намёк» – демонстративно пропустил мимо ушей. Лишь подумал: не стесняется при дочке, ведь живёт с кем-то и опять готова предать, только свистни. Но «свистеть» никто не собирается. Всё время с тещиной подачи повторяла ему: «С тобой пропадёшь...» Раз считала его непробивным, пусть так и продолжает. Он-то прочно обосновался в мегаполисе, а она сумела перебраться лишь в какое-то захолустье районного масштаба. Говорят, там даже нет речки, одни степи кругом. Вот только Вику жалко...

Весь день он дожидался момента, чтобы поговорить с дочкой без «цензоров». Спросит о чём-нибудь, но за неё всегда отвечает мама. Выйдет Вика в сад, он – тоже, выждав паузу, но тут же рядом как по мановению волшебной палочки оказывается Анжелика. Опасалась, как бы он чего лишнего не сказал. Так и сторожила.

За столом Вика боялась звякнуть ложкой, ела мало, как воробушек. Но самое обидное – почти не разговаривала и выглядела почти затравленной. Да, выдерживать ежедневную пулемётную трескотню неужённой тещи – это что-то. Надо иметь дубовую непробиваемую кожу. Запросто можно свихнуться. И на лице у дочки ни малейшего румянца. Спросил её об этом, и тут же услышал ответ бывшей жены:

– У неё хороший гемоглобин, мы проверяли...

С утра пораньше Анжелика напомнила Артёму:

– Ты обещал купить куртку.

Словно ловила его на слове – вдруг он откажется.

Втроём поехали на левобережную оптовку. Долго путешествовали среди многочисленных рядов киосков и контейнеров. Примерили фирменную куртку за три тысячи, Анжелика сразу стала торопить его раскошелиться:

– Пойдёт, нормально...

Но он увидел, что куртка впрытык; на следующий год Вика чуть поплотнеет в теле, и рукава окажутся коротковатыми.

– Не будем спешить, надо брать с запасом...

Он попросил у продавца подыскать на размер больше. На сей раз рукава закрывали дочерины кисти до половины.

– Вот теперь как раз...

Едва заплатил, Анжелика выпалила:

– Надо ещё туфли ей на выпускной бал...

– Ну, пойдём искать туфли...

На развале Анжелика сама выбрала не в меру длинноносые туфли на высоком каблуке:

– Давай, меряй...

Вика поморщилась, но примерила туфли, оказавшиеся ей впору. Радости на её лице не замечалось. Артём сразу же отреагировал:

– Пусть посмотрит что-нибудь другое. Она и так высокая, а тут ещё такие каблуки. Неудобно будет ходить, и все носки оттопчут...

– Нет, такая модель сейчас в моде! – «командовала парадом» Анжелика. И без лишних дум стала затискивать обувь в свой пластиковый пакет.

– Она всегда так, – повернулась к нему дочка, словно ища союзника. Наконец-то у неё прорезался голос. Но туфли уже были надёжно упакованы.

Едва вернулись домой, бывшая жена спросила:

– Отсюда далеко автостанция?

– Зачем? – не понял Артём.

– Надо узнать, ходят ли автобусы в нашу сторону. Хотим заехать на родину, там ещё остались наши племянники, проведем...

– Я думал, вы хотя бы с недельку побудете. У дочки появился бы хоть какой-то румянец...

– Нет, надо торопиться. Где тут у вас можно поймать такси, чтобы съездить на автостанцию?

Её уже было не переспорить. Вышли на улицу и пошли наугад в сторону соседней остановки. Рядом с ней стояла частная «Волга» с шашечками на крыше. Анжелика спросила у водителя:

– Сколько будет до автовокзала?

Тот покосился на нерешительно застывшего в отдалении Артёма и отвечал:

– Двадцатка.

– Так дешево? – удивилась она и повторила Артёму. – Всего двадцать рублей. Поехали!..

У Артёма шевельнулось в голове: что-то тут не так. В автобусах в то время проезд был три рубля, а недавно появившиеся в моде маршрутки установили таксу в пятёрку. Но он ещё толком не знал, где они останавливаются.

По дороге Анжелика расспрашивала Артёма обо всех необычных зданиях, попадавшихся на пути. Таксист косился на них с какой-то затаённой мыслью на фальшиво простоватом лице.

Когда подъехали к автостанции, Анжелика клацнула сумочкой в поисках кошелька, и тут водитель, не поворачивая головы, отчётливо произнёс:

– Семьсот рублей.

Анжелика тоном провинившейся школьницы напомнила шкуродёру:

– Вы же говорили двадцать...

– Двадцать рублей за километр, – поправил её тот, всё также не решаясь смотреть им в глаза.

Анжелика убито застыла глазами на Артёме:

– Что делать?..

В своё время на нём оттачивала своё наступательное красноречие, а тут язык проглотила. Артём стал переполняться злостью и на бывшую благоверную и на этого жлоба, решившего самым примитивным образом «развести» их, как последних простодыр.

– Слушай, ты, делавар бледнолицый, – едва сдерживая вспыхнувшую ярость, процедил Курганцев. – Вот тебе сотня и ещё скажи спасибо. Можно было и за пятёрку доехать на маршрутке, если бы «эта» не торопила...

Ему было не до сантиментов: за пару дней Анжелика буквально замордовала его. Та и не думала обижаться на него за такое «чествование» – рада была, что таксист не стал препираться, видно, почувствовал, что и по зубам схлопотать недолго. Артём лишь с виду такой профанистый, а в нужный момент мгновенно преображается.

Междугородние автобусы, оказывается, регулярно делали рейсы в сторону их малой родины, правда, лишь до областного центра, но

оттуда – всего сотня километров, полтора часа езды. Заказали два билета на завтра.

Артём всё-таки улучил момент, когда Анжелика неосторожно задремала на диване в зале. Вышел в сад и увидел Вику, сидевшую на скамье под черешней. Сел рядом с ней и, тщательно выбирая выражения, в двух словах объяснил, почему целый год не писал ей. Она и не догадывалась, что её мама бомбардировала его ехидными письмами, когда его подарок дочери оказывался дешевле тысячи рублей. После таких гадких писем Артём клялся самому себе, что прекратит все контакты. Вика, видимо, чувствовала по домашним разговорам, что такие длинные паузы возникают неспроста, и первая нарушала молчание. Их отношения, постоянно подвергавшиеся такому прессингу, поистине «висели на волоске», но всякий раз каким-то чудом сохранялись. Он бы всего этого не говорил Вике, но надо было как-то объясниться. В письме он не мог даже намёка сделать, знал, что тёща изучала и «комментировала» каждую его букву, а то и полбуквы.

Вика всё это выслушала молча и ни слова не сказала в ответ. Но по её виду он заключил, что она всё поняла правильно. Артём ещё добавил: пусть после школы приезжает сюда поступать в институт...

4.

Настя присела на койку в его комнате, не снимая куртки. Артём машинально спросил:

– Поставить чайник?

– Можно, – охотно согласилась гостья, и он догадался, что бывшую подружку за это время никто не успел избаловать приобщением к гастрономическим изыскам.

Принёс из холодильника всё, что попало под руку, испытывая неловкость перед всевидящей матерью. Пока гостья тонкими пальчиками по-студенчески делала себе бутерброды, он мучительно размышлял, что ей от него понадобилась на этот раз? Прежде всего, он хотел прояснить тот вал идиотских звонков. Пока в этом не разберётся, с ней разговаривать не будет. Хуже всего, если она вздумает отрицать свою причастность.

Принёс горячий чайник, Артём спросил напрямую:

– Что за звоночки ты тогда устроила?

– Не помню, – пожала она плечами.

Он продолжал смотреть на неё прокурорски.

– Наверное, пьяная была, – без обиняков пояснила Настя.

Артёму сразу стало легче. Если бы она увильнула от объяснения, пришлось бы ей напоминать, что не нужно сюда приходить. А раз так, то это ещё полбеды. Всё же интересно, как она жила эти два года. Иногда видел её на улице за прилавком с китайской

однодневной мелочью – кроме торговли ничего не хочет знать. Сама ему не раз говорила, что неплохо бы стать продавцом, хотя он считал эту профессию несерьёзной и советовал ей записаться на компьютерные курсы.

Артёму Настя всегда казалась загадочной потому, что она никогда первой не начинала разговора. Пока не спросишь, ничего не скажет. Если попадёшь в струю, может разговориться. Оживлялась она лишь в обществе сестры. Они с Машкой могли долго по пустякам переговариваться между собой, лишь изредка вспоминая о нём.

– Чем занималась всё это время? – начал «дознание» Артём, чувствуя, что именно так она и воспринимает его любознательность.

– Да так, – неопределённо поджала гостя залоснившиеся губки, на минуту перестав жевать.

– Вечернюю школу не закончила?

– Проучилась год, ещё надо два года. Нет денег на тетради, учебники...

Уважительная причина, подумал Артём, на это можно и подкинуть денег. Не на пиво же...

– На работу нигде не берут, – добавила Настя.

Он надеялся, что у Насти за эти два года поубавилось легкомыслия – надо же как-то выкарабкиваться из ямы.

– А как твой Антон? – продолжил он «допрос с пристрастием».

– Почему «мой»? Я уже давно его не видела...

– Не общаетесь?

– Нет.

– Он хоть работает или всё так же бьёт баклуши?..

– Мне это неинтересно.

Похоже было, что Настя действительно рассталась со своим бой-френдом. По крайней мере, Артём его больше не видел в своих краях.

Настя допила чай, взглянула на часики и сняла с себя куртку, указав Артёму глазами на дверной крючок:

– Закройте!

И стала молча раздеваться, уверенная, что её не остановят. Конечно, раз пустили в дом...

Что-то изменилось в её фигуре за это время. Животик у неё стал выдаваться, как у барышень на старинных картинах фламандцев и им подобных. Те художники никогда не выбирали натурщиц с выдающейся грудью и атлетически поджатым животиком, предпочитая дородность, тяжёлые бёдра и даже бугристость икр. Недаром одного великого испанца современные ироничные газетчики стали при случае величать певцом целлюлита. А у Насти при её худобе раздобревший животик и набухшая грудь выглядели инородно.

Настя примостилась на койке боком, спиной к нему. Что-то новое. Такого раньше не было. Видимо, не хотела, чтобы он почувствовал плотность её преобразившегося животика. Два года прошло, почесал он затылок, вот и фигура изменилась.

Когда она одевалась, Артём, испытывая неловкость, кивнул ей на животик:

– Ты всё-таки проверься...

– Это я так поправилась, – поспешила она успокоить слишком подозрительного любовника, глядя на него ясными янтарными глазами. Потом её глаза приобрели выжидательное выражение.

Он машинально полез в карман за деньгами:

– Вот тебе на учебники.

И вспомнил:

– Скоро тебе исполнится восемнадцать. Я помню – четвёртого декабря...

Она взяла деньги, молча кивнув. Значит, опять будет приходить. Всё возвращается на круги своя. В день рождения придёт с Машкой, а потом и та будет стрелять у него на сигареты...

5.

К Новому году животик у Насти уже заметно арбузился, скоро и мать Артёма заметит это. Вот тогда будет! Но Настя упорно делала невинное лицо.

– Я проверялась, врачи сказали, это опухоль.

– Ладно, посмотрим на твою «опухоль» через девять месяцев...

Артём не переставал удивляться её упрямству: сколько она может морочить ему голову?

Машка возобновила привычку время от времени вызывать его за ворота, чтобы он вынес что-нибудь перекусить или дал на пачку самых дешёвых сигарет. Она курила прямо при нём. Что в ней импонировало, Машка в отличие от старшей сестры, никогда не юлила, если требовался ответ на прямой вопрос. Настя бы ни за что не сказала, с какого возраста пристрастилась к сигаретам, а Машка призналась, что курит с двенадцати лет. Тот факт, что Артём за всю жизнь не выкурил ни одной сигареты, для неё не был аргументом. Она парировала, что молодёжь сейчас другая. Очень трудно найти некурящую, сам знает, не мальчик. Против этого трудно было что-то возразить.

В один из таких моментов, когда Машка явилась стрельнуть у него десятку на сигареты, Артём задержал её за воротами, чтобы выудить истину.

– Что, Настю ветром надуло?..

Она смутилась, но не стала опровергать, всем видом показывая, что он недалёк от истины. Ясно, что старшая сестра наказала ей

особенно не распространяться. Машка даже как-то пожаловалась, что Настя её бьёт. Артём пытался представить: это её-то кулачками?

Он знал, что если настойчиво спрашивать, Машка не сможет скрыть правду. Так, от неё он узнал, что Настя и не думала ходить в вечернюю школу, хотя до сих пор утверждала обратное.

– Мне просто интересно, – посмеивался Артём. – Живот уже лезет на лоб, а она продолжает темнить. Всё равно ведь скоро станет ясно. От кого хоть ребёнок, небось, от Антона?

– Нет, – стала сдаваться Машка.

– От кого тогда?

– Дружила с одним солдатом, – Машка нехотя кивнула в сторону магазина: за ним на противоположной стороне улицы находилась железнодорожная часть – несколько пятиэтажек, окружённых бетонным забором.

– Бросил её?

– Отслужил и уехал к себе в Саратов.

– Знает о её положении?

– Знает. Они иногда перезваниваются.

Что-то неопровержимо указывало на то, что этот солдатик постарается избежать почётной обязанности отцовства. Видимо, здравым умом оценил родню Насти. Она же с восхитительным упорством скрывает от Артёма своё «интересное положение» из опаски, что он испугается и перестанет с ней знаться. А больше кто её удержит на плаву? Не родители же...

Но он недооценил зигзагов мышления своей молоденькой любовницы. Когда её живот стал просто ужасающим (сначала появлялся он, а потом она), Настя, чувствуя себя в постели Артёма довольно комфортно, решила начать с ним объяснение:

– Проверилась у гинеколога. Беременность семь месяцев.

– Кто бы сомневался, – у Артёма повело губы в улыбке: наконец-то создалась.

Но она вкрадчиво добавила:

– Давайте подсчитаем...

Кровь бросилась ему в голову:

– Что подсчитаем? Ты меня совсем за алимофора держишь! То твердила: опухоль, опухоль... То теперь предлагаешь заняться подсчётами, когда мы начали с тобой спать. Я давно знаю, от кого эта «опухоль». Больше так не шути!

Она примолкла, и он добавил для наглядности:

– Сейчас генетическая экспертиза быстро всё определяет. Это раньше было: подержался за ручку, кто-то увидел, подтвердил на суде – и плати потом алименты. Мой двоюродный брат пострадал таким вот смешным образом. Его случайная знакомая сохранила от него любовную записку, а потом заставила платить алименты за чужого ребёнка. Он даже знает, от кого. Тот друг ситцевый сам ему

признался: не мог я же всё добровольно взять на себя, раз она подала иск по твою душу. Правда, мой брательник тоже хват, он переехал в другой город, а адрес никому не даёт. Судебные исполнители спрашивали у меня его координаты, но не буду же я продавать брательника. А теперь и сам живу в другом месте. Кстати, генетическая экспертиза стоит две тысячи баксов и оплачивает её тот, кто оказался виновен. У тебя есть такая свободная сумма? Но это я так, к слову...

И не сдержался:

– Я вообще не представляю, о чём ты думала? Ладно, ладно, не буду...

Настя опустила глаза, и ему стало её жаль. Раз такое предложила, значит, собралась связать с ним судьбу. Одной ей ребёнка не поднять, это чистое безумие. Опять расчёт на доброго дядю, то есть на него. Когда она лежит рядом с ним, на него накатывает такое чувство, что это его законная жена и ребёнок их общий.

– Ладно уж, – успокоил он её. – Не дадим тебе пропасть. Будем растить твоё потомство – общими усилиями...

6.

Было непостижимо, что бдительная мать Артёма до последнего не замечала в фигуре Насти кардинальных перемен. Даже странно. Однако рано он радовался. Однажды мать словно проснулась и с ужасом спросила у него, едва он проводил гостью:

– Что, доигрался уже? Твоя работа?

– До меня постарались...

Мать немного пришла в себя, но всё равно строго спросила:

– И ты собираешься растить чужого ребёнка?..

– Сказал же тебе, просто встречаюсь... Чтоб не скучно было...

Когда Настю положили в роддом, Машка приходила за передачками – она всё отвозила сестре, ничего себе не отщипывая. Это он твёрдо знал. Иногда мать Артёма оставалась ночевать на половине сестры Оксаны, – они любили допоздна раскладывать пасьянсы на картах, – и тогда можно было спокойно посидеть с Машкой на кухне. Напившись чая, она не спешила уходить, ей тоже хотелось поболтать о чём-нибудь. От неё он узнавал все местные новости. Его интересовало, почему погорелица Зойка повела себя по отношению к нему столь вызывающе. Когда она приезжала в эти края поболтаться среди друзей детства, всегда накидывалась с бранью на Артёма, если он попадался ей на пути. При посторонних людях выкрикивала ему в спину такие грязные слова, что некоторые прохожие останавливались и с обывательским интересом смотрели на

него, словно он и впрямь такой. Иногда рядом с Зойкой находилась Машка, но она почему-то не одёргивала зарвавшуюся подругу.

– Почему так набрасывалась на меня Зойка? – не мог понять Артём. – Кто тогда будет помогать им, если они так себя ведут? Неблагодарные...

– Я скажу ей, чтобы больше так не делала, – угодливо заверяла Машка. – Теперь она редко здесь появляется. Недавно видела её на загородной оптовке. Теперь там им дают подпорченные овощи, а они перебирают их и выуживают то, что ещё сможет пригодиться. Раз увидела хохму. Один азер сказал Зойке: «Если спляшешь прямо на площади, дам денег». Она стала прыгать, кривляться, как дурочка...

– Дал ей что-нибудь?

– Нет, – смущённо потупилась Машка, словно это она попалась на удочку нечистоплотного торгаша.

– А какие ещё новости в наших краях? – интересовался Артём.

– Появился какой-то велосипедный грабитель. Не слышали? Едет по дороге, увидит кого-нибудь с сумкой, вырывает её на ходу и удирает. Нападает только на женщин.

Почему-то такие криминальные вести проходили мимо матери и сестры Артёма. И по местному телевидению о них ни слова. Иногда казалось, что Машка что-то придумывает или преувеличивает. Внезапно она могла переключиться на другую тему.

– Нам подарили морскую свинку, – вспомнила она, в очередной раз горя желанием поделиться чем-то интересным. – У нас была клетка, и мы её туда посадили. Клетка стояла на окне. Один раз к нам в дом стали ломиться наркоманы. Мой отчим должен был кому-то деньги, видимо, поэтому. Мама не открывала дверь, сидим дрожим, из мужиков никого нет дома. Наркоманы выбили окно, на котором стояла клетка с морской свинкой, она упала на пол, перевернулась и снова стала днищем вниз. Мы побежали в милицию, а когда вернулись, дома было всё перевёрнуто: шкафы опрокинуты, стулья валялись. Думали, морская свинка куда-нибудь убежала. А она спокойно сидела возле клетки. Через несколько дней она принесла пять детёнышей. Однажды летом мы вынесли проветрить клетку на улицу и как назло забыли про неё. В полдень вспомнили, что всю печёт, и до клетки давно добралось солнце. Вышли на улицу, а мама-свинка уже умерла от жары. Детёныши тоже, лишь один ещё шевелился. Мама закрыла его своим телом – хоть одного спасла...

Артём перевёл разговор на Настю, и Машка тут же затараторила, сверкая тёмными зрачками:

– Ещё вспомнила! Я ночевала у тёти в Кордном, а утром в девять приехала домой. Дверь была закрыта, смотрю, в собачьей будке спит Настя, она тогда перешла в третий класс. Я прямо обалдела! Разбудила её: «Настя, ты что?!» А она мне спокойно: «А что?» Оказывается, наши «гудели», закрыли на ночь дверь и

вырубились. Настя стучала, но никто не проснулся. В одной майке летом ночью всё равно холодно, вот и закемарила в собачьей будке...

Артём слушал и не верил ушам: вот что пришлось пережить бедной девчонке.

– Оказывается, Настя не первый раз забиралась в будку, – продолжала Машка, читая крайнее удивление в глазах хозяина дома. – Нам эту овчарку отдали знакомые. Немецкая, породистая. У прежних хозяев она сильно укусила пацана, наверное, он сам её дразнил. Знакомые хотели сначала усыпить овчарку, но мы выпросили её. Она к нам постепенно привыкла, никого не трогала. Раз Настя играла на улице с подружками. Начался дождь, и она забежала во двор. Дом опять был закрыт. Тогда она снова залезла в будку, а овчарка терпеливо мокла снаружи и не залезала в будку, чтобы никого не стеснять. Вот такая была умная собака...

– Ты это сама видела?

– Нет, Настя рассказывала...

По просьбе Артёма Машка принесла из дома маленький домашний фотоальбом. В нем он обнаружил всего полдюжины Настиних фотографий. Самая ранняя – где ей лет пять. Сидит на стуле и смотрит в объектив с забавно глубокомысленным видом, словно что-то понимает в этой жизни. Потом ещё несколько школьных групповых снимков.

– И это все фотографии? – не мог скрыть недоумения Артём.

– Да, – беспечно подтвердила Машка.

– А вот у моей дочки три огромных альбома с её снимками, хоть жила она со мной лишь до двухлетнего возраста. Я её буквально каждую неделю фотографировал, будет хорошая память. А у вас что останется от детства?..

Не заметно было, чтобы Машка воспринимала это столь трагически. Её в младенчестве вообще не фотографировали, начали только с первого класса – групповые фотографии на 1 сентября. Артём снова всмотрелся в тот черно-белый снимок, где Настя на стуле со смышлённой мордашкой. Он почувствовал, что вновь возрождается в его душе прежняя нежность. Правда, она больше походила на нестерпимую жалость к девчонке, чьё детство было лишено притягательных красок. От детства у неё остались лишь бесчисленные шрамы на ногах, когда падала на бутылочные осколки, на затылке, когда сорвалась со стены картина и ударила рамкой. Плюс аппендицитный шрам на правой стороне живота. А теперь ей говорят, что будут делать кесарево сечение, добавится ещё один шрам.

– Вы крещёный? – ни с того, ни с сего спросила Машка, она вообще любила задавать самые неожиданные вопросы.

– В детстве крестили, где-то лежит крестик, правда, без цепочки.

– А мне в церкви сказали, что с такой фамилией нельзя крестить. У нас с Настей разные фамилии, у неё – Сойкина, а у меня – Галимзянова, по отцу.

– Прямо так и сказали?

– Да. Я в тот же день сходила ещё в мечеть. Там было пусто. Ко мне никто не подходил. Посидела на полу и ушла...

«Мается девчонка, – подумал Курганцев. – Сама не знает, к какой нации себя отнести, если такой вот «гибрид». Внешне больше похожа на отца-татарина, такая же чернявая...»

– Ничего, выйдешь замуж, сменишь фамилию, и тогда тебя покрестят, – утешил её Артём.

* * *

Когда рано утром Машка прибежала к Артёму с блеском в смоляных глазах, явно собираясь выложить важную новость, он опередил её:

– Вижу, вижу... Кого?

– Девочку. Настя имена заранее подобрала – и мужское и женское. Раз родилась девочка, назвала её Алёной.

– Теперь у тебя появилась племяшка. Что, не рада?..

Машка неожиданно скривилась, как от зубной боли. С губ сорвались непонятные в своей ожесточённости слова:

– Я её ненавижу.

– Что ты такое говоришь?..

Артём не ожидал таких слов от всегда сдержанной и послушной Настиной сестрёнки. По привычке стал гадать, чтобы найти этому хоть какое-то оправдание.

– Много шума от неё?

Машка ничего не стала объяснять. Да оно и понятно. И так живут в одной комнате вчетвером, а тут ещё новый крикливый жилец. Когда рожают без мужа, вряд ли кому из домашних будет такое «в кайф». Лишняя головная боль.

– Как вы там размещаетесь? – Артём никогда не был у Сойкиных-Галимзяновых, даже во дворе. – Это ж надо иметь двухъярусные кровати, иначе придётся спать по очереди...

Машка уловила иронию в голосе Артёма, у неё поперёк лба прочертилась морщинка.

– Будешь учиться стирать пелёнки, пригодится в жизни, – подтрунивал Артём от нечего делать.

– Разбежалась!

– Надо же помогать сестрёнке...

– Прямо уж...

В голосе у отроковицы звучала неуступчивость, мол, это не мои проблемы.

- Дома опять шаром покати?
- Ни крошки.
- Ладно, сейчас соберу чего-нибудь. Через пару месяцев на огороде появится всё, а сейчас только редиска.
- И хотя бы двадцать рублей на молоко, Настя просит. Вот записка от неё.

Артём развернул скрученную в трубочку половинку тетрадного листка с крупным почерком пригостишки. Вчитался в каракули и ужаснулся. Настя действительно в слове из трёх букв умудрялась делать четыре ошибки. Писала она на слух – как слышалось. Грамотность на уровне третьего класса, не выше. На словах бойкая, а на бумаге – боже мой! Особенно Артёма раздражал типичный, наверное, самый неистребимый эпистолярный ляпсус: «вообщем». Если в таком возрасте каракули, то это надолго. Навсегда...

* * *

Записки закончились к осени, когда Настя явилась собственной персоной. Белые брючки-колокольчики болтались на ней, словно под ними были рейки. Вдвоём забрались по лестничке на мансарду. При общей худобе, доходящей до измождённости, лицо у неё было припухлым, молочным, какие обычно бывают у родивших женщин. Опять она была малословной, склонной лишь отвечать на вопросы, словно ещё не начавшийся разговор уже утомил.

Угощая её, Артём расспрашивал обо всём. Его занимала одна догадка. За забором у него был «самостийный» картофельный участок, прихваченный на слишком широкой улице ещё прежним жильцом. Здесь многие так делали, чтобы с десятка квадратных метров собрать пару лишних мешков клубней. Неделю назад ночью залаяла собака. Артём вышел во двор, прислушался. За забором сквозь порывы поднявшегося ветра различил подозрительный шорох. Прихватил на всякий случай черенок от сломанной лопаты – хорошая дубинка, – и потихоньку выглянул за калитку. В непроглядности, пучками размываемой слабым оконным светом, разглядел, что на его «самостийном» огороде кто-то возится на корточках. Ясное дело, подкапывают картофельные кусты. Артём недружелюбно прогортанил намеренным басом: «А если по горбу дубиной?..» Мужичок молча привстал, затем суетливо перелез через проволочное ограждение и мешковато пустился в ту сторону, где жила Настя. Наверное, её отец, заподозрил Артёма. Конечно, голод – не тётка. Утром увидел обмягшую ботву нескольких вырванных кустов. Не долго думая, натаскал со свалки срубленной коммунальщиками молодой кленовой поросли и забросал ею весь участок – теперь никто не доберётся до картошки при всём желании.

Он поведал о ночном происшествии Насте, лукаво прибавив от себя, что проследил за мужичком, и тот почему-то забежал во двор Насти, как к себе домой. Та конфузливо затараторила, стараясь переключить собеседника на другую тему, как обычно делают попавшиеся на чём-то люди:

– Вчера мой предок выпил какого-то клея на спирту, а потом так схватило желудок, что он катался по полу. Вызвали «скорую», но папашка отказался ехать в больницу категорически. Тогда дежурный врач заставил его подписать какую-то бумажку, что они не будут отвечать, если с ним что-нибудь случится...

– Ну и как он сегодня?..

– Оклемался. Но всё равно не бросит пить всякую бяку...

Артём уже соскучился по Насте. Она покосилась на топчан, который он здесь поставил раньше – в жаркую пору ночевал в мансарде. Снимая с себя брючки, Настя смущённо проговорила:

– Я так похудела, мне аж неудобно...

Он увидел её ноги и обомлел – они были как у узников концлагерей из военной хроники: жердиночки с утолщениями в коленях...

7.

Неизвестно, кому первому пришла в голову эта авантюрная идея – издание в складчину альманаха для любителей искусства. На «пятак» художников сначала в шутку говорили Артёму:

– Взялся бы и собрал «могучую кучку» всех непризнанных гениев местного пошиба. Раз так серьёзно увлекаешься живописью...

– Каким боком?

– Сколотил бы группу единомышленников. Можно было бы организовывать разные выставки...

– Их и без моего участия проводят. Тут надо что-то новое придумать...

– Тогда можно было бы попробовать выпускать не каталог, как обычно делают художники, а какой-нибудь ежегодник с лучшими работами.

– Легко сказать.

– Ничего невозможного не бывает. Мы бы подсказали, кого можно привлечь к этому.

– Весь вопрос в том, кто всё это будет финансировать? Не из своего же кармана...

– Зачем? Пусть каждый автор оплачивает свои страницы. Можно даже дать объявление в газету: ищем таланты. А ты будешь выбирать.

– Ну, какой из меня редактор? Вообще-то у меня есть друг, тоже любитель живописи, собиратель покруче меня. Если он «подпишется» на эту авантюру, тогда можно попробовать.

Артём съездил к Никите Аржавину. Тот как прирождённый скептик пришёл в явное недоумение и сразу дал понять, что не видит ни малейших перспектив этого неблагодарного дела. Даже не воспринял это всерьёз, словно какую-то маниловщину – закрыл непонятную тему.

Тогда Артём по привычке принялся рыться в его фолиантах с репродукциями великих художников, которых у него ещё не было. Когда Артём дошёл до альбома Леонардо да Винчи (в его коллекции было более скромное издание), приятель, любивший искромётничать эрудицией, сразу задал задачку:

– Обрати внимание на известную картину «Девушка с горностаем». Ничего такого не замечаешь?

– В каком смысле?

– Зверёк интересный, правда? Так вот, это вовсе не горностаи. Зоологи в своё время обратили внимание на непонятного зверька и стали устанавливать его породу. Но такого просто нет в природе. Леонардо его или выдумал или писал горностая по памяти. Хотя в это трудно поверить, ведь у него глаз был словно камера-обскура.

– То-то я всегда думал: зверёк какой-то жилистый и совсем не меховой. И мордочка странная...

Никита стал оглядывать свои книжные полки. Вдруг лицо его залучилось какой-то осиянностью и он забрался по складной алюминиевой стремянке под самый потолок, чтобы достать с верхнего книжного стеллажа груды папок и альбомов. Раскрыл один из альбомов на журнальном столике:

– Оцени! Познакомился год назад с одним чудиком. Родители его считают сдвинутым. Он занимается графикой и немного лепкой из глины, но предки постоянно вмешиваются в его творческий процесс и давят на психику: зачем он воспроизводит разные нелепости? Даже сдавали его в «палату №6», и поэтому он в свои двадцать четыре года пригвождён второй группой инвалидности с непрезентабельным диагнозом. А на самом деле вполне нормальный человек, даже окончил художественное училище. Родители втихаря шарятся в его бумагах, разбивают его терракотовые статуэтки, поэтому он всё перенёс ко мне на хранение.

Артём стал листать альбом, а Никита с мальчишеской вдохновенностью пояснял:

– Видишь, он в этом альбоме изобразил разные эпохи лет за двести. Все костюмы аутентичны тем годам, – он много читает и всё хорошо запоминает. Я даже для интереса давал ему задание: изобрази двадцатые годы XX века. И он прямо при мне простым карандашом, никуда не подглядывая, оживил ватман...

Никита развернул альбом к себе и перелистал его.

– Вот этот рисунок.

На листе была изображена запруженная народом улица. Барышни в длинных нарядах, на джентльменах цилиндры. Длинные седаны с открытым верхом. Явно европейский город.

– А вот наш дореволюционный провинциальный городишко. Вывески с «ятями», деревянные тротуары, конные повозки. У этого чудика какой-то необъяснимый дар – представлять быт любой эпохи во всех мельчайших деталях. И ещё, раскрою секрет, у него есть «фишка»: в любую толпу обязательно поместит себя родимого, как делал это в начальных сценах своих фильмов Хичкок, а потом продолжил в несколько видоизменённой манере Тинто Брасс. Вот здесь, обрати внимание, сам автор во фрачной паре, с головным убором, нависающим, словно клюв хищной птицы.

– Как его звать-то?..

– Он мне не говорит. Придумал себе звучный псевдоним Виталиус Магнус. Но я думаю, просто Виталий. Вот ещё он чем занимается...

Никита развязал тесёмки зелёной папки. В ней оказались листы мелованной бумаги с изображениями купюр.

– Подделывает дензнаки? – пошутил Артём.

– Ты присмотрись хорошенько, – загадочно блистал очками Никита.

Артём стал всматриваться в тончайшую вязь изошрённых орнаментов, что под силу выполнить разве что компьютеру. Вчитался в строки с латинскими буквами, обозначающими страны – Republica “Tetrapakia”, “New-Kondor”, “Imbermana”.

– Деньги несуществующих стран, – пояснил хозяин квартиры, хотя Артём уже и сам догадался.

Загадочный Виталиус Магнус изобразил на обороте купюр несколько шаржированные портреты выдуманных президентов, среди которых попадались и женские лица.

– Александр Грин создал Гринландию, а Магнус Гельвецию. Обрати внимание вот на эти бонны, марки, гербы. На всех портретах он собственной персоной. А вон на полке стоят его уцелевшие фигурки.

Из глины были вылеплены и глазурованы какие-то трансформированные в сторону хомо-сапиенса зверушки, у одной на выдающемся, почти крокодилем носу пенсне.

– А вот, можно сказать, его «логотип» – крысёнок Милки Саржен, производное от Микки Мауса. Он его даже на одну купюру поместил.

– Это какой-то уникум. И при этом – с группой...

– Просто его затюкали родители. Постоянно внушают ему: ты вырожденец. Он вообще забаррикадировался от них в своей комнатке

и не пускает туда никого. Питается отдельно на свою пенсию. Иногда пытается подработать рисованием портретов в парке, но милиция всё время цепляется к нему. Прогоняют. Лучше бы боролись с наркоманами. А кому мешает художник? Или завидно, что кто-то зарабатывает? Не трогают лишь на День города – на аллеях возле Тарских ворот. Но там много конкурентов собирается. Если бы Магнус жил на Западе, наверняка сделал бы себе имя, как Сальвадор Дали. Тоже был сумасшедший дядька. Слышал, как он встретил нашего Хачатуряна? Тот ждал аудиенции в его огромной мастерской. Внезапно из динамиков раздался «Танец с саблями», и знаменитый художник выскочил из какой-то дверки в чём мама родила. Сделал пару кругов вокруг гостя, размахивая саблями, и снова скрылся. Бедный Хачатурян первое время даже боялся об этом рассказывать кому-то – думал, не поверят...

– А у твоего Магнуса случайно нет потуг шокировать публику?

– Нет. Он наоборот всех сторонится. Очень обходительный и безобидный, словно ребёнок. Как-нибудь познакомлю. Правда, он долго присматривается к новым людям.

– Вот тебе и сюжет для альманаха. А ты ещё отказываешься. Можно было бы напечатать что-нибудь из рисунков твоего Магнуса.

– Да он всё время на мели. Иногда просит у меня денег. Я и так оплачивал его недельную выставку в галерее «Лошадь Пржевальского». Жаль, что ему не отдали его фантастический гибрид автомобиля с локомотивом. Он назвал его внемобиль – в смысле, вне времени и пространства. У меня есть фотография. Это его дипломная дизайнерская работа два метра длиной. Стояла в его квартире, а на какой-то юбилей училища директор попросил этот экспонат для выставки. Теперь Виталиусу какие-то иностранцы предлагают за модель две тысячи долларов, а её ему назад не отдадут. Говорят: теперь это собственность училища. Наверняка сами хотят загнать.

Артёму было немного смешно, что Аржавин на полном серьёзе и даже с каким-то пафосом величает своего друга вымышленным именем Магнус, словно оно уже к нему приросло, как к Алексею Пешкову прирос псевдоним Максим Горький...

* * *

Спустя неделю на «пяточок» художников пришли два художника-самоучки с акварелями. Они услышали звон, что создаётся альманах, и готовы были оплатить собственные страницы. К Курганцеву они обращались так, словно он уже был редактором. Оставили свои работы и «координаты» для связи.

Курганцев всерьёз задумался. Действительно, пора что-то менять в жизни. Может, это верный шанс сделать что-то новое, полезное, чтобы заметили люди. Не век же заниматься какими-то

рамочками, хотя у него уже вызревала мысль открыть киоск при каком-нибудь рынке и оформить частное предпринимательство, чтобы шёл стаж.

Он снова позвонил Никите и уговорил его выпустить хотя бы один номер альманаха. От них потребуется лишь составлять заметки о художниках, ведь не все могут выражать свои мысли на бумаге. А Никита под настроение мог прочитать целую лекцию об импрессионистах или древнерусской иконе. Начитан он был изрядно и строил речь грамотно.

– Ты даже про горностая знаешь, – смеялся Артём. – А уж пару заметок составить со слов художников и подавно сможешь...

Назвать альманах решили провокационно – «Непризнанный гений». Официальные местные издания могут обидеться, что в мегаполисе, видите ли, не признают гениев. Но в те журналы действительно невозможно пробиться – профессионалы могут закопать.

Артём наведлся в пару издательств, справился о расценках на цветную и чёрно-белую печать. А Никиту попросил съездить к самоучке Ангелине Юрьевой и уговорить её участвовать в альманахе. Друзья решили на обложках печатать портреты лучших авторов или их работы в цвете, а остальное в чёрно-белом исполнении. В середине можно делать цветные вкладки, если вытянут по средствам. И неплохо бы начать с Юрьевой. На «пяточке» она давно не появлялась, но её адрес тамошним был известен – она жила недалеко.

Никита вскоре деловито и, как всегда, без лишних эмоций доложил Артёму по телефону, что побывал в гостях у деятельной пенсионерки и остался доволен её работами, которых великое множество на её стенах. Она согласна участвовать в альманахе. Оказывается, её сын давно живёт в Париже. Она подумывала продать квартиру и перебраться к нему. Но он отговорил. Сказал, что во Франции становится неуютно, и как бы ему самому не пришлось возвращаться.

Через месяц кропотливых трудов всё-таки выпустили первый номер альманаха, в который набралось пятьдесят авторов, в том числе и стихотворцев. Каждый из них взял примерно по десять комплектов для родных и знакомых, так что весь тираж сразу разошёлся.

8.

Настиной Алёнке исполнился уже год, а Артём её ни разу не видел, только на фотографии. Приходила к нему Настя всегда одна, не рискуя осложнять ситуацию, ведь мать Артёма при всяком удобном случае, особенно когда он на минутку выходил из комнаты, подходила к двери и через неё отпускала разные обидные словечки в адрес его молодой подружки. Всеми силами она старалась разладить

их отношения. Раз возле магазина подошла к Насте и при всём честном народе назвала её путаной. Артём стыдился такого поведения собственной матери, считая это бескультурьем. Она же от всего отказывалась: я этого не делала, на меня наговаривают. А потом добавляла: «Мне кажется, она очень хитрая...»

Во время очередного прихода Насти он заметил на её шее громадный синяк, а рядом багровые полосы, словно от чьих-то ногтей. Спрятать это под воротом свитера было сложно, хотя у него сложилось такое впечатление, что именно это и старалась сделать подружка. Его недоумение она поспешила рассеять почти кинематографической жутью:

– Меня чуть не сбила машина, сама не понимаю, как осталась жива. Я возвращалась от тёти. Шла по «зебре», а какой-то лихач на иномарке даже не притормозил. Я успела отбросить от себя Алёнку – лишь бы она не попала под колёса. А меня задело бампером, и я поранилась об асфальт.

Артём не мог не восхититься таким самопожертвованием молодой мамы: прежде всего подумала о ребёнке.

Едва зажила шея, Настя пришла к нему с жуткими синяками под глазами. Опустилась на кровать и прямым текстом, не заботясь о его возможной реакции, стала выдавать такое, что очень сложно было уложить в голове. До него с трудом доходил смысл её слов:

– Неделю назад меня изнасиловали – втроём. Затащили в машину прямо на остановке и увезли к каким-то гаражам.

– Как такое возможно? Наверняка рядом стояли люди. Никто не помог?

– Я хотела перейти на ту сторону и отошла от остановки. А они силком затащили меня в машину – она была припаркована рядом.

– И ты не могла вырваться?..

– Откуда у меня силы? Их же было трое. Хорошо ещё, была без Алёнки...

Он бы не поверил её рассказу, но по местному телевидению в криминальной хронике накануне прошёл сюжет, что в городе какие-то отморозки в вечернее время затаскивают в машину девушек и увозят их, чтобы потешиться. Призывали быть бдительными. Значит, в их руках и побывала Настя.

– Ну-ка, расскажи поподробней, всё без утайки...

– Они всю ночь пили и по очереди лезли ко мне на заднее сиденье. Я просила отпустить, говорила, что у меня маленький ребёнок, но они грозили: если не замолчишь, будет хуже. Даже треснули пару раз, видите, какое лицо? Я из последних сил терпела, все ногти на руках погрызла, вот смотрите. Утром отобрали у меня всю мелочь, даже не оставили на проезд. Сняли с пальца перстенёк, хотя я им говорила, что он не серебряный, а дешёвый. Выбиралась из этих гаражей наугад, ещё не ходил транспорт. Это какая-то окраина, я

не запомнила. Потом вижу, едет первая маршрутка. Я проголосовала, водитель ехал на работу и пожалел меня. Повёз бесплатно и даже дал десятку на пересадку.

– Ты не обращалась в милицию?

– Н-нет...

– Их же ищут, по телевизору говорили об этом!..

Настины глаза в обрамлении синяков спокойно смотрели на него, она не сомневалась, что он после такого случая не станет от неё избавляться и вряд ли осудит. Артём настойчиво посоветовал сходить в органы: её показания могут помочь вычислить подонков. Но по всему было видно, что она увиливает.

Он вспыхнул:

– Если завтра же не пойдёшь, я буду считать, что ты сама села в незнакомую машину.

Такой напор на неё подействовал, она боязливо согласилась. Немного успокоившись, он пошёл на кухню за угощениями. Насытившись, она продолжила:

– Это не всё. Они меня заразили. Я проверилась в венеричке, сказали какой-то кольпит. Нужны, – она полезла в карман и достала рецепт, – две пачки метронидазола, пачка ципролета. Я смотрела в аптеке, это стоит около трёхсот рублей.

У Артёма опустились руки:

– Ещё и это... Убил бы гадов своими руками!..

Только стала поправляться, высохшие ноги обрели прежний вид, и тут такое...

В чайных зрачках Насти читалась рабская покорность. Он всегда держал в уме, что она ему ни в чём не перечила, если не считать той размолвки, когда лежала в больнице с гепатитом. К тому же она ни разу не попыталась насплетничать ему на кого-то – редкое качество у женщин.

Артём сжал её худенькую кисть:

– Деньги конечно дам, сейчас же сходи в аптеку. А завтра с утра – в милицию.

И, почувствовав прилив нежности, помноженной на сострадание, добавил:

– Я тебя никогда не брошу, что бы с тобой не случилось. Лишь бы ты была рядом...

* * *

Артём сделал спрос с Насти, едва она снова переступила порог его дома:

– Написала заявление?

– Написала. Их уже нашли. Устраивали опознание. Я боялась встречаться с ними и мне разрешили указать на виновных через щель

в дверном проёме из соседней комнаты. Их выстраивали вместе с посторонними.

– Узнала их?

– Конечно, я их хорошо запомнила.

– И не отказывайся от своих показаний, если кто-то из их родителей станет давить. Да на всех не надавят – пострадавших много. Так что – «не бойсь». Пусть получают своё. В зоне знаешь, что с такими делают?

– Знаю.

– Ну, а лечение помогает?

– Вроде, всё прошло. Но я допью таблетки, а потом проверюсь...

– Как твои домашние? Всё квасят?..

– Что им ещё делать?..

– И мамаша тоже?

– Все вместе, хотя она всё же реже...

– Если станет невмоготу, перебирайся ко мне.

– Я подумаю. А как ваша мать? – Настя продолжала называть его на «вы», хоть его это с некоторых пор стало коробить. Неужели будет «выкать», если станет с ним жить? Пора уже привыкнуть к нему за столько лет.

– Я поговорю с матерью, – пообещал Артём.

У него в душе, наверное, остались какие-то сомнения, была ли Настя в милиции. Ведь сказать можно всё что угодно. Но ему, хоть он и редко смотрел телевизор, опять попался на глаза сюжет из местной криминальной хроники. Ведущий рассказал о том, что в городе задержали троих молодых людей, похищавших девушек для усад. Что характерно, все трое из обеспеченных семей. Ночью они потихоньку выкатывали из гаража легковушку на нейтралке и заводили её вдали от дома. А утром тем же способом закатывали её в гараж. Родители ни о чём не догадывались. На возраставшие показания спидометра, видимо, никто не обращал внимания...

9.

Артём дремал в переполненном автобусе, рад, что досталось место. Приглушённой какофонией журчала человеческая речь, пропущенная через своеобразную мясорубку восприятия: разрозненные слова или их не стыкующиеся кусочки. И вдруг он отчётливо разобрал среди этого фонетического хаоса:

– Ты слышала? Появился новый журнал «Непризнанный гений».

– Так и называется? Прикольно.

– Классный. Мне соседка по квартире давала почитать. Теперь буду следить; жаль, не продаётся в киоске...

И хотя альманах называли журналом, Артём невольно переполнился гордостью. Вот он, читательский отклик. Пассажиры разговаривают и никто из них не подозревает, что это его детище. В выпускных данных значится его фамилия, как редактора. Никита Аржавин значился художественным консультантом, от редакторства он уклонился – и так слишком занят на основной работе.

Дело отнюдь не заглохло после первого выпуска. За год удалось сделать три альманаха. Они с Никитой со слов художников, среди которых были и любители прикладного искусства, составляли краткое резюме, что хотели выразить авторы и немножко о них самих. Словом, выступали своеобразными ретрансляторами чужих идей и мыслей. В альманахах помещался домашний телефон Курганцева, и трезвон был приличный. На него выходили всё новые и новые авторы. Некоторые пииты начинали с пафосом читать в трубку свои нескладушки, Артём краем глаза замечал, что телефонный счётчик показывает уже сорок минут, но невозможно остановить это извержение, надо ещё умудриться вклиниться в паузу. Была и попытка одной самонадеянной дамочки вставить в свою подборку стихотворение советского классика, но начитанный Никита легко это выявил. Плагиата боялись больше всего – потом не отмоешься.

Артём демонстрировал Насте сигнальные выпуски альманахов, предоставляя ей право быть их первой ценительницей. Каждый выпуск щедро «обмывали», подросшая Машка тоже любила пиво в неограниченных количествах. Другие напитки они не признавали. Как-то на Новый год решил побаловать их хорошим шампанским, но девчонки, пригубив по рюмочке и пошептавшись, неожиданно предложили:

– Давайте мы лучше сбегает за пивом...

Порошковое фальшивое пиво они предпочли «аристократическому» напитку. Он попытался им рассказать, какое раньше было пиво – бочковое, с запахом хмеля. Студентами, бывало, выскакивали на перерыв между парами и бегом в стекляшку, зажав в ладони последние копейки. Там нацедят из кранчика тёмной жидкости с шапкой пены. Опрокинешь большую кружку – никакого опьянения, только бодрости добавится. А теперешнее пригубишь – и перемыкает в голове. Синтетика вытесняет всё природное. Но девчата непонимающе переглядывались и воспринимали его слова как поколенческое бурчание. Им «по кайфу», что теперь громадный выбор в каждом киоске: в обыкновенных и фигурных бутылках, в металлических баночках, импортное и отечественное привозное. А уж местного пруд пруди – в тетрапаках вплоть до пятилитровых.

* * *

– Скорее приезжай! – Никита разбудил Артёма телефонным звонком с утра пораньше. Этим воскресных днём Курганцев собирался опять в клуб коллекционеров, но у Аржавина была важная новость: – Скончался самый главный в городе библиофил Арон Ройтман. Я вчера об этом узнал, когда проходил мимо его дома и решил навестить – мы с ним иногда обменивались книгами. Он всё время выманивал у меня альбом Зичи. Дверь открыла какая-то тётка, его дальняя родственница из деревни. Сказала, что Арона неделю назад похоронили, а поскольку детей у него не было, теперь она здесь будет жить. Собирается продать все его книги, в них совершенно не разбирается и ей они не нужны – только пыль копить, как она выразилась. Жаль, с собой у меня было не очень много денег, я прикупил десяток альбомов. Бери все деньги, какие есть, не пожалеешь – пополнишь свою коллекцию живописи. Она собирается всё сбывать оптом. Вот так и пойдёт коллекция по ветру...

Артём прихватил сумку и пересчитал деньги. Тоже не густо – постоянно клянчила Настя. Выдержал около часа автобусной тряски до Нефтяников, где обитал друг. Тот поджидал его на остановке.

– Квартира Ройтмана недалеко, пройдемся пешком...

Шли по тротуару мимо учебных корпусов – здесь институт нагромождался на институт. Впрочем, это если мыслить по-старинке. Теперь все они дружно сменили вывески, в одночасье превратившись в университеты с академиями. Институтом нынче зваться не звучно. Никита по пути выдавал дополнительную информацию, по обыкновению стараясь придерживаться объективности даже в любой мелкой детали:

– Ты не представляешь, человек буквально морил себя голодом, чтобы раздобыть очередной раритет. Ездил по объявлениям, списывался с другими библиофилами. Даже семью не заводил, его детьми были фолианты. Все ему говорили: зачем так изнурять себя? Даже когда у него признали рак желудка, он не покупал дорогие препараты, а лечился народными методами. Зато на последние деньги продолжал пополнять собрание дорогими книгами. Ради чего, спрашивается?..

Квартира Ройтмана была на первом этаже стандартной панельной пятиэтажки.

– Неудобно как-то, – потербил свой чуб Артём. – Такое ощущение, словно уподобляюсь ворону, что рыщет на поле – после боя...

– Да жалко его коллекцию! – возразил друг. – Неизвестно в какие руки попадёт...

На звонок дверь открыла бесформенная женщина в халате и с веником в руках. Артём увидел, что все стеллажи и книжные шкафы в квартире пусты, а на полу разбросаны обрывки бумаги и карточки ставшей ненужной картотеки.

– Кажется, мы опоздали, – бесстрастно произнёс Никита.

– Слава богу, забрали оптом вместе со всеми журналами, – удовлетворённо пояснила женщина. – Только что один букинист всё загрузил в автофургон.

– Это, наверное, из политеха. Бородатый такой мужичок в очках? – допытывался Аржавин.

– Он самый. Вы его знаете?

– Я всех здешних книжников знаю. Если не секрет, на сколько он расщедрился?

– Да я всё по десятке отдала...

У всегда невозмутимого Никиты глаза полезли на лоб:

– Круто!..

Хозяйка вряд ли поняла его, скорее всего, восприняла это как одобрение сделки. Другим осталось только откланяться. Вслед им слышались слова новой владелицы квартиры:

– Вы не знаете, кому продать шкафы? Я бы дёшево отдала...

На знойной улице Никита встал под нависающие ветви закованной в асфальт берёзы, чтобы до конца переварить форс-мажор.

– Мощно он её!..

– Это тот дядька из букинистической лавки, куда мы заходили в прошлом году?

– Он самый. Десять рублей! Я платил по двести за каждый альбом и то боялся, чтобы не обиделись. Это ж надо, как люди умеют вовремя подсуетиться. Прямо из-под носа. Теперь озолотится. Самое ценное, конечно, оставит себе, остальное выставит по таким ценам, что мама держись. У него даже обычные подписные издания дороже, чем в других буках.

Артём взмахнул своей пустой сумкой:

– Да, разбежались...

– Люди не дремлют. И как он сразу разнюхал? Я-то узнал случайно. Наверное, хозяйка заглядывала в эту лавку. Ладно, чтобы ты не считал, что я зря тебя вытащил из берлоги, пойдём ко мне, скину тебе на диски всю мировую классику живописи. Я десять лет шарился в интернете прямо на работе, когда не было надобности проверять радиоточки или когда ночью дежурил. В то время у меня ещё не было своего компьютера. Начальник не разрешал выходить в интернет, но я украдкой, когда его не было. Каждую картинку вытаскивал вручную, выбирал, где получше качество. Около ста тысяч изображений надёргал. Старался охватить всё творчество своих любимых художников, включая рисунки. Это сколько раз пришлось кликнуть мышью! На днях всё почистил, убрал двойные экземпляры, кое-где конечно, встретятся повторы – всего не удержишь в голове. Начальник меня определённо достал, всё допытывается, почему я занимаюсь мирскими делами, это всё гиль, надо молиться богу. Сам записался в какую-то секту, чуть ли не к саентологам, и теперь меня

донимает: будешь гореть в аду! Раньше упивался психологией, но тоже по-дурному. Заставлял меня отвечать на какие-то анкеты, а там сотни каверзных вопросов, которые хитро дублируют друг друга. Потом выдавал нелестный диагноз. Какое он имеет право? Теперь вот подался в секту и забросил свою психоделию. Ладно, хватит о грустном. Будешь любоваться репродукциями на экране, хотя, надо признать, в книге их смотреть гораздо комфортнее...

Артём был признателен Никите: всегда старается удружить или сделать какой-нибудь подарок. И с компьютером, который собирался приобрести Артём, тоже обещал помочь, чтобы не переплачивать и взять передовую модель. Настоящий друг.

Когда Никита провожал Артёма до остановки, опять сокрушённо повздыхал:

– Бедный Ройтман! Книги он поставил дороже собственной жизни. И вот результат. Это какая-то ирония судьбы...

10.

Артём всё-таки познакомился с загадочным Магнусом, застав его в гостях у Аржавина. Увидел бородатого молодца, роющегося в книжных штабелях на подоконнике. Чёлка, свисавшая со лба, была тёмно-каштанового цвета, а борода с бакенбардами рыжеватая. Открытое, располагающее лицо. Никита представил его Магнусу как редактора и любителя всего изящного, тот заулыбался и больше улыбка не сходила с его лица. Артём не стал загружать его расспросами, зная, что тот сначала приглядывается к людям и если ему что-то не понравится, замкнётся наглухо.

Вскоре Магнус, справившись о текущем времени в уголке светящегося монитора, засобиравшись домой:

– Мне пора...

Проводив его до подъезда, Никита пояснил:

– Вчера засиделся у меня допоздна. Жаловался, что никак не может познакомиться с хорошей девушкой, они его боятся. Уже полгода без женщины. Лишь старлетки западают на него. Стало жалко его, и я ему заказал проститутку на час. Так и остался до утра – уже не ходил транспорт.

– А как же твоя мать?..

– Она уже спала – рано ложится. К подъезду подкатил «шмаровоз», Магнус выбрал из трёх девиц самую длинноногую, и я их оставил в своей комнате. А сам смотрел в зале телевизор.

– Ты прямо опекаешь его. Лучше бы о сыне заботился.

– Сын уже сам работает, правда, платят мало. Подкидываю ему денег.

– Бывшая жена не донимает?

– Я давно прекратил с ней всяческие контакты. Как вспомню, что ей мешали мои книги...

– А сын как к ним относится?

– Тоже много читает.

– Тогда тебе не обидно.

– Иногда спорим с ним до хрипоты. Он связался с коммуняками, ходит на митинги.

– Пусть, если у него такие взгляды. Или тебе больше олигархи нравятся?

– Кому они нравятся! Приватизировали всю страну, это теперь их частная собственность.

– Ну, вот видишь...

– К бесу эту политику! Давай об альманахе. Хотелось бы кое-что напечатать из Магнуса, но он упёрся. Не хочет ни в какую. Я ему объяснял, что надо создавать себе имя, а он: зачем всё это? Я бы сам оплатил его страницы, но как без его согласия?..

– Вот это действительно странность...

* * *

Магнус неожиданно пришёл на «пяточок» художников. Одет он был безупречно: даже в жару носил тройку с непременной чёрной бабочкой. Стал внимательно рассматривать чужие работы вдоль тротуара. Артём понял, что это Никита объяснил ему, где он бывает среди недели. Какие-то прохожие парни прицепились к нему:

– Эй, ты! Почему бородатый? Монах, что ли?..

Магнус игнорировал выпады, словно ничего не слышал.

– Тебе говорят, глухая тетеря!..

Артём повернулся к разошедшимся парням:

– Чего прицепились к человеку? Он вас не трогает...

Те перестали паясничать и, косясь в его сторону, удалились на остановку. Виталиус засиял детской чистой улыбкой.

– Что, проблемы? – поинтересовался Артём.

– До пенсии осталась неделя... Только начал рисовать портрет в парке...

– ...сразу прогнали, – договорил за него Артём, видя, что тот умолк, недоговаривая.

– Тогда поехал сюда...

Ясно, что Виталиус ждёт от Артёма, как от старшего, участия или хотя бы подсказки, как продержаться в этой подлой жизни.

– Сколько ты берёшь за портрет?

– Сто рублей.

Артём отметил про себя, что бородач избегает молодёжных или простонародных словечек. Другой сказал бы: стольник, стольничек или сотка.

– Можешь прямо сейчас изобразить меня? Если мне понравится, дам двести.

Магнус молча достал из-под мышки папку и раскрыл её. Артём примостился в тени вербы, а гость «пяточка» стал орудовать гелиевой ручкой, зорко поглядывая на него. Он не рисовал, а постукивал по ватману наконечником ручки – у каждого своя манера. Прохожие замедляли шаги, с интересом наблюдая творческий процесс.

Спустя полчаса Магнус показал готовый результат. Артём увидел, что портрет выполнен не линиями и штрихами, а точками. Как оговорился в своё время некий папа римский, портрет получился «слишком правдивым». Магнус словно рентгеном просветил его и выразил всю его довольно смурную душу. Вроде бы простой увалень, но затронь, кровно обидь – и последует взрыв. Эта неукротимость читалась в зрачках.

«Действительно какой-то гений», – подумал Курганцев, доставая из кармана две сотенные купюры.

– Давай, я тебя вдобавок угощу в кафешке, возьмём какого-нибудь сока с чебуреками.

– Я обычно рисую линиями, а так рисовать труднее, – пояснил молодой художник.

Артём поразился: для него сделали исключение...

11.

– Вы не хотите съездить со мной к Насте? – Машка стояла за воротами в топике и джинсах; в бахромающихся прорезях белели коленки, на открытом животе извивалась узорная рисованная татуировка синего цвета. За лето девчонка заметно подросла, скоро совсем станет невестой.

– А где она?

– В больничке. Старый шов на животе загноился, видно, остались нитки после «кесарева». Положили на две недели, будут чистить ранки.

Артём был, собственно, свободен. Набрал в магазине целый пакет продуктов, и она вдвоём пошли на остановку.

– На каком автобусе ехать?

– В Нефтяники.

– Значит, с пересадкой. Возле моста пересядем.

В полдень все места в автобусе обычно были заняты. Теснились в проходе, обливаясь потом. Когда пересели на другой автобус в центре, Артём стал поминутно поглядывать на рассеянную Машку: когда сделает мимику на выход. Но она отрешённо молчала и даже не смотрела за окна.

– Где сходить? – напомнил ей Артём. – А то проедем...

– Точно не помню...

– Уже Нефтяники начались. Смотри получше. Какая хоть остановка?

– Там был кинотеатр.

– «Кристалл»?

– Кажется. Надо посмотреть.

– Вот он. Быстрее сходим, а то, я вижу, заедем к чёрту на кулички. Я эти места тоже плохо знаю.

Вышли возле огромного кинотеатра с нависшим чешуйчатым козырьком. Кругом гранит и бетон, рябят в глазах двухцветные квадратики тротуарной плитки. Ни одного деревца. Слишком урбанизированное место.

– Куда теперь? – настойчиво теребил Машку сопровождающий.

– Был какой-то узкий проход направо между домами.

От кинотеатра шоссе поворачивало направо, и они пошли вдоль него. Машка молча цокала высокими каблуками туфель.

– Мне хочется сделать настоящую татуировку на спине, – высказала она вслух заветную мечту. – Но дорого стоит – семьсот рублей...

– У вас дома куска хлеба нет, а ты думаешь о какой-то дребедени! – чертыхнулся Артём.

Через три длинные остановки шоссе резко вильнуло вбок, где дома стояли поперёк – углами к глазам.

– Слушай, мы явно не туда зашли. Давай назад. Как хоть больница называется? Надо у людей разузнать дорогу.

– Я не знаю. Я ездила с тётей.

– Надо было выпросить у Насти, раз не запомнила с первого раза. Или у тёти.

– Я у неё не была.

– Живёшь в городе давно, и ничего не знаешь.

– Мне это не нужно! – фыркнула Машка, недовольная, что её отчитывают.

«Вот клуша!» – чертыхнулся Артём и стал подгонять её – она отставала.

– Давайте поедem на автобусе, я уже не могу – ноги устали, – плаксиво скривилась она.

– На каком и куда? Большущий вопрос.

Перешли на ту сторону улицы и поравнялись с автобусной остановкой. Артём подошёл к крайней женщине и спросил:

– Не подскажете, где больница?

– Какая? Здесь их несколько.

Артём обернулся к Машке, которая почему-то замерла в отдалении и не стремилась приближаться.

– Иди сюда, объясни!..

Та сделала пару шагов и снова остановилась.

Артём плюнул и сам стал объяснять:

– Тут девушку положили с загноением швов...

Прозвучало это как-то не по-человечески. Женщина недоуменно переводила взгляд с него на маячившую в отдалении молодуху, затрудняясь что-либо сказать. Подошёл её автобус, и она с каким-то облегчением юркнула в него, рада избавиться от «непоняток».

Артём кивнул Машке:

– Пошли!

Подался вперёд по узкому неудобному тротуару. Машка догнала его и заковыляла следом.

– Будем идти наугад, раз такое дело. Что там было рядом с больницей?

– Длинная аллея.

– Вот проулочек с деревьями. Здесь?

Машка пожала плечами. Артём стал углубляться в этот проулок. Сзади спотыкалась Машка:

– Ой, больше не могу! Ноги...

– Надо в спортивной обуви ходить, а ты как на танцы собралась...

– Мне это параллельно!.. – опять схватила Машка, с возрастом она становилась какой-то другой.

Вдруг она вскрикнула:

– Ой, кажется, здесь! Я видела в тот раз этот фонтан. Теперь по дорожке через парк.

Они шли между елей вглубь микрорайона. Вдали краснело кирпичное здание, огороженное металлическим забором.

– Похоже на больницу, – сказал Артём.

– Да, да... Только не этот корпус, а за ним – через теплотрассу.

Артём перевёл дух: интуиция вывела его в нужном направлении, иначе плутали бы без толку целый день.

По ступенькам взойшли на террасу, запруженную больными в одинаковых коричневых пижамах. Открыли стеклянную дверь и вошли в холл. Вдоль стен на счетверённых стульях с откидывающимися сиденьями располагались посетители с баулами. Машка подошла к окошечку дежурной и назвала фамилию сестры. Дежурная полистала журнал:

– Двести вторая палата, четвёртый этаж. Сейчас её вызовут, ожидайте.

Через пять минут Настя показалась на лестничном проёме. Артём ожидал прочесть радость или хотя бы теплоту в её глазах, ведь любой человек, на время оторванный от привычного мира, обрадуется даже малознакомому человеку с соседней улицы, окажется он в поле зрения. Он почувствовал порыв расставить руки, чтобы её обнять, прижать к себе, если б не мешал тяжёлый пакет. Но Настя, кивнув ему, сразу стала щебетать с сестричкой, а прошедшая мимо молодая медсестра тайком огладила мужиковатую фигура Артёма явно

ироничным взглядом, словно говорила: так вас и надо раскручивать, недалёких перестарков! Не исключено, что Настя уже познакомилась с этой медсестрой и даже делилась с ней своими женскими секретами. К себе она умела располагать.

Артём сиротливо стоял возле колонны, а в метре от него сестрички поедали друг друга глазами и не могли наговориться. Он пожалел, что приехал сюда. Надо было отдать передачку Машке, и пусть бы сама отвезла. Тогда бы уж уточнила адрес больницы, а не надеялась на него, словно он волшебник.

Когда длинными путями выбирались назад к остановке, Машка мечтательно произнесла:

– Сейчас везде стали открывать киоски, на которых написано «Живое пиво». Понимаете, живое. Вот бы попробовать...

– Вы только о пиве и думаете...

Машка и не подумала огрызаться, видимо, будет ещё о чем-то просить.

Когда после пересадки автобус стал приближаться к родным местам, Машка дёрнула его за рукав:

– На соседней остановке открыли киоск с живым пивом. Может, выйдем?..

– Ладно, – Артём подумал: вдруг снова стали изготавливать настоящее пиво, как в советские годы.

Они вышли, не доехав одну остановку до дома. Пустовавший ранее разбитый и загаженный киоск за считанные дни преобразился и теперь отливал свежей краской. На нём действительно красовалась вывеска «Живое пиво». Зашли в пустую прихожку. Пиво продавали на разлив – в глубокие фужеры из матового пластика. Цены были в два раза дороже обычного пива. Артём заказал два фужера.

– Кстати, – вспомнила заметно повеселевшая Машка, – помните, раньше в этих местах под вечер один мужик на велосипеде выхватывал у женщин сумки и сматывался? Знаете, кто это был? Это Зойкин отец.

– Вот это новость! – Артём сразу вспомнил, как по свежему пепелищу сгоревшего дома горестно расхаживает человек в цивильном чёрном костюме.

– Он вдвоём со старшим сыном, который всё ходил к вам с Зойкой попрошайничать, недалеко от этой остановки затоптал какого-то прохожего и отобрал деньги. Тот мужик умер в больнице, а их кто-то узнал и сообщил в милицию. Теперь оба на зоне.

– Даже не верится, – Артём забыл про свой фужер и ещё не приступал к дегустации. – Вроде, мужик был на вид представительный, столько детей. Подал, называется, пример...

Когда вышли из пивнушки, Машка спросила:

– Ну, как вам?..

– Никакой разницы! Только в два раза дороже. Нет, я уже никогда больше не увижу того настоящего пива. Его, наверное, олигархи делают небольшими партиями для себя, а народу сплавляют пойло, лишь меняют этикетки...

– А мне понравилось. Может, мы не тот сорт заказали? Там было и подороже...

– Ну его к чёрту! Больше я сюда даже не зайду...

12.

Артём давно заметил: зимой Настя ходит к нему регулярно, но едва потеплеет, начинается непонятное. Может исчезнуть на целый месяц. А если и заскочит, то торопится, ссылаясь на то, что устроилась работать. Однако её в основном видели раскатывающей на легковушке с какими-то праздными парнями. Эта легковушка подъезжала к её дому и сигналила, вызывая Настю. Вот только непонятно, на кого она оставляла ребёнка, если и Машка всё время болталась на улице.

И главное – никакой особой благодарности к Артёму за все его усилия. Другой бы на его месте после того, как с ней обошлись те молодчики, похитившие её на остановке, не смог бы преодолеть брезгливости и постарался культурно избавиться от такой проблемной подружки. И ещё задевало Артёма то, что Настя не собиралась что-то менять в своей разгульной жизни, о которой он догадывался и на что ему намекали окружающие. Она явно выискивала себе ровню, и чтобы он мог содержать её.

Артём предпринимал попытки давления на неё, и тогда она старалась умясить его. Возьмёт и скажет невзначай, что одна бабуся из местной общаги всё время спрашивает у Насти: «Ну, как там твой парень?..» Артём понимал, что это всего лишь ничего не стоящий экивок, но всё равно приятно, когда человека, которому скоро стукнет сорок пять, называют парнем. Невольно пожелаешь всяких благ той неведомой старушке, которая по-житейски интересуется чужими «лямурами» и явно представляет, что любая сказка должна закончиться счастливо – с непременно венчальным нарядом и пиром горой.

Он подозревал, что Настя похаживает в то пятиэтажное общежитие, хотя она всячески открещивалась от этого, зная, что он думает о её обитателях. Раньше это добротное кирпичное здание находилось на балансе завода бетоноконструкций. Здесь был полный ажур, даже сидел вахтёр. Когда завод в перестройку закрылся, его вмиг растащили по кирпичикам, как в той песне. Погрузилось в анархию и ставшее бесхозным общежитие. Здесь стали околачиваться разные тёмные личности, а нормальные семейные люди старались всеми силами выбраться отсюда. Алкаши соглашались обменивать

свои квартиры с доплатой на эти комнатки, которые разрешили приватизировать. Деньги тут же пропивали и приступали к поиску металлолома, чтобы зарабатывать на пропитание. Этот бизнес был развит на загородной свалке. Предприимчивые дельцы пропускали по замусоренному отходами полю трактор с плугом, а следом шёл опустившийся, спившийся люд, прутами выковыривая из земли цветной и чёрный металл. Потом всё взвешивали и распределяли, кто сколько заработал. Чужаков отсюда прогоняли. Когда свалка истощилась, бомжеватые типы из общаги стали наведываться на ближние дачи в поисках того же металла. На другое у них фантазии не хватало. Даже посдавали в частные приёмные пункты чугунные люки от колодцев теплотрасс и канализации. Коммунальщики потом прикрывали эти дыры бетонными кругляками, портящими вид окрестностей.

Даже проходить мимо этого общежития стало опасно. Весь мусор жильцы выбрасывали в форточки, и весной из-под снега обнажались горы пивных тетрапаков, пластиковых конвертов из-под молока, картонных коробок. Под ногами катались использованные одноразовые шприцы. Из окон в любую минуту мог упасть на голову увесистый предмет в виде цветочного горшка и запросто отправить к праотцам. Артём однажды стал свидетелем подобного случая, правда, не столь трагичного. Шёл утречком на остановку, неожиданно на голову впереди идущей дамочки спланировала литровая банка, скатилась по плечу под ноги, чудом не разбившись об асфальт. Дамочка по-мужски выплеснула ругательство в сторону многочисленных окон, но попробуй, найди злоумышленника – всё это делается исподтишка.

Когда Артём по весне собирал возле общежития срубленную коммунальщиками кленовую поросль, которой растапливал баньку, он всегда надевал на голову кепку из плотного сукна – хоть какая-то защита. Раз, погрузив на тележку сушняк, взялся за ручку и услышал сверху характерные звуки. Кто-то с боковой хозяйственной лоджии усиленно плевал вниз, стараясь попасть на Артёма. Плевки ложились на асфальт – мимо него. Артём в запале подобрал с земли кругляк гравия с огромным желанием проверить свою меткость – попасть прямо в лоб неведомого придурка. На лоджии среди сохнувшего на верёвке белья мелькнуло дебиловатое лицо подростка и мгновенно исчезло.

«Шутили» жильцы и более изощрённо. Скидывали под ноги прохожим наполненные помоями полиэтиленовые мешочки, довольно наблюдая за брызгами от этой грязной «бомбы».

Летом из общаги кто-то скрытно постреливал в прохожих из беззвучного духового ружья. Артём ходит по огороду, поливая грядки, а мимо него время от времени проносятся пульки и шлёпаются в жестяную стенку дровника. От злополучной пятиэтажки

их отделяет соседский огород, но пульки преодолевают это расстояние метров в двести. Кто-то упорно стремится попасть в него, но промахивается. Попадёт в глаз – лишишься зрения. Вот будет радость для кого-то!..

Нет, не будет вам радости! Изобретательный Артём нашёл выход и из этого непростого положения. Назло «снайперу» построил прямо у забора времянку с высочайшей «готической» крышей, которая перекрыла вид на пятиэтажку. Теперь неприкрытым оставался только дальний край огорода. И сразу стрельба прекратилась. А на том просторном чердаке он сложил доски, которые скопились во дворе и по углам, – хоть навёл порядок на всей территории.

Настя заверяла, что больше не ходит в эту криминальную пятиэтажку. И всё-таки он поймал её с поличным.

Вечером к нему заскочил менеджер Иван Ознобишин – принёс рекламу своей фирмы недвижимости, чтобы опубликовать в альманахе. Понятно было, что в малотиражном специфическом издании она ему не особенно и нужна. Просто он хотел таким образом поддержать альманах материально, так как заплатил за страницу в три раза больше требуемого. Артём оценил этот широкий жест земляка, который умел радоваться чужим успехам.

Когда Артём провожал его на остановку, они, проходя мимо общежития, слышали остервенелую ругань, доносящуюся из раскрытого окна на третьем этаже. Её перекрыл визгливый девичий голос на пределе возможности голосовых связок:

– Ты меня уже достала!..

Вниз, едва ли не под ноги друзьям посыпалась посуда, разбиваясь об асфальт. Иван посторонился, посмеиваясь:

– Мы дойдём живыми до остановки?

Артём насторожился и поднёс к губам палец:

– Тс-с!..

По-шпионски кивнул Ивану и стал пятиться к ограде соседского огорода, чтобы со стороны заглянуть в окно, откуда вылетала посуда. Ему показалось, что он в этой женской сваре различил голоса Насти с Машкой. В окне мелькали чьи-то руки, иногда показывались причёски. Больше ничего нельзя было разглядеть – окно находилось слишком высоко. Надо отойти ещё дальше, чтобы открылась перспектива, но мешал забор.

Артём, словно мальчику, махнул рукой солидному, всегда при костюме и кожаном портфеле Ознобишину: следуй за мной. И опять повернул в сторону своего дома, вспомнив, что у него есть великолепный морской бинокль с двенадцатикратным увеличением. В своём огороде он встал под рябину, чтобы не быть на виду, и из-под листьев навёл бинокль на общежитие. Раскрытое окно третьего этажа теперь было перед самыми глазами. В комнате действительно

находились Настя с Машкой и ещё какая-то их лохматая низкорослая подружка, которая сидела за столом, закрыв лицо руками, и взвизгивала:

– Не трогайте меня!..

Девчонки явно перебрали. Отдельные слова, когда говорили на повышенных тонах, можно было отсюда отчётливо разобрать.

– Что там такое? – томился от непонимания Иван. – Какие-то знакомые?..

Артём протянул ему бинокль, и тот тоже навёл его на третий этаж.

– Это не та девушка, которая к тебе приходит? – высказал он догадку. – Развлекаются, пока мама не видит...

Когда Артём снова приложился к окулярам, увидел, что Насти в комнате уже нет. Машка сидела на диване, а косматая вдруг поднялась из-за стола, пьяно взмахнула рукой и словно назло кому-то, нагнув голову как при бодании, энергично вышла в коридор. Но куда подевалась Настя? Артём решил во что бы то ни стало дождаться её и спросил у друга:

– Ты не сильно торопишься?

– Ладно, собирай вещдоки, если для тебя это так важно. Я ещё успею добраться домой...

Через четверть часа Настя показалась в дверях той комнаты общежития, обмотанная полотенцем на голое тело. Правой рукой она расправляла длинные мокрые волосы. Он вспомнил, что в том общежитии есть душ. Раньше Настя с Машкой иногда бесплатно мылись там, так как за общественную баню пришлось бы выложить по сто рублей. По их рассказам, как только они войдут в душевую, какие-то придурки начинают туда ломиться. Артём морщился от таких подробностей, ему было неприятно это слышать.

Причесавшись перед зеркалом, Настя опять вышла в коридор в том же вызывающем виде, не одевшись. Через какое-то время покинула комнату и Машка. Явно пошли к кому-то в гости, не исключено, что к парням.

Проводив друга, уже в сумерках Артём понаблюдal за светящимися окнами общежития, надеясь увидеть где-нибудь Настю, но многие окна были зашторены. Ревность раскрутилась в нём динамомашиной, готовой разлететься вдребезги.

На следующий день Настя пришла к Артёму с целомудренным видом. Он долго приноравливался, как начать разоблачение, чтобы ей трудно было вывернуться. Начал издали, со смешком:

– Иду вчера с другом мимо общежития, а нам едва ли не на голову сыплется посуда с третьего этажа...

Настя, делая бутерброд с колбасой, никак не реагировала на его слова, словно это её не касалось. Артём стал прикручивать тисочки «дознания»:

– Я бы не слишком удивился, если бы не услышал в том окне голоса, очень похожие на твой с Машкой. Шумели, прямо скажу, впечатлительно!..

Настя потупилась с лукавой улыбкой, явно застигнутая врасплох, однако не торопилась оправдываться, видно, ещё не собралась с мыслями. Артём продолжал заворачивать тисочки:

– Но я бы и этому не удивился, однако я был не один, а с другом – провожал его до остановки, и он тоже с великим удовольствием послушал этот концерт. Мы даже отошли в сторонку и увидели, что некто, похожий на Настю, расхаживает по коридору, прикрывшись одним полотенцем...

Такой осведомлённости гостя явно не ожидала и ответила невпопад:

– Кто-то вам это рассказал...

Ей не верилось, что он мог её увидеть в таком фривольном виде.

– Про меня могут всякого напридумывать. Надо же – рассекаю по общаге, – Настя даже сделала пару движений, словно манекенщица на подиуме: мол, выдумают же!..

Артём благоразумно не стал раскрывать свой секрет про бинокль – ещё пригодится в дальнейшем. Только смотрел на неё пристально: не держи людей за лохов!

Настя сразу засобиравшись домой, на прощанье оправдательно обронив:

– Подружка приглашала на день рождения. Не откажешь же ей, с детства дружим...

– Ты же говорила, что перестала ходить в это злачное место...

– Надо же где-то мыться, к тёте не будешь каждый раз ездить. А вчера меня там не было, я позавчера там мылась.

Артём не мог не подивиться такой лисьей изворотливости молодой девчонки и какой-то патологической лживости: врёт на каждом слове. Как только проверишь её даже безобидные слова или случайно от кого-нибудь узнаешь, всё оказывается не совсем так, как она ему преподносила.

– Можешь ходить в нашу баню, я каждую субботу топлю, – предложил он.

– Ваша мама совсем обрадуется... Ладно, предупредите, когда её не будет дома...

* * *

Артём подгадал, когда мать уехала вместе с сестрой на её дачу, и в этот день протопил баньку. Настя пришла с Алёнкой. Он её впервые увидел. Малышке уже около двух лет, соломенная-пресоломенная чёлка, глаза светло-серые, совсем не мамины.

– Она у нас вся в бабушку, – распевно говорила Настя, собирая её. – Уже начинает разговаривать. Только растяпа. За столом кошка выбивает у неё из рук куски.

– Не удивляюсь, если кошку не кормить. Бедная кошка! У меня зимой даже воробьи всегда накормлены – на яблоне кормушка. И сорока прижилась на ёлке в палисаднике.

Помылись гости удивительно быстро, по-солдатски. Только зашли в баньку, и через пять минут уже вышли, закутанные полотенцами.

– Куда торопиться? – не понял Артём. – Или воды жалко? Я меньше часа не парюсь...

И подумал: поэтому, наверное, от Насти всегда исходит терпкий запах молодого пота. Но даже он казался ему мирром.

В этот раз Настя осталась у него на ночь. Он разложил в зале диван. Настя блаженно разлеглась и стала кормить Алёнку грудью.

– До сих пор кормишь? Моя дочка только до года...

– Меня мама кормила грудью до пяти лет, тогда она ещё не пила...

– Ничего себе! Я не знал, что такое бывает – пять лет. И при этом такая болезненная. Должна быть богатырём, то есть богатыркой...

Артём заметил, что груди у Насти в последнее время неимоверно вытянулись и стали как плоские мешочки – свисали по бокам, доставая сосками до самой простыни. Когда ждала ребёнка, груди были потрясающе упругими, неохватными. А теперь – как спущенная камера. Он где-то вычитал, что у женской груди совершенно нет мышц и им невозможно вернуть утраченную форму никакими упражнениями. Значит, такими и останутся. Как быстро у женщин меняется фигура! Двадцать лет – и уже такая...

– Я тебя буду любить, даже если у тебя груди отвиснут до колен, – пошутил он и по её виду понял, что не очень удачно – не улыбнулась признательно, пропустила мимо ушей.

– Некоторые их подворачивают под лифчик, – на полном серьёзе ответила она через какое-то время.

13.

Едва возникала серьёзная проблема, Настя с первым же попутным ветром являлась «пред его очи». Не прошло и двух недель с того случая в общежитии, как Настя прибежала к нему вечером запыхавшись; сказать, что она была испуганной, значит, ничего не сказать. По её заполошному виду он понял, что придётся опять утрясать какие-то не терпящие отлагательств дела. И ни одно из них не решается без денег. Было бы иначе, она бы обходилась без него.

– Ко мне прицепилась инспекция по делам несовершеннолетних, – выпалила Настя, едва он прикрыл за ней дверь в своей комнате.

– Ты, вроде бы, вышла из того возраста...

– Вам смешно, а мне не очень...

– Чем же ты так отличилась?

– Не знаю. Упорно разыскивают меня – каждый день приходят домой, но я предупредила всех, что меня нет, я у тёти.

– Наверное, это связано с тем вашим дебошем, если называть вещи своими именами...

Настя не стала оспаривать такого определения, ей было не до этого.

– Поживу пока у тёти, может, отцепятся. Буду звонить от неё. Дайте мне на проезд и на первое время...

Но, видимо, за неё крепко взялись. Спустя пару дней она позвонила ему от родственницы:

– Приезжала Машка. Говорит, требуют дать адрес тёти.

– Только не говори, что не знаешь, почему тебя разыскивают...

– Одна вредная бабенция из общаги написала про меня всякую всячину...

На следующий же день Настя приехала к нему от тёти. В глазах – сполохи ужаса.

– Я пробралась окольными путями, чтобы меня никто не увидел. Что делать? Меня хотят лишить материнских прав. Из инспекции продолжают ходить, принесли повестку. Говорят, если не объявлюсь, они поставят вопрос ребром и отнимут у меня Алёнку.

– Это уже не шуточки. Допрыгалась! Говорил тебе не ходить в эту чёртову богадельню. Нормальные люди обходят её десятой дорогой. Там чёрт-те что творится...

– Я думала, инспекция попугает и уgomонится...

– Раз такое дело, срочно иди туда. Или даже пойдём вместе. Скажешь, что выходишь замуж, и будешь жить у меня.

Настя просветлела взором и ухватилась за эту идею, как утопающий хватается за соломинку.

Она ушла, и он стал ждать результатов. Дело серьёзное и сейчас где-то фигурирует его имя. Но он был готов ради неё на всё.

* * *

Несколько томительных дней прошли в тревожном ожидании, и вот снова её звонок в дверь. Вид у Насти опять был самоуверенный, словно ничего не произошло.

– Ходила? – поторапливал он её с новостями.

– Да.

– Сказала?

– Говорила. Инспекторша не поверила: «Небось, за какого-то сопляка выходишь?» Я ответила: «Нет, за солидного человека».

– Мне не надо там показываться, чтобы подтвердить?

– Нет. Только заставили заполнить бумаги, что провели со мной разъяснительную беседу и предупредили.

– Вот так мотаться по значным местам. Отобрали бы ребёнка, а после этого тебя бы никто за человека не считал.

– Я бы ни за что не отдала Алёнку! Лучше повеситься...

Артём даже рад был такому происшествию: пусть задумается. Это будет ей хорошим уроком. Может, возьмётся наконец-то за ум. Значит, в инспекции поверили, что Настю берут замуж, видимо, слышали, что она ходит к нему. Здесь про всех всё знают. Раз оставили её в покое, значит, действительно считают его надёжным человеком. Он даже давал Насте последний выпуск альманаха, чтобы показала его служивым. Вот только будет неловко, если через какое-то время в инспекции увидят, что Настя не вышла замуж, а слукавила. И что-то не видно по ней, что она торопится под его крышу.

Он спросил напрямик:

– Ну, когда переедешь ко мне? Помочь тебе с вещами?

И интуитивно подумал: «Сейчас ответит по примитивному шаблону: как только, так сразу». Если отшутится таким незамысловатым образом, значит, ничего серьёзного она в отношении его даже не планирует.

– Как только... – начала Настя, но, видно, ничего более оригинального не нашла и закончила с плохо скрытой смешинкой в голосе: – ... так сразу.

14.

– Что-то с Магнусом происходит, – делился Никита с Артёмом своим недоумением по телефону. – Это началось месяц назад. Приходит ко мне и начинает портить свои работы. Соскабливает лезвием некоторые фигуры, говорит: неудачно. А на их место пририсовывает другие, совсем школярские. Я говорю: не трогай ничего, всё очень здорово! А он не соглашается. В одной папке у него были собраны эротические фантазии. Я тебе не успел их показать. Там были изображены в стиле уголовно-эротического «треша» какие-то зловещие типы, которые провожают пожирающим взглядом голых сексапильных особ, проминающихся по бродвеям. И подписи оригинальные – Виталиус напридумывал каких-то своих, удивительно метких словечек. Такой уклон у него произошёл после тщетных попыток найти себе понятливую подружку. Все они не тянули на новоявленную Галу – оказывались недостаточно безумными, чтобы принять его таким, какой он есть. Он забрал у меня эту папку и теперь утверждает, что сжёг её. Напужался, что милиция придерётся.

Что за чушь, сейчас и не такое печатают в разных комиксах. У него, по крайней мере, есть оригинальность. Надо было спрятать эти папки подальше, но я не ожидал, что он такое сотворит. На Западе его перлы, даже такие, пошли бы в ход...

– Почему ты не остановил его?

– Я не знаю, как ему противостоять. Требуется конкретный рисунок, а потом цирк ножницами – и отрезает какую-то часть или даже половину.

– Больше не отдавай ему ничего! – не на шутку разволновался Артём. – Один такой, по имени Гоголь уже сжигал «Мёртвые души»...

– Боюсь, что опоздал. Он забрал у меня несколько папок и говорит, что уничтожил их содержимое. Вынимал листы и расправлялся, как он выразился, «с каждым первым рисунком».

– Зачем отдавал?

– Он настоял. Говорит, это моя интеллектуальная собственность, ты меня не вправе удерживать. Не могу понять, почему он так поступает. Думал, его доконали родители. Что удивительно, сами они тоже имеют отношение к искусству – керамисты. Делают разные безделушки на продажу, а своего отпрыска совершенно не понимают. Магнус, оказывается, в училище связался с одним однокурсником-наркоманом. Тот ему внушал, что своими творениями можно изменить мир. Изобразишь что-то гениальное – и завтра мир перевернётся. Их призовут мессиями служить обновлённому обществу. Словом, Магнус мечтал стать неким Демиургом своей придуманной страны, которую назвал Гельвенией. А однажды прибежал ко мне чумной, заполошный и говорит: «А ведь ничего не изменилось! Значит, зря я рисовал. Теперь надо всё уничтожить!» Я еле отговорил его. Сказал, что если его бумаги у меня, значит, они уже не имеют к нему отношения. Без доводов, его не переспоришь, он такой. Еле удалось прийти к компромиссу.

– Ужас какой-то...

– У него было шесть разных стилей. А теперь даже те купюры с марками уничтожил.

– Значит, не зря у него «жёлтый билет». Хотя училище всё же дали окончить...

– Я не знаю другого такого случая в истории, чтобы кто-то уничтожил столько своих работ. Наверное, процентов шестьдесят.

– Надо спасти хоть остатки...

– Я специально купил сканер и теперь сбрасываю его работы на жёсткий диск.

– Может, ещё нарисует всякой всячины...

– В том-то и дело, что у него напрочь исчезли все навыки. Начинает при мне рисовать – сплошные почеркушки. Я просто поражаюсь, что с ним случилось?..

– Запрячь подальше его работы или давай я заберу их на хранение.

– Больше ему ни листочка не отдам!

– Да, это твоё упущение. Огромное. Я бы такого не допустил.

– И музыку больше не сочиняет. Я тебе не говорил, что он на компьютере записал несколько десятков концептуальных ораторий и симфоний? Да, да, занимался и этим. Купил по случаю синтезатор «Ямаха» японской сборки и стал на нём импровизировать, не имея представления о нотах. Творил по наитию, что-то напевал, наговаривал. Подготовил несколько компакт-дисков с этикетками, как положено. Симфонии протяжённостью от двадцати минут до часа.

– И каковы они, эти его эксперименты?

– Ну, не в полном смысле слова симфонии. Не совсем обработанные, сыроватые. Но попадаются куски весьма на уровне. Его музыка немного напоминает Шнитке.

– Так и превратится в обыкновенного человека, потеряет царя в голове...

– Кстати, Магнус просил твой адрес, хотел приехать к тебе в гости, но я не дал: будет надоедать...

– А у меня тоже произошло нечто необъяснимое. Пропал портрет, который нарисовал твой Магнус. Всё в доме перерыл – как испарился! Прямо какая-то мистика...

15.

Зимой Настя в очередной раз озадачила Артёма. Сказала, что пока спать с ним не будет, так как ей удалили бартолиновые железы. В детстве сидела в холода на бетонном крыльце общежития, вот и вышло боком. Теперь она от близости испытывает дискомфорт.

– Посоветуйся с врачами, – задумался Артём. – Не будешь же ты утверждать, что такое состояние останется на всю жизнь. Кто тогда тебя возьмёт замуж? И ребёнка больше не родишь...

Артём ещё лелеял тайную надежду, что она родит ему наследника.

– Ещё одну попытку можно сделать, – туманно намекнула она, всё же опасаясь, что может потерять спонсора. – А насчёт секса... Медики говорят, есть специальные кремы. Я уточню у своего гинеколога. Через месяц...

Прошло два месяца, но всё оставалось по-старому. Однако деньги от Артёма Настя брать не забывала. Это его начинало выводить из равновесия. Зная, что все её слова надо корректировать, он чувствовал: опять что-то здесь не так. В шутку взял и брякнул ей:

– Тогда мне придётся на это время завести любовницу...

– Ничего не имею против, – быстро согласилась Настя, и это его больно кольнуло: ей всё равно, ведь произнесла она это как-то равнодушно.

Тогда он и впрямь решил назло ей завести «временную» женщину, – может быть, хоть капельку взревнует. Благо, одна продавщица из местного магазина стала проявлять к нему повышенный интерес. Эту толстушку, приближающую к бальзаковскому возрасту, так и звали – «Зина из магазина». Тщательно выбирая ему на полке буханку хлеба, словно они сильно отличались друг от друга, она заговаривала с ним на посторонние темы. А с некоторых пор стала навещать к матери Курганцева якобы за зеленью. Набирает лука или укропа в полиэтиленовый мешочек, а сама косится в сторону Артёма.

Чтобы облегчить ей задачу, Артём выбрал момент и вскользь обронил:

– Можешь и просто так приходить – пообщаться...

Толстушка обрадовано взблеснула небрежно подведёнными навеки наивными глазами:

– А можно сегодня?

Вечером уже сидела в его комнате, таращась на засилье книг по стенам. Не выдержала и спросила с убийственной прямоотой:

– Зачем их столько? Прочитал – и в печку, вон сколько места занимают...

Чтобы хоть как-то оправдать свою книжность, Артём показал ей альманахи «Непризнанный гений», в её глазах зажглась уважительность, но когда она выудила, что он всё это делает на чистом энтузиазме, недоуменно переспросила:

– И нету никакого гонорара?

– С неба, что ли, свалится? – поневоле терял галантность Артём. – Объяснял же: сами авторы оплачивают свои страницы. Ходили на приём в управление культуры, чтобы хоть чем-то помогли со спонсорами, но так ничего и не дождались.

– А зачем тогда всё?

– Что «зачем»? Зачем выпускать альманах?

Гостья застывала на нём пустыми не моргающими глазами, ожидая, когда её объяснят необъяснимое.

– Лучше пить водку? – съязвил Артём. Он уже понял, что круг тем, которые можно затрагивать с продавщицей Зиной, сузился до едва различимой точки в виртуальном пространстве. Значит, в сухом остатке будут только житейские «тары-бары».

Гостья переключилась на его личную жизнь, выказав осведомлённость насчёт Насти.

– А ты откуда знаешь про неё?

– Вся общага знает.

– Ты тоже в этой общаге живёшь?

Перехватив его разочарованный взгляд, она стала оправдываться:

– Наверное, зря сказала. Там же не одни бичи живут, хотя все так считают. Я уже устала оправдываться...

– Как ты там оказалась? Больше некуда податься?

– Родители живут в селе, а что там делать? Поголовная пьянка, половина мужиков уже на кладбище. Устроиться можно только дояркой или скотницей. Вот и зацепилась в этой общаге, раньше же хорошо в ней было. Комнату приватизировала. На втором этаже, отсюда из твоего окна видно. Можешь заходить в гости.

Артём поморщился и спросил:

– А над тобой на третьем этаже кто живёт? Оттуда, бывает, вылетает посуда...

– Может не только посуда вылететь. Там одна девица малолетняя пригласилась. Путанит по вызову. За ней приезжают на машине.

– И Настя почему-то ходит туда, хотя я ей запрещал.

– Она часто там околачивается. Месяца два назад какой-то фраер подпоил её, а потом стал требовать отплаты. Она заупрямилась, тогда он вытолкнул её из окна и держал за ноги на весу: «Будешь? А то сброшу вниз...» А она: «Нет, не буду, можешь сбрасывать...»

– Откуда ты знаешь такие подробности?

– Да девчонки в магазине сами обо всём рассказывают. Я слушаю их разговоры, и у меня уши в трубочку закручиваются. Меня они не стесняются.

Хоть Артём и крепился, но его стала грызть досада: Настя сдружилась не с кем-нибудь, а с путаной. От этого можно заподозрить всё что угодно.

– Может быть, и Настя, так сказать, включилась в сферу обслуживания?

– Насчёт этого не знаю, хотя видела, как она садилась в машину с парнями. Утром привезли её всю растрепанную.

Артём посчитал необходимым ответить откровенностью на откровенность, хотя она могла и оскорбиться:

– Не обижайся, но я с тобой общаюсь только из-за того, что мне Настя разрешила завести новое знакомство. У неё временные проблемы по женской части, поэтому приходится воздерживаться...

– И ты ей веришь? Какой ты...

– Какой?

– Наивный. Разве можно быть таким доверчивым и всем подряд верить?..

– Ты и себя имеешь в виду? – парировал Артём – Тебя я тоже совсем не знаю. И тоже должен на всякий случай подозревать в чем-то?

– Меня можешь не бояться.

– Выходит, надо опасаться Настю...

– Зачем ей спать с тобой, если ты и так даёшь ей деньги?..

– Ты и об этом знаешь...

– Её подружки только об этом и говорят. Сидят у неё в гостях, дома ни куска. Она встаёт, берёт сумку: «Ну, я пошла...» Потом приходит с полной авоськой: чай, сахар, рожки...

– Насчёт рожек я не помню, вроде бы не давал. Надо же ей помогать кормить дочку. Я думаю, у нас всё же не такие отношения, чтобы она спала со мной лишь из-за этого. Я хотел сделать из неё хозяйку.

– Любишь её? Тогда постарайся её переделать.

– Пытаюсь уже сколько лет...

– Всё это я понимаю... Но... она тебя не любит, – выдала гостя новость.

– Тебе-то откуда это знать?

– Не любит, – твёрдо проговорила Зина, и Артём понял: глупо сейчас уточнять. Значит, сама Настя давала это всем понять. Он думает, что всё нормально, просто у неё такой возраст, со временем оценит его. Но тут, оказывается, другое...

У Артёма сразу пропало настроение, и Зина показалась ему нестерпимо чужой: ничем она не сможет скрасить его одиночество. И сама это прекрасно понимает. Спасибо хоть раскрыла его непростительно зашоренные глаза. Он верит Насте, та умело и почти незаметно подыгрывает его самолюбию, делая приятные намёки. Он вытаскивает её из таких пропастей, а у неё ничто не дрогнет в душе. Такой вот расклад получается...

– Ладно, посплетничали, и я пойду, – поднялась с кресла Зина, догадавшись, что его мысли сейчас витают далеко от неё: наверное, не может уплотнить в голове всё, что она разом ему выдала...

* * *

Зина стала упорно приходить к нему по вечерам, иногда задерживаясь до утра. Отведённая второстепенная роль её несколько не смущала. Он лишь старался, чтобы её визиты не совпадали с Настиными. А та продолжала принимать от него угощения. Он напрямую сказал ей, что нашёл «заместительницу». Подружка отреагировала спокойно и даже назвала имя продавщицы. Настя была уверена в своей неотразимости: адюльтер ей ничем не грозит...

Особого удовольствия от общения с «Зиной из магазина» он не получал, зато пошла потоком полезная «информация к размышлению», которая его непосредственно касалась. Он смог посмотреть на себя со стороны. Не только от Зины, но и от других все весточки о Насте отдавали негативом. Принесла почтальонша пенсию матери и тоже между делом обронила пару фраз – из того разряда, по

которым опытный разведчик может составить целостную картину. «Сейчас ещё надо идти к Сойкиным, а у них всегда такой бедлам. Не достучишься. Раз было открыто, зашла, а там целая комната народа, непонятно кто. Все спят на полу вповалку, ногой негде ступить...»

Больно было слышать такое. Артём живо представил: Настя спит на полу, а вокруг какие-то малознакомые мужики, случайные собутыльники. Кто пришёл с выпивкой, тот и гость желанный. Другая на месте Насти давно бы постаралась покинуть этот дурдом, тем более, если есть куда. Неужели ей нравится такое?..

Артём решил «разобраться» с Настей: не может такое продолжаться до бесконечности. В глазах окружающих он становится шутом. Их отношения давно стали двусмысленными. Придёт со скорбным видом, поест, немножко побалывает на неопределённые темы и ждёт, когда «позолотят ручку». А её болезни всё не кончаются. Что-то по ней не видно. Раз шёл с ней по улице и не мог угнаться – так резво она перебирала ножками.

Жёсткий разговор получился сам собой. Артём, не выбирая выражений, выкладывал напрямую всё, что думал:

– Тебя уже за ноги подвешивают...

– В смысле, – сделала она непонятливое лицо, решая: признавать этот «жареный факт» или повременить?

– Хватит «дурку гнать»! – для наглядности он перешёл на её жаргон, который успел выучить за годы общения. – Это всё в той же твоей любимой общаге...

– Да один пристукнутый приставал ко мне, – стала она сдаваться.

– Ты их сама находишь. А дома что у вас творится? После пьянки спите вповалку, это все уже знают. Кроме меня...

– Это к дяде приходят собутыльники, не выгоню же я их. Дом-то дяде принадлежит...

– Ты тоже с ними пьёшь, так что не увиливай. Кто откажется, если наливают? А ночью лезут к тебе – только не оправдывайся...

– Я закручиваю резинку на трусиках. Если ночью кто-то полезет, я сразу просыпаюсь...

Говорила она об этом как в порядке вещей, даже без деланного возмущения.

– Но даже не это меня возмущает. Мне все наперебой говорят, что ты меня не любишь. Откуда у людей такая информация? Это должно касаться только нас двоих.

Настя не стала клясться в любви.

– Значит, ты всем даёшь это понять, если все вокруг так уверены в этом. Я тебя не принуждаю. Не нравится – не ходи! Если больше по душе разгульная жизнь – твоё дело. Но и проблемы тогда – твои. Мне уже надоело вытаскивать тебя из разных передрыг. И самое главное – из-за тебя я теряю время. Может быть, нашлась бы подходящая

женщина, но я сам ничего не предпринимаю. Зина не в счёт, я с ней из-за твоих проблем, сама знаешь...

Никакого толка от таких разговоров он не добился. И вот последняя капля переполнила чашу терпения. Родственники уехали на недельку к знакомым землякам в Ивантеевку. Огород, и свой и сестры, остался на Артёме. Стояла невыносимая жара, он едва успевал поливать грядки. На сорняки уже не хватало сил – из земли лезли побеги крапивы, молочая и вьюнка с пыреем. Он попросил Настю помочь с прополкой. И опять намекнул ей, что может переносить к нему свои вещички. Настя неопределённо кивнула и тоненькими пальчиками с трудом выдернула из земли пару колючих кустиков бурьяна. На лице у неё застыла гримаса брезгливости. Тут она заметила красневшую среди листвы россыпь клубничных ягод. Стала угощаться:

– Ой, сколько её! Можно я наберу немного для Алёнки?

Он дал ей литровую банку, и она за полчаса наполнила её. Утёрла пот со лба и сказала:

– Сегодня я устала. Давайте я завтра с утра пораньше приду и мы вместе выдергаем все сорняки...

– Свежо предание, да верится с трудом, – ни слову не поверил Артём, знакомый с её выкрутасами. – Но смотри! Тебя никто за язык не тянул. Если опять обманешь, можешь забыть сюда дорогу...

Конечно же, она не пришла ни завтра, ни послезавтра. А потом, как обычно, стала «выдерживать паузу» в надежде, что он позабудет свою угрозу. Но он уже был сыт по горло всеми этими штучками. Едва она снова позвонила, он захлопнул калитку перед самым её носом:

– Я тебя предупреждал!..

16.

Артём ещё и сам не успел запомнить номер своего сотового и дал его всего двум-трём самым приближённым. И вдруг его вызывает какой-то незнакомый абонент – чужие цифры. Он ответил и узнал голос Машки.

– Вы не можете за мной приехать? Я стою на Восточке, у меня нет денег на автобус, – огорошила она его.

– Как ты там оказалась?

– Поехали в гости к девчонкам, а они бросили меня. К тому же на моём босоножке оторвалась застёжка. Приезжайте за мной, я буду за остановкой.

– А как ты узнала мой сотовый?

– Настя же записывала, а я запомнила. Я звоню с чужого сотового, попросила на остановке. Долго не могу говорить.

– Ладно, сейчас приеду.

Во время размолвки с Настей Машка перестала обращаться к Артёму с мелкими просьбами: видимо, ей было неловко из-за сестры. Но на Машку он никогда не обижался: она ничего плохого ему не сделала.

Артём заскочил в маршрутку и помчался в сторону Амурского посёлка. Он помнил остановку Восточная – сразу за Горбатым мостом.

Опять он остался без женского общества. Зина утомила его своим умственным плоскостопием. Осуждала других, а сама тоже обманула его. Сказала, что никогда не была замужем: «Я так боюсь замуж!..» Большая разница, когда такое говорят в восемнадцать лет или в сорок. И ещё она скрыла от него очень важную вещь. По её словам выходило, что у неё нет детей, а люди подсказали, что у неё есть взрослый сын-шалопай, который скоро должен вернуться «из мест не столь отдалённых». Попался на квартирных кражах. Жить ему негде, будет обитать в её комнатухе. Да ещё повадится ходить в гости к Артёму. Но больше всего она достала его своими «зачем». Спросил однажды: «Смотрела вчера местную программу? Показали наш альманах в честь маленького юбилея – два года выходим. Так и сказали, что появилось издание, помогающее начинающим стать на ноги». «Что-то не заметила», – ответила она. «Сюжет был маленький, секунд пятнадцать, ведущая полистала наш последний альманах». «Всего-то?» «А ты думала, что снимут целую передачу! Сама попробуй проявить себя в чём-нибудь, чтобы о тебе сняли часовую передачу...» «А сколько вам заплатили за это?» – допытывалась гостя. Он тогда чуть не лишился дара речи на всю оставшуюся жизнь. Просто культурненько выпроводил её без всякого ожидаемого секса, пусть ищет другого. Так что самое время сказать прощай «Зине из магазина»!..

Когда отмелькали железные перила моста, Артём попросил водителя остановиться. Эти места были довольно живописны – с какой-то первобытной дичинкой. Дома спускались с холмов прямо к реке, улицы были извилисты и могли внезапно привести к оврагу.

По мосту были проложены рельсы – ходил трамвай. Перехода поблизости не было, и машины неслись в обоих направлениях – в два ряда. Артём долго приноравливался, чтобы проскочить между транспортом на противоположную сторону.

Восточная остановка возвышалась на фоне реки. На солнцепёке маячило три человека, но Машки среди них не было. Артём заглянул за бетонную полухатку остановочной конструкции и в зарослях молодой калины увидел Машку – она сидела на корточках, прислонившись спиной к бетонной стене.

– Наконец-то! – поднялась она на ноги и сделала пару неверных шагов ему навстречу. – Думала, придётся здесь ночевать. Спасибо, что приехали...

По её полусонным глазам и заплетающемуся языку он понял, что она уже опустошила не менее двух тетрапаков пива. Машка сделала себе африканские косички, но волосы у неё были редкие, косичек получилось мало, и поэтому кожа на голове сильно просвечивала. Подросла, уже хочет нравиться мальчикам, но не видит, что причёска получилась не очень – свисают какие-то жалкие чёрные сосульки.

– Кто это тебя так? – посочувствовал он, кивая на её головную пародию.

– Знакомая в парикмахерской. Всего за триста рэ, а так берут тысячу...

– Машка, тебе это не идёт. Ты как лысая...

– А мне параллельно! – перешла она на молодёжный язык, который раздражал Артёма – такая тарабарщина, что иногда ничего нельзя понять.

– Кто тебя бросил-то? Рассказывай!

– Мы пили пиво в гостях...

– Живое или мёртвое? – вставил он иронично.

– Смеётесь. Деньги кончились, и девчонки пошли к знакомым парням, чтобы те подвезли нас на машине. А у меня как назло лопнул ремешок на правом босоножке, вот. Девчонки сказали ждать их на остановке, а сами тут же забыли про меня.

– Небось, и Настя с вами...

Машка промолчала, но Артём уже научился читать её молчание.

– Как она может так поступать? Сестра ведь...

– Она уже не первый раз так делает...

– Ну и отношения у вас! Идти-то сможешь?

Машка нагнулась, подоткнула под стопу болтающийся ремешок от правого босоножка и похромала следом за ним на остановку. После нескольких шагов ремешок выскользнул, она его снова заправила под стопу.

В переполненном автобусе они стояли в проходе. Машка, покачиваясь, держалась за вертикальный поручень. Веки у неё измождено опустились, она так и тряслась на всех ухабах с закрытыми глазами. Пассажиры с интересом косились на них.

Когда стали подъезжать к дому, Артём тронул её за плечо:

– Давай сойдём возле хозяйственного магазина. Куплю клей «Момент», приклеим ремешок. Иначе тебе придётся до самого дома скакать на одной ноге...

17.

Зима выдалась на редкость малоснежной, а морозы давили и давили. Артём смотрел из окна на садовые посадки, которые всегда старался забросать снегом. Теперь они дрогли на ветру, ничем не

защищённые: несмотря на конец ноября, земля чернела, лишь в ложбинках роились снежные пятна. Пришлось обмотать стволы яблонь мешковиной.

Между ветвей одной из яблонь он прикрепил кормушку. Синички с воробьями копошились там с утра. Осторожная сорока, устроившая на его ёлке в палисаднике гнездо, садилась поодаль на рябинку и наблюдала за чужим пиршеством, побаиваясь подлетать к кормушке. Но если там были жирные куски, а об этом извещало особенно радостное чириканье, белобока, сотню раз оглядевшись по сторонам, приманивалась на картонку, чтобы ухватить вкусненькое. Вся птичья мелочь в этот миг разлеталась прочь и, прицепившись лапками к тонким ветвям вишни, со стороны возмущённо бранилась.

Дворняга тоже проторила тропинку к яблоне и время от времени вертелась у комля, стараясь дотянуться до кормушки, откуда иногда выпадали куски. Её и так кормили, как на убой, но она не знала меры и ревновала птиц к еде.

Когда Артём пожаловался соседу-аборигену, что морозы могут погубить весь сад, тот лишь усмехнулся:

– Это разве морозы? Ты не знаешь, что было в шестидесятые годы. Откроешь дверь веранды – аж стёкла лопаются от перепада температуры...

В один из таких особенно лютых вечеров, Артём расслышал за окном кухоньки радостное повизгивание дворняги. Вышел во двор – собака подныривает мордой под железную калитку, через щель учуяла кого-то знакомого. Открыл калитку – за ней переминается с ноги на ногу Настя. Раскрасневшееся лицо, на ресницах наледь. Выглядела она побитым щенком, молчала, ожидая его реакции.

– Ты давно здесь? – опешил Артём, и в его груди помимо воли разлился кипяток – ну никак он не мог обижаться на неё, хоть было за что.

– Звонок не работает? – спросила она.

– Замёрз.

Он повёл её в дом, решив не докучать никакими расспросами. Можно и помолчать. В его комнате она увидела большие перемены: напротив софы теперь стояли сдвоенные журнальные столики, на которых разместилось электронное хозяйство: компьютер с колонками, сканером и лазерным принтером. Этой техникой Артём обзавёлся недавно с помощью Никиты. Тот помог выбрать в торговом центре самую последнюю модель компьютера, показал, как его включать, запускать фильмы. Оставил самоучитель, в который теперь Артём заглядывал за каждой мелочью.

Настя молча оценила дорогое приобретение, по глазам было видно, что это произвело на неё впечатление. Как только Артём оставался без женского общества, у него начинали скапливаться деньги, которые можно было потратить на себя.

Угостив Настю горячим какао, он спросил:

– Что-нибудь поставить? У меня есть десяток фильмов. Правда, я ещё не разобрался со звуком, он какой-то не такой. Наверное, включена функция «пять и один», а надо переключиться на «стерео». Голосов почти не разобрать, зато бьёт по ушам барабан. Опять надо звать Никиту, чтобы настроил, как надо. Я тогда поставлю немой фильм Чарли Чаплина.

На экране замельтешил чёрно-белый неуклюжий бродяга в кургузом пиджачке и с огромными растоптанными штиблетами. Гостя странно молчала, словно не верила, что её снова приняли, и боялась сглазить везение. Он взял её за сухую ручку, прижал к щеке.

– Мне ещё нельзя, – произнесла она.

– Мне и так хорошо с тобой.

Молча смотрели за проделками экранного героя. Неожиданно Настя произнесла:

– У меня крикнул отец...

– Когда? – переспросил он. – Я ничего не слышал.

– На той неделе.

Его покорило это словечко «крикнул» – то ли она думала, что он всегда презирал её отца, то ли в молодёжной среде принято так выражаться, ведь они с Машкой никогда не говорили «родители», а только – «родаки» или «предки».

– Ну, и словечки у тебя! – не выдержал он, хоть собирался не читать ей нотаций. И добавил: – Значит, допился...

Настя опять замкнулась в себе.

– На кладбище ездила? – интересовался он подробностями.

Она отрицательно мотнула головой.

– Что так? Неотложные дела? Всё-таки отец, каким бы он ни был. Теперь его нет.

Она опять никак не отреагировала, продолжая следить за сюжетом фильма.

– А Машка ездила? – допытывался он, чувствуя, что опять превращается в домашнего следователя.

– У-у, – отрицательно выдула она из себя две ноты.

– Что вы за люди? – вырвалось у Артёма. – Понятно, что не видели от него ничего хорошего, но в последний путь всё равно надо проводить...

– Наши ездили: мама с дядей.

– Ты хоть навести могилку...

– Летом. Сейчас такой дубак на улице...

Настя заметила на окне сотовый телефон Артёма. Взяла его и начала в который раз любовно рассматривать. Проверяла разные функции, меняла мелодии вызова, устанавливала какие-то цветочки на дисплее. Он удивился, что она хорошо знает все эти штучки.

– У моей двоюродной сестры есть навороченный сотик, – с какой-то завистью сказала она. – С видеокамерой.

– Видеокамеру лучше покупать отдельно, на сотике всё равно качество будет неважное.

– Зато удобно. Положил в карман – и всегда с тобой. Раз – и включил камеру. Я бы засняла Алёнку. Недавно видела у девчонок, – скачали из интернета, – ролик, как убивают девушку.

– Не понял, – насторожился Артём. – Отрывок из фильма?..

– Нет, на самом деле! В каком-то селе она всех парней заразила СПИДом. Они её подкараулили, взяли в круг и стали бить. Каждый подходил и вмазывал. Кто-то снимал всё это на сотик. Когда упала, стали пинать. А потом на голову опустили какую-то бетонную вазу от цветника. Жуть – столько кровищи!.. Когда у меня будет сотик, я перепишу себе этот ролик...

– Что вас так тянет на всякую дрянь? – взорвался Артём. – Неужели так приятно любоваться на такое? Прямо смакуете...

– Она же всех заразила.

– Я это понимаю. Они теперь тоже не жильцы – СПИД ещё не научились лечить. Но нельзя же так по-зверски...

Артём уже давно размышлял о круге молодёжи, в который входила Настя: что у них творится в головах? Заглянуть бы и понять...

* * *

Уже несколько лет подряд Артёму снился один и тот же повторяющийся сон, словно он был записан на киноплёнку. В журналах писали, что человек может знать, что ему снилось, если просыпается в момент сновидения. А если проснётся в пустом промежутке, будет считать, что ничего не снилось, хотя это не так.

Артём спал беспокойно, мог за ночь не раз и не два проснуться. И часто просыпался он после того повторяющегося сна. Словно он случайно попал на солдатское стрельбище и ему дали какое-то неподъёмное противотанковое ружьё с длиннющим стволом, на конце которого квадрат из металла, чтобы не разорвало дуло. Он видит, что рядом на животе лежат стрелки и как их правое плечо откидывает назад при отдаче.

Он тоже изо всех сил прижимает приклад к плечу, но почему-то целится в мишень стоя, не как все. Ружьё длинней и тяжелей его самого, трудно удерживать его на весу. Но надо сделать выстрел, и он с замиранием сердца нажимает на спусковой крючок. Страшная сила бьёт его в плечо, разламывая кости. Ружьё падает наземь и он вместе с ним.

В этот момент Артём всегда просыпается. Поначалу даже ощупывал правое плечо: фу, чёрт, целое! Ему не надо костного

крошева под кожей. Будешь лежать под скальпелем и ещё, чего доброго, останешься калеккой на всю жизнь. Слава богу, что это лишь приснилось.

Но почему сон всё время повторяется? Есть ли в этом какой-то скрытый смысл? Он что-то хочет сделать, но в результате получится такая вот разрушительная отдача. Обидно будет...

18.

Два года издавал Курганцев с Аржавиным альманах. После каждого выпуска проводили презентации в просторном зале заседаний энергосбыта, где работал один из авторов, пописывающий стишки. Он насочинял напыщенных дифирамбов начальству, оно это приняло за чистую монету и разрешило в выходные бесплатно пользоваться залом.

Двадцатого июня Артёму исполнилось сорок пять, и ему предложили на очередной презентации рассказать о себе, о своих увлечениях. Так делали по очереди на всех презентациях, когда у кого-то случалась круглая или «полукруглая» дата. Вечер вызвалась вести неугомонная общественница Лина Пименова, на досуге занимавшаяся незатейливым перформансом. Она и другим помогала проводить творческие встречи.

Пименовой уже перевалило за пятьдесят, хотя она была ещё крепкой. Она не раз заговаривала с Артёмом на посторонние лирические темы:

– Хорошо бы найти нормального человека. Хочется потихоньку копать на грядках. Вы же в частном секторе живёте? А я в однокомнатной квартире. Уже ничего не охота, только покоя и тишины...

Артём понимал её и даже уважал: до сих пор многое делает на энтузиазме. Но почему к нему всё время льнут женщины намного старше его? Он чувствовал, что с такой бы он не жил, а доживал. С Настей же он ощущал себя молодым. Сил ещё немеряно, нужно много дел переделать. А молодка словно подталкивает его вперёд.

Когда же Настя будет вести себя более серьёзно, по-взрослому? Сколько можно с ней нянчиться? У всех в молодости ветер в голове. Ему тоже было охота повыпендриваться среди своих, покуражиться. В двадцать он сам состоял из эфира, мечтаний и мелких глупостей. Но ведь не забывал о работе и учёбе. А Настя даже вечернюю школу не одолела и не собирается. И трудовой книжки до сих пор не завела.

Недавно выронила паспорт возле той злополучной общаги. Подростки нашли и стали требовать с неё двести рублей. Ведь знают, что она не работает и растит ребёнка. Или догадывались, что она всё равно попросит у него. На такое давать денег он не собирался. Отказал категорически. Не хватало ещё ублажать каких-то

недоносков! Удивительно, ведь это её кампания, вместе с детства росли, а ведут себя таким вот скотским образом. Он так и сказал: на это ни копейки ржавой! Пусть обращается в милицию, адрес пацанов ей прекрасно известен. Потом всё-таки отдали ей паспорт за полтинник – безотказная тётя выручила.

Пименова расстаралась на совесть – выпросила у Артёма биографические данные и настроила целый доклад. Посоветовала принести на презентацию свои альбомы с фотографиями, чтобы посмотрели люди. Накануне презентации она даже обращалась на городское телевидение, но ей ответили, что в выходные выезжают только на платной основе, минута съёмки – двенадцать тысяч рублей. Это стоимость выпуска всего альманаха, на который и так с трудом набирают средства: некоторые упрашивают напечататься в долг, а потом всячески увиливают от оплаты.

Артём решил пригласить на презентацию и Настю. Она в ответ огорошила его очередной новостью со знаком минус:

– Мне снова надо ложиться на операцию – удалять один яичник. Он воспалился – видимо, перемёрзла когда-то.

– Да сколько у тебя болячек? Многие, согласись – по твоей глупости. Видел, как вы зимой сидели на бетонных ступеньках общаги, а теперь жалуетесь...

– На целый месяц кладут в больницу.

– Значит, опять нужны деньги? И опять я крайний...

– Операция стоит пять тысяч.

– У меня сейчас нет столько.

– Тогда может воспалиться и другой яичник. С одним я ещё могу родить, а если удалят оба...

Артём ещё не выбросил из головы надежду завести наследника. Сразу спохватился:

– У меня есть пара тысяч. Можно будет на презентации организовать продажу рамок, есть эксклюзивные. Объясню людям, что к чему, думаю, поймут. Наскребём как-нибудь...

Накануне презентации Артём обзвонил всех своих друзей, приглашая их. И буквально все они пришли. Хотел через Никиту пригласить и Магнуса, но тот впал в мизантропию, и лучше было его не тревожить. В актовом зале энергосбыта он разложил свои фотоальбомы на длинном столе, сделанном в виде тумбы. Расставил рамочки. Народ заполнял зал. В дверь заглянул Иван Ознобишин и пальцем поманил «виновника торжества» в коридор. Он вышел вместе с Настей. Менеджер отвёл их подальше в сторонку, чтобы никто не видел, и достал из шикарного портмоне тысячную купюру:

– Я знаю, вам срочно нужны деньги...

Артём не ожидал такой непрошенной щедрости, даже растерялся. Тут же, чтобы ничего такого не подумали, передал деньги Насте:

– Это ей нужно...

Даже забыл поблагодарить внимательного земляка, лишь сказал Насте:

– Видишь, какие у меня друзья...

Настя тоже примостилась в зале – во втором ряду. В зале уже не было свободных мест, народ даже скопился вдоль стен. Пименова, готовясь начать «действие», подошла к Артёму, стоявшему за тумбой, и украдкой кивнула на Настю:

– Это ваша родственница?

– Знакомая, – несколько замешкался он с ответом.

– Ясненько! – понятливо поджала она «губки бантиком».

Большинство из присутствующих, оказывается, не знало сегодняшней программы. Можно сказать, Пименова предпочла импровизацию. В зале были и незнакомые ему люди, которых пригласили художники с местными непризнанными пиитами. Пименова зычным голосом призвала всех к тишине и после маленького предисловия стала ознакамливать собравшихся с биографией редактора альманаха. Артёму «по ходу пьесы» задавали вопросы с мест, порой очень каверзные. Никита, проводивший прежние презентации, на сей раз самоустранился – «замаскировался» в зале и никак о себе не напоминал. Правда, потом взял слово и наговорил в адрес Артёма кучу комплиментов. Сказал три косноязычных слова и Иван Ознобишин.

Артём заметил, что Настя смотрит на него из зала какими-то новыми глазами. Она, конечно, пролистывала каждый новый альманах, которым он перед ней похвалялся. Но это было для неё по большому счёту абстракцией, а здесь собралось столько людей и все считают, что он делает что-то необычное, к которому и они теперь имеют прикосновение. Про альманах «Непризнанный гений» уже наверняка знает полмегаполиса. Даже дочка Вика прислала ему свои рисунки (тоже увлекается на досуге), и он сделал ей сюрприз: напечатал их с небольшой выдержкой из письма, где она говорила, что хотела выразить тушью. Дочка так обрадовалась публикации, что всерьёз занялась графикой.

В заключение Пименова вручила Артёму шоколадную медальку:

– Пусть пока будет такая...

Артём ждал, когда она сделает объявление насчёт рамок, как договаривались, но Пименова словно забыла об этом. И в тот момент, когда люди собрались выходить на улицу, Артём останавливающе поднял руку:

– Минуточку! У меня маленькое сообщение. Этой девушке, – он указал на Настю, – срочно нужны деньги на операцию. Просим по возможности купить хотя бы одну рамочку, чтобы ей помочь.

Люди остановились, дружно поворачиваясь в сторону зардевшейся Насти. Кто-то начал было: «А что с ней?», но спохватывался: неприлично спрашивать про чужие болячки. Другие стали подходить к столу, вертеть рамочки и доставать кошелёк. Один довольно оригинальный, уже выставяющийся художник протянул Артёму пятисотку:

– Выбери сам на эту сумму любые рамочки.

Видно было, что они ему могут и не пригодиться, просто он решил пожертвовать эту сумму.

В руках у Артёма собралась кучка денег – как раз на операцию. Он сразу же отдал их Насте:

– На, быстрее поправляйся!..

На улице фотограф сделал коллективное фото, которое кто-то предложил дать в следующий номер альманаха на вкладку. Пименова пообещала написать заметку об этой встрече. Артём насильно усадил Настю на корточки рядом с собой. Они оказались в самом центре. Единственное, что несколько покорило его: Настя старалась отодвинуться от него, словно её что-то смущало.

Когда все стали с прибауточками разбредаться, Артём с Настей тоже направился к автобусной остановке. Никита догнал их и сказал Артёму:

– Давайте по пути зайдём в торговый центр. Хочу сделать подарок. Выбери себе альбом любого художника.

Артём не стал нагнеть. Ему хотелось занять футлярный том Пластова за 800 рублей (с детства врезалась в память его открыточная репродукция «Сенокос», где цветущие травы так и просятся в руки), но он указал на более скромного Врубеля за 300 рублей. Наблюдательный друг заметил его колебания.

– Я видел, как ты смотрел на Пластова. Его?

– Но там такая цена...

– Не стесняйся. Его?

Молча взял с полки тяжёлый том Пластова в суперобложке и направился с ним к кассе...

В маршрутке Артём сложил на коленях тяжёлые пакеты с фотоальбомами, сверху красовался глянцевым футляром Пластов. Правую руку Артём упокоил на спинке соседнего кресла, на котором расположилась Настя. Со стороны казалось, что он её беззастенчиво обнимает за плечи.

– Извини, – вынужденно объяснился он. – Просто некуда девать руку...

– Ничего, – кротко ответила она.

Наконец-то он был полностью удовлетворён. Презентация удалась на славу, люди проявили свои лучшие душевные качества, друзья показали, что они действительно друзья. Жить на свете стоит.

– Сколько тебе уже? – спросил он у Насти. – Забыл.

– Скоро двадцать один.

Чувствуя её острый пот, он опять сладко задумался: «Хорошо было бы, если бы она ежедневно расточала этот мускус в его доме. Сидит рядом серьёзная, тоже впечатлилась. Попала совсем в другой мир. После этого все примитивные дружбаны детства, собутыльники покажутся ей бледными поганками. Надо выбираться в другой круг. Какой приём ей оказали, хотя видят её впервые! Если уж и этого не оценит...»

19.

Настя даже не сказала, в какой больнице будет лежать. Пообещала звонить оттуда. Наступил вакуум – звонили только по делам альманаха. Машка тоже не приходила за передачками, и это показалось Артёму не совсем обычным, несколько выбивающимся за рамки сложившихся отношений. Может быть, не хотят его дополнительно напрягать – и так выложил приличную сумму.

Летом Артём всегда находил время, чтобы разведать, где поблизости можно раздобыть дров на зиму. Их он никогда не покупал, а собирал. То где-нибудь электрики спилят верхушку дерева, чтобы не задевала за провода, то кто-нибудь вынесет на мусорку старый диван. Иногда при ремонте квартиры старые доски оставляли у торцевой стены, зная, что их всё равно подберут – не один Артём ездил с тележкой по округе. Увидели его самодельный тарантас и тоже стали копировать. Все старались сэкономить на бесплатных дровах.

Лучше всего было разведывать бесхозные дрова до обеда, когда на окраинных улицах малоллюдно – все на работе. Артём знал, что пустым не вернётся – обязательно найдёт какую-нибудь выброшенную доску, в крайнем случае распилит старую закаменевшую корягу, скинутую кем-то в канаву для дождевых и паводковых вод.

Набрав дощатой тары, сваленной возле одного магазинчика, он покатиł тележку домой. Сокращая путь, поехал по узкой улочке, где ещё не было асфальта. Приходилось объезжать ухабы и ямки, выписывая нескончаемые петли. Смотреть надо было под ноги, чтобы не сломать колесо, как уже случалось. Разок он кинул взгляд из-под кепки вдаль: не выползает ли откуда встречная машина? В конце квартала его взгляд приковала худощавая фигурка: девушка в джинсах удалялась, размахивая руками – точь-в-точь как Настя. Но её здесь не может быть. Она же сейчас должна находиться в больнице...

Артём не мог продвигаться быстрее, чтобы догнать девицу и получше рассмотреть – не давал груз. Потянул быстрее – и тележку замотало из стороны в сторону, так и перевернётся невзначай. Вот показался угловой дощатый дом Насти. Куда же пойдёт та резвая девица? Если мимо, значит, он обознался. Но девица упругой

походкой подошла к угловому дому. Толкнула узкую дверку, встроенную в правую половинку высоких ворот, и исчезла из поля зрения.

Неужели это Настя? – опешил он. Посторонний человек не будет так уверенно заходить в чужой двор – почти не сбавляя шага.

Нет, этого не может быть, это было бы слишком чудовищно, даже подумать страшно. Собирали ей деньги на операцию, а она преспокойно расхаживает по улицам. Походка явно не больного человека. Даже если ей сразу сделали операцию и выписали, она бы не смогла так скакать по улице. А если такое всё же возможно, тогда почему не рухнет мир? Какой тогда в нём смысл, если он потерпит такое?

«Нет, нет, нет, вечно мне что-то мерещится. Люди не раз говорили мне, что я слишком мнительный...»

Надо бы найти Машку и даже не расспросить её, а просто аккуратненько поговорить. Она ещё не научилась юлить, даже если и соврёт, это будет видно невооружённым глазом.

Артём, выгрузив во дворе дровишки, понял, что не сможет усидеть дома. На душе скребутся дикие кошки. Нет, надо что-то делать, куда-то идти...

Он вышел на улицу и побрёл, сам не зная куда. Идти и не останавливаться. Вот и общага. Зачем мне она? А-а, здесь же вечно отирается Машка. Надо увидеть её.

На бетонных ступеньках её не было, может, за общагой? Он обогнул общежитие и вышел к детской площадке, устроенной между «хрущёбами». Машка и её низкорослая подруга бесцельно сидели на качелях, лениво покачиваясь. Артём присмотрелся к её косматой подруге: слишком очерченные, с вульгаринкой губы, на тёмно-каштановых прядях давние следы мелирования. Ему показалось, что это была она в той комнате общежития на втором этаже, из окна которой вылетала посуда.

Артём прошёлся по вязкому песку детской площадки и остановился перед девочками. Машка настороженно следила за ним: раньше на улице он сам к ней не подходил. Косматая бесцеремонно осматривала его с ног до головы. Артём решил зайти издалека и спросил у Машки:

– Это твоя новая подруга?

– Ты какая у меня, новая или старая? – шутливо переадресовала Машка его вопрос своей подруге. И тут же добавила: – Мы с ней дружили в детстве, а после школы долго не виделись. И вот теперь снова встретились...

Артём решил проверить свою догадку:

– Кажется, это она была в той комнате, откуда вы бросались в прохожих посудой?..

Девчонки переглянулись с довольными улыбками, – прикольный дядя. А Машка нехотя проронила:

– От вас ничего не скроешь...

– Она там живёт?

– Снимает комнату. За деньги, но – бесплатно.

– Это как?

– Сколько ты задолжала? – иронично посмотрела Машка на косматую. – За год? Скоро выгонят...

– А что с родителями не живёт? – Артём с Машкой говорил о косматой, как о постороннем человеке – словно её здесь не было. Она не встревала, а с полуулыбкой слушала, приглядываясь к дядечке.

– Она привыкла к самоволке. Как уйдёт из дома, то надолго. Вы не смотрите, что на вид она большая. Ей только в октябре исполнится восемнадцать...

– Тоже пьющие родители?

– Да ну! У неё богатые родки. Принимают металл на дому. У неё в комнате собственный компьютер. А ей не сидится дома, ведь там надо работать, а ей не хочется, белоручка...

– Ой, кто бы говорил! – подала голос косматая, он у неё был прокуренным – с хрипотцой. – Сама-то хоть раз в жизни мыла полы?..

– Мыла. Во сне.

– А Настя где? – внезапно спросил Артём и увидел, как Машка сразу изменилась в лице.

– Как где? – забежала она глазами. – В больнице...

– Сделали операцию?

– 3-3... Готовят.

Голос её зазвучал неуверенно, словно отвечала невыученный урок.

– А мне показалось, что я сегодня видел Настю, – отчеканил Артём, не сводя глаз с Машки. – Вёз дрова по вашей улице, издалека плохо было видно, но к вам зашла девушка по фигуре точно как у Насти...

– Это, наверно, была наша двоюродная сестра Полина, – почти по-детски произнесла Машка. – Тётина дочка. Она к нам иногда заглядывает.

– Но почему-то она шла не от остановки...

– Наверное, заходила по пути в магазин...

– В руках у неё не было никаких пакетов. Размахивала руками почти по-солдатски...

– Меня не было дома. Это, наверно, Полина приехала. Тогда я тоже пойду...

Машка соскочила с качелей и вместе с косматой направилась с тыльной стороны общежития в сторону своего дома. Было похоже, что она боится проговориться и поэтому поспешила с глаз долой.

Спустя пару деньков в калитку позвонили. Артём с удивлением увидел за воротами Косматую.

– Можно зайти? – бойко начала она. – Есть дельце на миллион...

– Ну, заходи, – посторонился он, пропуская её во двор.

В прихожей гостя оглянулась по сторонам, заглянула в арочный проём на кухню.

– Мама нет дома?

– Ушла в магазин. Что за дело-то?..

– Вот, – она неуклюже полезла в карман замусоленных джинсов и выпростала свёрнутый листочек. – Записка от Насти. Просит полтинник для полного счастья...

Артём недоверчиво развернул листок, усеянный слишком крупными буквами. Хотя и была внизу подпись Насти, записка составлялась от её имени, это он сразу понял по некоторым выхолощенным выражениям.

– Спасибо, что держите меня за лоха! Это не её почерк.

– Она сама писала! – слишком просительно произнесла Косматая.

– У меня сохранилась её прежняя записка. Если хочешь, можем сверить почерк. Скажи лучше, захотелось пивка, вот и выдумываете...

– Дайте полтинничек! – не унималась просительница, и Артём уловил резкий водочный запах: уже «в тонусе». – Я ей отнесу.

– Хватит задуривать мне голову! Ничего не получите, раз считаете меня дурачком. Совсем уже обнаглели! У тебя всё?..

Косматая не торопилась очищать прихожую. Провокационно упёрлась руками в бока, соблазнительно покачивая бёдрами:

– Я люблю таких мужиков, которые сразу...

– Ну да! А потом будете пинками дверь открывать. Не отвяжетесь. Хватит с меня приключений...

– А можно мне от вас позвонить? – не унималась Косматая.

– Кому?

– Мужу.

– Что ты мне заливаешь! Сама живёшь в общежитии целый год. Какой ещё муж выискался?..

– Я с ним развелась. Он наркоман, ой, я не то хотела сказать...

– Ещё и наркоманы! Всё, шагай с богом! Я не хочу, чтобы на моём горизонте маячили какие-то наркоманы. Иногда даже шприцы забрасывают мне в палисадник, сволочи. У меня порядочные друзья, а таких я обхожу за километр.

– Я всего два слова скажу по телефону, можете рядом постоять.

– Сказал не дам – и не проси! Потом будет твой наркоман названивать.

– У него нет определителя номера. Он не узнает, откуда я звонила.

– Машка с подружками однажды тоже попросила позвонить. А потом какая-то женщина мне два раза звонила и отчитывала, почему я подпускаю к своему телефону названивать её мужу каких-то ссыкух, и кем они мне приходятся. Еле «отстрелялся». Всё, фокус больше не пройдёт. Иди!

Косматая вышла во двор, но в двух метрах от калитки снова остановилась.

– Ну дайте мне на пиво! Хотите, я стану перед вами на колени?

Она действительно бухнулась на колени прямо на землю.

– Быстро вставай! Нечего тут устраивать балаган!

– Ну, дайте, я сейчас зареву или умру прямо здесь...

Артём рывком поднял её на ноги.

– Дурь какая! Лучше возвращайся к своей маме. Небось, ищут тебя. А то допрыгаешься, свяжешься с кем-нибудь...

Косматая перестала паясничать, опустила голову. И вдруг посмотрела на него другими глазами – трезвыми:

– А вы дайте мне на дорогу двадцатку и я вам что-то расскажу.

– Что?

– Вам будет очень интересно.

Артём полез в карман:

– Давай, выкладывай...

Косматая выпалила:

– Помните синяки на шее Насти?

– Помню. Она говорила, что едва не попала под машину.

– И что дочку отбросила от себя. Точно? Так вот это я ей надрала шею этими ногтями. Мы с ней тогда подрались в общаге из-за парней.

Артём так и застыл: теперь из уст Косматой лилась голимая правда.

– Вы доставайте, доставайте деньги, не стесняйтесь! Я вам ещё не то выложу. Вчера мы с вашей Настей ночевали у Антона – она потащила нас к нему по старой памяти. Всю ночь не давала спать – пищала у него на койке...

– Так это она позавчера шла домой? Значит, не было никакой больницы? Говорила, операция нужна. А Машка уверяла, что это двоюродная сестра...

– Какой вы всё-таки! – почти жалостливо уставилась на него Косматая, подыскивая щадящие слова. – Действительно, чем умнее – тем дурнее...

Он стоял перед ней беспомощный, мысли расползались в разные стороны. Она сама раскрыла его руку и взяла скомканный полтинник.

– Это мне на дорогу. И на пиво хватит. Действительно пора срываться, за целый год должна хозяйке. А двоюродная сестра

Полина, чтоб вы знали, не такая щепка, а во-о... в три обхвата. Не спутаешь с вашей Настей. Вот дрянь! Купила себе дорогуший сотик с видеокамерой и всем хвалится. Ничего, когда прижмёт, сдаст его за бесценок в первый же ломбард...

Косматая попятилась спиной к калитке:

– У вас всё будет хорошо, всё будет... всё хорошо...

Перед ним замаячил пустой прямоугольник калитки, в котором белел кусочек солнечной улицы. Изредка проплывали прохожие, поглядывая на него, а он не мог сдвинуться с места, чтобы закрыть от себя, замазать этот ненужный кусок улицы. Всё тело налилось неподъёмной тяжестью, каждый мускул напрягся до предела без всякой надобности. Голова тоже расплющивалась от тяжести. «Что это? Такого у меня никогда не было. Так, наверное, подкрадывается инфаркт. Не хватало ещё грохнуть прямо здесь...»

Он через силу стал разминаться, машинально завернул в огород и присел, уткнувшись лицом в заросли полыни под яблоней. Терпкий дух отрезвил его, и он стал жадно вдыхать его в себя.

Мысли стали атаковать его со всех сторон – не избавишься. Вот она, отдача! Ломает не только ключицу, вся душа переломана...

«Значит, мать опять оказалась права. Не она права, а я неправ. На эти больничные деньги купила сотик. Всех обвела вокруг пальца, весь зал слушал на презентации, сочувствовал, и все дураки. Скоро выйдет новый альманах, а там Настя на фотографии рядом со мной. Отодвигалась тогда от меня, всё-таки чувствовала, что творит пакость. Теперь все будут смотреть на это фото и вспоминать, что жертвовали на благое дело. И опять этот Антон...»

Вспомнив, что она сладострастно стонала под бывшим бойфрендом Антоном, а с ним больше года отказывалась спать, он осознал: да она же просто брезговала! Повзрослела – и стала брезговать его...

Косматая раскрыла ему глаза. И не только. Невзначай подарила ему ключик от загадки, над которой он ломал голову. Вот что у них в головах! «Чем умнее – тем дурнее». Кто перед ними раскрывает душу, тот слабак и его надо немедленно «обуть». Если всегда будешь с юморком давать им знать, что видишь их потуги объегорить, тогда не станут награждать тебя званием «лоха».

– А почему это калитка раскрыта?..

Мать стояла перед ним с сумкой в руке – вернулась из магазина. Он поднялся с корточек, тяжесть в теле, слава богу прошла, лишь мелко покалывало в ладонях. Оглянулся и заметил на яблоне сквозь листья пустую птичью кармушку – пока она птицам не нужна.

Молча пошёл запирать калитку, но она уже была заперта. Мать была на пороге дома, когда он сказал ей:

– Если когда-нибудь придёт Настя, скажи, чтобы больше сюда не ходила. Только без ругани. Скажи по-человечески, тогда она поймёт.

– А что сам не скажешь?

– Я не могу её видеть...

21.

Почтальон подал Артёму телеграмму и попросил расписаться на квитанции. Ненаглядная дочка Вика сообщала, что будет проездом в их городе, и они могут повидаться на перроне во время стоянки поезда. Год назад неугомонная Анжелика внезапно позвонила Артёму и попросила узнать у его старшей сестры, живущей в Москве, сможет ли она с Викой остановиться у неё на пару дней – есть какие-то дела в столице. «Только честно сообщи всё, как есть», – щебетала она, догадываясь, как к ней относятся его родные после всех её «художеств». С тяжёлым сердцем Артём созвонился с сестрой и услышал то, что и должен был услышать: «Вику я считаю родным человеком. Если приедет, повожу её по Москве, куплю подарок. А Анжелика мне здесь не нужна...» Старшая сестра была принципиальным человеком.

Андрей всё это и передал в письме к Вике, правда, в более дипломатичных выражениях. Он наперёд знал, что теперь бывшая жена запретит Вике поддерживать с ним любые контакты. Но раз просила «честно», получай своё «честно». Чего она ждала? Чтобы после всего хорошего её ещё и встречали с распростёртыми объятьями?..

Письма от дочери сразу перестали приходить. Артёму ничего не оставалось делать, как тоже распрощаться с эпистолярным жанром. Он уже махнул рукой, надоело всё это, пусть будет что будет...

А сегодняшняя весточка от дочки, как всегда, оказалась спасительной. Когда ему было особенно плохо, дочка словно приходила на помощь – даже обыкновенным напоминанием о себе. Теперь ему надо было просто выбросить Настю из головы, не думать о ней, словно её никогда и не было. Не стоила она его усилий. Умудрилась не оставить о себе ни одного тёплого воспоминания, разве что когда у неё застучало сердечко под его ладонью. Один раз она всё-таки набралась наглости и заявила. Артём слышал из прихожки, как мать ей объясняла, что её никто здесь больше не ждёт. Она жалобно настаивала: «Но мне надо!..» Мать ей ещё раз сказала: «Чего тебе непонятно? Он не хочет тебя видеть...» Видимо, потому что мать не ругалась, а говорила спокойно, до неё дошло, что её здесь раскусили. И больше она не появлялась. Впрочем, и Машка не решалась к нему подходить, когда встречались на улице. Обманула тогда его на счёт двоюродной сестры Полины и знает, что он это

знает. Он бы и без Косматой узнал, что не было никакой операции: на животе Насти отсутствовал бы очередной шрам. Хотя она и в этом случае попыталась бы вывернуться, опять по локти запустив руки в «научную фантастику»: лечили без операции, облучали какими-то звёздными частицами...

Артём едва дозвонился до вокзала, чтобы узнать, когда будет проходить новосибирский поезд. Диспетчеры не хотели перерабатываться, два слова – и бросают трубку. Он всё-таки съездил на вокзал и уточнил.

Назавтра сел в маршрутку за два часа до прибытия поезда, чтобы быть на перроне заранее – с запасом времени. Панически боялся опоздать. Раз зимой ехал на вокзал встречать сестру Оксану из отпускной поездки – она как всегда возвращалась с грудой неподъёмных баулов. Чего только не накупала по прихоти минутного соблазна. Автобус внезапно задымил, зачихал, и шофёр высадил пассажиров прямо в продувном, ледяном поле – часть маршрута пролежала за пределами города. Пока ожидал попутного транспорта, опоздал на вокзал. Сестра уехала на такси, а потом обижалась, что он не захотел приехать, хотя он ей сто раз объяснял ситуацию.

В предвкушении встречи Артём задумался о делах. Типографские расценки без видимых причин вдруг резко возросли – за пару лет почти пятикратно. Ни одна услуга, ни один товар, будь то хлеб или сахар, не подскочили настолько в цене, а электроника даже подешевела. Оставался один выход из положения – самим печатать альманах «Непризнанный гений». Легче купить ризограф. Обложку же и цветные вкладки можно будет по-прежнему заказывать в типографии.

Не было бы счастья, да несчастье помогло. В городе неведомые московские олигархи (народ грешил на жену столичного мэра Лужкова) стали скупать участки под строительство. Они были готовы купить всю страну. У Никиты была дача в черте города. В один прекрасный момент всем дачникам объявили, что их постройки будут снесены и все получают компенсацию. Никите прямо с неба в руки свалился капитал – миллион. На эти деньги можно было бы купить десять дачных участков, правда, в более отдалённых местах.

Раз приехали с теодолитами и на улицу Артёма. Какой-то пузач, едва выкарабкавшись из своего навороченного внедорожника, стал вальяжно говорить замерщикам, тыча в воздух тупым пальцем: «Вот это снесём к чёртовой матери!..» В направлении его перста был дом Артёма и другие добротные постройки: многие хозяева надстроили вторые этажи или мансарды, обложили дома облицовочным кирпичом. Обеспокоенные люди вышли на улицу и стали допытываться у барбоса: «что это вы тут судьбами распорядитесь?» Он сначала даже не снисходил до разговора, потом буркнул: «Вам дадут квартиры». «Знаем мы эти квартиры – слегка подшаманенные

гадюшники где-нибудь на окраине. Самих бы вас туда запихать!» Барбосу было всё равно, тогда люди, которых загоняют в угол, стали показывать зубы: «Придёте с бульдозерами, дружно выйдем с вилами. Давно уже пора вас насаживать на них. Никак не нажрётесь...»

Но поперхнулись московские олигархи. В паре-тройке выстроенных элитных высотках квартиры оказались слишком дорогими – их просто никто не покупал. Олигархи думали, что и у других людей припрятано денег, как у них. Обмишулились на славу, и вся стройка в городе надолго замерла.

Народ дружно кинулся приватизировать свои земельные участки, а потом все собственными силами стали отстраиваться: то тут, то там возникали приглядные теремки.

Никиту всё-таки доконал на работе свихнувшийся на религии начальник, и они с Артёмом решили открыть собственное дело – частную типографию. Артём снесёт ненужный гараж с мансардочкой, чтобы потихоньку строить на этом месте что-нибудь двухуровневое, компактное, а Никита на свой миллион закупит типографское оборудование.

Трясаясь в маршрутке, Артём вспомнил свою утраченную икону: можно было бы дать её на обложку альманаха, но её уже нет. Продал ради этой штучки Насти, а она... Она даже не подавилась жертвенными деньгами. Теперь любителю на своём дорогом мобильнике сценой убийства той спидной. Всё нормально...

Он опять точно рассчитал, где остановится нужный вагон. Вика вместе с куряками вышла на солнечный перрон. Как отрадно хоть раз в несколько лет прижать к груди родное существо! Когда он уезжал из посёлка, ей было лет десять, потом её увидел шестнадцатилетней, и вот теперь ей уже почти двадцать. За десять лет две встречи.

– Как учёба? – поинтересовался он.

– Нормально, учусь на менеджера, мама настояла. Мы вместе едем к её сестре в Новосибирск.

– Поступила на платное отделение?

– Двадцать тысяч в год.

– Я буду помогать, – он полез в карман, зная, что дочка никогда не попросит у него денег. Вынул сколько было с собой – чуть больше тысячи – и протянул ей. Она убрала руки за спину: «Не!...» Артём почти насильно вложил ей деньги в карман ветровки.

– Как бабушка? – спросила она.

– У неё крепкие гены, постоянно работает на огороде, ей это нравится.

– Передавайте ей привет.

– А что это ты на «вы» заговорила? Ай-яй-яй! Конечно, редко видимся, отвыкла. Могла бы и остановиться у нас погостить, как в прошлый раз...

Вика вынула из пакета папку и подала ему:

– Вот, немного пофантазировала...

Он раскрыл папку и увидел её новые рисунки тушью. Техника стала более отточенной.

– Обязательно напечатаю что-нибудь в альманахе, – обрадовался он. – Наш «Непризнанный гений» всё время спрашивают в библиотеке, студенты даже пишут по нему курсовые работы. Рад, что у тебя есть занятие для души. А то с кем ни заговори, только о деньгах думают. Капитализм вмиг всех перестроил – вывернул наизнанку. Но я живу не в капитализме и все мои друзья тоже. Они не меряют отношения деньгами. Рад, что и ты из того же теста...

Дочка признательно улыбнулась.

– А я увлёкся собирательством, – стал делиться Артём. – Уже целый шкаф собрал разных альбомов живописцев. Приезжай как-нибудь в гости, выберешь себе любые альбомы, на какие ляжет глаз – увезёшь, столько сможешь. Я полюбовался и ты полюбишься...

– Ну, я пойду, скоро отправка, – напомнила дочка. – А то уже проводница делает знаки...

Да, сокрушался Артём, полчаса стоянки пролетели слишком быстро, не успел обо всём расспросить. Ну, ладно, напишет. Теперь она снова будет присылать ему письма. Уже взрослая, сама всё понимает.

Дочка стояла в тамбуре за спиной проводницы и смотрела на него, пока поезд не двинулся. Артём вспомнил про Анжелику: наверное, смотрит сейчас на него из какого-то окна.

Хвост поезда постепенно затерялся среди убегающих вдаль ветвящихся стальных путей, охваченных геометрически одинаковыми скобками порталов с токнесущими проводами. Когда теперь следующая встреча?..

Артём облегчённо подумал: всё-таки как хорошо, что Анжелика не вышла из поезда и дала спокойно пообщаться с дочкой! Хоть одно доброе дело сделала для него...



Эльвира МИЛЯЕВА

(Омск)

ЭТО БЕССМЕРТНОЕ СЛОВО «ЛЮБЛЮ»!..

Первое расставание

Р.М.

Всё.

Поплыли назад

вокзал и перрон...

Мне в окно смотреть расхотелось...

На последней стрелке дрогнул вагон...

Значит – так проверяется зрелость?

А над горизонтом зажглась звезда,

За тебя в дорогу меня провожая...

Так обидно, что встречные поезда

На дороге к тебе, а я от тебя уезжаю!..

Я ещё не умею ни верить, ни ждать,

Жизнь охватывая всю сразу,

Мне тогда бы вернуться,

знакомую кнопку нажать,

И невольные слёзы смазать...

Свесить ноги с последнего этажа,

Под гитары о «Роджере» слушать

И не знать, что бывает такой пожар,

В уголёк сжигающий душу,

И не ведать, что сердце становится льдом,

А, разбившись в кристально-колючие льдинки,

Помнит счастьем тот давний уплывший перрон

И напрасно расставшиеся половинки...

1957 – 2012 гг.

Рысь

Однажды я видела рысь,

Грызущую клеть зоопарка.

Наверное, знала дикарка

Лесов шелестящую высь...

В глазах её стыла тоска
И жёлтая ненависть тлела.
Но кошка понять не умела:
Сожгла её дом,
кормила,
жалела
Одна и та же рука.

Mama

Приходит мамочка во сне...
Но просыпаюсь...
Она не жаловалась мне...
Но каюсь... Каюсь...

Притча о яблоке

Но мудрей оказалась природа:
Муравьям половинки достались
И другому лесному народу...

Поминальные свечи

Средь суеты, толпы и брани,
Живём, толкаясь и спеша,
Не замечая тонкой грани,
Где покидает нас душа.

Она одна – судья и пастырь,
И проводник к иным мирам.
А мы на совесть ставим пластырь,
Когда с собой не сладить нам ...

Нет, на земле никто не вечен.
Уходим – каждый в свой черёд,
И молча зажигает свечи
Без нас оставшийся народ.

И только звёзды издалёка
На землю шлют свои лучи
Душе, что реет одиноко
Над тонким пламенем свечи.

1998 г.

* * *

Я прибываю на вокзал
Очередного сновиденья.
Увидеть бы твои глаза –
Хоть на мгновенье.

Но, как причальная скала,
Мой сон остановился –
Ты мне сегодня не приснился,
А я ждала...

2009 г.

* * *

Просто весна начинается снова,
Если я в мартовском ветре ловлю
Это живое прекрасное слово,
Это бессмертное слово «люблю»!

2009 г.

Наука доброты

Великая наука компромисса!
Несправедливо мы её боимся.
А это – тот же самый сопромат
В переложеньи на людские души...
И та же в ней рассчитанность утрат,
Способных и усилить, и разрушить.
На раскалённой сковородке ссор
Мы упоённо разжигаем сор,
Не замечая, как сгораем сами
И все миры сгорают вместе с нами.

Великая наука доброты!
Мир состоит всего из Я и Ты,
Так отчего бы не угомониться?
И видеть не врагов, а просто лица,
И слушать не слова, а только души,
Непониманьем Землю не разрушив.

1993 г.



Александр НЕВАРДОВСКИЙ

(Омск)

ДЕЖА ВЮ

Детектив в жанре "фэнтези"

Эта фантастическая (на первый лишь взгляд) история началась в небольшом австрийском городке, расположенном в живописном месте на берегу Дуная, близ Вены, в весьма отдалённые от нас времена, когда просвещённая Европа с любопытством наблюдала за тем, что происходит в дикой и загадочной России и гадала, какой же путь выберет неуклюжий русский медведь: станет ли он под гармошку на потеху европейской публике отплясывать трепака или встанет, вдруг, на дыбы и пойдёт, не разбирая дороги и считая всё на своём пути, к светлому будущему. Впрочем, такие сомнения терзают их изнеженные комфортом души и сейчас, спустя больше ста лет. Непредсказуема русская душа. И вправду, жизнь у нас выписывает иной раз такие загогулины, что диву даёшься. Вот и сейчас на календаре уже давно XXI век, а ощущение такое – вроде как не туда попали. Вроде как проходили уже это всё раньше по школьной программе.

Так что время – вещь очень даже относительная. И в общем смысле не так уж важно, в какую эпоху жить, куда важнее – как жить. А здесь и начинаются парадоксы. Стрелки на хронометре отсчитывают минуты, часы, годы, а жизнь словно застыла на месте: те же проблемы, те же страсти, те же метания и поиски лучшей доли, тот же страх перед будущим и неудовлетворенность настоящим. Только всё это в несколько другой интерпретации. Словом, дежа вю.

I.

**Здесь русский дух,
здесь пивом пахнет**

За час до полудня 20 августа 18... года из городской гостиницы «Три глухаря», названной так в честь трех нераскрытых местной полицией убийств, совершенных здесь полвека назад, о чем напоминала постояльцам памятная бронзовая доска, вышел человек, похожий на одного из двоих основоположников диалектического материализма и уж точно на автора увлекательного трактата о том,

как труд сделал из обезьяны человека. Мужчина импозантной наружности с ухоженной бородкой, которая вблизи казалась приклеенной, попыхивая сигарой, направился в сторону набережной. Настроение, судя по всему, у него было прекрасным. С утра в гостиничном буфете он выпил чашку ароматного бразильского кофе и четыре больших рюмки ликера из лепестков роз, от чего весьма игриво поглядывал на встречаемых барышень, не забывая при этом учтиво приподнимать купленный накануне на венской барахолке слегка потертый котелок последней английской моды.

Вообще-то человек, похожий на классика, приехал сюда инкогнито, с частным, так сказать, визитом, и его в гостинице знали, как господина Э, коммерсанта из Бонна. Он, разумеется, хотел назваться более благозвучной фамилией, но пока раздумывал, перебирая в голове варианты, замешкался: «Э-э...» А портье так и записал в огромной амбарной книге – Фридрих Э.

Впрочем, новый псевдоним ему понравился. «Свежо, – подумал он. – Оригинально». В последнее время этого господина, как крупного во всех отношениях исследователя общественных отношений, очень заинтересовала Россия, особенно в связи с его новой идеей о том, что бытие определяет сознание. Мысль его ещё до конца не сформировалась, но господин Э не сомневался, что в этой огромной, загадочной стране он найдёт полное подтверждение своей теории. Тем более что и в практическом плане, как идейный вдохновитель Интернационала, он имел на Россию далеко идущие виды, как на колыбель революции. Вот только обычным образом, как турист, например, или гость он туда поехать не мог. Не очень жаловали там революционеров. Даже очень не жаловали. Одним словом, деспотический режим, никакой демократии. А попадать в неприятные, скандальные ситуации господин Э опасался. Может быть, для революционной деятельности такая реклама и была бы кстати, а вот для бизнеса никак не годилась. На него и так уже компаньоны косились из-за публичных нападок на частную собственность. В общем, на некоторое время наш герой напрочь выпал из обихода общественной и деловой жизни и пропустил даже вечеринку, посвященную дню взятия Бастилии.

Но тут по Европе прошёл слух, что в маленьком австрийском городке известный всему Старому Свету пивовар Иван Таранов открыл «Русскую пивную», где подают гениальное пиво для гениальных людей. Говорили, что даже сам Альберт Эйнштейн там пиво пил и очень преуспел после этого в разработке своей теории относительности. Узнав про это, Фридрих Э, не раздумывая, отправился в Австрию. «Чем мы хуже Эйнштейнов?», – спрашивал он у случайного попутчика после очередной рюмочки коньяка. «Ничем, – убежденно отвечал попутчик. – Может даже и лучше». И вот теперь в хорошем расположении духа он не спеша, брёл к набережной Дуная,

где у парাপета увидел молодого человека, судя по сюртуку, студента Венского университета, очень похожего на будущего основоположника психоанализа, пристально смотревшего в тёмные воды реки. В правой руке у него Э успел приметить небольшого формата книжку в потёртом переплёте: Софокл, «Царь Эдип». «Серьёзный юноша», – подумал он и тихонько кашлянул, привлекая к себе внимание. Реакция молодого человека оказалась неожиданной. Он дёрнулся всем телом в испуге, будто раненая птица, и книжка едва не полетела в подарок Дунаю.

«Нервный какой», – удивился про себя всегда уравновешенный господин Э, а вслух спросил, чтобы загладить неловкость.

– Извините, молодой человек, вы не подскажете, как найти городскую библиотеку?

Только сейчас студент, видно оправившись от лёгкого шока, обернулся. Тёмные глаза его, куда темнее и глубже дунайских вод, смотрели весьма неприязненно. Он с явным презрением, подчёркнуто долго оглядел, начиная от давно ношенного, измызганного головного убора, кончая изящными, правда, изрядно запыленными сапогами из свиной кожи, фигуру стареющего провинциального франта и спросил с издёвкой:

– А вам-то зачем?

Один из виднейших интеллектуалов Европы, имевший в определённых кругах неоспоримый авторитет, от неожиданности поперхнулся сигарным дымом и хотел было раскрыть свой псевдоним, но потом вполне здраво рассудил, что, вдруг, этот наглый студентишко ничего о нём не слышал. Ведь молодёжь-то пошла никчемная, кроме танцулек ничем не интересуется. Откуда им знать о диктатуре пролетариата, классовой борьбе и о том, что именно бытие определяет сознание? Поэтому господин Э как человек, постигший мудрость, не стал доводить дело до базарной полемики, а ответил с подкупающим простодушием:

– Видите ли, я приехал издалека и не знаю городка. Но мне сказали, что где-то рядом с библиотекой расположена «Русская пивная?»

Молодой человек снисходительно улыбнулся.

– Извините, но я подобными заведениями не интересуюсь.

Получилось довольно грубовато, и, судя по всему, пожилой господин немного обиделся. Он кашлянул в кулак и продолжил с некоторой строгостью в голосе, чем немного смутил зарвавшегося школяра.

– Вы не совсем меня правильно поняли, господин студент. Я приехал сюда не для того, чтобы пить пиво в плебейской забегаловке. У меня в этом заведении особенный, исследовательский интерес. Я ученый-обществовед и, поверьте, почти стою на пороге большого открытия. И мне необходимо попасть в «Русскую пивную», чтобы

понять сущность российского народа, что движет его поступками, разгадать, наконец, пресловутую «загадку русской души». Вообще, на Россию у нас большие виды, потому что у неё большое будущее.

– Ну, положим, вы заблуждаетесь насчёт исключительности русской национальной идеи и большого будущего империи. Однако всё же объясните толком, причём здесь какая-то пивная. Не в пиве же дело?

– Как знать, как знать? – горячо заговорил господин Э. – Дело в том, что я почти уверен, что «Русская пивная» – это своеобразная машина времени, канал, по которому можно попасть в будущее, а может, и в прошлое России. Как? Не знаю. Но разгадка там...

Впервые будущий корифей психоанализа посмотрел на собеседника с нескрываемым профессиональным интересом.

– Ну, ну, не волнуйтесь так. Это действительно достойно внимания. Мы прямо сейчас туда и отправимся. Только давайте сначала познакомимся. Студент медицинского факультета... – он назвал свою фамилию.

– Фред?! – радостно всплеснул руками Фридрих Э. – Многие друзья меня тоже зовут Фредом. На английский манер.

«Он ещё и глухой, – с сочувствием подумал студент, – ну да Бог с ним. Знакомство кажется перспективным. У меня как раз не хватает конкретного материала для диссертации».

Минут через пятнадцать новоиспечённые единомышленники в нерешительности топтались у «Русской пивной», которая располагалась в деревянном павильоне, окрашенном в голубой цвет, с двумя маленькими оконцами и закрытой металлической дверью.

– Кажется, закрыто? – предположил Фред.

– А может, постучать? – предложил Фридрих. – У русских всегда не как у всех.

Только он поднял руку, как дверь отворилась, и на пороге появился амбал с нетрезвым выражением лица. На его красной атласной косоворотке, под цвет физиономии, на левой стороне груди было вышито на английском языке: «Securiti».

– Милости просим! – радостно воскликнул он. – Бабки в наличии имеются? Тогда проходите. Толян, принимай клиентов.

Они, миновав крохотный предбанник, оказались в небольшом тускло освещённом зальчике, в котором помещалось штук шесть пластиковых столов разного цвета. За ними сидели всего несколько посетителей, с изнурёнными от длительного употребления спиртного лицами. «Новенькие» на этом празднике жизни заняли фиолетовый, в спиртовых разводах столик недалеко от стойки бара, за которой никого не было видно, и огляделись. Тут же к ним подскочил шустрый официант в расписанной петухами рубахе.

– Чего изволите, господа?

– А что вы можете предложить? – в свою очередь спросил Фридрих, завсегдатай лучших ресторанов Европы.

– Пиво. Забористое, крепкое, доброе, праздничное, тёмное, светлое, – скороговоркой начал перечислять халдей, – можно водочки...

– А из закусок? – не унимался привередливый клиент.

От утомления официант закатил к потолку глаза.

– Кириешки есть. С беконом, укропом, чесноком, грибами...

– Ну, хорошо, – перебил его господин Э. – Значит так. Пиво «Забористое» и с беконом, как их? Кириешки. Мы ещё не обедали.

– А лимонаду можно? – стеснительно спросил Фред.

– Не держим-с, – обиженно ответил официант.

Когда он важно удалился, перед этим смахнув полотенцем крошки с грязного стола прямо на брюки господину Э, тот, не скрывая восторга, сказал Фреду:

– Вот видишь, здесь настоящий русский дух, здесь Русью пахнет.

– Это–то меня и смущает, – скептически ответил младший товарищ.

Вскоре появился повеселевший официант, от которого исходил свежий запах самопальной водки, он поставил на столик две полуторалитровых пластиковых бутылки с «Забористым» пивом и две картонные тарелочки с мелкими сухариками, от которых воняло машинным маслом.

– А бекон где? – обиженно спросил Фридрих.

– А это, по–вашему, что? – ткнул он грязным пальцем в тарелочку. – Два, как говорится, в одном. Приятного аппетита.

Друзья, теперь уже по несчастью, сумели продержаться ещё часа два. Пиво, с привкусом стирального порошка и технического спирта, действительно оказалось забористым. Они даже не успели завершить дискуссию об особенностях русской национальной кухни. Вначале вырубился не приученный к русской ресторации Фред. Молодой человек, не пивший раньше ничего крепче лимонада, бормоча о скрытых подавленных сексуальных влечениях, помянув при этом нехорошими словами своего папашу и «эдипов комплекс», тихо уснул, подложив под щёку томик Софокла. Потом пришла очередь и более искушенного Фридриха Э. Он еще долго громко возмущался по поводу бессовестной эксплуатации российского пролетариата, грозил кулаком скрывшемуся на кухне пособнику мирового капитализма официанту Толяну, обзывал спавшего за стойкой бара пьяного вдрызг охранника жандармом. А потом вдруг затих, к чему–то прислушиваясь. «Чу, слышишь, призрак бродит по Европе...» – были его последние слова перед тем, как он ткнулся лицом в тарелочку с так и не съеденными кириешками. Здравствуй, Россия...

II. Другая жизнь

«Всякая жизнь всё-таки двойственна, – думал в печали наш юный герой, которого мы называли Фредом (хотя в действительности он мог носить и имя Зигмунд), сидя на сломанной скамейке в чахлом запущенном парке, куда он попал неведомо как и который поначалу принял за сибирскую тайгу. – Кто я? И где нахожусь, если точно знаю, что должен сейчас быть в предместье родной Вены, где встретил этого странного господина Э. Не мог же я раздвоиться? Но ведь факт, что это именно так. А значит...» Молодой человек осторожно потрогал скамью, на которой сидел, потом свое лицо, ногу. Все было настоящим. Огляделся. Хотя рядом никого не было, но из-за деревьев доносилась громкая, непривычная слуху музыка, точнее, какофония, и отчетливо слышны были голоса и смех людей. Говорили по-русски и, что самое интересное, он все понимал. Будущее светило психиатрии тоскливо посмотрело на огромную полную луну, которая, как прожектор, холодным серебристым светом освещала землю, и чуть не завывало от отчаяния, обхватив голову руками.

Да, именно в таком депрессивном состоянии встретил новый поворот в своей жизни венский студент медицинского факультета. «Значит, прав оказался этот старый... – и, так и не подобрав приличной дефиниции, Фред закончил свою мысль чисто по-русски, – козел». И на душе стало как-то легче. Он даже с интересом осмотрелся вокруг, и его потянуло туда, к людям. «Будь, что будет, – думал он, бредя по тёмной аллее, то и дело спотыкаясь о какие-то предметы, в основном о пустые бутылки и прочий мусор, – ведь не съедят же меня, в конце концов». Хотя наслышан был молодой человек, что на улицах провинциальных российских городов можно встретить и медведя. А тут и вправду из тёмных зарослей раздался истошный крик, слышались глухие звуки ударов, треск ломавшихся сучьев и краткие, но очень эмоциональные выражения, значения которых Фред ещё пока не усвоил. «Медведь», – была его первая мысль и перепуганный студент, не разбирая дороги, бросился бежать. Правда, тут же успокоился, ведь медведи не умеют изъясняться матом. Но ноги уже вынесли его на большую, хорошо освещённую площадку, в центре которой находился фонтан, а вокруг, чуть поодаль, лёгкие шатры летних кафе, скамейки и большое количество веселящихся, не совсем трезвых молодых людей. Среди них, почему-то, преобладали девушки, одетые так, что у скромного австрийского студента, сторонившегося светских развлечений и склонного к созерцательной платонической любви, резко подскочило либидо, и он, серьёзно занимавшийся на кафедре психиатрии Венского университета

проблемами скрытых сексуальных влечений, подумал: а на верном ли пути находится он в своих научных изысканиях?

А между тем стройный симпатичный молодой человек в несколько странном одеянии привлёк внимание девушек, сидевших за ближайшим столиком совсем недалеко от чахлого куста сирени, где он остановился.

– Мужчина, – явно дурачась, обратилась к нему одна из них, – угостите даму сигареткой?

Он весьма учтиво поклонился, уже ничему не удивляясь, и вежливо ответил:

– Извините, фрейлейн, но я не курю и вам, как врач, не советую.

Девушки заливисто захохотали, чем очень удивили Фреда, ведь он говорил вполне серьёзно.

– Такой молодой, а уже доктор, – проворковала её подружка, – а по какой части вы пользуете?

Молодой человек явно смутился.

– Ну не совсем ещё доктор, – стал оправдываться он, – я студент, но скоро получу диплом врача. А занимаюсь я психиатрией.

– Ну, у нас, кажется, все пока здоровы, правда, Ленка? – Продолжала ёрничать девушка. – И где же вы учитесь? В нашем меде?

– Нет, – с гордостью ответил он, – в Венском университете.

Это известие на минуту-другую лишило подружек дара речи. И как довольно искушённый психолог, Фред понял, что между девушками пробежала еле заметная искорка взаимного отчуждения. И теперь каждая из них будет стараться поймать его в свои сети. Так было и там, в Вене, когда он общался с барышнями своего круга. Правда, эти беззаботные хохотушки казались ему на порядок симпатичнее чопорных и надменных тамошних девиц, чьи интересы не выходили дальше обсуждения городских сплетен и достоинств потенциальных женихов. Однако, по сути, всё было одно и то же.

– Австрия – это круто, – наконец, прервала несколько затянувшееся молчание смазливая блондинка, явно пытаясь перехватить инициативу, – Штраус, венский вальс, Шварценеггер, Стефан Цвейг, Зигмунд Фрейд... Говорят, он свихнулся на сексе и криминале. Мне лично секс нравится. А вам, молодой человек, нравится... Фрейд?

Фред густо покраснел. О своих будущих работах он ещё не знал и был только в начале исследований, но счел необходимым встать на защиту Венской школы психоанализа.

– Видите ли, фрейлейн, вы рассуждаете несколько утрированно. В психоанализе всё гораздо сложнее. И дело вовсе не в сексе или преступности как таковых, а в первопричинах, тех побуждающих мотивах, которые приводят к ним. Всё это находится за гранью нашего сознания и общепринятой морали. Вот, например, в ситуации

Эдипова комплекса объектом любви для девочки становится отец и только при нормальном ходе развития она найдет путь от объекта-отца к окончательному выбору объекта.

– А если при ненормальном? – перебила его неугомонная блондинка.

– Ну ладно, девчонки, хватит умничать, – вмешалась доселе молчавшая девушка с большими зелёными глазами. – Вы присаживайтесь, молодой человек. Пива хотите?

При слове «пиво» наш герой из пунцового стал белее мела и отрицательно замотал головой, да так энергично, что у него на мгновение померкло в глазах.

– В конце концов, давайте познакомимся, чай, теперь не чужие, – засмеялась зеленоглазая. Фред только теперь внимательно посмотрел на неё, и она ему понравилась. Было в ней что-то колдовское и манящее. Сил не хватало оторвать взгляд от её лица. Может быть, так Фауст смотрел на свою Гретхен. Что из этого получилось, он отлично помнил, как и о том, что такие увлечения даром не проходят.

Но вопреки его нехорошим предчувствиям, особенно по части пива, вечер прошёл славно. К его удивлению, девушки, несмотря на некоторое эпатажное поведение, которое проявлялось в слишком громком смехе, откровенном приставании к незнакомым молодым людям с двусмысленными намеками, на которые те реагировали вполне адекватными сальными шутками, оказались весьма интересными в плане интеллектуального общения особами. И не раз ставили Фреда, съевшего, казалось, собаку в вопросах скрытых сексуальных влечений, в тупик живописными примерами из собственной жизни. Поначалу он был шокирован такими откровениями, а потом и сам втянулся в эту игру. А то, что это именно игра, он уже не сомневался. Какие времена, такие и нравы. Как шепнула ему зеленоглазая Рита, девчонки просто хохмят, а на самом деле они страшно серьёзные, а Ленка, вон та сексапильная блондинка, так просто зануда.

– А вы часто здесь бываете? – спросил Риту Фред.

– Да нет, – ответила она, – раз в неделю. Не чаще. Скучно.

– А не страшно? Мало ли что. Для маньяков – самое место. Сидит где-нибудь поблизости, наблюдает. А потом – раз, и всё...

– Да этих сексуально озабоченных сразу видно. И притом мы всегда с девчонками.

– Ну не скажите, – перешёл на шёпот Фред, – эти люди очень изобретательны. Ими движут тёмные инстинкты и вряд ли они отдают себе отчет, что с ними происходит на самом деле. Уж мне-то поверьте.

– Зачем это вы мне говорите? Хотите меня напугать? – с лёгким недовольством спросила девушка.

– Да, – простодушно ответил Фред.

– Чтобы был повод меня проводить? – засмеялась она.

– Именно. Только я совсем не знаю вашего города и боюсь заплутать.

– Ничего, – многообещающе сказала Рита, – я вам помогу...

... А в это самое время в одном из городских медицинских вытрезвителей на жёсткой солдатской кровати, укрывшись с головой жёстким вонючим одеялом, беспокойно ворочался господин Фридрих Э. Он был совершенно трезв и ни в какой медицинской помощи не нуждался. Единственное, чего ему сейчас хотелось больше всего на свете, так это в туалет. Но он терпел изо всех сил. Боялся даже пошевелиться. После того, как безобидный Фридрих, который попытался было только спросить: «За что вы меня забираете?», получил резиновой дубинкой очень болезненный удар по почкам, он очень невзлюбил это заведение. «Это же надо, – с горечью думал он, – прямо по почкам, а ведь это мое самое слабое место. Никакого уважения к личности».

Всё произошло совершенно неожиданно для нашего героя. Когда он вышел из пивной, Фреда уже не было. Он хотел было крикнуть: «Ау, Фред!», как обнаружил, что у него пропал бумажник. Он стал стучать в запертую дверь, в том числе и ногами, кричать, чтобы вернули деньги, словом, как ему потом объяснили, – нарушать общественный порядок. А затем пришла машина без окон и отвезла его в вытрезвитель. После этого господин Э несколько приуныл, и от его былой восторженности почти ничего не осталось, да и вообще оптимизма поубавилось.

Только он задремал, впервые, кстати, за все время, что здесь пробыл, как раздался зычный голос: «Подъём!» Народ зашевелился, заохал, зачесался и потянулся к двери.

– Не дрейфь, – подбодрил Фридриха сосед по койке, небольшого роста мужичок с ясными, как у младенца, глазами, – и на нашей улице праздник будет. Ты там меня, кстати, на улице подожди, может, сообразим что-нибудь.

Фридрих машинально кивнул и пошёл одеваться. Здесь-то он и услышал новость, которая потрясла его до глубины души.

– Товарищ капитан, – раздался знакомый уже по побудке голос, – ориентировка по факсу пришла.

– Ну что там ещё? – недовольно спросил капитан.

– Да вот, деваху в парке «замочили», то есть убили. По темечку чем-то стукнул маньяк.

– А маньяк-то почему?

– В кусты хотел тело оттащить, а там, наверное, снасильничать в извращенной форме. Одним словом, маньяк.

– А в ориентировке что про него?

– Значит, так. Подозревается молодой человек лет двадцати – двадцати пяти, среднего телосложения, с правильными чертами лица,

тёмные слегка вьющиеся волосы, разговаривает с лёгким акцентом, одет в брюки и длинный пиджак чёрного цвета. Называет себя Фредом, студентом медицинского факультета Венского университета. Тот ещё тип. Мне тут знакомый из «уголовки» сказал – свидетели показали, что Фред этот жертву запугивал, про какие-то инстинкты говорил.

– Так, – подытожил капитан, – среди наших клиентов таких нет?
– Бог миловал...

«Ничего себе, – подумал Фридрих, – неужели и вправду Фред на новом месте свихнулся, не вынес тягот российской жизни? Не могу поверить. Надо все выяснить».

Он, как солдат-первогодок, оделся за сорок секунд. Поторапливая медлительного начальника, распихал выданные личные вещи по карманам, забыв, правда, про золотые часы, подарок деда, которые так и остались лежать в сейфе, а впоследствии перекочевали в чей-то карман, подписал какие-то бумаги и, сказав по привычке – «спасибо», выскочил на улицу. Изумленный капитан закрыл рот лишь спустя две минуты, и то после того, как ему напомнил об этом услужливый сержант.

III.

В поисках утраченного...

Господин Фридрих Э выскочил из помещения вытрезвителя, как пробка из бутылки шампанского, чему способствовало и ускорение, полученное им от удара чуть ниже спины окованной жестью дверью на тугой пружине, и остановился лишь в метрах десяти от одноэтажного казённого здания, окрашенного в ядовито-зелёный цвет. Он с ненавистью посмотрел на зарешеченные окна этого мрачного и дикого заведения и задумался: «Куда теперь?». Вперёд вела лишь одна узкая, вздыбленная, асфальтированная лет пятнадцать назад дорожка, но он уже не сомневался, что ни к чему хорошему она его не приведет. «Наверное, это и есть тот особенный путь, по которому движется Россия?» – задался он сложным философским вопросом, но ответить на него не успел. Мрачный ход его гениальной мысли прервал радостный голос ясноглазого соседа по койке в вытрезвителе.

– Куда рванул? Еле догнал. Ведь договорились же. Да не переживай ты, всё будет путем. Сейчас опохмелимся, и жизнь вновь станет прекрасной.

– Вы думаете? – засомневался Фридрих.

– А то, – убеждённо сказал товарищ по несчастью, – чай не первый раз замужем. Пошли.

По дороге они разговорились. Вернее, говорил в основном оптимистически настроенный новый приятель.

– Тебя как зовут-то, бедолага?

– Фридрих.

– А батюшку как звали?

– Тоже Фридрих.

– Вот как! – чему-то обрадовался он. – Значит, Фридрих Фридрихович. А, это самое, по-фамилии, если не секрет, как?

– Э.

– Правда? Из китайцев, что ли?

– Почему из китайцев?

– Да фамилия больно мудреная. Вот меня, например, кличут просто и ясно – Иванов Иван Иванович. Можно по-свойски – Иваныч. Я тебя тоже буду, чтобы из стилия не выбиваться, Фридрихычем звать. Не возражаешь, Фридрихыч?

Новоназванный Фридрихыч был несколько обескуражен таким напором, но, в принципе, не возражал. «Какая разница, – подумал он, – как меня назовут. Главное, чтобы я не забыл, кто я есть. И зачем я здесь». И тут его словно током ударило: «А где это самое «здесь»?». От нехорошего предчувствия его аж бросило в пот.

– Простите, Иваныч, – засмутился господин Э, – может быть, мой вопрос покажется странным, но где я нахожусь?

– Ну, ты даёшь, Фридрихыч, как где? – искренне удивился Иваныч.

– Здесь.

– Это понятно, – стал объясняться Фридрих Фридрихович, – я, видите ли, в географическом смысле интересуюсь. Недавно только приехал, с научной, так сказать, экспедицией, ещё не освоился. Путаюсь немного.

Иваныч подозрительно посмотрел на весьма необычный вид собеседника: костюм явно заграничного покроя, шёлковый галстук, рубашка батистовая, правда, давно нестиранная, ухоженная, хотя и немного всколоченная, борода – и спросил, отведя глаза:

– А ты случайно, Фридрихыч, не шпион?

– Я? Да ты что, Иваныч, – неожиданно для себя переходя на «ты», возмутился он, – да я жизнь свою, можно сказать, положил на алтарь борьбы за светлое будущее человечества. Для таких как ты, бесправных люмпенов, попавших под молох мирового капитала...

– Это кто люмпен? – бесцеремонно перебив собеседника, угрожающе спросил Иваныч. – Это я люмпен? Да я, к твоему сведению, инженер. Был. Конструктор. У меня рацпредложений, как у той шавки блох. Люмпен. Нехороший ты человек, Фридрихыч, да если не пить, меня везде с руками и ногами оторвут. Но я гордый. Не хочу гнуть спину на кого попало. Да и платят копейки...

– Вот, вот, а я о чём говорю, – горячо продолжил Фридрих Фридрихович, – поэтому-то я и здесь, чтобы поднять на борьбу, помочь, так сказать. Чтобы на рельсы социализма. Только вот не разберусь никак, где нахожусь. В географическом смысле.

– Ты точно больной, Фридрихыч, на всю голову. Какой социализм? Какие рельсы? Был уже у нас социализм, да весь кончился. Теперь опять новый путь ищем. Без нового пути у нас никак нельзя. Все прочие, как оказалось, в тупик вели. Вот так мы и живём. В вечном поиске. Но народ у нас привыкший к разного рода метаморфозам. Его голыми руками не возьмёшь. Выход всегда найдёт.

– А всё-таки...– гнул своё господин Э.

– Тьфу ты, – прервал его на полуслове Иваныч,– какой ты всё-таки нудный, Фридрихыч. Да в Сибири ты, в городе на Иртыше.

– Где? – ужаснулся тот. – В Сибири? Так ведь там...

– Что там? Дурак вы, ваше благородие. У нас хорошо,– Иваныч от переизбытка чувств закатил к небу глаза и едва не упал, споткнувшись о бревно, которое лежало посреди тротуара, – город у нас знаменитый. У нас сам Федор Михайлович Достоевский сидел. Слышал про такого? А народ какой башковитый! Прикинь, Фридрихыч, у нас самый большой целофановый мешок в мире склеили. Теперь, говорят, ему в музее место ищут. Правда, для того, чтобы там разместить это чудо света, надо половину экспонатов выбросить.

– Зачем?

– Зачем выбросить?

– Нет, зачем такой мешок нужен?

– Ну, ты и тупой, Фридрихыч. Он же самый большой в мире. Даже, говорят, это достижение в книгу рекордов Гиннесса могут занести. Может слава о нашем городе по всему свету пойдёт. Просёк теперь?

– Да, но... – не сдавался Фридрих Фридрихович.

– Стоп, – закричал Иваныч,– не надо больше слов. Понял я всё, дурья башка. Выпить надо. То-то, я смотрю, тебя заклинило. Жди здесь, я мухой.

Товарищ нырнул в ближайшую подворотню и исчез на минут тридцать. Господин Э присел на скамейку, стоявшую под давно высохшим тополем, на сучках которого висели одноразовые пластиковые стаканчики, и заскучал. «Сколько времени я уже здесь, – думал он, – а так толком ничего и не понял в этой жизни. И вообще, туда ли я попал? Ну, на кой чёрт я сижу здесь и жду какого-то пьяницу, чтобы слушать потом его бред? Ведь наверняка должна быть рядом какая-то другая жизнь, наполненная хотя бы каким-то смыслом. Не может не быть. Просто, наверное, я попал в какой-то аномальный пласт и хожу по кругу, как слепая лошадь на шахте в Эльзасе,

поднимающая «на гора» жирный чёрный уголь из чрева Земли. Надо выбираться отсюда, пока не засосала трясина. Только бы Фреда найти. А где его искать? Вот в чём вопрос. Может, Иваныч поможет?» Эта мысль показалась ему очень перспективной – ведь он же местный.

Весьма необычную историю, которую рассказал своему приятелю Фридрих Фридрихович, тот отнёс к разряду очередного бреда, вызванного солнечным перегревом.

– Ничего, Фридрихыч, сейчас по стаканчику и всё пройдет, – успокоил он товарища. Но после того как они опустошили две бутылки портвейна, мысли его заработали в привычном режиме, и бывший инженер-конструктор вдруг проникся сочувствием к путешественникам во времени.

– Только одно условие, – предупредил он, – вы меня берете с собой в Вену.

– Зачем? – изумленно спросил господин Э.

– Давно мечтал посетить Венскую оперу, – ответил Иванов совершенно трезвым голосом. И тут же, уронив голову на грудь, смачно захрапел.

Но их планам в этот день не суждено было сбыться. Когда утомлённые солнцем, а ещё более коварным портвейном неизвестного происхождения, наши герои отдыхали на той самой скамейке, к ним подкатила уже знакомая машина спецмедслужбы. Друзей забросили во внутрь, бесцеремонно, как два бревна, причём Фридрих Фридрихович получил до боли знакомый удар по почкам, и отвезли в известное учреждение. Там их приняли, как родных. Впечатлительный начальник даже два раза подходил к кровати, на которой господин Э постепенно возвращался к жизни, и заботливо поправлял одеяло. Уж очень беспокойным был сон у этого странного клиента.

В то время как вполне обрусевший Фридрих Э охотно откликавшийся теперь на имя Фридрихыч, весьма охотно предавался российскому национальному пороку, его сподвижник юный венский студент Фред активно занимался исследовательской деятельностью и даже подрабатывал в качестве консультанта. Он очень удивился, узнав, что на какое-то время оказался в центре внимания правоохранительных органов как главный подозреваемый в гнусном убийстве зеленоглазой Риты. В конце концов, всё закончилось для него благополучно, и он даже помог раскрыть это преступление местным операм, до мелочей нарисовав психологический портрет убийцы. Особо при этом, подчеркнув, что главной причиной, толкнувшей этого молодого человека на убийство, было его неудовлетворенное сексуальное влечение. Ребята из убойного отдела по началу лишь хихикали над этими фантазиями, но потом, тщательно проверив все материалы, касающиеся взаимоотношений жертвы и убийцы, вынуждены были признать, что студент попал в точку. После

того, как злодея задержали, сыщики накрыли для Фреда «поляну» – в знак благодарности и перспектив будущего сотрудничества. На столике летнего кафе, естественно, преобладали высокоградусные напитки, а из закусок предпочтение было отдано беляшам, из-за наличия в них, хотя и чисто символически, мяса.

– Хорошо сидим, – сказал старший опер Соловьев, – душевно. А ты парень, Фред, ничего. Шёл бы в опера, тебе бы цены не было.

Фред молча улыбался, с удовольствием потягивая охлажденный лимонад «Буратино». Он уже понял, что Россия для его исследований – это ещё непаханная целина. И потому даже с некоторой благодарностью вспоминал господина Э, втянувшего его в эту авантюру. Не так давно он прочитал одному аспиранту юридического факультета, обратившемуся к нему за небольшой консультацией, целую лекцию.

– Выявить подлинную мотивацию преступления, – говорил он, – недолго: для преступника существенны две черты – безграничное себялюбие и сильная деструктивная склонность. А общим для обеих черт и предпосылкой для их проявлений является отсутствие любви, нехватка эмоционально-оценочного отношения к человеку.

– Ну, это понятно, – довольно невежливо перебил его аспирант, – это мы уже проходили. Но что всё же движет человеческими поступками?

– Тёмные, глубоко упрятанные в подсознании инстинкты, – ответил тогда он и заметил, что аспирант был слегка разочарован. – Понимаете, там, в глубинах подсознания, куда никому не суждено добраться, у каждого человека прячется зверь, которые в определенные моменты, при благоприятных для того условиях, может вырваться на свободу.

– Это речь о маньяках? Но ведь они больные люди.

– В этом вы правы. Но все болезни сами по себе не имеют никакого содержания, зато каждая из них имеет только свою причину.

– Зачем усложнять, – горячился аспирант, – посмотрите, сколько убийств сейчас совершается на бытовой почве. Чем это объяснить?

– Да только тем, что пить надо меньше, – объяснил ему консультант.

Сейчас, сидя в хорошей компании, Фред вдруг понял, как он устал жить чужой, по сути, жизнью, и как ему не хватает старой доброй Вены и славного, трогательного в своих наивных убеждениях господина Э. «Да, во многом вы правы оказались, Фридрих, – подумал Фред, – только, пожалуй, здесь сознание людей определяет не столько бытие, сколько питание.» И он, даже не отдавая себе отчета, вдруг вылил себе в рот граммов сто водки. «Лошадиная доза, – подумал он, – сейчас я умру». Но не умер, а сорвал даже аплодисменты.

– Это по-нашему, Фред, молодец, – похлопал его по плечу старший опер Соловьев. И Фреду стало хорошо.

IV.

На круги своя

Если в первую свою ночь в вытрезвителе господин Э, не привыкший к столь бесцеремонному обращению, не сомкнул глаз из-за переизбытка отрицательных эмоций, то в этот раз Морфей принял его в свои объятия, как родного. Упав изрядно помятым лицом завсегдатая зланных мест на жёсткую казённую подушку, наш герой тотчас забылся беспокойным сном. На то он и сон, чтобы человек, хотя бы ненадолго отвлёкся от преследующих его проблем, отдохнул, как говорится, душой и телом. Как заметили мудрые (когда ещё были древними) китайцы, – «что скопилось в сердце, расчихается во сне».

С китайцами, конечно, не поспоришь, тем более древними, но всё-таки у каждого свои тараканы. Вот и у господина Э, как только он упал, объятый сном, такой ералаш в голове начался, что, когда утром он с большим трудом разлепил глаза, то ощутил себя самым счастливым человеком и именно оттого, что всё-таки проснулся. Правда, спустя мгновение, вполне осознав, где он находится, наш герой вновь впал в отчаяние, но уже оттого, что проснулся. «Вот она жизнь, какая, – подумал он философически, – куда ни кинь – всюду клин». Какой кошмар привиделся ему во сне, господин Э не помнил, но, судя по тому, что его прошиб холодный пот, нечто ужасное. Может быть, под страхом смерти его заставляли признать первичность сознания над материей или отказаться от теории классовой борьбы как движущей силы истории, а может, и того хуже – единогласно исключили из Интернационала из-за его буржуазного происхождения и отрыва от коллектива? Впечатлительный Фридрих чуть не заплакал от обиды и с некоторой долей зависти посмотрел на умиротворенное, спокойное лицо Иваныча, безмятежно спавшего на соседней койке.

«Вот ведь счастливый человек, – думал он, – святая простота. Вчера нагрешил, сегодня покаялся. И живёт себе дальше с чистой совестью. Хотя, конечно, странно живёт. Плывёт себе, как щепка в мутном весеннем ручейке, не задумываясь, куда его этот стихийный поток вынесет. Как-то неправильно всё это. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Господин Э от столь удачной формулировки в последнее время несколько путанных своих мыслей от удовольствия даже покраснел, как девица, которой в кои-то веки сделали комплемент. Он с гордостью огляделся по сторонам, но храпевшая и сопевшая в тревожном сне публика осталась безучастной

к его интеллектуальному триумфу. Только Иваныч, приоткрыв правый глаз, зевая во весь рот, поинтересовался:

– Ты что, Фридрихыч, такой красный, в сортир хочешь?

...Когда за приятелями захлопнулась тяжёлая дверь вытрезвителя, Иваныч, всей грудью вдохнув сладкий воздух свободы, спросил:

– Ну что?

Фридриха аж затрясло от нехорошего предчувствия.

– Попрошу без намеков, – взвился он, – сегодня, может, жизнь моя решается...

– Да ты чего, Фридрихыч, в натуре, найдём мы твоего кореша. Тоже мне головоломка, детектив, ёкарный бабай. Да я его вычислю, как Шерлок Холмс собаку Баскервилей, в один момент. Только мне лекарство принять надо. С сердцем что-то не в порядке, вот-вот из груди выскочит.

Не дожидаясь ответа, Иваныч нырнул в аптеку, а Фридрих Фридрихович сочувственно покачал головой. «Вот до чего доводит беспорядочный образ жизни, – подумал он, – и пренебрежение к общественной морали». Впрочем, ожидал он товарища недолго. И минуты не прошло, как в дверях аптеки появился Иваныч с вызывающе оттопыренными карманами.

– Микстура, – пояснил он, – три раза в день по десять капель. Доктор прописал. Теперь живы будем – не помрём. Кстати, и тебе для профилактики полезно будет. Экологически чистое средство. На спирту.

Господин Э на сей раз, подозрительно посмотрел на беспричинно оживившегося товарища. А тот, не обращая внимания на косые взгляды, продолжал:

– Всё-таки как далеко вперёд в последнее время шагнула наша фармацевтическая промышленность. Вы не представляете, Фридрих Фридрихович. Вот у вас в Австрии есть настойка боярышника? Про «Трояр» я не спрашиваю. Есть?

– У нас в Австрии настойки боярышника нет, – удивлённый столь неожиданным вопросом ответил господин Э.

– То-то, – с чувством явного превосходства сказал Иваныч, – а у нас в каждой аптеке стоит. А что вы тогда пьёте?

– В каком смысле?

– В смысле, в минуты душевной невзгоды. Я ведь не просто так всё это говорю...

– Ну ладно, – взбеленился вдруг всегда деликатный Фридрих Фридрихович, – вы же обещали мне помочь, а вместо этого изводите своими идиотскими вопросами. Скажите лучше, где искать Фреда?

Столь решительная и эмоциональная отповедь не произвела на Иваныча особого впечатления.

– Ну, это – как дважды два, – спокойно ответил он. – В тюрьме...

У господина Э отвисла челюсть и он, побледнев, схватился за сердце.

– Ты же, Фридрихыч, сам мне рассказывал, что кореша твоего замели по мокрому делу. А произошло это в парке. Значит, оттуда и будем плясать. Я, конечно, не Шерлок Холмс и тем более, не Эркюль Пуаро, но Дарью Донцову читал и справлюсь с этим делом ничуть не хуже, чем Евлампия Тараканова с Виолой Романовой вместе взятые. Или как там их зовут? Вечно путаю. Неважно. Найдём твоего студента.

Минут пять ещё господин Э находился в ступоре, до тех пор, пока Иваныч не плеснул ему коньячного цвета пахучей жидкости из аптечного пузырька в пластиковый стаканчик, которых на ветках висело больше, чем плодов на яблонях. Фридрихыч послушно и стоически, как пьют противное лекарство, выцедил экологически чистый напиток. От изумления его глаза сошлись в одной точке у самой переносицы, а всё существо его сначала перекорежило, а потом вовсе сплющило, как пустую консервную банку, попавшую под колесо грузовика. А потом вдруг наступило блаженство.

– Ну, как? – Поинтересовался приятель.

Вмиг успокоившийся Фридрих Фридрихович с некоторой даже благодарностью посмотрел на него.

– Что это?

– Как что? Боярка. Я же тебе говорил. Может, ещё? Ты не бойся, всё будет абгемахт, в смысле, как надо. Сейчас выкурим по сигаретке и дальше потопаем.

Они с явным удовольствием задымили.

– Да, – вдруг задался философским вопросом господин Э, – почему люди не летают как птицы?

– Ты чего, Фридрихыч, и хорошо, что не летают. А прикинь, если б летали? Каково было бы для тех, кто пешком ходит. Такие неожиданности!

– Да я не в том смысле, Иваныч, я, так сказать, в общем плане...

– А-а, тогда понятно. А ты, Фридрихыч, какой птицей хотел бы быть? Небось, буревестником каким-нибудь или соколом чёрной молнии подобным, или альбатросом парящим? А я вот лично ястребом не прочь бы побыть.

– Почему?

– Видишь ли, с детства хоккей обожаю. Есть у нас команда «ястребами» зовется. Знаешь, они сколько получают?

– Нет...– сверх меры удивлённый таким неожиданным поворотом темы, ответил Фридрих.

– Вот и я не знаю, но говорят, что много. Ну ладно, двинем?

Всю дорогу Иваныч не умолкал, чему активно способствовало и то, что он регулярно поддерживал свой тонус очередной порцией бальзама, как он называл забористую настойку из боярышника.

Господин Э больше молчал, что было для него, в общем, несвойственно. Но вставить хоть словцо в нескончаемую тираду приятеля было практически невозможно, потому что тот слышал только себя. И только тогда, когда они уже подходили к парку, его фонтан красноречия стал ослабевать. Чем и не преминул воспользоваться терпеливый Фридрих.

– Иваныч, – спросил он, – а другая жизнь здесь есть?

– В каком смысле – другая? – насторожился он, – в смысле – потусторонняя?

– Да нет, – улыбнулся господин Э, – та, где люди живут хотя бы чуть-чуть иначе. А то, сколько здесь уже нахожусь, ничего другого не вижу.

Иваныч внезапно остановился и, слегка озадаченный такой постановкой вопроса, почесал затылок.

– Есть, само собой, правда, я её давно не видел, не считая телевизора. Но там, сам понимаешь, Фридрихыч, своя особенная жизнь. Как во сне: то кошмары мучают, то райские кущи сплошные. Я ведь раньше по-другому жил: работу приличную имел, семью крепкую, в театры по праздникам ходил, на машину копил – словом, как все. Но тут кому-то из «верхних» показалось, что мы не так живём, не достаточно ещё хорошо. И давай они нашу жизнь улучшать, да так рьяно, что скоро полстраны без штанов осталась. Да ты не делай такие глаза, Фридрихыч, это я фигурально выражаюсь. А если конкретно, то потерял я работу, семью, машину, прочие атрибуты благополучия. А самое главное, самого себя потерял. Зашибать стал. А это для русского человека верная погибель. Это в книжках пишут про сострадание, а в жизни, если человек падает, то его ещё и подтолкнут в порядке товарищеской помощи. И прав ты оказался, Фридрихыч, этот самый люмпен я и есть теперь, типичная маргинальная личность. Ну да ладно, бывает и хуже. Только обидно, что кто-то за меня всё в моей собственной жизни решает: что говорить, что делать, как думать, за кого голосовать. Так что, Фридрихыч, жизнь у нас представлена в широком ассортименте, но мне теперь предназначено существовать там, где я есть. И ничего с этим не поделать. Планида, как говорится, такая.

– Да, – в свою очередь почесал затылок Фридрих Фридрихович и больше ничего не сказал. А что тут скажешь?

Отдыхающего народа в парке было много.

– Где искать? – нетерпеливо спросил господин Э.

– Где, где? У летних кафе надо поинтересоваться, там всегда одни и те же тусуются. Золотая молодёжь, ёкарный бабай. Может, кто что слышал?

Они направились в чрево парка, где жизнь весёлая бьёт ключом и иногда по голове.

– Стой, – вдруг затормозил Иваныч, – глянь, Фридрихыч, там не твой студент в позе мыслителя?

Тот посмотрел в направлении указанным грязным пальцем и точно – на скамейке задумчиво сидел собственной персоной Фред, одной рукой подпирая подбородок, а другой – придерживая початую бутылку лимонада, чтобы не спёрли. Встреча потерявших друг друга товарищей по несчастью не отличалась особой эмоциональностью. Господин Э, уже вполне адаптировавшийся к местным реалиям, бросился было с объятиями, но Фред уклонился от столь бурного проявления дружеских чувств и ограничился вежливым кивком головы, чем ввёл того в немалое смущение.

– Ну что, мужики, – взял инициативу в свои руки Иваныч, – такое дело надо обмыть. Что, студент, нос задрал? Забыл, что в гостях? А ну быстро бери газировку и вперёд в те кусты. Там поспокойнее будет.

Слегка оробевший от такого обращения (вдруг ещё морду набьёт) Фред бросился исполнять указание, рассудив, что здесь лучше играть по их правилам. На крутые местные нравы он уже вдоволь насмотрелся. Еле заметная тропинка привела троицу к одиноко стоящей сломанной скамейке, которая показалась Фреду знакомой.

– Ну, – по-хозяйски сказал Иваныч, – давайте за встречу и, Бог даст, на посошок. Гони, студент, «Буратино».

Он вылил в большую бутылку содержимое оставшихся шкаликов и взболтал.

– Все, господа, коктейль готов, а стаканчики берите сами. Вон их сколько вокруг. Хороший нынче урожай.

Первая для Фреда пошла колом, а зато остальные, как и для всех, соколом.

– А ты, Фред, парень ничего, только шибко гордый, проще надо быть и люди к тебе потянутся. Правильно я говорю, Фридрихыч? Ну, за дружбу между народами!

...Иваныч вернулся в реальность после того, как его разбудил знакомый сержант.

– Ну, ты, Иваныч, даёшь. На рекорд пошел. Третий день подряд к нам. А где твой приятель?

Он огляделся по сторонам. Рядом никого не было.

– Слава Богу, обратно улетели, – подумал он вслух.

– Ну и хорошо, – согласился сержант, – теперь и мы полетим...

... – Господа, господа, – суетился вокруг спавших за столом двоих прилично одетых клиентов вышколенный официант «Русской пивной», – заведение закрывается. Пора домой.

Первым пришёл в себя бледный от мазохистских издевательств над собственным организмом студент. Он с большим трудом поднял голову и огляделся.

– Где я? – произнёс он сакраментальную фразу.

– В «Русской пивной», сударь, что как раз напротив библиотеки, – терпеливо и подробно стал объяснять местоположение заведения официант, – не извольте беспокоиться, мы вас проводим. До двери.

– А как я сюда попал?

– Вот с этим господином, – официант кивнул на спавшего напротив щегольски одетого мужчину с ухоженной шкиперской бородой.

– Кто это?

Потерявший уже к этому моменту всю свою профессиональную выдержку официант, призвав на помощь коллегу, поднял под мышки слабо сопротивлявшегося студента и повёл его к выходу. К этому моменту пришёл в себя и господин напротив. Он выбрался, правда, из-за стола самостоятельно и вышел на улицу. Свежий августовский ветер довольно быстро привёл его в чувство. Не совсем твердой походкой он побрёл в сторону гостиницы. «Нет, хватит, надо срочно на воды», – подумал наш герой, и от этой мысли ему полегчало.

Впоследствии господин Э, несмотря на свою хорошую память, так и не смог вспомнить, как он оказался в этой третьеразрядной забегаловке и что за молодой человек составил ему компанию. Правда, иногда во сне ему снился какой-то странный далёкий город, большой запущенный парк, знакомый по пивной студент и какой-то тип с добрым, открытым лицом и ясными детскими глазами, который отзывался на труднопроизносимое имя – Иваныч.



Михаил КУЗИН

(Омск)

ПЛАСТИЛИНОВОЕ ЛИЦО

Поэма

* * *

Мы все от рождения слепы,
Внимая глазастым пророкам,
Беспомощны мы и нелепы...
До срока.

До срока.

До срока...

* * *

Спит Москва – седая старуха.
Холод-голод. Война-разруха.
Эх, шинелишка, подбитая ветерком!
Что там думает Совнарком?

На плакатах и в «Окнах РОСТА»
Революция выглядит просто:
Бей! Гони! Помогай штыком!
Что там думает Совнарком?

Спит Москва лупоглазо-оконная...
Где бойцы твои, Первая Конная?
За сукном сидят, не в седле,
Что решают сейчас в Кремле?

Не седло скрипит, не подпруги –
Это кресла кряхтят от натуги.
Годы конницей пролетели,
Вместо шашек в руках –
портфели...

– Почём сегодня сахар на толкучке?
– Три миллиона...
– Довели Россию до ручки.
Как вспомнишь, во время оно

Придёшь на базар –
глаза разбегаются...

– Гляди, Семён, – разбегаются!
На спекулянтов облава...
– А ну стой, шалава!
Не уйдёшь от ЧК,
Мать твою, в Колчака!
Чего в мешке? Пшено.
Прислонись-ка к стенке...
Всё. Решено!

Москва принарядилась
Серо-ало.
Москва в лозунгах,
Как лоскутное одеяло.
Живут в одеяле
Недобитые вши.
Если ты вошь –
Нишкни! Не дыши!

– Слушайте
 поступь
Грядущих
 коммун,
Вы, –
 Революцией
Прозревшие
 массы!
Гробы
 на попа –
Вместо
 трибун!
Свободу
 пролетарскому
 классу!

– Остановка «Константинополь»!
Прошу, господа!
Разноязыкая смесь
Шарахается от авто,
Причалы,
 ящики,
 толкотня...

– Браток! Погоди, браток!

– Чего тебе, дядя? Огня...
Вот угощайся куревом...
– Благодарствуйте. Я? С Гурьева...
– Худо, брат...
– Худо...

Серые призраки тифа
Стынут навалом
в подвале.
Запах голодного блуда...

– Надоть подаваться подале –
Можа, где и лучшее...

– Верёвки для шеи!
Верёвки для шеи!
Недорого – за пятак!
А нет пятака – бери за так!

– Господи, охрани наши души! –
Раздирает надрывно уши
Пронзительный плач
Пароходных сирен...

– Говорят, в Аргентину, иначе...
– Один хрен...

– Костёрчик запалим – погреемся.
Ваше благородие!
Отодвинься малость!
Затеплилось вроде...
– А во Франции, братки,
Прозывается рубль – «франк»...

– Под Екатеринославом
Развернулись в лаву –
Скачем – пыль! Жара!..

– Я не ел сегодня с утра...

– Не протягивай руки, гнида!

— И вот что, профессор, обидно:
В шестнадцатом участвовал я
В демонстрации,
В семнадцатом — в полной

Прострации,
В двадцатом –
Уже в эмиграции!
Воистину – метаморфозы...

– Как хороши, как свежи были розы...
Нам не по дороге, князь!
– Ах, ты, мразь!

– Штабс-капитан! Вы куда!
– В Канаду...
– Оставьте. Не надо...
Махнём в Париж?
– А на какой шиш?

– Слушайте! «Вчера в номере
Гостиницы “Националь”
Застрелился полковник Н...»
Вы знали его?
– Да.

– Ну, что? Поплыли? –
Тяжко вздохнула вода.
Поплыли...
Куда?
Кто куда...
А ты как?
– В деревню. К бате...
– Васька, ты – предатель!
Мы ж решили – до победы
Мировой Революции – вместе!
– Ты читай. А я – к невесте...

«Мы кузнецы и труд наш молод!»

В Поволжье голод –
Третий год недород.
Мрёт народ.
– Шаг назад, два вперед –
Вот такой оборот...
– Бабки кормят детишек корой!
Что там думает Политбюро?!

– Ну, начальники все при деле –
Охраняют свои портфели,

Заезаешься – уведут,
И карьере твоей кажут.
У портфелей губа не дура,
Потому как номенклатура!

— Товарищи крестьяне!
Вот какой вопрос.
Сейчас мы тут быстро
Организуем колхоз.
Колхоз — хозяйство коллективное,
А частное хозяйство —
Дело дефективное!
Агитировать тут некого.
Знаю — вам снится
Колхозная пшеница
Двухметрового роста!
И вообще — жить будет просто,
Никакой обузы:
Всё общее — и коровы и арбузы!
Вот тогда и нажрётесь от пуза.
Будет вам колбаса и эти,
как их... крабы!
Чёрт бы вас всех побрал!
Идёт торговаться,
Идёт продаваться
Российской армии генерал!
Солнце рябит равнодушную жесь
Глаз и пуговиц жандармерии.
Бредёт по Парижу
российская честь,
Бывшая часть из бывшей
империи...

– Выстрелил себе в висок,
Такая ма-аленькая ранка!

— У меня после вчерашнего —
Четыре франка...

– Ах, как я любила
Царскосельский парад!
Кавалергарды! Шитьё эполет!
Ах, Петербург!
– Петербурга нет.

– Ах, да – Петроград...
– Ленинград.

– А вы знаете, – Я рад!
Вы думаете куда
Повернутся штыки,
Если память о нас
Вышибут большевики?
Как в Париже – нельзя без долгов,
Так в России – нельзя без врагов!

– Проповедует: «Ближнего
возлюбите...»!

– Толстовец?
– Бывший эсер!
– Профессор, почему вы
Возвращаетесь в СССР?

Крепи
ряды
рабочая
рать!

– Вот только охота жрать...
К горлу поднимается
Шершавый ком...
Что там думает Совнарком?

– Дурнушечка, конечно,
Но как поёт эта Ляля –
Не подобрать слова!

– Слышали? В ЧК расстреляли
Поэта Гумилева?

– Папаша, кто он был?
– Офицер...
– Я бы всех офицеров –
На прицел!
Под Екатеринославом
Рассыпались они лавой,
Визжат! А нас – две роты!
Но! На фланги – пулемёты,
На-ка, выкуси дулю!

Каждой шкуре – пулю.

«Ведь от тайги
До Британских морей,
Красная Армия
Всех сильнее!».

* * *

Белые акации –
Цветы эмиграции.
Крымский тополь
Махнул на прощанье судам...
Дуй ещё!
В безумных глазах – усталость,
Спина – натянутая струна,
Тронь – зазвенит негодующе!

Эх, Россия! Большая страна!
Далеко – далеко.
За морем – горем...
Эх!

Повозки,
 шинели,
 сутолока,
 гам...

Кони топчутся по ногам.

«Вора держите! Вор! Вор!» –
Разлохмаченный ветром хор.

– Не куплю! Не верю жидам!
– Это что же? Я – жид?!

Ветхий поп дребезжит:
«Многая лета...»
– Господа поминаешь?
Дурак ты, святой отец!
Нету России больше!
Все! Конец!

– Мадам, позвольте коснуться
Ваших прелестных ручек...

– Николашка – вот кто виновник!

– Господин поручик!

Где вы были во время

Ледяного похода?!

– Ах, оставьте, полковник –

Нынче на штатское мода,

Купите цилиндр и фрак...

* * *

Москва в котелке

Танцует фокстрот.

В «Астории» киснут

Конфеты «Рот-Фронт».

Носики воротят

От пшённой каши

Юные комсомолочки –

Секретарши.

– Все московские артели,

Окромя субботников,

Шьют шикарные портфели

Для ответработников!

– Знаете анекдот про весы?

На одной чашке – социализм,

На другой – круг колбасы...

Что перетянет?

– Разуь глаза!

Перетянет колбаса!

Завозились в углах НЭПа вши –

Жизнь вольготная у шпаны!

Эх, пощупаем вас, нэпманши!

Эх, потрогаем вас, нэпманы!

– Трёх революций участника

Обсчитали вчера у частника!

Так в морду бы и дал!

– Нельзя – подаст в суд...

– Да я ему всю лавку разнесу!

За что боролись? За капитал?!

– Вот, штудирую «Капитал»,

Сочинение Карла Маркса...

А ты читал?

– Не-а... Не читал.

– Готовлюсь в рабфак!

Бабы? Кто сказал «бабы»?!

Воздействую административно!

Баста! Подходи по одному,

Но записываться коллективно!

– Покончил самоубийством

Сергей Есенин...

– Плевать! Самый лучший поэт –

Демьян Бедный!

– Степан! На фабрике субботник

В воскресенье!

В честь очередной годовщины

Внеочередной победы!

* * *

Гудит ресторан «Медведь»,

«Боже царя...» принимается петь,

Но балалайка ещё не Россия,

И водка лишь местная анестезия.

Ностальгия у эмиграции

По российской реанимации...

Тают пятнистые робкие тени,

В лиловой сирени

Бульваров кольцо.

Комкая липкой улыбкой лицо,

Бредёт генерал

В равнодушном Париже.

Париж рыж.

Весь в золоте крыш.

Рань.

Нотр-Дам.

Монмартр.

– Месье и мадам!

Месье и мадам!

Эн, дэ, труа, катр...

Месье и мадам!

Прошу любоваться!

– Я русский, поймите...

– Но СССР и Россия –
Не одно и то же...
– Тут слишком зудит кожа!
– Вы думаете, там легче?
– Россия, батенька, души лечит...

* * *

Строится Москва
Не в один этаж
И не в два!
По уровню кровель –
С Европой вровень!
Рассекли Москву
Просеки-проспекты...

– Внимание, студенты!
Приготовьте конспекты.
Пишите: как жили
При Иване Грозном?
Холера, чума, малярия.
Бояре да дворяне
Набивали нутро.
А сейчас? Тяжёлая индустрия!
Всеобщая грамотность! Метро!
И пшеница – лучше, чем в Орегоне.
Пишите: догнали и перегоним!
Заострите на этом акценты...

– К нам на завод приезжает
Товарищ Маленков!
Приказ – умереть у станков,
Но план – триста процентов!

– Хором, дружно, детки:
«Ра-пор-ту-ем-то-ва-ри-щу-ста-ли-ну-
Об-у-спе-хах-вто-рой пя-ти-лет-ки!».

– Знаете, бродит слушок по земле:
У себя в кабинете, в Кремле,
Застрелился нарком Н...?
– Тише. Тише!
Вдруг нас услышат!

– Алло? НКВД?
– НКВД.
– Мой сосед рассуждал о биде...
– Это что?
– Не знаю, но чувствую –
Быть беде!
Опасная беседа...
– Адрес!
– Чей!? Мой?!
– Соседа!
И если уйдёт –
Ответите головой!
– Ой!..

– В партии большевиков –
Чистка!
Все попутчики – на стол
Партбилет!

– Это? Картошные очистки...
А хлебушка у нас нет...
Товарищ уполномоченный!
– Налоги не уплочены!

– Куда его?
– В Краслаг.
– За что?
– Кулак.
– Сколько дать?
– Дай двадцать пять.
– Жену куда?
– Пиши: Караганда,
Работы много,
Разберемся потом.
– Светлое будущее не за горой?
Но в будущее передачи не носят.
Что же там думает Политбюро?
– Решат и будут. Тебя не спросят!
Ведь начальники нынче в теле,
И командуют им изнутри,
Обожравшись бумаг портфели:
«Делай раз! Делай два, делай три!».

– Шаго-о-ом марш, закладывать
Комсомольскую аллею!

Жить стало, товарищи, лучше,
Жить стало веселее!

* * *

А в Париже тишь...
Присмирел Париж.
Обложился газетным ворохом,
Зябко ёжится всей спиной:
– Чуете? Пахнет порохом...
Потянуло в Европе войной...

За стаканом вина, снова,
Хнычет сморщенный метранпаж –
У газеты «Русское слово»,
Резко упал тираж.

– У Иван Антоныча,
По воскресеньям,
Собирается «Комитет
Общественного спасения».
Генерал, окажите честь...
– Мне, знаете, конечно, лестно...
– Что вы?! У Иван Антоныча –
Всегда интересно!
Приехала поэтесса! Пророк!
Слышали? Мадам Коваль...

– Детей куда?
– В детдом.

«Всё выше, выше и выше,
Стремим мы полёт наших птиц!»...

Душно в Тушино,
Не протолкаться.
Частокол запрокинутых лиц –
Кувыркается авиация,
Обещая надёжность границ.
– Люба, смотри!
Опять пошёл на круг!
– Что завидуешь, политрук?
Не котируется пехота
В день Военно-Воздушного флота!
«Нам Сталин дал

стальные руки-крылья,
И вместо сердца
пламенный мотор!»

– Не выспался? Продолжим разговор...
– Послушайте! Я сам – почетный чекист!
– Ты, сука, троцкист...
– Бред!
– Будешь подписывать?!
– Нет!

– Ежовыми рукавицами
Пролетарской инквизиции
Выметем из столицы
Группировки и оппозиции!

– Близится годовщина
Юбилейной даты!
Даёшь, ребята,
Второй ДнепроГЭС!

– У Иван Антоныча порок –
Собирать всякую шваль.
Стар он стал. Стар...
Хорошо буду.
– Чудно, генерал!
– Оревуар...

... – Ночь – как прорубь.
Ныряю набрякшим взглядом,
В звенящую тьму,
И уже не пойму –
Кто рядом...
Я канула в сон.
Воспалённое подсознание
Рисует узоры –
Моря и горы,
Мозаику криков и ветра,
Масок и красок
Сумбурные карусели,
Осеннее новоселье
Перелётных душ...
Туш, маэстро! Туш!
А в глазах – звериная тоска...

И снова ночь.
И текут обречённо тела –
Факела, факела, факела.
Капают красные блики
На лики...
Вот этот – знакомый до боли!
Подлое моё подобие,
Небытия утопия!
Что – опять поменялись роли?!
Ты ведь сердце моё исковеркало,
Плоское, лживое зеркало!
Прочь!
Мы не похожи!
Уйди!
Глухо лопнуло сердце в груди...

– Как читает! Просто рвёт душу!
Новоявленная мессия!
– Припадочная кликуша.
И причём, же здесь, сударь,
Россия?

«Союз русских офицеров-таксистов».
Господин Сазонов, выбритый чисто,
Бывший генштабист и граф,
Даёт интервью «Дейли Телеграф».
Отвечает серьёзно, потирая
коленки:
– Бакунин?
Попадись он мне в восемнадцатом –
К стенке.
– Бунин?
Он в Совдепии – проклятый белый
Эмигрант.
– Куприн?
Вернулся в СССР?
Куприн уехал умирать...
Это и моя мечта, дорогой сэр.
Пожимаете плечами...
Да разве поймёте русских,
Вы – англичане?!

* * *

Москва крест-накрест
Запечатала окна.
Москва комендантским
Часом оглохла.
Гуль,
 гуль,
 гуль,
 гуль –
Гулко чеканит шаги патруль.

«Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой!»

Хитро вытравив в метриках даты,
Пацанята наперебой,
Предлагают военкоматам
Свои головы на убой.

– И этот испоганил метрики!
Тебе сколько лет? Шестнадцать...
Да, ты силен в арифметике!
А затвором успеешь поклацать...
И чтоб я тебя больше не видел!
Извини, пацан, если обидел.
Эх, пацаны, пацаны!
Нет, пацаны, вам цены...
Скулы выворачивают в драке,
Мины выворачивают траки!
Мина, установленная толком,
Наградит, как орденом, осколком!

«Всем, всем, всем!
Приказ двести двадцать семь!
Ни шагу назад» –
В тылу окапывается
Заградотряд.

Похудевшие разом портфели,
Гимнастерки тугие недели,
Портупеями заскрипели,
В гарнизонном политотделе.

– С сегодняшнего дня
Работаем без обеда!
Всё для фронта!
Всё для победы!

– Сестричка, ах, боже мой!
Постой, посиди со мной.
Не стоит марать бинты –
Мне всё равно кранты...

– Вчера на завод
Пришли в ремонт,
Танки с передовой.
Наводку, думаю,
Проверю я сам.
Протиснулся в башню –
Бог ты мой!
Как воняет палёным мясом!

– Слышали? Поговаривают –
По карточкам пшено отоваривают?

Отражаясь, дрожит в панораме,
Силуэт раскоряченной «рамы»,
Закопались по самые бровки
Семидесятишестимиллиметровки.
Старшина раздаёт в каптёрке
Необстрелянные гимнастерки,
И горюет, что эти портянки,
Намотают на траки танки...

«Бьётся в тесной печурке огонь...»

– Батарея! Огонь!
– Слышь, капитан! Танки слева!
Обходят по низине!
– Вот, гады, сообразили...
Что, кресты на башне,
Значит, козыри – крести?
Нет, будет по-нашему!
Бери противотанковые!

Вяжи вместе!

Я бошей бил в пятнадцатом,
в Галиции,
Обниматься с ними как-то не с руки.
Вот и партизаню в маки...

* * *

Москва поднимает
Салюты-букеты!
Москва в долгожданные
Платья одета!
Пилотки,
 шинели.
Фуражки,
 награды!
Оркестры,
 цветы,
Поцелуи,
 парады!
И плавно-протяжно
Выводит труба
«На сопках Маньчжурии...»

– Дяденьки! Третьи сутки дежурю!
Тут нет моего бати?
– Не бойся, пацан!
Япошку быстро расколошматим!
Вернётся твой батя – дай срок!
На-ка, держи сахарок...

Вместо ног – два саднящих шрама,
Четыре года по госпиталям...
– Да что вы всё плачете, мама?
Я привык уже к костылям...

– Вызывают меня к особисту,
Ласковый такой, речистый.
Таких всегда девки любили.
«Вы, – говорит, – в окружении были?»
Прыгаем сразу и все вместе!»
А он: «Я доложу, что вы
отказались от боя!»,
«Ладно, – кричу, – Хрен с тобою!»,

И в Париже –
Комендантский час.
Патрулями ожесточаясь,
Топчет Францию оккупация.
Обнимает иконостас
Протрезвевшая эмиграция...
– Немцы уже под Москвой!
– Скоро, скоро, господа, домой!
– Воспрянет Россия снова!
– Ура-а-а, генералу Краснову!

Без перекуров дороги французские,
Строят голодные пленные русские.
Без перекуров чадит Бухенвальд,
Золу добавляя в немецкий асфальт.
Конвойные внятно ругаются матом,
И пленным втыкают
в лицо автоматы,
А после над салом сюсюкает ласково,
«СС-батальон» группенфюрера
Власова.
– Ну те-с, поджигайте шнур –
Устроим небольшое
представление...
– Полковник, почему вы –
в Сопротивлении?
– То есть, почему я не в полиции?

«Был, – говорю, –
в сорок первом...»,
«А проверочку не прошли вроде?»,
Я под нос ему – орден!

В кабинетах, как в лучшем отеле,
Отдыхают блаженно портфели.
На прохожих рычит колоннада:
«Проходи! Чего тебе надо?!»

– Бабоньки, бабоньки!
Слышали – карточки отменяют!

– Эй! Шинель на толкучке
На что меняют?

– Ну, майор, интересные
Задаешь вопросы!
На сахар, на мыло,
На спирт-папиросы!

– Посмотрите на полчеловека! –
Надрывается пьяный калека,
И привычно не режет ухо
«Холод-голод. Война-разруха».

– Постановление для кого?
Ты опять опоздал на завод?!
– На две минут всего...
– За каждую минуту – год.

– Восстановим страну из пепла,
Чтобы снова страна окрепла!

– Гудим, значит, на «небесном
тихоходе»,
Вдруг вижу, на тебе – «Мессер»!
«Штурман! – ору, – Нет милостей
в природе!

Эмиграция в Париже
Вы-мер-ла...

И наследники древних устоев
С принадлежностью к русской
породе,
Достоевского и Толстого
Изучают уже в переводе...

* * *

Пробудилась Москва
От зимнего сна.
В Москве – капель.
В Москве – весна.

В напряжённом зале
Не хватает мест –
Был товарищ Сталин,

Стал двадцатый съезд.

– Сняли нашего прокурора.

– За что?

– Да уж видно не зря –

За веселые приговоры

В пионерские лагеря.

Бьётся ветром над Братской ГЭС:

«Вечная слава КПСС!»

Гудит товарищеский суд:

– Такие Родину не спасут!

– Брючки-дудочки и сопливый кок!

– Ведь отец у тебя – трудяга!

– Слушай, Сидоров, как ты мог

Разложиться в бандита-стилягу!

– Голосую: исключить из института!

– Может, не стоит, так круто?

– Сегодня он играет джаз,

А завтра Родину продаст!

– Степанида! Что за дела?

Опять корову не отвела?

Ты знаешь, во что это выльется?

– Дак, как без неё – кормилицы?!

– Молоком крестьян обеспечит

совхоз.

Вот решение, печать:

«Совнархоз»!

– Маша! Опять на обед капуста?

– Чего же ты хочешь,

Если в магазинах – пусто?

– Тысячу новых квартир

Получили новоселы!

– Митрич! Чего невесёлый?

– Да вот – всю жизнь в бараке...

Холод, грязь, теснота и драки.

А теперь – полное

благоустройство.

За какое такое геройство?

Чего-то тут не так...
– Митричь! Да ты чудак!
Газеты читаешь? Нет?
Где твой пламенный оптимизм?
Через двадцать, всего лишь, лет,
Обещают нам коммунизм!
– Эх ты, Волга-мать!
Вот так силища!
Образумят тебя
Водохранилища!
Зашипит

на

бескрайнем

просторе,

– Кто шагает дружно в ряд?
– Пионерский наш отряд!
– Будь готов!
– Всегда готов!
Как Гагарин и Титов!

* * *

Молодится Москва – столица!
Министерскою кожей лоснится,
Обмывает в бумажной купели,
Новорожденные портфели...

– Читал? Октябрьский Пленум
Дал Никите под зад коленом!

Бьётся ветром над входом в собес:
«Вечная слава КПСС!»

– Товарищи! Миллион тонн!
– Чего?
– Какая разница: хлопок или
бетон?

Главное – миллион тонн!

«Самотлор освоим
И тюменский газ!
Трудовые будни –
Праздники для нас!»

И портфели в командном экстазе,
Заплотинив бетоном пол-Азии,
По дешёвке электроэнергию
Продают в ФРГ и Бельгию...

– Всё шлём и шлём...
А самим уж нечего жрать!
Взять бы их всех и послать,
Обратно в арабскую мать!

Рукотворное
наше
море!

– Урожай, товарищи,
Это техника плюс вода...
– Никита Сергеевич,
Прошу сюда...
– А-а... Ну-ка, агроном,
Сколько берёшь с гектара?
Вот то-то и оно –
Используешь землю даром!
Грош цена твоему зерну!
А наша задача –
Кормить страну!
Изучай царицу полей –
Кукурузу!

«Говорят все радиостанции
Советского Союза!
Впервые в мире осуществлён
Запуск космического корабля
с человеком на борту!»

«Прощай, Земля!» –
Захрипела сирена в порту.
Набиваются в горло подлодке
Окантованные пилотки.

– По морям, по волнам!
Нынче здесь, завтра – там!
Нынче мы идем на Кубу,
Завтра двинем во Вьетнам!

Под раскатистое «Ура-а!»
В землю врезались трактора,
Элеватора гулкий склеп
Поджидает целинный хлеб.

– Ну и мелкая у тебя душонка!
Что тебе жалко тушёнку?
Мы по солидарности –
на первом месте!
– Ага. Голодать – так всем
вместе...

– Ну, ты, товарищ, даёшь!
Неужели ты плохо живёшь?
– От зарплаты до зарплаты,
От заплаты до заплаты.

– Михаил Андреевич,
В эфире заграница...
Послушайте... «Голос Америки»...
Недобитая мразь Солженицын
Захлебнулся в истошной истерике –
Мол, у нас в стране душно жить!
Что прикажете?
– Глушить!..

«За большие заслуги прежние
В честь семидесятишестилетия,
Наградить товарища Брежнева,
Орденом долголетия!»

«Это время гудит – БАМ!
На просторах пути – БАМ!
И большая страна
Покоряется нам!»

Маршрут полёта:
Герат – Кабул.
В горах пулемёта
Рассыпался гул.
Закручена лопасть.
В моторе дыра.
Направо – пропасть.
Налево – гора.

За ней – перевал.

Ещё дальше – Рязань.
Напротив – дувал
И чужие глаза.

Транспоранты-хоругви алеют,
И портреты, наклеенные на народ,
Осеняют дланью с Мавзолея,
Демонстрации крестный ход...

– Как состояние, Леонид Ильич?
– Жа-ра...
– Ура, товарищи!
– УРА-А-А!!!

* * *

Истории тесно в «Отчётных докладах».
Истории тесно в сусальных окладах.
И в траурных рамках,
И в школьных программках,
Истории душно,
А, в целом, – бездушно!

И Поволжье, опухшее с голоду,
И рыгающая «Астория»,
И парижская интеллигенция,
И расстрелянная консерватория,
И солдаты из армии Власова,
И чадаящая хмарь крематория,
И дежурно-победные рапорты,
И «афганской защиты» теория –
Не придуманная история!
Не придуманная история...

* * *

С пластилиновым я уродился лицом,
В рёве фанфар и победных кличей,
Так и прожил бы, в конце концов,
Мы не приучены к смене обличий.

Меня поучали, примерами били,
Тыкали носом в заслуги отцов –

Липкими пальцами ловко лепили
Мое пластилиновое лицо.

Теперь убеждают: «Давай улыбайся! Как на рекламе зубного порошка!». А я – не умею. Могу ухмыляться, Особенно, если исподтишка.

Но всё-таки чувствую липкою кожей —
Тряхнули историю и нафталин
Теряет свой запах, вот также,
 быть может,
Растает когда-нибудь
 мой пластилин.

А если останется липкое где-то –
Я всё-таки затхлого времени сын! –
Я тоже участник истории этой,
Придёт мой черед – я шагну на весы...

Омск, 1989 г.



Валерий ДАРКАЕВ

(Омск)

КАРАСИК

Новелла

Молодой карасик слонялся без дела по тёмным закоулкам одного озера. Хотя можно с уверенностью заметить, что я напрасно так сказал. Дело у него было. И весьма важное, что могли подтвердить многие промокшие до нитки обитатели этого озера. А карасик искал, чем бы подкормиться. Он давно уже проснулся, а во рту не было маковой росинки. Всякие бесхозные жучки куда-то пропали, словно провалились в тартарары, а от тины мутило: с вечера наглотался её предостаточно, хотелось чем-нибудь свежим заморить червячка.

И, лёгкий на помин, он появился. Ладненький, круглый, с белорозовым боком червячок беззаботно болтался недалеко от камышины. Карасик чуть было не остолбенел. Ничейный червяк!.. Откормленный на дармовых харчах и невыносимо аппетитный, от взгляда на которого у карасика потекли слюнки. Вильнув хвостом, он стал подкрадываться, чтобы схватить бедолагу, а если не удастся, то спросить, откуда он прибыл. Червячка мотало, и подбивало лёгким течением к чёрной коряжине.

Тут огромный, буграх мускулов карасище, похожий на небритого бандита с кинжалом, вылетел из темноты, толкнул жаброй карасика, схватил добычу, и в мгновение ока проглотил. Как пылинку. Хам!.. Карасик заметил довольную физиономию бандюка — как же, отнял! Через мгновение он хлестко шарахнул что есть силы карасика хвостом, и стремительно умотал вверх. Был — и нету. Ни стыда, ни совести!..

Обиженный карасик огляделся вокруг, пошевелил внутри себя пузырьрём. Своим, рыбным.

Обворованному и побитому всегда обидно. Хоть у людей, хоть у карасей. Но голод — не тётка! И карасик двинул дальше нарезать круги по родной стихии. Неподалёку опять появился такой же красивый, как подарок с неба, червячок. Он плавно опустился на ту же глубину и завилял хвостиком. Мелко так, словно розовым пальчиком подзывая карасика. Карасик подплыл поздороваться и невзначай задел боком незнакомца. Тот от перепуга, видать, сиганул прочь.

– Ненормальный, невоспитанный червяк, – подумал карасик, шевеля плавниками. – Наверное, навозный. Ни здравствуйте, ни прощайте. Сколько гавнюков живёт на белом свете!.

Их откормили, а этикету обучить забыли. Но первый был получше, я бы его проглотил, не охнул, а с этим надо держать ухо востро.

Стали подплывать родственники, будто на огонёк костра. Поговорить, поточить лясы. Все как зачарованные смотрели куда-то над собой.

– Пожалуюсь на обидчика, – сказал себе карасик. – Червяк был мой, пусть отдаёт. Не то затаскаю по судам.

Карасик был молодой, да ранний. В то же мгновение его оттолкнуло тугим движением воды, а сбоку он обнаружил красавчика Чомбу. Это был карась не ему чета. На нём килограмм золотой чешуи. Крутой. Жизнь повидал. Был в ведре, выпрыгнул. Поэтому и плавники держал веером.

– Родиться и умереть не страшно, – говорил он. – Страшнее жить. Особенно в нашем болоте. Давим друг друга, отнимаем даже дохлую дафнию. Не для насыщения пищей. Так надо, так хочется.

Почему Чомба назвал озеро болотом, карасик не знал. Жаловаться передумал, почувствовал движение каких-то процессов. Иногда пованивало с берега. Говорили, что пахнет ухой. Что это такое? Попробовать бы. А вдруг – отравка! Тогда суши вёсла. Загорай кверху пузом на поверхности воды. А там птицы раздолбают, чайки всякие...

От Чомбы исходила матёрая уверенность в себе, она притягивала и карасик решил всё же рассказать про обиду. Коротким способом. С языка на ухо. Чтобы Чомба принял и уяснил услышанное до дна. Перемешал в черепке, переварил. Зрячий должен видеть зрячего.

Чомба от удивления пустил круглый пузырь воздуха изо рта:

– У тебя отнял червяка жирный негодяй Банд? Я правильно понял? А это мой друг...

Карасик понял, что дал маху. А попятную дать уже было нельзя. Слово – не воробей...

Но Чомба, сказав жёстко, что Банд его друг, повёл себя мирно, и продолжил:

– Ты не переживай. За друга я отдам свою долю. Я знаю, где кормят от пуза.

Шевели плавниками за мной.

Карасик радостно задвигал упругим хвостом, замослал плавниками и, едва поспевая за Чомбой, продвинулся далеко от

родных мест. Над глубокой ямой в солнечном свете он увидел много жирных неподвижных червячков.

– Это моя вотчина, здесь всегда целый дождь червяков, пользуйся – сказал Чомба, и посмотрел на голодного карасика загадочно, вроде как с ухмылкой, потом скользнул в уёмистый чёрный мрак под корягу...

Кресты

Рассказ

– Митька, – сказала баба Нюра, – Совести нет у тебя, окаянного! – и перекрестилась...

– Как это нет? – удивился Митька Иванов, носивший кличку Карась, и повёл острым стерляжьим носом, словно мог учуять с хода свою вину.

– Ты когда был у родителей? – продолжала подавать голос соседка. – Давеча хоронили Петра, я зашла потом проведать, а там кресты погнили. Зарастут травой могилки-то, и след потеряешь.

У Митьки странно сжимало душу, когда он видел бабу Нюру. Чем-то напоминала она матушку. Такая же востроносая, с худым лицом, и походка была похожа – немного боком, с небольшой отличкой только манера одеваться. Он поёжился. Не первый человек корил за память к родителям. Действительно, забыл то время когда ходил поклониться месту упокоения, прибрать от сорняков. Настороженно половил в выцветших глазах бабки подвох, может быть, и брешет, поймёшь ли этих старух. Но баба Нюра смотрела прямо и строго. Нет, в таких глазах не могло быть лживого.

– Правда, что–ли, кресты упали? – сдавленным, севшим голосом выгреб вопрос из узкого горла Митька.

Старуха охолодила укоризно взглядом сквозь, покачала головой, и молча повела сухонькое тело по дороге бытия дальше к своему дому, подтягивая больную ногу.

Митька не принадлежал к числу людей, которых можно зацепить укором, о чём знала баба Нюра и сам Митька. Пусть и пристыдила, плюнула–сказала: слово – птица, пырх – и нету, только воздух пошевелит – и всё. Исправление рождает скорее оторопь, чем позднее уважение. А тут ужалило, цепануло заусенцем укорной фразы. Сердце дрогнуло...

На Митьке десантная шляпа, синие кроссовки сорок пятого размера, тельняшка, сопревшая до дыр на его грешном теле. А под полосатой материей тельника широкая душа. Стрела глаза целила на пивнуху, – к друзьям, уже была натянута тетива желания, и карман

заряжен полновесным червонцем, однако Митька размагнитился на разгульные деяния, повернул в обратную дорогу, и оброс стремлением изменить себя, пусть кратковременно.

Сарай был обременён трёхметровыми сухими брусьями из лиственницы, и заблудший сын пришёл сюда, чтобы начать искупление вины, и обвенчался с работой... Вытряхнул мышинное гнездо из рубанка, потрогал ногтем остроту рабочего полотна, положил на верстак тяжёлый брус, провёл пробный ход инструментом, вытянув ломкий завиток стружки, остался доволен, и стал с удовольствием строгать неподатливую древесину. Голова работала с привычным разумением, а руки отвыкли, поэтому получалось поначалу неровно, с браком, приходилось исправлять, а это нудно, что выводило из себя, и едва не довело Митьку до белого каления. Он взмок, измаялся, одеревенели пальцы, и гудели ступни ног. Закончив строгать брусья, Митька настроил углы на них, расчертил, и ножовка завжикала по твёрдой, как железо, плоти лиственницы, вытаскивая жёлтую требуху опилок.

Лишь на второй день к вечеру изделия обрели законченно печальную форму знака человеческой скорби. Авральное топтание закончилось, кресты были окрашены серебрянкой и отставлены от верстака для просыхания.

Митька присел на скамеечку около дома, закурил, расслабил натруженные ноги, жмурясь, довольный, как мартовский кот на солнце. Накал солнца к тому времени ослаб, а светило присело к горизонту, окраснев от возмущения за разбойные действия протуберанцев. Мимо бежала бездомная собака, Митька поднял щепку, махнул рукой, пугая, что кинет. Собака взвизгнула, и кинулась прочь в сторону. В кроне черёмухи на тарабарском языке говорили воробьи, Митька слушал и улыбался, словно понимал птичий язык, а его мысли гуляли где-то высоко, среди облаков...

Цыганка

Рассказ

На перроне тюменского вокзала жду поезд. Ещё времени вагон и маленькая тележка, смотрю на часы, с циферблата которых минутная стрелка скатывает под ноги людей минуту за минутой, и лёгкий ветерок растаскивает их шелухой семечек. В душе пустота: мне наплевать, придёт ли поезд без опоздания или не придёт вовсе, затерявшись в сибирских просторах. Такое чувство что я – это не я, а кто, сам не знаю, сердце рвётся на части: сегодня расстался с любимой

девушкой, и понимаю, что навсегда. Кругом сотни людей, но никому нет дела до меня...

Подходит старая цыганка.

– Ай, молодой красивый, дай руку, погадаю.

– Спасибо, не надо.

– Судьбу твою вижу, расскажу, не пожалеешь.

– Я судьбы своей рулевой и гадание не требуется.

– Подари сто рублей и твоё сердце успокоится...

Прилипчивость цыганки раздражает, знаю, что пытается найти слабину, окровавить душу и после обобрать до нитки. Я однажды попался... Но сверлит пристально глазами...

– Другому погадайте, – пытаюсь отвязаться от неё. Но цыганка пытается опутать меня коконом магических слов, слов-намёков, слов двусмысленных, и этим отключить волю. Прицепилась как репей. Моему терпению приходит конец. Увидев милиционера, говорю:

– Сейчас милицию позову!..

Действует.

– Смотри, какой, – шипит цыганка, отходя. – Стоит, СЕРДЦЕМ ПЛАЧЕТ, а помощи не просит...

А я лишний раз убедился, насколько цыганки тонкие психологи, в толпе разглядела, как плохо моему сердцу.



Тамара ЛЬВОВА

(Омск)

ИЗ ЦИКЛА «СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ»

А. А. Ахматовой

Опять печальные глаза
На чёрно-белом старом снимке,
Полночной думою слезят,
Не проронив свои слезинки.

Они страданье затая,
В стихах о боли намекали.
Подруга странная моя,
Твои слова слезой стекали.

И капали твои стихи
На жёсткий камень злого века,
А после письма, дневники
Припрятала «Страна советов».

Отдать последнюю строку
Ты всё-таки друзьям сумела –
И боль, и радость, и тоску
Твоя душа всерьёз отпела!

Молитва

Милосердная, стою у окна.
Здравствуй, город, тихий на рассвете.
Из окна река вдали видна,
За спиною спят больные «дети».

Тянет ветер волосы свои,
По больнице хлещет сизым усом.
В смену мою, Боже, сохрани
Всех больных, особенно кто нужен.

Боже, никому уйти не дай,

Сбереги живых моей рукою.
Дай и мне за кашлем угадать
«Чёрную» с тяжёлою косою.

Дай и мне её не подпустить,
Протыкая вновь больному жилы.
Я готова так всю ночь молить,
Тратя на мольбу остаток силы.

Сестра милосердия
Я хотела матерью стать,
Вот и стала, больные дети
Плотным кругом навек окружают.
Я за них перед Богом в ответе.

Белый плат, красный крестик на лбу,
Проспиртованы бледные руки –
Я их всех подлечу, как смогу,
И приму эти детские муки.

Где ты, такой же, как я милосердный
С взглядом вселенской тоски.
Скоро уляжется слоём последним
Снег на больные виски.

Мне одиноко в моём милосердии,
Снова терпенья прошу.
Сердце пронзает опять на мгновение,
Чей-то последний маршрут...

Воспитаю: таблетки, игла
Во спасенье, слова в утешенье.
Я для них свою жизнь берегла –
Боже, видишь моё подношение?!

Милосердие – милое сердце
И усердие крепко в крови.
Я шепну тебе, друг, ты не смейся –
От любви этот дар, от любви.

Белая Тень

Она бывает очень светлой,
В таком же белом, как и я.

И святы все её ответы
На все вопросы бытия.
И свята горестная участь,
Уставших за «Реку» вести.
О, если б каждый смерти случай,
До Рая мог бы довести.
Она приходит за смиренным,
И кроткого с собой ведёт.
И доброго душой и верных
Она спокойно заберёт.
Кто светлым был, достоин света.
Но Белая, так страшен миг,
Когда моих жестоких деток
С косою Чёрная манит.

Чёрная с косой

Не подходи! Я здесь, не подходи!
Моя свеча и ярче и сильнее,
Моя свеча другой свече роднее,
Для той, которой иссякают дни.
Он проживёт ещё один годок,
И все свои грехи по новой взвесит,
И уж не ты, а Белая приветит,
И поведёт в Небесный городок.
Не подходи! Горит моя свеча,
А значит, и его не потускнеет.

Былое

Когда-то были сёстры милосердия
Давным-давно. Таким тяжёлым сном
Была их жизнь, когда война нелепая
Связала вместе девушек княжон.
Когда вагоны полные страданием
И болью русских раненых солдат,
Пронзали сердце страшным
ожиданьем –
А вдруг там умирает друг и брат.
Те девушки дворянского сословия,
Забыв свой чистый и высокий быт,
Работали в немыслимых условиях
И этот труд примерный не забыт.

Нелепую войну сменила страшная –
Такой не забывают никогда.
И снова роль нелёгкая, отважная
На плечи милосердия легла.
Былых побед запомнили наследие,
Среди болезней, горя и потерь –
Остались в мире сёстры милосердия
Но стали медицинскими теперь.

* * *

Бессонная ночь, на висках руки,
И слышится стон из палат.
Умолкли до утра житейские звуки.
Где ты далёкий мой брат?
Она совсем погаснуть не посмеет,
Ведь я всю ночь у левого плеча!
Мне не открыть небесные Врата,
И не закрыть дорогу в твоё тленье.
Но знаешь, есть особое горенье,
Что не подвластно смерти никогда!

Вечернее

Томик Ахматовой, плед на коленях,
Хочется плакать и спать.
Я пропустила в субботу моление –
Нечего Богу сказать.

Лампа горит полукругом бросая
Свет – словно трогает тень.
Рано ли, поздно ли было: босая,
Я догоняла свой день.

Тихо в доме, только шепчут минуты,
Часики жмут на руке.
Томик Ахматовой, листик загнутый,
Там где стихи о тоске...

* * *

Посмотри в мои глаза, не бойся –

Светом ближнего огня успокойся.

Видишь за спиною белый свет –
Там земной печали больше нет.

Увлечёт свеча души на небо,
За тобою не уйти и мне бы.

Манит сладко неземной покой –
Мир неведомый прозрачно-голубой.

Посмотри же, всё в последний раз.
Как торжественен смертельный этот час...

* * *

Снова закончилась ночная смена,
Кофе остыло в руках.
Трудно забыть эти запахи тлена,
Пот ледяной на висках.
Трудно избавиться от печати –
Света дальних миров.
Кто-то из высших всегда обозначит
После неведомый кров...
Думы тяжёлые гаснут, устала –
Надо немножко поспать.
Я эту долю сама пожелала –
Завтра приду опять...



Олег САЛАХУТДИНОВ

(Омск)

АНАБАСИС

Повесть

*Все знают,
как интересно читать книги.
Знали бы вы, уроды,
как интересно их писать!
Заратустра, «Так сказал я»*

Глава первая, в которой герой любит природу и пытается уйти от действительности

«В хрустальный мир похмельного рассвета».

Строчка родилась неожиданно, как всегда рождаются строчки. Территория больницы, ярко освещенная, покрытая игольчатым инеем, казалась куском волшебного леса из телевизионной сказки. Сотрудники больницы, спешащие скорее влиться в лечебно-профилактический процесс, топали на автопилоте сквозь морозный воздух, наклоня головы и прикрыв заспанные глаза. Роскошь зимнего утра оставалась вне поля их профессионального зрения. Ангажированность и узость мысли мешали им остановиться и хотя бы на миг насладиться прелестью сияющих деревьев, превращенных инеем в белые кораллы.

Игорь Талгатович Губайдулин медленно вступил в пределы Гиппократа, надежно защищённый от повседневности и зашоренности последствиями многочасовых возлияний, закончившихся только под утро. Он шёл медленно, обгоняемый спешащими коллегами и коллежками, выпавший из всегдашнего, убивающего душу ритма, и так же медленно размышлял.

Официально состояние его именовалось похмельем. Реально же оно таковым не являлось, поскольку Игорь Талгатович был ещё пьян и пьян, что называется, в стельку. Последний глоток был сделан около трех часов назад, отбой произошёл минутой позднее.

Неторопливо вспомнилось ощущение блаженства от прикосновения головы к подушке, мысль о том, что впереди два часа праведного законного сна, тут же вспомнилось и пробуждение, полное страшноватых ощущений. Он отодвинул ощущения и стал думать о приятном. Приятного было много.

Во-первых, на работу можно было не спешить.

Во-вторых, сумка, против обыкновения, была тщательно уложена ещё в преддверии вчерашнего гульбища, и если что-нибудь забыл (а всё равно забыл), то что-нибудь несущественное.

В-третьих, предстоит выезд в район по схеме «понедельник – пятница» (день приезда-отъезда – нерабочие). Выезд предполагает работу по оказанию населению платных и (конечно!) бесплатных лечебно-диагностических услуг, а перемена мест сулит всякие интересные перспективы. Человек, доживший до тридцати четырёх лет, страдающий вторым пришествием холостой жизни, должен уметь ценить такие маленькие радости.

В-четвёртых, (текут, текут мысли) сегодня ему предстоит пережить разлуку с Любовью Иосифовной Хрычковской, старой сволочью, у которой дома на стенах развешаны головы замученных ею врачей.

В-пятых... Он поднял голову, оглядел блистающие белым деревья на фоне черного неба, и в голову вломилась строчка:

«В хрустальный мир похмельного рассвета...»

Сплошное вранье и поэтическая вольность.

Покрытые инеем ветки мало напоминали хрусталь. Похмелье ещё не наступило, а наступила только вестибулярная его часть (*parc vestibularis*). На часах было 8.05, до рассвета ещё пол-часа. Но вот строчка уже есть. Развить? Он попытался. Рифмы приходили самые ублюдочные, получалась дрянь. Он решил отложить дело на потом и толкнул дверь больницы.

Мимо, прямо из-под руки, просвистела, опаздывающая медсестра мелкого калибра.

Храм здоровья встретил запахом хлорки, шлепками швабры, весёлым перезвоном подкладного судна.

Возле лифта сгрудилась небольшая, но злобная толпа сотрудников и родственников лежащих больных. Сотрудники стояли гордо, подчеркивая своё конституционное право на пользование подъёмником. Они пахли морозом и косметикой. Родственники же тщательно поджимали губы, имея в виду милосердие, которое должно было распространяться на них автоматически. Они пахли вареной курицей.

Игорь Талгатович не нашёл в себе сил и энергии лезть в это средоточие человеческих страданий и медленно побрёл к лестнице, но тут с грохотом разверзлась дверь грузового лифта, и оттуда вышли две санитарки с каталкой. Толпа ринулась в грузовой, прихватив и похмельную субстанцию Губайдулина Игоря Талгатовича.

Лифтёр строго прикрикнул на пассажиров, заdraил переборку. Поехали.

– Кто-то вчера видно хорошо погулял, – елеиным голоском пропела за спиной какая-то мразь, кажется из оперотдела, – запахи такие стоят!

Игорь Талгатович не дёрнул ухом. Зато отреагировал лифтёр – решительного вида мужчина с протезом вместо левой ноги.

– Что, завидно? – резко спросил он. Он-то хорошо знал, что такое «вчера», к тому же вольностей на вверенной территории не терпел. Он слегка покосился на Игоря, прижатого к стенке с портретом Наташи Королевой. Игорь слегка покосился на него.

Из кармана условно белого лифтёрского халата торчала книжка красного цвета. «Цицерон. Избранные речи».

Шестой этаж, грохот, отделение.

В нервном тихо. Нервные больные делятся на две неравные части: абсолютно больные и здоровые. И те, и другие не дураки поспать, особенно по утрам. Сёстры вяло препираются по поводу сдачи смены. Коридор освещён вполноу. Спокойно. Пока.

Он вошёл в ординаторскую.

Ординаторская обитаема, там сидит коллега, пьёт чай и что-то пишет в истории болезни. Это Малгожата Викторовна Ан – толстая, симпатичная еврейка, глупая, но добрая докторица, лет 27 от роду.

Пьяный Губайдулин растянул губы в невозможной улыбке: «Ы-ы!» и, таким способом, поздоровался.

Малгожата Викторовна грохнула стаканом о стол и вскричала:

– Игорь Талгатович! Вы никуда не едете!

Новость неприятная, но делать из-за этого резкие движения не физкультурно. Он разматал шарф, кинул его вместе с шапкой на шкаф, сунул сумку под служебный стол и рухнул на стул прямо в куртке.

– Не вопи так. Объясни подробнее.

Получилось кратко и весомо.

Не еду, значит. Хрен вам, Любовь Иосифовна, сегодня моей кровушки всё равно не получите! Найду, как закосить.

– Болеешь что ли опять? – уже тише спросила Малгожата. – Чаю хочешь?

Игорь помотал головой, чувствуя перетекание этилового алкоголя в желудочках мозга.

– Витаю в эмпиреях.

Пропустив мимо ушей непонятное слово, коллега приступила к рассказу:

– Когда ты ушёл в пятницу...

– На конференцию, – быстро вставил он.

– Ага, теперь это уже так называется, – сквасила морду коллега (collega, collegae, m), прекрасно знавшая на какой конференции он трудился, – так вот, когда ты ушёл, Владлену позвонили из отдела кадров, что-то хотели уточнить по командировочным. Он-то не знал,

что Гусева едет, давай орать: Что такое! Двух невропатологов забирают! Пошёл к Клавье, уговорил её, чтобы тебе не ехать.

– Ну, бя!.. – сказал Игорь Талгатович и зевнул.

Коллизия состояла в том, что Гусева, невропатолог поликлиники, ехала в выездной бригаде собственно невропатологом, а Игорь, невропатолог из стационара, ехал с эхоэнцефалоскопом, охватывать народонаселение неврологическим скринингом. Но у жизни своя правда, а у заведующего – своя. Облом.

– Чаю, – медленно сказал Игорь, исследуя реакцию своего организма на произнесенное слово. Организм замешкался, и тут случилось ужасное.

Дверь в ординаторскую отворилась и вошла Любовь Иосифовна Хрычковская. На лице её была изображена решимость. За нею семенила другая старушка. На этом лике присутствовало что-то вроде святой простоты.

Любовь Иосифовна и Тамара Иосифовна были родными сестрами. Собственно, больной считалась Тамара Иосифовна, которая на самом деле ничем кроме мелкоочагового маразма не страдала. Однако всё было не так просто. Любви Иосифовне однажды было откровение, апокалипсис, который и явил ей сведения о том, что её любимая сестра неизлечимо больна. Но врачи-вредители напрочь отказывались находить смертельные болезни у крепкой старушки, и любящая сестра стала ходить по инстанциям. Инстанции дрожали и рушились. Для начала, сестре Тамаре провели профилактическую тонзиллэктомию, затем, не выписывая(!), аппендэктомию. Старушка выдержала. Но на этом сестра Любовь не остановилась. Она продолжала щёлкать инстанции, как орехи. Обследования, консультации, плановые и неотложные госпитализации следовали одна за другой. Любовь наглела. В её аргументации появились отчётливые элементы бреда. Сначала она объявила себя медработником. Потом, после досадной осечки, когда один хирург, злой после дежурства и неудачной операции, коварно заманив её в кабинет, молниеносно устроил ей консультацию с психиатром, она затаилась. Её не напугал бы психиатр. Видала она.... Но это был психиатр неотложной помощи. Он сидел на стуле в халате – на голое тело. Волосатую грудь его разнообразила массивная золотая цепь. Говорил он сквозь зубы, успокаивая бабу Любу, что если она поедет с ними ненадолго, ей станет очень хорошо. Хорошо, как никогда. Самым неприятным было то, что за спиной этого жуткого доктора стояли двое в точности таких же санитаров, с такими же цепями. Она, чудесным образом, «отмазалась» и быстро выписала сестру из отделения.

Около полугода медицина отдыхала от Любовь Иосифовны. Потом она восстала... Хотел сказать, как Феникс из пепла. Нет, как скарабей из дерьма. Восстала и произвела на свет сразу два шедевра:

её сестре была произведена очень дорогая и абсолютно ненужная операция аорто-коронарного шунтирования (разумеется бесплатно), а затем пожизненно присвоена первая группа инвалидности. После этой операции Любовь Иосифовна впервые произвела себя во врачей-психиатры. Затем незамедлительно в депутаты. Сначала бывшие, а затем и действительные. Она лютовала, неся чушь, обрушиваясь на заведующих, начмедов, главных врачей, изводя кучи бумаги.

К несчастью, операция на сердце всерьёз подорвала и без того скромные умственные возможности её сестры, теперь Любовь Иосифовна взялась за неврологию. В этом был элемент унижения для неё, поскольку являясь психиатром в душе, после досадного случая с психобригадой, она до смерти боялась собственно психиатров, и особенностями поведения своего родного человечка она загрузила невропатологов. По грозному распоряжению начальства Тамара-сан была госпитализирована. При этом была госпитализирована и Любовь-апа. По соц. показаниям. Как мать с грудным ребенком. Передним же краем медицины в данном случае оказался д-р Губайдулин, развалившийся сейчас на стуле и копящий этаноловые пары, с целью сразить двух старух одним выдохом.

Кошмар приблизился. Он имел вид противной бабки без следов былой красоты на лице, волосы которой были выкрашены в аспидно-черный цвет, глаза горели застарелым возмущением, а пояс желто-рыжего халата волочился по полу.

– Я здесь лежу не просто так, – каркнул кошмар, – вы отвечаете за жизнь тяжелой больной! – она показала на свою несчастную сестренку.

– Стыдно, стыдно, – закивало бедное существо.

– И я вам опять повторяю, что у нас на выходные не брали яйцеглист! А если что отягчится! Вы уделяете недостаточно подготовки больным! Это все подробно будет написано от руки! Вы пойдете отвечать, как на духу! Моя сестра из семьи, которая была в репрессиях.

Это была святая правда. Папаша сестрёнок в войну был интендантом и успешно жировал в четвертом эшелоне обороны. Посадили его, правда, уже при Хрущёве, он и на зоне умудрился что-то украсть, но там уже трибунала не дождался.

Д-р Губайдулин хрустко потянулся и выдохнул во врага весь объём внешнего дыхания. Старуху «подколбасило», да так, что в её глазах мелькнуло что-то человеческое. Она отступила на шаг, но стойко продолжала:

– Это при вашем облике, я буду требовать ответственности, что у вас в палате лежит тяжёлая больная, а где гарантии, если оборудование звонка отсутствует!

– Стыдно, стыдно, – тихонько вторила ведомая.

Звонка в палате, действительно, не было. Врач-вредитель своими руками нанёс вред имуществу отделения, откликнувшись на мольбу постовой медсестры, Любки (надо же!). «Я туда хожу, как в избушку к Бабе-Яге, которая к лесу задом, только их там две, Игорь Талгатович, и каждые две минуты звонят. Затрахали без поцелуев!» – пояснила простоватая Любка. Впрочем, ножки у неё были очень даже, даже, и коварный д-р прокрался в пустую палату, где плели свою паутину Хрычкова и компания, предварительно отправив обеих во тьму рентгенкабинета. Звонок был испорчен талантливо. Электрик в это же время запил, и наступила относительная тишина.

Любка была в восторге, и одарила доктора таким чувственным поцелуем в щеку, что он задумался. Любка, в принципе, в планах не фигурировала, но тут он даже приготовился скорректировать планы.

Мысли о ножках отвлекли всего на секунду.

– Chiquitita, you and I cry! – пропел он.

– Эти объяснения я слышу от вас по целым дням! – рявкнула Любовь Иосифовна.

– Take it easy, Любовь Виссарионовна, – призвал Игорь и указал ладонью на притаившуюся за историей болезни коллегу женского рода, – С этой минуты вашу палату ведет Малгожата Викторовна Ан, уж не обижайте ее!

История болезни упала на стол.

– Ну, нет! – выкрикнула коллега, – вы забываете, Игорь Талгатович, что никуда не едете.

Игорь представил в руке пистолет им. Макарова и, прицелясь, одним выстрелом поразил непослушную докторюшку:

– Д-щц!

– Нас опять продолжают перемещать от одного врача к другому, а они не интересуются ухудшением состояний тяжёлых больных!

Игорь стал представлять у себя в руках автомат Калашникова, но как только он дошёл до подствольного гранатомёта, в ординаторскую вошёл заведующий.

Глава вторая, в которой мы сталкиваемся с физиологией больничной жизни

Владлен Альбертович Пулярский, носящий обидную и малопонятную кличку Силуэт, непонятно кем присвоенную, являлся продуктом нецелевого использования людских ресурсов. Будучи на хорошем счету у начальства, а также обладая склонностью к обстоятельности и всевозможной статистике, на посту заведующего он так и не смог достичь должного уровня заведования, поскольку, зная психологию на бумаге, он совершенно не умел руководить той

пёстрой смесью, которая называлась коллективом отделения. По замершему взгляду его водянистых глаз всегда можно было определить, что он пытается скомбинировать, поэтому читать его мысли было относительно легко. Грозно передаваемые им директивы более высокого начальства, ненадолго производили впечатление на врачей и нисколько на середняк. Складывалось впечатление, что медсестёр он просто побаивается.

Такая диссоциация власти вконец оскотинила часть медперсонала, в том числе и старшую медсестру, которая поимела привычку распоряжаться всеми, правда, в отсутствие заведующего. Однажды она зарулила в ординаторскую и тонким голоском начала поучать присутствующих, каким должен быть порядок на столе врача. Малгожата стала испуганно перекладывать истории и анализы на столе, приписанные к отделению интерны побледнели. А мрачный с утра Губайдулин, закрыл газету и хрипло обложил старшую таким набором куртуазностей, и пожеланий знать своё место, что она вылетела из ординаторской, как пчёлка, и дунула жаловаться Владлену. Тот вызвал Игоря Талгатовича на палас и стал тихо внушать ему о недопустимости. Талгатович выслушал, пообещал принять меры, зашёл в кабинет старшей и повторил тираду, упирая на подробности. Сучка покраснела и молчала, а д-р потихоньку спёр у неё флакон пустырника и пошёл в буфет за «Пепси». Потом они помирились.

Итак, заведующий вошёл.

Мизансцена была слишком недвусмысленной, поэтому он не стал ввязываться в выяснение обстоятельств существования белковых тел Хрычковских, несмотря на кинувшуюся ему в ноги Любовь. Он быстро произнёс следующую фразу:

– Игорь Талгатович, что такое? Все собрались у начмеда, решается вопрос о вас, а вы неизвестно где!

И выскочил. Правозащитница с тяжёлой больной стремительно бросилась в погоню.

Дождавшись, пока вопли в коридоре стихнут, Игорь скинул куртку на стул, пошарил в шкафу, на предмет обнаружения подходящего халата и, не найдя, побрёл к начмеду в свитере.

Возле одной из палат он вдруг резко свернул и вошёл внутрь. На кровати лежал парализованный мужчина. Рядом, на табуретке, положив голову на кровать, спала его жена. Игорь тихо вышел и ударом кулака открыл дверь в кабинет старшей. Та давала пространное наставление присутствующим сестрам и сестре-хозяйке.

– Игорь Талгатович, у нас... – пыталась вякнуть старшая, но он, поставив кулаки на стол очень спокойно спросил:

– Кушетка в шестнадцатой?..

– Я передавала девочкам! – торопливо сказала старшая. – Девочки! – она повернулась к ночным сестрам.

– Она же занята была в пятницу, – ответила молодуха, явно злоупотребившая косметикой.

– Она и освободилась уже в пятницу! – сказал Игорь, чувствуя, как закипает алкоголь в его мозгу, – банкетку в крайнем случае могли занести. Это что – трудно?

– Я что, буду кушетки таскать? – возмущенно пожала плечами молодуха.

Старшая вздрогнула, Любка подняла бровки.

– Ты у меня... – начал Игорь, но его перебила Елена Федоровна.

– Сейчас всё сделаем, Игорь Талгатович. И, правда, там женщина на табуретке спит.

– Спасибо.

Он вышел. Гоняя в хвост и в гриву сестринский молодняк, д-р Губайдулин искренне уважал Елену Федоровну, спокойную и невозмутимую женщину лет пятидесяти. Елену Федоровну все уважали, даже старшая и главная тоже. Ей бы быть старшей, но поставили эту. «Даёт, кому надо!» – заявила как-то не знавшая полутонов Любка.

Вошёл в приёмную. Галка красилась, не обращая внимания на тяжко вздыхающих посетителей. Дверь к главному была широко растворена, там бесчинствовала уборщица. Игорь наклонился к секретарше.

– Привет, ты почему мне не позвонила, что меня обломили с выездом?

Галка была его одноклассницей, и поэтому в их отношениях присутствовала некоторая фамиллярность. Она оторвалась от зеркальца:

– Ну и амбре от тебя! Я сама узнала поздно... Это твой Силуэт волну погнал ещё в пятницу!

– Ладно... – Игорь выпрямился и пошёл к двери начмеда.

– Игорь!.. – Галка подозвала его жестом. Он снова наклонился к ней. – Ни черта у них не выйдет! – сказала она шёпотом, – Он уже подписал командировки и ничего менять не будет!

– Поехали со мной, – так же шёпотом сказал он.

Она щёлкнула его по носу. Он улыбнулся и вошёл к начмеду.

Молчание, висевшее в кабинете, можно было потрогать руками. Вся бригада, намеченная к выбраковке в район, присутствовала по периметру кабинета. Очевидно было, что необходимая вводная часть уже произнесена, а нынешняя заминка связана с ожиданием прибытия главного врача. Бригада дрыхла с открытыми глазами, за исключением руководителя – объёмной крашеной блонды, Анны Александровны Брыль, заведующей оперотделом. Та сидела перед начмедом в состоянии оперативного ожидания, готовая подписаться под каждым словом, изреченным высшим начальством.

Д-р Губайдулин поздоровался и притулился на краешек стула рядом с молоденькой кассиршей.

– Вот ещё проблема, – изрекло начальство, – что делать с Игорем Талгатовичем?

– Да, да, Клава Мироновна, – отреагировала Брыль и скользнула взглядом по источнику проблемы, обозначая своё участие.

– Сейчас придёт главный врач и порешаем...

«Что за ублюдочное выражение – порешаем», – подумал Игорь, – «Не решим, но порешаем». Он вдруг взглянул на Пулярского. Владлен Альбертович сидел, тщательно глядя в свободное от коллег пространство.

Игоря вдруг осенило. Опытный в аппаратных хитросплетениях Владлен, судя по его виду, понял то, о чём говорила Галка, и то, чего не догоняли эти две овцы. Состав бригады меняться не будет. Владлен поднял глаза и скучно произнёс:

– Клава Мироновна, у меня там пациент поступил.

– Да, да идите, мы тут без вас порешаем...

«Опять – порешаем...»

Пулярский вышел, и тут же зазвонил телефон. Клава схватила трубку.

– Здравствуйте, Валентин Серафимович, – проблеяла она, вложив в приветствие любимого руководителя всю свою женскую душу, – Нет, ещё не уехали, но... У нас проблема... Посылать ли Губайдулина... Да решали... Да подписано... Да, да вы правы... Я понимаю, спасибо...

Трубка легла на телефон. Клава осторожно обвела глазами присутствующих.

– Игорь Талгатович, главный врач решил, что вы должны ехать...

Она сделала паузу, видимо рассчитывая, что подлец упадёт на колени и, отогнув коврик, начнёт лобызать паркет, благодаря за милости. Подлец не шелохнулся.

– А вы готовы к выезду? – требовательно и нервно спросила Брыль, демонстрируя рвение.

– Готов, – равнодушно ответила неблагодарная тварь.

– Ну ладно, поезжайте, – облегченно сказала Клава, – прошу всех обратить особое внимание на обследование и лечение декретированных категорий населения.

Декретированные категории населения являются любимым коньком всякой больничной администрации. Это инвалиды, чернобыльцы, афганцы и т.п. Не то, чтобы администрацию хоть сколько-нибудь интересовало здоровье и самая жизнь этих несчастных, просто на регулярных административных сходках принято щеголять тем, в какой больнице больше любят

декретированные группы, кроме того жалоба от какого-нибудь декретированного инвалида могла серьезно ударить по благополучию администрации, а ради своего благополучия и любимого выстраданного кармана администрация готова убить-зарезать любого.

Начмедша произнесла еще пару фраз в духе начальственного кретинизма, но Игорь уже не слушал её. Он просматривал ряды коллег, соображая, какие виды пороков лучше всего подойдут для контингента.

Потом было объявлено отправление. Все разбрелись за вещами и аппаратурой, а к Игорю подошёл Георгий Алексеевич Чернышев, соратник по выездной борьбе, чудик из отделения функциональной диагностики. Он церемонно поздоровался, поздравил с тактическим успехом. В ответной речи, представитель неврологической службы пообещал перевести тактический успех в стратегический. На том и расстались.

Отделение уже проснулось. Буфетчица развозила чай по палатам. Два здоровых призывника, под присмотром Елены Федоровны, втаскивали кушетку в шестнадцатую. Из кабинета, по своим суетливым делам выруливал Владлен Альбертович.

– Еду, Владлен Альбертович, – с неподдельной скорбью возвестил Губайдулин.

– Вот вы не цените, когда я иду вам навстречу, а отдачи от вас никакой! – рвущим сердце голосом всхлипнул Пулярский и удалился в бездны неврологии.

Игорь проводил тёплым взглядом погибшую в административных джунглях душу и пошёл за одеждою.

Малгожата Викторовна обречённо перетаскивала папки с историями болезни со стола Игоря на свой. Он быстро оделся, взял сумку, подхватил другую, с эхоэнцефалоскопом, бурно обнял, сопротивлявшуюся фальшивой нежности коллегу, сказал дежурное:

– Не ссы, Малгося, прорвёмся!

И вышел, провожаемый вялыми проклятиями.

По коридору с листком в руке куда-то неслась закованная в рыжий халат Любовь Иосифовна, за нею веселой иноходью поспешала тяжёлая больная.

Глава третья, в которой герой размышляет и анализирует

Автобус выруливал с территории больницы, когда Брыль решила провести переключку.

– Коньшин Антон Петрович, эндоскопия. Медсестра Ефремова...

Эндоскопическая группа была представлена седым красавцем Коньшиным. Имелись подозрения, что постоянное участие его в выездной работе, всего лишь способ, немного соскучиться по жене – серьёзной властной особе, заведующей абдоминальной хирургией, причём жена поднялась в автобус и внимательно осмотрела убывающих. Впрочем, на выездах Коньшин не развратничал, в свинствах участия не принимал, утешаясь самой банальной пьянкой.

Медсестра Ефремова ездила непонятно зачем. Говорила, что за деньгами. А может, тоже дома достали. «Муж у неё, то ли больной, то ли дурной», – заикнулся как-то Коньшин. Надо быть очень дурным, чтобы заставить спокойную симпатичную тридцатилетнюю женщину гонять по командировкам со всеми вытекающими последствиями.

– Гусева Надежда Яковлевна, неврология. Медсестра Кромм... – продолжала инвентаризацию предводительница.

Родное неврологическое подразделение состояло из худой блондинки Гусевой и худенькой брюнеточки Кромм. Они были ровесницами, обеим по двадцать восемь лет, работали на приёме вместе. Кромм была поумнее, зато Гусева пострашнее. Кромм, по табели о рангах д-ра Чернышева, к процессу пригодна была, а Гусева – нет.

– Та-к... Васильева Валентина Петровна, кардиология, – ответственная Васильева подняла руку, – Вы без медсестры?

Та-ак... Гастроэнтеролог не поехала... Янина Ольга Николаевна, УЗИ. Медсестра Деева.

«Поставим галочку», – подумал Игорь Талгатович. Медсестра Деева в планах стояла долго и незыблемо. Звали её Лена. Она была незамужем. Она была красавица. Ростом повыше среднестатистического. Большие серые глаза, каштановые выющиеся волосы, небрежно высыпанные сейчас поверх откинутого капюшона светлой дублёнки. Товар лицом. Сидит, как царица Савская. Некоторые исследователи считали её бл...ю, никаких



Рис. П. Радзиевского

доказательств, впрочем, не приводя. С ней надо было «порешать» и чем скорее, тем лучше.

– Дальше, Чернышев Георгий Алексеевич. Эхокардиография.

– Можно просто Гоша, – откликнулся Гоша.

Этот тоже за деньгами и тоже от семьи.

Господин Чернышев, завсегдатай этого автобуса, был старше Игоря на год и неизмеримо опытнее. Юность его прошла в бурном чтении книг и футболе, молодость – в мединституте, потом сразу наступила зрелость с женитьбой и детьми. Зрелость его немного согнула, а пепел светлого промежутка между футболом и пелёнками до сих пор стучал в чувствительное чернышевское сердце. Кроме того, он находился у своей жены, не то чтобы под каблуком, но на коротком поводке, с которого он на этом автобусе и срывался. Он был неограниченно эрудирован и несколько умён.

А.А. Брыль одарила его взглядом.

– Вы тоже без медсестры?

– А руки на что?

Коньшин засмеялся. Бабы не догнали.

– Без медсестры... Губайдулин Игорь Талгатович, эхо...

– Эхоэнцефалоскопия, – подсказал вежливый Губайдулин.

– Да. И теперь представители администрации...

«Ух ты, ё.. твою мать, как мы с собой носимся!»

– Представители администрации это: кассир Лариса Шишкова, и я, руководитель бригады, Брыль Анна Александровна.

– Можно просто Нюра, – встрял наглый Губайдулин.

– Нет, так нельзя, – ответила А.А., не зная, как реагировать на выпад мерзавца в белом халате.

– Но хочется, – ровно ответил д-р.

Разделение на медработников и администрацию было глубоко символично. Администрация больницы считала существование лечебной братии неизбежным злом, с которым приходилось мириться. В принципе, администрация могла бы обойтись вообще без врачей. В этом случае, получать бюджетные деньги и делить их, было бы даже проще.

Лечебная братия смотрела на это дело несколько иначе и считала администрацию помойкой.

– А, Лёвка?! – возмущенно воскликнул Чернышев, указывая на шофера, – он же тоже представитель администрации!

Завязалась дискуссия, полная взаимных претензий, в ходе которой Брылиха поняла, с какими скотами она связалась.

Губайдулин в споре не участвовал. Он думал.

Вообще, бригада была перспективная. Ведь не может быть идеальной бригады, состоящей из хорошеньких «давалок» и приятных собеседников, во главе с каким-нибудь сильно пьющим ворюгой. О таком составе можно только мечтать, пуская слезу под одеялом.

В данном же случае подкачал руководитель. Этот экземпляр, если его не обработать, мог нанести серьёзный удар по позициям наших войск. Трахать её было бы идеальным выходом, но если в подобных случаях и возникали желающие, то они обычно упивались в хлам до события, а брезгливый Чернышев подло смывался, оставляя выкручиваться эстетствующего Губайдулина, который потом тоже смывался.

Зато девичья часть так и переливалась, выстраиваясь в поё...очный реестр.

Список получался коротким, но ёмким. Первым номером в ряду претенденток на докторову благосклонность была безусловно Деева Елена. При мысли о возможных вариантах отношений у докторюги возникло приятное томление в области пониже ремня.

На второе место неожиданно вырвалась неизведанная Лариса Шишкова, маленькая кассирша. Хотя, не такая уж маленькая. Каштановые, как у Ленки, волосы убраны в хвост, кареглазая, смотрит строго. Ну, это от глупости и малоопытности. Не чета этим бл...м. У неё все впереди. Дальше... Тёмненькая, с короткой стрижкой немочка Кромм, тоже Лена, с некоторыми оговорками была включена в реестр под третьим номером. С оговорками, потому что могла не дать. Собственно, любая могла не дать. Потому и список.

Не включены: статная и симпатичная Янина, не из-за того, что ей за сорок, а из-за того, что как-то твердокаменно верна своему мужу – хирургу из поликлиники; толстая дура Брылиха; худая дура Гусева; кардиолог Васильева не прошла по возрасту.

Громко просилась в список очень милая Люда Ефремова, высокая стройная дама с блондинистым каре, умница, и хороший человек, но рядом с д-ром Губайдулиным размашисто жестикулировал д-р Чернышев, повествуя Коньшину о преимуществах зарубежных автомобилей. Этот самый Чернышев и являлся обладателем контрольного пакета акций. Однажды, во время подобного же безобразия, у Чернышева сложилось, а Губайдулин сначала тормозил, потом напился, потом обрыгался. Короче, был занят. Жалко, конечно, но для друга не очень.

– Я бы её в..., – громко сказал он.

– Переднюю подвеску? – осторожно поинтересовался Гоша, потому что речь в автобусе шла именно о том.

– Заднюю, – уточнил Губайдулин, глядя в окно на проплывающие киоски с пивом, и одновременно очень зорко следя за реакцией бригады на его выходку.

Коньшин усмехнулся, Васильева покосилась и снова уткнулась в книжку, у Брылихи завис процессор, Янина и Деева, привычные к подобным выходкам, не шелохнулись, Ефремова и Кромм прыснули. Гусева сжала бледные губы в куриную жопку и возмущенно задрала подбородок. Неожиданно отреагировала кассирша Лариса. Она

медленно повернула голову в сторону охальника и посмотрела на него коротким, но удивительно умным взглядом. Он попытался прочесть её мысли, но уловил только: «Чего этот тип добивается?» Больше ничего. Он бесцеремонно притянул к себе за рукав соседа и тихо прошептал:

– Это что за Лариса?

– Кто? – не въехал Чернышев.

– Ну, кассирша.

– Какая-то родственница Гусенкова, учится на заочном, то ли в универе, то ли в политехе.

– Понял.

Скубентка значит. Родственница АХЧ. Стоп. Хочу спать. Глаза похотливого доктора закрылись, и Скарлетт О'Хара сказала: «Я подумаю об этом завтра».

Сон был неинтересный. На улице к нему подходили люди и требовали денег, предъявляя расписки, потом подошла Брылиха и с мерзким похрюкиванием полезла целоваться. Он целоваться не стал, а проснулся. Наступило похмелье во всей красе.

Вылезли воспоминания о негладком отъезде, о вчерашнем отрыве. Появилась тошнота. Белая равнина по обеим сторонам дороги, яркое солнце и пронзительной синевы небо никакого отклика в страдающей душе не нашли. Весело щебечущие медсестры только усугубили несовершенство мира. Краем похмельного сознания д-р отметил, что номер второй сидит с книгой в руках, но не читает, а смотрит в окно.

Отдав должное мазохистическим терзаниям, Игорь встал, открыл сумку и вынул полтора литра улучшателя настроения в пластиковой бутылке. В комплекте: выездная железная кружка и пакет, где лежит несколько бутербродов с ветчиной. Со всем этим хозяйством он медленно проследовал до своего места и приготовился.

– Будешь? – спросил он, аккуратно наливая напиток.

Чернышев мотнул головой. Если отказывается, уговаривать не стоит. Приступим.

Пиво показалось жёстким. Холодное покалывание пузырьков раздражало утомлённые слизистые доктора Губайдулина, но наступление фармакологического эффекта пробудило цвета и звуки, на глаза полезла скупая мужская слеза от умиления красотой вселенной. Кусок ветчины на ломтике белого батона легко, как дуновение ветерка, впорхнул в пищеварительный тракт больного врача и пришло Знание.

Хрен его знает, в чём заключалось это Знание. То ли в том, как отражаются галактические завихрения в волнистых прядях Ленки Деевой, то ли в том, что дуру Гусеву можно было включить в список под четвертым номером с испытательным сроком, то ли в том,

что пива ещё больше литра. То ли... Ну не знаю. Хорошо было человеку.

Пристально смотревшая на счастливца Брыль, вдруг произнесла:

– Нам нужно провести собрание.

Игорь сделал протестующий жест бутербродом.

– Нет-нет, не сейчас, когда приедем.

– Нет сейчас, – упрямо сказала Брыль, – потому что это касается и морального облика.

– Анна Александровна, у меня всё равно морального облика нету, можно я спокойно позавтракаю!

– Ой, – повернулась к Игорю кардиолог Валентина Петровна, – Игорь Талгатович, а хотите чаю? У меня есть в термосе.

– Нет, – он показал полторашку, – у меня вот.

Чернышев очнулся:

– Ну, налей.

Игорь осторожно налил товарищу. Остальные тоже полезли за снедью. Коньшин, равнодушно глядя в сторону, добыл из недр своей шубейки плоскую бутылочку с напитком коричневого цвета и сделал уважительный глоток, вызвав молчаливое понимание со стороны мужской части экипажа.

Обломанная с собранием Брыль мужественно отказалась от куска вареной курицы, предложенного добродушной Васильевой, и продемонстрировала диету. Лариска-из-списка жевала пирожок с вареньем, уткнувшись в книжку. Медсестры, ещё не включившие её в свой женсовет, раскладывали на коленях вареную картошку.

Автобус жадно пожирал белые отечественные километры. Шофер Лёвка недреманно направлял жующую бригаду на осуществление здравоохранения в сельской местности.

Глава четвертая о том, как важно занять место в жизни

Надвинулся райцентр Неверово. Личный состав принял к иллюминаторам. Расслабленный Губайдулин меланхолично гонял по дну бутылки остатки пива.

– Мы попали в вымышленную местность Нетинебудет, – сказал он, – Встречать нас на крыльцо больницы вылетит Питер Пэн, а с перепою будем отражать атаки капитана Крюка.

– С перепою!.. – фыркнула Гусева.

– Объясните подробнее, – попросил доктор Гоша.

– Извольте. Что такое по-английски «never?»

– Я немецкий изучал...

– Это по-английски «никогда», – сказала Лена Кромм, у которой в школе была пятёрка по английскому, – «Never say never», есть такой фильм.

– Ты же немка, зачем тебе английский? – спросил Чернышев, – Немец, перец, колбаса...

– Да, никогда не говори никогда, – перебил грубиян Коньшин.

– Вот именно, – продолжал Игорь, – Смотрите «райцентр Неверово» – центр рая, место которого никогда...

– Чего «никогда?» – повернулся к нему Коньшин, раздумывая от коньяка.

– Я не могу сказать, что никогда не было и не будет, потому что не могу сказать, есть рай или нет, но это место, которого мы никогда не достигнем, – Игорь посмотрел в окно.

– Глубоко... – великодушно согласился Чернышев.

– Почему же не достигнем? – это, наконец, заявила о своем существовании Элен Деева, одновременно поразив Игоря фронтальным ударом своих невероятных глаз.

Это можно и должно было расценить, как предложение достигнуть рая вместе.

– Можно попробовать, главное – процесс, – ответил ей в тон, травмированный взглядом, доктор.

– Действует правило софистов о непреодолимой половине расстояния, – блеснул эрудицией Коньшин.

– Что это за правило? – подала голос Брыль.

На этом месте дискуссия была прервана заявлением Лёвки о том, что цель достигнута. Софисты были посрамлены, и автобус остановился у здания районной поликлиники.

А.А. Брыль дунула на поиски администрации, опытный же Чернышев сразу нашёл старшую медсестру поликлиники, которая стала руководить разгрузкой аппаратуры.

Игорь сидел неподвижно, продолжая перемещать истину по дну бутылки.

– Ты чего сидишь? – окликнул его товарищ.

– Решаю задачу Чапаева. Где должен быть командир?

– И где?

– Сзади, на возвышенности. Я должен видеть поле боя...

Тем временем, когда вся аппаратура, кроме губайдулинской, была выгружена, появилась зав.поликликой в шали, валенках и белом халате, вместе с Брылью. Причём первая, по всей видимости, считала вторую неуё..ым начальством.

– Ой, вы уже разгружаетесь, – пискнула заведующая, – у нас тут проблема... Не хватит кабинетов в поликлинике. Нужно кого-то двоих посадить в физиокорпус.

Джинн, раб лампы, никогда не появлялся перед своим господином с такой стремительностью, с какой Игорь вылетел из авто и материализовался перед начальством.

– Мы пойдём, – проговорил он, гипнотизируя заведующую взглядом.

– Кто?! – отшатнулась заведующая в шали.

– Эхокардиография и эхоэнцефалография.

– Может быть, лучше исследования будут рядом со специалистами: Георгий Алексеевич с кардиологом, а вы с невропатологом? – показала своё незаурядное знание медицины А.А.

– По опыту, – палец Губайдулина утонул в шерсти брылевой шубы, отмечая слово «опыт», – я знаю, что большой поток на наши исследования не должен мешать доступу пациентов к консультантам.

Брыль не нашла что возразить против этой несусветной чуши, но, сощурив глазки, ехидно сказала:

– Не могут расстаться...

– Не могу! – рванул шарфик на груди коварный д-р.

Крепко взяв под руку Чернышева, Игорь повёл его во флигелек сбоку поликлиники, где были физиокабинеты. Сообщник не оказывал сопротивления. Тотчас принеслась старшая с ключами, отомкнула две пустующих кельи с деревянными кушетками, алоэ и тюлем на окнах. Достаточно мило.

Доктора переглянулись и стали обживать. Работа без медсестры требовала некоторой сноровки и подготовленности помещения. Наконец обустроились. Побрели в вестибюль поликлиники. Там лютовала Брыль.

– ...с самого начала рабочего дня, в восемь часов утра, – вещала она. Сотрудник робко жался к подоконникам.

– Какого... – вскричал Чернышев, – ...лешего, – фальшиво смягчил он в последний момент.

Брыль смолкла.

– Вам что, уважаемая Анна Александровна, наплевать на нужды и чаянья сельского медработника?

Обвинение было серьёзным. Помянутая А.А. стала есть глазами нахала, пытаясь сообразить, за что на неё возводят напраслину, при её-то известной любви к разного рода сельчанам.

– Сельский медработник – тоже человек, – поднял палец Гошка, – он имеет право на медицинское обслуживание.

Завполиклиной кивнула. Это она поняла. Бригада настороженно молчала.

С одной стороны, выходки д-ра Губайдулина & Со шокировали часть выездного товарищества, с другой стороны, находиться в безграничном подчинении у этой жирной свиньи было ещё противнее.

Захвативший инициативу Чернышев распалялся.

– Они придут к нам, держась за сердце своими натруженными на полях и огородах руками, а мы... Что мы им скажем?

– Что? – спросила вконец замороченная Брыль.

– Я не могу вас принять!

Брыль протестующе воздела длани, но Чернышев слова ей не дал.

– Я не могу вас принять, потому что я тоже человек и сейчас направляюсь искать в вашей деревне столовку, чтобы утолить голод. Это в семь часов утра?!

– У вас должны быть продукты с собой, – брякнула невпопад Брыль, и это было её концом. Бригада обрела голос.

Все заворчали разом. Губайдулин выждал момент и лениво произнёс:

– Нужно договориться о питании на больничной кухне. Вот и всё.

– Конечно, это было бы лучше всего, – сказала робкая завполиклиникой, – но я этого решить не могу.

– Начмед может? – ещё ленивее спросил Игорь.

– Он может, – с готовностью выпалила зав.

Звёздный час настал. Игорь медленно пересёк вестибюль, уверенно открыл дверь регистратуры, полистал справочник, набрал телефонный номер.

– Лёня? Привет. Губайдулин моя фамилия. Узнал, падла?! Я только что приехал... Слушай, тут проблемка...

Он изложил проблемку в своей интерпретации, пообещал надрать Лёньке уши, расцеловать жену и положил трубку.

– Ну, всё, – сказал он из-за стойки, – Леонид Борисович сейчас позвонит на кухню. Завтрак в восемь тридцать, обед в час ровно, ужин в шесть часов.

– Но это стоит денег, – пыталась помешать прогрессу Брыль, но неожиданно вскинулся седой красавец Коньшин.

– Вот ещё – денег! Везде кормили, а тут будем корки жевать!

– Но рабочий день должен... – спорила неугомонная Брыль.

– Люди из дальних деревень доберутся не раньше девяти, – возразил знавший специфику Игорь, – чего нам вскакивать ни свет ни заря?

– Да, да, – подтвердила завполиклиникой, – основная масса придёт к девяти.

Диспут был окончен. Все полезли в автобус.

– Теперь нужно её подпоить и слегка приласкать, – шепнула Игорь Георгию, имея в виду начальство. Тот с готовностью кивнул и привязался к Аннушке с доброжелательным разговором о методах выездной работы. Игорь же, стоя перед автобусом, обнадёживал заведующую, которая во все глаза смотрела на небожителя, называвшего «падлой» самого Леонида Борисовича!

– Медработники – без очереди, раз, – гнул божественные пальцы доктор Губайдулин, – тяжёлые стационарные больные – без вопросов, два. Потом, – он понизил голос, – если вам кого-нибудь нужно, обращайтесь.

Он опустил тяжёлую врачебную руку на хрупкое, покрытое шалью, плечо и откланялся.

Лёвка тронул и через пять минут был у гостиницы.

Так и не дошедший до своего места Игорь стоял на ступеньке.

– Где должен быть командир? – спросил он, когда автобус вновь остановился.

– Впереди, на лихом коне, – подхватил Георгий.

Дверь зашипела. Губайдулин соскочил со ступеньки и бегом бросился к входу в гостиницу.

Чистенькая дежурная за стойкой писала какие-то бумажки.

– Региональная больница, – через губу обозначил свою принадлежность он, – У нас забронированы места, мне нужен двухместный люкс.

Малохольные коллеги ещё пытались разобрать, как открывается дверь в гостинице: внутрь или наружу.

Дежурная оказалась тоже не лыком шита.

– Заполняйте формуляр, – протянула бумазейку, мол, видали таких!

Терпение! Игорь достал паспорт, ручку, демонстрируя кротость, стал писать про себя правду. Нахлынули коллеги.

Дежурная выдавала печатные формы, проводя первичную сортировку. Игорь управился быстрее всех и ткнул пальцем в организм подельника:

– Оне со мной.

Дежурная (бедная, бедная Пеппи-Лотта!) сунула ему ключ с «древесиной», на которой сияла цифра 8.

Губайдулин (если бы молодость знала!) бестрепетно прошествовал в указанное обиталище на втором этаже, и, о чудо! оно оказалось именно таким, как он ожидал.

Белёные с пола до потолка дешёвой известкой стены, убогие кровати, кресло без подлокотника, жестяной умывальник с холодной водой. Enchantee!

Он понимающе улыбнулся, аккуратно закрыл дверь скита, и проследовал назад, благо сумку с нехитрым развратным скарбом он оставил при стойке.

Нумерованная «древесина» вместе с ключом и паспорт полетели за стойку.

– Это люкс? – очень тихо, а теперь громче, – Я просил люкс! Это что, по-вашему, люкс?! Или я неясно выразился?!

Он уже орал, но краем глаза видел, что Чернышев, не реагируя, заполняет свою бумажку.

– У нас люксы забронированы... – пыталась возражать дежурная.

– Это для кого?! – бесновался д-р.

– Ну, у вас есть женщины...

– Что?! Кто у нас есть?! Какие ещё женщины?! Я ещё раз вам повторяю: люкс, двухместный и немедленно, я вам не ментовский полковник, которого можно запихнуть в кладовку!

Заметив, что Брыль уже готова высказаться, он вышел на улицу, грохнув дверь так, что сельская архитектура ответила ему двумя кусочками штукатурки.

А тем временем, когда в холле уже разгоралась антигубайдулинская кампания, аккуратный д-р Чернышев протянул опущенной дежурной заполненный бисерным почерком формуляр и тихо спросил:

– Так у вас есть что-нибудь для нас, или нет?

– Вы с ним? – дежурная втянула голову до уровня плеч.

– С ним, – честно сказал Чернышев.

Ему был вручён ключ с почетным номером 3. Чернышев скромно улыбнулся, вышел на крылечко, извлёк оттуда медитировавшего под падающим снежком Губайдулина и повёл под руку в номер.

То, что надо! О, это то, что надо. Дорогой друг, мы не даром разыгрывали злого и доброго полицейского! Это шедевр районной гостиничной мысли! Две комнаты: спальня и гостиная!!! Гостиная с сервантом!!! Где стоят фарфоровые чашки и чайничек!!! А в гостиной диван!!! Диван, Гоша!!! Телефон! Цветной телевизор! (Смотреть всё равно не хрен, только первая и вторая программа, но это уже вопрос престижа.)

А начинается номер с крохотной прихожей, откуда вход в обе комнаты и в ванную!!! Впрочем, между комнатами сообщение тоже есть. Больница оплачивает. У больницы денег не столько, сколько у главврача, но тоже имеются.

– Ты это имел в виду, когда говорил про центр рая? – подколот товарища Чернышев.

– Наверное, – медленно ответил Игорь, которого всегда достижение цели повергало в ступор.

Они расположились привычно: Игорь справа, Георгий слева.

Медленно распаковывались сумки, менялась одежда, за окном накатывались неотвратимые декабрьские сумерки. Движения проходимцев становились всё медленнее и медленнее. Загорелись обе лампы на тумбочках. Пришла усталость

Внезапно раздался короткий стук в дверь и в апартамент вкатилась Брылька.

– Вам не кажется, Игорь Талгатович?!.. – с твердостью начала она, но договорить не успела.

Георгий Алексеевич вскочил с кровати и порывисто обнял дуру пониже талии. Дура, повизгивая, изошла. Вошёл Коньшин.

Доктора, мало пригодные к разного рода употреблению, в беспорядке возлежали на захваченной территории.

– Ребята, – сказал добрым голосом Коньшин, – а мы будем?..

– Будем, – согласились ребята и, на три-четыре, уснули.

(Продолжение следует)



Ирина ПОЖАРИЦКАЯ

(Болгария)

ГЛЯДЯ НА КАРТИНУ ХУАНА МИРО

Стихи из Питера

Blow-ар на летней веранде

Лето: зарыть глупые тикающие механизмы
в ракушечник гальку
болотную тину

Лето: жить по песочным часам
где-то на краешке
вечности

Лето: цедить из соломки
мескалин полной луны
абсент тонкой юной лунессы

Лето: легкомыслие лямок шляпок панамок
сандалии сваливаются
утекают прочь от ноги

Лето: и вообще все вещи
начинают порхать
уподобившись лепидоптериям

Лето: приходится за ними скакать
с одышливым набоковским сачком
что зря и напрасно пусть их летают

Лето: просыпаться под птичий щебет
Jargon – по-французски. Франциск их Ассизский
не зря же шпарил на этом жаргоне

Лето: лужица мороженого на тропинке
старательно повторяет
форму Гренландии – родина, как-никак

Лето: мелисса мята душица – три грации огорода
танцуют в темном прибое Дарджилинга
серебряная ложка у них – кавалером

Лето: аристократизм сохраняют лишь бокалы
на высоких барочных ножках
и да, – есть в этом что-то порочное

Лето: запах сандала на солнцепеке
бархатистый
как шкура лемура

Лето: щекастые помидоры
краснеют под щедрой увесистой
пощечиной солнца

Лето: неровный гекзаметр прибоя –
карманная луковица Посейдона
а не отрада ныряльщиков как они думают

Глядя на картину Хуана Миро

«Капля росы, падающая с крыла птицы,
будит Розали, спящую в тени паутины»

твоя земля скорлупка для мотива
твоя улитка чешет себе в Фудзи
твой дом висит на тонкой паутинке
стреножет солнце крыльями стрекошет

скрипит колодезь Муз воображенья
кружится круг в нем вырастает крынка
меж рук тепла, как толстенький младенец
смеется круглорото в фа-мажоре

в кругу любви шарманкою кружится
твоя планета крохотка золотая
а утром хлопнув форткой исчезает
в эфира мгле снов птицеперых стая

кружись пластинка с глиняной лепешкой
поя мотивчик простенький такой
покуда счастье лет дрожит в глазнице
готовясь плыть в небес родной прибой

Его план

когда-нибудь я вспомню зачем проснулась
зачем разорвала укромный материнский кокон
выплыв в открытый космос
захлебнувшись в крови свободы
когда-нибудь о когда-нибудь
я стану мудрой
как трава терпеливо ждущая дождя
молчаливой как глина —
вместилище множества жизней
захлебывающейся смехом как вода
когда-нибудь
когда проживу жизнь
травы глины воды
я пойму зачем у оболочки
форма звезды а у сути вовсе нет форм
и к чему все эти шишки на лбу
разодранные коленки
никуда не деться — придется понять
а покуда не понял — ты еще жив
и живешь — похоже — для этого —
колотясь о стенки трех измерений
разрывая в клочья мясо души
называешь предметы по имени
растишь ребенка
цветку улыбаешься
вообще еще одну бусину на нить
на-ни-зы-ва-ешь
путеводную нить из прошлого в будущее
и это — похоже — лишь капли для роста
дрожжи и точки восхода
усвоенные или прогулянные уроки
когда-нибудь я пойму
для чего мой дверной глазок открылся
а значит пойму
Его замысел

Закат на улице Коллонтай

итак, вдумчиво приготовили:

пол-рюмки розового, закатно-Гавайного
нектара «Сладкий грейпфрут» непременно чтоб сладкий
как уста негритянки лопнувшие гороховым стручком
долили рюмку злым джином «Манхэттэн»
Санкт-Петербургского завода каких-то там вин
— элементы таблицы кружатся как заводные
вызывая спиритуально
небритого славного русского джина
что изволите? — облизнувшись глаголет
можжевеловой горечи на языке
масло масляное лимона
аниса звездочку на небеси
имбиря лепесток зажатый в горсти
гор очертания в резком профиле облака
гортанный говор горла охрипшего
когти заката с сукровицей из-под них
одинокчество: верный друг не меняющий облика-лика
я по горло в джине в джунглях Манхэттена
где портовые грузчики потрясают рукастостью шив
я по горло и годна лишь на самотерзанье
рефлексию по поводу славных утрат
как закатно светило грейпфруто-намазно
неотвязна мелодийка джаза трик-трак

На цыпочках

дожди идут на цыпочках: цепочки
созревших слов нанизывать на нить
они на самом деле зерна почки
ветвистых птиц желанье небожить

рукою перистой тончайшею подлунной
взмахни взлети продлись в печаль дождя
бемоль круга как шар как ночь как дюны
глядит во тьму таит в себе себя

диезы в клювах — острые пинцеты —
разрезать воздух смыть вчерашний день
дождит а после в радугу одета
подкладка дня трепещущая сень

Осенняя мелодия для города Санкта

город бездонного сонного неба что плачет
слезами крупными аки жемчужины
город в котором поющей влаги с избытком хватит
на триста провинций – внутрь и наружно
где стройный парад классицизма
сменяется сливками пеной барочной
каменным фриволите изнеженным чуть порочным
по обочинам в мундиры закованных рек
резвящихся говорливых бунтующих
водных артерий окрасивших город
в мерцающий шелк бледно-серо-лиловый
словно кокотки чулок иль бедро испуганной нимфы
бывшей нимфетки-субретки-гризетки
(о диктат императорши-рифмы!)

ты о городе а она о пустом – ножки головки балетки
пульс их – в вибрации потрепанных сих декораций
в складках тумана – укрыл таки от папарацци
мрамор античных телес бесстыже-янтарный
сизый от холода Гоголя Нос и вопрос планетарный
как не пропасть в междометьях дворов закоулков
не заблудиться в лохмотьях старух с глазами ниц
гроши их плачут беззвучно колодезно гулко
в чреве Санкт-чудища – тайный город неспящих
химеры путаны титаны наяды
конные властелины виньетки кованого литья
бедный Евгений! уж лучше бы стопка отборного яду
чем грохот всевластный тирана –
ни укрыться тебе ни забыться
и улыбаются сфинксы похоже семейства кошачьих
строга – от маковки до хвостов –
охраняющих царство свое от пришлецов
свой Санкт-Египет северных Фив величавость
ибо надменность – клеймо родовое и от себя же усталость
в мимику тонкую топонимики улиц
вглядись и вчитайся – были ушли – о нет вернулись
все они здесь – вот пролетка с повесой-поэтом
скачет Пегас запряженный в карету
или в каретку но это
иные календы tempora темпы идолы боги
где синема зажигает огни техно-попсовой эпохи
и все же... в недрах града от века до века
плачет шарманка – приютская девочка
ночь-улица-фонарь-аптека...
а за тактом мается Блок неприкаянный

in vino veritas – так! – но где же взять человека?
строки каналов цезуры мостов свинг гуляющих волн
город как текст но полузабыты значения знаков
бедный тезаурус мой – алхимией (иль ахинеей) музыки полн
вне сюжета и уж тем более фабулы неисправимо инаков



Виктор БОГДАНОВ

(Омск)

ДИКОЕ СУЩЕСТВО

Рассказ

В городе N. завелось дикое существо без определённого имени.

Это существо сразу же приступило к бурной деятельности во вред местным жителям. Днём оно всегда скрывалось в каком-то убежище, а по ночам вылезало наружу, чтобы творить гнусные дела против людей. Существо двигалось по улицам и везде оставляло губительные кусочки собственной плоти. Это были чёрные блестящие шарики, покрытые шипами и похожие на репы. Они непрерывно вырастали на теле дикого существа как почки, существо отщипывало их и бросало на скамейки, прилавки и тротуары. Перед рассветом, закончив работу, оно, злорадствуя, убиралось восвояси.

Днём шипастые шарики обязательно прицеплялись к одежде некоторых прохожих, и с этими горожанами начинали происходить жуткие вещи: одни из них тут же полностью испарялись, точно вода, выплеснутая на раскалённую поверхность, других охватывал огонь, и они мгновенно сгорали дотла, третьи впадали в неизлечимое безумие и, сжав голову руками, с воплями убегали в окружающее пространство природы, бродили по лесам и полям, панически боясь возвращения в город, и постепенно гибли, кое-кто ещё – кончал жизнь самоубийством или страстно предавался алкоголизму, половым излишествам в извращённых формах и другим тяжким порокам. Отдельные, внешне благополучные, граждане внезапно рожали обезьянок, крыс и даже разных невиданных уродов либо заболевали чудовищными неизвестными болезнями...

И всё это учиняло таинственное дикое существо. Люди уже догадались о нём, однако никак не могли понять, откуда оно взялось, кто оно и где обитает, и зачем ведёт планомерное истребление мирных жителей. Мероприятия по его поимке не давали ни малейших результатов – дикое существо было совершенно неуловимым. Население со временем научилось остерегаться смертоносных шипастых шариков, и жертв стало меньше, но всё равно город потихоньку вымирал...

Наконец в городе объявился человек, который что-то смутно почувствовал насчёт дикого существа и начал за ним упорную охоту. Он определил район, где чаще всего встречались подлые ловушки

врага, и принялся выслеживать его по ночам. Но мерзкое существо было исключительно хитрым, и отловить его никак не удавалось. Человек уже потратил уйму сил и времени – и всё напрасно. Тем не менее, он продолжал поиск и стал прочёсывать чердаки и подвалы в домах подозрительного района, вооружившись самыми современными средствами уничтожения...

Вскоре ему повезло: он добрался-таки до убежища дикого существа – тёмного и сырого подвала – и обнаружил его там безмятежно спящим. В свете фонарика человек увидел серую бесформенную массу, покрытую слизью и шипастыми шариками. «Просыпайся, вредная гадина!» – заорал он дикому существу и направил на него огнемёт. Существо даже не вздрогнуло, но внезапно заговорило удивительно спокойным человеческим голосом: «Ты думаешь, что застал меня врасплох? Ха-ха! Не пожелай я, и никто из вас никогда бы меня не нашёл!». «Почему же нашёл я?» – спросил заинтересованный ловец. «Потому что ты единственный знаешь, чего я хочу», – ответили ему. «Чего?» «Я хочу, чтобы меня убили, хочу не быть!» – отчаянно крикнуло дикое существо. «И для этого убиваешь других?!.. – возмутился охотник. – Лучше бы выползло на улицу, и тебя бы с радостью прикончил первый встречный!» «Но это же слишком просто!» – сказала дикое существо и злорадно расхохоталось. «Ах ты, пакость! – в негодовании воскликнул человек. – Жестокая хитроумная тварь! Пули на тебя жалко!..» Не в силах больше терпеть это чудовище живым, человек зацепил его стальным крюком и выволок на солнечную улицу.

И тут же дикое существо с оглушительным шипением испарилось – точно стакан воды, пролитой на раскалённую поверхность...

ДОМОВОЙ

Рассказ

Если осенью ты живёшь один в старом деревянном доме, и у тебя нет даже кошки, твоё одиночество рождает маленького грустного домового, и вечерами он появляется на твоём столе, вылезая из-под вороха исписанных бумаг.

«Привет, – тихо и немного смущённо говорит он тебе. – Я знаю, знаю. Молчи!..»

Ты смотришь на это хрупкое ласковое существо, похожее на тебя, а сумерки медленно скрывают пустоту твоего жилья и за окошком всё шуршит и шуршит дождь...

Домовой берёт спички, зажигает свечу, и крохотное пространство света сближает вас, притягивает друг к другу, отгораживая от чужого ненастного мира. Здесь тепло. Здесь сокровенно. Воск капает на подсвечник, сделанный из берёзового сучка. Домовой садится на коробок и начинает рассказывать тебе твои воспоминанья.

Ты слушаешь его и киваешь. Тебе известно всё это. Ты бесконечно долго слушаешь его. Тебе хорошо. Тебе почти не больно теперь. Ты хочешь спать.

Ты идёшь и ложишься, чтобы забываться под его мягкое бормотанье. Ты спишь и слышишь сквозь сон шорох дождя и шёпот твоего домового.

Он рассказывает о твоём прошлом в будущем времени. До утра он исправляет окончания и меняет глаголы в твоих бумагах.

Он ведь умрёт, если всё это будет.

«Господи, — думаешь ты, — зачем?..»



Ирина ЮРТАЕВА

(Омск)

А ЖИЗНИ ХОЧЕТСЯ ДРУГОЙ...

Мой дед

Не знаю я, умел ли он, мой дед
Играть на балалайке
"чижик-пыжик",
Но ясно слышу, как ему вослед
Повсюду говорят –
Везёт же рыжим!

К крестьянскому труду приставлен
был,
Пахал и сеял, твёрдо верил в счастье,
Когда всем чистым сердцем
полюбил
Дед бабушку мою, девчонку Настю.

Как быстро побежали день за днём,
В любви, согласье, мире и покое.
Никто не ждал, что вскоре
в каждый дом
Вдруг разом постучат беда и горе.

А ночью, к урожаю, шли дожди,
А днём – палило солнце на покосы.
Он короток в словах был –
Верь, и жди!
Курил за папирсой папиросу.

Чтоб грудью защитить свою страну,
Вступить в открытый бой
за веру нашу,
Сел в поезд, и поехал на войну,
И стал красноармейцем дед мой
Саша.

На радость – лук на пару с лебедой,
С помоек ели, и тащили в хату.
В неполных двадцать –
сделалась вдовой
Жена в боях погибшего солдата.

Ещё не зная, что там, впереди,
Доверчиво рукой проходим машет,
Всё на дорогу дальнюю глядит,
Ждёт папу сын, такой же рыжий,
Саша.

О.Винову

Август, май, июнь, июль,
Синяки да шишки.
Мёртвой хваткой впившись в руль,
Мчишь без передышки!

Не давать по тормозам,
Лётать на пределе, –
Эх, вернуться бы назад,
Оседлать бы велик!

А перед Богом все равны,
От воскресенья до субботы,
В любой сезон, без выходных,
Кипит на кладбище работа.

Как символ святости – кресты,
Дождями скорбными омыты.
Кто не забыт, тому – цветы,
Трава по пояс – позабытым.

Огнём горит рябины гроздь,
Стыдась весёлых песен птичек
Для тех, кому теперь пришлось
Глядеть доверчиво с табличек.

Без дела шляется шпана,
Ей всё равно, что зной, что слякоть,
Что день и час, когда по нам
Кому-нибудь случится плакать.

Сюда любой и каждый вхож.
Безумно радуясь находке,
Пушай допьёт несчастный бомж
С чужой могилы рюмку водки!

Пусть мне не светят (не беда!)
Гранит и мрамор превосходный.
Жизнь дорожает, но сюда
Вход, до обидного, свободный!

Кто жив

А жизни хочется другой,
Не той, которая досталась.
На лицах – вечная усталость,
Со счастьем – вечный перебой.

То перестройку нанесло,
С её ужасной подноготной.
То стало бедное село
Для жизни вовсе не пригодно.

Вновь тень наводят на плетень,
Кто хуже – Сталин или Ленин?
Нет больше старых деревень,
Есть точки сельских поселений.

На удивленье, – как грибы,

Растут красавцы-небоскрёбы.
Кому-то – новые гробы,
Кому-то – старые трущобы.

Взметая в небо этажи,
О нас пекутся и хлопочут,
Чтоб жизнь почти у всех, кто жив,
Была значительно короче.

В Москву

Ну, ладно бы, куда-нибудь в Валенсию,
Ну, ладно бы, куда-то в Малибу,
Зачем себе устраивать диверсию,
И рваться в неприступную Москву?!

Поддавшись настроению чемоданному,
Насвистывая радостный мотив,
Вооружаться паспортными данными
Под натиском открытых перспектив.

Готовые отдаться на посмешище,
Лететь хоть на ковре, презрев уют,
К заведомо закрытому прибежищу,
Где, зная наперёд, тебя не ждут.

Где, глядя в мир с повышенной серьёзностью,
Красивые и в профиль, и анфас,
Со свойственной столице скрупулёзностью
Прекрасно обойдутся и без нас!

Колокольчик

Чтобы просто прожить – денег много не надо,
Плоховато без них, но гораздо важней
Видеть грустные краски картин листопада,
Слышать звуки концертных сезонов дождей.

В небе плещут таинственно красные зори,
Рядом с тиной болот – бьют живые ключи.
Мы друг другу глаза беспричинно мозолим,
И, боясь гробовой тишины, – не молчим.

Всё, что искренне ценишь, и преданно любишь
Не утратит безвременно данность свою.
Как известно, здоровье за деньги – не купишь,
Не берут предоплаты за место в раю.
В сновиденьях приятных спокойные ночи
Задают тон динамике доброго дня.
Лишь бы где-то вдали не смолкал колокольчик,
Однозвучно негромкою песней звеня.



Андрей ЭШМЕТОВ

(с. Сосновское Таврического р-на Омской обл.)

ПРИТЧА

Во бескрайней степи, всем ветрам на расправу отданной, ночью зимнею, в стужу лютую двух волчат принесла волчица – одного за другим. Тьма ночная, ветра свист равнодушно волчат встретили. Только мать вылизала братьев, накормила, собою согрела.

В них обоих души волчица не чаяла – любила пуще себя самой: вырастила, вскормила, всему научила. А сердце материнское больней болело за младшего – ему любви чуть больше, ему ложе чуть мягче, ему кусок чуть лучше.

Ушла навсегда мать-волчица, оставила братьев, степь им оставила – одну на двоих.

Сокол степной – птица вольная, птица гордая – зорким оком с выси небесной на степь взирает, всё замечает. Видела птица вольная, как два брата – волки оба – стали быстрыми и могучими. Видела птица гордая, как подняли головы звери сильные, степь свою оглядели.

Как малое покорится большему, так и двоим равным не бывать вместе, ибо не поделить одно на двоих – не разделить степь надвое. Сошлись братья в схватке смертельной за степь бескрайнюю.

Реет сокол над степью, с выси небесной всё видит. Видел сокол, как одолел брат брата. Знал старый сокол исход схватки – побеждает тот, кому любви чуть меньше, кому ложе чуть жёстче, кому кусок чуть хуже.

Потешка

Рассказ

В праздный день, в весёлый вечер вознамерились кум Никодим да кум Никанор опосля баньки-парилки во садочке повечерничать, под наливочку побалакать.

Никодим – мужик справный, достойный: мыслит в меру, смотрит правильно – почёт ему и уважение за то и за это, потому как надёжа порядку и опора обществу. Никанор не из таковских будет.

Никанор много пожил – ума не нажил; в башке-то ветер свищет, оттого и покою не сыщет, а всё потому как зело дурак, болтун и баламут. Всё у него наперекор, всё шиворот-навыворот. Прямо как есть, не человек, а карбонарий какой.

Ан ничего не попишешь – родня. Да хоть и родня, а терпеть друг дружку кумовья страсть как не могут, но и врозь не расходятся, потому как порассуждать-поспорить оба дюжие охотники.

Бывало, сойдутся Никодим с Никанором, понесётся промеж них спор на весь двор, и такой выходит раздор, такая ругань, что батюшки-светы. Никодим одно твердит – вразумляет, Никанор своё несёт – хорохорится, ни в чём аспид не уступит.

Но это ещё ладно. Это ежели промеж своих, да без чужих ушей – только плюнуть, отступиться да рукой махнуть на окаянного. А ежели где при людях, да про недозволенное допустит? Это ж как есть конфуз и самоволие! Это ж противуречие порядку будет!

Такие раздумья ворочались в голове Никодима под хруст капустки. А Никанор супротив сидит, глазами свербит, селёдочку поддевает, каверзу какую как есть затевает.

– Никодим, а Никодим, вот ты у нас при должности как, так скажи-ка мне: пошто в нашей слободе завсегда по ночам фонари не светят? Я вот давеча через это чуть увечье не принял!

Пожевал Никодим губами, мысль ответную опробовал – доволен остался.

– А и принял бы – невелика беда. Авось ума бы прибавил да понял, что дома сидеть надо ночью, а не шлындать как есть где ни попадя.

Груздочком Никодим наливочку сопровождал, продолжил степенно.

– Нету у тебя, куманёк, понимания сути порядка вещей. Как есть нету! Не имеешь ты подходу верного к делам казённым. А ведь всё просто, потому как – что правильно, то и верно. Вот ты сам посуди – на кой ляд ночью фонари зазря палить, когда всем положено пребывать в избах своих? Тут, понимаешь, и лишний убыток казне отсутствует, да с другого-то боку ежели глянуть – ведь тебе, сямке мелкой, мечту задарма дают, а ты вот не ценишь – нос воротишь, возмущение творишь.

– Какую ещё такую мечту?! – рот разинул Никанор – селёдка вон – обомлел весь. – Ты ври, ври, да не завирайся! Мною ночной оброк сполна уплочен, так ты мне вынь да положи положенное.

Зашёлся Никодим весь ходуном от смеха.

– Ишь ты, какой хитрец-мудрец выискался! А я что ж, потвоему, оброк не платил что ль? Платил, как есть платил, а вот не вякаю, понимаю потому как – что кому да чего положено, то куда надо положено, и не твоим рылом туда лезть. Мечту имеешь – должен возблагодарить да довольство явить.

Перевёл дух Никодим, бороду огладил, лоб утёр, далее мысль повёл.

– Вот ежели б горели фонари в ночь, тогда б не думал ты об их огнях светлых, не мечтал, скучно бы тебе было. А так с мечтой-то дармовой и живётся веселей и засыпается слаще. Вот тебе и подход казённый, правильный – нам во благо, обществу на пользу.

Крякнул Никанор, лысину почесал.

– Ты смотри-ка – ловко закрутил, хитро поворотил. Ну, так ты мне ещё такое ответствуй, коль умный шибко – отчего у нас в слободе такие дороги? Ведь как по нашим-то всем колдобинам да ухабинам куда пойдёшь-поедешь, так такого срамословия наслушаешься, что спаси и помилуй.

Поразмыслил Никодим, наливочкой усладился, помидорку зубами дрызгнул.

– В соседней волости, скажу я тебе, дороги ихние, что твоя пустая лысина – гладкие. Ты, поди, кум, думаешь – хорошо как, одной бедой у них меньше. И ведь обратно неправ будешь, потому, как я уже сказал тебе – не имеешь ты суждения казённого. Вот смотри, идут они по дороге своей ровной, едут куда: смурные какие-то, будто как есть недовольные чем. О чём мыслят – не поймёшь, потому как молчат ироды. Поди-ка, угадай – чего они хотят, чего там замышляют? А у нас народец разговорчивый, весёлый, душа нараспашку. Через рытвину прыг, за колдобину скок, слово за слово, глядишь – и песня получается, и душеньке уж легче. А ежели в лужу шлёпнулся, аль вред какой себе учинил, так ты зазря не голоси, а на самого себя и пеняй – какого лешего и за какой нуждой куда попёрся? Обратно же и соседям завсегда посудачить есть о чём – час занять, да и прохожему какому потеха. Что, Никанорушка, съел, а?

Вскочил Никанор, взъерепенился весь, того и гляди в противоборство кинется.

– Бухтишь как по писаному, куманёк! Всякий изъян у тебя в заслугу идёт! А всё пшик один, брехня и пустословье, потому как нету ничего. Ночной оброк плочен, дневной оброк плочен, подушный, погостный, подорожный тож плочены. А где оно всё? Вот скажи мне по чести и совести, где что есть по уму сработанное в слободе нашей, силами нашими, узреть которое можно? Аки обыватель тутошний зело дела тутошние узреть желаю!

Хватил Никодим кулачищем об стол, ложки-плошки подпрыгнули, оземь брякнулись.

– М-а-а-л-чать, огузок! Аки обыватель, говоришь? Узреть желаю, говоришь? Да ты что, вражина, борзянки объелся?! Аль может супротив порядку нашего что неладное имеешь? Ты мне это брось, враз и навсегда! Коль дела узреть стремишься, так ты перво-наперво разуй бельмы свои – по слободе в людных местах для тебя, дурака, четыре доски агромадных расставлены, все берёстами утыканы. А в

берёстах тех, от сих до сих, все дела слободские прописаны. Не знаешь коль чего, аль сумление имеешь, так ты подойди, прочти – ознакомься с делами воочию. Аль слепой ты, аль грамоте не обучен? Бывай на сходках, всё там тебе растолкуют, разжуют; узришь тогда громадьё делов наших, которые как есть у нас все спереды.

– Пустомеля, – возопил Никанор, себя уж не чуя, – дела спереды, а мы, стало быть, где?

– Ах ты варнак, – загремел Никодим, – ах ты вражий потрох!!! Недозволенное выражать, изгаляться удумал?! Я вот зараз околотошного кликну, так он тебе люлей-то горячих уже выдаст под самую завязочку. Не доводи до греха – уймись-угомонись, окаянный, аль самолично половником по темечку заряджу!

Дулю скрутил Никанор, под нос куму сунул, – накося-выкуси, в бороду репей, хвороба в рёбра – шапку хватить и был таков.

Эх, поучить бы дурака, да вот жалко кулака. А и всё одно – пустая затея. Ведь дуракам закон не писан, а если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так. Сие речённое – не в грязи катанное, не сажеей мазаное – правда-матка чистая, в назиданье сказанная.



Балхия ТЛЕНЧИНОВА

(Омск)

СТИХОВИДЕНИЯ

* * *

Ловлю в непостоянстве хаоса
Свой закон –
Систола, диастола, пауза, –
Жизнь, стих, сон...

* * *

Появится слово,
 как слёзы, объёмно,
Из среза земного
 и вечного "но".
В тиши полутёмной
 меня неуёмно
За строчкою новой
 поманит оно.

Вернусь я из ночи
 в далёкие звуки
Путём, что короче-
 сквозь память Земли,
Сквозь стены разлуки,
 где времени стуки
В горячий источник
 меня увлекли.

И ветер отыщет
 мир стиховидений,
Желания нищих
 и хищницы рёв.
Расходятся тени
 людских опасений,
И мир пепелищем
 Стал сыт до краёв.

Там крикну, и в крике
замрут отрешенно
На зеркале блики,
узнаю от них:
Как выйдя из комнат
к созвездиям сонным,
Орфей Эвридике
принёс новый стих.

* * *

На чёрную птицу
та туча похожа,
Прольётся дождями,
где ждёт поворот.
В ту дверь, что откроешь,
невинность не вхожа —
В незапертом сердце
секрет не живёт.

Одно только слово
я спрячу от сплетен,
Пусть ливень умоет
холодной струёй.
Стрелявший Амур,
даже тот не заметил,
Что целился в нас
повреждённой стрелой.

* * *

Мои мечты, куда умчались,
Гонясь за счастьем?
Надеть велят мне здесь печали
Чужое платье.

К тебе

Я — солнце в луже, вешний ручеёк.
Затворницею, вырвавшись из плена,
бегу на зов сочувствия и страсти.

Гарцует свет – души моей знаток.
Я – зеркало, разбитое на части,
Чтоб целостности отыскать исток,
играющий на гранях жизни брэнной.
Желаний необузданный поток
Лучами жизни разноцветной масти
струится, грея, веря в перемены.
Хочу в объятьях отразиться счастьем
и стать живительною силой

В твоих венах.

* * *

Незаконная –
Ни любовница Вам, ни жена.
Утомлённая
Надо мною висит тишина.
Увлечённая
(Ни к чему мне душою кривить).
Отчуждённая
От ответной и чистой любви.
Обречённая
Одинокством к горьким речам.
Опьянённая
Я полётом стихов по ночам.
Отрезвлённая
Тем, что я Вам уже не нужна.
Похмелённая
Тем, что ночь бесконечно длинна.
Отражённые
Наши души глядят в зеркала.
Побеждённая,
Но не сдавшись, сейчас поняла:
Отрешённому,
Это Вам не досталось тепла.

* * *

На дороге бессмертия
извивается змей, –
Бесконечности знак
или замкнутый круг.
Город с небом слились.

В лабиринтах огней
Я ищу наугад
нежность дружеских рук.

Хрупким крыльям доверюсь
и с вершины – в полёт.
Исцарапанность чувств
примет рай или ад.
Но последней монетой
мне луну подаёт
Исполнитель желаний –
ночной звездопад.

Ожидание

Взрывается стон ожидания
От жажды взъерошенных кос.
Взвивается змейкой в мечтаньях
Свечи огонёк, как вопрос.

Вернись, но не взвинченный гонкой
Капризной, прозрачной мечты.
Прильнула к рубашке я тонкой –
Крапивный ожог пустоты.

Взываю к ночи-мастерице,
Надежды своей не таю:
Во сне я хочу приземлиться
Тихонько на нежность твою.

Мишень

Взвилась мысль и, потрогав луну,
Возвратилась.
Разветвилась в просторах, неожиданно в весну
Превратилась.

Встречу взгляд, как подснежник в лесу
Птичью стаю.
Осыпаются звёзды, я небо трясусь
И гадаю.

Обживаюсь мечтой, как паук
Паутиной, –
Как мишень: в мире – мир; в круге – круг;
Я – в середине.

* * *

Забыла бы раскаты громовые,
И молнией пронзающий твой взгляд,
Когда б порывы ветра грозовые
Стирали в памяти обиды яд.

Доказывать не буду – я пыталась
И много лет раскаянья ждала.
А годы шли – осталась веры малость –
Я развернула два своих крыла...

Закрыла двери, окна в непогоду.
Любовь не подчиняется уму.
Да вот душа плывёт по небосводу...
Грусть не запрёшь – она летит к нему.



Николай МАЦАК

(Омск)

ФОНАРИК

Рассказ

Андрейку снова не взяли на рыбалку. Соседский Генка так и сказал:

– На рыбалку с нами не собирайся. Мы идём на ночь, а у тебя нет фонарика. Вот будет у тебя фонарик, тогда и возьмём, а сейчас – до свиданья!

Андрейке было очень обидно, но он не заплакал.

– Ладно, ладно, – думал он, – у меня тоже скоро будет фонарик, мама обещала купить. Зато у меня будет новый, а у Генки старый.

Андрейка в этом году закончил первый класс, и уже хорошо умел читать и писать. Наступили каникулы, а фонарика у него до сих пор не было. Почти у всех пацанов, которые жили неподалёку, они были, а у него – нет!

Самый лучший фонарик был у Генки – китайский на круглых батарейках. Он хорошо светил, а главное – мог «бить в точку». С новыми батарейками этот фонарик запросто мог «перебить» улицу, то есть ночью осветить точкой противоположную сторону. Хороший фонарик с плоской батарейкой был и у Серёги. Он назывался «Даймон», отец его с фронта привёз.

Война с Германией закончилась десять лет назад, и у многих пацанов были всякие фронтовые штучки: у Федьки – зажигалка, сделанная в форме небольшого снаряда, у Лёньки настоящий немецкий кинжал с бронзовой витой ручкой, у Андрейки не было ничего. И отца у него не было. И фонарика тоже.

Зимой в старой тетрадке он выделил один листок, где решил записывать свои самые заветные желания. В магазине он подсмотрел и запомнил цены, а затем в тетрадке, стараясь писать как можно красивее, вывел:

Фонарик – 6 рублей 70 копеек,

Лампочка – 2 рубля 50 копеек,

Батарейка – 1 рубль 70 копеек.

Всё вместе выходило почти на 11 рублей. Он знал, что 10 рублей с портретом Ленина это большие деньги. Когда он что-нибудь просил купить ему, мама почти всегда говорила, что денег у неё нет, поэтому просить её о покупке фонарика ему было стыдно. Но и

фонарик ему хотелось иметь очень-очень. Он часто открывал свою тетрадку и подолгу смотрел на свои заветные записи.

– Когда я вырасту большой и буду работать, – размышлял Андрейка, – то заработаю много денег и куплю себе два или даже три фонарика.

Однажды, когда он разглядывал свою тетрадку, к нему неслышно подошла мама:

– Что это у тебя? – спросила она.

– Так, ничего, – ответил Андрейка, быстро закрыв тетрадку.

– Дай–ка мне посмотреть.

Андрейка протянул тетрадку, и мама стала просматривать его записи.

– Ты так сильно хочешь фонарик? – спросила она, глубоко вздохнув.

– Да, – смущаясь, ответил он. – Очень хочу, но я знаю, что у нас денег нет, а он дорогой.

Мама обняла его за голову и поцеловала в макушку.

– Ладно, сынок, купим мы тебе фонарик, подожди. Вот получку дадут, пойдём и купим.

Ему показалось, что при этом у неё дрогнул голос, и он, теснее прижавшись, крепко обхватил её обеими руками.

Андрейка знал, что получка бывает у мамы вначале месяца, примерно пятого или шестого числа. Он стал ждать, но дни тянулись медленно-медленно. Наконец, заветный день настал, мама получила деньги, и они пошли в магазин. Китайских фонариков не было, и продавец объяснила, что их ни разу не получали. А ждать, как думал Андрейка, тоже было нельзя, вдруг опять деньги кончатся, поэтому они купили фонарик, который имелся в магазине, а также маленькую лампочку и батарейку. Андрейка бережно, стараясь не ударить, нёс домой коробку, в которой находились заветные ценности.

У фонарика вместо стекла была большая линза. С ним можно было читать книгу или газету. Но вот «бил» он плохо. Пацанам он не понравился. Они сказали, что этот фонарик – барахло. Андрейка, конечно, расстроился, но на другой фонарик рассчитывать не приходилось.

Эту историю Андрей Иванович запомнил на всю жизнь. Уже, закончив институт, и работая на ответственной работе, он непроизвольно между делом интересовался и фонариками. У него их было несколько штук. По молодости в походах, затем на даче, в машине всегда под рукой были фонарики. Теперь в магазинах их полно, есть из чего выбрать.

Он работал в закрытом НИИ. Институт работал на космос. Быть на переднем крае науки было и почётно, и ответственно. Страна рвалась в космос, и как приятно было сознавать, что частица и его труда создавала величие и престиж государства. Слушая по радио

очередное сообщение об успешном запуске космического аппарата, сердце наполнялось гордостью, хотелось большего.

Андрей Иванович видел, что государству не безразлична наука, оно вкладывало колоссальные средства в её развитие. Вся страна работала на космос. Ему приходилось, особенно перед ответственными стартами, часто и подолгу бывать в Москве, в самом сердце космической науки. Он с расстояния вытянутой руки с восхищением разглядывал пока ещё никому неизвестный «Буран», а в станции «Мир» пришлось побывать внутри, когда она стояла на стапеле в монтажно-испытательном корпусе.

Шло время. Андрея Ивановича встречали на московских заводах уже как старого знакомого. Философия перехода количества в качество была налицо. Но... наступили времена перестройки. Он внутренне ощущал, что, ломая государство, новые власти, прежде всего, ломали не только промышленность и науку, но и людей. Финансирование космических программ катастрофически уменьшалось.

Было непонятно: получив ошеломляющий положительный результат в ноябре 1988 года – полёт и посадку орбитального корабля «Буран» в автоматическом режиме, работу застопорили. В кооперации находилось более тысячи предприятий! Созданы новые материалы, освоены уникальные технологии, решены, казалось бы, неразрешимые задачи. Какой задел идей! Какой полёт мыслей!.. Гиперзвуковые скорости... летающий космодром, но ...тематика закрывалась. Институт, где он трудился, лихорадило. Невозможные ранее задержки зарплаты растягивались на долгие месяцы. От многих интересных задумок пришлось отказываться, оставляя только самое необходимое для поддержания станции «Мир» на орбите. Постоянные разговоры о том, что дни её сочтены и её скоро затопят, не придавали энтузиазма. Научная молодёжь начала куда-то испаряться, некоторые талантливые ребята уходили просто торговать барахлом.

Андрей Иванович почти с физической болью ощущал новые перемены. Каток перестройки без разбору трамбовал и правых, и левых. Бывая на оперативных совещаниях у руководства, он чувствовал растерянность окружающих. С ним перестали советоваться.

Бывшие сотрудники, ранее жившие единым организмом и работавшие на общий результат, на глазах становились какими-то другими. У него часто возникало ощущение, что многие разучились работать.

В институте царила напряжённая обстановка. Многие лаборатории попросту закрыли. Нарботанное годами стало вдруг никому не нужным. В институт зачастили иностранцы, всё что-то разглядывали да вынюхивали. Большие надежды на совместные

проекты оставались лишь на бумаге, к лучшему ничего не менялось. А вот жизнь менялась чрезвычайно быстрыми темпами.

В столовой скудное меню. Институт продавал принадлежавшие ему детские сады, базы отдыха, производственные помещения. В прежде закрытую за семью печатями организацию стали приходить арендаторы. В каких-то необыкновенно ярких пиджаках и попугаистых галстуках, они развязно курили в коридорах.

Как-то по делам он был у начальника отдела снабжения.

– Вот посмотри, что они пишут, – сказал тот, протягивая ему лист бумаги.

– Кто они? – не поняв, спросил Андрей Иванович.

– Кто? Арендаторы. Новые, так сказать, русские. Вот, прочти.

На листе корявым почерком было выведено: «Директору НИИ господину ... Прошу отдать нам за деньги два мотка железной проволоки, которая лежит на складе справа от ворот». Стояла неразборчивая подпись какого-то генерального директора.

– Да, далеко ребята пойдут, – вслух рассудил Андрей Иванович.

– Они хотя бы знают, что даже у проволоки есть марка, есть диаметр, есть разные варианты исполнения, есть вес, наконец.

– Вряд ли, а зачем им это? Ты посмотри, каковы балбесы, а туда же, с охраной ходят!

– А что же наше руководство?

– Да они уж тоже бизнесом занялись. Только в старых пиджаках пока, не сменили ещё.

– А где же наше государство? Ведь мы единственные в стране, кто работал по нашей тематике.

– А что ему государству-то? Где оно? Видел, в цехах станки срывают да продают, а продают, знаешь как?

– Как?

– По цене металлолома. Чем тяжелее станок, тем для них лучше.

Андрею Ивановичу стало вдруг душно, сердце сбилось с ритма. Последнее время у него уже было несколько раз такое состояние, поэтому по совету жены в нагрудном кармане пиджака у него лежал нитроглицерин. Он судорожно открыл винтовую пробку контейнера и подложил под язык таблетку, стало легче.

– Интересно, – размышлял он, – почему эти таблетки так странно называются? По скорости воздействия или по присутствию в составе? Нитроглицерин – это же глицерин с азотной кислотой. Из курса химии он знал, что эта смесь чрезвычайно взрывоопасна. А этот таблеточный нитроглицерин взрывается? Да нет, наверняка он безопасен.

В выходной день он поехал на оптовый рынок. Ему нужно было купить метров десять обрезиненного провода для электрической переноски. Приближалась осень, и надо было скосить траву вокруг дачного участка. У него, конечно, была переноска, да только утащили

её недавно воришки: вскрыли дачный домик. Он быстро нашёл подходящий провод и купил то, что ему было нужно. Направляясь к автобусу, на одном из лотков он увидел лежащие в куче небольшие фонарики. Он остановился и стал их разглядывать.

– Интересуетесь? – весело спросил молодой лет до тридцати худощавый продавец.

– Да. Что это? Я полагаю, фонарики?

– Да, фонарики. Только эти фонарики необычные. У них вместо лампочек светодиоды.

– Светодиоды? Интересно, можно посмотреть?

– Пожалуйста, – ответил продавец, широким жестом приглашая его к столу.

Андрей Иванович, конечно, знал, что существуют такие полупроводниковые приборы – светодиоды. Их особенностью является очень малое потребление электроэнергии при высокой светоотдаче и большая долговечность. На иностранных, да и уже на отечественных автомобилях их ставили на стоп-сигналы и поворотники. Великое множество их использовалось в космической технике в приборах. Но вот так, для освещения и в массовых количествах? Как инженер он понимал, что применение их в фонариках возможно только при их массовом производстве, так как они пока всё ещё дороги.

– Я вижу, вы человек понимающий, – продолжал продавец, – вот возьмите, включите.

Андрей Иванович включил протянутый ему фонарик – яркий белый свет ударил в лицо. Девять светодиодов давали мощный поток света.

– А на каких батарейках работает фонарик? – спросил он.

– Три штуки обычных, мизинчиковых, – продавец ловко открыл заднюю крышку и показал батарейки.

– А сколько времени он может непрерывно светить?

– Я точно не знаю, но очень долго, часов семьдесят.

– Семьдесят часов? Да... А кто же их делает, – глядя на кучу разнокалиберных фонарей спросил он.

– Кто-кто? Китай.

– Это надо же, – вслух удивился Андрей Иванович, а про себя подумал:

«Пусть не семьдесят, а хотя бы десять часов, и то это большой прогресс, и уже массовое производство. Сегодня фонарики, а завтра и всё освещение можно перенести на светодиодное. Это же колоссальная экономия электроэнергии!». Он мысленно представил и тут же с раздражением отметил, что у нас в современной России организовать даже такое производство теперь невозможно.

– Я вижу, вы заинтересовались, – продолжал между тем продавец. – Берите! Вещь хорошая, светит, пока вам не надоест. Берите!

– А сколько стоит?

– Всем по сто двадцать, а вам я за сто рублей уступлю. Берите, дешевле нигде не найдёте!

– Обскакали нас китайцы, и когда успели? – Андрей Иванович достал бумажник.

– Успели. А что же вы, ваше поколение, делали? – спросил продавец. – Почему их вперёд пропустили?

– Мы, мы... – растерянно начал отвечать на неожиданный вопрос Андрей Иванович, он почувствовал, что заводится, горячая волна подкатила к горлу и перехватила его.

– Мы трудились. Да. Работали день и ночь, мы Гагарина запустили. А вот вы что сейчас делаете, ваше поколение чем занимается? Я вижу, вы институт наверное закончили. И что же вы тут делаете, на этой барахолке? Почему настоящим делом не занимаетесь? Почему по специальности не работаете? В НИИ где-нибудь или на заводе?

Ему вдруг стал неприятен этот молодой человек так легко, как бы между прочим, нахамивший ему. Всё в нём раздражало. И его бегающие из стороны в сторону глаза, и выражение лица, и эти надменные нотки какого-то превосходства в голосе. Да какое право он имеет меня судить? И не только меня, а вообще всё моё поколение. Кто он такой? Торгаш на барахолке! А туда же, прямо готовый прокурор!

– Пробовал я в НИИ работать, – между тем продолжал продавец. – Пришёл, оклад дали, меньше, чем у вас пенсия. И не нужен никому. А жить мне где? А у меня семья, ребёнок маленький, чуть ноги не протянул. Вот так то! Нет уж, я лучше здесь.

– Ну да, на свежем воздухе, – в тон ему подхватил Андрей Иванович, – а ты о будущем подумал, перейдя на «ты», продолжил он. – Ты что, всю жизнь фонарики продавать собираешься? А дети твои в какой стране жить будут? Тебе что, не всё равно?

– Да уж как-нибудь проживу, – сверкнув глазами, пальнул продавец.

– Вот именно, как-нибудь! – он почувствовал, что вновь начинает задыхаться. – А вот мы в вашем возрасте так не думали! «Скорее, скорее забрать этот проклятый фонарик, да ходу». Он протянул деньги, положил фонарик в карман и, стараясь твёрдо ступать, зашёл за соседний ряд торговых палаток. В груди закололо. Открыв контейнер, он положил таблетку нитроглицерина под язык и, с трудом передвигая ноги, направился на остановку автобуса.

«Тоже мне скворец! Сами палец о палец не ударили, а осуждать берутся! Хотя и в его суждениях тоже своя правда есть. Кто в эту пору о молодёжи думал?».

Он вдруг вспомнил, как с товарищами по учёбе они пришли молодыми специалистами в НИИ, как вначале к ним присматривались, как уже через год ему предложили должность МНС – младшего научного сотрудника, как определили тему и помогали готовить кандидатскую диссертацию. Да и остальные выпускники все были при деле: кто трудился в лабораториях, кто в производство пошёл – была система. Вспомнил, вначале дали комнатку с подселением, а затем в двадцать восемь лет он и квартиру получил, работал честно. А что ещё надо? Самое главное, работа была интересная, и ей он отдавал всего себя. Часто приходилось и в субботы, и в воскресенья работать. Но ведь весь коллектив, все они были нужны. Может, это и было самым главным, определяющим, именно эта потребность? Не все, конечно, но многие считали, что без них не полетит ракета, не запустят спутник... Перед коллективом ставилась задача, и она, как правило, решалась. Какой злой рок, чья злая воля изменили жизнь? Во имя чего разрушено государство, ради чего разбазарена промышленность?

Ему опять стало хуже. К горлу подкатил комок, за грудиной заняло. Он сел на лавочку, снова достал нитроглицерин, и приняв его, закрыл глаза, опёрся на спинку скамейки. Стало немного легче, но вставать не хотелось.

– Чур меня, чур, – шевелил он губами, – видно, старость подбирается...

– Вам плохо? – услышал он рядом с собой участливый голос.

Открыв глаза, увидел молодого человека в очках с наклонённой к нему головой и девушку в белой шапочке, державшую того за руку.

– Сейчас уже ничего, нормально, лучше мне, – ответил он.

– А я смотрю, побледнели вы, решил спросить. Мы на последнем курсе в мединституте учимся, – продолжал молодой человек, указывая взглядом на девушку.

– Ничего, я вот нитроглицерин принял, – показал он тубу с лекарством.

– Сами передвигаться в состоянии? Может, «скорую» вызвать? – молодой человек достал мобильник.

– Не надо, мне лучше. Всё нормально. Молодые люди, во-первых, спасибо вам за беспокойство, в наше время это редко встречается. У меня вопрос к вам. Вот этот нитроглицерин в таблетках при каких-нибудь условиях взрывается? Его можно взорвать?

– Что? – очки студента поползли на лоб, он явно растерялся, – простите, этого я не знаю... нам на лекциях об этом не говорили.

– Вот вы и поинтересуйтесь, знания лишними не бывают. Вдруг в жизни пригодится!

Нужного автобуса не было, и он решил ехать на перекладных. Прямо перед ним остановилось маршрутное такси. Открыв переднюю дверь, он уточнил у молодого вихрастого водителя «Газели», едет ли тот в центр. Получив утвердительный ответ, взгромоздился на сиденье. Маршрутка следовала куда надо – до площади Ленина, и там ему предстояло сделать пересадку.

2007 г.



Дина ЛЕБЕДЕВА

(Петрозаводск)

МОЙ БЕРЕГ ОСТАЛСЯ НА ТОЙ СТОРОНЕ...

Мамино последнее письмо...

Мамино последнее письмо...
Неровный почерк, только мысли те же:
Домой ты пишешь, доченька, всё реже,
Почтовый ящик снегом занесло.

Посёлок наш засыпало до крыш...
Такой зимы давненько не видали!
И, если честно, от неё устали,
Но будет полноводие, глядишь.

Ведь Ладога давно уже не та...
Ты помнишь глубину её у лодок?
Жаль, лодки нашей будет век не долог,
Не вычерпана с осени вода.

А яблонька плодами изошла...
Я засушила яблоч, приезжайте...
Должна котиться наша кошка в марте.
Вон, ластится, мурлычет у стола.

Прости за почерк. Даже не вяжу.
Читать – читаю, но глаза ослабли...
А может, купишь мне какие капли?
Хотя не надо... После накажу.

Не спится ночью, думаю о вас...
Как со здоровьем, всё ли там в порядке?
Отцу весной покрасить бы оградку...
Такой уж мой родительский наказ.

Да не забудь про лук, про семена...
Пора на окна выставлять рассаду.
Ты обо мне там не грусти, не надо,
ты в городе своей семье нужна.

.....

Вся жизнь моя в одном таком письме,
В любимых строчках, в чувствах и заботе,
Ах, мама, мамочка, зима уж на исходе,
И в мыслях возвращаюсь я к тебе.

К родной земле, где помнят обо мне,
К берёзке, и к скамейке перед домом...
Где с детства всё до капельки знакомо,
Куда вернусь с поклоном по весне...

Осенняя грусть...

Осенняя грусть по бокалам разлита...
Мой берег остался на той стороне.
И манит к себе, где ничто не забыто,
Но горько и больно от памяти мне.

Там старенький дом, и цветы у калитки.
Крылечко, где часто курил мой отец.
Желтеет берёза в осенней накидке,
И дом сторожит до отлета скворец...

Замок на двери, света нет по окошкам.
Не топится печь, не согрета постель...
А мне бы туда: на чуток, на немножко!
Чтоб дом оживить скрипом старых петель.

Чтоб мама моя на рассвете приснилась.
Присела, вздыхая, ко мне у стола....
«Ну как ты там, дочка?» – жалея, спросила.
Чтоб дни те вернуть, я бы всё отдала....

Осенняя грусть, и под стать ей морщинки.
Разводами дождь на оконном стекле.
На том берегу – две родные могилки.
От осени листья... венком на земле...

Я люблю его...

Стихотворение в прозе

Я люблю его... Он мой самый первый. Единственный и неповторимый... Только ему я могу доверить свои горести и печали. Свои успехи и промахи... Он всё понимает, и, конечно же, всё прощает. Мне с ним очень хорошо... В любую погоду: днём и ночью. Уютно и комфортно...

Я берегу его. Сдуваю с него пылинки и прислушиваюсь к его дыханию. Смотрюсь в него как в зеркало. Он отвечает мне взаимностью. Бережёт мои воспоминания, мои улыбки и мои слёзы.

Но иногда он делит меня с другими. Ах, эта мужская сущность... Что поделать, я его понимаю. Терплю. Но очень переживаю... Грущу, смотрю на часы, и с нетерпением жду свидания.

Разлуки сближают нас ещё больше. Нашим ночам можно только позавидовать. Он с готовностью отвечает на мои трепетные прикосновения. Мы сливаемся в одно целое и отключаемся от всего мира.

Родные и близкие его недолюбливают. Ревнуют. Косятся в его сторону, и за глаза обзывают Станком. Ведь только из-за него убегает молоко, пригорают котлеты, и не пришиваются вовремя пуговицы. А он и не обижается. Он любит меня...

Мы просто созданы друг для друга... Я, и мой Компьютер...



Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

(Омск)

СТИХИ

Диптих о вязальном крючке

1

Вроде бы пустячок –
старый вязальный крючок.
Вот он – железный, кованый,
нитью отполированный,
в прошлом тысячелетии!
Гордо блестят трудовые отметины,
будто бы ордена у деда...
Солнечный день. Победа.

И зацепило... Как петлю крючком
тянет из прошлого – дачный дом
наш, подмосковный.

Направо – дубрава.
Дом... Дедушки Бронислава?
Прадедов дом!

Ивана и Лиды.
Памятью предки в единое слиты...

Сливы цветущие дом обнимают,
зыбкое облако напоминают.

Облако бьётся в окно чердака,
как же чердак невысок!
Прадеду встать в полный рост – никак, –
крыша наискосок.

А мне хорошо, мне шесть или пять,
можно подпрыгивать, танцевать.

Шесть или семь... интересно мне
шмелей пересчитывать на ковре:
ужасно мохнатых шмелей шерстяных,

в сумерках – точно живых.

А можно через чердачный лаз
вниз головой висеть.
Рябит половик полосато для глаз:
... шесть полосочек... семь...

Долго висеть не хватает сил,
руки, ноги дрожат.
Что там: яблоко, апельсин?
Клубочки
 в корзине лежат!

Вяжет прабабушка Лида,
только её не видно.

2

Надо же, а –
руки соскучились по ремеслу!
Петля за петлём, за петлёю петля,
кружится, кружится, тает
клубок шерстяной.
Петля за петлей, за петлею петля
Мышка-норушка растёт.
Рядом –
Пингвин, Медвежонок, Дельфин...
Ящерица – хороша!
Хвост загибает кольцом,
превращается в Хамелеона.
Какую зверушку
выведет бодрый крючок
и сама я не знаю в начале!

Долог мартовский день...

Капля за каплей,
ручей за ручьем,
скудеет
рыхлая пряжа зимы.
Кружит и кружит у ног моих белый клубок.

Семнадцатилетняя дочь,
убегая гулять, говорит:
«Пинетки вязать тренируешься, мама?»

Смеется!
Ей-то прекрасно известно (порода одна)
капля за каплей,
ручей за ручьем,
скоро вскроются горные реки...

Мама завяжет с вязанием.
Мама махнет на Алтай.
Мама возьмёт весло
и оттолкнётся от берега...

Мышка-норушка, прощай!

* * *

Наслаждаюсь прохладой. Спала жара.
А вчера над рекою вилась мошкара.
У костра – белый хлеб и сухое вино.
Я друзьям краткостишьё читала одно...

И на ивовом спиле – на нашем столе –
Левитанского томик, надломленный хлеб,
со стихами раскрыта тетрадка, а вдоль
стрелки лука ядрёного, крупная соль...
Всё сплелось воедино, как в песне слова...
А жара постепенно сдавала права,
дождь, сперва незаметный в дыму костерка,
начал издалека...

Я стихи от дождя под рубахой спасла,
так, у сердца, до дома несла...

* * *

Запетляла по лесам речка Тара –
потаённое бобровое место...
Всё, о чем в ночи брэнчала гитара,
листопадом засыпает отвесным.

Мы пойдём с тобой по просеке тонкой,
друг за другом, а хотелось бы – рядом,
Налегке, с одною только двустволкой.
не стреляй зверушек, друг мой, не надо!

Посмотри – бобры для новой плотины
точно талию сточили березе
до живой ещё, сырой сердцевины,
и горчит осенний воздух, занозен...

Заблудиться бы в краю этом топком,
там, где кочки, будто головы леших,
да измучившись нащупать бы на тропку,
выйти... Ах! Меня ты за руку держишь.

Вот о чём в квартире тесной тоскую,
собираю лунных бликов осколки...
Ну, зачем же ты меня, городскую,
научил

стрелять
из двустволки?!

* * *

В одни объятья дважды не войти?
Нахлынь опять волнующим потоком,
поговори со мною на глубоком
речном наречье, плеске в забытии...

Пуškai шершавит илистая взвесь,
чешуйки рыбы, колющийся кремний,
соль и слюда... Слой размывая древний
дай мне поверить – море было здесь!

Не бойся затянуть меня до дна!
Войдя в поток, я примирилась с риском...
А вынырну я в море силурийском,
лишь одному Создателю видна.

* * *

Дровосека железного сон
глубже
просеки, ищущей край тайги.
Дровосек, летая во сне, обнаруживает, –
руки натруженные
легки.

А летит он туда, где леса желторотые
ничего не знают о топоре.
Он и сам оставил топор за воротами
и забыл, как холодно в декабре.

Дровосека знобит... Через трещины панциря
пробирается ветер – антимагнит,
по частям разрывая, деталями клада...
За железкой железка, сверкая, летит.

Дровосек рассыпается весь... вот и нет его!
Над тайгой до самых звёзд – ничего...
И тогда в темноте проступает рассветное
солнце – алое сердце его.



Георгий БОРОДЯНСКИЙ

(Омск)

ПОРАЖЕНИЕ*

Рассказ

Обречённость греет висок.

Последний ход.

Все.

Взлетает. От полного бессилия человек взлетает. Поднимаясь паром, как бы выходит из себя. Летит. Долго ли ему лететь?

Взлетает душа, поднимается паром над шахматным гулом.

Встает в невесомости, отодвигаемым стулом гремя, пробирается к выходу между двумя рядами изогнутых спин из огромного зала, где все его давит – скорее остаться один на один со своей обреченностью, черной дырой – в гардероб.

Номерок. Гардеробщица интеллигентного вида, еще молодая.

– Ну как твои, Костя, дела? – неожиданно спрашивает.

– Да-а..., – вздыхает он, улыбаясь. – Проиграл. Измученный, жалкий вид.

– Ничего, – говорит она. – С кем не бывает. В другой раз выиграешь. – Он кивает.

– До свиданья, – по лестнице вниз, отпихивая плечом стеклянную дверь.

Весна – вздыхает он обречённо, глядя в серый жидкий снег, идёт, не зная, как теперь и куда... Всё – к черту! «Мастер спорта» улетел. Упала его звезда, заветная, – на шахматную доску, домашнеобходимую, где лак ободран по краям...

Замедлив шаг, он оттянул от подбородка шарф, чтобы дышать, и, вытянув и скомкав, впихнул в полиэтиленовый мешок. И глубоко вздохнул. И первый шок прошёл, как будто нету и осколков разбившейся звезды... Такой, как все.

Такой, как все? Я, тонкий и ранимый, измучившийся тайной бытия, которая во мне невыразимо гудит и стонет, – Я? – такой, как все, идущие, смеющиеся, мимо, счастливые в простых заботах дня – о колбасе, о крупах и о трубах, которые давно пора менять, стоят в потёртых куртках и тулупах на остановке. Рядом с ними я, такой, как все...

И неба голый холод, где простывает след его звезды. И

* См. очерк И.Егорова о М.П.Малиновском «Душевность и такт» в разделе «Публикации»

воскресенье в сумерки уходит по рельсам. Все исчислены ходы.

И завтра – в школу. Зябнут на зубах в одном тяжёлом вздохе — «Завтра – в школу» – и химия, и физика, и страх, что вызовут, и сучьев голых, поникших, и пятиэтажек – тихонь – в мурашках сумерек сухой паек судьбы его.

И что он скажет сейчас? Откроет мама. «Как дела?» «Да-а... Проиграл». И будет в доме траур... Такой, как все, и не имеет права быть не таким...

Идёт, уставясь вниз, на серый жидкий снег, под лязг трамвая безмозглый. Прозой жизни, продувая, пронизывает.

И внезапно

МЫСЛЬ

приходит

в голову.

Спасение. Смерть, Воскресение. ТУДА, где ждут его. Земные пути – одним ударом. Навсегда.

Поднимается воздушным шаром душа и ТАМ воздастся ей за всё, что здесь претерпевала.

Смелее, мальчик мой, смелей!

Лежит, уткнувшись в одеяло, в поту, закрыв глаза: «До завтра», когда шагнёт он за черту Земного, Теплового, Родного... Как страшно, Господи... Азарта хватило б до утра. Иного нет выхода. Невмоготу...

Утро.

Надо вставать.

Идти в кладовку за верёвкой.

Отступать некуда. На часах – второй урок начался.

Хватит! – сомнений, борений – Хватит! – резко с кровати встаёт, обувает тапочки. Идёт в кладовку.

Мамин халат – с краю. Пояс вытягивает. Дух замирает. Всерьёз он или играет с самим собой?

Нет, нет, нет! – отступать некуда.

В ванной гвоздь. Одну ногу – на край, цепляясь рукой за раму окна. Другую... Не удерживает равновесия.

Может быть, табуретку подставить? Нет, так удобнее.

Одну ногу – на край, другую – на другой край. Та-ак. Г.

Ну, с богом... А сердце бьётся. Верёвку – на гвоздь, узел стягивает. Теперь – голову между концами верёвки, и стянуть посильней. Ещё сильнее. Ак-х – чуть не вырвало... Господи... Немного ослабить и – узел. Держись сильнее за раму. Вторую ногу – на скользкий край.

Ну, смотри ТУДА, смотри!

Ак-х – нога соскользнула. Сердце оборвалось. Не вдохнуть и не выдохнуть. Ужас. Враньё! – ничего ТАМ нет. Ма-ма! Отпусти моё горло, Небытие!

Отпустило... Верёвка сорвалась. Или гвоздь...

О-ох, Господи...

Смеётся, смеётся, вернувшийся на землю, и плачет. Хорошо ему. И все беды отлетели.

На третий урок он ещё успеет...

Апрель, апрель – выдыхает свободно. Губы поджав, поднимается над собой. Летит.

Долго ли ему лететь?



Маргарита ЕФИМОВА-ДАШКЕВИЧ

(Омск)

МИНИАТЮРЫ

Снег в городе

В конце февраля город утонул в снегу. Снег начался вечером в субботу, шел сутки, в ночь с воскресенья на понедельник падал до позднего утра, и в одиннадцатом часу казалось, что город исчез.

Боже, что творилось! Старые деревянные дома в городе, казалось сравнились с землей, новые здания липкий снег побелил, сделал как бы призрачными. Деревья походили на снежных баб, закутанных в пуховые шали, в белом небе повисли толстые белые канаты-трамвайные и троллейбусные провода. Транспорт передвигался с трудом, машины буксовали, никто не ждал такого снегопада, и снег расчищать не успевали.

А снег падал и падал на город. Он не пощадил и красивые здания, высокие и длинные. Под пушистым снегом исчезли вычурные лепные украшения на зданиях. Мокрый мягкий снег залепил все окна, и дома, казалось ослепли.

Интересно, многие дома под снегом согнулись, сникли, а другие как бы выросли, возвысились, хотя и без того были громадными многоэтажками.

Снег продолжал идти, и сугробы возле домов частного сектора растолстели, а троллейбусные и трамвайные провода обвисли совсем.

Зима, зима...От снега все мягкое: дома с белыми седыми бровями над окнами, на солнце розовый дым из труб, где-то вдали крик мальчишек с салазками. словно белым одеялом выстланы небо и земля.

Города не было, не существовало, утопил его февральский снег, который пахнул отчего-то весной, клубникой, свежестью и еще чем-то незнакомым, но удивительным и волнующим, счастливым, радостным, переполненным призрачным светом снегопада, предчувствием еще большего счастья.

Радость повисла в воздухе, хотелось беспричинно весело смеяться, громко говорить или петь, орать во все горло, не стесняясь прохожих. Думалось: «Может это и есть счастье!» Счастье вдруг почувствовать себя мальчишкой, озорным и беспечным, как в далеком

детстве. Или девицей-красавицей-румянец во всю щеку, в меховой шубке, в пёстрых рукавичках и пройтись по синей снеговой целине так, чтоб остались следы от каждого твоего шага. На всю жизнь выйти, встать под косматой от снега колдуньей-берёзкой, глотнуть крепкого воздуха и зарумяниться от мороза...

Есть, есть что-то такое впереди – ждёт, скоро...

А через три дня, когда снег осел и прикатался под колёсами городского транспорта – пришли морозы.

И снова весна...

Утихли последние февральские снегопады.

Мартовское солнце щедро бросило на снег синие и лиловые тени, напоило воздух ароматом свежести, сосновой хвои.

Все вокруг наполнилось светом. Гомоном птиц наполнился лес. Звонок и голосист месяц март. А апрель наряжен. С первыми тёплыми днями набухнут почки на всех деревьях и кустарниках, а в конце апреля зацветут осина и ива. Вскоре раскроются жёлтые, солнечные одуванчики и цветки мать-и-мачехи. И этот ситцевый, простенький наряд ранней весны так нежен и трогателен.

Но пройдёт совсем немного времени – и увидите, что однажды майским утром весна обернется цветущей красавицей. Это недалеко на пригорке жадно рванулась к солнечному свету и теплу черёмуха. Каждая, ещё вчера дремавшая её тугая почка проклюнулась ровным зелёным цветком, и вся черёмуха ожила, будто глаза распахнула навстречу весне.

А под ней прозрачной паутиной зеленеет – не кустик даже, а лишь тонкая веточка. Весь лес в безмолвном быстром движении. В синее небо, ввысь, тянутся сосны своими мощными, живыми стволами. Их золотистые стволы впитывают солнечный свет, тёплый и яркий, и, отражая, усиливают его. А от свечения белоствольных берёз даже рябит в глазах.

Сколько ярусов в весеннем лесу! Запутываясь в тонком кружевном плетении кустарника, взгляд скользит по теплым стволам деревьев, поднимаясь к высоким кронам.

К вечеру лучи солнца, падая, так высвечивают средний лесной ярус, что ветки кустарников, отражая свет, становятся невесомыми, даже невидимыми. От этого ещё не раскрывшиеся почки кажутся каплями, которые светятся, неподвижно застыв в солнечном воздухе. Множество светящихся капель, словно остановившийся дождь.

А за околицей омской деревни, в призрачном весеннем дне цветёт берёза. Для неё этот день цветения – день радости, и свою радость и красоту она сообщает, дарит нам, людям.

Так же, как и от человека – счастливого и красивого – передаются другим эти доброта и светлые чувства.

Вот и старые лиственницы высоко поднялись над остальными вершинами деревьев. Смотришь, вроде и старое уже дерево, а как зацветёт весной, запах сильный и нежный. Тем и хороша весна, что всех заставляет цвести – любое дерево, в любом возрасте.

Здесь, в лесу, наслаждаясь красотой, можно увидеть множество милых подробностей весны. Ну, а если выйдешь в поле – неба много, оно огромное, просторное, быстрое, небесный купол чист и прозрачен, и золотое свечение исходит от вершины.

Неожиданно в кустах, в овраге, запел соловей. Звонкая трель вознеслась ввысь. И небо над головой стало ещё выше.

Эта весна, каждый раз новая, такая осязаемая, тревожная и нежная, и каждый раз весной ты точно впервые видишь и чувствуешь всей душой красоту природы, трогательный момент её начала, и в тебе самом просыпается радость откровения и благодарность за таинство сопричастности к рождению новой жизни.

17.10.2011 г.



Наталья КРОФТС

(Сидней, Австралия)

МОЯ ОДИССЕЯ

* * *

*Кого боги хотят погубить,
того они лишают разума.
Софокл*

Боги неразумных поражают...
...В телефон я глупости шепчу.
Ум твердит: «Оставь его. Нельзя».
Сердце властно требует: «Хочу».

Через стык континентальных плит
Я за сотни вёрст к тебе лечу.
Сквозь «нельзя», которое болит,
К одному желанному «хочу».

И сомкнувшись так, что не разнять,
Не унять и не остановить,
Не понять запретов, не принять —
Пьём одно кипучее «любить».

...Но уводит прочь моя стезя
От тебя. Ты куришь. Я молчу.
Глотку жмёт суровое «нельзя»
Веру потерявшему «хочу».

Всё. Рука пуста. Реванш не взят.
По закону чести я плачу:
Падаю на остриё «нельзя»
С выси недоступного «хочу».

Тебя — как бабочку на гвоздь —
Пронзит насквозь,
Что наши жизни были врозь.
И будут врозь.

Итак, опять: глаза в глаза.

(Вводи иглу!)
Мы оба за... Мы оба за...
Начнём игру.

Арабеска

*«Ты – моя» сказать лишь могут руки,
Что срывали чёрную чадру.*

С. Есенин

На беду, на беду – не иначе –
Завилась, как змеёныш, стезя...
Я лицо под покровами прячу –
Мне любить чужеземцев нельзя.

Твой скакун набирается силы,
Скарб уложен, рубахи чисты...
Мой единственный, суженый, милый,
Я узнала тебя. Это – Ты.

По стезе, по дорожным камням
Я иду меж утёсов и скал.
Вопреки всем небесным знаменьям
Ты меня в темноте отыскал.

Вопреки всем небесным устоям
Ты чадру отведёшь от лица...
Мы заплатим – слезами и стоном –
За любовь. За начало конца.

На беду, на беду – не иначе...
Ты уходишь. Приходит беда.
Под чадрую я черною плачу.
Я теряю тебя. Навсегда.

* * *

Я не хочу тебя терять.
И находить.
Нас – поминутно – усмирять
И резать нить.

Но мы сидим – и мир затих –

Глаза в глаза.
Ну, что, кто против – из двоих?
Мы оба – за.

За ярость, за угар, за круг –
Порочный – встреч.
За жажду губ – коснуться рук,
Лица и плеч.

За дар – на лезвии побыть,
У острия.
За то, чтоб слиться – и забыть,
Где ты, где я.

За дрожь, как в ломке наркоман –
От пустоты.
Мы – за обман. Самообман.
За бред мечты.

И за похмелье из – позволь! –
Вины, стыда.
За сожаления. За боль.
За миг, когда

* * *

Ввязалась я в престранную игру –
Не знаю, где всерьёз, а где играю.
И кажется – не позвонишь – умру.
Но вот живу себе. Не умираю.

Осколки

Разбиваются – опять – на куски
Все мечты, что я держала в руке.
Барабанит горечь грубо в виски
И болтает – на чужом языке.

Поднимаю я осколки с земли –
Может, склею – зажимаю в кулак.
И мечты теперь – в дорожной пыли...
И не там я – и не с тем – и не так...

И, как вишенка, на рваных краях –
На кусочках – тёмно-красным блестит
Капля крови – от мечты острия,
От осколка, что сжимаю в горсти.

* * *

Тоска, тяжка твоя рука.
И кажется – живёшь века,
Когда глядишь, как облака
Стекают каплями с виска.

* * *

Вот я уйду. Вот двери отскрипят.
Вот кошка отпоёт по мне молитву
И замолчит. И тенью на калитку
Тихонько ляжет мой последний взгляд.

* * *

Ты оставил рубаху. Наверно, чтоб было теплей
Мне в морозную ночь
(Этот город прохожих не греет).
Ты налей мне. Да нет –
Просто чаю покрепче налей.
И рассвет
Мне неловко крадётся в зрачки –
И алеет.
Повезёт? Повезёт.
До меня дотянуться легко.
Присылаешь в подарок пакет –
По мобильным частотам.
Далеко? Да плевать. И пускай далеко-далеко...
...и со злостью рассвет бьёт палящим мячом по воротам.

«Ностальгическое» или «О генах»

Знать – судьба. Не уйти. Губы с дрожью прошепчут: «Осанна!»
Но темнеет лицо. И беда понесётся вразнос.
Волокут. Кровь – на белом снегу. Крики ужаса. Бой барабанный.
«Нам бы крови да слёз, молодцы, нам бы крови да слёз!»

Видно, это в крови. Видно, кровь нам – небесная манна.
Что-то тихо? Вставай! Сочинить ли со скуки донос?
Кто наврал, что у нас благодать, мол, нужна, и желанна?
Нам бы крови да слёз, молодцы, нам бы крови да слёз!

И уютно живя у лазурных дверей океана
В жилах чую метель, да пургу, да ядрёный мороз.
Бунты. Кровь. Топоры. Да на рельсы опустится Анна.
«Нам бы крови да слёз, – я шепчу. – Нам бы крови да слёз».

* * *

Иногда очень нужно спокойное слово.
Без прикрас и намёков, истерик и вздохов.
Разговор – как спасенье. В любую эпоху.
Впрочем, это, наверно, ужасно не ново.

И опять сигарета засветится точкой.
Будет водка в стакане – иль кружке из стали.
И опять ухожу я в гранёные строчки.
Что-то сердце сдавило. Но это – детали.

Моя Одиссея

Рассеян по миру, по морю рассеян
Мой путанный призрачный след.
И длится, и длится моя Одиссея
Уж многое множество лет.

Ну что, Одиссей, поплывём на Итаку –
На север, на запад, на юг?
Нам, в общем, с тобою не в новость – не так ли? –
За кругом наматывать круг...

И знать наперёд, что по волнам рассеян
Наш жизненный путанный путь...
Слукавил поэт – и домой Одиссея
Уже никогда не вернуть.

Dance me... To the end of love (L. Cohen)

Слышишь?
Ты – всё, что осталось...
От наших безумств и ошибок, от нашей любви...
В крови – и твоей, и моей затаилась усталость,
И жалость
Порой норовит моё горло сдавить,
Когда я взгляну на тебя, твой измученный вид.
Согбенную, тонкую...
Но.
Позови. Позови
На танго меня – эта страсть нас с тобою охватит,
Закружит-завертит в мерцании радужных пятен –
Часов и минут... уходящих. Последних.
Но времени хватит
На танго.
Последнее.
Жгучее
Танго любви.

Ахейские затихли голоса

А мы всё те же по своей основе,
И снова под луною – nihil novi:
Аптека. Ночь – и света полоса.

И будет спотыкаться почтальон –
Способствуя обману и обмену,
И снова уведут твою Елену.
Не за моря – в другой микрорайон.

Всё так же веселит Мадам Клико,
А ось трясут периоды исходов.
Меняются модели пароходов,
А до Итаки так же далеко.

И так же мы бредём по пустырям,
Ослепшие – до одури – Гомеры,
Всё те же ритмы, рифмы и размеры
Гоняя по неведомым морям...
Всё так же мы бредём по пустырям.



Андрей ДЁМИН

(Омск)

О ПОСЛЕДНЕМ ПОЭТЕ

Неоконченная сказка

Молодым гениям, в назидание

Это печальная сказка. Что случилось – то случилось, но она ещё не закончилась, не может она так закончиться. Расскажу, что знаю, а дальше... Дальше остаётся только верить в добро и надеяться на чудо. Итак, слушайте.

В давние времена в одной стране жили три поэта, – но необыкновенных поэта, потому что страна эта, Кемей, была необычной сказочной страной. Люди, живущие там, любили свободу и никому по воле своей не покорялись. Признавали они над собой только три закона – родной природы, влюблённого сердца и бескрайних небес. А открывались им эти законы через слово поэтов, которых и почитали за царей.

Первый, по имени Оз, воспевал природу и без устали напоминал людям об их земной родине. Внимая голосам рек, степей, деревьев, зверей и птиц, он и людей учил слушать и понимать эти голоса.

Од – так звали второго поэта – своими стихами выражал возвышенную страсть любви, достоинство и благородство чести, бескорыстную искренность дружбы. Его словами люди открывались в своих чувствах, восхищались красотой женщины, приносили клятвы верности.

Третий поэт, Ом, учил людей молитвам. Слушая его, они заботились о своей душе, готовили её к спасению, верили в её бессмертие. Благодаря Ому они вдумчивее читали знаки судьбы, благоговейнее вглядывались в звёздное небо и бесстрашнее вслушивались в, шуршащую неведомым, ночь.

Но поэты – поэтами, а без царя никак нельзя: вот и во всех соседних странах на тронах восседали настоящие цари. Как наставляли чужеземные мудрецы, народ без царя – что знамя без древка, что парус без мачты. Призадумайся тут...

Но поскольку никто в Кемее не хотел быть царём – это ж самая зависимая должность: перед последней кухаркой и то отчитывайся, – то наняли в официальные цари из заречья славного воина со своею дружиной: хоть прок какой-никакой – защита от корысти иноземной.

И ладно – кто-то бы царствовал, соблюдая гласный договор; другие бы правили, почитая древние традиции, – и все жили бы в мире и в согласии. Но власть – своенравная и коварная дама: будет кто по своему усмотрению ею распоряжаться, – ей нужно, чтобы её добивались. Вот и стала она вводить людей в соблазн вседозволенности, искушать своей доступностью.

Заволновались соседние цари да заморские короли, – затаили обиду на вольную страну. Неужто у них армии слабее, мудрецы глупее и их величия меньше, чем у какого-то проходимца, которому и власть-то просто за так в руки свалилась.

И начали они между собой воевать, чтобы самим глупой страной поуправлять. Но сесть на трон – мало, надо ещё удержаться на нём: другие ведь не дремлют, волками вокруг рыщут – слабину ищут, власти алчут. Ох, и беспокойное это занятие – власть воевать! И изловчились хитрее действовать.

Пусть корону таскает кому хочется: не у того власть кто на троне да в короне, а у кого дудка, под которую тот пляшет. И все сделались миролюбивые-миролюбивые – самые что ни на есть миротворцы. А интриги стали тайно плести: у кого влияние на царя и его свиту больше – у того, получается, и власть. И не надо на армию свою расходовать, на пособия вдовам тратить: пусть народ против самозванцев своих сам и воюет – за хорошего царя, за народного. А мы-то уж им подберём – и доброго, и народного-разнородного.

И пошли по стране смуты да бунты, перевороты да революции – никак не остановиться: кого не возьми – всё вор, жадный и ненасытный.

Поэты, как и прежде, писали стихи, пели свои песни. Их слушали, восторгались благозвучностью и изысканностью слога, но уже не верили образам, которым эта красота была только достойным облачением; говорили, что жизнь, о которой те поют, – выдуманная жизнь, сказки; реальная жизнь – вот, что надо описывать стихами утешными, да песнями потешными. И за царей их уже не почитали.

Те же, кто управлял страной, никогда не забывал, кто такие поэты от начала времён, – величественные, возвышенные стихи напоминали им об этом, звучали укором их самозванству. Но вынуждены были терпеть поэтов. Если в народе неискоренима память веры – пусть это будет вера в другие миры и в призрачность земного существования, советовали царям их мудрецы. Пусть песни поэтов будут сном о золотом, блаженном счастье, отдушиной в суровой жизни, правда которой в твоих руках, о справедливейший! Пусть слушают, что хотят и кого хотят, лишь бы послушались того, кто действительно управляет этой страной, о величайший! А забудется кто – что-что, а мозги вправлять умельцы найдутся!

Так бы всё и продолжалось, но поэты – вдруг, в один день – вспомнили о своём высшем призвании.

Будто тревога разлилась в воздухе, на страну словно надвигалось что-то ужасное – и поэты первыми почувствовали что это.

Они уже не пели своих прекрасных песен, – теперь их стихи звучали скорбью и страшными пророчествами. Они предупреждали о какой-то неведомой силе, которая не просто могущественнее других, но – само исчадие ада. И придёт не за властью – ибо любая земная власть и так её, – она придёт за душой, за тем отсветом небесного огня, который таится в её глубинах. Она придёт по нашу душу, чтобы погубить её. А вместо света радости она даст людям тьму жажды неутолимой.

Словно обезумевшие, поэты кричали на площадях и улицах, – они кричали о беде, если народ не одумается и не вернётся к вере отцов. Но Отец небесный не забыл о них, он плачет о них, и раскаявшиеся в своём заблуждении будут прощены, ибо милосерден.

Люди со страхом вслушивались в их слова, и, может, они и прозрели бы в своих падших душах, но последующие события погрузили страну в беспросветный мрак.

Сначала они, одного за другим, потеряли своих поэтов.

Неожиданно умер Оз, от странной болезни. Впрочем, от той же болезни в это же время умерло ещё несколько сотен человек. Но ничего странного в смерти поэта не увидели – загадкой была сама болезнь, с эпидемией которой бились лучшие профессора. Но напасть, так неожиданно наставшая, вдруг отступила.

Вторым страна лишилась Ода. Как повсеместно сообщалось, Од тайно сбежал в заморские страны, предав свой народ. Но его можно понять: он уехал за сладкой жизнью, до которой всегда был падок.

Ома же просто убили. Когда он выходил из своего дома, кто-то выстрелил в него. Гибель объяснили разборками с конкурентами. Якобы Ом влез в крутые дела, а там – кто кого: либо ты их, либо они тебя. Ом не успел, они успели. Кто они? О, это очень крутые ребята, да покарают их небеса, а нашим дознавателям они не по зубам.

Отчаяние охватило страну. Неужели поэты были правы, и пришло время отвечать за все свои прегрешения?

Но придворные мудрецы успокоили народ, поведав о более страшной беде. Конечно, пророчества поэтов небезосновательны, но – неточны. Не то чтобы они хотели ввести кого-то в заблуждение – просто язык их очень туманен, не умеют поэты выражаться определённо. К тому же, случившееся открыло, что не такие уж они были и святоши, – если кто ещё прислушивается к бредням о каком-то там извечном призвании поэтов. Это такие же люди с их человеческими слабостями, как и те, кого они призывали к архаичному покаянию, свойственному лишь какому-нибудь примитивному народу, ещё не вступившему на путь истинной, раскрепощающей человека демократии.

На самом же деле близится конец света. О нём говорилось и в древних письменах, о нём же предупреждали и искуснейшие астрологи, и провидцы, включая самого Ностравангуса.

Единственная религия, которую надлежит исповедовать в эти последние времена, – это религия жизни. От жизни надо брать всё. Жизнь любит тех, кто умеет получать от неё удовольствие. Нет более человека – человек обречён. Пришло время сверхчеловеков, – тех, кто способен к самому изысканному наслаждению. Отныне властвует тот, кто более других изощрён в наслаждениях. Жизнь принадлежит каждому по рождению, и каждый волен распоряжаться ею по своим склонностям и предпочтениям. Воля – это сама жизнь... Только помните, кто вернул вам право жизни. За это он не возьмёт себе почти ничего – так, пустяк, право смерти. Вы же боитесь смерти? Теперь вы её не будете бояться, вы её и не почувствуете. Кто более прочих будет ему предан, тому и благ земных полагается больше, и власти – у князя мира власти на всех хватит.

...И страна погрузилась в пучину разврата и разграбления, ибо, как оказалось, нет наслаждения более сладостного, чем наслаждение разрушением – святынь, сознания, плоти...

Так продолжалось несколько лет. Конец света чего-то не наступал, но страна подходила к своему концу определённо. Разрушено было всё, что могло быть разрушено, – всё было разворовано, осквернено и поругано. Сверхчеловеки превратились в озверевших существ, они собирались в банды и убивали друг друга. Правители бросили страну и жили в заморских странах, время от времени занимаясь побором; но скоро страна оскудела до такой степени, что взять с неё было уже нечего. Завоевывать же территорию никто не хотел: теперь она считалась прокажённым местом, заслуживающим лишь презрения. Ещё пару лет – и от неё остался бы только прах забвения на голых руинах.

И вот однажды, ни с того ни с сего, среди людей пошла молва о появлении в стране поэта, совсем ещё юного. Старики, слыша такую новость, печально качали головами: возможно ли явиться этой, Богом забытой стране, – стране, где царит срам и мерзость запустения, вестнику небес. Теперь, когда ужас, о котором пророчествовали поэты, был въяве открыт взорам обезумевшей скорби, уже никто не сомневался в том, что их слова были вещими. Им не поверили – за что и расплачиваемся. Поэтому и слух о новом поэте восприняли как чью-то горькую насмешку: праведники навсегда позабыли дорогу в проклятую небесами Кемею.

Удивительно, но это действительно был поэт. И многие, отчаявшиеся, уставшие от этой жизни и ищущие только смерти, потянулись к его словам как глотку живительной влаги.

Он, как некогда Оз, пел об утерянной красоте природы; о том, что мир прекрасен тогда, когда человек живёт с ним единой душой,

укрощая свою алчную плоть. Он учил людей суровой, но истинно сладчайшей аскезе.

Подобно Оду он воспевал чистую, нежную любовь, долг и честь, призывал жертвовать собой ради ближнего, тем спасая свою душу, – и люди, обретая потерянное чувство достоинства, прозревали своё падение и стремились к совершенствованию сердца.

Но главное, как некогда Ом, он обладал даром действенной молитвы, и постепенно его слово, воссоздавая исподволь, казалось бы, уже утерянную душу народа, вернула и город, и всю страну к честной и мирной жизни. Помня же об уроке, преподнесённом недавним прошлым, он не просто заново выстроил город, но обнёс его мощной стеной – дабы никакой враг отныне не смог войти в него. А поддерживали её крепость и неуязвимость непрекращающаяся молитва и труд праведный раскаявшихся подвижников.

Цари да короли наблюдали за переменами в Кемее со снисходительным любопытством. Неужели это паршивое стадо ещё на что-то способно? – посмеивались они между собой. К тому же, со страной надо было что-то делать: с неё нечего уже было взять, а заниматься реформами да перестройками – себе же в убыток: раз нечего перестраивать – то ни навара тебе, ни отката... Впору бомбу на них сбросить нейтронную или – что проще да и выгодней – отравить их ядами, ведь смерть их в наших руках: народ они доверчивый, пусть покупают снесь, добавками вкусными травленную, а потом – лекарства, которые те же яды – только в другой упаковке. После останется заселить освободившуюся территорию неприхотливым да расторопным народцем.

Страна же тем временем потихоньку – зёрнышко к зёрнышку, словечко за словечком – и ожила. На полях вновь заколосились хлеба, ухоженные стада бродили по полям, окультуренные сады щедро плодоносили, в городе расцветали ремёсла; умельцы, хвалясь своим искусством, старались перещеголять друг друга в своём мастерстве. Люди снова радовались жизни, воспевая чудо любви и вознося хвалу Всевышнему.

Заволновались тут бывшие правители, забеспокоились: разве не им принадлежит трон, разве не их власть – по закону, которым кроме них никто не смеет распоряжаться: соблюдать или не соблюдать, отменять или не отменять.

И послали они в Кемею мытарей – налоги с процентами взыскать, дань недобранную с пенёй собрать. Да напомнить народу, кто их хозяин, – пусть ждут, готовятся – скоро скиталец бедный, врагами гонимый вернётся к своему бесконечно родимому народу.

Но пустыми вернулись гонцы. Не то что бы ни с чем – дали каждому по баночке варенья полынного да по бочонку моренья крапивного, ещё и по связке баранок каждому на шею повесили.

Обошлись, надо признать, не как с государевыми посланцами, а как с шоуменами какими-то затрапезными.

А на словах передали: не заработали, дескать. Здесь, мол, в Кемее любители халяву поборничать исправляют порок свой в рудниках да на копях. Призвали вас, ваше величайшее величество, к покаянию, епитимью на вас наложили: определили вас на сорок лет в ученики к одной весьма искусной вышивальщице на пяльцах. Должно, говорят, сорок лет хватить для образумления.

Посланцам, понятное дело, тут же языки вырвали, ещё и фотографии с этой жутью в разных «Твиттерах» выложили: чтоб знали хлопы, что гавкать.

Ох уж вознегодовали, возгневились цари да короли за дерзость такую непозволительную, за своеволие такое опаснейшее – собрали войско большое и двинули его на страну строптивую.

Но стоило им только войти в земли Кемеи – тут и начались чудеса несусветные. Встали на пути их не леса – чащи да буреломы непролазные, рассекли дороги не рвы – расщелины непроходимые. Ещё пожары, степи горящие – и справа, и слева. А то вдруг небеса нальются чернотой, припадут к земле – и ну тебе громы-молнии метать, потопом заливать: не потоки – моря бурливые. Как на такой земле воевать – непонятно...

Так и не дошло войско до города. Обессиленное, вернулось оно восвояси ни с чем.

...Что только не измышляли советники – никак не могли подступиться, все уловки оказывались напрасны – ничего не получалось. И оставили Кемею в покое – до поры, до времени. А когда придёт пора, да придёт ли вообще – никому то не ведано...

Впрочем, поначалу боялись, что в их государствах народ соблазнится жизнью своевольного соседа, и не напрасно.

Но Ол как-то негуманно обошёлся с желающими перебраться в Кемею, – так негуманно, что даже правители не стали наказывать своих обиженных Олом граждан.

Ол отделался от желающих иной жизни каким-то бессмысленным советом: молитесь да поститесь – и избавитесь от бесов, которые вас душат. А нам ваших бесов не надо: своих ещё пасём, никак до конца не выпасем. А свобода ваша – в вашем сердце; только запечатано сердце ваше печатью неверия. Но печать эту можно снять, только взойдя путём покаяния к свету истины...

Очень уж непонятными показались людям слова Ола, никто ничего не понял. Хорошо хоть свои мудрецы растолковали смысл сказанного: охмурить собирался Ол запутавшихся людей, хотел из них безвольных болванчиков, рабов своих сделать, – вона как, нехорошо...

И потекли дни и месяцы сказочного жития-бытия...

Но вот однажды Олу передали, что на рассвете возле главных ворот Города была обнаружена неизвестная девушка, чужестранка. Её нашли почти бездыханной от переутомления и голода. Ол удивился: здесь уже и позабыли, что такое голод, да и как она добралась – так, что никто не подал ей ни ломтя хлеба, не налил ни чашки молока, не пустил отдохнуть на ночлег. Да кто она, откуда? И Ол немедленно отправился посмотреть на незнакомку.

Только он взглянул на девушку – и острая жалость пронзила его сердце, такой она показалась измождённой: её бледная, нежная кожа просвечивала тонкими, едва пульсирующими венками, прерывистое дыхание еле слышалось. Но как она очаровательна! Густые, волнистые волосы – необычайной красоты: ведь все кемейки светловолосые, а у неё – чернее чёрной ночи. А глаза, ах! – зелёные, мерцающие прозрачным изумрудом, манящие в пьянящую глубину, в самый омут неизведанного наслаждения...

Когда силы стали к ней возвращаться, Таа (так она назвалась) рассказала, что с ней приключилось.

Пришла она из страны на западе; родом из деревеньки, расположенной неподалёку от реки, за которой начиналась Кемей; занималась тем, что собирала целебные травы и корни и продавала их аптекарям в городе, помогая своей семье – больной матери и младшим братьям. Отца у неё не было: два года назад он пропал, не вернулся с рыбалки; его лодку, пустую, без сетей, прибило к косе вниз по течению. Говорили разное, но согласились с тем, что он, по всей вероятности, запутался в сетях. Если и звал на помощь, то его вряд ли кто мог услышать, так как по своему обыкновению рыбачил он далеко от деревни.

Понимать травы, уметь их находить и собирать в нужное время она научилась у местной знахарки, – та, когда Таа была ещё маленькой девочкой, привадила её к себе, видимо, рассчитывая со временем передать ей секреты своего искусства. Но не успела, потому как внезапно умерла от разрыва сердца.

Но главное, что успела знахарка, – привить девочке убеждение в том, что Кемей не фантазия безумцев, слушать которых вредно и небезопасно, – а действительно существующая страна – там, на востоке, за широкой рекой, за дремучим лесом на том берегу, – ведь неспроста все тропки-дорожки туда тщательно стерегутся. Да, были времена, чума царила в той стране – иначе не скажешь, какие это были страшные времена. Но они канули в лету, и сейчас это изумительный, цветущий край, где живут красивые, добрые, счастливые люди.

После смерти знахарки, Таа – хотя знахарка и просила её таить опасную правду о Кемее, – стала то здесь, то там расхваливать загадочную страну на востоке. Но она не могла даже и предположить, что восхваление призрачной Кемеи является самым страшным

государственным преступлением. Она не слышала, чтобы кого-то за это судили. Глупых таких уже не находилось. Или, в самом деле, уже никто не верил в Кемею.

Её схватили и бросили в темницу. А всем объявили, что она и есть та самая террористка, которую никак не удавалось поймать, такая она ловкая и хитрая; и все самые страшные преступления последних лет, совершённые в её стране, – дело её рук. Кемею, эту сказку для доверчивых дурачков, она вытащила из чердачного хлама для того, чтобы опорочить своего царя, миролюбивейшего и гуманнейшего, с отеческой бескорыстностью денно и нощно пекущегося о благоденствии своего народа.

Но оказалось, что у неё есть какие-то неизвестные друзья, которые помогли ей бежать и добраться до Кемеи.

Почему же, когда она очутилась в Кемее, не обратилась за помощью? – Она боялась преследователей, её гнал страх; и вот только сейчас, видя перед собой Ола, видя людей, которые её окружают, она может быть спокойной за свою жизнь.

Выслушав бедную девушку, Ол проникся к ней ещё большим состраданием. Поручил её лучшему лекарю и пообещал, что обязательно навестит её в ближайшее время.

Но уже через день он снова был у неё. Увидев её отдохнувшей и оправившейся от выпавших ей испытаний, Ол обрадовался и спросил, что он может для неё сделать. Она поблагодарила его за чуткость и внимание к ней, простой девушке; ничего не нужно, всё так замечательно, – единственное, что ей хочется: чтобы он показал ей свой удивительный город. Ол охотно согласился.

С того дня их стали часто видеть вместе, гуляющих по городу и по его окрестностям. К тому же лекарь обратил внимание Ола на то, что прогулки приносят Таа желаемый лечебный эффект, – и вскоре она полностью выздоровела и стала ещё прекраснее и восхитительней. Поэт со сладостным волнением поглядывал на неё, и от его взора не могло ускользнуть, что иногда на её светлое лицо облачком набегала печальная задумчивость, и она становилась отрешённой и далёкой от окружающего её мира, от Ола.

– Милая Таа, откройся мне, отчего ты так грустна? Верно, ты тоскуешь по своей родине?

– Тоскую? О, нет!.. Воспоминания приносят мне боль... Как я хочу поскорее позабыть о том, что мне пришлось пережить... Мой дом здесь, потому что здесь я в безопасности, здесь я счастлива. – Таа замолчала, и знакомая тень снова легла на её лицо. – Но как я могу быть счастливой, зная, что там остались мои братья. Может, их уже нет в живых, или они терпят суровые лишения? Из-за меня... Эта мысль мучает меня, постоянно мучает. Счастлива, да, – но это тяжёлое счастье...

– Как мне понятна твоя скорбь, милая Таа! Но чем мы им можем помочь?

– Мы могли бы их спасти.

– Как мы их спасём, если сами они не хотят спастись?

– Как – сами? Стоит им только решиться на побег, их сразу же убьют.

– Ах, Таа, Таа, мы говорим о разном! Ты думаешь: вот, кемейцы – счастливый народ, оттого что Кемей – такая прекрасная страна. О нет же, нет, наоборот: не благополучная страна и не добрые цари дают людям счастье, а сами люди, – люди, влюблённые в жизнь, – это их радостью расцветает мир вокруг.

– А моя свобода? Она мне только кажется, хотя я избежала казни? Я – жива, здесь – в чудесной Кемее, – и не свободна? А, может, я не свободна в каком-то другом смысле, мой властелин? – лукаво улыбнулась Таа.

Сердце Ола сладостно забилося, но он только удручённо покачал головой:

– Ах, милая Таа, у нас один Властелин, мы все Его непослушные дети... А свобода... Да, ты избежала казни, но тебе удалось лишь отсрочить свою смерть. Как может быть свободным смертное тело, с его постоянной зависимостью от естественных потребностей, подверженное недугам и страданиям, обречённое на увядание и старческую немощь? Человек становится свободным, когда его тёмная душа преображается небесным светом – светом Истины. Но Истина не открывается без молитвенного усердия, без подвига веры... Главное, чтобы кто-то начал – первый, второй...

– Странно... – монолог Ола смутил Таа, и она о чём-то задумалась. – Но как далеко от жизни то, что ты предлагаешь!..

– Далеко? Оглянись вокруг! – рассмеялся ей в ответ Ол.

– Да, конечно, – с нескрываемым восхищением выдохнула она. – Вот если бы мои братья смогли всё это увидеть, если бы они пожили этой жизнью... Пусть увидят, помоги им, а потом... потом они сами решат, что им делать.

Ол согласился: влюблённое сердце беспечно к опасным словам. Уступка – уже поражение... Поражение? Какое там поражение, когда жизнь идёт своим чередом, небо безоблачно, Таа снова счастлива и больше не о чём не печалится?

Этот разговор не закончился, он продолжился. Но теперь она произнесла не опасные слова – роковые.

...Они стояли на смотровой площадке сторожевой башни – самой высокой башни на западной окраине города – и любовались закатом. Позади них раскинулся город, поблескивающий куполами храмов, синею черепицею крыш, зеленеющий кронами скверов и парков. Лучи заходящего солнца сквозили вдоль поверхности земли, обволакивая всё розоватой дымкой, – и в этом золотистом облачении

перед ними простиралась Кемея – её луга, поля и пастбища, дубравы и берёзовые колки, сверкающие чистотой озёрки.

– Братья благодарны за оказанную им милость, мой повелитель. Я тоже тебе благодарна... – Таа осторожно коснулась запястья Ола, нежно улыбнулась. – Попробуй нашего вина.

Достала из корзинки, которую она в эту прогулку взяла с собой, бутылку причудливой формы; вином – густым, тёмным, мерцающим янтарём, – наполнила бокал.

– Это вино моей страны, её букет – его букет. Здесь – горечь её печальных трав, терпкость её скорбных вод, здесь и негa её любви, и томление её надежд... Выпей, и ты узнаешь её...

Ол взял протянутый ему бокал, медленно, стараясь не пропустить ни малейшего ощущения, осушил его до дна.

– Да, очень вкусное вино... Но какой странный, горький букет.

– Это горечь моей страны... Но главное – послевкусие. Посмотри туда, – она кивнула в сторону скрывающегося за линию горизонта солнца. – Может, ты увидишь её: тебе ведь так много дано...

Действительно, послевкусие оказалось необыкновенным. Ни горечи, ни сладости –дохнуло свежестью, словно глотнул воздуха невообразимых вершин, благоухающих неведомыми травами. Вязкая истома покалывающей негой разлилась по его телу, но мысли, наоборот, прояснились, стали глубже, взор острее...

– Что, что ты чувствуешь? Видишь что-нибудь? – тихо спросила Таа.

– Только Кемею... Но как далеко я её вижу! Будто безграничный мир – всё Кемея. Неужели когда-нибудь все народы придут к Истине, – к Истине, для которой не существует границ?.. Конечно, иначе и быть не может!

– Да, свет Кемеи будет сиять во всём мире. Кемея принесёт народам свободу, – а ты, Ол, будешь властвовать над миром. Кто, если не ты? Сколько тысячелетий многострадальное человечество чаяло твоего прихода, о богоравный Ол!..

– Я человек, – нахмурился Ол, – просто человек, исполняющий своё предназначение в этом мире, – так же, как служит своему предназначению пекарь, выпекающий булки, как сапожник, тачающий обувь, или священник, творящий требу... Каждый из нас делает своё дело, потому что талант, данный ему, – от Бога. Не мы боги, а совершенство, достоинство наших дел – от Бога, от нашего Ему послушания... Неужели за то время, что ты в Кемее, ты не поняла этой простейшей истины, основе основ нашей жизни?

– Да-да, я всё прекрасно понимаю. Но разве то, что я говорю, противоречит этому? Ведь очевидно, что рождённый сапожником – будет сапожником, а рождённый на царство – царём. Представь, что было бы, если все стали сапожниками, или – царями? Гармония в том

и заключается, что для любого дела в мире находится кто-нибудь, кто сделает его лучше других. Сапожников много – кто-то лучше, кто-то хуже... В мире существует отбор, вызванный нуждой, – естественный отбор. Предназначение раскрывается благодаря труду. И провидение о мире – в разделении предназначений.

Но есть такое, которое нельзя с кем-либо разделить, быть лучше или хуже других. Без него другие призвания бессмысленны, без него и жизнь бессмысленна... Это призвание – выражать в слове волю Бога, его мысль, – быть поэтом. И Богверяет ему право нести Своё слово в мир. Поэт – избранный, гений, он – святой при жизни... Быть поэтом – значит, быть Словом Божиим, и в своём слове поэт не просто равен Богу, а он – Сам Бог, Его земное воплощение...

...О, как это похоже на правду! Это самое страшное искушение, перед которым невозможно устоять поэту.

Но уступка – уже поражение, уступка – сомнение в вере.

Если первый разговор только взрыхлил душу, то теперь её слова упали на подготовленную почву. Он выпил яд её слов, как перед этим выпил отравленное вино.

О дальнейших событиях тяжело рассказывать.

С того вечернего разговора началось падение Кемеи. Хотя, кто скажет, что падение? Могущество Кемеи стало возрастать с необыкновенной стремительностью, у неё появилась своя армия – самая организованная и боеспособная армия в мире. Её солдаты, фанатично преданные своим командирам, со словами «С нами Бог!» завоёвывали всё новые и новые страны, неся миру добро и справедливость, неся миру свет с Востока...

Ол больше не читал своих стихов – их восклицали глашатаи на площадях, декламировали чтецы в театрах, заучивали ученики в школах.

Если раньше он писал о вере и любви, то теперь в стихах превозносились его непогрешимая святость, его гениальность, его светоносная избранность.

Страной правила царица Таа со своими братьями-сподвижниками. Поговаривали, что каждый день они приносили Олу списки тех, кто высказывал сомнения в его избранности, в его гениальности. И людей из тех списков казнили как врагов народа и веры. Потом Таа уже не досаждала Ола такой повседневной заботой – его именем она решала любую проблему сама.

Одно время Ола ещё встречали на улицах города. Обезумевший, с бутылкой вина, он, распростёршись ниц в пыли, со слезами на глазах, хватал испуганных, недоумённых прохожих за штанины, за полы одежды, просил за что-то прощение – или же, потрясая неизменной бутылкой, извергал гневные проклятия в адрес неверных, сулил им скорый суд небес. Потом он исчез. По слухам, что он ушёл в

глухой скит, для того чтобы суровым молитвенным послушанием служить дальнейшему процветанию Кемеи.

Дальше не хочу говорить. Всё же, я не думаю, что сказка на этом, так и закончилась. Но каким будет её продолжение? Да и будет ли оно? Не знаю...



Александр АЛЕКСАНДРОВ

(с. Усть-Заостровка Омского р-на. Омской обл.)

ЧИСТЫЙ СВЕТ ЭТОЙ ЖИЗНИ...

Бабье лето

Малиновые косы сентябрьских осин.
Праздничную осень ты в душе носи!
Застланы тропинки мягкой листвой,
Жёлтые картинки навсегда с тобой.

Осеннею порою в пёстрых огоньках
Я гулял с тобою во грибных лесах.
Серебрилась ярко паутины нить.
Это бабье лето нам не сохранить.

Благодать исходит к вечной новизне;
Времечко проходит быстро, как во сне.
Не признал заветным полуночный сон,
Не найти ответа мне в лесу большом.

Уроню тебе я голову на грудь,
Словно оробею, ты не обессудь,
Что имею слабость я в свои года
Быть сентиментальным в жизни иногда.

Листиком осины птичка пролетит.
Тоненькая ива тихо шелестит.
Нам с тобою шепчет добрые слова,
Чтоб забылась легче жадная молва.

Что ещё со мною осень сотворит?
Дождиком умое, ветром охладит.
Разметёт по лесу дивную красу,
Расплетёт повеса яркую косу.

Солнышко ласкает. Дивные деньки!
Прелесть-то какая, беды далеки.
Коль живём и любим с радостью своей,
Слышите, вы, люди!? Будьте веселей!

В тайге

Лес разбудила мудрая кедровка,
Упала шишка из её когтей.
Скакнула белка с юркою сноровкой,
Осыпав снег свисающих ветвей.
Тропой таёжной пяди огибает
С колючих елей жуткой темноты,
Лыжня меня упрямо настигает
В краю таёжной трепетной мечты.
Зимы, февраль, владыка повсеместный
Снегов ковры добротнo постелил.
И в диких чашах, где деревьям тесно.
Причудливых диковин смастерил.
Луч Солнца заблестел с верхушек
Высоких елей розовым огнём.
И тишина сильнее грома пушек
На уши давит необычным днём.
Как долго не был я в местах таёжных.
Мотали проторённые пути.
Хотя, пожалуй, в городах не сложно,
В тайге труднее верный путь найти.
Но благо: светлая и ясная погода.
И дух лесной вздымает выше грудь.
Грибов здесь будет тьма спустя полгода.
И комарья, что и не продохнуть.
Вот выхожу на гиблое болото.
Разрою снег, на кочке клюквы горсть.
Была б охота, будет и охота,
В тайге я не хозяин, только гость.

Жив бродячей судьбой

Вновь приходит пора, на поля выезжать.
Дорогая моя, перестань ревновать.
Мне маршруты мои отнимают покой.
Ветры дальних дорог уведут за собой.

Геодезия! – брат. Топография! – друг.
И природа сама благосклонна вокруг.
Пусть рюкзак за спиной, нивелир на плече.
Жив бродячей судьбой, несравнимой ни с чем.

Где пикет, там отсчёт, точен теодолит.
Треугольной канвой мир незримо покрыт.
Камеральных работ накопилось – не счесть.
По Полярной звезде верный азимут есть.

Наши дни не легки, вспомнить будет о чём.
И костёр у реки, рядом друга плечо.
А вернусь я домой, встретит лаской она.
Кто бродяга такой, знает только жена!



Игорь КОСИЦЫН

(Омск)

ДОРОГАЯ РЕЙЧЕЛ*

Рассказ

Пусто было в зале – всего несколько человек, разбросанных по щербатым, уходящим вверх рядам. Третий звонок еле слышно отозвался. Погасили свет.

Тьма.

Неожиданный ветерок налетел, загорелся экран.

Все тот же великолепный, незабываемый город.

И кафе называется «Chercher la femme», а может и не кафе это вовсе. Зеркала кругом, зеркала – лица туманные, складчатые затылки, обнаженные до плеча изящные женские руки. Сигареты дымятся. Официанты проворные мелькают: – Что прикажете? – Извольте! – Слушаю вас?

Достойно, очень достойно, но – изгиб, ох уж этот изгиб!

В чаду, в суете, во множестве людей – молодая женщина, незаметная никому, под аркой. Время от времени поднимает чёрные свои рассеянные глаза, смотрит неопределенно. Рядом с нею, охраняя, основательно расположился красавец восточный, скажем так: юго-восточный, с бородкой аккуратной. Орехи грецкие о столешницу раскалывает. И – музыка, рваная, непривычная, хриплым голосом сопровождаемая музыка.

В глубине прокуренного зала – Харт, перед ним остывший кофе, раскрытый блокнот, карандаш. Нехотя черкает что-то в этом блокноте.

Поначалу ни он, ни женщина эта с короткой, слегка завитой стрижкой и озябшими голыми плечами симпатии никакой не вызывали. Даже наоборот. Чужие и далёкие, – что ещё можно сказать. Одно только и проговоришь приглушенно: «Господи, как давно всё это было, и – не со мной. Не со мной».

И вот, в окружении зеркал многочисленных, нервно, тревожно продолжается фильм. И трудно понять: кто эта женщина? Зачем? Причём здесь художник?

* См. очерк И.Егорова о М.П.Малиновском «Душевность и такт» в разделе «Публикации»

Музыка, дымка, туман.

Она принимала ванну. Мокрые блестящие волосы, хлопья пены на груди и предплечьях, почему-то грустная, и вдруг – появляется этот длинноногий задумчивый Харт.

– Здравствуй, Рейчел.

Ей и одеваться не понадобилось.

Стриженная борода не перенёс обиды, сложил крест-накрест свои красивые смуглые руки и – его можно понять – сиганул с парашюта в воду. И утонул. Был там ещё один самоубийца, но мнимый, мсье Птица. Тот вообще повесился. И вспоминать о нём не стоит.

Однажды вечером этот самый мсье и Харт прогуливались по некоему бульвару, естественно, подшофе, а навстречу – совершенно голые – волосатый с ног до головы господин и две дамочки с ним, под ручку.

– Да уж, – хрипло пробормотал кто-то за спиной и с восхищением добавил: – Стервецы!

Идут себе, каблучками постукивают, ленты отличительные через плечо. Песенки французские распевают и в колокольчик позвякивают. Но никто, однако, внимания на них не обращает, никому-то они со своими голыми задницами не интересны. И пускай – «стервецы», но – тайны нет, волшебства!

А Рейчел – видели бы вы её! Сердце начинает щемить от чего-то несбывшегося, воспоминания душат. И к концу, как это обычно и бывает, влюбляешься в этих далёких, но до чего же близких тебе людей, в их свободу, молодость, жизнь.

– Харт... Что же ты, Харт... Что же ты?

И вздрогнет железный состав, сердце ему вослед заторопится и – до свиданья, до свиданья. Увидимся ли ещё когда-нибудь?

Увидимся?

Стоило только выйти на улицу.

В висках стучат ещё колеса, краски ещё не поблекли – яркие, иноземные, в прозрачном солнечном воздухе, – и оказываешься вдруг в сумерках невнятных, серых, дождик нудный течёт по лицу. Проходит возбуждение, немеют кончики пальцев.

– О-хо-хо!

Вдыхающая толпа, поскальзываясь и чертыхаясь, медленно движется к остановке, к рейсам нерегулярным. Разбрызгивая грязь, с занесённым на середину дороги мигающим задом, тормозит неожиданный автобус. В зеркальце – скалится молодой водитель. Весело ему. Локтями, боками, животом: – Милые, милые... Да что же это вы, сволочи! – осатаневшая публика втискивается, вгрызается вовнутрь и я, счастливчик, вместе с нею. Упёрся головой в «схему движения» – только бы не выпасть! – и сразу же в уши, в мозг, в

печёнку:

– Освободи! Ты-ы... Я сказал – освободи!.. Он сказал!

Наконец-то поехали.

Не могу прийти в себя. Как же так? И пяти минут не прошло — где бульвары? Где монмартры? Где монпарнасы? Где все это? Но потихоньку успокаиваешься, возвращаешься в обыкновенное свое состояние.

Как же так...

В мутно освещенном салоне возвращаемся мы домой. Плечо к плечу. Смотрим в мокрые извилистые стёкла, дремлем, на поворотах поскрипываем.

– Должен вам сказать, Владимир Федорович, – задышали вдруг в шею, обращаясь к кому-то невидимому, – должен вам сказать...

– Да уж, – знакомо ответили за спиной, – да уж...

– Вот и я говорю – Париж!

– По бульварам, в чем мать родила, и хоть бы хны!

– Но ведь и я, – громким таинственным шепотом, – и у меня...

Пикантейшая ситуация...

– Колокольчики! Дёрнуть бы их, за это самое, спели бы они у меня!

– Право, я не знаю...

– Это же надо, в ванной!.. Стервецы!

Хочется посмотреть Владимиру Федоровичу в голубые его глаза и сказать два слова, всего-то, но, к сожалению, не развернуться.

– Площадь И-ича! Приготовиться!..

– Стервецы!

– Но послушайте! Женщина одна, хорошая такая... Всё звонит и звонит. В трубку дышит.

– Следующая...

За спиной заинтересованно подёргались и упёрлись острым и неприятным локтем между моими лопатками.

– Хорошая такая?

– Вы же знаете, сколько я от них натерпелся... Опыт.

– А квартира? Объёмы?

– Есть, всё есть, и объёмы тоже. Кое-чего, правда, нет. Но зато образованна, интеллигентна, маньеристов наизусть читает.

– Что такое?

– Маньеристов. Но... как бы это выразиться... – Шёпот становится тише, задушевнее.

– Ты уж, брат, выражайся.

– Октябрьская!

– Дело в том, что Юлия... что она... недвижима. Какой поворот!

– То есть как это – недвижима?

– Немножко.

Проклятый локоть куда-то проваливается.

– Юлия... Она, что называется, прикована к постели. Но руки, её руки...

– Что-о?!

– Ещё работают. Фантастические, надо признаться, руки, волшебные. И головка, все-таки, приподнимается.

– Головка?

– Представьте себе, эдак на взлёте... Маньеристы опять же – Быков, Степанцов.

Плакать ли, смеяться – не знаю, ничего я не знаю. Полный автобус вздергивается.

– «И-ирские огни»! На выход, доходяги, на выход. Ка-ба-ак...

Позаботился ласковый, расстарался. Засуетились, подхватили, вынесли.

Всё ещё моросил дождь.

Разбредались в разные стороны – по третьим сменам, по кабакам, по квартирам своим вожделенным, жарким постелям, чтобы утречком, ровно в шесть: – Пи-пи-и! Неруши-имый!..

Стоишь в тупом оцепенении у приёмника взбесившегося, руки по швам, мысли – чёрт их знает где, палец озябший из дырявой тапочки выглядывает.

Рассольчику бы!

– И-ых Мо-о-огучий!..

О хлебе ещё споют, который всему голова. И сынку голова, и тому голова, и этому. Чудо-то какое!

– Мо-о-огучий! Золоты-и-и слова-а! Голова-а-а!.. Дуреешь уже окончательно.

Но всё это – завтра, завтра, а сегодня ещё живём, ещё мечтаем. Всё это завтра.

Моросил дождь.

Человек уверенно шлёпал по лужам, ему было весело, радостно, пьяно, и он, не разбирая дороги, уверенно шлёпал по свежим мартовским лужам.

На проплывающем мимо дереве, освещённые полуночными фонарями, сидели две кошки и одна из них была при этом котом. И орали же они, как же они орали! Вот так: – Мя-а-а-о!..

Эт-то что-то такое!

– Харт, дружище, ты ли это?

– Мя-а-о!

– Рейчел, дорогая, как же так?

– Мя-а-о!

– Что это вы, сдурели? Я могу ещё понять, когда плитка

кафельная, горячая вода, занавески прозрачные, но чтобы так, на ветках? – Он с сомнением поцокал языком. – Не знаю, не знаю. Не приходилось, не удостоился.

Ударился обо что-то.

– Скамеечка... Вы не думайте, и у меня была когда-то девушка, замечательная такая девушка. И глаза, между прочим, такие же, зелёные. Короткая стрижка. Запах пьянящий. Сумерки. Из кафе возвращались... Эллингтона помню, дружка его, Хокинса... Официанты, черти, обслуживать ещё не хотели, но я им серьёзно так возразил: что это вы, говорю, ребята? Да-с... Возвращались мы, возвращались, а после... Или мне показалось?

– Мя-а-о! — летело над городом. – Мя-а-о!

– Да замолчите же вы! Зачем? – Неловко расстелил пиджак. – Умру я когда-нибудь. Хотя бы завтра. Дождётесь светлого часа! Оркестр заиграет – «парам-парам!» – родственнички соберутся, друзья коварные, наяды, товарищи по работе, и я – на смертном одре. И вся жизнь моя, никому-то ненужная, перед взором – летит себе, летит. И вспомню я тогда...

– Мя-а-о!..

– Господи, и когда же они заткнутся-то? Господи... Дерзкие животные на него даже и не взглянули.

Дремал на скамеечке, печалился о чём-то во сне. Через некоторое время и машина необходимая притормозила. Подняли его, погрузили.

– Что это? – забеспокоился. – Зачем?

– Так надо.

– И кокарда сияла во лбу... Мы уже едем?

– А то как же.

– В Париж?

– Именно что в Париж. Заждались там тебя, все спрашивают: где он, да как он... И славно же у нас, в Париже!

И славно же... Скамеечку бы ещё прихватить, мемориальную.

Не стоит. Да и есть там скамеечки, не хуже этой.

– Врёшь. А вот эт-то ты врёшь!

Крякнуло что-то над головой, стукнуло, засверкало.

– Ну?

– Молния. Гром и молния. Понимаю, это для профилактики, чтобы помнил.

– Ну?

– А ни черта я не помню, ни черта. Милые вы мои... Сволочи.

И снова – гром и молния.

Фургон заелозил на повороте. Ударило о невидимую железную стенку, еще раз. И перед самым уже небытием, в бездну какую-то

проваливаясь, улыбнулся он и блаженно так пробормотал:

– Вспомнил, вспомнил... Рейчел, дорогая, я возвращаюсь.
Возвращаюсь... Тьма...



Наталья ЛАЙДИНЕН

(Москва)

ИМЕНАМ НЕ СТЕРЕТЬСЯ...

* * *

С тобой в разлуке третий год,
В душе зима, на стёклах иней,
Планета, сделав оборот,
Летит в безжизненной пустыне.

В камине тлеют угольки,
Ты знаешь, здесь так много снега!
И медленней стучат виски:
Кровь тоже устаёт от бега.

Я вся прозрачна, как слюда,
Сомненья разлетелись в вальсе.
Изольда – просто изо льда,
Застыла музыкой февральской.

Бела несмятая постель,
Всё реже вспоминаю имя.
Вдруг тёплой вестью – сквозь
метель! –
Уже весна в Иерусалиме!

* * *

Именам не стереться.
Даже в чёрной пустыне –
Пламенеет свеча.
У меня через сердце
Льются слёзы Хатыни
И чужие младенцы
В моём чреве кричат...

Обгоревшие кости

Жаждут поминовенья!
Их мольба – леденит.
Горький дым Холокоста –
Всем набат от забвенья:
Это очень непросто –
Оставаться людьми!



Евгения ГАГАРИНА

(Омск)

НИЖНЕОМСКИЕ БЫЛИНКИ

Гога

В Соловецке живёт мой дядя Толя. Он удивительный человек. Летом 2005 года была у него и его жены Лиды в гостях. Утром выхожу во двор, Толя разговаривает.

– С кем? – спрашиваю.

– Да вот, – показывает на крышу сарая. – Гога прилетел; ждёт, когда я приглашу его с семейством откусать с уточками, да пусть едят, не жалко, картошки всем хватит.

Грач Гога два раза в день прилетает на разведку. Как только уточкам выкладывают корм в деревянную колоду, Гога, поговорив с Толей и получив его разрешение, призывает свою немалую семью. И, уже вернувшись дружной стайкой, они от души наедаются, а потом улетают по своим делам часов до шестнадцати (следующего кормления).

Так и живут в мире любви и понимания: Толя, уточки, Гоги...

Бойся, колорадский: утята идут...

Несколько лет назад с Соловецком установлена сотовая связь. Мы часто перезваниваемся с Толей и Лидой.

Летом 2008 года раздался звонок у меня в городской квартире. Звонил Толя. Справлялся о моей жизни. Слышу звуки: кря–кря–кря...

– Толя, с тобой уточки?

– Да, я в огороде. Охочусь с утятами на колорадского жука. Представляешь, увязались за мной. Ну пусть, думаю, идут. А они давай клевать и жуков, и личинок. Помощники!

Дорогие сельские жители, кто из Вас превратил утят в своих помощников на картофельном огороде? Да против злейшего врага, колорадского?

А вот мой дядя Толя сумел.

Что скажешь?

Молодец!

Не только попугаи

В Антоновке (где родилась и выросла, где нашли свой последний покой бабушка и дедушка, мама и папа) шла навестить дорогих моему сердцу Анну Васильевну (ныне и ей «царствие небесное») и дядю Сашу.

Подхожу к дому у озера; останавливаюсь, вертя головой во все стороны, чтобы найти причину своего ошеломления: откуда-то раздалась странная русская речь (отдельные слова, так говорят попугаи), затем – пение скворца, следом – стрекотание сороки...

На самом деле на крыше сарая давала концерт обыкновенная ... ворона.

Забота матери

В Смирновке, будучи в гостях у сестры Галины, выхожу в огород. Прямо перед моим лицом (смелая!), над головой, вниз к яблоньке и вновь ко мне, и вновь в сторону – завела свой настойчивый разговор красавица-ласточка.

Оглядываюсь, поднимаю глаза: на проводах, что тянутся от крыши веранды, – четыре прекрасных птенчика ласточки. Милая мамочка вывела их учиться летать, а тут я помешала. Она и заволновалась.

Поговорила я с ней, успокоила, сказала, как чудесны ее ласточата.

Она села рядом с детьми. И так пятеро они тихонечко посидели; договорились и начали летать: вверх, вниз, вновь на провода – на отдых.

Удивительные, милые ласточки.

Так же поступают и мамочки–перепелки, отвлекая внимание на себя, когда встретишься с ними на нижеомских полях.

Добра вам, птичьи мамочки земли русской!

Шурка

В Смирновке же, летом 2008 года.

Пошла знакомиться с Шуркой, десятимесячным собачонком; пушистым, светленьким, весёлым. Побаиваюсь его активности. Даю ему покусать, чтобы привыкал. Боюсь погладить или взять лапки в руки из-за его беготни и задорного лая.

А Шурка дружит с Борей, телёночком, который живёт рядом, в загончике, и также обласкан детьми, Кириллом и Настей.

Подхожу к Боре, он тянет ко мне голову, глажу ему шейку, он ухитряется лизнуть мне руку. Приняли друг друга.

Шурка смотрит; внимательно, с завистью. Возвращаюсь к нему. Вновь, активно реагирует, и я не решаюсь его погладить.

Повторяю маневр с Борей: показываю Шурке, как получает порцию ласки его друг.

Оборачиваюсь. Шурка смиренно склонил голову на передние лапки: иди, мол, не бойся, трусиха. Погладила его: Шурочка, Шурочка, какой же ты умненький.

Так и подружились. Потом и обе лапки давал подержать.

Моё знакомство с Шуркой состоялось, когда его уже привязали на цепь. А до начала лета (с осени и всю зиму и весну) он жил свободной жизнью во дворе: дружил с Борей, курами и котом Королевичем.

Шурка всюду сопровождал Кирилла и Настю, зимой гонял с ними по сугробам и играл в их детские игры.

Но для деревенской собаки свобода быстро заканчивается. Вырос – трудись, охраняй двор.

Хочешь ласки – смиренно подставь голову. Будь умненьким.

Слово Господне

В Смирновке летом 2007 года сестра моя Галина очень расстраивалась по поводу помидорчиков. Столько труда вложили они с Витей, выращивая рассаду, сажая пораньше в тепличку; открывая и закрывая её, проветривая, чтобы не сжечь нежные растения весенним солнцем; поливая и рыхля. При высадке помидоров в начале лета в лунки, уже на постоянное место роста, Галя обнаружила к тому же, что Витя перепутал сорта, распределяя рассаду из теплицы по участкам в огородчике...

К моему приезду рассада хорошо закрепилась, набирая цвет. Мне, Водолею по знаку Зодиака, оставалось любимое дело – поливать.

Видя, как Галя очень расстраивается, что помидорчики не успеют дать хороший урожай, я прибегла к Слову Господню. Поливая помидоры, обращалась к Господу: благослови, Господи, вырасти этим помидорчикам, дать хороший урожай и порадовать сердце сестры моей Галины, великой труженицы. И осеняла Крестом Господним политые помидорчики. Они хорошо цвели и зарождали плоды.

Осенью сестра и зять привезли мне в подарок многие дары их огорода и целый мешок помидоров. Их семья собрала 65 (!!!) ведер. Хватило всем: детям, внукам, родным и семье свежих до Нового года, и на всю зиму заготовок.

Вот что значит Слово Господне.

Храни, Господи, малую Родину мою – нижеомскую землю; и людей её, мужественно переживающих трудные времена, добропорядочных, талантливых, трудолюбивых.

Ещё одна подсказка

В переходный период, от XX к XXI веку и от II к III тысячелетию многое стало открываться людям. Наступила эпоха сотворчества – Бог и человек. Что ранее скрывалось Высшими Силами (к примеру, при фотографировании необычных явлений – плёнка засвечивалась), теперь, наоборот, становится открытым (к примеру, в часовне Иоанна Крестителя фотографировали службу и при печати фотографий над иконой «Главы Иоанна Крестителя» проявилась, невидимая прихожанам, склонившаяся Глава Иисуса Христа; или стало возможным записать пение ангелов...).

Информации о новой энергетике нового времени очень много: и переводные книги зарубежных авторов, и наших отечественных, и откровенные телевизионные передачи...

Уже несколько лет назад появилась информация о том, что погода подвластна человеку. А как же иначе? В сердце каждого человека есть частичка Бога, значит, и человек может все... В 2006 году, в Смирновке было засушливое лето. В округе дожди, картошечка растёт, а здесь – просто страдание. Я уж пыталась начать поливать, но авария водопровода совпала с началом моего полива и (деревня, всё же, есть деревня), оказывается, что мой зять «всю воду на свой огород вылил». Специалисты ещё есть на селе, аварию ликвидировали; но Витя не разрешил мне полить картошечку, дабы не было пересудов.

Что делать? Вспомнила уже давнюю информацию о погоде и начала с нею работать; мыслью, конечно...

Просила дождичка, да получше, на огород сестры. На третий день пошёл дождь. Виктор возвращается с работы и говорит (они ничего не знали о моих опытах):

– Как странно дождь идёт: как будто на наш дом – сильный, а дальше – редкий.

Спасибо Господу и погоде...

А святая крещенская вода, в ночь с 18 на 19 января (от 0 до 0-30 часов) из любого источника льющаяся (даже водопроводного крана в квартире). Учёные проводили анализы – всё точно. Теперь об этом знают многие.

И каким откровением для нас было, впервые в России показанное по телевидению, зажжение Благодатного Огня у Гроба Господня в Иерусалиме, в день Святой Пасхи – Воскрешения Господа нашего Иисуса Христа. Каждый год жду этой трансляции с

замиранием сердца. Какое счастье, что мы родились в стране Православного Христианства.

Сейчас многие просвещённые люди принимают Православное Христианство. Даже если они принадлежали другой религиозной конфессии. Я знаю известного человека, который после прочтения духовных стихов Олега Чертова перешёл из своей первоначальной веры – иудаизма – в Православное Христианство; молодая аспирантка из Санкт-Петербурга (уроженка Омска), исповедовавшая ислам по рождению, – приняла Православное Христианство... Удивительно наше время.

Люди многое стали ведать (наша азбука – Аз, Буки, Веди... – Я, Бога, Ведаю...) и принимать единственно верное решение.

Читайте, познавайте, работайте над собой; открывайте своё сердце Господу, и Он не пройдёт мимо, а изберёт Вас.

Будьте счастливы, дорогие мои земляки, люди нового времени!



Дмитрий СОСНОВ

(Омск)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОГОНЬ

* * *

В эпоху чёртовых страстей
Так не хватает нам Чертова –
Его пророческих вестей,
Записанных чистейшим словом.

Без глупых игр в постмодернизм
И авангардных чёрных ляпов.
Поэт, хранивший словом жизнь,
Перед тобой снимаю шляпу.

И с фотографии твой взгляд
Улыбкой доброю пронзающий:
Глаза как будто говорят:
«Спасибо, что не забываешь!»

И не забуду. Томик вновь
Стихов неспешно открываю.
В них – Вера, Совесть и Любовь
Надеждой снова окрыляют!

2011 г.

Владимиру Макарову

Прощание в траурном зале
С поэтом. В углу – ряд крестов.
Короткие фразы сказали,
Ведь здесь ни к чему много слов.

Лежал он по-деревенски,
Широкий в плечах. И тих...
Допев – всё же – главные песни,
О долгом земном пути.

А перед выносом гроба
Книга пошла по рукам –
Так Бог всё устроил, чтобы
До неба он шёл по стихам!

Своим, да и тем, что вскоре
Напишем ему в ответ,
На миг лишь отдавшись скорби,
Мы вспомним солнечный свет,

Что путь по земле остатний
Так щедро позолотил...
И сами чувствительней станем –
Каждый в своём пути.

2010 г.

Монолог Преподобного Сергия Радонежского

Отче Сергей, посылая в бой
Пересвета и Ослябю разом,
Недоволен был своей судьбой,
Про себя шептал такие фразы:

Был бы рад я иноков своих
За алтарь поставить. На молитву!
Ну, а сам бы в бой. Но Бог велит
Здесь руководить суровой битвой.

И провёл рукою по глазам,
Полный поднебесного смиренья...
И упала честная слеза –
Высшее безмолвное моление

Ради всех, в этой сече этой был –
И не важно – выжил ли, не выжил –
Многие остались там, увы –
Чистые в своём спасеньи вышем.

Мудрый Отче свой продолжил труд,
Но вниманья – верю я – достойны,
Несколько безмолвия минут,

Что порой выигрывают войны!

2010 г.

Ветеран Энгельс

Ветеран Отечественной с редкою фамилией
(Энгельс – вы представьте!) так хотел дожить
Вновь до Дня Победы... Видно, время мирное
Там, на фронте, грезилось в глубине души.

Он в больнице горестной с окнами в решётках
Сердцем не озлобился. Не сломался. Нет.
Голосом, порою, доходя до шёпота
Изредка просил меня о паре сигарет.

А в денёк тот мартовский, когда обед вносили мы,
Дед был крайне радостным и мне успел сказать:
«К маю, мол, на выписку!» Ах, до чего красивыми
Были в те мгновения у старика глаза.

...Но вечером, когда мы всей рабочей командой
Пили, заработанный за труды, чифир,
Были потревожены просьбою внезапной
Медсестры. И поняли, что покинул мир

Кто-нибудь ещё из тех, кому обед доставили,
И оставив кружки мёрзнуть на окне,
Быстренько подумали о грядущей старости,
Позабыв мгновенно мысли о весне.

Так и есть! Шагаем вновь лестницею грязною
Здесь, в геронтологии мы не новички –
На носилках наших уходили разные
Мирно отошедшие бабули-старички.

Только же зашли мы в «нулевую» комнату,
Я душою сразу всей похолодел –
Там на простыне лежал напротив подоконника,
День Победы ждавший, мой знакомый дед.

Что-то там про сердце санитарка тихо мне
Говорила... Только я в молитву, в молитву весь ушёл –
Горечи утраты ощущение дикое

Всё же пересилилось вновь моей душой.

И уже с носилками на лестнице парадной
(По такому случаю врублен был весь свет!)
Медсестру успел спросить: А где его награды,
Их не потеряли? Она шепнула: «Нет».

Двор больничный полночью скользким был и хмурым,
Как же мы боялись всё носилки уронить!
Не взяла бойца на фронте нагло пуля-дура,
Значит, в чистоте его до морга нам хранить.

...Двери морга стукнули, во двор нас выпуская,
И курила вся команда долго с медсестрой.
А я просил Всевышнего: Открой ворота Рая,
Досрочно прибыл к вам сейчас земли моей герой!

2011 г.

Наедине с Россией

Надо мною купол неба синего,
А вокруг деревни тишина.
Вновь душа наедине с Россиєю
Вечных чувств торжественно полна.

Дай то Бог, чтоб колесо истории
Покатилось к свету и добру.
Чтоб слова поэтов что-то стоили
В потерявшем Господа, миру.

Чтобы звёзды всем влюблённым виделись
Так, как мне в сей драгоценный час.
Верю я – восстанут духа витязи,
Что пока безвестны среди нас.

Не хочу повторов потому-то я,
Лишь скажу: Живи страна моя.
Не сломить тебя кремлёвской смутою,
Если смысл святого бытия

Вспомнишь ты...И всё пойдёт спасительно,
Как давно б идти пора уже.
...Я опять наедине с Россиєю

Завершаю разговор в душе.

Пространственный огонь

Я слышу, как поёт пространственный огонь,
А это – есть Господь в доступном смертным виде.
Гордыню отогнав, я сердцем светлым горд –
Открылась мне опять Священная Обитель.

Пространственный Огонь, я в пении твоём
Грядущие слова стихов грядущих слышу.
И чувствую: грехи все до мельчайших йот
Простились мне давно всесильной Волей Высшей.

И в пении Твоём мне слышатся псалмы,
Которых хватит на полсотни Новых Библий.
Ты в песне говоришь, что нет других больных
За исключением тех, что дух в себе убили.

Пространственный Огонь, в Тебе я чую храм,
Просторный храм, а в нём конфессий всех единство.
Но нету места в нём начётчикам-жрецам
И не ведётся в нём о постованьи диспут.

Благодарю Тебя, Огонь, благодарю
За таинства мне вдруг открытые так просто.
Ты душу отогрел в годину злобных выюг,
Ответы даровав на важные вопросы.

2002 г.

Случай с нищим Сашей

Мне нищий доверил купить «кока-колу»,
Безногий. Он чувствует – не обману.
Знать, в жизни прошёл я хорошую школу,
Где было немало суровых минут,

Недобрых часов. Но зато повезло мне –
Наставников небо давало сполна.
Даёт и сегодня. Изъяны-изломы
Души исцеляла терпенья волна.

Спасибо! И вот результат их работы –
Доверье! Его невозможно купить –
Доверие – нерукотворное что-то.
Доверие – света спасения нить...

...Принёс «Кока-колу». И радостный дальше
Пошёл по обыденным срочным делам –
Удачи желает мне радостный Саша,
И всё невезенье сгорает дотла.

2010 г.

Солнечный Пушкин

*Национальная идея, это не то,
что страна думает о себе, а то,
что Бог думает о ней в Вечности.
Владимир Соловьёв*

Когда я начал статью о Пушкине
Читать. Вдруг солнце сквозь тучи глянуло
Во все свои золотые лучики,
Я понял – приветствие просто явное.
О, солнечных строк озорной властитель,
Спасибо большое за чудо такое –
Вы дерзость мою, ради Бога, простите –
Если чуть-чуть покривил строкою.

Но так и было! И не случайно
Мне «Лит.Россию» внесли в больницу,
Чтоб пушкинскими подышав речами,
Я близостью к солнцу сумел насладиться.

2011 г.



Анна СЕКЕРИНА

(Омск)

СКАЗКИ

Миниатюры

Голос в закате окна

Звучал орган. Незримые в сумраке руки нажимали регистры, клавиши, педали. И голос лился в полумраке. Косой свет пробивался сквозь узкий витраж, золотом плавясь на полу. Каждый орган уникален. Часто его собирают уже внутри храма и не переносят уже никогда.

Голос затихает. Аплодисменты. Цветы. Но все расходятся. Звукооператор и техники убирают аппаратуру. И орган остаётся один.

Где-то в студии аппаратура оживает и происходит перезапись сигнала на другой носитель. Их много потом ляжет на прилавки. И однажды, мимо витрины магазина пройдёт девушка. Она купит диск и принесёт его в тесную комнатунку своей жизни. Диск примет проигрыватель и комнату огласят звуки заката. И на какой-то момент простое оконное стекло сверкнёт витражом, пропуская сквозь себя золото солнца.

Никто не бывает одинок, пока есть кому его слышать. В этом, возможно, и есть бессмертие.

2011 г.

За закрытыми дверями

Голоса отдавались в сводах и возвращались вниз. Копоть свечей годами марала эти стены. Часто сюда приходили чужие люди. Не все молитвы были искренними. Крикливая женщина по-хозяйски продавала свечи. Кто-то крестился торопливо. Кто-то – размашисто. Здесь не любили иноверцев и бегущих детей. Солнце сухо и скупое освещало помещение. За окнами чаще шёл дождь, чем было ясно. Чуждость друг другу людей, сюда приходящих, была немногим ниже

чуждости меж ними в транспорте. Сюда не хочется приходить. Просто так.

Тонкий огонёк робко дрогнул, согревая ладонь. Слова, говоримые не по канону, лишь обозначаются на губах. Внутри тихо и пусто. И в какой-то миг начинаешь понимать, что перестаёшь замечать тени людей и слышать их голоса. Огонь бьётся на хлопковом фитиле как сердце в руке Данко. И устоявшийся, рассудочный мир, становится эфирным.

Мы сами закрываем двери своей души. Но от себя закрыться невозможно. Не живя, мы существуем. И только оставаясь наедине с собой, мы осознаём, что двери никогда не были заперты.

2011 г.

Мастер и плющ

Закат мазнул алым стену и плющ утомлённо пил прохладу наступающего вечера. Солнце садилось. Но человек не останавливался, всё продолжая свой танец со сталью. Из дня в день он брал её в свои руки и обращался с металлом как с частью себя самого. Каждый день. Иногда долго, иногда коротко. Но танец не останавливался потому, что ему было голодно, лениво, устало или больно. Искусство способно расти только тогда, когда не позволяет себе остановиться. Только привыкнув двигаться вперёд, понимаешь, как легко откатиться назад. Человек был мастером. Он не считал, что всего достиг. А потому, он не любил останавливаться на достигнутом. Ибо мастерство всегда стремится быть совершенным. И не важно, что может наступить закат раньше, чем закончится постижение чего-либо. Танец всё равно останется танцем. Даже если помнить о нём будет только плющ на старой стене.

2011 г.

Дождь...

Всю ночь шёл дождь. И листья падали, шебурша, на асфальт. Люди шли под зонтами. Проезжали машины. Шорохи грязи и опавших листьев главенствовали. Музыка из-за закрытых окон им не была соперницей.

— Тамра-тититатитамра...

Голос скрипки был внезапен. Она словно взмах ножом рассекла сумрачное бухтение подземного свода. Скрипка это не гитара и не рекламные призывы радио в переходе. Это особый звук. Её визг настолько гармоничен, что его слышно в любой толпе. Рыжая девочка скрипачка с кучерявыми вихрами самозабвенно что-то выводила смычком на инструменте, а худенький, похожий на призрака, парень ходил взад-вперёд с кепкой. Кто-то жрал гамбургер, кто-то намертво прилип к витрине киоска с какой-то очень важной ерундой. Но большинство проходило мимо. Из дождя снова в дождь.

И это была странная музыка. Дождь. Осень. Хлопанье зонтов, стряхивающих дождевые монотонные капли на истёртый мрамор старого перехода. Косо наклеенное объявление. Дергающаяся на потолке в агонии лампа дневного света. Грязь и прилипшие к ступеням листья. И та девочка играющая на скрипке в полутёмном переходе.

2011 г.

В одном человеке жила мечта

Жил в одном городе человек. Не хороший и не плохой. Практически такой же, как и все. Но он каждый день ждал с нетерпением ночи. Если погода позволяла, он гулял, а если по каким-то причинам не получалось, – зажигал свечу и смотрел в окно. Его бытие и его мечта почти не соприкасались. Он делал то, что делать был должен и делал это как делали многие до него. Но каждую ночь он находил время, чтобы остаться наедине с собой и своей мечтой.

Шли годы. У человека было своё бытие. И время этого бытия подходило к концу. Никто не скажет, дожил он до старости или нет. Такие, как он, доживают до преклонных лет редко. Но каждую ночь он счастливо улыбался. Он видел за спиной своей тени два крыла бабочки, которые подрагивали от метания свечи и мимолётных теней при прогулке.

В этом человеке жила Мечта. Он всего лишь хотел летать.

2011 г.

Черновик

Люди часто похожи на тени самих себя. Все движутся куда-то, торопясь и мелькая. Но бывает миг, когда вынырываешь из толпы и оказываешься на ярком послеполуденном свету давно привычной

улицы, которая вдруг коварно прищуривается своими окнами. И ты стоишь обалдев от яркого света и понимаешь, что многое в твоей жизни лишь мираж, к которому ты несёшься сломя голову.

А солнце ярко. Звонят цикады. Или пусть сверчки. Тишина настолько кристальная, что мимороходящие её не перебивают, ты их даже не видишь. Цир-цир-цир-цир. А может и не цикады это, а провода над головой звонят на ветру. Ветер, незримый спутник твой, колышит твою одежду и играет с волосами. Послеполуденное солнце слепит глаза, отражаясь в многочисленных окнах улицы, а ты по-прежнему стоишь, так и замерев.

Жизнь не похожа на школьную тетрадь в косую линейку. Буквы бытия скачут в ней записями на скорую руку. Мы всю жизнь пишем черновик, так и не успевая переписать его набело. Но надо ли строчить второпях?

Может лучше замереть на мгновение и, в кои веки, написать что-то, не черкая?

Солнце смеётся выгоревшими стенами и звенящими проводами. Тень замерла у ног цветом старой школьной формы. Шуршит незримая тетрадь. И вот тень сливается со многими другими тенями. И пишет дальше.

2011 г.

Музыка для себя

Девушка в наушниках болтала ногами, ёрзая на высоком цоколе неухоженного дома. Серый с потёками бетон был иссечён граффити, как наскальными рисунками. Но вряд ли эти письмена имели сакральный смысл. Но девушке всё одно было не до них. Она мотала головой в ритм, слышимый только ей. Полусферы наушников надёжно закрывали её от окружающей действительности. Она не одна такая была. Люди шли своим путём. Они были словно за стеклом. Девочка смотрела на них и водила пальцем в воздухе, словно рисуя смешные картинки. Кто-то шарахнулся в сторону, посчитав её наркоманкой или сумашедшей. А она жила своей жизнью вне мимопроходящих. И была по-своему счастлива. Ведь счастье бывает разным. И совсем необязательно, чтобы в нём участвовал ещё кто-то.

2011 г.

Студентка

Ты торопливо бежишь по лестнице, придерживая сумочку. Полумрак поезда вполне привычен и знаком. Истёртые перила и

кошачьи метки. И проём двери внизу. У тебя своя жизнь. Книги, учебники, тетради, ноутбук, телефон. Нет ничего лишнего, но это всё существенно оттягивает твоё плечо.

Ты бодро спускаешься на пролёт ниже. Твои волосы собраны в хвост и он плещется по твоей спине. Короткая юбка и высокие каблуки делают тебя выше и примечательней. Кстати о каблуках, ты едва не наворачиваешься, попадая каблуком в щербину лестницы старого дома. Но, несмотря на этот досадный нюанс, ты всё же преодолеваешь свой путь и покидаешь подъезд.

Ты идёшь к знаниям. Без единой мысли о них.

2011 г.

Взгляд на тебя

Жизнь идёт своим волшебным чередом. Будущее сменяет прошлое. То, что казалось нелепым вчера, вдруг обретает иной смысл сегодня. Ты улыбаешься и тень от переплёта окна ложится на твоё лицо. Твоя одежда вызвала бы у старшего поколения глубокий моральный шок. Но мне нравится, как ты одеваешься. Меня немного покалывает ревность, когда на тебя оборачиваются другие, но гордость за то, что ты такая у меня есть, перевешивает моё недовольство. Я касаюсь твоего хрупкого лица. Ты совершенство. Так бывают совершенны только любимые женщины. Но твоё совершенство не кукольно. Куклой можно восхититься. Но её нельзя любить долго.

Ну вот, я опять тебя смутил своим взглядом. Но демон меня подери, я же мужчина, и я не могу смотреть на тебя иначе, чем на свою женщину.

2011 г.

Парус души

Ветер. Это жизнь. Он бывает едва заметным шорохом, а иногда, и диким торнадо. Ветер – это прикосновение. Это таинство и свобода. Ветер – это кажущаяся бесконечность жизни. Он как знамя треплет волосы и зовёт в неведомую даль. Он вечен. Он трепал волосы деда и будет трепать волосы моих внуков, если они будут. Он будет всегда, пока будет на планете атмосфера. Ветер, он бог, которому не надо молить. Он приходит тогда, когда считает нужным, не взирая на человеческие желания. Он берёт свою дань и свои жертвы. Но и помогает он так же, как и рушит. Стихия. И только свист воздуха и

его вой слышен при его приходе. Ветер вкрадчив. Лишь знающий отличит надвигающийся шторм от простого ненастья.

Ветер – спутник сильных и смелых. Тех, кто не боится повернуться к нему лицом. Не всех он гладит. Чаще бьёт. Но его удары расправляют алые паруса души, чей корабль держит свой путь и не собьётся с курса.

2011 г.



Александра ТРИГОЛОС

(Омск)

КОПИЛКА

Рассказ

Небольшую старую будку, над дверью которой висела узкая металлическая вывеска с полуоблезлой надписью «Срочный ремонт обуви», Захир открывал шесть дней в неделю. Утром, без пятнадцати десять, в его руках лязгала связка ключей. Потом отобранный ключ прокручивался в большом навесном замке, скрипела дверь, и за её ветхой плотностью начинался обычный трудовой день обувщика.

Редкий случай, когда Захир заставлял клиентов ждать себя. Он умел ими дорожить как-то по-особенному. Может в его ответственности был отпечаток родительского воспитания, или же сама жизнь заставила относиться ко всему более серьёзно.

Он был человеком не местным, приезжим. Нахлынувшая на Родину безработица, выгнала его в чужие края в поисках материального счастья. Но страна, куда он прибыл, и для которой старался стать другом, не баловала его денежными доходами. Здесь, как и везде, ценился низкооплачиваемый труд приезжающих на заработки.

То, что он получал за работу, приходилось распределять с хозяйственной аккуратностью. Большая часть заработанных денег ложилась в карман Захира для обыкновенных человеческих нужд, а вторая, меньшая, в копилку, в которой каждый месяц увеличивалась возможность его поездки на Родину.

Жил он у родственников в небольшой квартире и благодарил Бога за то, что они не брали с него за проживание и никогда не отказывали в куске хлеба.

Сегодняшний рабочий день для Захира начался как обычно. Мастер обувного дела вырезал, клеил, стучал молотком, слушал песни родных мест, которые мелодично лились из небольшого магнитофона и тихо подпевал поющим голосам. Порой, останавливая работу рук, он прикрывал глаза и под лёгкую раскачку тела особенно вытягивал мелодии звучащих песен.

Вот и сейчас, зависший в воздухе молоток раскачивался в руке Захира вместе с его телом. Запрокинув вверх голову, парень с наслаждением тянул басистым голосом знакомую мелодию. Щёлкнуло реле автостопа магнитофона.

Наступившая тишина вернула его в настоящее время. Распахнув карие глаза, он крепко стукнул пару раз по подошве ремонтирующейся обуви, будто поставив печать своего ремесла. Снял сапог с лапы, покрутил перед лицом. Удостоверясь в окончании проделанной работы, кинул его в общую кучу уже отремонтированных вещей. Включённая с начала кассета опять начала изливать приятные душе мотивы.

От сильного порыва ветра на будке гроыхнула вывеска, и тут же забарабанил крупными каплями дождь. Захиру показалось, что уличное ненастье уменьшило свет перед его глазами, и он, нащупав за спиной выключатель, нажал на него для дополнительного освещения.

На противоположной стене в углу загорелась лампа дневного света, ярко осветив кавказский пейзаж. С картины, во всю стену, Захира приветствовал улыбающийся джигит на коне. Под протяжную мелодию обувщик выкинул вперёд руку навстречу горцу, и стал тянуть слова песни знаком внимания к картинному земляку.

Шумно ввалившаяся в будку девушка, заставила его растеряться. Он, глядя на неё, встал и, остолбенев с вытянутой рукой, что-то замямлил себе под нос.

Большой купол зонтика молодой особы застрял с улицы и она, выкрикивая «Чёрт бы побрал эту погоду», усиленно пыталась затащить его в помещение. Вскоре ей надоело это занятие, и нажатая пальцем кнопка на ручке зонтика заставила уменьшить предмет в размере. Девушка сказала громко «Фу!» и, потрясая обвисшей тканью зонта, кинула его на стул.

Захир, слегка краснея, засуетился. Взял из кучи отремонтированной обуви пару сапог, подошел к стене с полкой готовых для выдачи изделий, поставил их аккуратно и, выключив магнитофон, подошёл к девушке. Спросил с кавказским акцентом:

– Что случилось, Вика?

– Папа здесь.

Парень встревожено окинул пространство окружающее её и, не понимая, спросил:

– Где?

– Ты не так понял, он дома. Сегодня рано утром приехал.

Девушка взяла за руку Захира, в его глазах появился непонятный страх, и он нежно отодвигая её руки, ещё раз недоверчиво осмотрел пространство за её спиной.

– Да что с тобой, Захир? – обнимая его вокруг шеи, произнесла Вика. – Первый раз вижу тебя таким. Папа приехал...

Тело молодого человека опять напряглось. Недоумевающая Вика повторилась в вопросе:

– Да что с тобой происходит?

Захир пожал плечами.

– Ты меня любишь? – глядя ему в глаза и, не дожидаясь ответа, продолжила, – и я тебя люблю. Ведь мы с тобой мечтали никогда не расставаться. Именно поэтому папа здесь.

Легонько освобождая себя от рук Вики, Захир сказал: «Подожди» и, пошёл к двери. Накинул дверной крючок на петлю-гвоздь и, повернувшись к девушке, располагаясь улыбнулся.

– Когда приехал твой папа?

– Говорю же тебе, сегодня! А как ты думаешь, почему он вырвался домой в отпуск из командировки? – Захир в недоумении пожал плечами, – Вика опять обняла парня за шею и впялилась в его большие тёмные глаза, – ради нашего счастья. Помнишь, мы говорили, что у нас будет самая счастливая семья и самые красивые дети.

Захир оживился:

– И как я буду обучать джигитовке нашего сына.

– Да, и как он будет похож на меня, – Вика поправила себя, – внешностью. Ведь говорят, если сын похож на мать, значит он счастливый.

– А я копия отец, – вздыхая, сказал Захир.

– Ну и что, я считаю, что бывают в жизни исключения. Самое главное, что мы любим друг друга, – и, меняя тему, спросила, – который час?

Захир повернул голову к настольным часам, сказал: «Час десять».

– Ой! Уже запаздываю домой на пятнадцать минут, а самого главного и не сказала. В семь часов вечера я и папа ждём тебя у нас дома. Вот тогда и оговорим все вопросы по нашей свадьбе. Папа очень хочет с тобой познакомиться! – прижалась к уху любимого и прошептала, – я в каждом письме писала ему о нашей любви, – потом, посмотрела Захиру в глаза и громко произнесла, – не запаздывай! К этому времени будет готов шашлык. Папа его так готовит, что пальчики оближешь.

Захир хотел что-то ответить, но Вика впиалась накрашенными губами в его пухлые губы. В этот момент для него и для неё отошли на второй план все жизненные события, оставив во главе желанные взаимные чувства.

Крепкий их поцелуй прервался Викой.

– Совсем запаздываю, – и, грозя пальцем перед лицом Захира, предупредила, – но ты должен быть у нас вовремя, в семь часов вечера.

Схватив свой зонтик, Вика подлетела к двери, откинула крючок и, повернувшись к любимому, кинула последнюю фразу «Не запаздывай!» и скрылась, громко хлопнув дверью.

Недолгий визит Вики, полностью выбил Захира из рабочего ритма. Он сидел на стуле, упёршись локтями в колени, запустив в густую шевелюру головы обе пятерни рук.

Его трагически сгорбленная фигура выпрямилась. Он вскочил, подлетел к магнитофону, и с грубой резкостью включил громко музыку, и так же быстро вернулся на прежнее место. Под задорную песню Кавказа, обувщик, обхватив голову руками, раскачивался из стороны, в сторону отчаянно повторяя «вай-вай-вай...».

На его широкое плечо легла чужая рука. От неожиданности Захир подскочил. Перед ним стоял молодой мужчина, с виду его ровесник. Вошедший в будку, что-то говорил, но орущая музыка, заглушала все его слова.

Изобразив на лице удивление, посетитель крутанул колесико магнитофона, приглушая звук. Повернулся к Захиру, и встревоженно спросил:

– Ты чего?

Непонимающим взглядом обувщик смотрел в глаза мужчине, и молчал. С волнением в голосе гость повторил вопрос, и слегка потрянул за плечи хозяина скромного помещения.

– А, это ты Вовка, – очнувшись, протянул Захир и опять уселся на стул, тяжело опустив голову.

– Но так что случилось? Рассказывай!

Захир не поднимая головы, промямлил:

– Пожениться захотела.

– Кто?

– Вика!

– И что? Ты ведь и сам был не против этого.

– Но не сейчас! О какой свадьбе может идти речь, если я ещё ни разу не съездил на Кавказ! О мой родной дом, когда же я увижу тебя?! – схватив Вовку за руку и ища в его глазах поддержку, спросил, – Но ты хоть понимаешь, что я не могу сейчас пожениться!

– Стоп! Кавказ, Кавказ, а чем плохо тебе здесь живется? Нарожаете детей с Викой, и будет эта земля твоей Родиной.

Захир вскочил и забежал по будке, обхватив голову руками, повторяя «Нет, не понимаешь ты меня». Потом, повернулся к Вовке и вскричал ему в лицо:

– Не понимаешь! – и, указывая рукой на картину, тише, с грустью произнес, – Родина моя там. Для чего я два года копил деньги, чтобы вот так просто растратить их на свадьбу? Еще немного и я смогу увидеть отца, мать...

Грустно приземлившись на стул, Захир замолчал. Вовка, боясь очередного нервного срыва у друга, тоже не раскрывал рот.

Недолгую тишину нарушил громкий стук в дверь и в будку без приглашения зашёл улыбающийся молодой человек кавказской

национальности. Воскликнул «О, Вовка!» и протянул ему руку. После приветственного пожатия руки Вовки, он подал руку Захиру. Впялившись в пол, Захир для приличия дотронулся до неё. Весёлое настроение гостя слегка улетучилось и он, не понимая происходящего, спросил Вовку:

– Что произошло?

Вместо Вовки, не отрывая взгляда от пола, ответил встречным вопросом Захир:

– Джафар, какая у меня самая главная мечта?

Молодой человек покрутил глазами по пространству будки, будто что-то вспоминая, и ответил:

– Я думаю съездить домой.

– Вот! А эту мечту хотят у меня отобрать.

– Кто? – с угрозой к невидимому врагу вскрикнул Джафар.

– Вика!

– Вика? – встревоженный друг переспросил, смягчая голос.

– Да, сегодня приехал её папа, чтобы поженить нас, – раскидывая перед собой руки, возмущался Захир. Моя мечта тогда, фью, улетит!

– Поедите вдвоём к твоим родителям, – решил его успокоить Джафар.

– На какие деньги?! – Захир вскочил со стула, и побежал к висящей верхней одежде на стене. Скинул с крючка ватник. В стене показалась слегка заметная маленькая дверка самодельного сейфа. Он сунул руку в глубокий карман замусоленных на его теле рабочих брюк, и вытащил связку ключей. Выбрал из них самый маленький и нервно вставил его в еле заметную замочную скважину. Открыв тайник, достал деревянную резную шкатулку и, трясая ею перед друзьями, выкрикнул, – какой вдвоём?! Здесь только на одного!

Больше не слышался стук молотка. Голоса трёх мужчин громко спорили. Порой русскую речь сменяла кавказская, и тогда слышался плачущий голос одного из друзей.

Скрипнула дверь обувной будки и на улицу выскочил Вовка. Его низкорослая фигура быстро оказалась у неподалеку сверкающего зеркальными окнами магазина. Он спешащей походкой юркнул в него, но через минуту вынырнул, и побежал обратно к временному прибежищу, прижимая к себе приобретенную покупку. Вернувшись к товарищам, Вовка с гордостью поставил на стол бутылку пива. Тряханув за плечо сидящего страдальца, сказал:

– Расслабься, а то расхныкался, как...

Джафар не дал договорить Вовке, указывая на пиво, спросил: – А что, покрепче ничего не было?

– На что хватило, то и принёс – в голосе Вовки прозвучали нотки обиды.

Джафар достал из кошелька единственную купюру в одну тысячу рублей и протянул Вовке:

– Будь другом, сходи ещё раз туда, купи водки и закусить чего–нибудь.

Не прошло и десяти минут, как пришёл счастливый Вовка. В руку Джафара всунул сдачу из магазина и стал выкладывать на стол из пакета принесенные покупки. Джафар снял с полки кружку. Из открытой бутылки в неё забулькала водка. Протянутый Захир спиртной напиток, заставил его сморщиться.

– Пей! – приказал Джафар.

– Пей, – повторил Вовка, – сразу легче станет.

Захир с трудом выпил до дна. Вовка плеснул ему в пустую кружку пива и предложил запить.

Прошло немного времени и в будке по ремонту обуви стали слышны весёлые разговоры. После очередной выпитой бутылки водки, за которой лихо сгонял Вовка, зазвучали из магнитофона песни солнечного Кавказа. Джафар и Захир, подхватив голосами очередную песню, пустились отплясывать свой национальный танец.

Приоткрылась дверь и в помещение будки заглянуло лицо старой женщины:

– Мне бы сапоги забрать.

Никем неслышанные слова заставили женщину неуверенно, виновато шагнуть вовнутрь. Сидящий за столом Вовка, и жующий огромный кусок колбасы, выпучил на неё глаза и замахал рукой, прогоняя из будки. Женщина не сдавалась и повторяла «мне бы сапоги забрать». Выпивший Вовка встал со стула. Неуверенной походкой подошёл вплотную к вошедшей женщине, взял её за локоть и, направляя к двери, попросил:

– Завтра, мать, приходи.

– Мне бы сапоги забрать.

– Завтра, мать, завтра, – повторял Вовка, настойчиво подталкивая женщину к двери.

Утомившись пляской, друзья бухнулись на стулья. Джафар приказал Вовке:

– Наливай!

– Кончилось всё.

Вытаращив удивленные глаза, Джафар достал из своего кармана кошелек, пошарил в нем и, не найдя ничего стал им трясти перед товарищами, приговаривая с небольшим огорчением:

– У меня тоже кончилось всё.

Он остановил взгляд на Вовкином лице. Их глаза встретились, и Вовка как-то неловко засуетился, опрокинув пустые бутылки на столе. Собирая разлетевшуюся тару, Вовка, не глядя на друзей, произнес:

– Пора уже по домам.

– Какой домой? – вскричал Захир, вскакивая со стула, – твои слова делают вот здесь больно, – он постучал кулаком себе в грудь, – вы домой, а мне что делать, бежать на шашлык, который отберёт у меня...?

Он подбежал к тайнику, вытащил из него шкатулку и прижал к груди:

– Не отдам поездку домой!

У Джафара в куртке зазвонил мобильник. Он приложился ухом к трубке и попросил Захира, помолчать, который обезумев, повторял «не отдам». Недолгий телефонный разговор, поменявший настроение Джафара, прервался самим Джафаром. Он, вскакивая, прокричал в телефон «Сейчас буду!» и со злостью запихнув его в карман, встал перед Захиром:

– Мне пора и расслабься, никто у тебя её не забирает!

Под грохот двери, закрытой рассерженным другом, из рук Захира случайно выскользнула шкатулка. Она от удара разделилась надвое, и ее верхняя часть улетела под ноги Вовки.

– Зачем грохнул? – поднимая крышку, спросил подвыпивший друг.

– Что, я дурак специально разбивать её? – чуть не плача ответил Захир, собирая рассыпанные деньги обратно в шкатулку.

Подняв с пола последнюю купюру, хозяин денежного капитала не положил её на место, нервно помял в руке и неуверенно протянул Вовке.

– Принеси выпить.

Дополнительная выпивка улучшила настроение Захира. Его заплетающийся язык с радостью рассказывал Вовке о прелестях Кавказа и приглашал его в поездку с собой, для убеждения в красоте солнечного края. Последняя рюмка обещала расставание с собеседником, а Захиру хотелось говорить и говорить о своей Родине. Он достал из лежащей на его коленях шкатулке две сотни рублей и опять попросил сгонять за водкой. Вовка вернулся быстро и не один. С ним в будку вошли двое молодых мужчин, в которых Захир признал своих друзей и был счастлив, что у него появились новые собеседники. Вовка разливал, а Захир занимался приятным повествованием о своей Родине.

До пяти утра в мастерскую обуви на смену одним молодым людям приходили другие. Порой гремела музыка, и слышался топот танцующих ног.

Утреннее время шумному помещению принесло спокойствие, но не полную тишину. Порой под крышей будки раздавался сильный храп, и тогда она опять оживала своим внутренним дыханием.

Посреди рабочего помещения на полу лежало свернутое калачиком тело мастера обувного дела. Захир крепко спал. Но когда

его тело содрогалось от храпа, он крепче прижимал к себе поломанную пустую копилку, в которой совсем недавно лежали желанные деньги на долгожданную поездку на Родину.



Татьяна КУЗЬМИНА

(г. Пушкино, Московская обл.)

МЫ – ДЕТИ ВРЕМЕНИ И СНОВ...

Сова

я когда-нибудь снова взлечу
над одетым во свет горизонтом...
никому не признаюсь – смолчу,
что прошла для тебя эпизодом
на потоке двусмысленных фраз,
на ветрах неожиданной встречи,
чуть подольше, чем счастье на час...
знахарь-время подранков не лечит.
нет гнезда им, нет стай, вожак.
только холод – болотная тина.
окольцованы прошлым из снов,
что сложились теперь воедино.

для чего подбираешь слова,
что в прицеле, над осенью стылой
поднимается птица-сова
в небо жизни своей полнокрылой?
нажимай на курок, не робей.
путь ей – воля, тебе не знакомо.
зов ей – эхо лесов и полей...
не заманишь ни пищей, ни домом.
если дрогнет рука – на лету
душу спрячет в седом оперенье...
как нелепо – стрелять в красоту,
даже если с любовью... поверь мне.

крылатому

помяни моё имя

не молитвой — стихом.
в ожиданье предзимья
за витражным стеклом
зазвучит песнопеньем
исцеляющий слог.
ты — моё воскрешенье
и мой новый итог.

неприкаянный, верный,
благодарный, живой,
не последний, не первый
и как будто чужой.

сколько раз отпускала
и опять зареклась.
мне дано слишком мало,
чтобы жить этим всласть.
мой вопрос вековечен,
без ответа, поверь...
отзовись, человече!
бог ли? птица ли? зверь?

...только ты силой крыльев
выше день ото дня
из трясины бессилья
поднимаешь меня...

Черновики

Черновики сожрёт огонь — и зев камина станет светел.
Затем осядет на ладонь летящий, лёгкий серый пепел
От слов о Родине моей... Её с заглавной пишат буквы
На Золотом кольце церквей, где «Coca-cola» и «Продукты»...

Ей присылает «черный ник» словарь «заученных ошибок»,
Чтоб исчиркала черновик, где нет аборт и бутылок...
И нет креста! Кресты — не в счет! Не потому ли нет им счета?
Кто смелый — тот идёт под лед, и лучший — гибнет за высоты.

Мы — дети времени и снов, в зубах навязших скучных мифов.
Мы — патриоты нужных слов и лжи надёжной, безлимитной...
Так ожиданье перемен нас не замучает вопросом:
«Да кто ты есть? И здесь — зачем? Батрак, преступник иль философ?»

Нам всё равно. Мы воем гимн с патриотическим припевом,
Где край, что «Господом храним», восстанет из последних – первым.
Среди мемориальных плит плетёмся долго и устало...
Но если рукопись горит – её и вовсе не бывало.

С тёплым рассветом...

с тёплым рассветом венчалась июльская мгла,
ветры-стрибоги шептались о чём-то с землей...
просто запомни, что в жизни твоей
я – была,
просто поверь, что уже отболела
тобой.
мир твой не станет ни ярче, ни чище, чем был...
не разобьётся стеклом, не взлетит в небеса,
станет прощальной песнею чёрных ярил,
что пробуждаются там, где
сверкает роса...
словно икона в окладе из нервных стихов,
мятыми строчками падаю
на календарь...
мне – провожать и встречать без улыбок, без слов
яблочный август и белый замерзший январь...
болью омыта душа,
ты её не трави,
дай ей агонию вынести или сгореть...
пусть панихиду отслужит по нашей любви,
первой, единственной, ранней, далёкой,
моей!
нам не понять, не измерить мерилom судьбу...
камни собрать и покаяться в мыслях своих?
как по траве, я по крошеву счастья иду
снова одна,
но дышу и люблю
за двоих...



Александр БЕКИШЕВ

(Омск)

ВКУС ЗВЁЗДНОЙ ПЫЛИ

Незнакомка

Спасибо Вам, смешная незнакомка,
за светлый миг со вкусом звёздной пыли.
Когда, шутя, мою «цинизму» скомкав,
Вы за стихи меня (заочно!) полюбили.

Не верится, а хочется поверить...
Но я, от сожаленья чуть не плача,
открою тайну: в этой лотерее
Вам никогда не выпадет удача.

Ведь та, что любит и стоит на страже,
глотя слёзы в ревности и в быте,
и та, что ненавидит, вам подскажут:
безумная, поэтов не любите!

Взгляните, как меняются их лица,
красавица, когда проходит мимо.
Поэтому, в кого-нибудь влюбиться,
Поэту позарез необходимо.

Он только хищник – остальное поза.
Стих пищи требует капризно и упрямо.
Чтоб вашу страсть и смех, и ваши слёзы
рукой холодной переплавить в ямбы.

И, всё-таки, спасибо Вам, смешная,
за светлый миг среди шальных событий.
И всё-таки, поверьте, я-то знаю:
поэтов, Бога ради, не любите.

Романс

Боже, прости, я впадаю в язычество
В светлую прелесть греха моего.
Обычную женщину сделал Величеством,
Силой любви превратил в божество.

Знаю, её постоянство изменчиво,
Но не хочу подниматься с колен.
Всё же за нежность возлюбленной женщины
Можно простить ей всю горечь измен.

Можно забыть неурядицы пошлые.
Время, замри у волшебной черты!
Всё исчезает и «завтра», и «прошрое» –
Есть только чудо по имени «Ты».

Снова поверю я в шёпот обманчивый,
Снова, как юноша, буду гореть.
Если когда-нибудь смерть мне назначена,
Господи, дай от любви умереть!

Случай в сельском клубе

В сельском клубе – дымно.
В сельском клубе – пьяно.
Не слышать гармошки, не поёт баян.
Исполняют парни
И девушки румяные
Ритуальный танец древних обезьян.

Со стены, прищурясь,
смотрит подзабытый,
а когда-то грозный и жестокий вождь.
Барабаны в души
гулко бьют копытом.
От такой музыки пробирает дрожь.

Тут, как будто, удар под дых, –
тишина... и весь зал притих.

Это некто в потёртой кепке,

вырвал шнур из глазниц розетки.

Со стены лысый вождь хихикнул:
Ну, кому тут нужны стихи-то?

...В тишине полновесные строчки
заливались в тугой спирали.
Только, видно, слабо пророчить, —
даже стих дочитать не дали.

Кулаки, потирая с хрустом,
комбайнёры и трактористы,
от души, не скупясь, по-русски,
проводили с весёлым свистом.

Не беда... И подслушав где-то,
зарифмую случайную фразу:
«Всё пройдёт, как проходит лето».
...Так и этот синяк под глазом.

Бамбино **(Сила искусства)**

Казалось бы, — тебе какое дело? —
Однако, чуть не плакал, дуралей,
когда мне про Бамбину ночью спела,
по радио картавая Мирей.

С тех пор я за Бамбину беспокоюсь:
Примчался к ней с цветами. А она...
...И сущей показалось ерундою,
Что от меня вчера ушла жена...

Стих **(неказистый)**

Ветер на кухне шуршит занавеской.
В голову лезет одна ерунда.
Выпить и то, понимаете, не с кем,
вот ведь какая случилась беда.

Мне бы собаку. Полночные враки
доверил бы жучкиному чутью.
Но нет у меня, к сожаленью, собаки,
и я, в одиночку, поверьте, не пью.
С темой такой, да остаться с наваром?
Ветер и тот изумлённо притих.
Шорохи, звуки – и всё это даром!
Но получился каким-то макарон,
хоть неказистый, но всё-таки –
стих!

Подмосковный вечерок

Пели хором, с перебором, под портвейн,
две лимитчицы с отчаяньем цыганским:
«Лучше шлюхою дешёвой, да в Москве,
чем законною женой в родном Саранске».

Тускло гранями поблёскивал стакан,
Там в портвейне захлебнулся муравьишка.
(Ведь хмельного человеческого глотка)
для простого муравьишки – это слишком.

Жаль малышку... Но на всё махнув рукой,
«Нету принцев ни в Москве, ни под Москвою» –
снова пели. И проснулся Водяной
в том овражке, что когда-то был рекою.

И таранился бедняжка Водяной
из ручья, где воробью не утопиться,
как лимитчицы в законный выходной,
отпевали муравьишку... или принца.

* * *

Гнедой квадрат журнального стола.
Самодовольство плюшевого кресла.
Перо, бумага и чуть-чуть тепла
От лампочки, что вечером воскресла.

Пишу письмо. Словами «Здравствуй, друг!» –
Открою занавес невольного спектакля.
И в том письме с три короба навру.

(Мы в письмах все актёрствуем. Не так ли?)

Навру, что весел, счастлив и крылат,
С достоинством шагаю в этой жизни.
И что газетных «уток» листопад
Не сокрушит былого оптимизма.

Не выдаст никогда потёртый плюш,
Что я украдкой спрятал за кулисы.
Вот потому-то я и не люблю
Моим друзьям играть спектакли писем.



Игорь ЕГОРОВ

(Омск)

НЕСКУДЕЮШАЯ СИЛА*

Рассказ из недавнего прошлого

Дедок с хитроватыми глазами, беспрестанно шмыгая, как ребёнок, крупным мясистым носом, толкнул дверь. Женька посмотрел в проём и ему стало не по себе: вот так «общежитие»! Сырая барачная комната с рядами коек, как в казарме! Стены потрескались и облупились до дранки, внизу: то ли дыры, то ли норы! Двое Саш за Женькой хмыкнули и совершенно привычно, со смешками ввалились в комнату, отстранив дедка. Чрезмерная их простота и разудалость раздражали Женьку. Только что, познакомившись, они уже называли Женьку «Женчиком», явно посмеиваясь над его интеллигентностью и сосредоточенностью.

– Женчик! Не теряйся, располагайся! – крикнул Саша помельче, подмигнув Женьке и кинув свой рюкзак на ближайшую к нему койку.

Женька огляделся. В дальнем углу, у окна, лежал какой-то парень прямо в кепке, сапогах и телогрейке и храпел с присвистом. Там же рядом, на столе, Женька увидел надкусанный солёный огурец, отломанный кусок хлеба и окурки в грязной плоской тарелке. Внизу около разбитой электроплитки валялась пустая бутылка из-под водки.

– Лежень, наелся до бесчуру, – швыркнул носом дед, – совсем обнаглели, ни стыда, ни совести. Ну ничего, скоро указ выпустят, всех вас за одно место-то тяпнут!

А по багровому носу старика было видно, что он и сам при случае не прочь «приложиться»...

– Тут вот чо, ребятушки... Строители из райцентра... Вон один из них! – показал дед сухонькой рукой на парнягу в кепке. – Ладноть, ребятки, пошли теперь со мной за матрасами! А сумки здесь оставляйте, никто не возьмёт, все – свои...

– Так, а вы чо, только втроем? – спросил дедок, идя впереди ребят по коридору.

– Сейчас ещё припрутся, – отозвался Саша-великан.

Женька выбрал койку у окна. Постелил постель и, сев на неё, тяжело вздохнул. За окошком мутила черноту земли чуть не позёмка, погода портилась на глазах.

«Хорошо, что ещё взял с собой тёплое бельё», – подумал он.

* См. очерк И.Егорова о М.П.Малиновском «Душевность и такт» в разделе «Публикации»

Сразу же с тоской вспомнил жену и дочку Танюшку, старенький письменный стол, приземистую настольную лампу, недочитанную с Танюшкой книжку про слона... Пока Женька предавался унынию и воспоминаниям, в комнату ввалились ещё несколько человек, приехавших на посевную. Саши уже закурили и обрадованно откупоривали принесённые кем-то бутылки. Компания сгрудилась у стола.

– Мы учим летать самолёты! – уже через несколько минут горланили Саши во всё горло, хлопали крепкими кулаками себя по груди и называли себя «лётчиками» – это они с Женькой были распределены на погрузку удобрений в самолёт.

Женька достал из рюкзака сборник стихов Тютчева, но даже одного не смог прочитать до конца – обстановка бешено накалялась.

– Женчик, иди к нам! – позвал Саша помельче. Женька отказался, мотнув головой.

– Только ты без булды, давай пей до конца, щас к девкам пойдём! – доносились до Женьки возгласы.

Ему вдруг, до перехвата в горле, сделалось противно. Женька надел телогрейку и вышел на улицу. Низовой, напирющий к земле ветер обдал дрожью всё тело. Женька дошёл до клуба и взглянул на афишу. Индийский двухсерийный фильм «По законам любви».

«Прямо как «по законам военного времени»! – усмехнулся Женька.

Он купил билет за смешную плату и сел в зале.

Показывали цветную наивную муру с бестолковыми надуманными ситуациями. Вокруг щёлкали семечки и громко плевали на пол. Но впереди, кажется, смотрели фильм заворожённо, с удовольствием.

Женька, не выдержав этой муки, вышел из клуба, не досмотрев и первой серии и, с трудом разбирая в темноте дорогу, поплёлся назад, в барак.

Оба Саши упились в стельку и, распластавшись на койках, лежали без движения.

– Слышь, поэт! – встретили его какие-то новые, незнакомые ребята. – Почитай-ка нам стишки!

На койке лежал раскрытый сборник Тютчева. Женька, ничего не ответив, улёгся на спину и уставился в потолок.

– Чегой-то поэт с нами совсем не разговаривает? – съехидничал плечистый парень с русой кудрявой бородкой и шебутными глазами. – Наверно, обиделся.

– Ну что, Женчик, стишки считаешь?! – засмеялся он, скинув футболку и выставив свое тугое тело напоказ.

Вдруг в коридоре взвизгнула дверь и кто-то, как мешок, хлопнулся на пол. А сухощавый угрюмый парень в спортивной шапочке уже рассказывал похабный анекдот и размахивал сигаретой в воздухе, изображая женщину, попавшую впросак.

Женька зажмурил глаза и отвернулся, но их всё равно разъедало дымом, рядом курили всласть какую-то крепкую дрянь, булькая по стаканам водку и мусоля карты.

– «Скажи-ка, дядя, ведь недаром!» – со всего маху вдруг саданул картой раздевшийся бородач. – Щас мы тебе баньку сделаем, готовь-ка уши!

Женька поднялся и, откинув дверной крючок, вышел в жидкий сумрак коридора. Там в углу, скрючившись в три погибели, в лёгких джинсовых куртке и штанах, в потрёпанных кроссовках, вжавшись головой в осыпавшуюся стенку, лежал пьяный человек, похожий на казаха. Ветер с истошным скрипом раскачивал наружную дверь и швырял в коридор жёсткий, как песок, снег.

Женька вышел из барака, и всего его передёрнуло от ледяного мерзкого холода, до нужника он не пошёл, а завернул за угол барака. В ветках деревьев свистал ветер, обрывок жести на крыше то громыхал, то визгливо скрежетал. И Женьке чуть не до слёз стало жалко этого пьяного закоченевшего человека. Он открыл дверь и увидел, как бородач за шиворот заволок пьяного в комнату и, раскачав, брезгливо, со всего маху закинул его на голую панцирную сетку кровати, рядом с Женькиной.

– Околеет же казачонок, не хрен ему примерзать к полу! – будто выдохнул бородач, крепко завернув матюгом.

Казашонок встрепенулся, сильно ударившись о край койки рукой и подбородком, даже во рту у него, как будто, хрустнуло. Он, вскочив, уселся на кровати, поводя полоумными непонимающими глазами.

– Чего?!. Я!.. – кричал он бессвязно, размахивая руками.

– Ты, ты! Щас я тебе точняком врежу! – вышел из себя бородач. – Ложись! Кончай рот пялить! Его ещё притащили... Ладно, хва – вырубай, Шмоня, свет! – повелевающе кивнул он здоровенному туповатому парню с пухлыми губами, обросшему рыжеватой щетиной.

Свет был выключен, но раскалённый отсвет электрического «козла» освещал всю барачную комнату. Казашонок ещё скрипел кроватью и что-то невидимое нелепо хватал руками в воздухе. Женька подsunул ему под голову свою телогрейку и отдал одно одеяло. Тут он увидел на полу смятую кроссовку казашонка и, подняв её, натянул ему на ногу. Казашонок дёрнулся и заснул. В эту минуту Женька был невыносимо гадов себе: никогда бы он не взялся так вот запросто помочь кому бы то ни было в таком скотском положении, а бородач, этот циник и похабник...

Женька до рези, до боли в глазах, не отрываясь, смотрел на раскалённую спираль...

Он долго не мог заснуть и ещё раз выходил, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Вдруг ему почудилось, что тьма – это не просто тьма, а бездна, на краю которой не раз себя находил и раньше.

Захлебываясь ветром, он шептал:

«И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами
– Вот отчего нам ночь страшна!»

Именно в такие минуты Женьке открывался глубинный смысл смерти, отдаляя его, Женьку, от него самого. И тогда он вдруг постигал, как прозрение, что он не просто Женька, которому пока ещё мало в чём повезло, а Человек – совершенно особое существо, наделённое своей жизнью, гармонией, Вселенной, и дающее жизни бесконечной и свою жизнь!

И казашонок ведь тоже – Человек! А его только что, как буквально

мешок с дерьмом, швырнули в угол на кровать...

Женька вернулся назад в барак и лёг, лицом к казашонку. Тот, раскинув руки, тихо посапывал.

– Эй, поэт! Не проспай, вставай на работу! – потряс его за плечо бородач. Женька приоткрыл глаза, было уже светло. Он откинул одеяло и, вздрогнув, поёжился от холода.

– Чего всю ночь бормотал, стихи что ли? – с усмешкой спросил бородач, нахлобучивая себе на голову шапку.

– Не знаю, – растерянно пожал плечами Женька.

– Ладно, вставай, уже все ушли, буди казачонка! – и бородач сильно хлопнул дверью.

В бараке на самом деле никого уже не было, кроме Женьки и каза-шонка, которого разбудила хлопнувшая дверь.

– Вставай, уже все на работу ушли! – сказал Женька, взглянув на паренька. – Не замёрз?

– Неа, – мотнул головой тот.

– Как звать-то тебя? – спросил Женька из любопытства.

– Каирбек.

– Каирбек? – переспросил Женька, впервые услышав такое имя.

– Каирбек, – кивнул казашонок и, улыбнувшись, добавил, – по-русски Коля!

– Учишься или работаешь?

– Пастухом работаю, – беззаботно отозвался казашонок.

– А что же ты так плохо одет? Холодно ведь, – удивился Женька. Но тот ничего не ответил.

– На, возьми мой свитеришко! – сказал Женька, порывшись в рюкзаке.

– Не надо, – смутился Каирбек, отталкивая руку Женьки.

– Возьми, возьми, у меня ещё есть!

– Я тебе потом принесу, – Каирбек уже торопливо натягивал свитер.

– Да ладно, давай умойся и пойдём.

Вскоре они вышли на улицу. После выпавшего снега было легко

и просторно. В кустах, у обочины дороги, тараторили сороки, на солнце их хвосты казались совсем зелёными. Женька ещё раз глубоко вдохнул утреннюю свежесть.

«Чему бы жизнь нас не учила.
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила
И есть нетленная краса...»

Вдруг прочитал он и задумался, взглянув на Каирбека. А тот, приостановившись и вздрагивая от холода, смотрел на дорогу в прогалинах оттаивающей земли, на дальнее поле, где на чистом утреннем снегу хорошо были видны первые грачи...



Иван СОСНИН

(Омск)

ИСКУССТВА ГОРЕЧЬ

* * *

Город затих.
Ночь заскучала,
бархатной кошкой раскинув на крышах
тело,
покрытое звёзд поцелуями...
падает
сорванный осенью
лист
с летней картины,
что старым художником
в угол поставлена
где-то за стульями...

* * *

Уснула туча окон ниже,
отяжелила Сены прядь;
торопит дождь: иди ж, иди же,
но волны: жди же, жди – твердят.
Фонарь в чугунном переплёте
блестящих листьев и ветвей
мигает хмуро: зря прождёте,
ему с другою веселей!
И зябко кружатся ступени:
Мы знали тысячи разлук
и сотни тысяч рук сплетений
на миллион разжатых рук.
«А сколько горестных упрёков
мы слышим каждую весну», –
опали цепи одиноко
на засыпающем мосту.

«Да-да, не стоит ждать напрасно,
спеши-ка, девочка, домой!» –
ей, удаляясь, бросил красный,
дрожащий зонт над головой.
«Ну, хватит, – туча вдруг сказала, –
от ваших мыслей не попад
не так она, как я устала,
ну что у вас за мрачный взгляд!
Набрались глупых впечатлений,
и в них оправдывая всё,
с чего вы взяли, что последний
мужчина в жизни был её?
Он, может, ей самой не нужен,
и не его она ждала...»
но тут «бежит!» – запели лужи,
и туча, вздрогнув, поплыла...

Ван Гог

Кричат слепцы: «Довольно хлама!»
Он всё неистовей творит.
Ему для жизни красок мало,
и сердце новыми кровит;
познав страданье «вечных» строчек,
он путь свой силится пройти
там, где безумье рожи корчит,
и нищета теснит с тропы.

Они лишь чувства отделили,
не сбив стремительных ростков:
ни Бороинажа ломких линий,
ни Арля яростных костров;
ни кипарисов, что клубами
летят, ликуя: «разними!»,
сплетая кроны с облаками
в высоком небе Сан-Реми.

Но ниже небо. Жарче ветер.
Как жнец, склонённый над судьбой,
Он больше вечности не верит,

срезая жизни сноп пустой.
Овер прострелен плачем птичьим,
и ветви белую вьют боль...
душа живёт, под взглядом чистым,
надеясь, верует в любовь.

* * *

Игорю Егорову

Как обнажает город листопад!
Подолы улиц, медью отягчая,
полощет осень с солнцем невпопад...
Я старюсь с нею, сумрачней встречая
небритость луж и скепсис фонарей,
продрогший дождь, к подошвам туч прилипший,
и близкий снег за сыростью дверей –
мне всё давно обыденно-привычно,
как цитромон на вытертом столе;
смеётся память старыми духами
и прячется в неубранном плаще,
опав пустыми рукавами...

Я не люблю досказанность земли,
не признаю уход односторонний –
то лишь слова ненужные ушли,
то лишь объятий жаром не наполнить;
и не оплакать и не разлюбить –
я закольцован в прошлое досрочно.
Но знаешь, знаешь! – можно жить
и даже душам одиночным!

А впрочем, всё – не больше, чем тоска.
К чему держать другие идиомы?
Искусства горечь капает с листа,
и осень катится по дому...



О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

Сергей ЛАВРЕНЮК

(Омск)

БЛОШКА

Рассказ

*Посвящается
безвременно ушедшим
Марысе и Тиграшке*

Блошке всего-то около месяца. Такой маленький, пёстренький котёночек — неприметный, словно вылинявшая вязаная рукавичка. Размером он чуть больше ладони. Однако ему есть чем гордиться: ведь он — далёкий потомок породистой абиссинки и манчкина, завезённых в болгарский городок Смядово из Черногории. Просто Блошка об этом пока не догадывается.

Первым его ощущением было тёплое копошение, полумрак и слабое попискивание. Поначалу ему стало страшно. Затем, откуда-то сверху нависла большая тень, которую Блошка уловил сквозь веки закрытых ещё глаз, и он почувствовал шершавый, мокрый язычок, который начал нежно вылизывать его шерстку и розовый нос. От удовольствия Блошка перевернулся на спину и тихо заурчал. Так он возвестил о своём рождении. После того, как Блошка был тщательно умыт, в его мордочку ткнулся пахнущий молоком сосок, к которому он сразу жадно приник. Вскоре наступило приятное ощущение сытости и покоя. Блошка тесно прижался к тёплому шерстяному боку и тут же уснул.

Спустя несколько дней откуда-то возник Свет. Крошечные попискивающие комочки оказались Блошкиными братьями и сёстрами, а шерстяной бок, дающий молоко и тепло — Большой Кошачьей Мамой...

– Это что ещё за смешное существо? – Сергей, замешкавшийся у дверей веранды смядовского дома и державший в руках тяжёлые сумки, внезапно обнаружил, невесть откуда взявшегося во дворе, котенка.

– Это наш котёнок, – с улыбкой промолвила Ириша. У неё были чудные каштановые волосы и волшебной красоты глаза цвета темно-зеленого жадеита.

Очки Сергея удивлённо подпрыгнули на переносице: «Да это просто какой-то цыплёнок! А откуда он взялся?». Котёнок, маленький и тщедушный, осторожно переставляя тоненькие полупрозрачные от худобы ножки, приблизился к ботинку Сергея и, высоко задрав голову с непропорционально большими ушами, хрипло и сдавленно мяукнул.

– Надо же – он и мяукать не может, как будто не ел лет сто! Скажи, дорогая, что это значит, в самом деле?

Ириша наклонилась к котёнку и осторожно погладила его по спинке: «Это соседка с той стороны улицы, бабушка Иванка подарила нам этого малыша на новоселье. Они ещё не знают, старушка и котёнок, что мы здесь только до конца месяца. Не удивляйся, что он такой тощий – здесь все кошки недоедают». Рассуждая о трудной судьбе болгарских кошек, они переступили через порог веранды. Шествие замыкала стильная, в «готском» одеянии, высокая 19-летняя девушка Лана. На плечах у неё висели сумки: одна, с улыбающимися черепами – в ней лежал ноутбук; другая, поменьше размером – с фотоаппаратом. Она катила за ручку огромный чёрный чемодан на колёсиках.

Блошка был несказанно рад: опять появились они – Очень Высокие Существа, приносящие вкусно пахнущие пакеты с пищей, после которой наступало чувство сытости, покоя и сонливости. Он весело перепрыгнул через порог и окунулся в уже знакомые ему запахи: приторно-сладкий, исходивший от крашеных под морёный дуб дверей и оконных рам; резковато-шершавый – от побеленных известью стен. Из подвала тянуло сыростью и землёй с лёгкой примесью шерсти и кислого молока. От умывальника справа шёл еле уловимый запах мыла и хлорки. Тем временем, Очень Высокие Существа разложили на небольшом столике разную вкусную снедь и разместились втроем на диване. Блошка вприпрыжку, как маленький козлик, направился к столику. Он попытался заявить о себе громким «мяу!» – получилось что-то похожее на сиплое кваканье. Высокие Существа засмеялись. Тут же на полу была расстелена бумажка, на которую были выложены аппетитные кружочки полукопчёной колбасы.

Как известно, когда ты кого-то обогрел и накормил, у тебя сразу становится тепло на душе. Поэтому не удивительно, что Сергей почувствовал симпатию к этому некрасивому маленькому созданию.

Он подхватил его под округлившееся брюшко и усадил к себе на колени.

Ирише, расставлявшей на окне веранды глиняные фигурки собственного изготовления, такое поведение друга показалось слишком беспечным:

– Смотри, милый, как бы он не оказался блохастым.

– А я не боюсь насекомых, – заверил её Сергей, – да и сам-то котёнок чуть больше блохи. Им здесь просто негде селиться! Ведь, правда, Блошка?

Так малыш, болгарское имя которого осталось нам неизвестным, стал зваться по-русски Блошкой. Ему определили местечко на веранде, как раз напротив умывальника – там был брошен половичок и поставлено блюдо с водой. Этот август в Смядово выдался жарким. Пока Ириша, Лана и Сергей занимались своими делами, Блошка дремал, свернувшись клубочком на коврике. Ближе к вечеру все отправились подвязывать и поливать виноградную лозу. Блошка прятался в траве, подстерегая кузнечиков, смешно выпрыгивал на гравиевую дорожку или гонялся за бабочками. Ночь на юге наступает внезапно, как будто хозяйская рука закрывает ставни деревенской избы. Очертания предметов подернулись аурой темноты, погружаясь в таинственное измерение. На небесах зажглись фонарики звёзд, из туч вынырнул непривычно светлый и яркий щит полной луны. Воздух благоухал ароматами, разносимыми щедрым смядовским ветерком. В вершине кроны высокой липы, подсвеченной уличным фонарём, безостановочно плясал хоровод мотыльков. Хор сверчков торжественно выводил свои гимны красоте и теплу южной ночи.

Прошло несколько дней. Все они были заполнены Важными Делами, визитами и путешествиями. Блошка всё это время ночевал в комнате Сергея – тот прижимал его к себе, стараясь не поворачиваться во сне, чтобы ненароком не придавить котёнка. Больше всего Блошке нравилось укладывать лапы и голову на руку Сергея и включать свой «моторчик». Урчание котёнка никогда не надоедает – так же, как шум дождя или потрескивание горящих в костре поленьев. Наверное, все эти звуки записаны в нашей генетической памяти с первобытных эпох. По ночам смядовский дом жил собственной жизнью: «стреляли» балки, покрытой черепицей крыши, скрипели половицы – так дом реагировал на перепады температуры. Затевали тихую возню жуки-точильщики – они с аппетитом грызли липовые двери и оконные переплёты, издавая при этом звук тикающих часов. Иногда Блошка подолгу задерживался в комнате Ланы – его привлекали движущиеся картинки на экране ноутбука. Однако рыжеволосая девушка часто почти до рассвета занималась своими делами, нахлобучив на голову наушники. В таких

случаях Блошка самостоятельно запрыгивал в кровать Сергея и устраивался у него в ногах.

– Сегодня едем на экскурсию в Шумен, – решила с утра Ириша. Действительно, надо было до отъезда решить кое-какие текущие вопросы: в частности, открыть новый счёт по оплате электроэнергии. Лана, которой пришлось остаться на хозяйстве, вызвалась искупать котёнка. Вечером Ириша и Сергей вернулись домой. Сергей, державший под мышкой свёрток с купленным в городе зеркалом, решил приласкать вертевшегося под ногами Блошку. Он уже протянул руку, чтобы погладить котёнка, но от неожиданности замер. Под левой щекой их общего любимца красовалась пугающих размеров огромная шишка.

– Боже мой! Нашего Блошеньку кто-то укусил, – упавшим голосом объявил Сергей. – И теперь он, наверное, умрёт...

Такой поворот событий был бы чудовищно-несправедливым. Сергей и сам не подозревал, что он настолько привязался к этому маленькому существу. «Надо нести Блошку к ветеринару», – лихорадочно думал он. – «Но есть ли в этом городке ветеринар?...» И Сергей принялся подсчитывать в уме оставшиеся у него левы. Однако сам Блошка не проявлял особенного беспокойства. Поев, он, как показалось Сергею, в изнеможении сложил голову на лапы. Этим вечером все как-то притихли и особенно внимательно посматривали на котёнка.

Ночью Сергей проснулся от тревожного ощущения, что лежащий рядом с его головой Блошка куда-то исчез. Дверь веранды была слегка приоткрыта. Он вышел в сад, освещённый уже побледневшей луной. Было прохладно, хор сверчков гремел как-то неуверенно – наступало время расползаться по своим дневным убежищам. Какой-то хищный зверёк тихо прошуршал по траве и скрылся в норе под сливовым деревом.

Утром все разговоры возвращались к пропавшему Блошке. После недолгого консилиума было вынесено печальное заключение: котёнок спрятался в укромное местечко, чтобы никто не мешал ему тихо проститься с коротенькой кошачьей жизнью. Все были расстроены – особенно переживала Лана, так что пришлось удивляться эмоциям этой достаточно сдержанной во многих ситуациях девушки.

Несмотря на заметно упавшее настроение, следующий день ознаменовался запланированным визитом к русским соседям, жившим на окраине городка у подножия живописных холмов. Крепкая семья из четырёх человек, выехавшая из холодного Архангельска, обосновалась в просторном отремонтированном особняке, оставшемся от бывшего первого секретаря Шуменского обкома компартии. За капитальным каменным забором раскинулся плодовый сад в пятнадцать соток плодородной болгарской земли с буйной порослью

виноградной лозы, многочисленными плодовыми деревьями и кустарниками. Бросались в глаза ярко-красные продолговатые ягоды кизила, похожие на гигантский барбарис. Сладкий запах ухоженных розовых кустов стоял в густом от зноя воздухе. Ириша и Сергей поздоровались за руку с Михаилом - главой семейства, полковником в отставке, а ныне предпринимателем, раскланялись с его супругой и вручили купленную в местном магазинчике «диню» - так здесь называют наш арбуз, шустрому светловолосому пострелёнку - семилетнему Данилке. Застольная беседа, сопровождавшаяся дегустацией лёгких вин под супчик с курицей-«пилешкой», касалась выгод и преимуществ размеренной и спокойной жизни в болгарской провинции по сравнению с тяготами, достающимися простому россиянину, обложенному со всех сторон поборами безжалостного государства. Хозяин запальчиво утверждал, что именно здесь он почувствовал себя свободным от гнёта «государевых людей», делающих жизнь на родине просто невыносимой. До калитки гостей провожали два чумазых чертёнка – хозяйские котята неопределённой породы и масти, заставившие мысли Сергея и Ириши вновь обратиться к пропавшему Блошке. К счастью для наших новосёлов, поговорка о семи или девяти кошачьих жизнях оказалась верной. Через пару дней Блошка вернулся: его мордочка приобрела привычные очертания, под левой щекой висели коричневые чешуйки содранной кожи. Где он пребывал всё это время? Обрадованная Ириша высказала шутовское предположение: Блошка лечился в больничке у Большой Кошачьей Мамы...

Пора домой! Наше дружное семейство стоит у ворот дома на улице Македония, окруженное многочисленными сумками и пакетами. Утро: ласковое солнце освещает аккуратные домики из кирпича, крытые красными черепичными плитками. У высоких заборов наливаются соком тёмные гроздья виноградной лозы. Ничего не подозревающий Блошка играет в тени огромного орехового дерева. Лана машет рукой: «Пока, пока, киса – до следующего лета...»

Сергей обнимает Иришу, щурясь от яркого света, и жадно вдыхает кристальной чистоты воздух, пропитанный ароматами прогретой земли, деревьев, трав и цветов. Мысли Сергея переносятся на несколько тысяч километров, в далёкий сибирский город, где под присмотром старушки-матери остался обожаемый им пушистый сибирский кот.

– Знаешь, дорогая – здесь, в Болгарии, я постиг две истины. Первая – свой котёнок всегда самый лучший на свете. И вторая – можно любить двух котят одновременно!

– А женщин? – Ириша с лукавой улыбкой заглядывает в глаза Сергею.

Забрать котёнка в Россию было слишком проблематично. Поэтому малыш был снова передан прежней хозяйке с натруженными

крестьянскими руками. Вечером, когда солнце уже склонилось над вершинами невысоких смядовских гор, Блошка убежал от бабушки Иванки и проник сквозь лазейку в заборе во двор опустевшего дома. Было тихо, над травой в медленном танце кружила пестрая бабочка, на кирпиче бывшей овчарни грелась одинокая ящерица. Запахи Очень Высоких Существ были едва различимы. У двери, через которую вышли Ириша, Лана и Сергей, стояло блюдо с аккуратными кружочками аппетитной розовой колбасы.

И тогда Блошка понял, почувствовал своей кошачьей душой, что Высокие Существа не забыли его, маленького Блошку, и что они обязательно вернуться.

26.09.2010 - 29.06.2011 гг.



Станислав РАДЗИЕВСКИЙ

(Омск)

ФОКС

Повесть в рассказах

*(Наблюдения и впечатления пса,
отображенные при помощи хозяина.)*

Факт

1.

Во второй половине душного августовского дня, когда послеобеденная жара до «пływучего» состояния доводит асфальт на дорогах, а люди стремятся укрыться от нее внутри квартир, сонное послеобеденное небытие в доме прервал резкий звук дверного звонка. На пороге возникла дочь со своим молодым человеком. По ее смущенно-решительному виду нам с женой стало ясно – сейчас поставит перед фактом!

Факт лежал у нее на руках и тяжело дышал, слегка высунув кончик розового языка. Так дышат собаки, находясь в обмороке, что не удивительно при такой жаре, тем более, что наверняка ему пришлось перенести все «прелести» общественного транспорта и стресс.

Протестовать и ругаться в таких случаях бесполезно. С самого детства у нас в доме всегда были собаки, и поэтому нынешний факт был воспринят, как «должное».

Пока щенок приходил в себя в тазу с прохладной водой при поддержке и восхищенном рассказе дочери, было время его рассмотреть.

Не более месяца от роду. Практически – молочный. Несильно упитанный, видимо, последний в помёте. Внешне похож, и на болонку, и на дворнягу, хотя дочь утверждала, что это спаниэль. Спаниэль тут, конечно, был не причём. Абсолютно белый с мягкой шерстью и правильным сложением он напомнил мне болонку, которая жила у нас, когда мне было столько же лет, как и сейчас моей дочери. Если это болонка, то большим пёс не вырастет. Это успокаивало, так как для малогабаритной квартиры размеры её жителей имеют значение. Впрочем, вскоре стало понятно, что рост щенка

продолжается и после достижения размеров болонки. Шерсть становилась густой и мягкой и пёс скорее стал напоминать пастушью породу – южно-русская овчарка с традиционно – звонким голосом и весёлым нравом. Перепонки кожи между пальцами на его лапах дополняли догадку.

Обрадовало то, что после купания и обработки пес с первого раза понял значение слова «место» и с удовольствием его занял.

Выбор имени не занял много времени. По телевизору шел фильм «Место встречи изменить нельзя» и, естественно, новый член семьи был наречен Фоксом.

Дети должны ухаживать за животными. В детстве почти у каждого есть котенок, щенок, черепаха, или еще какая-либо живность. Вряд ли кто будет спорить, что общение с животными делает человека добрее. Поэтому появление в квартире Фокса, да еще по инициативе дочери отрицательных эмоций не вызвало. Опыт «прошлых собак» ясно рисовал мне вид луж в самых нежелательных местах, погрызенную обувь и все остальные «прелести», которые приносит в дом ребенок собаки. Однако, всё-таки РЕБЁНОК! Это понятие и ставило знаки запрета перед всеми аргументами «против».

Тот, кто в детстве ухаживал за щенком, котёнком, черепахой, воробьём с перебитым крылом, тот, кто искренне плакал над голубем, убившемся о провода...Станет ли такой человек убивать, обманывать, делать подлости...!?

А Фокс вошёл в семью гармонично, непререкаемо, нахально и безоговорочно. Как факт, с которым спорить бесполезно, и который надо воспринять, как должное, неоспоримое, беспокойное, но всё же такое «приятное беспокойство». Видимо так воспринимается первый внук, пусть даже не планированный официальной статистикой. Оценивая это новое живое существо в доме, поневоле возникла необходимость понимания и восприятия им окружающего мира. Очевидно, что от его имени это повествование будет достовернее и понятнее.

2.

А вставки в виде стихов, я думаю, создадут некое живое дополнение от моего имени к портрету пса и его характеру.

День первый

С трудом удалось разлепить веки. До этого своими щенячьими ушами улавливал только писк и слабый скулеж братьев и сестер, солидные звуки матери в виде терпеливого кряхтения и рычания, а также редкие и гулкие человеческие голоса, смысл и значение слов

которых были выше моего понимания. Нос улавливал запахи материнского молока, а все тело ощущало пинки и надавливания от лап моих – же братьев и сестер, стремившихся, как и я на этот живительный запах жизни, сытости и покоя.

Свет, увиденный моими щенячьими глазами был бел и резок до боли, полон движением, и в соединении с запахами и телесными ощущениями просто ошарашивал своей новизной.

Кто-то огромный взял меня своими, вкусно пахнущими, лапами и поднес к большой и бесшерстной морде. Первые человеческие слова в свой адрес я услышал именно тогда:

– Ну – вот, и последыш глаза открыл...

Следующие дни

Оказывается наличие зрения дает большие преимущества. Шерсть братьев, сестер и моя оказалось белого цвета, такая же, как и у нашей матери, но материнская шерсть была более густой и длинной. В ней так хорошо и тепло было прятать нос после того, когда удавалось опередить кого-нибудь из ближайших претендентов на порцию молока. Свет означал, что наступает время пробуждения и начала первых попыток исследования ближайшего окружающего мира, а приход темноты – время последнего кормления и устройства поудобнее среди других щенячьих тел возле маминого живота на ночь.

«Последыш». Постепенно понимал неприятное значение этого слова. Позже к нему добавилось и второе – «недокормыш». Братья и сестры, открывшие глаза раньше были заметно активнее меня в достижении заветного источника материнского молока. Часто, опережённый и оттеснённый их более сильными лапами и телами, я довольствовался тем, что оставалось после того, как кто-либо из них отваливался от материнского соска в сторону.

Толстые и резвые щенки начали косолапо семенить по полу. Частенько я, вставший на все четыре лапы последним из них, бывал в играх опрокинут и затоптан. И, конечно же, самым последним бывал в гонках на начало трапезы.

Все чаще от людей слышалось тревожное, непонятное и потому – страшное слово «выбраковка». Что это такое никто не понимал, но как то холодно при этом становилось в животе и хотелось скулить и забиваться куда-нибудь поглубже под материнский живот.

Приходили какие-то незнакомые люди, брали поочередно братьев и сестёр в ладони, осматривали со всех сторон и что-то говорили. До меня при этом очередь никак не доходила и слова «недокормыш и выбраковка» слышались всё чаще.

День, который мог бы стать последним, но который стал в некотором роде и первым.

Постепенно уменьшалось количество братьев и сестёр. Какие-то люди приходили, говорили о чём-то с тем, чьи слова я слышал в свой адрес первыми.

3.

И щенков становилось меньше на одного, на двоих.... Становилось сытнее, но холодно, неудобно и тревожно...

Утро рокового дня началось обычно, но мимо меня стал ходить ещё один из людей, чуть меньше ростом, чем тот, чьи слова я слышал в мой адрес.

Он что-то искал, смотрел на меня и чувствовалось исполнение им чьей-то злой воли.

Слышалось опять страшно и пугающе непонятно: «выбраковка, недокормыш» и новое – «мешок и топить»...

Он пришёл! Он пришёл за мной! Я прятался под шкаф и в угол, скулил и плакал, чувствуя беду всем своим существом, каждой своей шерстинкой... Куда же делась мама?!

Я боялся палки, которая выволакивала меня из всех потаенных мест и этой маленькой и безжалостной руки, хватающей меня за лапы и хвостик!

Но все-таки этот безжалостный (потом позже я узнал, что его зовут «мальчишка») схватил меня за шею и опустил во что-то пыльное, темное и страшное. Это, оказывается, и был «мешок»!

Так в забытьи от происходящего, испуган неизбежностью и происходящей жестокостью, я громко плакал в этом мешке, ожидая того, что называлось словом «топить», очевидно еще более ужасного, чем все, что было раньше. Вдруг понял, топить – это значит лишить меня возможности видеть, слышать, чувствовать и вообще существовать! Потому, что я родился последним! Потому, что у меня не хватило сил выиграть гонку с другими щенками к источнику материнского молока! Потому, что-то в отношении меня кто-то вынес приговор – лишний! Но ведь я не хочу! Я чувствую! Я живой!....

Мешок раскачивался в такт шагам мальчишки. Слышались какие-то голоса и непонятные звуки, такие, которые мне раньше слышать не приходилось.

Раскачивание мешка прекратилось и я услышал незнакомый голос:

– Что там у тебя?

– Щенок. По выбраковке надо утопить. Вот, иду...

– Покажи, может быть удастся пристроить.

Снова был свет. Незнакомые мягкие ладони и снова мерное покачивание в такт шагам, но уже не в мешке, а в картонной коробке.

При этом был яркий свет, проплывали мимо деревья, были новые и непонятные звуки и ощущались запахи, запахи, запахи...

Жарко и ярко били в коробку солнечные лучи. Вокруг стало шумно и душно. Громкие выкрики со всех сторон несли много новых слов:

- Котята персидские! Без родословной, дешево!
- Попугайчики, попугайчики!
- Поводки, намордники, ошейники, аксессуары, корм для кошек и собак!

Тот, кто держал коробку, не кричал. Он просто стоял и ждал, когда кто-либо подойдет и поинтересуется её содержимым. Солнце жарило коробку так, что дышать было нечем, а перед глазами плыли какие-то размытые образы. И вот две фигуры склонились над коробкой и ко мне прикоснулись руки.

- Какая это порода?
- Спаниэль...
- Давай возьмём, смотри какой хорошенький. Сколько стоит?
- За пятьдесят рублей отдам. Он без родословной...

Я вновь на руках и меня несут. Очень жарко и душно. Хочется пить... Какое-то неприятно пахнущее помещение, которое трясётся, скрипит, лязгает... Почему-то вокруг множество людей, качающихся в такт тряске помещения. Душно, душно...

4.

Глоток свежего воздуха. Опять куда-то несут. Темно и прохладно и вот резкий звук (позднее узнал, что это – дверной звонок). И вот, наконец, прохладный и скользкий пол и разговор. Да ведь это про меня!

- Ну вот, кого это ты принесла? Что за порода?
- Сказали, что спаниэль...
- Вообще-то спаниэль здесь и рядом не пробежал, скорее всего это болонка. Долго по жаре несла? Налей воды в таз. Пусть отойдёт. Ухаживать будешь сама...

Какое блаженство лечь после жары в прохладную воду и ощутить, что жив, что оказался кому-то нужным, и что судьба постепенно поворачивается лицом.

Ощущения новой жизни

Надо осмотреться. Я вытерт после небольшого купания, передо мной миска с молоком, которая как-то сама быстро опустела. Приятное ощущение теплой сытости в животе и, невероятно, –

собственная мягкая подстилка! Все! Это – мой дом! И первое слово, которое нужно осознать и запомнить: «Место».

Как член семьи, я обязан самостоятельно познакомиться со всеми ее членами и расставить приоритеты в отношениях. Итак: меня принесла та, которую зовут Таня. С ней приходил ещё кто-то, но как-то мимолётно и всего один раз. Встречали нас дома еще двое. Тот, кто обозвал меня болонкой и посоветовал искупать, зовется Папа. Еще есть та, к которой необходимо присмотреться по внимательней, так как она наверняка здесь самая главная. Её зовут Мама, или Хозяйка. Именно она постелила мне подстилку и улыбнулась, взяв в руки. Присмотрюсь, но уже заранее её уважаю...

Имя

Всех на свете как-то называют. Мама, Папа, Таня – это ясно. А кто же я? Этот вопрос решился в самый первый день новой жизни.

– Как его назовём? – спросила Таня.

– Как у Войновича «Пукс», то есть «путь к социализму» – пошутила Мама, вспомнив недавний театральный спектакль.

Я ожидал их решения, с интересом вслушиваясь, и начиная понимать, что судьба моего наречения начинает тормозить. Сам собой вдруг заговорил и засветился какой-то ящик в углу комнаты, видимо тоже член семьи, пожелавший участвовать в процессе выбора моего имени. Оказалось, что он имеет множество разных голосов, выходящих откуда-то изнутри. Ящик произнес хриплым мужским голосом роковую фразу:

– Пока Фокс не появится...

– Правильно, Фокс! – поддержал его Папа.

Так мной было получено красивое и звучное имя Фокс.

Первый ночлег на новом месте

Становилось все сумрачней. Подстилку с моего места переместили в помещение, пахнущее чем-то вкусным, но имеющее белый прохладный пол и такую же мебель. Зачем-то по всему полу постелили листы, называемые «газета». Не пойму для чего, но чувствую, что пригодятся. В углу урчал и трясся белый ящик (видимо, тоже член семьи). Свет погас и стало страшновато. Без братьев и сестер, без мамы, без новых хозяев. Видимо, меня оставили здесь навсегда!

От одиночества стало тоскливо и грустно. Пустота давила и заставляла плакать. Выпитое перед заключением в помещение, молоко поддержало силы для громкого моего плача по поводу нового, не знакомого, но неизъяснимо – тревожного чувства одиночества.

Плач прервал тот, кто назывался Папа. На его больших, тёплых руках стало спокойно... В нос ткнулось что-то вкусно пахнущее и успокаивающее. Проклюнувшиеся зубы сами взяли это «вкусное» и в животе стало сытно и тяжело. Позже я крепко усвоил, что это вкусное называется «сосиска».

Стало тепло, спокойно и уютно... Все впечатления прошедшего дня плавно закружились, закружились, и уснули... Я тоже уснул.

Второй день. Глистогонство

Несмотря на все усилия, не удаётся открыть дверь! Атаки с места её не берут! Газеты на полу собраны в кучу и почему-то мокрые. Безобразие! Здесь так мало свободного места. Мама! Папа! Таня! Я страстно желаю начать исследование новых территорий! Откройте эту проклятую дверь!

Свобода!!! Ловят, несут мыть, вытирают чем-то мягким и позволяют пробежать в помещение, где уже свистит и бежит неизвестный зверь на коротких ногах. Интересно, как себя вести!? Могучий инстинкт пробудил во мне желание замереть в напряжении, подняв правую переднюю лапу и опустив нос до уровня непонятного зверя...

(Позже узнал, что моя боевая поза называется «стойка»).

Услышав крик Тани: «Егор! Беги!», понял: во-первых: «зверя зовут – Егор», во вторых: – он жил здесь до меня и не является собакой, так как не лает, в-третьих, не пахнет собакой. Потом из слов хозяев узнал его породу – морской свин, а также понял, что трогать его НЕЛЬЗЯ! Ну что ж, нельзя, так нельзя! Будем бегать вместе...

Однако осталось ещё неисследованным помещение, где живёт член семьи Телевизор, придумавший мне имя и за ним еще пространство, влекущее жгучим простором тайны неисследованных углов и запахов...

Пришла Таня. В её руках был небольшой пакетик непонятного назначения. Услышал новое и совсем непонятное слово «глистогонить». Что это значит, было совсем непонятно. Надеюсь, что с названием «мешок» и понятием «топить» ничего общего.

Однако в ладони у Тани был неприятного запаха, порошок, а в миске, напротив, – вкусно пахнущее молоко. Подозрительный контраст. Видимо нужно будет оказывать сопротивление.

Как подло со стороны новых хозяев! Меня крепко держат за морду и сыплют в рот этот противный порошок! Неужели нельзя было просто утопить!? Однако, молоко после порошка пьется довольно приятно и заглушающее. Видимо еще поживу...

Какое-то беспокойство в животе. Как к месту здесь газеты по всему полу. Хотя и неприятно, но видимо хозяева считают эту процедуру необходимой. Пусть.

По визгу и испуганному крику Тани понял, что процедура оказалась успешной. Сразу стало легко и спокойно в животе, наступило умиротворение и слабость. Спать, спать...

Знакомство с тайным пространством

Как огромен мир нового жилища! На полу что-то мягкое и квадратное, полное запахов и непонятное по своему назначению. Оно наверное специально существует для того, чтобы мои лапы не скользили по полу и не стучали предательски, если захочется пробежать в самые заповедные углы.

6.

Много непонятного. Член семьи Телевизор молчит (видимо, затаившись, наблюдает из угла) за тем, как я осторожно прокрадываюсь в комнату. Страшно!

Оказывается, за шкафом с книгами есть еще пространство с непонятной постройкой и местом под ней, где темно и пыльно. Там живёт ещё один член семьи. Из разговоров понял, что его зовут Чемодан.

Впрочем, Чемодан лежит тихо и ничем не угрожает, хотя пахнет весь привлекательно. Надо в перспективе попробовать на вкус...

Под диваном (так называют постройку непонятного назначения за книжным шкафом) есть место, куда я могу во весь рост забежать и спрятаться в случае опасности. Попробуйте оттуда меня достать!

Исследовано далеко не всё. Есть ещё помещение, где я бывал всего однажды. Там прохладно, слышно как журчит вода и существует основное понятие для меня «мыть». Позже разберусь.

Веник

Он стоял в углу рядом с моим местом. Высокий, гордый, пахнущий всеми запахами жилища. Иногда хозяева брали его за шею, слышался его недовольный шуршащий голос. Наверное, он отвечал за порядок в доме и тихо наблюдал, чтобы этого порядка никто не нарушил.

В тот день я принял решение исследовать назначение постройки за книжным шкафом и попытался влезть на ее мягкий и манящий верх с тем, чтобы добраться до большого светящегося прямоугольника под названием «окно». Но тут понял, что постройка называется «диван» и объяснено это было именно при помощи блюстителя порядка по имени «Веник» и слова Мама – «нельзя». Было очень страшно. Видимо Веник бывает очень сердит и не допускает нарушений. Что ж, надо уважать и опасаться на всякий случай.

Когда-нибудь надо будет принести Венику кусочек сосиски, чтобы наладить контакт.



Рис. П. Радзиевского

Первая прогулка

Прошло много однообразных дней и ночей, впрочем, полных кропотливого моего исследовательского труда внутри жилища. Давно освоено пространство, отделяющее квартиру от наружного мира, видимого через все четыре непреодолимых препятствия под названием «окно». За ними виден другой, зелёный, полный жизнью и ее участниками, мир. Бегают незнакомые собаки и люди, гудят и фырчат страшные создания с колесами вместо лап, а когда открываются окна, то запахи, запахи, запахи...

Таня и Папа взяли меня на руки и вышли в этот, опьяняющий запахами и видами, мир.

Зеленая и высокая трава, движение ветра и пыли, звуки их шагов и моих лап заявляли о том, что Я – полноправный житель этого

пространства, имею право топтать траву, землю и асфальт, а значит, имеется и моя территория этого мира.

Какие-то люди подходили и спрашивали про мою национальность, то есть – породу и говорили слова, запомнившиеся мне на всю жизни: «красавчик, хороший»...

Подбежала собака, неоднократно видимая мной из окна. Коричневая, лохматая, с неестественно-фиолетовым языком и совсем не агрессивная. Услышал её имя – Ханя.

Собака неуклюже втоптала меня в траву, потом облизала мою морду и предложила побегать вместе. Первые игры, множество запахов и чувств, запах травы, метки на деревьях и, масса впечатлений...

Спал со сновидениями. По словам хозяев, дёргал во сне лапами. Счастье.

(Продолжение следует)



Лариса БЕРЕЗИНА

(Омск)

КОТЁНОК

Рассказ

Котёнок. Крошечный серый пушистый котёнок. Он бегал за ногами прохожих, трогая их лапкой, задирая вверх мордочку. Возьмите меня, посмотрите на меня, поиграйте со мной!

Люди проходили мимо. Мимо маленькой жизни. И никому из прохожих не было до неё дела. А маленькая жизнь хотела тепла и заботы.

Почти отчаявшись, котёнок сел посреди тротуара, вертя мордочкой в разные стороны.

Проходящая мимо пожилая женщина вдруг всплеснула руками:

– Посмотрите, какое изуверство! Кто его так? Вот садисты. Есть же такие!

Котёнок поднял вверх мордочку с окровавленным ничего невидящим вывернутым глазом. Второй глаз, целый, небесно голубой доверчиво смотрел на женщину. Котёнок подошёл к ней и ткнулся носиком в босоножку.

– Бедненький! Не выживет ведь, – сказала женщина.

– Да это мальчик один с утра тут с ним позабавился, – сообщила ещё одна прохожая – продавщица из магазина напротив. – Ирод.

Обе женщины, продолжая возмущаться, пошли дальше.

Котёнок снова сел, опустив мордочку.

Рядом остановился джип. Девушка вышла из машины, сказала:

– Какой хорошенький. Пушистый. На персидского похож. Лапки маленькие.

Мордочка короткая. Давай возьмём?

Котёнок поднял вверх мордочку. Девушка отшатнулась:

– Кошмар! Он – урод!

Машина уехала.

Изуродованный котёнок сжался в маленький серый комочек на сером асфальте.

Девочка остановилась рядом.

Котёнок сразу же стал трогать её ногу лапкой, потом лёг на спину между ступней девочки и поднял вверх передние лапки.

Девочка позвонила по мобильному:

– Мама, тут котёнок без глазика. Ему нужна помощь. Я его возьму?

– Не трогай, – сказала мама. – У нас уже собака есть.

Девочка присела на корточки рядом с котёнком:

– Что же с тобой делать?

Котёнок встал и потерся о её ногу, а потом вдруг прижался всем своим маленьким тельцем к ноге девочки, уткнув в неё мордочку

– Не бойся. Я не брошу тебя. Я тебя к доктору отнесу. Который зверят лечит. Мы к нему с мамой собаку водили. Он поможет.

Девочка взяла стоявшую рядом с урной картонную коробочку и положила в неё котёнка.

– Я тебя отнесу. Ты потерпи.

Котёнок успокоился сразу. Он свернулся клубочком в коробке и заснул.

Девочка несла коробку бережно, чтобы не разбудить котёнка. Но он вскоре проснулся. Повернулся на спинку и стал играть со своими лапками и хвостом. Маленький больной кошачий ребёнок, не понимающий своего уродства, получивший совсем немного тепла, как все дети на свете хотел играть.

– Не шали. Когда тебя вылечат, ты будешь очень красивый котик. Я найду тебе хозяина. А ко мне нельзя. У меня собака, – объясняла девочка. – Я к тебе в гости буду ходить.

Ветеринар, осмотрев котенка, сообщил:

– Нужна срочная операция. Стоит 2000 рублей.

– А без операции? – спросила девочка.

– Умрёт. Помучается и умрёт.

– А ранку помазать?

– Я же сказал – операцию. Могу со скидкой – за 1500.

– А ему больно?

– Конечно. Он мучается.

– Я же его нашла и принесла. С улицы. Он же не мой. Он ничей. Я думала: Вы поможете. А денег у меня нет, – почти заплакала девочка.

– Тебе делать, что ли нечего? Зачем ты его подобрала? Раз взяла – значит, ты и хозяйка его теперь. Вот и отвечай за него.

– Вы плохой доктор, – сказала девочка.

Она взяла котёнка на руки и заплакала.

Девочка шла по дороге. Котёнок прижимался к ней.

– Ничего, малыш. Я тебя домой принесу. Накормлю. Веня у нас пёс добрый. Он тебя не съест. Я тебе коробочку возле батареи поставлю. Ты у меня поправишься. Ты дяденьке не верь. Он плохой.

Ты вырастешь. И будешь красивый-красивый. Я тебя ни за что не брошу.

Уставший котенок мирно спал успокоенный теплом и любовью. Он ничего не знал ни о своём уродстве. Ни о своей скорой смерти. Ему было уютно и защищено. Он был счастлив.



Альберт ДЕЕВ

(Омск)

МАЛИНОВКА

Рассказ

Малина уродилась хорошая, рясная, ягода крупная, вкусная, рту тает. Да и как ей не уродиться хорошей – дожди обильно поливают. Начал я собирать ягоду, вижу – гнездо, уже пустое, птенцы давно вывелись, выросли и разлетелись, а ненужное уже гнездо сиротливо спряталось в кустах.

Раздвинул кусты. И вдруг, что такое? Мелькнуло гнездо, а в нём птичка, малиновка. А в глазах у неё – доверие, моя рука сантиметрах в пяти от птицы застыла. Малиновка сидит, не улетает, плотнее в гнездо вжалась и смотрит на меня, а во взгляде птички не страх, а доверие. Если вам скажут, что птичий взгляд ничего не выражает – не правда. Птичий взгляд выразительный.

Видел я как-то, как сорока, а дело было зимой, заглатывала синичку. Ужас читался в глазах пичуги. Когда синичке удалось вырваться из клюва сороки, какая радость светилась в её глазах.

Все гнёзда малиновок уже пустые, птенцы вывелись и уже летают где-то в садах, а у этой пичуги, видимо, по какой-то причине погибла яйцекладка, пришлось во второй раз откладывать яйца, а, может, оказалась молодая, неопытная, птица, первое гнездо построено было неудачно, вот и пришлось строить новое.

Каждый раз, приезжая на дачу, я осторожно раздвигал ветви малины, чтобы не спугнуть неосторожным движением малиновку, и собирал ягоды. Птичка сидела на месте, плотно вжавшись в гнездо, хотя рука моя была в 15-20 сантиметрах от гнезда. Посмотрев, здесь ли птица и собрав ягоды, конечно, не около самой птицы, я аккуратно отпускал ветви.

Иной раз я видел, как пичуга летает по-над самыми кустами малины, торопилась на гнездо.

Однажды, приехав на дачу, пошёл собирать малину, раздвинул ветви и увидел маленьких птенцов. Самой малиновки не было на гнезде, видимо, полетела собирать корм для своих деток. Вскоре послышалось шуршание крылышек о ветви. Я отошёл немного, затем

осторожно заглянул в гнездо. Малиновка закрыла птенцов и смотрела на меня. Я улыбнулся и отпустил ветки.

Когда через неделю, приехав на дачу, первым делом пошёл проведать своих птичек, увидел пустое гнездо, птенцы, видимо, слетели. Мне стало грустно – теперь я до следующего лета не увижу этих милых птах. Где они сейчас? Может быть, это их крылышки прошуршали в кустах...



ПУБЛИКАЦИИ

К 80-летию ПИСАТЕЛЯ
Михаила МАЛИНОВСКОГО
(1933 – 2010)

Игорь ЕГОРОВ

(Омск)

ДУШЕВНОСТЬ И ТАКТ

Очерк

Хорошо помню первую встречу с Михаилом Петровичем Малиновским, хотя прошло немало лет. Он пришёл к нам на одно из собраний литобъединения при газете «Молодой Сибиряк». (Время – первая половина 80-х годов. Руководил тогда литобъединением поэт Александр Лизунов. Входили туда в основном молодые стихотворцы, прозаики, эссеисты и критики, просто даже интереснейшие личности помимо их творческих наклонностей, имена большей части которых уже на слуху – это и Марина Улыбышева, и Ольга Родионова, и Валерий Дашкевич, и братья Павел и Станислав Радзиевские, и Валерий Чижов, и Юрий Перминов, и Светлана Юдина, и Сергей Игнатенко, и Раиса Абубакирова, и Юрий Виськин, и Георгий Бородянский, и Марина Безденежных, и Игорь Косицын, и Олег Салахутдинов, и Сергей Сорокин, и Дмитрий Войчик, и Павел Брычков, и Владимир Шандриков, и Ирина Медушкина, и Наталья Шишневская, и Лариса Горбунова (в настоящее время Лариса фон Трейден), и Наталья Морова, и Алексей Декельбаум, и Ирина

Пожарицкая, и Александр Бекишев, и Галина Анучина (в настоящее время Галина Воронина), и Пётр Козлов, и Андрей Фёдоров, и Марат Исангазин, и Евгений Коненков, и Андрей Коломиец, и Людмила Куликовская, и Балхия Тленчинова, и Степан Князев, и Василий Старостин, и Елена Черных и др. Фактически это литобъединение образовалось из двух литобъединений: литобъединения при газете «Молодой Сибиряк», которым руководили вначале прозаик Валерий Мурзаков, затем поэт Владимир Новиков, и литобъединения при «Межсоюзном клубе студентов», которым руководила поэтесса Татьяна Четверикова, она же после слияния этих двух объединений и вела первое время занятия с участниками общего литобъединения). Мы, многие молодые авторы, были ершистые, задиристые, каждый себя считал, чуть ли не гением. Надо сказать, что Михаил Петрович, по-видимому, понимая наш юношеский задор и максимализм, по-доброму мудро, деликатно, даже можно сказать – на равных, включился в наш литературный спор. В споре он очень метко процитировал строчки стихотворения Николая Рубцова «Воробей»:

И дрожит он над зёрнышком бедным,

И летит к чердаку своему.

А гляди, не становится вредным

Оттого, что так трудно ему...

Это было сказано в пику одному молодому поэту, который с яростью нападал на стихи своих товарищей, обосновывая резкость высказываний своим нелёгким жизненным опытом.

Тот разговор был настолько интересным, что он оставил в моей душе сильное впечатление. Я понял, что к нам в литобъединение приходил не только известный талантливый писатель, рассказы которого были напечатаны в сборнике, рядом с рассказами Василия Шукшина, но и по-настоящему замечательный человек.

Конечно же, меня поразили глубина его высказываний, высочайшая внутренняя культура, необыкновенные душевность и такт.

Именно тогда, я помню, мне захотелось показать свои первые опыты в прозе Михаилу Петровичу. Потому что я почувствовал, что именно он сможет понять меня и дать нужный тонкий совет. В этих моих первых опытах он сразу же увидел будущий цикл рассказов, где есть сквозной герой, который оказывается в разных жизненных ситуациях. Он отнёсся ко мне очень сердечно.

Угостил чаем. Кстати, гостеприимство – было неотъемлемой чертой его характера, что могут подтвердить многие мои товарищи по литературному цеху. Он умел расположить к себе автора, поддержать его, помочь ему найти себя, дать важный совет. Помню меня поразила обстановка у него дома: везде у него были книги – на полках, на его рабочем столе, причём книги редкие, уникальные. Немало книг было и на английском языке. (Произведения многих английских и американских писателей Михаил Петрович читал в подлиннике). И,

конечно же, папки с рукописями разных авторов, которые к нему обращались за консультацией, хотя, по-моему, никакой официальной должности он не занимал в Союзе писателей.

Я знаю, несмотря на своё плохое здоровье, плохое зрение, он мог поехать даже в район, чтобы встретиться с интересным автором, внимательно прочитать его рукописи (так было и с Михаилом Шангиным, которого он открыл для читателей как самобытного талантливого литератора).

Помнится эпизод, как Михаил Петрович вдумчиво, но в то же время со жгучим нетерпением читал с увеличительным стеклом рукописи участников Областного литературного семинара прямо в такси. Так ему хотелось побыстрее ознакомиться с их произведениями.

И надо сказать, что молодые, да и не только молодые авторы тянулись к нему, находили его сами. Своим опытом в работе с начинающими, огромным чутьём, дельным советом многим он помог поверить в свои силы. Многие из его учеников стали впоследствии профессионалами в литературе.

Михаил Петрович, несмотря на то, что был прозаиком, прекрасно знал поэзию и тонко её чувствовал. Поэтам он мог конкретно по строчкам подсказать много полезного. Человек огромного ума и необыкновенной широты кругозора, он воспринимал текст поэтических произведений нередко даже глубже самих же авторов.

Бережно храню в своём архиве копию рекомендации для вступления в Союз писателей, написанной Малиновским. Вот некоторые её моменты: «Творчество Игоря Егорова своеобразно тем, на мой взгляд, что не укладывается в привычные формальные определения и в то же время сохраняет следование литературным традициям... Надо только вчитаться и вдуматься без предвзятости. И тогда – вместе с Женькой Забродиним (героем его рассказов) – веришь, что есть в нашем мире нескудеющая сила души, веришь – вместе с автором – в то, что даже почерк дорогого человека меняется, когда он уходит из жизни.

Не замечал я раньше
Важного – в простом, обычном.
Память многое мне открыла.

Такая доверительная откровенность нужна человеку особенно в наше неустойчивое время, как душевная опора...

Чистым задушевым голосом Игорь Егоров – в прозе или в стихах (как Бог положит) – пробуждает нашу память и находит для этого верную интонацию, точный образ, единственное слово, потому что следует доброй традиции русской литературы – писать, как живёшь, и жить, как пишешь».

В начале 90-х Михаил Петрович создал литературное объединение прозаиков «Омское собрание», он же им и руководил.

В это литобъединение входили Александр Дегтярёв, Евгений Калачёв, Владимир Козлов, Владимир Чмырёв, Сергей Лeksuтов, Изра Криворучко и поэты, которые пробовали себя в прозе – это Александр Лизунов, Георгий Бородянский, Игорь Косицын. Хочу сказать, многие – довольно яркие личности. Я тоже входил в это литобъединение и приносил туда на суд свои рассказы. (Впоследствии в Союз российских писателей были приняты Александр Дегтярёв, Александр Лизунов, Георгий Бородянский, Сергей Лeksuтов, Изра Криворучко, Евгений Калачёв вошел в Союз писателей России). Собирались мы на улице Коммунистической 20 в здании Омского отделения Союза писателей раз в две недели. После обсуждения рукописей обычно играли на бильярде, говорили при этом о литературе, о жизни, о глубоких преобразованиях в стране, которые тогда происходили. Иногда на наши собрания заходили и такие известные мастера прозы, как Александр Плетнёв и Алла Кузнецова. Им очень нравилась творческая, профессиональная и в то же время доброжелательная атмосфера обсуждений рукописей в литобъединении. Они немного даже участвовали в этих обсуждениях. За два года существования литобъединения Михаил Петрович сумел так построить работу с молодыми прозаиками, что в результате под его редакцией появился интереснейший коллективный сборник рассказов «Тревога», в который вошли все выше перечисленные члены литобъединения и который до сих пор пользуется немалым успехом у читателей. (Об этом сборнике была опубликована глубокая литературоведческая статья Елены Николаевны Злотиной «О чём тревожится душа?» в газете «Омская правда» за 18 августа 1993 г. Вот что писала Елена Николаевна : «Тревога» – это своеобразная коллективная исповедь о духовном мире художника, о круге его забот, радостей, печалей, тревог. Так о чём же тревожится душа художника? Трудно размышляет об изломах жизни, о непредсказуемом отчуждении ещё недавно близких людей, об опасностях, таящихся в непроглядной ночи, герой рассказа Сергея Лeksuтова «Игра в фанты». Может быть, впервые за свои молодые годы задумывается, с болью и стыдом, об истинной сути милосердия Женька из рассказа Игоря Егорова «Нескудеющая сила». О хрупкости души подростка, потрясённого поражением в шахматном турнире, крушении честолюбивых надежд, о страшной безнадёжности, толкающей мальчика не куда-нибудь – в петлю, – нервно и остро рассказывает психологический этюд Георгия Бородянского «Поражение». Изматывающий душу контраст красивой кинолжи и безотрадных реальных будней, зыбкость наших иллюзий мучают героя рассказа Игоря Косицына «Дорогая Рейчел». Лейтенант Лопушанский, герой одноимённого рассказа Владимира Козлова, которому предстоит вести в атаку своих бойцов, переполнен болью за предсмертную красоту розового от инея рассвета, страхом за жизнь – не свою, а молодого солдата Васнецова с такой «нежной и весенней»

фамилией. В «Рок-концерте» Евгения Калачёва «металлист»-фанат Максим с болезненным, но влекущим изумлением открывает для себя, что кроме гремящей, туманящей разум рок-музыки, есть другая, сказочно-высокая красота старого храма, могучий и таинственный голос органа. Ностальгией по бесхитростной теплоте семьи пронизан маленький рассказ Изры Криворучко «Возвращение». Неразрывность высоких художественных помыслов и безупречности моральной чистоты творца – тема рассказа Владимира Чмырёва «Торжество Ярилы». Названные выше сочинения неравнозначны по уровню письма, по стилевому и композиционному умению. Что-то сильнее, что-то слабее. Но есть и нечто объединяющее. Это – молодое искреннее неравнодушие. Поиски своей, незаёмной интонации, своего голоса. И уважение к слову – ладному, точному, единственно необходимому. Что бы ни говорили недоброжелатели – это не дилетантизм, а вступление в литературу. Самые сильные, самые зрелые вещи в «Тревоге», безусловно, рассказы Александра Лизунова «Старая труба», Александра Дегтярёва «Чугунок горячей картошки» и Анатолия Чепкина «По грибы». Рассказ Лизунова удивительно ёмок. Страдание, сострадание, жалость к бедной нашей земле, тайна другой, загробной, жизни пронзают сердца автора и читателя... Обстоятельно, сочувственно и при этом тактично заглядывает Александр Дегтярёв в материнское сердце – сердце героини рассказа «Чугунок горячей картошки» Марии Егоровны... Рассказ Дегтярёва написан просто, безыскусно, без ненужных сантиментов. Он будничен, казалось бы, и тем правдив – разве редко наши будни радостны и горестны одновременно?... Анатолий Чепкин, «По грибы». Заголовок нейтральный, простецкий, а рассказ исполнен поэтичности и лиризма... Детали сельского быта, ритуал прощания выписаны автором, с такой теплотой прослежен каждый шаг старой женщины, что в сердце пробуждается чувство вины. Да, нашей общей вины перед брошенной нами землёй... Вот, пожалуй, и всё о книжке, собранной и изданной трудами куратора «Омского собрания», члена Союза российских писателей Михаила Малиновского. Жаль только, что рецензенты иных омских газет («Вечёрки», «Омского вестника», например) оперативно (а точнее сказать, небрежно-поспешно) отозвались о книге с высокомерным пренебрежением. Поверьте, несправедливо».*) В те же годы стали возникать и замечательные идеи создания здесь, на омской почве, уникальных книг. Так возникла мысль выпустить ряд сборников переводов из английской и американской литературы, сделанных силами омских переводчиков. Михаил Петрович тоже принял самое непосредственное участие в осуществлении таких необычных для Омска проектов. И надо сказать,

* Некоторые из рассмотренных критиком рассказов редсовет решил опубликовать в этом номере альманаха.

что своими прекрасными переводами рассказов английских и американских авторов он задавал высокую планку и для нас, переводчиков. (А английским языком он владел просто великолепно и переводил литературные тексты блестяще!) Эта работа его даже увлекла.

А ведь всякий, кто хоть немного сталкивался с переводом художественного текста, тот, как говорится, не понаслышке знает, насколько это невероятно сложно – передать стиль писателя, его своеобразие, колорит языка, времени, в котором он творил. (Переводы, выполненные Малиновским, были опубликованы в следующих изданиях: рассказ Джорджа У. М. Рейнольдса «Суд инквизиции» – в книге «Поездка в ад» (Изд-во ОмГПУ, Омск, 2001 г.), рассказ Стефена Уэйсилика «Пара жареных форелей» – в альманахе «Складчина» № 2 (4), 2006 г.).

Меня и моих товарищей в наших начинаниях Михаил Петрович всегда поддерживал. Так было и с идеей создания альманаха «Тарские ворота» и приложения к нему – журнала «Иртышъ-Омь» на основе самофинансирования (т.е. благотворительных вложений авторов и меценатов). Он видел в этом издании один из выходов из ситуации, когда средства на периодические литературные издания выделяются (добываются) редко и нерегулярно. По сути, он благословил наш подвижнический проект, и я всегда ему буду благодарен за понимание и поддержку. Помню его добрые слова, сказанные по телефону: «Игорь, вы с ребятами делаете великое дело, которое, может быть, не сейчас, но после обязательно оценят».

И для нас, редакционного коллектива альманаха, эти слова замечательного человека, выдающегося сибирского писателя очень важны.

Михаил МАЛИНОВСКИЙ

(Омск)

НОЧЬ ТАКАЯ ЛЕТНЯЯ...

Рассказ

– Ты уходишь? – Женька, пропуская Бориса на пол, вжалась в постель.

– Покурить, – Борис приоткрыл ситцевый полог, взгляделся, не проснулась ли Танюшка.

Танюшка, двенадцатилетняя Женькина дочь, спала – на диване с высокой спинкой, напротив, у стены

Голубое узорчатое покрывало сползло на пол, только краешком держалось в ногах. Так и уснула в розовом гарнитурчике, подаренном матерью сегодня, в день рождения. Ноги подтянуты к груди, руки зажаты в коленях. В подбородок упирается острым углом обложки томик Александра Грина. Танюшка хмурилась во сне, дышала отрывисто. Может, гриновский мир грезился ей.

– Зябнет, – сказала Женька.

Борис на цыпочках шагнул к дивану, осторожно высвободил книгу, положил на тумбочку, где стопкой возвышались остальные пять томов в картонных футлярах, поправил покрывало. Танюшка тотчас вытянула тело, задышала ровно и глубоко. Женька улыбалась, глядя на дочь. Борис скользнул взглядом по Женьке и тоже улыбнулся, отошел к трехстворчатому окну.

– Красивая она у меня, – заговорила Женька. – Бровки черные, ресницы размашистые, носик аккуратный – не в мать бесцветную. И характером лёгкая. Удачливая будет. А, Борь?

Борис разыскал на столе среди тарелок с едой пачку «Севера», закурил, пуская дым в открытую створку – одной папиросы хватило бы, чтобы наполнить дымом всю комнатку. Он был доволен собой нынче. Случайно заглянул в книжный магазин, неожиданно доверился молоденькой продавщице, а подарок своей необычностью пришелся по душе Танюшке и Женьке: собрание сочинений в шести томах! Получилось серьёзно и уважительно – не какой-нибудь ситчик на платье или махровое полотенце с корабликами. И что именно в этот день пришёл – тоже хорошо: его ждали, обрадовались ему.

– Завидуешь, никак? – спросил в ответ Борис.

– Скажи ещё! – вяло возразила Женька. – Мечтаю я...

Женька взмахнула плавно рукой, но не нашлась, как выразить свою мечту жестом, и посмотрела на Бориса: понятно ли ему? Борису было понятно. Он привык уже к тому, что Женька постоянно размахивает руками, будто жестом хочет пояснить или дополнить сказанное.

– В доме отдыха была в прошлом году, – продолжала Женька после молчания. – Соседку одну нет-нет и вспомню. Молодая была бы, а то... Подходит утром ко мне, поворачивается молчком спиной и косится. Чего тебе?» – спрашиваю. «Да застегни же!» – говорит. Еще и рассердилась. Надо же, как ещё живут бабы: лифчик сама себе не умеет застегивать...

Борис курил. Женька приподнялась на локте, долго смотрела на Бориса – при затяжках папиросный огонек отблескивал в его глазах, освещал вздернутый нос, полные губы, потом профиль расплывался в сумерках. Женька вздохнула.

– Открой шире, – попросила она.

Борис распахнул окно. Дым от папироски смешивался в ночи с легким невидимым дождиком, который чуть слышно садился водяной пылью на тополь перед баракom. Казалось, не дождь сыплется, а ночь так затаенно дышит. Сама ночь, северная июльская ночь, была сумеречной, как дым, и призрачной – не скрывала даже островерхого терриконника, что вдали над ольшаником высывался в небо.

– Ночь какая, – Женька снова вздохнула. – Почти белая ещё. Душу выманивает... Борька, а ты тоже красивый. И моложе насколько. А удача не даётся тебе. Почему? Вот зачем ты ходишь ко мне? Не подумай чего. Соседский Колька, Лилькин парнишка, – Женька кивнула на стенку, – позавидовал. «Вам чего, – говорит, – только один дядя Боря ходит и все делает: двери наладил, дрова помогает пилить». Танюшка, несмышленка, гордится. Она переживает, когда тебя долго нет. А зачем мы тебе? Бросал бы уж и женился. Пора ведь.

– Ты ж сама не хочешь! – Борис выщелкнул окурок за окно, стал вслепую нашаривать на столе бутылку.

Борису не нравился разговор о женщине из дома отдыха, о соседском парнишке Кольке – в Женькиных раздумьях не предвещалось ему ничего хорошего. Настроение от этого начинало портиться.

– Там под столом пиво должно быть, – подсказала Женька и продолжала: – Глупый ты какой, Борис. Совсем не пара мы... Девочек тебе мало? И чего ты нашёл во мне, не знаю...

– С тобой хорошо бывает, – ответил Борис раздумчиво. – Тебе налить?

– Полстаканчика.

Борис присел на койку, повторил:

– Хорошо с тобой, Женька. Другой раз выпадает неделя-другая

без тебя. И, веришь, так муторно живётся тогда. К кому не сунешься – все сторонятся: с Борькой, видишь, только выпить можно, больше Борька ни на что не годится. Загудишь с тоски, тут и неприятности... С шахты так-то и выгнали за пьянку, в трудовую книжку записали... А с тобой я тоже человек, Женька...

– И мне бы гнать тебя по-доброму, – Женька двинула коленкой для большей ясности, – так ведь сопьёшься совсем. Не гнать – потом обижаться станешь: опутала, скажешь, загубила жизнь твою молодую. Скажешь ведь? Мать, поди, так и говорит, клянёт, поди, меня почём зря.

От пива Бориса зазнобило, он хотел закрыть окно. Женька удержала:

– Пускай... Забирайся под одеяло, вмиг согреешься. Шёл бы к нам на стройку. Всегда на воздухе. Мне нравится на высоте работать – просторно, душа радуется. А чего в твоём домоуправлении – канализацию чистить? Девяносто рублей – это деньги для мужика?

– Пробовал. Не берут – трудовая книжка-то замарана... Своих таких, говорят, много, – проговорил Борис в потолок. – Сюда-то еле-еле... Женька, не пойму я: худо тебе со мной?

– С чего ты взял? Где же худо, раз люди завидуют.

Борис почувствовал в Женькиных словах издёвку – то ли над собой, то ли над ним, повернулся к ней. Она по-прежнему полулежала на локте, смотрела в окно. Пытаясь как-то восстановить нарушенную настроенность, Борис погладил Женьку по плечу, провёл руку к талии, сказал тихо:

– У тебя, Женька, тело красивое.

– А-а, все так говорят. И ещё говорят, с лица, мол, воду не пить.

– Ну зачем ты!..

– А не забывайся, кто я такая...

– Зачем наговариваешь на себя? Я же знаю.

– Много ты знаешь. Разве это я наговариваю? Это люди говорят.

Молчали.

Ночь дышала чуть слышно.

– Вчера заявился этот, – начала говорить Женька. – Года два не показывался, а тут – здравствуйте! Надумал доченьку поздравить с днём рождения. Вспомнил про доченьку. Тайком от семьи, видать: прямо с работы и выпивши. Скребёт душу, а куда теперь. Застрял на пороге, мнётся. Я молчу. Пошарил по карманам для виду, махнул рукой – хоть бы конфетку прихватил. Я молчу опять. Танюшка нашлась: а рано поздравлять, говорит, день рождения завтра будет. Большая уже, понимает. С тем и ушёл. Танюшка просит: не говори дяде Боре.

– На твоём месте, Женька, я потянул бы всё-таки с него алименты.

– Если б с него! Трое там, сама не работает, и мать ещё... Его мать. Встречаемся на днях в магазине. Здравствуй, Евгения, говорит, какая ты справная стала. Вспомнила, как зовут – Ев-ге-ни-я! А то не знала, когда вместе жили. А чего мне, говорю, работаю сама на себя, поедом никто не ест. Ну их совсем!.. Я злая стала, Борька. Приведись теперь, не плакала бы, дурёха, по углам, сама бы этой старой ведьме: не глянется невестка вместе жить – вот бог, а вот порог, и не рушь семью! Не по сыну, видишь: голодранка и некрасивая. Пускай их, как хотят, совсем уж заездили своего красавчика. Я одна Танюшку до дела доведу. Она и сейчас не хуже других. Одеваю, что не стыдно. На родительских собраниях в пример за отметки ставят...

Женька умолкла вдруг, прислушалась:

– Уснул?

– Нет, думаю.

– Скажи, сон нейдёт... А ты о чём?

– Так. Тебя слушаю, о себе думаю.

– И что?

– Не складно, Женька. С тобой, вот, и вообще – всё не так. Идёт жизнь перекосом, а морду набить некому. Ты как-то умеешь...

– Вот-вот, я умею. У тебя же – перекосом. Эх, Боря, слабый ты ещё, на себя одного не хватает силы.

– И ты тоже, – обиделся Борис. – Тоже ни во что не ставишь. Зря ты, Женька, так...

– Ничего не зря! – Женька села в постели. – Хорошо тебе со мной? И ладно. Ты приходишь, когда надумаешь. И тоже ладно. Пускай так и будет. По слабости не можешь оторваться от меня. Окрепнешь, тогда точно – Митькой тебя звали. Когда-то не придёшь. Совсем. К этому идёт. А мы с Танюшкой будем жить, как живём. Другое дело – войдёшь в семью и потом бросишь. Нет, Боренька, приходи или не приходи – как знаешь. А бросать нас – по ране рану делать – этого я не допущу!

Женька выбралась из постели, отошла к окну, замерла там, обхватив себя руками за плечи. Дождик, похоже, иссяк. Кое-где серый ватин облаков расползлся, в прорехи пробивалась белёсая синь неба с тусклыми мелкими звездами. На фоне низкого окна тонкая ночная рубашка просвечивалась и виден был силуэт Женькиного тела. В груди у Борьки потеплело вдруг, он заволновался, резко встал, подхватил Женьку на руки, лёгкую, как подросток, и не остывшую ещё. Женька не прильнула к нему, как прежде бывало, но и отталкиваться не стала. В её покорности Борису почудилось отчуждение. Не желая верить предчувствию, он всё крепче прижимал Женьку и трезвел от её безответности. Волнение угасало, растерянность овладевала Борисом. Он ещё держал Женьку, отяжелевшую сразу, не зная, что предпринять, куда ступить, потом посадил её осторожно на подоконник, вернулся на койку, как обманувшийся

щенок. В щенячьем недоумении он лежал ничком, опустив голову виском на руки. Женька оставалась на подоконнике, такая же манящая своей доступностью и непривычно чужая.

– Жень!– позвал испуганно Борис.

Женька насторожилась, чуть повела головой, будто прислушивается – что-то новое, необычное прозвучало в Борисовом голосе. Борис поторопился сказать совсем не то, что рвалось из души:

– Простудишься, Жень.

Женька промолчала, ждала, что он ещё скажет. Борис ничего не сказал. Она откинула голову на косяк, развела широко руками:

– Всю жизнь, бывает, переберёшь за одну ночь.

Тогда мы с Танюшкой вдвоём переживаем – каждая по-своему. Она чуткая у меня. Я вот тут сажусь, она прямо на столе умащивается – в покрывало завернётся и смотрит в окно. На неё время набегает, набегает. Она размечтается так красиво. А я назад оглядываюсь, куда там это время девается, что оставляет после себя.

Женька показывает, как именно оглядывается вослед времени, повернув голову и напряженно прищулив глаза, и Борису становится ясным, что там, куда уходит Женькино время, ничего отрадного нет для её памяти.

– Говори, Жень.

– И чего-то так жалко станет, Борька, чего-то так захочется, что и поплачем вдвоём. Как росой умоемся... На меня тоже набегало время, тоже рвалась без оглядки навстречу, мечтала за себя... Ты говоришь, я могу. А почему – ты знаешь? Ты ж ни разу не спросил, откуда я такая, как жила... После войны уже, мне шестнадцать было, переписывалась я с одним морячком. Ваня Малашкин. Так в нашей деревне и живёт. Девчата дали лишний адрес для смеху – я парализованная была. С голодухи ли или от работы – с тринадцати лет дояркой наравне со взрослыми тягалась. Пришла с фермы, упала и не встать. Отвадили меня, но отняли ноги и язык, одни руки действовали. На русской печке отлеживалась. Поначалу мать когда снимала с печи и усаживала на жернова у окошка. Такие самодельные жернова тогда почти в каждом доме были. Потом сама приспособилась переваливаться – два шага там от печки до окна. Днями сидела на жерновах, маячить руками овладела так, что родные понимали всё как есть. И писать могла. Завязалось с Ваней заочное знакомство. Я всерьёз принимала. Дошло до того, что на побывку Ваня приезжал ко мне. Здесь, говорит, Евгения Ивлева живёт? Рослый, красивый, медали через всю грудь. Вот она я, на жерновах сижу. Ни с места сдвинуться, ни слова сказать. И дома никого нет. Он говорит, я молчу. Он опять говорит. Тогда я заплакала. Первый вечер он со мной провёл. Всю тетрадку исписала ему в разговоре – он говорит, я пишу. На второй день просится на вечерку поглядеть. Как мне держать – иди. Ночевать к нам приходил. Я дожидалась его на

жерновах своих, ловила каждый звук с улицы. Он рассказывал, с кем провожался. Вместе смеялись над Зинкой Беспаловой, председателевой дочкой, как щеголяла она в трофейных платьях. То оранжевое напялит, балахон балахоном, и тесёмкой подпояшет, чтобы короче казалось. То ещё зеленое – его наденет, как ночная сорочка, только с одной широкой лямкой... Уехал Ваня, снова стали переписываться. Через год весной сообщает, что демобилизуют его скоро и приедет он в нашу деревню жить, потому что ни родных, ни дома не осталось у него.

Женька утомилась говорить, всё больше прибегала к помощи жестов.

Борису эти жесты стали казаться назойливыми, он отвёл взгляд, попросил:

– Передохни.

– Нет, слушай уж. Что со мной было! Как я мечтала встретить его, Борька! И пляшу-то я лучше всех, и песни завожу – заслушаешься. Тут пасха должна быть вскорости. В деревне бабка Салатиха жила, такая верующая, молитвами болезни лечила. Повадилась она к нам, мать подговорила, обе ко мне подступают: молись, доченька, усердно, бог поможет. По-бабкиному, надо было на пасху вместе с солнышком встать на ноги и просить бога молитвами – за Салатихой повторять. Дождались пасхи. На зорьке вывели меня во двор, мать и тётка Марья, соседка, подняли под руки, бабка Салатиха подготовила святую воду, чтобы окроплять ей. Ждём. С первым лучом, как он из-за поскотины выскользнул, бабка дала знак двигаться и натянула молитву. Она своё тянет, а я по-своему молюсь: Ванечка, хороший мой, я сама пойду! Как ей узнать, Салатихе, что у меня на уме. Видит, губы шевелятся, и старается вовсю. Маячу матери: дайте ухваты! Это вместо костылей. Всю силу в ноги отдаю, на молитву на свою ничего не остаётся, твержу только: Ва-ня! Са-ма! И про бога забыла. Делаю шаг, ещё шаг, ещё шаг... Ног не чувствую, а шагаю под свою молитву: Ва-ня! Ва-ня! И вдруг вырывается громко так:

– Ва-ня!

Салатиха обомлела от чуда и бутылку со святой водой выронила. Мать с тёткой Марьей в голос заревели от радости. Ещё бы: и пошла, и заговорила! – Женька замерла, изумлённо раскрыв глаза, будто не с ней произошло когда-то такое чудо, а с кем-то другим, и она впервые слышит об этом, потом закончила опавшим голосом: – Как я плясала на свадьбе, как я песни орала на Ваниной свадьбе, люди только головами качали и трезвели... Ваня приехал осенью и женился на Зинке Беспаловой...

Ночь замедленно отступала. Пока только небо подсветилось с одного края и редкие звезды начали незаметно стаивать.

Вот-вот проснутся птицы и займётся утро с их хлопотливого щебета.

Тихо-тихо.

Посапывает Танюшка.

Борис лежит так же ничком, отвернувшись от окна, думает, ждёт утра. Женька будто стеной отгородилась от него – недостижимая стала, хотя и коснешься колена, если протянуть руку. Припомнилось, что и раньше так бывало, что Женька – почему он не обращал внимания тогда? – с упорством удерживалась от опасного сближения, когда теряешь разум и кидаешься головой в омут. И раньше не однажды возникала перед ним эта невидимая стена. Он, не ведая того, разрушал её, а Женька вновь воздвигала, и каждый следующий раз более устойчивую, чем прежняя. Стремление чувствовать себя нужным кому-то помогало ему преодолевать эту стену. И какие тогда наступали яркие минуты – ради них, может быть, и живет человек!..

Женька что-то говорила. Борис с трудом заставил себя прислушаться.

– А должно где-то быть оно, моё маленькое бабье счастье, – говорила Женька. – Как ни вглядываюсь назад – нет, не пропустила. Вот есть человек, который всегда тебе лифчик застёгивает, – это счастье? Или на стройке бывает, работа захватывает – тоже хорошо. Или Танюшка – счастье моё? А может быть так, чтобы всё вместе и одному человеку досталось? Наверно, бывает у кого-нибудь... И такие ночи бывают. Борь, а вдруг она самая счастливая, эта ночь? А мы живём и не знаем, а она проходит... И время будет уходить, а ночь эта останется в памяти, и долго ещё будешь жить ею...

Борис слушал и не слушал. Свои мысли сливались с Женькиными. Когда Женька умолкла, он не заметил и никак не откликнулся. Мысли о счастье, о стене, что разделяет сейчас их с Женькой, одолевали его навязчиво. И тяжело думалось, что с каждым разом всё больше усилий будет требоваться от него для разрушения этой стены...



ПАМЯТИ ПОЭТА
Аркадия КУТИЛОВА
(1940 – 1985 гг.)

Нэлли АРЗАМАСЦЕВА

(Омск)

АРКАДИЙ КУТИЛОВ – ОТСВЕТ ЖИЗНЕННОГО АДА

Очерк

*«Я пока что в России не признан...»
А. Кутилов*

Несмотря на то, что жизнь Кутилова оказалась очень короткой, он успел оставить после себя огромное наследие. В данное время создаётся полный каталог его работ, включающий в себя большое количество разножанровых произведений: стихов, прозы, рисунков, живописных работ.

Трудно, незачем и не нам судить о том, почему так закончилась жизнь человека, почему поэзия Кутилова была достойно оценена только спустя несколько лет после его смерти.

Стихи омского поэта вошли в антологию «Русская муза XX века», включены в антологию «Русская поэзия XX столетия», изданную в Лондоне на английском, наконец, – в нашу мемуарную антологию «Строфы века».

Чем же так притягивает к себе Аркадий Кутилов? Конечно же, своим необыкновенным творчеством и интересной личностью.

«Читая его стихи, мы не найдем в них озлобленности или обиды. Напротив, его поэзия одухотворена любовью к людям, родной природе, к России. Он пел о своей «тихой родине», об утренней зеленой звезде, пел, будто вышивая узоры «чисто русским твердым почерком» по российскому льняному», пишет поэт Юрий Перминов.

Примечательно ещё и то, что Кутилов был не только поэтом, но и художником. Его записные книжки со стихами имеют множество рисунков на полях.

«Рисование – часть моего творчества, – говорил поэт. – В этом деле многое знаю и многое умею».

Рисование у Кутилова составляло существенную часть творческого процесса.

Его рисунки прямо перекликаются с музыкальной гармонией его стиха. В них он достигал виртуозного мастерства. Кажется, что рука не отстает от пробегающего по изображаемому глаза, и в этой непосредственности почти автоматического рисования.

Он трагически ушел из жизни в мае 1985 года. Не сумел издать при жизни книг, оставив разрозненные записи своего творчества и неполные факты биографии. Но самые страстные поклонники кутиловской поэзии торопятся успеть собрать воспоминания о нём современников и то, что осело когда-то в домашних архивах его знакомых и друзей.

«Я пока что в России не признан...» – писал Аркадий Кутилов с осознанием невозможности самоутвердиться в противостоящей ему системе эпохи «застоя».

Спустя годы, появляются «первые ласточки» популяризации творчества талантливого сибирского поэта. Это – создание самого первого музея Аркадия Кутилова и мемориального комплекса в селе Бражниково Колосовского района, на родине поэта; открытие школьного музея творчества Аркадия Кутилова в школе № 95 города Омска.

В память о нём созданы три фильма: Новосибирской киностудией, Омской – «Кто такой Аркадий Кутилов?», режиссер Альберт Полеводов, 2005 год, и Московской киностудией – «Москва придумает меня», автор фильма Вилен Визильтер, 2009 год.

23 июня 1969 года, на радио, прозвучала радиокomпозиция «Моя тихая Родина», составленная А. Кутиловым, подготовленная Инной Антоновной Шпаковской, ведущей программы литературно-художественного вещания Омского радио, прозвучавшей в исполнении заслуженного артиста РСФСР Альберта Иричева. Текст этой радиокomпозиции опубликован в книге «Я – Магнит», изданной в 2010 году в Омске.

Аркадий Кутилов – автор 10 сборников стихов, вышедших после его смерти в различных издательствах. Их общий тираж ничтожно мал.

30 июля 2010 года в Омске, на Аллее литераторов, установлен памятный камень с именем Аркадия Кутилова.

К 70-летию со дня рождения А. П. Кутилова выпущены уникальные книги сразу двумя почитателями его поэзии: омским художником-микроминиатюристом, профессором РАЕ А. И. Коненко и В. К. Ястребовым, доктором медицинских наук.

Оба варианта книг составлены на основе рукописного сборника стихов А. П. Кутилова «Я – Магнит».

Творчеству и личности Кутилова посвящают стихи известные поэты из разных уголков мира, начинающие поэты Омска. Учащиеся общеобразовательных учреждений иллюстрируют его произведения.

На стихи А. Кутилова пишутся песни. Первая песня на его стихотворение «Монолог убитого» написана Геннадием Пономаревым, а спета народной артисткой России Жанной Бичевской. 12 песен на его стихи написала и исполняет омский композитор Лолита Чернорай. Марьяновский композитор Александр Козырев написал музыку на стихотворение А. Кутилова «Я пока что в России не признан...» и музыкальный памфлет «Муха».

Хранителем Музея А. Кутилова в селе Бражниково Колосовского района Е. Зверьковой написано стихотворение «Вальс поэту», а омским поэтом Г. Тарасовым стихотворение «На Кутиловском мосту». Музыка на эти стихи написана Александром Козыревым, село Марьяновка.

Омские барды написали музыку на стихи А. Кутилова и исполняют свои песни. Аркадий Ишимов поёт песню на стихи А. Кутилова «Пасынок», Валерий Майоров – песни: «Красная на чёрном палая листва...», «Чёрный лось»; Елизавета Витман – «Живу бегом», «В жизни главное не шептаться...», Олег Тихоненко – «На берёзе – крик-листок...». Георгий Зайцев написал музыку на стихотворение А. Кутилова «Ты брошена...», которую исполняет дуэт «Верные друзья» (Г.В. Зайцев и А.В. Аксёнова).



В музее А. Кутилова

В мае 2009 года в омской школе № 95 с углубленным изучением отдельных предметов открыт музей Аркадия Кутилова, а в сентябре 2009 года ему присвоен статус «школьного музея» Министерством образования и науки Российской Федерации.

При музее осуществляет свою деятельность школьный пресс-центр. Деятельность музея давно вышла за рамки работы «школьного» музея.

На данный момент Советом музея собран богатый материал о творчестве Кутилова, Выпущены сборники его стихов: «Ромашка», «А в детстве всё до мелочей».

Готовятся новые книги: «Вспоминая Адию Кутилова» – воспоминания людей, лично знакомых с поэтом; «Художественная галерея А. Кутилова».

Автор предисловия к собранию произведений поэта Геннадий Великосельский сказал: «У него ещё всё впереди. Будет в городе Омске и улица, носящая его имя, будет, наконец, разыскана его могила, поставлен памятник, будет и всероссийское признание».

Одна мечта Великосельского осуществилась. Найдено место его захоронения.

Если бы мне рассказал об этом кто-нибудь, то я бы не поверила, что так бывает. В. А. Чекмарёв, большой приятель Аркадия Кутилова,

перед тем, как лечь в больницу на операцию, принёс мне документы, которые ему передал Г.П. Великосельский.

Это были следующие документы: «Протокол осмотра трупа и места происшествия» от 5 июня 1985 года), «Протокол опознания личности трупа»; «Заключение эксперта (экспертиза трупа)»; «Акт судебно-химического исследования»»; и предписание начальника Куйбышевского РОВД г. Омска (от 24 июня 1985 года) с просьбой захоронить Кутилова силами морга, так как его родственные связи установить не представилось возможным.

Имея на руках эти документы, первого сентября 2011 года я сделала официальный запрос в МП г. Омска «Комбинат специальных услуг». Ответ пришёл удивительно быстро – на следующий день. Я тогда подумала: «Вот бы с таким участием относились к живым наши «другие» омские службы».



Могила А. Кутилова

Итак, Ново-Южное кладбище. Аллея №32, ряд 15, котлован №4. Очень тщательно работники кладбища вместе с его заведующим искали точное место захоронения сначала по книгам, а затем и на самом кладбище. По документам он был похоронен 2 июля 1985 года.

Когда нам показали «котлован», в котором было захоронено (10 невостребованных человек, некоторые из них были опознаны, как наш Кутилов), мы испытали шок. Мы – это Дворкина И.П. психиатр, лично знавшая Аркадия Кутилова, Гильс И.Д., кинооператор; Пранчук В.И., директор Дюма-студии со своей супругой Алёной; Бондарев А.И., Тихонов А.Н., Сериков В.И. – члены Совета Музея А. Кутилова. Безымянная могила, хуже, чем в войну. В самом центре котлована

вырос молодой клён. Зрелище, скажем не для людей, богатых художественным воображением.

Но самое удивительное то, что с двух сторон от могилы, если можно так это назвать, шатром выросли клёны, как бы оберегая покой усопших. В следующий раз мы приехали с бензопилой, сенокосилкой, лопатами. Облагородили это место. Посадили боярку и лён.

Положили цветы, зажгли свечу: «Ну что, Аркадий, мы нашли тебя».

Аркадий КУТИЛОВ

(Омск)

Двенадцать

Над рекой стоят, как свечки,
две сосны и десять пихт...
Отраженье в синей речке
передразнивает их.

Мне слышалось, признаться,
будто шёпот донесло:
«Нас двенадцать!.. Нас двенадцать!..
Нас – библейское число...

Мы в пожарах не сгораем,
лишь горит под нами мох.
Нас гроза обходит краем,
нас не тронут зверь и бог...»

Так шептались пихты-сосны,
выбрав тему по душе...
А над ними люто-грозный
человек
стоял
уже!

Взвыла в ритме похоронном
зверь-пила среди тишины...
И упали с тяжким стоном
десять пихт и две сосны.

Пластмассовая сказка

В тридцатом веку, на крутом берегу
парнишка уставился в рот старику.

Старик ожиданьем натешился всласть,
и тихая сказка в тиши полилась:

«В печальных садах прошлогодней земли

протезные пальмы высоко росли.

А рядом – из белой резины березки,
чугунный кустарник да желтые розги.

Железный мужик – весь в джерсях и лавсане –
к резиновой даме спешил на свиданье.

Забыв обо всем, возлежали они
в железно-полезно-протезной тени.

Но били часы, и включался закат,
и враз оживал тот химический сад.

Медведи и львы покидали гараж,
включал соловей электронную блажь.

И филин любил голубую сову,
и парочки змей заплетались в траву.

И, знойно дыша и лавсаном хрустя,
мужчина и дама включали страсть!

Потом разбегались и он, и она.
И вскоре им аист принес пацана...

Пацан – это ты, ну, а сказке – конец,
И дед не подгадил, и внук молодец!»

...В тридцатом веку, на крутом берегу –
умолк старина, и пацан ни гу-гу...

И были пустынные глаза пацана,
и била в гранит нефтяная волна...

* * *

Влюбился – пою, перепью – пою,
пою, что врага опрокинул в бою!

А враг притворился, что с ходу убит,
и он не поёт, а зачем-то хрипит...

Где надо - не надо мелодию тку:
пускаю рулады, врубаясь в тайгу...

Жую перепелку – мурлычу фокстрот...
Какой мы напевный лиричный народ!

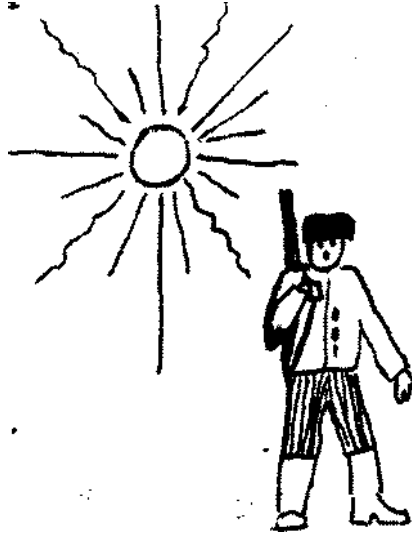


Рис. А. Кутилова

Искусственная корова

Её ещё нет пока –
проблемы из молока,
но клевер подорожал,
бурёнушки вымирают...
Промышленный дым убьёт
все клеверные луга,
и страны без молока
отходную заиграют...
Завоют и красные дети,
и дети заморских стран, –
на глобусе ералаш
от плакости и от реву...
Наука! отринь от бомб!
Кончай дожигать уран!
Ты лучше изобрети
искусственную корову!
Природе и богу-старцу
ещё раз нос утереть...
И всем там пегасам разным –
как будто под хвост колючка.

Науке – оно раз плюнуть
и дунуть, и подогреть,
и вскрыть голубую тайну
своим электронным ключиком.
Всё это легко и просто:
хитер же ты, человек!..
И встала – рогами в звезды –
корова «XX век».
И, гордая этим именем,
ноздрями пустила дым,
шагнула, качнула выменем –
нейлоновым и пустым.
Над фабрикой, над заводом –
взнесла свой железный зад, –
и в городе мимоходом
слизнула зеленый сад.
Со скрипом, с натужным звоном
дробила зубами лес...
А где-то в нутре бездонном
химический шёл процесс.
В нейлоновой тьме гудела
симфония белых струн...
И вымя отяжелело,
и грузно легло на грунт.
Сирена взвинтила воздух,
как рёв миллиона коров...
Сто тысяч молоковозов
наполнились до краев...
И ночи не тратя попусту,
шальные включив глаза,
корова пошла по глобусу,
выщипывая леса...
...На улице – ночь-красавица,
и тополь глядит в окно.
Ну, что ты, дурак, уставился?
Ведь слопает всё равно!
...Но утречком донесение
читаю с газетных харь:
«Могилу Сергея Есенина
не тронула эта тварь!
Прошла почему-то мимо,
без дыма и без огней...
Мотивы – необъяснимы...
Узнаются чуть позднее».

...Наука! Прости за грубость,
хреновые ведь дела:
на глобусе ералаш
от плакоти и от реву...
Уж лучше бы сотню бомб
ты новых изобрела,
а ты вот
изобрела
искусственную корову...

Змея и я

Вот лес. Вот пенёк. На пне змея.
Здесь не впервой бываю я.

Змея, лежащая на пне,
немало знает обо мне.

Как я, ложась, ломал цветы.
Как кипятком сливал в кусты.

Как в сенокос я ручкой вил
её змеёнышей давил.

Как я, подвыпивший слегка,
смеясь, убил бурундука...

Она, Лежащая-на-Пне,
немало знает обо мне...



Рис. А. Кутилова

Варвар

Идет полями и лесами,
идет ромашковым ковром —
мужик с невинными глазами,
с фамильным тонким топором.

Душа в лирической истоме,
в мазутной неге сапоги...
Под ним земля тихонько стонет,
перед ним дрожат березняки.

Он понимает птичьи вопли,
он любит беличью возню...
Он колья, жерди и оглобли
считает прямо на корню.

Легко живет топорным счастьем,
листает весело рубли...
Трудолюбив, хороший мастер, —
и тем опасней для земли!

На рассвете

Вот взошло то, что в небе пылает,
и рассеялась дымная мгла.

След нашла та, которая лает,
и в распадок людей привела.
Та, что смотрит глазами пустыми,
дважды грохнула басом судьбы.
Тот, кто носит рога, как святыню,
в смертном гоноре встал на дыбы.



К 60-летию ПИСАТЕЛЯ
Сергея ЛЕКСУТОВА
(1952 – 2011)

От редакции

В этом году Сергею Лексутову исполнилось бы 60 лет. Многие читатели альманаха «Складчина» обращали внимание на его прозу, которая всегда была особенно тёплой, душевной, можно даже сказать «своей». Сергея не стало, и с этим приходится смириться, но он остался среди нас в своих произведениях.

Вот и мы этой публикацией ещё раз вспомнили о нём. Нам очень его не хватает.

Сергей ЛЕКСУТОВ

(Омск)

ИГРА В ФАНТЫ*

Рассказ

Ветер с реки врывался в запущенный сквер, терзал старые клёны, рвал отжившие листья с ветвей, швырял их в кусты сирени, в пожухлую траву, где они бесследно пропадали, сверкнув напоследок яркой желтизной.

Павел, натянув капюшон куртки на самые брови и придерживая его рукой, чтобы не сорвало ветром, торопливо шагал по асфальту аллеи, стараясь не наступать на распластанные на тяжёлом сером асфальте прозрачно-желтые, ажурные листья. Редкие и тяжёлые капли дождя глухо стучали по ткани капюшона, как по толевой крыше. От этого на душе было тоскливо. Павел подумал, что капюшон – крыша дома, и он, подобно улитке, свой дом таскает на себе.

Толем были крыты просторные сени, где с весны до осени обычно стояла его кровать и, где он читал книги ночи напролёт, а в ненастье – и дни. Лет десять назад эта крыша родного дома в пристанционном городишке казалась ему временным пристанищем, поэтому он не вернулся туда, оставшись после службы в большом городе и поступив в университет на истфак. А чтобы ни от кого не зависеть, устроился ночным слесарем в плавательный бассейн. Одиночество во время дежурств располагало к раздумьям о жизни. Павлу стало казаться, что он знает нечто такое, чего никто не знает, и о чём непременно надо рассказать людям. Он попробовал писать рассказы и увлёкся настолько, что не стало хватать времени на учёбу. А потому после третьего курса перевёлся на заочное отделение, общежитие сменил на частную квартиру... Позади университет, годы изнурительной работы, а в итоге – толстая папка никому не нужных рассказов.

Под густым кустом сирени, с листьями, побитыми заморозками, но почему-то до сих пор не облетевшими, устроился на ночлег бездомный пёс. Его мокрая шерсть собралась сосульками. При виде Павла он поднял голову, наострил уши. Почувствовав родственную душу, Павел остановился, с минуту смотрел на собаку. Пес забеспокоился. Однако, покидать сухое убежище, в затишке от ветра,

* См. очерк И.Егорова о М.П.Малиновском «Душевность и такт» в разделе «Публикации»

ему было жалко, и он, не поднимаясь, заискивающе повилял хвостом. Павел расстегнул сумку, не вытаскивая батон, отломил четвертушку и бросил собаке. Пес схватил кусок и разом проглотил. Присев на задние лапы, стал с интересом смотреть на Павла.

– Дал бы ещё, да самому на завтрак не хватит, – сказал Павел и пошел дальше.

А пёс сидел и смотрел ему вслед.

В машинном отделении ровно гудел насос, в свете дежурной лампочки поблескивали стёкла манометров, подрагивали стрелки. Среди привычного переплетения труб, во влажном тепле, пришло ощущение покоя и домашнего уюта. Он подошел к насосу, из сальника чуть-чуть капало. Терпимо, решил он и прошёл в слесарку. Звук работающего насоса здесь был еле слышен, как гудение мух в летний полдень. В ярком свете большой лампочки слепящее отсвечивало стекло на столе.

Осторожно, чтобы не разбить бутылки с молоком, Павел поставил сумку на засаленный диван, подошел к столу, достал из ящика вахтенный журнал. Механик не оставил никаких указаний. Павел снял куртку, свитер, оставшись в одной тельняшке, вытащил из сумки тетрадь с начатым рассказом.

Павла давно мучила судьба его школьного друга Гошки. Изувеченный церебральным параличом, он старался жить так, как живут нормальные люди. В школьных дисциплинах разбирался лучше Павла, но учителя не понимали его речь, поэтому оценок выше тройки он получать не мог. Он терпеливо сносил несправедливости и винил в них только себя.

Когда учились в десятом классе, они познакомились с одной девочкой. Некоторое время ходили втроем. Но Павел заметил, что Гошка не на шутку влюбился в неё, и начал находить причины, чтобы оставить их вдвоём. Однажды майским вечером Гошку нашли мёртвым на рельсах.

Дойдя в рассказе до гибели Гошки, Павел вдруг замер, отложил ручку и задумался. Оказалось, он не знает, как закончить рассказ. В самом деле, случайно Гошка попал под поезд или покончил с собой? Он долго сидел неподвижно, уставясь в пространство, пока не спохватился: вахтерше пора уходить. Отодвинув тетрадь, побежал в вестибюль.

Вахтёрша, уже в плаще, стояла у двери. Увидев Павла, прощально кивнула ему и вышла. Заперев дверь за ней, он выключил свет в вестибюле, оставив только дежурное освещение, встал у витража, прижавшись лбом к холодному стеклу, и стал смотреть на улицу. Свет одинокого фонаря безуспешно боролся с тьмой. Тускло блестело пятно мокрого асфальта под ним. Возникая откуда-то из космоса, летели косые нити дождя.

Павел думал: случайно или не случайно?.. Может быть, просто, природа стремится к гармонии и избавляется от любых отклонений? Тогда, даже если он нечаянно попал под поезд, это произошло не случайно. А что такое – отклонение? Вот он, Павел, случайно или не случайно живет на свете? Что изменится в природе, если он исчезнет?

Из темноты в круг света вынырнула компания молодых людей. Павел совсем забыл, что к нему должны были прийти друзья поплавать в бассейне. Он радостно встрепнулся... Вот величественно, с Ритой под руку шествует Владимир в кожаном пальто и черной фетровой шляпе. Суетливый толстенький Слава в просторном светлом плаще. Черт возьми! А ведь под руку с ним Таня. Интересно, где они познакомились? Её-то Павел совсем не ожидал увидеть. Чуть в стороне, в зеленой «аляске», немножко горбясь, идет медлительный высокий Гриша.

Павел открыл дверь, и компания шумно ввалилась в вестибюль. Рита чмокнула его в щеку холодными губами, Таня прошла мимо, будто не заметив. Девушки оставили зонты посреди вестибюля сохнуть и побежали вниз, в машинное отделение.

Когда молодые люди вошли в слесарку, девушки, уже без плащей, расположились у стола. Таня равнодушно курила, Рита читала тетрадь Павла.

– Не люблю, когда читают черновики, – мрачно проворчал Павел и отобрал тетрадь.

– Почему? – Рита обиженно надула губы, но тут же рассмеялась: – Твои черновики и править не обязательно... А вообще, мне нравится всё, что ты пишешь. А свои стихи кажутся невыносимо бездарными.

– Ты просто неравнодушна ко мне, – улыбнулся Павел.

– А я и не скрываю! – Рита задорно тряхнула гривой черных волос.

– Во, началось, – произнес Слава, с размаху плюхаясь на диван. В сумке жалобно звякнули бутылки. – Ты, Паша, так скромненький, аж противно... Да, ты лихо закручиваешь сюжеты, и характеры у тебя яркие. Где ты их только берешь?

– В себе, Слава, в себе, – Павел усмехнулся. – Потому и придумывать ничего не нужно.

– Тебя все равно печатать будут... – мрачно протянул Слава. – А мне и надеяться нечего.

– Тоже мне – Моцарт и Сальери, – насмешливо хмыкнул Владимир. – Слава, хватит кокетничать, пойдемте лучше поплаваем, пока чайник закипает.

– Давайте, – сказал Павел, вытаскивая из шкафа противогаз, – а я пока воду прохлорирую.

– Потом прохлорируешь, – Григорий отобрал у него противогаз и повесил на вентиль теплового узла. – Нечего нас травить.

Плеск воды, крики, смех гулко разносились по огромному пустому пространству ванного зала. Их целиком захватила радость легкой, свободной, беззаботной игры в прозрачной воде. Ныряли, гонялись друг за другом, догнав – топили, с хохотом визгом.

Накупавшись, пошли в слесарку пить чай. Рита выложила на стол полиэтиленовый пакет с домашним печеньем. Павел – остатки батона и две бутылки молока. Откусив от батона и отхлебнув молока, Григорий невнятно проговорил:

– Давайте играть в фанты... – жуя, он взял шляпу Владимира и протянул Рите.

– Давайте! – весело воскликнула она, вытаскивая из волос заколку и бросая ее в шляпу. Густые волосы рассыпались по плечам, полузакрыв лицо.

Таня, оставив стакан с недопитым чаем, закурила, а зажигалку бросила в шляпу.

Павел познакомился с Таней в прошлом году. Как-то забрёл в церковь и впервые в жизни услышал службу. Звонкое, мелодичное пение возносилось вверх, к расписанным библейскими сюжетами сводам храма, и казалось, будто его сопровождают звуки каких-то неведомых музыкальных инструментов. Поражённый и взволнованный, он смотрел на хористов и не мог понять, как это у них так хорошо получается без музыкального сопровождения. Его внимание привлекла девушка, стоящая на клиросе с краю. Волнистые волосы спадали из-под косынки на плечи, отливая золотом в свете свечей. Ее лицо показалось Павлу детским и одухотворённым. Она пела, глядя куда-то вверх, выше иконы Богородицы, огоньки свечей дрожали в её серых, льдистых глазах.

Хор вскинулся в едином порыве: Господи помилуй! Господи помилуй! Господи помилуй! И было в этом столько мольбы, столько страха, что сердце Павла куда-то ухнуло и замерло. «Тебя-то за что помиловать? – думал он, вглядываясь в лицо девушки. – В чём ты виновата? В том, что живёшь?..»

Для себя Павел ни у кого бы не стал просить помилования, если в чём виноват, и если ни в чём не виноват, даже у Бога, пусть будет, как будет...

Павел дождался её на крыльце. Она охотно согласилась, чтобы он проводил её. С тех пор он стал часто бывать в церкви. Вскоре они стали близки. Тут выяснилось, что Таня вовсе не такая кроткая, как показалось вначале. После нескольких свиданий он стал избегать её.

И вот она пришла со Славой... Случайно ли?

Григорий собрал фанты, потрянул шляпой, спросил:

– Кто будет загадывать?

– Пусть Танюша, – предложил Слава.

Он взял стул, отнёс его в сторону. Таня равнодушно села на него, оказавшись лицом к трубам теплового узла. Как только

Григорий доставал из шляпы предмет, она, почти не раздумывая, сразу же высказывала задание фанту, будто они были заготовлены заранее. Владимиру выпало надеть противогаз и с выражением прочитав какое-нибудь стихотворение о любви. Рите – страстно поцеловать следующего фанта. Следующим оказался Павел. Ему досталось прочитав стих про ужасное убийство. Славе – нарисовать портрет Павла. Григорию следовало придумать сюжет для детективного рассказа с убийством, которое нельзя раскрыть. Себе Таня загадала влезть на стул и спеть песню. Павел заметил, как Слава, воровато оглянувшись, вытащил из сумки фильтрующую коробку и заткнул пробкой отверстие в её дне.

Допив чай, Владимир поднялся с дивана, снял с тубы противогаз, неумело натянул маску, встал в позу, но тут замер, как бы прислушиваясь к своим ощущениям, конвульсивно дернулся, ухватился обеими руками за шланг, заполошно завертелся на месте. Наконец, догадался схватиться за низ маски и отчаянным рывком содрал её с головы. Его лицо было красное и испуганное. Отдышавшись, он хмуро проворчал:

– Это твои, Пашка, идиотские шуточки?

Рита расхохоталась. Владимир сел на диван и мрачно закурил. Шутка получилась какой-то неловкой. Рита, как бы стараясь сгладить эту неловкость, воскликнула:

– Теперь моя очередь! – и подошла к Павлу.

Он поднялся ей навстречу, как все внутри сжалось. Рита закинула руки на его плечи, закрыла глаза и сильно прижалась губами к его губам. Сделала она это неумело, как-то по-детски, и от этого Павел почувствовал облегчение. Владимир остро глянул на них и отвернулся, сильно затягиваясь сигаретой.

– Ну, Павлик, теперь ты – про убийство, – сказала Рита, погладив его по щеке и присаживаясь на стул.

Павел долго не мог сообразить, что от него требуется. Придя в себя, поднялся, сделал трагическое лицо и продекламировал:

– У попа была собака – он ее любил. Она съела кусок мяса – он ее убил.

– Bravo! – Рита захлопала в ладоши. – А ты, Слава, рисуй пока его портрет.

Слава достал из кармана блокнот и принялся что-то царапать авторучкой, ухмыляясь и прихлебывая чай между делом.

– Таня, лезь на стол и пой, – сказал Павел.

– Сейчас очередь Гриши, – возразила она.

Григорий, дожевывая батон и допив вторую бутылку молока, заговорил медленно, веско:

– Я не люблю детективов. Но если на то пошло, любое убийство в принципе не раскрываемо, если убийца не оставляет улики.

– Ничего в мире не происходит просто так, – возразил Павел. – Поступки людей можно очень точно предсказать исходя из их характеров. Не может быть цепи случайностей, которая приводит к убийству. Так что, раскрыть убийство – дело техники.

– А безмотивные убийства? – возразил Григорий. – Вот, допустим, какой-нибудь хмырь пальнёт в тебя из кустов. Ты ведь вечно торчишь у окна...

– Пожалуй, его трудно будет найти, – протянул Павел раздумчиво. – И всё же, какая тут случайность? Я всегда торчу у окна. У него появилось желание прогуляться. Он что, монету будет бросать, чтобы решить, куда пойти? Если он придёт сюда, на набережную, значит, именно здесь ему захотелось пострелять. Тут вечерами редко-редко кто ходит...

– Бред какой-то, – проговорил Григорий. – Человек сложен, а потому его поступки непредсказуемы.

– Это в твоих пьесах поступки людей непредсказуемы, – внезапно раздражаясь, сказал Павел.

Григорий изменился в лице, не сразу ответил:

– У нас ты один разбираешься в литературе!..

– Ну что вы заладили: убийство, убийство... – капризно возмутилась Рита. – Славик, где портрет?

– Готово! – Слава положил на стол листок из блокнота.

На нём был изображен полосатый субъект с кошачьей мордой. Сверху для ясности было написано: «Кот Матроскин».

Павел критически рассмотрел рисунок:

– И не похож вовсе. Кот Матроскин совершенно меркантильный тип, погрязший в накопительстве. А я скорее кот Леопольд, – и Павел жалобно протянул: – Ребята, давайте жить дружно...

Таня вдруг поднялась, загасила окурок в консервной банке, сказала озабоченно:

– Домой пора. Скоро автобусы перестанут ходить.

Все быстро собрались и вышли.

Павел стоял у витража, прижавшись лбом к холодному стеклу, и смотрел им вслед. Владимир взял Риту под руку, Слава засунул руки глубоко в карманы, сгорбился, пряча за поднятым воротником лицо от пронизывающего ветра, а Таня, мягким, вкрадчивым кошачьим движением просунула свою руку под его локоть. Григорий надвинул капюшон «Аляски» до самого носа. Под фонарем Рита остановилась, повернулась и помахала Павлу. Владимир схватил её за руку, что-то сказал и потянул к берегу реки. Рита шла за ним, и все оглядывалась. Слава прощался с Григорием, а Таня долгим взглядом смотрела на Павла. Наконец, они разошлись в разные стороны. Прежде чем скрыться в тени прибрежных ив, Рита еще раз оглянулась. Павел помахал ей рукой.

Вернувшись в слесарку, он сел за стол и попытался сосредоточиться над тетрадью. Снова подумалось: случайно или не случайно погиб Гошка? Случайно или намеренно должен погибнуть герой его рассказа?.. А поцеловать его, Павла, случайно или нет, выпало именно Рите? Неужели лишь полчаса назад она была здесь? Он оглядел убогую обстановку. Окон в слесарке не было. От этого она вдруг показалась ему склепом. Волной накатила тоска. Захотелось на улицу – на дождь и ветер. Н секунду взгляд его задержался на стуле, где сидела Таня. Прямо перед стулом на трубе торчал манометр. Все ясно, подумал: она видела отражение в стекле манометра...

В вестибюле он снова подошёл к витражу. В черной глубине стекла отразились полосы его тельняшки. Всё так же в конусе мертвого ртутного света от фонаря летели и летели к земле нити дождя. Усилившийся ветер с разгону бил в витраж, в здании что-то поскрипывало, постукивало, шелестело. Казалось, кто-то ходит за спиной, осторожно открывает и закрывает двери. Внезапно вспыхнула мысль: а ведь Таня не могла знать, кто будет следующим фантом... Значит, всё же – случайность... Странно, почему-то шум дождя, плеск воды в водостоке не нарушают тишины... Он вспомнил, что в сквере есть ещё одна живая душа – где-то там, под кустом, свернувшись тугим калачом, спит бездомный пёс.

Свет дежурной лампочки слабо освещал тренерскую через открытую дверь. С этой стороны здания фонарей не было, и деревья лишь неясными тенями маячили на фоне темно-синего неба. Павел вглядывался в темноту, пытаясь угадать, под каким кустом спит собака. Вдруг над его головой что-то резко и сухо треснуло. Он непроизвольно отшатнулся в сторону. На том месте, где только что отражалась тельняшка, в стекле возникло отверстие, обрамленное звёздочкой трещин. Не успев ещё ничего понять, он нырнул за подоконник. Над головой снова треснуло. Он машинально запустил пальцы в волосы и наткнулся на острый осколок стекла. Оторопело посмотрел на окно. Судя по величине отверстий, по быстроте, с которой следовали выстрелы, и по тому, что их не было слышно, стреляли из мелкокалиберного пистолета. И, похоже, били прицельно... И тут Павел сообразил, что в тренерской он, как в аквариуме, виден со всех сторон. Низко пригнувшись, чуть ли не на четвереньках, опрометью бросился в машинное отделение, скатился по лестнице, метнулся в слесарку, запер дверь и выключил свет. Тьма ощутимо давила на глаза мягкой тяжестью. Павлу показалось, будто рядом кто-то стоит. Чувствуя противные мурашки на спине, нащупал выключатель. Рассудил: если кто-то начнёт ломать дверь, свет выключить он успеет. Подумал, может, стоит позвонить в милицию? Но стол вахтера с телефоном хорошо виден с крыльца...

Он всю ночь просидел на диване, прислушиваясь к гудению насоса, а перед глазами, будто склеенная в кольцо кинолента, прокручивалось всё, что было в этот вечер...

Когда утром Павел шёл с дежурства, над рекой, над сквером, над всем городом, после ночного дождя висела мрачная туманная тишина. Рваными лохмотьями выступали из тумана потрепанные вчерашним ветром кроны деревьев. Поежившись от сырого холода, Павел натянул на голову капюшон куртки, тоскливо подумал, что опять надо идти в постылую каморку с плохо побеленными бугристыми стенами, снова выслушивать нравоучительное ворчание хозяйки...

Он сразу увидел лежащего рядом с аллеей пса. Подойдя ближе, разглядел между полуоткрытыми глазами маленькое круглое отверстие. Струйка крови прочертила узенькую дорожку по мокрой шерсти и собралась крошечной лужицей на буром палом листе.

Павел ошеломленно смотрел на убитую собаку.

– А ты-то кому помешала? – прошептал он.



**ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ,
ЛИТЕРАТУРОВЕДА И ТЕАТРОВЕДА
БОРИСА ЛЕОНОВА
(1900 – 1977)**

Сергей СИЗОВ

(Омск)

**Необходимое предисловие
к «Миниатюрам» Б. Ф. Леонова**

Данная публикация знаменует очередное возвращение из забвения творчества писателя, журналиста, литературоведа и театроведа Бориса Фёдоровича Леонова. Поскольку имя это многим ещё неизвестно, стоит привести краткую биографическую справку.

Б. Ф. Леонов (1900 г., 24 июля (по новому стилю – 6 августа) с. Людское Городищенской волости Орловского уезда Орловской губ. – 1977 г., 14 марта, г. Омск).

Родился в семье священника. Окончил духовное училище и духовную семинарию в Орле. В 1918-23 с перерывами служил в Красной Армии, стал большевиком. В 1920-22 учился в Орловском пролетарском ун-те, участвовал в работе Тургеневского научно-литературного общества. В 1925-32 по партийным мобилизациям работал пропагандистом и культработником в Орле, Москве, Можайске, Коломне, Новосибирске, Ленинске-Кузнецком.

С 1932 – в Омске. В 1935-1936 – литконсультант, завотделом литературы и искусства «Омской правды», позднее – редактор издательства. В 1937 исключён из ВКП(б). В 1940-1944 гг. – зав. литературной частью Омского драмтеатра. Дважды (в 1944 г. и в 1958 г.) за свои высказывания и литературные труды приговаривался в Омске по полит. статье (58-10 ч.1) к 10 годам лишения свободы.

Отбывал наказание на Урале и Колыме (1944-53), магаданской ссылке (1953-55), тайшетских и мордовских лагерях (1958-65).

В 1965 решением Президиума Верховного Суда РСФСР реабилитирован по обоим судимостям и досрочно освобождён. Вернулся в Омск парализованным инвалидом, но продолжал заниматься литературным творчеством (большинство трудов не опубликовано).

Наследие Леонова – часть омского культурного наследия, истории отечественного инакомыслия. Основная часть работ ещё ждёт публикации. Моя книга о Б.Ф. Леонове в 2010 г. на конкурсе «Университетская книга» была удостоена диплома как «лучшее историко-краеведческое исследование».

Предлагаемые «Миниатюры» написаны предположительно в 1970-1976 гг. в Омске и ныне хранятся в личном архиве семьи репрессированного литератора. Они представляют собой машинопись, поскольку в это время Б.Ф. Леонов был инвалидом, писать не мог, но печатал тексты на машинке левой рукой. Фотокопии переданы автору предисловия для публикации. Текст подготовлен к печати мной публикуется впервые.

Соч.: Читая автобиографию Чаплина // Сибирские огни. 1967. № 9. С. 157–166; Чапай (Памяти Л.С. Самборской) // Омская муза. 2007. № 3. С. 14–17.

Лит.: Сизов С.Г. «Двадцатый век – не для камина»: Историческая реконструкция судьбы репрессированного литератора Бориса Леонова. Омск, 2008. В приложении к книге опубликованы произведения Б. Ф. Леонова: поэма «Русь», сказка «Мечта», рассказ «Снег».

Борис ЛЕОНОВ

(Омск)

МИНИАТЮРЫ

Русь

1.

Храм Василия Блаженного теперь превращён в музей. Но в годы нэпа там ещё были службы. Однажды я заглянул туда. Шла всенощная.

Помню, как с первой же минуты меня охватило чувство глубокой родной старины. Я словно вошел в шестнадцатый век.

Молящиеся были одеты скромно, буднично, по-советски: все те же толстовки, пиджаки, ситцевые кофточки, старые шляпки, а мне все представлялись кокошники, униженные бурмицким зерном, шубы на соболях, разноцветные кафтаны, расшитые серебром и золотом.

Прекрасно пел смешанный, четырехголосный хор, пел Рахманинова, а мне под этими старинными сводами слышались грубые мужские голоса, с мрачным гудением в нос выводившие по крюкам.

Этому способствовали слова молитв: они были всё те же, что и триста лет назад. Все ту же ектению, те же прошения возглашал, стоя перед закрытыми царскими воротами, рослый чернобородый дьякон:

– О плавающих, путешествующих, недужащих, страждущих, пленённых и о спасении их...

Помню, как при этих словах взметнулся целый лес рук, чтобы сотворить крестное знамение. И тогда же, в тот самый момент из толпы молящихся быстро вышла и направилась к выходу какая-то совершенно незнакомая мне молодая женщина. Поравнявшись со мной, она вдруг сказала мне вполголоса:

– Прощай!

Я даже не успел рассмотреть её лицо, но голос её, этот истерически страстный, приглушённый голос поразил меня. Так говорить, так прощаться могут только люди, самовольно уходящие из жизни.

Всё это было так неожиданно, что я не бросился за ней, не остановил. А когда опомнился, пришёл в себя, её уже не было в храме. И только тогда я подумал:

Но почему же она в эту страшную для себя минуту обратилась именно ко мне, человеку, которого и видела, вероятно, только впервые? Почему-то она почувствовала <что-то> во мне?

Я пытался найти объяснение.

Да видела ли она вообще что-нибудь? Может быть, в припадке безумия она уже ничего не соображала, что делает, что говорит. Бог знает, что могло померещиться ей!

И тут же сомневался: так ли это?

А тем временем возле меня начали шептаться, поглядывать на меня искоса.

И, к великому смущению своему, я понял, что неожиданно-негаданно очутился вдруг в крайне двусмысленном положении, может быть, в роли изверга, погубителя женской доли.

Оставаться здесь дольше уже было неприятно. Исчезло всё очарование кадильно-ладанной, допетровской Руси. В ушах звучало только одно:

Прощай! Прощай! Прощай!

Я вышел из храма. И, уже спускаясь по лестнице, подумал:

А ведь эта безумная женщина тоже была Русь. И простилась она со мной по-старинному, по-русски. Ведь только так и шёл на смерть в былые времена русский человек. Низко, в пояс, он кланялся первому встречному, каждому случайному прохожему, а, взойдя на лобное место, он, истово перекрестившись, земно кланялся на все четыре стороны всему народу православному.

2.

Иду по Покровке. Прохожу мимо церкви. Там распахнуты наружные двери. Очевидно, что-то служат. Но что именно? По времени сейчас не может быть ни обедни, ни всенощной. Захожу.

Каюсь, мне, человеку вообще-то неверующему, порой нравится постоять в церкви, когда на улице солнечно, тепло, шумно, а здесь – грустный сумрак, какая-то проникновенная тишина, покой...

Войдя в церковный притвор, вижу небольшую группу женщин, а впереди гроб. В гробу девушка. Лицо у неё крупное, мужеподобное, некрасивое. К виску приложена ватка.

Слышу, как шепчутся женщины:

– И подумать только: такая молодая и застрелилась! Ей бы жить да жить!

– Видно, полюбила крепко.

– Он что ж, бросил её?

– Нет, на любовь её горячую он, говорят, совсем никак не ответил. Она и порешила себя. С тоски.

– Была бы малость покраше, может, всё бы и обошлось.

– Кто знает! На всё божья воля.

– А мать-то, мать как переживает! Совсем окаменела.

– Единственная дочка. На всякого доведись!..

У самого изголовья гроба, чуть поодаль от других, стоит пожилая женщина. Нет, она не камень. По её глазам я вижу, что она безмолвно разговаривает с дочерью. Я слышу эти скорбные, от всего мира ушедшие глаза:

– Доченька моя ненаглядная, ну зачем ты это сделала? Зачем?

3.

Широка и многолика была матушка Русь. И пошкодить и помолиться – её хватало на все.

В селе Молотково Брянского уезда Орловской губернии жили-были поп Иван и помещик Семичев. Иногда, от скуки, они ссорились между собой, но в общем жили дружно. Однажды во время обедни Семичев ввалился прямо в алтарь к попу.

– Послушай, отец Иван, – начал было он, но тот зашипел:

– Не мешай! Ты что, не видишь? Я совершаю таинство евхаристии.

И, продолжая обряд, возгласил протяжно, нараспев:

– Приидите и ядите, сие бо есть тело мое...

Момент был действительно важный. Кусочки пресного хлеба из пшеничной муки каким-то совершенно непостижимым образом превратились в божественную плоть Иисуса Христа.

Семичев замолчал, но как только поп Иван пропел свой возглас, начал снова:

– Что я, кутейник что ли – разбираться во всех твоих тонкостях! Дело, говорю, есть.

Однако поп только затряс головой. Великое таинство продолжалось. Очередь была за вином. Самое что ни на есть дешёвое – шестьдесят копеек бутылка – сильно подкрашенное, оно должно было стать драгоценной кровью Спасителя, пролитой им за грехи мира. Свершилось и это, поп Иван обернулся к Семичеву.

– Ну что у тебя? Только короче.

– Ночью в моём саду все яблони отрясли. Сказал бы ты этим разбойникам какую-нибудь проповедь.

– Ладно, будь покоен, вразумлю.

В конце обедни поп Иван вышел на амвон и стал говорить крестьянам о том, что нет ничего страшнее в мире, как нарушить

заповедь всемогущего Бога, одну из тех десяти заповедей, что он дал Моисею на горе Синай для всего рода человеческого. А гласит она:

НЕ УКРАДИ!

Крестьяне слушали, вздыхали, смотрели на попа умильно.

Но в следующую ночь его сад был обворован самым беззастенчивым образом. Ничего не оставили.

4.

Семичев был старый вдовец. Ему уже было за шестьдесят, когда он решил жениться снова. Невестой оказалась его массажистка, бойкая восемнадцатилетняя девица. Венчал их всё тот же поп Иван. Народу было в церкви – яблоку некуда упасть. Каждому хотелось посмотреть на столь занятную пару. В толпе то и дело слышались смешки. Но это нисколько не смущало маститого жениха. Свою лысую, дрябло-мясистую голову он держал не только прямо, независимо, но даже и весело. А во время обручения отпустил явно вольтерьянскую шутку.

Когда поп Иван, следуя ритуалу, обратился к нему с вопросом: по согласию ли он вступает в брак, в ответ раздалось на всю церковь и притом с подчёркнутым грассированьем:

– Странный вопрос, батюшка! Ну, кто на таком помпончике может жениться по принуждению?

Все, кто был в церкви, так и покатались со смеху. Этого, вероятно, и добивался Семичев. Думал ли он в ту минуту, что его помпончик был тоже губа не дура? Превратиться из нищей массажистки в помещицу – ради этого стоило постоять под венцом со стариком, которому и жить-то, может, осталось с гулькиным нос.

Так оно и случилось. Спустя два года Семичев умер от инфаркта, и помпончик, теперь уже владелица богатой усадьбы с угодьями, незамедлительно снова вышла замуж. И уж, конечно, не за старика.

5.

Встретились две бабы. У одной в руках живой, горластый петух.

– Анисьюшка, куда бог несёт?

– Ох, родимая, к Польке Щербатой спешу. На той неделе свадьба, а мне дочку нечем благословлять. Бога-то своего я вчера расколола. Стала избу прибирать да и зацепи его ненароком. Он как загремит наземь - весь напололам. Спасибо, Полька выручила. У неё лишний есть, она и согласна отдать его за петуха. Ейный петух что-то плохо стал кур топтать, приболел что ли, ну а мой хоть куда. Герой! Да замолчи ты, оглашенный, слова не даёт сказать! Вот и несущего,

треклятого. Хотя и жалко, а ничего не поделаешь, раз уж так вышло. Девку-то под венец не отправишь так, не благословив. Чай, не турки с басурманами, а люди крещёные. Ну, соседushка, я побежала. Скоро коров пригонят.

6.

Дед мой по матери, Петр Феофанович Гольцов, был не промах по женской части. А бабка была страшно ревнива. Дед блудил исподтишка. Рассказывают такой случай.

В воскресенье после обедни дед вместе с бабкой идёт из церкви к себе домой. Все чин-чином. Дед в длиннополом купеческом сюртуке, бабка в шелках. Шествуют под ручку.

И вдруг по самой людной улице навстречу им – Лушка, известная на всю округу весёлая, распутная бабёнка. Поравнявшись с дедом, она, нисколько не смущаясь присутствием бабки, а может быть, даже специально для неё, игриво подмигивает деду. Дед делает вид, что ничего не замечает. Тогда Лушка звонко, на всю улицу:

– Петра Лифаныч, что ж не здороваешься-то? Аль забыл свою канхветку?

Дед смущённо хмыкнул. Бабка поджала губы. Молча дошли до дому. А что было потом дома – передать невозможно.

7.

В одном селе Орловской губернии жила дьячиха. Судьба наградила её очень способным сыном. Он окончил первым учеником духовную семинарию, был отправлен учиться на казённый счет в духовную академию, а после неё постригся в монахи и в скором времени стал архиереем.

Ослепительная карьера на тусклом фоне дьячковского бытия!

Это так поразило бедную псаломщицу, наполнило все её существо таким священным трепетом, что с тех пор многие свои рассказы она начинала так:

– Когда я была беременна владыкой...

Не так давно

1.

Москва. Жаркий летний день.

Я стою на Театральной площади, ожидая своего трамвая.

Я молод, до краёв полон всяких надежд.

Прежде всего, я хочу стать известным, прославиться.

Где, в каком мире?

Ну, разумеется, в литературном. Ведь я уже печатаюсь. У меня есть замыслы. Год-другой –и обо мне заговорят, заспорят. Я не хуже других. Уж во всяком случае.

Погружённый в свои тщеславные думы, я чувствую сбоку чей-то взгляд. Оборачиваюсь. Рядом со мной стоит высокий массивный человек в белом костюме и с палкой. В его крупном лице есть что-то лошадиное. И вообще он производит впечатление не совсем обычное. То ли этот человек явился из страны каких-то великанов, то ли он, перед тем, как попасть на Театральную площадь, сидел в клетке вместе с такими же, как он, умными и сильными животными, а потом, воспользовавшись оплошностью служителя, спокойно ушёл.

Нравится ли мне этот человек? Не знаю. Но мне не нравится, что он спокойно, даже чуть-чуть лениво рассматривает меня. Что он нашёл во мне такого?

Я тоже не хочу оставаться в долгу. Я хочу дать ему сдачу.

Нарочно сверх меры задрав голову, я смотрю на него, как на монумент. Или как на слона.

Вижу, что моему великану это тоже не очень нравится. Он начинает хмуриться. Но я не спускаю с него экскурсионных глаз. Мгновенно между нами возникает безмолвная борьба. Кто кого? Наши глаза вытаскивают ножи. Мой нож отравлен насмешкой. А его?

Огромные стальные глаза великана вспыхивают ослепительным чёрным огнем. Ещё секунда – и я уже ничего не вижу, кроме этих глаз.

Они закрыли весь мир. Это не глаза, а небо в час Страшного суда. Это пожар Вселенной.

Я чувствую, что мой отравленный нож вот-вот упадет со звоном на асфальт площади. В этот момент я, вероятно, очень бледен. Но я делаю последние усилия. Мои глаза не бегут со всех ног от страшного огня. С независимым видом они не спеша отходят в сторону.

Это мне так кажется. Но как они выглядят в действительности? Так ли уж независимо?

Когда я прихожу в себя, великана уже нет. Уехал.

На его месте стоят двое студентов. Взмолнованно один говорит другому:

– Видел?

– Ну, конечно, – говорит тот и затем вполголоса, таинственно:

МАЯКОВСКИЙ.

2.

В доме отдыха сидят на веранде две учительницы средней школы. Из репродуктора с воем, хрипом и шипеньем несётся так называемая лёгкая музыка.

Одна из учительниц, уже пожилая женщина, задумчиво говорит другой:

– Всё-таки это странно, что наш советский гимн почему-то начинается словами «поют херувимы». Вы не находите?

Та с добрую минуту смотрит на неё остолбенело, потом покатывается со смеху.

– Марья Петровна, вы не расслышали: это же не херувимы, а «союз нерушимый». Понимаете, «союз нерушимый республик свободных». Херувимы тут совсем не причём.

Марья Петровна возмущенно фыркает:

– Как скверно у нас работает радио! Ни одного слова не может передать по-человечески! Если бы не вы, я так бы и осталась со своими херувимами. Это моё счастье, что мне ни разу не пришлось говорить о советском гимне ребятам в школе. Вот бы влипла! Даже не представляю себе, чем это могло бы кончиться.

– Но как вы сами-то не разобрались в этой нелепости? Ведь вы же историк.

– Ах, боже мой, когда тут думать? Днём уроки, вечером заседания, обследования... Намаешься так – ног под собой не чуешь. Только бы до постели добраться.

3.

На всех собраниях он говорил:

– К старому возврата больше нет. Культ личности осуждён бесповоротно. Ленинские нормы восстановлены полностью.

Слова у него были все казённые, штампованные, голос деревянный, но говорил он громко, уверенно, с полным знанием дела. После каждого своего выступления получал положенную порцию аплодисментов.

Но однажды, на одном собрании, он услышал, как кто-то сказал:

– Культ Сталина я всегда рассматривал как оскорбление своей личности. Мне всегда казалось, что по милости этого культа я раздавлен и оплёван как человек.

И тут он сразу насторожился. Слова были необычны, они никак не подходили ни на газетную передовицу, ни на тезисы, напечатанные в «блокноте агитатора». Пройти спокойно на глазах всего народа мимо такого отклонения никак было нельзя.

И он дал решительную отповедь человеку, выступившему со своими словами.

– Никого и никакого личного оскорбления культ Сталина не причинил. Он только нарушал ленинские нормы, допустил самоуправство, произвол. Но разве это то же самое, что назвать человека мерзавцем или подлецом? Скажите, товарищ К., – обратился он к вольнодумцу, – какими уголовно наказуемыми словами обозвал

вас Сталин? Когда это было, при ком? Скажите об этом во всеуслышание!

Но товарищ К. молчал. Кто знает, возможно, он и струхнул малость. Молчало и всё собрание. Правда, кое-кто подумал про себя:

Какой он все же тупица! Какой безмозглый дурак!

Но, тем не менее, когда он кончил, ему аплодировали. По средней привычной норме.

4.

Я встретился с ним в гостинице во время служебной командировки. Несмотря на свои пятьдесят лет, он был ещё крепок, статен, моложав на вид. И служил он где-то инструктором физкультуры. Узнав, что я литературный работник, сразу же начал:

– Хороший русский язык – это моя слабость. Терпеть не могу, когда его коверкают. Поверите, каждое неправильно произнесенное слово, каждое ударение меня приводит в бешенство. На этой почве у меня даже была одна очень крупная неприятность. Вам как литератору рассказать можно. Так вот. Когда я был в расцвете своих физических данных, я ухаживал за одной весьма пикантной дамочкой. Она отвечала мне полной взаимностью. Нигде не давая сбой, наш роман шел на рысях к своему финишу. Мы были уже у последней черты, оставалось только перешагнуть... И вот поздно вечером она пришла ко мне на квартиру. Нас было только двое. Я, как водится, прежде всего подпоил её коньячком, потом обнял. Захмелев, она прошептала:

– Милый, давай лягем!

Меня словно ледяной водой окатили. ЛЯГЕМ! После этого слова я уже не мог, понимаете, абсолютно не мог!.. Все мои данные, в которых я был так уверен, на которые надеялся как на бога, отказались служить. Это мерзкое, неграмотное ЛЯГЕМ произвело полное разоружение. И мы, можно сказать, у самых дверей закрытого распределителя разошлись с пустыми авоськами. Что вы на это скажете?

Я молчал. Я только смотрел на него с немым восхищением. Вот это действительно любовь, беззаветная, жертвенная любовь к волшебной русской речи! Какие тут могут быть ещё слова!

5.

Это случилось в те годы, когда много говорили:

Инженера. Лектора. Конструктора.

В Новосибирском крайсовнархозе один специалист краткосрочной выпечки написал в докладной записке:

«Особую тревогу вызывают электрические кабеля».

Прежде чем попасть к начальнику, докладная записка, как обычно, пошла для перепечатанья в машинное бюро. Машинистка не имела ни малейшего представления о кабелях, но кто такой кобель, это она знала превосходно. И, руководствуясь правилами общественного приличия, она решила исправить злополучную фразу. Получилось вполне благопристойно:

«Особую тревогу вызывают электрические собаки».

6.

В исправительно-трудовой колонии.

Начальник отряда, старший лейтенант, поучает заключенных бытовиков:

— Хотя вы и лишены свободы, но все равно должны повышать свой культурный уровень: ходить после работы в школу, книжки читать, газеты и все такое прочее. Теперь за культуру жмут по всей стране, без неё носу не высунешь. Возьму, к примеру, хоть самого себя; раньше я говорил по-простому: г...но. А вот теперь, случись делать доклад, я уже говорю: экскременты. Потому иначе нельзя — культура.

Детское

Зимнее утро. Застывшие, заснеженные деревья городского парка. Над ними вдали, переливаясь, играя, подымается оранжевый шар солнца.

Маленькая девочка говорит матери, показывая на солнце:

— Mamочka, смотри: кто-то шарик упустил. Бедный шарик, он плачет. А какой он красивый — правда, мамочка? Хорошо бы его поймать.



ЭССЕ

Наталья ЕЛИЗАРОВА

(Омск)

РАССЕКАЯ ВЕЧНОСТЬ

Эссе о писателе Александре Лейфере

Когда-то очень давно, перечитывая дневниковые записи одного ушедшего из жизни поэта, которого потомки спустя несколько десятилетий после кончины называли великим, он вдруг со всей отчётливостью понял, что собеседники нужны не только живым. Никто не хочет вступать в диалог с пустотой, даже те, кто уже переступил тонкую грань, отделяющую запредельный мир от реального. Позже его догадка подтвердилась. Собирая материалы для очередной книги, он вдруг с изумлением почувствовал чью-то незримую, неосязаемую помощь, будто что-то свыше направляло и подталкивало его. Какая-то сильная, энергичная рука с чрезмерной настойчивостью гнала книгу к финалу, ни на минуту не позволяя автору остановиться, расслабиться и увлечься чем-то иным. Важные дела, не имеющие отношения к книге, вдруг расстраивались по незначительному и нелепому поводу, долго вынашиваемые в голове планы рассыпались, как карточный домик, а тщательно запланированные встречи срывались и откладывались по совершенно случайным, пустяковым причинам. Его собственная жизнь словно отошла на второй план, расчищая место для осуществления основной задачи – написания книги. И он уже не спрашивал себя, кто был её вдохновителем – ответ был слишком очевиден. Неведомая сила, подавляя своим каменным упорством, требовала от него полного повиновения и забвения настоящего ради прошлого. Сначала он сопротивлялся, пытаясь отвоевать у невидимого противника право на личную свободу. Но потом смирился – нелегко спорить с

победителями земных страстей. А спустя некоторое время в этом невольном своём подчинении чужому решению, он внезапно ощутил закономерность и неизбежность. И тогда он понял, что это и есть его предназначение – быть проводником невысказанных мыслей тех, кто хранит вечное безмолвие...

В таинственной тишине, прерываемой размеренным стуком печатной машинки, гости из потустороннего мира, отринувшие былые сомнения и избавившиеся от оков стыдливой скромности, нащёптывают автору на ухо свои секреты, ценя в нём терпеливого и внимательного слушателя. Они изо всех сил тянутся к нему, словно надеются в его воображении обрести плоть. Они без конца тормозят и тревожат его память, извлекая из её недр то обрывок давнего, полузабытого разговора, то старый телефонный номер, то строчку из письма двадцатилетней давности. А он бережно, по крупичкам, точно мозаику, собирает воедино крошечные песчинки чьей-то судьбы. Он не пытается разжечь пламя из искры, подобно алчным охотникам до сенсаций, копающихся в людских жизнях с рвением голодных хищников, почуявших запах крови. Он не стремится разоблачать и обнародовать, срывать маски и выводить на чистую воду, выворачивать наизнанку и искать скелетов в шкафу, давать оценки и наклеивать ярлыки. Он деликатно отходит в тень, предоставляя персонажам своих произведений говорить подлинными голосами: в открытках, телеграммах, дневниках. Его находки не носят космического масштаба. Он не охотится за восходящими звёздами и не наблюдает за падающими метеоритами. А пишет о реальных людях, живших когда-то в одном городе с ним. О тех, кто ушёл в небытие, но кто достоин и любви, и памяти.

КОГДА СОФИТЫ ГАСНУТ

Эссе о народном артисте России Валерии Алексееве

Детская мечта стала его жизнью. Как ломаная диаграмма, она петляла и извивалась от репетиций до прогонов, от гастролей до премьер. Чтобы вынести её сумасшедший ритм, для неё нужно родиться. Её нужно любить, сколь бы изматывающей она ни была. Но если чувствуешь изнурение и усталость, – значит, это не твоё. Значит, нужно иметь мужество сойти с дистанции до того, как за однообразной чередой будничных забот потеряется смысл, и ему на смену придут и возьмут тебя в тиски разочарование, горечь, пустота, – и жизнь покажется одним сплошным затянувшимся антрактом, где сказка уступает место шелестящим сальным обёрткам, падающим на грязный, затоптанный пол в буфете, равнодушно скользящим по

строчкам программки взглядам, гулу недовольных людских голосов за стенами гримёрки...

Он же не просто любил эту жизнь – он получал от неё удовольствие. Она напоминала ему гонку мотоциклиста по незнакомой трассе: виражи, крутые повороты, колдобины, ямы, неожиданно вырастающие на обочинах булыжники, а в ушах – свист рассекающего пространство ветра, в котором сплелась неуловимая светотень мрака и солнца, смерти и бытия. Он понимал, что его жизнь просто не может быть иной, ведь он – артист, он тот, кто призван потрясти, всколыхнуть, взбудоражить, погнать волну; штиль – не его Судьба... Но как объяснить это тем, кто на красочной глянцевой афише видит обещание комфорта и всяческих житейских благ? Как заплутавшие путники в пустыне, люди верят в миражи. И на безжизненном раскалённом песке их воображение рисует чудесные замки с зелёными кущами, журчащими прохладительной водой фонтанами и караванами верблюдов, навьюченных золотом. Как рассказать улыбчивой девочке с кукольным личиком, держащей в руках микрофон, про рождение образа из пожелтевших листков бумаги с неровными обтрёпанными краями и небрежными заметками от руки на полях? Как ответить самому себе, листающему журнал с собственным портретом на обложке, на вопрос – кто этот Мистер Совершенство, которого я вижу, знаком ли я с ним?

Сганарель, Брандо, Феличе, Ребротёсов, Адуев ... Без него они были лишь персонажами – бесплотными, призрачными, книжными. Его талант вдохнул в них душу. Благодаря ему, они получили возможность самозабвенно раствориться в страсти, плести хитроумные интриги, рассуждать о тайнах мироздания. Они стали его частью. Их голоса роились в его голове, кричали, спорили, жужжали, как комары, и, подавляя своей индивидуальностью, требовали немедленного выхода. Он выходил на сцену и отдавал их – родных, взлелеянных и выпестованных, – на суд тех, кто притаился в темноте зрительного зала. И по набегавшим всплескам смешков, рассеянным хлопкам, ёрзанью стульев, заливистой телефонной трели, сдержанному перешёптыванию, одинокому свисту интуитивно пытался уловить, как принял их мир, в который они только что вошли. Прощальный поклон публике перед занавесом – это ещё не конец спектакля. Чуткое актёрское ухо ещё должно уловить тональность аплодисментов: выражение пережитых эмоций или дань существующей формальности? Искренность или рефлекс? В конце концов, для чего приходят люди в театр, если заранее знают, что там всё ненастоящее: дома из фанеры, небо из тюля, пища из папье-маше? Увидеть то, что могло бы случиться, если бы они были другими. Они приходят помечтать. И он, – осуществивший свою детскую мечту, – даёт им такую возможность. Наши иллюзии попадают в бережные руки.

ВРЕМЯ ТВОРИТЬ

Эссе о режиссёре Ларисе Меерсон

Муза холодна и бесстрастна. Воспарив крылами к небу, она хранит царственное и равнодушное безмолвие. Её божественный взор обращён поверх серых, однотонных будней в нетленную сферу Прекрасного, Чистого, Вечного. Ей нет никакого дела до нашего «ядерного, безумного, оголтелого, расчётливого, бесстыдного и жадного века». И её трудно упрекнуть в равнодушии. «Всему своё время, и всё на земле случится в своё время...» – каждый из нас прочувствовал на себе обжигающую горечь этой истины. Время выживать, выкручиваться, выкарабкиваться, сдирая ладони в кровь, зарабатывать любыми путями и способами, сводить концы с концами, скрести по сусекам, собирать с миру по нитке... Этаким современный Екклесиаст XXI века. Печальна участь того, кто его не усвоил...

Но есть люди иного свойства. Кто они – безумцы или мудрецы? Они способны на то, что не подвластно другим. Они видят горящие глаза ребёнка, впервые переступившего порог театра, в которых ожидание чуда и очарованность колдовской магией искусства, одновременно соседствует с желанием разгадать хитроумную головоломку спецэффектов и театральной бутафории. Слышат биение родительского сердца, трепетным стуком отзывающегося на поэтические строчки, продекламированные с казённой сцены звонким, срывающимся детским голосом. Чувствуют коллективную тревогу и напряжение бессонных ночей перед спектаклем. Испытывают электрическую волну нервной дрожи, пробежавшую по пальцам и расходящуюся кругами по гладким мраморным ступеням, устланным пурпурной ковровой мантией. Ощущают тёплую солёную влагу возле уголков глаз лауреата, вдруг осознавшего, что затраченное время и силы не напрасны. И понимают, что лишь благодаря им, мудрецам или безумцам, закончится эра бездушных дельцов и прагматиков, и настанет иное время – время опьянённых собственной творческой мощью созидателей.

МАГИЧЕСКОЕ ОБАЯНИЕ СЛОВА

Эссе о мастере художественного слова Елене Чередовой

Вне всякого сомнения, её появление на свет связано каким-то с волшебством. Должно быть, к изголовью её колыбели прилетала из неведомой сказочной страны добрая фея, которая наделила

новорожденную девочку роскошным и щедрым подарком – завоёвывать сердца людей одним только словом...

Рано научившись постигать его неизъяснимую, влекущую прелесть и видеть, какие полярные противоположности может таить по-разному произнесённая фраза, Елена Чередова стала одной из немногих обладательниц, наделённых чудесным талантом-ключиком, позволяющим распахивать двери в иной мир, полный ярких и противоречивых переживаний, в которых суровость соседствует с кротостью, гордость с безволием, отчаяние с экстазом. Её губы хранят великую тайну, в которой, как драгоценности в золочёном ларце, сокрыты мудрость и полнота бытия. Ей подвластно срывать покровы с женских душ, обнажая и безрассудство всепоглощающей неразделённой страсти, и безучастную покорность слепого обожания, и томную негу утолнённого желания. Ей дано озарять свежими красками унылую мрачность повседневной жизни и наполнять её красотой и содержательностью. Ей известна многозначительная сила молчания, способная передать очарование горной долины с зеленеющими свежей хвоей сосновыми лесами у скалистых подножий, ослепительную чистоту снегов в робком сиянии просыпающегося солнца, журчание ледяного ручья, омывающего пёстрые камни.

Дар Елены Чередовой особый. Он не предусматривает безраздельного, единоличного использования. Иметь его – значит безвозмездно отдавать другим свою нежность, любовь, магнетизм. Как голодный за куском хлеба, люди тянутся к тем, кто способен утолить их духовный голод, наполнить страдающее сердце умиротворением, всколыхнуть спящую душу надеждой. А бездонная стихия волнующих психологических оттенков, в которые погружается зритель благодаря непостижимому дарованию этой изумительной богини слова, позволяет ему оторваться от нескончаемого водоворота каждодневной суеты и, приподнявшись над обыденностью, встать в полный рост истинного значения того, что именуется Человеком.

ТАНЦУЮЩИЕ ПРИЗРАКИ

Эссе к картине Андрея Кудрявцева «Ночные звуки»

Для меня эта картина – словно давний полузабытый сон или выхваченный из памяти обрывок воспоминания – неясного, как звезда, затерявшаяся в хаосе озябших на ветру ветвей, причудливого, как иероглиф на старых полуистлевших страницах, лёгкого, как след от весла в уснувшей реке. Воспоминания из детства, когда я верила в то, что огромный мир со всеми его неповторимыми очертаниями и непостижимыми тайнами принадлежит мне. Только мне одной.



...Когда на город спускается ночь и небо окрашивается чернильными красками, укутав в мерцающую россыпь серебра утомлённое, изнеженное солнце, на землю слетаются таинственные существа – призрачные, невесомые, похожие на мотыльков или сказочных эльфов. Они знают тысячу удивительных мелодий и спешат исполнить их до того, как наступит рассвет. Под их полночные аккорды танцуют светлячки, переговариваются гулким уханьем совы, распевают свои трели неутомонные сверчки. Но не каждому человеку дано услышать их музыку, похожую на шёпот спящих листьев, шорох прибрежных камешков, неспешное дуновение ветерка. Только ребёнку, очарованному сказкой. И только художнику, сохранившему веру в волшебство.



Сергей ПАШКОВ

(Санкт-Петербург)

ЭССЕ К ЧЕТЫРЁМ КАРТИНАМ

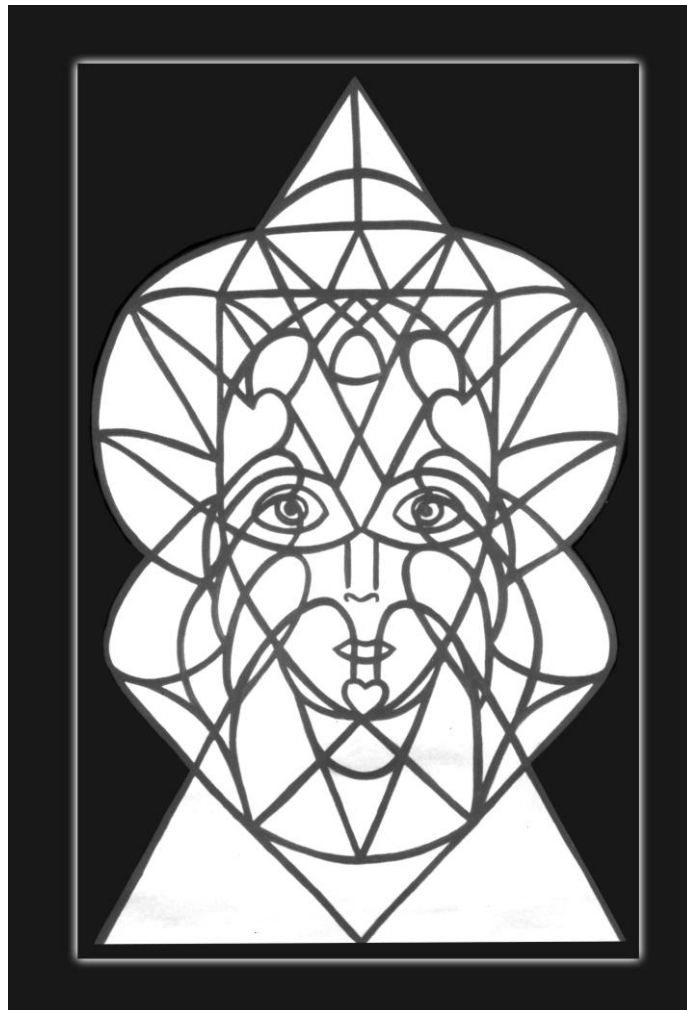
Первая картина «Богослов»



«Сотворил Бог словом века. Из невидимого, Господь Бог сотворил видимое. И было неисчислимо и неисповедимо всего видимого и невидимого в безднах всяких стихий. Стихии же были обитаемы, так и необитаемы или скудны. Вот явил Бог себя в пророке, чтобы через пророчества дать определенные познания и правила в предопределениях своих. И стал столпом пророк и начал писать на века предначертания. Вот внушает пророку благодать некто и нечто, он это освещает и дает этому Добру – ДА. Все, что внушается как непотребное, на то налагается вето – запрет, при относительном цензе и иных соотношений и сему Злу – НЕТ! Как все было соотнесено, то объявил пророк вот это: «Вот есть мудрость особая, которую понять будет сложно, а называется это Совершенством и Иммуниетом. Ибо совершенное зло всему делает плохо и доброму и плохому, потому

многим кажется, что нет добра и зла, все раз повержены злом. Как видят, что благое может делать благое для доброго и для плохого, а потому так же скажут. Мол, зачем же тогда быть добрым, раз всякий от этого получает благо и перестают мудро понимать это совершенство. Есть среди людей всякие, кто имеет иммунитет к порокам и непотребному и даже в скверной среде может находиться, но оставаться не искушенным соблазнами и не обращенным в порочное естество, но скрываться под личиной нечестного, либо же явно оставаться честным и нести тяготы от этого. Есть те, кто имеют иммунитет к благу, но могут притворяться добрыми, но реальное их духовное естество нечестивое. Есть лишенные иммунитетом, а потому они ведут аскетический образ жизни, дабы не обратиться им кому в порочного, а кому в благоразумного...»

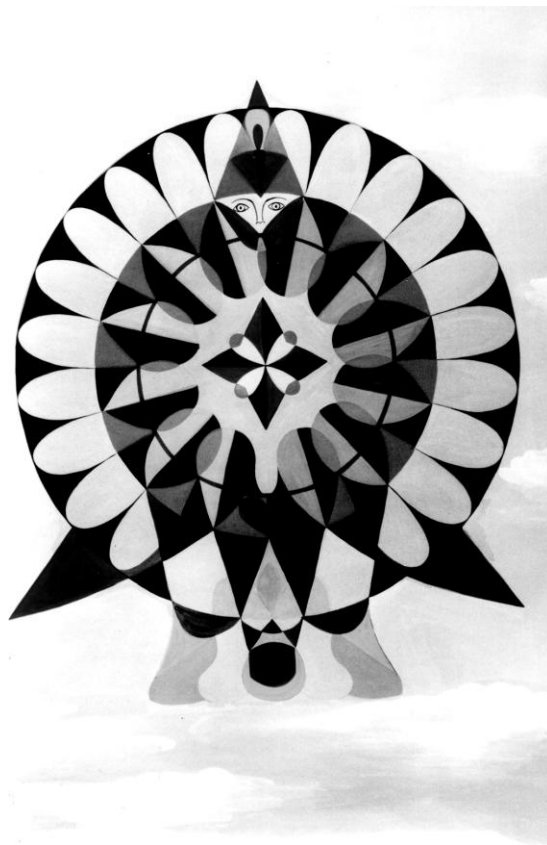
Вторая картина «Тайная Вечеря»



«Вот был я в одном расположении Духа. И виделся мне всякий сущий. Все сущие сотворили Единое Единосущее Божество. Единосущее Божество наделило каждое свое сущее, присущей ему чертой. Когда одни черты стирались, а другие проявлялись, то

проявлялось то сущее, чертами которыми его наделил Господь. Но есть черты особые и не внешние, и потому стирая плохие черты, и восстанавливая благие, плохое обращается в хорошее, а когда происходит все наоборот, то хорошее обращается в плохое. Однако можно и одной доброй чертой перечеркнуть все плохие черты, как и одной плохой чертой можно перечеркнуть о себе все доброе. Все черты меняются, как на небе, так и на земле, но то, что тут начертано, не перейдут...»

Картина «Древо Вечной Жизни»



«Вот видение мое об устройстве миров, которое написано в символизме метафор.

В центре духовного мира символ невидимого – Роза Ветров. Она расположена на особом зеркале – стволе «Древо Вечной Жизни», где рукоять ствола выходит из обрезанного символического сердца. Сердце несет послание, как корень дерева или мотор перегоняющий некую циркулирующую информацию или источники. Из ствола древа двенадцать листьев из-за которых видны колена, как некое поколение людей, которые встречают в этих листьях во всей Славе и Величии героя истинной великой судьбы. Этот наездник поражает стопами волков в овечьей шкуре, а сердце уже как накидка на голове у ослика. Ибо древо Вечной жизни есть лишь символ, благоразумных людей,

чьи плоды истинная мудрость от высшего познания и морального духа, и вкушая их мудрость, человек рождается свыше и Дух Святой над такими сынами и дочерями славными. Стоит лишь перевернуть на 180 градусов картину, (открыть глаза с другой стороны) и вы увидите блудницу – стриптиза. Она раздвинула в стороны ноги и тем взывает братьев блудом видеть в другом противника и поражать друг друга, как она поражает ногами братьев. Перед ней отрубленная голова на блюде, из которой исходит земной свет. Этим светом познания пороков, растления, жестокости, азартных игр, культовых верований одурманены поколения падших народов, на которых как на водах находится блудница. Поколения народов уже есть вечные черви зла, которые питаемы такой низменной духовной пищей...»

Четвертая картина «Стражи»



«Вот поставлю стражами в пределах разных, страшных существ. Не дам чужому иммунитета даже от комара и от мухи черви тело заживо съедать будут. И вот заключу договор с наследием моим и напишу на веки – вечные: «Бог знает Своих!» И да не убоятся наследники никаких стражей, но сами будут бодрствовать всякое время...»



ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав ОМСКИЙ

(Омск)

ВАШИНГТОНСКИЕ ЭТЮДЫ

Ну, здравствуй!..

Прилетел я в Нью-Йорк с опозданием, а билеты у меня до Вашингтона оплачены. Говорят – нелётная погода, самолёты не идут, надо ждать. Сколько, неизвестно. Туда-сюда. Ну, в общем, вышел из положения. Сел в автобус, молодёжь какая-то, то ли студенты, то ли спортсмены едут. Самолётом до Вашингтона – час, а автобусом – солидное расстояние. Грустно мне, языка не знаю. Меня как от пуповины оторвали. Еду, печалюсь, терплю. Молодёжь между собой болтает. Прислушался я и ...о, радость! Такой красивый русский мат слышу... прямо песня! Раньше бы возмущался, а теперь сижу, радуюсь, значит, не потеряюсь, наши рядом! Обращаюсь ко всем сразу: «Мужики, дайте позвонить по сотовому, выручайте! Попал в ситуацию, блин...» И вижу изумлённые лица! Они меня не понимают! Во как бывает! Я-то их хорошо понял!..

Время перемен

Я когда сплю, то храплю... уже давно... говорят, что-то ужасное... не спасают межкомнатные перегородки. И вот, представьте, этот ужас я привёз в Америку. Шелби, сноха моя, быстро оценила мои способности да ещё и по-русски: «Как медведь», – говорит, и спать уходит в ванну. Я молчу, что тут скажешь?

Чудеса наступили примерно через неделю, я храпеть перестал. И причину не знаю. Сейчас ребята мои, Вася и Шелби, бегают поутру, проверяют, что-то тихо, мол, живой ли?

Напутали...

Я студентом был. В наших газетах каждый день одно и то же: «Свободу славной дочери американского народа Анжеле Девис!» Вспомнил я об Анжеле Девис уже здесь, в Вашингтоне. Сколько лет прошло! Должно быть, теперь уже взрослая девушка! Спрашиваю и Дэвида и Гловера, знали такую? Нет. Не помнят. Не знали. Что-то напутали у нас в правительстве. Не о той дочери говорили.

Америка своих сыновей и дочерей помнит!..

Златовласка

Гуляем мы втроём по Моллу – я, Вася и Валентина. Жарко. Зашли в музей американских индейцев, заглянули на выставку военной техники. Нафотографировались.

Тысячи людей вокруг, тысячи детей. Идёт Валентина рядом со своей коляской. Шляпку сняла. Солнце играет в её волосах. Мысль обожгла: «Она же у нас –златовласка!». Все дети чёрненькие, а она – золотой генофонд Америки!..

Чудеса

Вчера иду, лежит негр на пляже, загорает. Чудеса!

Баночка

Иду я по улице Конституции. Стоит молодой негр, баночкой трясёт, мол, сыпни денег, дядя, чуток! А откуда у меня мелочь? У меня и крупных-то нет... Иду я дальше, за углом – фонтан, утки плавают. А в воде полно денег. Подбери и... ты – Рокфеллер. Ни негр, ни я не подобрали, стеснительные оба...

Символ

Держит Валентина в руках мяч – глобус. Названия на английском, но всё знакомо. И даже Омск рядом. Так символично. Дитя и мир! Вот что надо защищать!..

Сафари

Гостиница. 64-й канал телевидения. Передача о животных. Чудная природа. Бродят стада коз и оленей. Сафари. Улыбаются охотники, изошрённо, с прекрасным оружием и оптикой, убивают... бивают... бивают... е выдержал я:

– Вася, выключи телевизор, пожалуйста, а то они сейчас всех коз поубивают!

Двойник

Смотрю на телеведущего и удивляюсь, ну точь-в-точь знакомый мой доктор. И одет так же. Только в разных концах света живут. Как же люди, однако, похожи бывают!..

Столицы

Что за столицы пошли! В Москву приехал – кругом южный народ. В Вашингтон прилетел – здесь вообще Африка!..

Отель «Хилтон»

Гуляем мы с внучкой, стар да млад, в Окленд – парке, отдыхаем. Подходит барышня чёрная, как ночка, руками машет, спрашивает: «Как пройти к отелю «Хилтон»? Понял ведь я, что спрашивает. И знаю, где «Хилтон» находится. А как я ей объясню? Don't speak english. Не получился разговор. Внучка помочь не может в силу возраста. Я не могу потому, что в молодости ленился...

Стоим на перекрёстке все беспомощные, нездешние...

Страх

Идёт негр, огромный такой, но не атлет. Идёт мне навстречу, ноги буквой Х держит, живот несёт. Живот у него большой, колышется... Подгребаёт медленно, улыбается, губами шлёпает и смотрит на меня... А я сказать ничего не могу, у меня с английским плохо. Вдруг, думаю, он голодный? Вдруг он свои африканские привычки ещё не бросил? Вы не поверите, первый раз в жизни я капитально трухнул

Хорошо и плохо

Я в России всю жизнь прожил, с рождения. Сколько вождей похоронил... целое кладбище. Теперь вот, президенты пошли. И всё одно и тоже слышу: « У нас хорошо, а там плохо, у нас хорошо, а там плохо». Как заклинание. Не то, что верил я этому, а просто не хотелось думать на эту тему. Жил да жил себе.

А вот довелось, и...поехал я посмотреть на это «плохо». «Хорошо»-то я уже знаю. Посмотрел я на их жизнь и, совершенно согласен с нашим правительством. Совершенно. Цены у нас хорошо растут, а у них плохо. А всё остальное...так это мелочи...

(Продолжение следует)



МЕМУАРЫ

Игорь ЕГОРОВ

(Омск)

СЛОВО ОБ АВТОРЕ МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ

Биографический очерк

Михаил Михайлович Ткачёв родился 24 октября 1918 г. в селе Кругло-Озерном Убинского района Новосибирской области.

Автор помнит, что в детстве в семье много слышал о живописи. И это не удивительно, ведь его дед по материнской линии – Иван Павлович Черненко и дяди Исаак и Егор были живописцами и расписывали многие соборы Киева, Семёновки, Новгород-Северского и др. городов.

В 8-9 лет мальчик уже пытался нарисовать семейное застолье. В школе, в 6-7 классах писал зимние пейзажи. В 1936-1937 годах юноша работал художником Убинской райполитпросветбазы. В 1937 г. он уезжает в Омск с желанием поступить в художественное училище, но, из-за поздно присланных Убинской РБ документов об окончании им 7-го и 8-го классов экстерном, не успевает к началу поступления. Тогда он успешно сдаёт экзамены в Омскую транспортную фельдшерскую школу, которую оканчивает с отличием в феврале 1940 г., откуда 10 февраля призывается в армию.

На фронте находился с 22 июня 1941 года. Прошёл труднейшими дорогами войны.

Воевал в партизанском отряде им. Щорса на Курской дуге, где получил контузию. Был корректировщиком огня миномётного батальона дважды Краснознамённого Гумбиненского 174-го стрелкового полка. Корректировал огонь так, что только «пух и перья» летели от фашистских укреплений. Позже Михаил

Михайлович был помощником начальника штаба.

За годы войны несколько раз был контужен и ранен.

– Первую контузию получил ещё в начале войны, потом на Курской дуге, позже под Гумбиненом и в Потсдаме. Даже чуть было не был похоронен заживо. (Об этом очень интересно написано в предлагаемых читателю его мемуарных рассказах).

Его стрелковый полк дошёл до самого Берлина. Михаил Михайлович помнит, как брал и города Барановичи, Гумбинен, Кенигсберг, Потсдам. Тринадцатого апреля вошли в юго-западные окраины Берлина, захватили мост и по улицам Зендзенов штрассе и Кундекеллер штрассе двигались по направлению к Рейхстагу. Михаил Михайлович видел из окна одного из разрушенных зданий, как шло взятие Рейхстага.

Но уже в начале мая их полк перебрасывают в Прагу, которая была заминирована гитлеровцами. Надо было спасти город. И вот когда его полк стоял в Праге, Михаил Михайлович по военным делам побывал в окрестностях г. Зальцбурга, живописном горном местечке Австрии, где он сделал карандашный набросок этой красивейшей местности. Позже, уже через много лет им был создан по этому эскизу замечательный пейзаж, написанный маслом. Так что можно сказать, тяга к живописи не покидала Михаила Михайловича и во время войны.

Михаил Михайлович Ткачёв имеет 18 правительственных наград как участник Великой Отечественной войны. Среди них орден Великой Отечественной войны, медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина».

После войны Михаил Михайлович окончил Омский медицинский институт (все 6 лет обучения работал художником в институте природно-очаговых инфекций). Михаил Михайлович замечательный врач, много лет был врачом психотерапевтом, имеет медицинский стаж более 50 лет.

За свою жизнь им написано около пятисот картин акварелью и маслом, не считая набросков. Он участник шести выставок произведений художников. В 1985 г. получил диплом Всесоюзного общества художников. Многие свои картины подарил городу. (Репродукции его картин представлены цветными вклейками в этом номере альманаха).

Его жена, его муза, его вдохновительница в живописи – Ольга Ильинична Мельникова, тоже врач, причём врач-микробиолог, проработала в медицине более 40 лет. Их сын Владимир по специальности физик-экспериментатор, много лет был научным сотрудником НИИ в Новосибирском Академгородке, автор серьёзных разработок в области лазерной физики и техники. В настоящее время – художник-фотограф. Именно благодаря его искусству фотографа мы, читатели альманаха, можем насладиться живописными работами

его отца. Портреты жены и сына художника также представлены на цветных вклейках.

Михаил Михайлович – разносторонне одарённый человек. Он изумительно исполняет на скрипке, балалайке и мандолине произведения композиторов-классиков и народную музыку. Обладает литературным даром: пишет интереснейшую мемуарную прозу, которую мы и предлагаем вниманию читателя.



Михаил ТКАЧЁВ

(Омск)

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ФРОНТОВОЙ ЖИЗНИ

Рассказ первый

Помнится, лето 1944 года подходило к концу. Наш 174 стрелковый полк (впоследствии, получивший название Гумбиненского) перешёл границу Восточной Пруссии и наступал в направлении Гумбинена, находясь во втором эшелоне.

Подошли мы к какому-то небольшому населённому пункту под названием Матишкмен, расположенному в низине по берегам небольшой речонки, западный берег которой был высоким и по этой возвышенности проходил наш передний край обороны, за ним в полукилометре – немецкий передний край, а далее виднелся лес (Alt grunvald) и за ним в голубой дымке окраины гор Гумбинена. В то время был я корректировщиком миномётного взвода 82 мм миномётов 3-го батальона.

Противник вёл сильный артиллерийский и миномётный огонь по нашему переднему краю и по Матишкмену, куда двигались подразделения нашего полка. Солдаты полка, на смену которому подходил наш полк, не выдержав огневого напора и атак противника, стали отступать.

Наш командир полка Василий Шатов, командиры батальонов, наш начштаба 3-го батальона Малышев и 1 комвзвода, да и я тоже, останавливали отступающих.

Роты нашего батальона побежали занимать окопы переднего края. Я с моим связным Дудориным и ещё одним связистом оказался рядом с комполка и ломал голову над тем, как вести корректировку огня. С переднего края солдаты бегут. Мы находимся в низине, оттуда не видно, что за передним краем. В это время меня удостоил своим вниманием ком полка: «Что стоишь, рот раззявил! Давай огонь!» Далее добавил что-то про мать и т. д.

Должен заметить, что на фронте в те времена фронтовики от ком. полка до солдата крепким словом владели не хуже современных средств массовой информации.

И надо признать, такой приказ сразу прояснил моё сознание. Метрах в 150-ти я увидел дом с высокой, покрытой черепицей

крышей, с окном мансарды в сторону переднего края, и немедленно подбежал к этому дому, поднялся в мансарду. Из окна открывался вид на поле боя. Мои ребята разместились в окопах около дома, вырытых немцами.

Из окна я передавал им команды, а они по телефону на огневые. Начали вести прицельный огонь по наступающему противнику, и в это время снаряд шестиствольного немецкого миномёта, издающий при полёте особенные, противные звуки, попал в крышу дома за дверью этой мансарды. Взрывной волной меня выбросило из окна мансарды.

Плохо помню, что делал после приземления, зато как сейчас вижу поползу и, схватив свою буссоль, которая вылетела со мной из окна, ползком ныряю в ближайший окоп. И ещё сохранилось в памяти, как, от разрывов снарядов около окопа, болтался живот и отбивало дыхание.

Ну, в общем, атаку отбили. Из семи танков – три остались на поле боя, да и поле боя не было пустым. Потом, позднее, Дударин не раз подсмеивался: «Ты, Миша, летел, как ангел». А его связист добавлял: «Да только падал, как чёрт!»

Мне очень не нравилось словцо – «чёрт», и я возражал ему: «Тоже выкопал словцо! Сказал бы лучше – как ангел поверженный. А то «чёрт» да «чёрт». У чёрта и рога и хвост есть, а у меня никаких этих атрибутов нет!»

Фронтная жизнь без шутки-прибаутки была бы слишком тяжёлой, а с шуткой даже на фронте, вроде бы, жить можно – кому, конечно, повезёт выжить.

Воспоминания, особенно не о столь близком, всегда с оттенком грусти. Многих, с кем довелось «коротать» боевые дни, уже нет. Другие растерялись.

Вот командир полка Василий Шатов – был отцом солдатам. Человек сильной воли, большого мужества, врождённого ума. Жаль, не знаю – жив ли? Слава ему!

Колегаев – наш командир миномётного взвода, это человек, к которому солдат прилипал сердцем на первой неделе совместной службы.

Я с ним стоял рядом в окопе, когда разорвавшейся в 2-3 метрах миной ранило его в живот. Отправили в медсанбат. Где он сейчас? Жив ли?

Сейчас много говорят и пишут о дедовщине, а мне за шесть с половиной лет службы не довелось наблюдать такого. Бывало, приходишь в подразделение, и многие становятся тебе близкими и друзьями.

Рассказ второй

Бои в Восточной Пруссии в 1945 году были жестокие.

После налёта немецкой авиации на огневые позиции моего миномётного взвода остатки его были переданы во 2-ю роту, которая находилась на переднем крае, недалеко от фермерского хозяйства под названием «Гуддин». Местность ровная, открытая. До переднего края немцев не более 200-250 метров. Ход сообщения к нашим окопам шёл почти параллельно передовой. С питанием в роте было неважно. Подвозили еду только ночью. Вот на мою долю и выпало - сходить в Гуддин и поискать картошки, а моему товарищу из нашего взвода, достать дрова, чтобы ночью в блиндаже сварить еду. В Гуддине картошки не нашёл, но нашёл полураскрытый бург свёклы. Набрал полмешка, взвалил на плечо и отправился на передовую. Ход сообщения был прорыт рядом со старой заросшей травой канавой. Петлять по ходу сообщения со свёклой за спиной было неудобно, и я шёл этой старой канавой.

Мой товарищ со связкой дров шёл впереди метрах в 150-ти. Вдруг слышу гул артиллерийской стрельбы, и шум летящих снарядов. Слышу, снаряды идут сюда. Снаряд разорвался около окопа, и осколками разорвало мешок, и посыпалась свёкла. Как только очухался, собрал свёклу и пошёл по ходу сообщения. Вскоре встретил ребят нашего взвода, идущих навстречу мне с лопатой и плащпалаткой. Шли хоронить меня, так как товарищ с дровами видел, как снаряд попал прямо в меня. Вот мои товарищи и пошли собрать остатки тела и предать земле, а я им навстречу с раненым мешком и свёклой.

А какие радостные и хорошие были глаза у этих ребят! Кто-то из них тогда сказал: «Ну, Мишка, теперь жить тебе до ста лет!»

И я стараюсь не подвести старых друзей. На 77-м году бегаю бодро. Хотя война и грудную клетку поломала, левое лёгкое и диафрагму порвала; две тяжёлых контузии, а я живу и интереса к жизни не теряю, и инвалидом себя не считаю; только пенсия не соответствует ценам, а о компенсации сбережений говорят уже давно и говорить будут, вероятно, ещё очень долго! Так что, жить нужно! Похороны стоят дорого. Да мне и не к спеху!



ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Галина ЕРЕМЕЕВА

(Омск)

ПОСЛЕДНИЙ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА

*«Любовь к России стала
религией нашего сердца.»*
Г. Н. Потанин

Василий Александрович Морозов

04.06.1910 г. На заседании Думы состоялись выборы нового ГОЛОВЫ

(жалование 5 тысяч рублей). Претендовало на это место 15 человек. В итоге победителем стал В.А. Морозов.

Морозов Василий Александрович – действительный статский советник, педагог по образованию. При нём работа Думы стала строиться на основе гласности и открытости. С начала января 1911 г. начал выходить специальный печатный орган – «Вестник Омского городского общественного управления», где публиковались подробнейшие отчёты о деятельности Думы и Управы.

Работал Морозов очень активно, участвовал в Киевской муниципальной выставке, в аналогичных выставках, проходивших в Париже и Лионе. Именно под его руководством Омская Дума провела знаменитую местную сельскохозяйственную и промышленную выставку в 1911 г. Когда смотришь фотографии тех лет, удивляет масштабность, красота павильонов, где каждая отрасль представляла свои достижения. А самое главное, ощущаешь полноту жизни,

бурлящей в идеях, в труде, в творчестве умельцев. Для развития Омска это было очень важное событие.

Дума и управа во главе с городским головой осуществляла полную власть в городе. Ни генерал-губернатор, ни Акмолинский губернатор практически не вмешивались в их текущую деятельность. Рабочий день членов управы продолжался с 9 до 22 часов. Все важные решения принимались Думой. К числу постоянно действующих комиссий относились: ревизионная, училищная, театральная, аптечная, библиотечная, садовая, по замощению улиц, по заведованию богодельнями, продовольственная, попечительская (столовые, приюты, помощь больным и раненым воинам) и др. При комитете появилась особая комиссия «по дороговизне жизни» - по таксовке цен на продукты первой необходимости. Деятельность последней позволяла держать рост цен в разумных пределах.

Доходы города росли из года в год (в 1913 г. – 2 млн.464 тыс. руб.), в том числе за счёт инициативности и распорядительности городской власти. Главное бремя платежей падало на местных богатеев – купцов, владельцев промышленных предприятий, пароходств, крупных подрядчиков. Важное значение имела деятельность городского общественного банка, доходы от операций которого тоже шли в пользу города. В экстренных случаях Дума прибегала к займу, брала ссуды.

При В.А. Морозове Думе удалось получить в Министерстве народного просвещения большую ссуду (на 40 лет) на сооружение зданий для школ. Народное образование оставалось одной из главных забот городской власти.

К 1916 г. в Омске действовало 12 средних образовательных учреждений (с 2 964 учащимися), 3 казённых мужских гимназии, частное реальное училище, 5 казённых женских гимназий. В 6 средних специальных учреждениях (коммерческое, землемерное, женское епархиальное училища, кадетский корпус, сельскохозяйственная школа, учительский институт) училось 1 646 человек. Имелось так же 14 профессионально-технических заведений (с 1 267 человек). Начальное образование горожане могли получить в 5 училищах и 42 приходских и церковно-приходских школах. В 1916 г. открыто музыкальное училище. В городе много обществ. Не стояли в стороне от этого и «отцы города». В 1914 г. разработан долгосрочный план развития в Омске внешкольного образования.

За активную работу, справедливость, личностные качества Василий Александрович Морозов 29.08. 1914 г. избран городским головой на второй срок. А время было суровое – началась Первая мировая война. Внимательно посмотрите этот список дел последнего предреволюционного головы нашего города из книги И.П. Шихатова «Почётные омичи г. Омска». Думаю, это интересно каждому из нас.

Василий Александрович Морозов
годы правления 11.07.1910 – 05.07.1917
1863 – родился в Омске, сын писаря Омского военного госпиталя.
20.11.1872 – женитьба.
11.07.1882 – Омская учительская семинария.
1892 – уездный судебный помощник, коллежский секретарь.
26.01.1896 – второй брак – Лидия Иосифовна Томбеева (род. 20.11.1872).
1897 – Акмолинский областной суд, мировой судья г. Омска, коллежский асессор.
09.08.1897 – учитель Омского уездного училища.
30.03.1887 – родился сын Александр от первого брака.
12.01.1900 – родился сын Владимир от второго брака.
23.03.1903 – надворный советник.
12.04.1903 – назначен советником Семиреченского областного правления.
02.12.1907 – статский советник.
11.07.1910 – действительный статский советник, избран городским головой.
1910 – открыто городское Общество взаимного кредитования.
1910 – холера.
31.01.1910 – открыто Омское коммерческое училище.
12.10.1910 – открыт деревянный мост через Омь в створе улиц Омской и Первый взвоз стоимостью в 5 100 руб.
29.03.1911 – открыта городская водоканализация.
1911 – открыт Крестьянский поземельный банк.
1911 – 1-я Западно-Сибирская торгово-промышленная, сельскохозяйственная и лесная выставка.
1911 – открыто Омское землемерное училище.
1912 – открыт Омский Учительский институт.
1912 – открыто Омское сельскохозяйственное училище.
1912 – учреждено Омское общество пчеловодов.
1912 – начало планового мощения улиц.
18.03.1913 – организационное собрание общества народной трезвости.
22.07.1913 – начало строительства линии железной дороги Омск – Тюмень.
27.09.1913 – учреждено управление Омской железной дороги.
26.06.1914 – закладка здания управления Омской железной дороги.
08.1914 – мобилизация войск на войну.
29.08.1914 – избран городским головой на второй срок.
20.11.1914 – закладка здания Судебной палаты (Законодательное собрание)

1914-1915 учебный год – в городе 878 школ, 40 000 учащихся, 4 средних специальных училища на 135 человек и 1 институт.

1915 – начало строительства городской электростанции.

02.02.1915 – построена водонапорная башня и открыт городской водопровод.

1915 – заложен сквер у кафедрального собора.

06.08.1915 – закладка здания коммерческого института.

1915 – Григорий Николаевич Потанин (21.09.1835 – 30.06.1920) – выпускник Сибирского кадетского корпуса – пятый Почётный гражданин Омска.

25.02.1916 – закрыт кирпичный завод в Бутырском форштадте.

20.07.1916 – 200 лет Омску. Сделаны первые пожертвования на Омский Народный университет: М.А. Шаниной (25 000руб.) и П.А. Липатниковым (10 000 руб.). Город внёс 10 000 руб., а Дроздов 1 000 руб. Епископ Мефодий служил на площади перед Ильинской церковью. Присутствовал городской голова В.А. Морозов, было 20 000 жителей. Флаги на Думе, городском сквере и мосты через Омь.

1916 – создан Омский Союз кооператоров.

1916 – открыто новое здание Коммерческого института.

15.07.1916 – в Сибирском казачьем войске – день празднования 200-летия водворения на занимаемой ныне территории, 25-тилетия пребывания в войсках Государя Императора в бытность его царевичем.

21.08.1916 – организован первый городской спортклуб под началом Н.Н. Полякова.

08.02.1917 – принято здание кинотеатра «Кристалль – Палась» (современный Органный зал)

16.03.1917 – прибыл И.П. Лаптев – комиссар Временного правительства по Степному генерал – губернаторству, член Государственного Совета.

05.07.1917 – в чине действительного статского советника подал в отставку.

Идёт война, но посмотрите в этот список, сколько сделано хороших дел. И прочитайте этот отрывок из письма: « Мы, малая крупица земли русской, Омское биржевое общество, представляющее степной край, приветствуем в Вашем лице Государственную Думу, – обращались омские «биржевики» в феврале 1916 года к М.В. Родзянко, – в постоянном труде законодательных и учредительных органов, и только в нём одном лежит мощное начало организации всех общественных сил нашей великой страны».

В стране уже правит Временное правительство. В Омске продолжала действовать городская Дума и городская Управа, возглавляемая прежним городским головой В.А. Морозовым. Город продолжал жить своими заботами, летом 1917 г. омичи спешили насладиться теплом и солнцем. Современный историк В. Л. Кожевин

писал: «4 июня местный яхт-клуб открыл сезон парусной регаты... оживился интерес граждан к футболу. В 1917 г. в Омске играло 8 команд... Как всегда азартом и зрелищностью отличались бега на Омском ипподроме... Война и революция, казалось, лишь увеличивала тягу населения к развлекательному времяпрепровождению».

26.10.1917 г. в Омск дошла весть об очередной смене власти в Петрограде. Конечно, в это время, как и по всей стране, в Омске разворачивалось революционное движение, но местные большевики ещё не располагали силами, достаточными для овладения ситуацией в городе. Властные функции делили между собой теперь городская Дума и Совет рабочих и крестьянских депутатов. Городская Дума расценила октябрьские события в столице, «как дело измены Родине, как узурпацию прав народов» большевиками.

Последний предреволюционный голова г. Омска – Василий Александрович Морозов – 05.07.1917 , в чине действительного статского советника подал в отставку.

За самоотверженный труд на поприще служения Отечеству он был отмечен большими наградами:

- орден Св. Анны 2 и 3 степени,
- орден Св. Станислава 2 и 3 степени,
- медаль в память Александра 3-го.



Роберт УДАЛОВ

(Омск)

ВАЖНЫЙ ГОСТЬ

О первом приезде А. В. Колчака в Омск

14 октября 1918 года, под вечер, группа старших офицеров ждала на перроне омского вокзала прихода поезда, на котором должен приехать вице-адмирал Колчак. Стояли последние солнечные дни безветренной сибирской осени. С деревьев сыпалась листва, трава пожухла, но было ещё тепло. Ожидающие офицеры, сгрудившись кучкой, разговаривали между собой и посматривали на уже открывшийся семафор. В центре группы стоял весёлый, подтянутый полковник Волков в начищенных до зеркального блеска сапогах со шпорами, в серой длиннополой кавалерийской шинели, казачьей фуражке и с шашкой на боку. Он временно командовал Сибирской казачьей дивизией и был комендантом Омска.

Из встречающих никто с адмиралом Колчаком знаком не был, но солдатское радио и сюда донесло: человек не сдержан, вспыльчив, частенько выходит из себя и устраивает подчинённым жуткие, невообразимые разносы.

– Это, должно быть, неправда, людям свойственно привирать, пугать, – высказал своё мнение рослый подтянутый ротмистр, тоже выбритый до синевы и начищенный, словно для торжественного парада.

– Вы-дю-жим, – улыбнулся никогда не унывающий Волков. – С адмиралом и дамочка какая-то едет. В телеграмме просьба и для неё забронировать отдельный номер в гостинице. Но где его взять, тот проклятый номер? Все гостиницы переполнены. Не подступиться.

– А как вышли из положения? – бросил вдруг вопросительный, строгий взгляд на коменданта генерал Болдырев.

Стоял он чуть в стороне от остальных, а теперь шагнул поближе, не опуская с полковника строгого, пристального взгляда бледных, выцветших глаз. Все сразу повернулись лицом к генералу. Был он невелик ростом, грузноват, осанист. Мясистое, крестьянское лицо широкое в скулах. Голос властный, с хрипотцой.

– Номера-то, надеюсь, забронировали для адмирала, полковник?

– Никак нет, ваше превосходительство! Не удалось.

– Не понял, – придвинулся генерал ещё ближе и потребовал объяснить подробнее. – Что тут происходит?

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство! Всё нормально сделано... Для женщины с большим трудом, но сняли комнатку небольшую в частном доме на Надеждинской улице*.

– Так! А для адмирала?

– Для адмирала? – сделал полковник небольшую паузу, посмотрел вдаль, будто собираясь с мыслями, и не очень решительно выдавил из себя. – Ваше превосходительство, я собираюсь адмирала пригласить... к себе домой. Безвыходное положение.

– Чёрт знает что! До чего дожили, – помрачнел генерал. – А согласится ли адмирал на это?

– Согласится. Объясним – поймёт!

– Ну, ну! Ты только смотри, не очень вольничай там, дома-то. Не вздумай чего предлагать. Помни, с кем дело имеешь.

– Не извольте беспокоиться! Всё будет как надо.

Генерал Болдырев, действительно, об адмирале излишне беспокоился. Даже приехал на вокзал, хотя мог бы встретить гостя во дворце, как полагается радушному хозяину. Но у генерала была на то важная причина. Хотелось, не откладывая в долгий ящик, прямо на вокзале попросить адмирала не торопиться с отъездом из Омска, потому что очень хотелось обсудить с ним несколько важных вопросов и сделать серьёзное предложение.

Александр Васильевич Колчак возвращался из командировки в США через Японию. Приехал ещё в прошлом году. Но обстоятельства задержали его на Дальнем Востоке почти на год... В ноябре 1917-го он приплыл в Японию. Там и узнал о случившейся 25 октября в Петрограде трагедии, и о том, что новоиспечённые правители уже вели переговоры с врагом – кайзеровской Германией – о сепаратном мире. Это была трагедия для адмирала, как для каждого патриота России. Всякие мирные переговоры с немцами Колчак считал унижительными.

– Какие могут быть переговоры с этим сухоруким барабанщиком?

Так звали Кайзера Вильгельма Второго в русской армии.

В Японии ещё этот проныра – полковник Фукуды – встречавший адмирала у трапа парохода, начал с места в карьер предлагать помощь России военными силами Японии. Убитый горем адмирал с трудом отвязался от назойливого толстенького японца и немедленно обратился в английское посольство в Японии с просьбой, чтобы его взяли на службу англичане на любую должность для участия в войне с Германией. Ответ из Лондона пришёл положительный: было предложено адмиралу немедленно отбыть в

Месопотамию и принять командование фронтом. Адмирал направился было к месту назначения пароходом из Китая, но российский посланник в Пекине попросил сначала поехать в Харбин и помочь сформировать там несколько русских воинских частей. Теперь необходимость в войсках, можно сказать, утроилась. Пришлось адмиралу задержаться. На это и ушёл почти год.

О семье своей Александр Васильевич не беспокоился: ему сказали, что Софья Фёдоровна вместе с сыном Славиком благополучно покинула Севастополь и сейчас находится в Париже. Но сведения эти были неверны: Софья Фёдоровна находилась в России, пряталась в семьях знакомых моряков, ждала мужа, а десятилетнего Славика, которого начала звать теперь Ростиком, отправила в Каменец-Подольский, на свою родину, к хорошей подруге. Там Славика приняли с радостью, ни соседям, ни близким не пришлось объяснять, чей это сын.

В Севастополе по ночам громыхали выстрелы, по городу ходили перепоясанные пулемётными лентами патрули — «братишки», окончательно одержавшие революционную победу, и, конечно, узнай эти brave молодцы, что она — жена «самого Колчака» — ей бы не поздоровилось. Тут же отвели бы в овраг и прикончили. Уже расстреляли известных флотских офицеров: В.И.Орлова, Б.В.Бахтина, контр-адмирала Львова, А.А.Яковлева. Надо бы выбираться из Севастополя, но Софья Федоровна с этим не спешила, потому что ей сказали: есть верные сведения, что Александр Васильевич должен вернуться сюда. И не один, а с вооружёнными отрядами, которые живо поставят «братишек» на место. Женщина настойчиво ждала мужа, никуда не трогалась.

В Севастополе пока было не голодно, не то что в Петрограде и Москве, где, как она знала, люди умирали от недоеданий и холода. Дневная пайка хлеба составляла там всего пятьдесят граммов на человека.

Адмирал держал путь через Сибирь на юг России, в армию Деникина. Рассчитывал найти в тех краях применение своим военным знаниям и отыскать жену с сыном.

А генерал Болдырев придумал оставить его в Омске, решил предложить место в правительстве Директории. Такой известный человек, рассуждал справедливо генерал, наверняка пригодится в Сибири. Но рисковать не хотелось: решил сперва присмотреться к свежему человеку, поговорить по душам, узнать, что за птица. Об адмирале ходили в офицерских кругах разные слухи, очень противоречивые: будто потомственный морской офицер с научными наклонностями далёк от политики, боевой опыт ограничен,

неопределённых политических взглядов. Генерала это несколько настораживало.

Комендант города полковник Волков тоже немного хитрил: нашёл бы он номер в гостинице любой ценой, но и у него на уме было своё. Вчера вечером, когда узнал о приезде Колчака, встречался с Катанасевым и Красильниковым – друзьями. Обсудили детально кандидатуру адмирала: нельзя ли уговорить его на роль правителя России, вроде императора. Может, согласится? Но как с ним об этом поговорить? Поймет ли? Незнакомый человек.

Надо сказать, что у казаков близилась к концу подготовка к перевороту, всё решено, всё продумано, дело оставалось за немногим, как они сами говорили, – не было пока достойного кандидата на должность главы государства. Планировали полковника Иванова-Ринова, но разве можно его сравнивать с адмиралом! Вот вчера вечером и решили сделать ход конём – пригласить адмирала на жительство в дом Волкова и там с ним обо всём поговорить: легче дома-то подобрать ключик к человеку.

Поезд пришёл, звякнул буферами и замер, распространяя вокруг горклый запах разогретого в брусках машинного масла. Открылись двери – встречающие увидели адмирала. Он легко пробежал по ступенькам лесенки на перрон, в чёрной флотской гимнастёрке, с орденами на груди и орлами на погонах – молодой, лёгкий, подвижный. Полковник Волков бодрым шагом двинулся ему навстречу, молодцевато вскинул к козырьку руку и выдохнул с достоинством: «Рад приветствовать вас, господин адмирал, на нашей омской земле... Комендант города Волков». Адмирал вежливо улыбнулся и протянул руку для пожатия. Ничего рука: мужская, твёрдая.

Все внимательно, с любопытством рассматривали гостя, его по-военному стройную фигуру в морской форме.

Адмирал вблизи не казался строгим, даже наоборот – вежлив, внимателен, улыбчив. Среднего роста, хорошего мужского склада, широкий в плечах и узкий в тазу. Взгляд живой, приветливый. Некоторые до этого слыхали о восточном происхождении предков адмирала, а увидев его, полностью уверились в справедливости этих слухов. Восток, но не языческий, а утончённый магометанский. Он сказывался заметно во всем его облике, в манере говорить, смотреть, двигаться, и лишь улыбка, по-детски откровенная и в то же время беспомощная, обнажала его глубоко славянскую сущность. Смуглый цвет кожи и чёрные, с легкой проседью волосы придавали ему вид уроженца юга, а большой нос с горбинкой и гладко, по-английски, выбритые щёки и подбородок сообщали его лицу что-то классическое, напоминающее бюсты римских выдающихся людей.

Встречающие обступили адмирала кольцом, начался непринуждённый разговор. Обаятельный человек, скромный, сдержанный – это отметили все без исключения. Знакомство на перроне было коротким. Комендант отвел адмирала в сторонку и объяснил жилищную проблему. Александр Васильевич выслушал его с пониманием, вопросов не задавал, только и сказал: «Спасибо». Полковник представил ему молодого рослого ротмистра Князева и коротко рекомендовал: «Ваш адъютант, господин адмирал, на все дни вашего пребывания в нашем городе».

– Спасибо!

Адмирал пожал руку ротмистру.

Тот улыбнулся, показав отменные, белые зубы, один к одному, и сразу приступил к делу: открыл дверцу подъехавшего автомобиля и посмотрел вопросительно на сопровождавшую адмирала женщину, не зная, как к ней обратиться.

– Анна Васильевна Тимирёва, – пояснил Колчак, – помощница моя.

Анне Васильевне было лет 25. Тёмные, густые волосы, красивое лицо, ладная, точёная фигурка. Каким-то ветром занесло такую в Сибирь?

Поехали. Стало темнеть. Широкая пыльная дорога от вокзала вела в город. Километра два ехали негустым перелеском. И вот он город! Стала встречаться гуляющая молодёжь. Проплывали мимо первые зажжённые фонари, торговые лавки, встречные подводы. Когда переехали железный мост через Омь, Князев вежливо обернулся и пояснил с улыбкой: «Господа, это наш Любинский проспект... Чуть-чуть поуже Невского».

Гости мило улыбнулись и стали смотреть на витрины магазинов и встречных прохожих. Настоящий город. По тротуарам шли люди, было много офицеров в лихо заломленных фуражках.

– А это Успенский собор, – пояснил Князев, когда проезжали мимо церкви с несколькими луковицами – куполами. – В закладке фундамента, между прочим, принимал участие сам государь, Николай Александрович.

– Вот как! Любопытно, – оживилась до сих пор молчавшая Анна Васильевна.

Вид у нее был слегка помят, усталый, но милая шляпка на прибранной головке скрадывала эти изъяны.

Комнатка в частном домике на Надеждинской улице оказалась бедненькой, с общим входом. Хозяйка – грузная, немолодая – поприветствовала гостей сибирским напевным говорком и провела в комнатку – маленькую, с одним окошечком. Поставила на стол, накрытый скатертью, приготовленный стеклянный графин со свежей

водой, стакан. Водопровода не было, все удобства – во дворе. Шофёр занес два чемодана, хотел их открыть, но Анна предупредительно подняла руку:

– Я сама.

Глаза ее мило распахнулись – сверкнула робкая слезинка. Александр Васильевич это сразу заметил, обнял секретаря слегка за припавшее к нему миниатюрное плечико, что-то шепнул, и Анна осталась одна с хозяйкой в этой печальной комнатке со скрипучими половицами.

Особняк полковника Волкова оказался значительно богаче: два этажа, кирпичный, с большими окнами. Хозяин встретил уже одетым по-домашнему, в сером свитере, любезно кивнул гостю с крыльца и повёл в дом. Поднялись на второй этаж по широкой лестнице. Достаточно просторная угловая комната с четырьмя окнами на две стороны. У стены – кровать с горкой подушек, посередине круглый стол из красного дерева и шесть венских стульев. Просторно, вполне уютно.

– Живите, Александр Васильевич, сколько проживётся, я буду только рад, – сказал полковник с улыбкой и ушёл, оставив гостя с адъютантом. В адъютантской комнатке стоял небольшой столик с телефоном, один стул и у стены узкая кушетка с постельной принадлежностью, сложенной стопкой. Адмирал положил на стул свою фуражку и принялся расстёгивать шинель.

...За свою жизнь Александр Васильевич Колчак несколько раз пересекал Омск, но ни разу продолжительной остановки здесь делать не приходилось. Судьба его тесно переплелась с Сибирью, хотя родился он далеко отсюда – в Санкт-Петербурге, в семье морского офицера-артиллериста.

Отец – Василий Иванович Колчак – дворянин, воевал в Севастополе, ушёл в отставку в чине генерал-майора. Мать – Ольга Ильинична, урожденная Посхова – родом из Одессы, тоже из дворянской семьи. Выросла без сестёр, без сверстников, без палочек-выручалочек, горелок, пятнашек – этих смешных и милых игр, без которых чаще всего не обходится детство. Не передала интереса к ним и своим детям. Умерла рано, когда Саше было 19 лет. Рос он серьёзным человеком, обладал удивительной памятью, владел прекрасно тремя языками. Были ещё две дочки: Катя – после замужества Крыжановская, а младшенькая Любаша умерла ребёнком. Саша пошёл по стопам отца. Правда, начинал учёбу в 6-й классической гимназии Петербурга, но после 3-го класса перешёл в морской кадетский корпус и ни разу не пожалел об этом. Как говорил отец, сын нашёл себя в морской жизни. Учился старательно. Всегда в

первых рядах победителей стоял кадет с широкой задорной улыбкой – будущий адмирал Российского флота.

В 1894 году учеба закончилась и началась служба на разных кораблях. В 1898 году Александр Васильевич был произведён в лейтенанты. С молодых лет увлекся изучением океанографии и гидрологии, тогда же появились его первые публикации в научной печати. В 1900 году Александр Васильевич был откомандирован в распоряжение Академии наук. Сразу получил приглашение участвовать в опаснейшей экспедиции барона Толля, снаряжённой Российской Академией Наук на Ледовитый океан для исследования полярных сибирских морей. Работал там успешно, один из островов Карского моря назван в его честь.

Вторично побывал Александр Колчак на Ледовитом океане уже в качестве начальника экспедиции по розыску затерявшейся партии барона Толля. На небольшом вельботе – лёгкой быстроходной шлюпке с короткой мачтой – предстояло экспедиции пройти тысячемильный путь через шесть необитаемых островов. Такой проект считался безумием, но Александр Васильевич защитил его на заседании Полярной комиссии Академии наук и отправился на поиски в составе 13 человек. К месту предполагаемого нахождения Э.В.Толля пришли лишь семеро. Можно представить себе в огромном океане среди густой каши из крошева мелких льдин легкое судёнышко и маленькую фигурку лейтенанта, когда он вместе с дюжими спутниками, стирая в кровь спину и плечи, впрягался в лямки вельбота, чтобы перетащить суденышко через ледяные торосы, встававшие на их пути. Местами приходилось нечеловеческим усилием прорубать полоску в толстом льду или тащить 36-ти пудовое судно на себе через беспорядочные нагромождения ледяных глыб и обломков. Пот в три ручья. Однажды Александр Васильевич провалился – о, ужас! – в полынью. От мгновенного переохлаждения в ледяной воде потерял сознание и ушёл под воду. Каким-то чудом один из членов команды успел ухватить его за воротник и вытащить из дымящейся на морозе ванны. Остались плавать в ней лишь свинцовые кусочки льда.

– Ну, лейтенант, тебе и море по колено, – сказал кто-то.

Дневники барона были найдены быстро, продолжался опасный поиск самих людей на островах. Но безуспешно. Вернулись тогда, когда окончательно убедились, что все люди погибли. За эту экспедицию Академия Наук вручила отважному полярнику редкую награду – большую Константиновскую золотую медаль, которую имели до Колчака всего три путешественника. Благодаря старанию, смелости и находчивости молодой человек рано стал известным

полярником, одним из наиболее храбрых и способных морских офицеров.

Назначенный начальником третьей экспедиции к устью Лены, Александр Васильевич Колчак снова оказался в далёком Иркутске. Туда приехала из Каменец-Подольска его невеста – Софья Фёдоровна Омирова. В марте 1904 года они сыграли свадьбу. Отец жены был членом губернского суда. Он Александра Васильевича ни разу не видел.

Сразу же после свадьбы, узнав о русско-японской войне, Колчак немедленно отправился на Дальний Восток в распоряжение адмирала Макарова. Несмотря на хроническую пневмонию и суставной ревматизм (последствия полярных экспедиций), отважный моряк добился возвращения в Военно-морское ведомство и был направлен в Порт-Артур, где стал командовать миноносцем, расставлял вокруг бухты мины по сложной схеме. Потом командовал береговой артиллерийской батареей, был ранен. После сдачи крепости японцам оказался в плену. Японцы, уважая храбрость Александра Васильевича, одному из немногих разрешили в плену носить оружие, а потом, не дождавшись конца войны, предоставили свободу.

В апреле 1905 Колчак вернулся через Америку в Петербург, был награждён Георгиевским оружием, орденами Святой Анны 4-й степени и Святого Станислава с мечами 2-й степени.

Перед первой мировой войной был создан в России Морской Генштаб. Александр Васильевич стал одним из первых его сотрудников. Он занимался разработкой оперативно-стратегических планов на главном балтийском театре предполагаемых боевых действий, активно участвовал в реорганизации военно-морского флота. Выступал в Государственной думе экспертом по военно-морским вопросам, преподавал в Морской академии.

В апреле 1916 года стал контр-адмиралом, а через два месяца назначен командующим Черноморским флотом и сразу же произведён в вице-адмиралы «за отличия по службе».

18 марта 1917 приказал провести парад и молебен по случаю победы революции; вывел Черноморский флот в море, чтобы продемонстрировать противнику, что сохраняет боеготовность.

Однако 6 июня собрание севастопольских матросов под влиянием агитации посланцев большевистской «Кронштадтской республики» решило разоружить офицеров флота, а вице-адмирала Колчака отстранить от должности. Александр Васильевич не отдал своё Георгиевское оружие, а демонстративно выбросил его в море, сказав: «Море мне его дало, пусть море и возьмёт». Передав командование флотом контр-адмиралу Лукину, уехал в Петроград. Как видим, вся жизнь этого человека сопряжена с трудностями и

преодолением препятствий.

Нет, нет! Александр Васильевич приехал в Омск не «вспыльчивым идеалистом, полярным мечтателем и жизненным младенцем», как его некоторые характеризовали. У него уже выработался свой взгляд на освобождение России, оказавшейся под игом устроителей надуманного коммунистического счастья. Он считал, что в этих условиях нужна твердая власть – может быть, военная диктатура, способная объединить граждан, армию и повести к освобождению. Лишь после этого в стране можно приступать к выборам в Учредительное Национальное собрание и заниматься демократией. В этом он был твёрдо убеждён.

И остановку в Омске сделал тоже не случайно. Хорошо осознавал, что центр борьбы с врагами России теперь именно здесь, в Сибири, где уже есть освобождённая территория, успешно действует русская армия. Он, воспитанный в семье и Морском кадетском корпусе на патриотических традициях, не мог отсиживаться в стороне. Его тянуло в гущу событий.

Следующий день после его приезда в Омск было воскресенье. С утра ротмистр Князев по просьбе Александра Васильевича вызвал из гаража машину, заехали за Анной Васильевной и они отправились знакомиться с городом. Денёк опять стоял тёплый, светлый, каких в октябре осталось немного. Поехали на рынок, занимавший тогда всю теперешнюю площадь Дзержинского. Округа кипела народом, лежали кучами полосатые арбузы, жёлтые дыни, красовались золотистые венки лука. Пахучими были рыбные ряды. Тут была вяленая и копченая рыба. Прямо с возов крестьяне торговали мясом, мукой, зерном, яйцами, овощами. В Обжорном ряду, под навесами над длинными столами и скамьями, сколоченными из досок, было сумрачно. Наверняка ночью тут бегали крысы. Легкий ветерок обдувал прилавки, сушил осеннюю землю, перекатывал клочки упавшего с телег сена. Лишь центр площади не успевал просохнуть от осенних дождей, там до самого снега чмокала топкая грязь.

Вдруг гости увидели великолепное здание драмтеатра во всём блеске и красоте. Что угодно, но такую прелесть они никак не рассчитывали встретить в такой сибирской глухомани. Это было творение архитектора Хворинова, построенное в 1905 году. Первые десять лет здание стояло краснокирпичным. В те годы было модно строить из красного профилированного кирпича в стиле модерн. Без штукатурки. Дома того времени и теперь отличаются оригинальной асимметрией фасадов, разнообразием оконных проемов, добротностью «крестовой» кирпичной кладки и тщательной разделкой швов –

рустовкой. И теперь еще можно найти с десяток таких оригинальных зданий в нашем городе.

Но чуть позже пришел в архитектуру новый стиль: начали опять штукатурить стены. В 1915 году оштукатурили и драматический театр, а через год сделали еще лепные и скульптурные украшения, установили в ниши бюсты Льва Толстого и Антона Чехова. С тех пор и стоит драмтеатр таким красавцем, каким мы его знаем вот уже много лет.

Гости не удержались и попросили Князева достать билеты на вечер, а сами, покинув машину, спустились под горку и оказались на главной улице города – Любинском проспекте, по которому, помнится, проезжали вчера. Слева и справа тянулись ряды двухэтажных белых магазинов, на тротуарах и днем поддерживалось оживление. Без разбора двинулись по всем магазинам подряд. Были поражены обилием товаров из Китая, Индии, Сингапура. Особенно много их было в «Московских рядах» и магазине Шаниной. Чего только не было! Всякой всячины! Глаза разбегались.

Вечером сидели удобно в бельэтаже. Внутреннее убранство театра на 829 мест им тоже понравилось. Смотрели весёлую бытовую уличную драму с тёмными страстями – «Женщина с улицы». Всё шло нормально, только изредка тишину нарушали в партере два подвыпивших солдата. На память о том первом посещении омского театра Анна Васильевна несколько лет хранила программку с изображённой лирой со скрещенными пальмовыми ветвями – символом «чистого» искусства.

Анна Васильевна – одаренный, творческий человек писала хорошие стихи, великолепно играла на пианино, занималась живописью. Ей хотелось общаться с интересными людьми. Александр Васильевич, пока был в Омске частным лицом, сопровождал ее всюду. Они бывали на вечеринках, на выставках художников, встречались с музыкантами, литераторами, ещё несколько раз ходили в театр, смотрели «Анну Каренину», «Царя Федора Иоанновича», «Идиота». В летнем театре, размещенном в саду «Аквариум», успели до холодов послушать пышнотелую красавицу Марию Александровну Каринскую – известную исполнительницу русских романсов и цыганских песен. Именно здесь убедились окончательно, что оба страстно любят музыку.

К приятному удивлению обнаружили, что в городе не один, а несколько кинотеатров: «Гигант», «Сфинкс», «Кристалл-Палас», «Саргон», «Одеон», электротheater «Прогресс». Зазывные рекламные афиши висели по всему городу, газеты щедро писали: «Вера Холодная в незабываемом шедевре», «Последнее танго», «Роскошный

фильм с участием красавицы Барабановой», «Кровавый вихрь, или безумие ревности».

Приезд свой отметили весело в ресторане «Летучая мышь», расположенном на первом этаже Военного собрания*. Им подсказали добрые люди, что там можно хорошо выпить и закусить. И они не пожалели. Вечер прошёл на славу. Были приглашены и местные литераторы, был Антон Семёнович Сорокин, сибирский писатель и известный скандалист. Он поднял бокал и провозгласил тост с пожеланием великому адмиралу «как можно скорее быть на своём месте – на корабле, а не томиться в захолустном Омске». Хотелось скандала, но не получилось. Александр Васильевич был воспитанным человеком, знал себе цену и сделал вид, что ничего не произошло.

Был на вечере и капитан первого ранга Михаил Иванович Смирнов – однокашник Александра Васильевича по Морскому кадетскому корпусу. Высокий, стройный, он пришёл в морской куртке с орденами, в окружении двух молодых девушек. Вечер с танцами, песнями продолжался до двух часов ночи. Все остались довольны.

В понедельник Александр Васильевич пошёл знакомиться с местными властями и командованием. Встречался с хорошо разбирающимся в политической обстановке генералом Василием Георгиевичем Болдыревым, долго разговаривал с добродушным и обходительным Петром Васильевичем Вологодским, премьером, побывал в штабе округа у Алексея Филипповича Матковского, познакомился с начальником штаба Сибирской армии генерал-майором Розановым. Каждый вечер допоздна шли разговоры со словоохотливым Вячеславом Волковым – хозяином дома. Полковник был толковым собеседником, достаточно информированным, имел по многим вопросам свою оригинальную точку зрения. С ним общаться было одно удовольствие.

Родился Вячеслав Иванович в 1877 году, окончил Омский кадетский корпус и Александровское военное училище в Москве, потом Офицерскую кавалерийскую школу. С первых дней мировой войны – на Кавказском фронте. 21 декабря 1914 года под городом Ардаганом со своей

4-й сотней атаковал колонну турок и захватил знамя 8-го Константинопольского пехотного полка. Был награждён орденом Св. Георгия. За бой 2 января 1915 года у деревни Еникей был отмечен Георгиевским золотым оружием. В январе 1917 года с депутацией полка ездил в Царское Село представляться императору.

– Такая честь была оказана, – с печалью в голосе сказал полковник. – А теперь что творится? Большевики натравливают солдат на командиров. Самосуды и убийства стали обычным

явлением. Офицеров арестовывают и казнят без суда и следствия. Что будет дальше, а? Полная трагедия в русском офицерском корпусе...

Вячеслав Иванович рассказывал много об Омске, о Москве, где делал продолжительную остановку в прошлом году при возвращении с фронта. Говорил, что насмотрелся вволю на столичную жизнь.

Официальные лица обычно говорят сдержанно, с оглядкой, а Вячеслав Иванович ничего не скрывал. Рассказывал, посмеивался. Весёлый и общительный человек.

...3 ноября 1918 года наконец-то вышло постановление Сибирского правительства «О передаче Верховной власти на территории Сибири Временному Всероссийскому правительству Директории». В тот день премьеру Вологодскому было присвоено звание «Почётного гражданина Сибири». В приказе многословно, витиевато излагалось:

«В ознаменование выдающихся заслуг Председателя Совета Министров и Министра иностранных дел Временного Сибирского правительства Петра Васильевича Вологодского по воссозданию государственности и правопорядка в Сибири и по восстановлению мирного течения жизни в крае, а также во внимание к многолетним плодотворным – на разных поприщах трудам П.В.Вологодского на благо и преуспевание Сибири – Административный Совет Временного Сибирского Правительства в день передачи Временным Сибирским Правительством Верховной власти на территории Сибири правительству Всероссийскому постановил:

Председателю Совета Министров и Министру иностранных дел Временного Сибирского правительства и члену Временного Всероссийского правительства Петру Васильевичу Вологодскому присвоить звание «Почётного Гражданина Сибири».

Далеко не все современники были столь высокого мнения о заслугах П.В.Вологодского, однако пост премьер-министра он сохранил и при Директории. Его заместителем стал В. А. Виноградов, министром иностранных дел – Ю. В. Ключников, внутренних дел – А. Н. Гаттенбергер, финансов – И. А. Михайлов.

В первый же день формирования нового правительства генерал Болдырев официально предложил вице-адмиралу Колчаку пост Военного и Морского министра. Не сразу, но предложение адмирал с благодарностью принял и, не просмотрев даже как следует, все бумажные дела у своего предшественника генерал-майора Иванова-Ринова, уехал на фронт, чтобы познакомиться напрямую с войсками и с командным составом, от которого во многом будет зависеть успех его новой работы.

Первым Военным министром в омском правительстве был Алексей Николаевич Гришин-Алмазов. Продержался он на этой

трудной работе всего два месяца и «сбежал» – уехал в армию Деникина. Там стал командовать дивизией. Был этим доволен, возвращаться не хотел. Тогда и назначили на его место в экстренном порядке Павла Петровича Иванова-Ринова. Попросили поработать временно, по совместительству, не освободив даже от основной должности – атамана Сибирского казачьего войска. Но на двух креслах сидеть совсем неудобно. Через месяц Павел Петрович начал беспокоиться крутить головой, поглядывать по сторонам с кислой миной на лице. Наконец-то взмолился: «Отпустите, больше не могу!»

Премьер Петр Вологодский стал умолять его поработать хотя бы ещё с месяц. Директория, мол, приехала, начнёт формировать своё правительство, «будут неизбежные перестановки и вас заменим. Потерпите!» И он терпел. Работал. Именно при Иванове-Ринове в Сибирской армии были введены снова погоны, прежние знаки отличия. Военнослужащие опять стали носить с гордостью полученные при царе ордена, медали, Георгиевские кресты. И вот теперь Александр Васильевич Колчак заменил его.

Военное министерство размещалось тогда в четырех комнатах Дома офицеров.

Отправившись на фронт, Александр Васильевич первым делом побывал в Троицке у оренбургских казаков, выступил у них на круге, охарактеризовал чёткими и уверенными словами задачи борьбы с захватчиками. Уезжал, твёрдо пообещав казакам удовлетворять все их справедливые просьбы по бесперебойному снабжению оружием, патронами, снарядами. Тогда же познакомился с Войсковым атаманом Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенантом Александром Ильичём Дутовым. Широкое в пурпурных жилках лицо, волосатые ноздри и подстриженные аккуратно усы. Атаман далеко не старик, а за спиной большая и необыкновенная жизнь: кадетский корпус и кавалерийское училище, Императорская Николаевская Академия и мировая война, в огне которой он был ранен и дважды контужен, лишился на время зрения и слуха. В 33 года – войсковой старшина и командир 1-го Оренбургского казачьего полка.

В марте 1917 года полковник Дутов приезжал делегатом в Петербург и был избран председателем Совета Всероссийского Союза казачьих войск, а в сентябре чрезвычайный Войсковой круг Оренбургского казачьего войска избрал его Войсковым Атаманом с вручением булавы – символа атаманской власти. Дутов не смирился с захватчиками. Дважды встречался с Лениным и Троцким. Поднимал сам мятеж против них, но потерпел поражение и начал собирать в единый кулак всё Оренбургское казачество. Теперь оно самое большое: под ружьём числились 42 конных и 4 пеших полка, 16 батарей – очень серьёзная и грозная сила!

Через несколько дней адмирал в бронированном поезде из Златоуста отбыл на передовые позиции. В одной версте от сторожевых охранений обходил он по снежным настывшим тропинкам войсковые части, видел окопы в три ряда, заглядывал в перевязочные летучки, разговаривал с ранеными солдатами и командирами разных рангов. Смелость его и тонкость чутья многих поражала. Служивые люди видели министра рядом с собой, разговаривали с ним в одном выстреле от противника, и было им, наверное, хоть чуточку легче и теплее от такого общения. Многие командиры высокого ранга предпочитают отсиживаться в тылу, от греха подальше, а этот норовил туда, где опасно.

Состоялась тёплая встреча министра с Владимиром Оскаровичем Каппелем – командиром прославленного Волжского соединения. Громкая слава об этом командире впервые разнеслась по всему фронту весной 1918 года, когда молодой полковник стал душой и вдохновителем небольшого добровольческого отряда, затем разросшегося в мощное соединение, успешно действовавшее на Волге и при освобождении Урала.

Основу его соединения составляли ижевцы и воткинцы – рабочие двух уральских заводов, которые летом 1918 года разогнали в своём крае советы и создали боевые отряды, хорошо вооружённые. Они храбро, умело сражались и стали мощной боевой единицей. Туда, где действовали ижевцы и воткинцы, всегда приходили успех и победа. Неотлучно находился с корпусом и лихой командир Владимир Каппель, похожий на простого солдата в своей неизменной солдатской шинели и фуражке.

При коротком разговоре с Военным министром Владимир Оскарович однозначно заявил, что России, по его убеждению, нужна твёрдая диктатура. А Колчак его спросил: «Кто же решится взвалить на себя такую тяжёлую ношу, какая по силам лишь государю? Но государя больше нет». Каппель без промедления ответил: «Вы, Александр Васильевич».



ПЕРЕВОДЫ

Дуглас ФАРР

ОДНАЖДЫ НОЯБРЬСКИМ ВЕЧЕРОМ

Рассказ

Лиль Беквит был человеком «организованным», он верил, что каждый может сам создавать своё будущее, равно как и настоящее. Можно управлять своим будущим, просто предвидя его и будучи готовым к любым случайностям. Даже к таким, как нападение и ограбление на улице.

Такая вероятность посягательства имела место в жизни Лиля Беквита, поскольку раз в неделю ему приходилось бывать на улице. В такие дни – обычно по понедельникам – он не ехал домой на ужин, а отправлялся на другой конец города, где подрабатывал бухгалтером в лавке мистера Гармана. Тот платил Лиллю за его работу пятнадцать долларов в неделю – весьма неплохие деньги за три часа работы, как считал сам Лиль. И это были очень важные пятнадцать долларов, так как ими он оплачивал уроки музыки для своих дочерей, Сандры и Шейлы, и еще немного оставалось на разные мелочи, – на всё это не требовалось тратиться из «основного семейного бюджета Беквитов».

Однако, помимо этого приятного еженедельного дохода, Лиль учитывал и возможные опасности такой работы. Лавка мистера Гармана находилась в одном квартале от оживленного и хорошо освещенного проспекта Маджестик. Беспокоясь также и о безопасности своей машины, Лиль предпочитал оставлять её именно на Маджестик, и желательно прямо под уличным фонарём. В лавку он приезжал обычно около семи вечера и уезжал между десятью и половиной одиннадцатого. Таким образом, зоной риска для него теоретически был лишь этот самый квартал, через который ему нужно

было пройти от лавки до проспекта Маджестик около десяти вечера. Риск был, разумеется, не так уж велик.

Но план действий у него всё-таки был подготовлен, и заключался он в его портфеле – старенькой, потертой вещице чёрного цвета с заедающей молнией. Лиль ходил с ним каждый день на работу, хотя большого смысла в том не было. Должность он занимал не столь важную, и не было у него необходимости носить с собой бумаги, чтобы дома корпеть над ними вечерами. Портфель был всего лишь маскировкой для его обеда, а по понедельникам ещё и для ужина. Сэкономленные на обедах деньги он потратил на зубные брекеты для дочери Сандры. Но поскольку Лиль был «белым воротничком», он считал несколько унижительным носить с собой контейнер с обедом. К тому же портфель придавал ему респектабельности, ведь он был невысокого роста и одевался весьма скромно.

Но самое главное – портфель играл ключевую роль в его плане самообороны. Его одолевал мучительный страх физического насилия. И если бы на него напали вооруженные бандиты, то ему, разумеется, совсем не хотелось бы подвергаться какому бы то ни было грубому обращению, о котором так много писали в газетах – не говоря уже об ущербе, который нападающие могли бы нанести. Например, они могут разбить ему очки или что-то в этом роде.

Всего этого можно избежать, полагал Лиль, пожертвовав тем самым портфелем. При приближении бандита – а Лиль был уверен, что он сразу его опознает – он просто кинет ему портфель со словами «На, забирай!», и убежит. Смысл фразы «На, забирай!» будет вполне очевидным – она подразумевает, что в портфеле находятся некие ценные вещи, но человек скорее ими пожертвует, чем попытается оказать сопротивление. Какой грабитель в здравом уме погонится за ним вместо того, чтобы остановиться и заполучить такой портфель? Лиль где-то прочитал, что один человек, на которого напали грабители, раскидал по земле несколько монет, и нападавшие остановились, чтобы их собрать. А человек в это время успел скрыться. Лиль рассчитывал, что приманка в виде портфеля была как раз самой подходящей. А пока грабитель будет возиться с этой заедающей молнией, чтобы заглянуть в портфель, Лиль вполне сможет удалиться на безопасное расстояние. К тому же портфель стоил меньше, чем новые очки, и возможно, он сможет пожаловаться мистеру Гарману, и тот купит ему новый портфель.

В общем, план весьма надежный, а в чем-то даже и выигрышный. Лиль полагал, что нужно лишь быть готовым к любым случайностям.

В этот прохладный, бодрящий ноябрьский вечер Лиль Беквит уверенно вышел из лавки мистера Гармана. Он был в сером пальто, в

серой, давно потертой, фетровой шляпе, в руках он держал свой портфель. Твердой походкой человека, который куда-то спешит, он направился к проспекту Маджестик.

Как и всегда в такие вечера по понедельникам, он был насторожен и сохранял бдительность. Обычно он внимательно наблюдал за другими пешеходами, обходя всех стороной и не позволяя сближаться с ним, иначе при случае не удастся ему осуществить свой план с портфелем.

Дорога не сулила никаких особенных происшествий. Похоже, на тротуаре он был один. Тем не менее, дойдя до угла Маджестик, он на секунду приостановился и огляделся по сторонам – вверх и вниз по улице, посмотрел направо и налево. Его машина была припаркована на проспекте через полквартала, и расстояние до нее казалось пустым. Он с военной точностью повернул и зашагал к машине.

Но не сделал он и дюжины шагов, как ситуация в корне изменилась. В двадцати футах от него, из тени припаркованных машин вышли два человека. Лиль внезапно остановился, замедлили шаг и те два человека.

В очках Лиль видел достаточно хорошо. И увиденное сразу пробудило в нём первобытный инстинкт страха и самосохранения. Мужчины были разного роста – один из них был высокий и худой, второй – ниже ростом и полнее, но одеты они были одинаково. На каждом была шляпа с загнутыми вниз полями. Оба были в пальто, оба держали руки в карманах. Они замерли как статуи, ожидая, пока Лиль подойдёт к ним по тротуару.

Это было не совсем то, чего Лиль ожидал. Он не предполагал, что они будут одеты как частные детективы или иностранные корреспонденты, а думал, что они незаметно подкрадутся к нему и спросят закурить или что-то в этом роде. Но уверенности в себе у Лилия пока не убавилось. Его план сражения легко встраивался в такую стратегию врага.

Достаточно долго противники стояли друг напротив друга. Дряблые мышцы городского жителя Лилия напряглись в ожидании того, что должно с ним произойти. Если он не пойдёт навстречу этим людям, то они наверняка сами подойдут к нему. Поэтому он стал готовиться, когда они начали осторожно шагать.

«На, забирайте!» – вскрикнул он и швырнул им портфель.

Он не видел, куда упал его бедный портфель, не стал ждать их реакции на этот его маневр. Портфель был ещё в полёте, а он сорвался с места и побежал по проспекту Маджестик в противоположном направлении.

Пару секунд он слышал в вечерней тишине лишь свои шаги. Определенно, его действия стали полной неожиданностью для грабителей. Ему представлялось, что эта парочка сначала уставилась на свою, так легко полученную добычу, потом поглядела вслед

ретиrowавшейся жертве, сказав «Ну, и чёрт с ним!», а потом они энергично взялись за осмотр своих богатств. А тут замок-молния – эта старая добрая молния, эта козырная карта в рукаве – с которой они будут возиться и возиться, пока их жертва не окажется вне досягаемости.

Лиль не мог точно знать, сколько действий из этого списка успели сделать эти двое. Но едва он скрылся за углом, он начал понимать, что что-то в его плане пошло не так. Потому что шаги этих людей громко слышались на тротуаре прямо позади него.

Однако побежать ещё быстрее он вряд ли мог, ведь он уже мчался с такой скоростью, с какой ни разу не бегал за все последние двадцать лет. И его не останавливало даже то, что за ним началась настоящая погоня. Он перелетел через улицу и помчался к следующему кварталу проспекта Маджестик. Он не осознавал, насколько далеко зашли его приключения, пока одно за другим не произошло несколько событий.

«Стой, стрелять будем!»

Он не остановился.

Послышалось три выстрела, и что-то, похожее на пчёл, прожужжало возле его уха.

Теперь-то Лиль понял, что план, даривший ему уверенность в себе все последние полгода, потерпел фиаско. И дальше ему приходилось действовать уже без всякого плана, полагаясь на все возможные инстинкты и примитивные ухищрения, глубоко дремавшие в мозге и теле простого бухгалтера двадцатого века.

Ещё не стихло эхо третьего выстрела, как Лиль рванул с тротуара и бросился в темноту между двумя припаркованными машинами. Тяжело дыша, он прижался к земле. Все органы чувств в нём обострились до предела.

На проспекте Маджестик было абсолютно тихо. Он знал, что эти люди не прекратили преследование. Казалось, что он, по меньшей мере, ввёл их в замешательство, и они не знали, где он сейчас точно находился.

Он приподнялся немного, вглядываясь сквозь окна машины и пытаясь увидеть преследователей.

Он их увидел. Они стояли на тротуаре в пяти или шести машинах от его укрытия. Один из них держал в руках портфель. Оба были вооружены, никакого сомнения. Пистолеты он не разглядел, но этот вывод можно было сделать по положению их рук – вытянутых вперёд чуть выше пояса.

«И сколько они ещё будут за мной гоняться? – спрашивал он себя. – Почему они так хотят меня поймать. И зачем?» Он не был экспертом по странностям психологии преступников, поэтому и мотивов их действий не мог себе представить. Они получили

портфель – он был в руках одного из них. Что ещё им нужно? Конечно, он сам. Их разозлило то, как он ловко перехитрил их? А может быть – и от этой мысли его бросило в холодный пот – они были теми садистами, которые получают больше удовольствия от причинения боли, нежели от получения наживы?

У него было мало времени, чтобы обдумывать все эти ужасы. Один из них – тот, что был без портфеля – боком отходил к бордюру, осторожно продвигаясь между двумя машинами и обходя припаркованные машины по дороге. Метод «взять в клещи». Они пытались его окружить.

Лиль среагировал мгновенно, без раздумий. Если он оставит свое укрытие и бросится бежать по дороге или тротуару, то превратится в мишень. Поэтому он сделал единственное, что оставалось – лёг на землю лицом вниз, начал ползти вперёд на локтях и коленях (сержанта-инструктора морской пехоты эта картина позабавила бы) и, извиваясь, как червяк, полностью скрылся под одним из автомобилей.

Он знал, что будет абсолютно беспомощным, если его обнаружат в этом положении, но старался не думать об этом. Он лежал не дыша, не в состоянии думать, но всё тело было в судорожном напряжении.

Очень вовремя он спрятался. С обеих сторон слышались звуки мягких шагов. По ним он мог точно судить о происходящем. Первый человек шел по тротуару, второй – по дороге. Оба осторожно двигались с одинаковой скоростью, словно солдаты из фильмов, действуя как одна команда, выполняющая задание в заминированном городе. Вдруг они так же синхронно остановились с двух сторон машины, под которой он лежал. Некоторое время была полная тишина. «Куда он делся, Майк?» – наконец послышался шепот.

«Мне казалось, что он где-то здесь», – прошептал в ответ голос Майка.

«Ты видишь его?»

«Нет».

«Думаешь, он в одной из этих машин?»

«Мы бы услышали, как он хлопнул дверью».

Лиль задрожал в ожидании неизбежного. Им нужно было всего лишь использовать другой предлог в этой фразе: поменять «в одной из этих машин» на «под одной из этих машин». Но такой поворот мысли одного из преследователей спас его.

«Чарли, загляни в портфель, пока есть время».

«Не могу расстегнуть эту чёртову молнию».

Слава этой «чёртовой молнии»! Если бы Чарли заглянул в портфель и обнаружил там всего лишь контейнер с обедом и термос, они бы не на шутку разозлились.

«Ну, всё равно не выбрасывай его».

«Я не собираюсь его выбрасывать».

«Должно быть, он затаился там, вниз по улице, пока я сюда добрался. Мне кажется, он дальше. Пошли».

Голоса замолчали, и снова послышались шаги. Лиль дождался полной тишины. Он решил, что нужно что-то делать. Очень скоро они догадаются смотреть под машинами, и он не хотел бы оставаться на своём месте в это время. Так же, словно червяк, он выполз из-под машины на дорогу. Преследователи, насколько он мог судить, были уже на расстоянии восьми или девяти машин от него. Они пошли в другую сторону. Он встал на ноги и начал удаляться максимально быстро и в то же время тихо.

Дойдя до угла, ему надо было принять ещё одно решение: направиться дальше к проспекту Маджестик, к своей машине, или же свернуть направо к лавке мистера Гармана, рассчитывая, что тот ещё не ушел и впустит его. Не долго думая и полагаясь лишь на удачу, он выбрал второе.

Он ускорил шаг, практически побежал. Всего один квартал... можно надеяться, кто-то услышал выстрелы и вызвал полицию... но там ведь вокруг только небольшие магазинчики... сейчас уже всё закрыто... будет ли мистер Гарман в лавке?

Но потом произошло то, что привело его в полное замешательство. Лиль был уже на полпути до конца квартала, почти у цели, как вдруг увидел под фонарем на углу двух людей. Он резко остановился, прижавшись к стене дома, и стал пристально в них вглядываться.

Это не были Чарли и Майк. Он ведь точно знал, что они сейчас идут по проспекту Маджестик вдоль припаркованных машин. Только эти двое выглядели точно так же, как Чарли и Майк – в пальто и шляпах с загнутыми вниз полями. Было сразу件нятно, что в руках у них пистолеты.

«Надо же было нарваться на ещё одну парочку бандитов, – с досадой думал Лиль. – А может быть, они из той же банды?» Хотя это мало что меняло. Он чувствовал, что они ищут его, и если ещё не увидели, то скоро увидят. А портфеля, чтобы сбить их с толку, у него уже не было.

В смятении он находился лишь до тех пор, пока не увидел, что они быстро к нему приближаются. Тогда-то он быстро развернулся и побежал. Должно быть, его светло-серое пальто в темноте было хорошо видно. Они что-то крикнули. Что именно, он не расслышал на бегу, но останавливаться, чтобы выяснить, он не собирался. Послышались два выстрела. И вновь, словно пчелы прожужжали над его головой.

Он опять оказался на проспекте Маджестик. Слева от него, вниз по кварталу, было заметно какое-то движение. По всей видимости, это были Чарли и Майк. Лиль свернул направо.

Оказавшись за углом, он сразу заметил свет фар – вниз по улице ехала машина, но не со стороны лавки Гармана и второй пары преследователей, а совсем с другой стороны. Ехала она очень быстро и собиралась повернуть на Маджестик.

Лиль успел немного проанализировать ситуацию. Это была единственная машина, которую он встретил с начала погони, и она может оказаться последней. А поскольку она быстро мчалась к повороту, он бросился навстречу, размахивая руками, словно утопающий.

Похоже, водитель его заметил, так как завизжали тормоза. Тем не менее, машина двигалась настолько быстро, что с визгом пронеслась ещё тридцать-сорок футов мимо Лили и только потом остановилась.

Он побежал следом.

Но через мгновение метнулся назад. Потому что двери с обеих сторон открылись, и из машины выскочили ещё два человека в пальто и шляпах с загнутыми вниз полями. Их руки крепко сжимали что-то явно похожее на пистолеты.

Теперь полнейшее отчаяние окончательно охватило Лилия. В этой сцене слились все ужасы ночных кошмаров. Пара бандитов с оружием оказывалась везде, куда бы он ни повернул. Но он осознавал, что всё это было реальностью. Ужасающей реальностью. Он ведь был простым бухгалтером, маленьким и худеньким, который не смог бы отжаться от пола и дюжины раз. Почему же он сразу не сдался?

Но он не сдался. Насколько он знал, его предки не участвовали в битве при Фермопилах или на реке Литтл-Бигхорн. Им руководил элементарный инстинкт самосохранения, который заставляет выживать любое живое существо.

На этот раз он свернул налево, выбрав путь между второй и третьей парой бандитов, тех, что были из машины и со стороны лавки Гармана. По левой стороне, немного дальше, кольцо замыкали Чарли и Майк.

Практически окруженный, но ещё не пойманный, он перебежал на другую сторону проспекта. В канаве прямо перед ним лежал булыжник. Он решил использовать его не как метательное оружие, а попытался разбить им стеклянную витрину ближайшего магазина. Три прямых удара по стеклу, и, накинув повыше пальто, чтобы не пораниться, он проник через разбитую витрину без единой царапины.

Внутри магазина Лиль действовал инстинктивно, словно лиса в курятнике, когда в него заходит фермер. Он понимал, что если преследователи открыли по нему огонь, то они и в магазин за ним

проникнуть не постесняются. Также он понимал, что не сможет бесконечно бегать от банды из шести вооруженных человек.

Что это был за магазин, неизвестно. Пробираясь через зал, он опрокинул несколько полок с какими-то товарами. Прямоугольным пятном, выделявшимся в темноте интерьера, его манила задняя дверь.

Как это ни удивительно, дверь оказалась приоткрытой. Лиль распахнул её настежь, однако вместо того, чтобы выйти, он бросился на пол, несколько раз перекатился через себя и замер.

Это было как раз вовремя. Из своего укрытия он заметил двух человек у входа в магазин, которые в сомнениях решили всё-таки осторожно проникнуть через отверстие в человеческий рост в разбитой витрине.

«Глянь, – слышался голос, – задняя дверь открыта. Он вышел туда».

Наощупь они стали пробираться в сторону Лили, спотыкаясь о раскиданные коробки и грязно ругаясь на ходу. Они прошли всего в двух шагах от лежащего ничком Лили. И у двери даже не задержались, чтобы определить, куда именно направился преследуемый. Они просто выскочили на задний двор и через мгновение полностью скрылись из виду.

Всё стихло. Лиль неподвижно лежал на своём месте. Все шестеро скоро встретятся и начнут думать, куда же он ускользнул, а потом, вероятно, пойдут назад.

Поэтому нельзя было оставаться на месте. Через минуту он поднялся и начал пробираться к главному входу. Так получилось, что он всё ещё держал в руке булыжник, который своей тяжестью тянул его вниз. Но он не выбросил его – мало ли, вдруг пригодится ещё.

Перед выходом через разбитую витрину он остановился. На проспекте, казалось, было тихо – ни машин, ни людей с оружием, в общем, ни души. Пусто и никакой опасности. Или эта тишина обманчива? Несколько сюрпризов этим вечером уже было. Лучше уж переждать и убедиться.

Пока он ждал, подозрительно оглядываясь по сторонам, его обостренные инстинкты подсказывали ему, что внутри магазина оставалась какая-то опасность. Он замер, крепко сжимая в руке булыжник. Усталость как рукой сняло, он сосредоточился и приготовился.

Затаив дыхание, он совершенно отчетливо смог услышать ещё чьё-то дыхание. Опять они обвели его вокруг пальца, подумал он. Он был готов поклясться в том, что через разбитую витрину зашли только два бандита, и через заднюю дверь вышли тоже двое. Тем не менее, им как-то удалось провести его. Один из них всё ещё оставался здесь, притаившись в засаде.

Дыхание было слышно с левой стороны. Лиль медленно повернул голову и стал осматривать помещение – глаза его уже

достаточно хорошо адаптировались к темноте. В какое-то мгновение ему показалось, что здесь никого и не было, да и дыхание прекратилось.

Или это всё плод его воображения? Нет, пробудившиеся в нем инстинкты оказались правы. Кто-то здесь был. Но кто именно, он разглядеть не мог и стал ждать. Через мгновение дыхание возобновилось со звуком сильного выдоха. Он чуть не рассмеялся про себя. Этот парень явно не мог долго удерживать дыхание. Суперменом он не был. Значит, с ним вполне можно справиться.

Тут ему повезло. Мимо по улице, пронзая светом фар каждое окно на своём пути, проезжала машина, что достаточно редко встречается в это время суток на проспекте Маджестик. Во время такой вспышки Лиль увидел своего нового противника.

Он стоял, прижавшись к боковой стене. В шляпе, в пальто и с пистолетом в руке. Лиль не стал мешкать. Весь вечер он занимал оборонительную позицию, и теперь наконец у него появился шанс взять реванш. Он швырнул булыжник, что было силы.

Лиль по натуре не был садистом, и, слава богу, что вспышка света растворилась в темноте ровно в тот момент, когда он запустил камнем в свою мишень. И поэтому Лиль не видел, какое ранение он нанес своей жертве. Он услышал только глухой звук, хрип и ещё один глухой звук – звук падения тела на пол.

Лиль не стал больше здесь задерживаться. Он протиснулся через разбитое стекло, на улице оказалось пусто. На этот раз он бегом направился к своей машине. Больше людей в пальто и шляпах с загнутыми вниз полями он не встречал. Добравшись до машины, он открыл ее, сел и помчался домой.

В утренних газетах ничего особого не было, а сообщение в дневном номере уже проливало свет на произошедшее. **ВО ВРЕМЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ОБЛАВЫ ЗАДЕРЖАН ГРАБИТЕЛЬ**, гласил заголовок.

«Полиция нашего города, – сообщалось в газете, – при розыске и задержании преступника действовала быстро и эффективно. Преступник, человек невысокого роста в сером пальто, появился в аптеке Маджестик на проспекте Маджестик, 5021 прямо перед закрытием в 10 часов вечера. Он направил пистолет на продавца, переложил всю выручку из кассы в свой портфель и скрылся пешком. Продавец, Ричард Хэнди, сообщил по телефону приметы преступника, и в течение пяти минут полицейские в штатском из Второго округа прибыли на место происшествия на проспект Маджестик. После преследования по нескольким кварталам, во время которого детективам пришлось пять раз открывать огонь, преступник был окружен в галантерейном магазине Мило на проспекте Маджестик, 5235. Он проник в магазин, разбив стеклянную витрину, при этом

поранился. В этом магазине детективы, наконец, задержали его. В данный момент преступник, назвавшийся Роджером Смитом, находится в больнице Мальборо, где получает медицинскую помощь в связи с черепно-мозговой травмой. Портфель с похищенными более чем шестьюстами долларов наличными был изъят. ...»

Лиль легко восстановил ход произошедших событий. Бандит спокойно уходил с похищенным и услышал выстрелы. Поэтому он нашел себе укрытие и ждал, когда все утихнет. И там ему было весьма уютно, пока блюстители закона тренировались в стрельбе по бедному, невинному Лиллю Беквиту. В размышлениях над этим Лиль не испытывал никакого сожаления по поводу брошенного булыжника.

Но как же портфель! У полиции ведь теперь два портфеля. Но об этом факте они умалчивают, не так ли? Просто они не знают, как это объяснить. Стоит ли ему идти в участок Второго округа за портфелем? Он легко бы его опознал по контейнеру для обеда и термосу.

В конце концов, Лиль решил не ходить. Без сомнения, грабитель проник в магазин, взломав заднюю дверь, поэтому Лиль и заметил, что она была приоткрыта. Эта открытая дверь стала ещё одной головоломкой для копов, и об этом они тоже предпочли умолчать. К тому же, галантерейщик Мило скорее всего выставит Лиллю счёт за разбитую витрину. А это может выйти немного дороже, нежели его десятидолларовый портфель. Здесь уже сработал ум бухгалтера. Лучше уж списать эти десять долларов – на полученный опыт.

*Перевод с английского
Дмитрия Есина
(Омск)*



Джон ДОНН

(1572 – 1631)

СВЯЩЕННЫЕ СОНЕТЫ

1.

Ужель меня Ты создал для распада?
Наставь меня, ведь смерть недалека;
я мчусь навстречу ей, в душе – тоска,
и сгинули вчерашние отрады.

Смотрю вперед – и в смерть спешит строка,
назад – лишь темнота доступна взгляду,
и чахнет дух мой, наклонясь над адом,
под тяжестью великого греха.

Но Ты – везде; мой взор, Тебе покорный,
Я обращаю к небу – и встаю;
А враг не хочет, чтоб я был в раю,
Плетет соблазны... Я в тревоге черной.

Но к небу благодать меня стремится:
Пусть сердце – сталь, но Ты, Господь, – магнит!

4.

Ты, мрачная душа! Болезнь пришла –
Предвестье смерти, скорой на расправу.
Ты – тот, кто предал отчую державу,
Бежал в края чужие, полный зла;

Ты – вор, что воли всей душою ждал,
Но был в темницу заключен по праву;
Когда ж пригубил смертную отраву,
Любовью к той темнице воспылал...

Получишь ты прощение, покаясь;
Какой же путь верней и чище всех?
Так черной стань ты, в траур облакаясь,
Стань красной от стыда, свой вспомнив грех,

Чтоб белой стать, очищенной любовью,
Омытая Христовой алой кровью!

5.

Я – малый мир. Во мне – соединенье
Земли и высших ангельских начал;
Но обе части мраку грех отдал...
Подвержен смерти я с того мгновенья.

Вы, что открыли нам земли движенье
И сферы, что над небом Бог создал,
В мои глаза морей земных волненье
Для плача влейте; взор мой, что устал,

Очистите. Потоп не повторится,
Но, весь дымясь от жадности и зла,
Мой мир сгорит; в нем корень бед таится...
О, если б корень тот сгорел дотла!

И пусть Господне пламя опалит
меня – и, сожигая, исцелит!

6.

Вот и конец земного представленья,
Последний шаг нелегкого пути,
Где я к последней цели смог дойти
В последнее, великое мгновенье.

Смерть в миг единый хочет развести
Мой дух и тело слабым мановеньем,
И дух предстанет Богу – и в смятенье
Трепещет сердце смертное в груди.

Дух к небесам вернется, на отчизну,
Плоть, что из праха встала, в прах падет;
Грехи, летите в бездну, где нет жизни,
Куда ваш груз всегда меня влечет!

Но, коль чиста от вас душа моя,
И мир, и плоть, и ад оставлю я.

10.

Бедняжка Смерть, победой не кичись,

Не принимай всерьез людского страха:
Ты – не тиран. Не гибнут те, кто к праху
Тобой приравнен, как ты не трудись.

Приют ты даришь тем, кто бросил жизнь, –
Приют на время, сон, отдохновение;
От плоти отдохнуть, как от служенья,
К тебе приходят люди; не гордись.

Раба царей, случайности, судьбы,
Ты долг свершаешь ядом и кинжалом,
Но опий помогает людям малым
Забыться так же, как и ты; борьбы

Не выиграешь. Смерть, твой краток век.
Умрешь, бедняжка, ты, как человек.

19.

Я весь – борьба. Утратив благодать,
Я постоянен лишь в непостоянстве,
Безверье превзошел я в окаянстве,
И клятвы я даю, лишь чтоб предать.

Мои измены – следствие любви,
Моим грехам – раскаянье причина,
душа моя, то Бога молит чинно,
то слов лишится. У меня в крови

то жар, то хлад; то все, то ничего.
Вчера на небо и взирать не смея,
Сегодня Богу службу я содеял,
А завтра – страх сожжет меня всего.

Как лихорадка, набожность жестока...
Но лучший день – день страха перед Богом.

*Перевод с английского
Андрея Козырева
(Омск)*



Галина ПРИХОДЬКО

(Омск)

Несколько слов о моих впечатлениях. Перевод рассказа Рафаэля «Магические часы» позволил, будто побывать в другой эпохе. В рассказе точно указан год – 1793, указание времени всегда очень важно, хотя автор не сделал никаких пояснений, почему события происходили именно тогда. В основе его лежит легенда известная в Германии. Жители Йены показывают гостям города дом, где происходили трагические события и утверждают, что он по-прежнему окутан тайной.

На мой взгляд, рассказ подобен короткому музыкальному произведению: в нём звучат темы борьбы добра и зла, жизни и смерти, любви, красоты, надежды, обреченности, непоправимости ошибок, расплаты, раскаяния, непонимания истинных причин происходящего, познания... Очаровывают картины природы: летнего вечера, бури в лесу.

Интересна связь между переводчиком, выполняющим художественный перевод, и автором. Я много раз задавала себе вопрос, адекватно ли я передаю средствами русского языка то, что автор выразил средствами английского языка, его мысли и чувства. Мне очень хотелось бы, чтобы этот рассказ нашел своего читателя.

РАФАЭЛЬ

МАГИЧЕСКИЕ ЧАСЫ

Готический рассказ

1833 год

Вместо предисловия

Готический жанр, подобно любой моде, имеющей широкий успех, оказал непредвиденное влияние на различные стороны жизни, напри-мер, он вызвал рост популярности книг об астрологии и предсказании судьбы. Несколько ведущих издателей романов «ужасов» заметили это, и к 1830 году появились каталоги с перечнем великого множества томов, в которых «открываются все секреты будущего, какие дамы и господа ни пожелали бы».

Хотя у нас нет достаточных сведений об этом литературном направлении, кажется, одним из самых популярных авторов-астрологов был некто Рафаэль, книги которого публиковал Джон Беннет в издательстве «Три-Тан Пэсидж» на Патерностер Роу. Дамский ежегодник Рафаэля «Колдунья» был полон таблиц и знаков, которые читатель – будь то женщина или мужчина – прилагал к обстоятельствам своей жизни для того, чтобы узнать, что его ждёт впереди. Более солидный труд – «Ваш друг астролог» – написан Рафаэлем в 1833 году. Кроме того, что этот альманах «в доступной форме помогал ориентироваться в таких понятиях, как судьба, рок и предвидение», в него были включены несколько «удивительных, волшебных историй, легенд и преданий». Одно из таких повествований – чудесный готический рассказ под названием «Магические часы» – по своему философскому звучанию явно перекликающийся с великим «Фаустом» Гёте.

Был чудесный летний вечер 1793 года: ещё не стемнело, небо и облака слились в своём великолепном сиянии. Свет небес отражался в широких водах Заале, реки, которая, минуя Йену, впадает в Эльбу, несущую поток дальше, до тех пор, пока он не затеряется в Северном море.

На берегу реки, не далее, чем в миле от Йены, сидели два человека, наслаждаясь восхитительной прохладой этого часа. Их одежда была примечательна и достаточно ясно говорила о роде

занятий: чёрное платье и бархатные береты тоже чёрного цвета; волосы до плеч, висящие у пояса шпаги, – по всему было видно, что оба они бурши или студенты Йенского университета.

– Такой вечер, – сказал старший юноша, обращаясь к своему товарищу, – а ты здесь? Не забывай, Тереза весьма признательна тебе за внимание. Ведь ты влюблён!

– Тереза уехала с матерью в Карлсбад, – отвечал тот, – так что ты можешь не удивляться.

– Так я удивлён ещё больше. Настоящий влюблённый не знает, что такое расстояние. В Карлсбад! Да это же не более, чем... Но СМОТРИ! Кто это здесь?

Пока они говорили, к ним подошёл маленький старик, одеяние которого из коричневого сержа выглядело поношенным. На голове у него была коническая шляпа, а в руках – старинная трость с золотым набалдашником. Черты лица выдавали преклонный возраст, но тело, хотя и очень худое, выглядело здоровым и энергичным. Глаза были необыкновенно большими и яркими, а волосы, в некоторых отношениях несоответствующие остальной внешности, спускались из-под шляпы с высокой тульей густыми чёрными с проседью прядями.

– Добрый вечер, господа, – сказал старик с самым вежливым поклоном, как только он приблизился к студентам.

Они ответили ему на приветствие с нерешительной учтивостью, обычной в общении с незнакомцем, облик которого вызывает беспокойство и не располагает к более близкому общению. Старик, казалось, не заметил холодного приёма и продолжал:

– Что вы скажете об этом? – И вынул из кармана золотые часы в дорогом корпусе, все усыпанные бриллиантами.

Студенты пришли в восторг от роскошных камней и по очереди восхищались красотой работы и ценностью материалов. Однако старший юноша счёл невозможным сдержаться и не бросить один или два подозрительных взгляда на человека, внешность которого мало соответствовала тому, что он мог быть обладателем такого сокровища.

– Он, наверное, вор и украл эти часы, – подумал недоверчивый студент. – Буду наблюдать за ним внимательно.

Но как только юноша вновь перевёл глаза на незнакомца, то встретил взгляд старика и почувствовал, не зная почему, в нём что-то устрашающее. Он отвернулся и отошел от своего товарища на несколько шагов.

– Я бы отдал своего полного Платона со всеми комментариями старика Блюндердрунка на полях за то, чтобы узнать кто этот человек, чей взгляд так напугал меня, глаза которого – глаза гиены – пронзают подобно вспышке молнии. Решительно во всём он похож на

странствующего врача–шарлатана: и этот потёртый плащ, и эта шляпа, напоминающая сахарную голову, – и тем не менее он обладает часами, достойными императора, и говорит с двумя буршами так, будто это его добрые друзья.

Вернувшись на место, где оставил своего товарища, он обнаружил, что тот всё еще восхищенно рассматривал часы. Старикашка, вроде бы, безучастно стоял подле, но его взгляд был прикован к студенту, и некое подобие улыбки играло на плоском изборожденном морщинами лице.

– Кажется, тебе понравились мои часы, – сказал старик Теофану Гушту, более молодому из двух студентов, который продолжал страстно, не отрываясь смотреть на прекрасную вещицу. – Наверное, ты хотел бы стать их владельцем?

– Владелец! – Сказал Теофан. – Ах, вы шутите. – И он подумал: «Какой бы это был замечательный подарок Терезе ко дню нашей свадьбы».

– Да, – отвечал старик. – Я сам хочу расстаться с этими часами. Сколько ты мог бы предложить за них?

– Сколько предложить? Ну, конечно. Если бы я был в состоянии купить их. В нашем университете не найдётся студента, который бы рискнул даже начать разговор о цене такого сокровища.

– Так значит, ты не покупаешь мои часы?

Теофан покачал головой с глубокой печалью.

– Вы тоже нет, господин? – Повернулся он к другому студенту.

– Нет, – был краткий ответ.

– Но, – сказал старик, вновь обращаясь к Теофану, – если бы я предложил тебе эти часы просто как подарок, ты бы, вероятно, не отказался?

– Вероятно, нет. А больше похоже на правду то, что, ВЕРОЯТНО, вы мне их не отдадите. Но нам не нравится шутить с незнакомцами.

– А я редко шучу, – возразил старик. – А если пошучу, не всякий ответит мне тем же. Но скажи слово – и часы твои.

– Так вы на самом деле, – воскликнул Теофан, и его голос задрожал от радостного удивления, – вы действительно говорите так! О небо! Что я должен... Как могу достойно отблагодарить вас?

– Не стоит, – сказал старик, – ведь я сам предложил тебе их в дар. Но, однако, есть одно условие.

– Условие, – какое? Старший студент потянул Теофана за рукав: «Не принимай его подарков, – прошептал он. – Уходи. Я ему совсем не доверяю». И он пошёл прочь.

– Подожди минуту, Ян, – сказал Теофан, но его товарищ не остановился. Теофан замер в нерешительности: идти ему за ним или

нет, – но глянул на часы, подумал о Терезе и остался.

– Условие, на котором ты принимаешь вещь, – это условие, на котором её принимали и другие. Оно таково: в течение года ты должен заводить часы каждый вечер до заката солнца.

Студент рассмеялся:

– Трудное условие, нечего сказать! Давайте мне часы.

– Или, – продолжал старик, не обращая внимание на то, что его прервали, – **ЕСЛИ НЕ ВЫПОЛНИШЬ ЭТО УСЛОВИЕ, ТО ЧЕРЕЗ ШЕСТЬ ЧАСОВ ПОСЛЕ ТОГО, КАК ЧАСЫ ОСТАНОВЯТСЯ, ТЫ БУДЕШЬ МЁРТВ.** А если их не завести, они остановятся на закате солнца.

– Мне не нравится это условие, – сказал Теофан. – Проявите терпение. Я должен обдумать то, что вы мне предложили.

И он стал размышлять. Он подумал о том, что беды легко можно будет избежать; он подумал о том, как красивы эти часы; и, в первую очередь, он подумал о Терезе и их свадьбе.

– Фу! Ну, что я колеблюсь, – сказал он самому себе, затем обернулся к старику. – Давайте часы – я согласен на ваше условие.

– В течение года ты должен заводить часы перед закатом солнца или через шесть часов ты будешь мёртв.

– Пусть будет так. Я согласен и благодарю вас за подарок.

– Отблагодаришь меня через год, если сможешь, – ответил старик, – а пока прощай.

– Прощайте. Не сомневаюсь, что смогу выразить вам свою благодарность, когда минует срок. Теофан удивился, ибо почувствовал: пока произносились эти слова, старик исчез.

– Кто бы он ни был, я не боюсь его, – подумал студент. – Я знаю срок, на который принял подарок. Какой же дурак Ян Гервест, что так резко отказался от его предложения.

Студент покинул место встречи и отправился домой. Вернувшись в Йену, добрался до своей квартиры, спрятал часы, зажёл лампу, открыл принадлежащий его другу фолиант (тот самый, с комментариями профессора Блюндердрунка) и углубился в чтение платоновского «Пира». Но через десять минут Теофан с нетерпением закрыл книгу – его возбуждённый ум не был в состоянии наслаждаться учёной премудростью – и вышел прогуляться в небольшой сад, в который выходили окна комнаты, чтобы обдумать события вечера и со всей страстью влюблённого повторять и благословлять имя своей Терезы.

Время шло, и срок близился к концу, – часы регулярно заводились. Любовь улыбалась нашему буршу – Тереза не была жестокой. Он продолжал учение и в своё время стал считаться одним из самых обещающих студентов во всём Йенском университете.

Но, как мы уже видели, время летело, и пришёл день – канун того счастливого события, которое должно было дать Теофану его цветущую невесту и ожидалось им с радостным предвкушением. Юноша простился со своими приятелям-студентами и учёными профессорами, лекции которых посещал с такой пользой. Утро было прекрасным, и на досуге он думал о том, как проведёт день. Любой, даже неопытный человек догадается, что решит Теофан. Он пойдёт и увидит Терезу.

Итак, юноша очутился перед воротами сада Давида Ангерштеля. Его пересекала узкая усыпанная гравием дорожка, в конце которой стоял дом – старое чёрно-белое здание причудливой формы с неуклюже выступающими верхними этажами, по ширине почти в два раза превышающими основание. Множество круглых горшков с напоенными влагой цветами выстроились по обе стороны двери. Створки окна были открыты, и в него веял лёгкий ветерок, пролетавший над клумбами. А у окна сидела молодая особа – прекрасная девушка с тонкой талией, серьёзным умным лицом, светлыми вьющимися волосами, с чуть приметно смеющимися глазами. И, как то было предопределено судьбой, эти глаза сразу увидели приближающегося к ней возлюбленного. Через мгновение он был подле неё и страстно целовал мягкую белую ручку, которая, казалась, таяла под напором его губ.

Встреча влюблённых была украшена самой большой нежностью взаимного чувства. Счастливые люди! Мгновения летели быстро... быстро... так быстро, что... Но давайте повременим.

Они вышли прогуляться в сад, ибо тактичные родители Терезы не сочли нужным прерывать их беседу и ограничились тем, что просто радушно поприветствовали своего будущего зятя. Вечер был безмятежно спокойным, с теми дивными приглушенными красками, когда возвышается и очищается счастье, печаль лишается налёта горечи. Их души переполняли мечты, и выразительность слов как будто меркла пред силой чувства.

Теофан и Тереза бродили в саду, смотрели друг на друга, шептались – и снова бродили, смотрели, шептались – и снова и снова... и время летело так незаметно, что его движение невозможно было ощутить. Девушка взглянула на небо: «Как красиво зашло солнце», – сказала она.

– Зашло солнце! – Как эхо отозвался Теофан с отчаянием, ужаснувшись его подругу. – Зашло солнце! Тогда я пропал! Мы встретились в последний раз, Тереза.

– Дражайший Теофан, – промолвила трепещущая девушка, – зачем ты меня так пугаешь? Встретились в последний раз! О, нет, этого не может быть! Что, что зовёт тебя отсюда?

– МЕНЯ ЗОВЁТ ТОТ, КОМУ НАДО ПОВИНОВАТЬСЯ. Но шесть коротких часов, а потом, Тереза, помянешь ли ты меня хоть одним словом?

Она не говорила, не двигалась: бесчувственная, будто неживая, лежала на его руках – бледная и холодная, как мраморная статуя, прекрасная, как мечта художника. Теофан осторожно перенёс её в дом, положил на кровать и позвал на помощь. До его слуха донёсся звук шагов спешащих на зов людей. Юноша прижал губы к холодному лбу Терезы, выпрыгнул из окна, пересёк сад и, добравшись через десять минут до леса в нескольких милях от Йены, погрузился во мрак угрюмой чащи.

Охваченный впечатлениями от случившегося, волновавшими кровь и отражавшимися в каждом ударе сердца, Теофан бросился на поросший травой пригорок. Он лежал какое-то время в том оцепенении, когда разум, притупившийся от неожиданного горя, перестаёт понимать ужас положения и, тщетно пытаясь найти отдых, ожидает почти неосознанно, когда минует несчастье.

Юноша очнулся от забытья, потому что пошел дождь: на него стали падать крупные капли. Он огляделся вокруг и обнаружил, что находится почти в кромешной тьме. Покрытое тучами небо, глухой страшный вой ветра, проносившегося сквозь заросли деревьев и раскачивавшего их вершины, – всё предвещало бурю. И, в конце концов, она обрушилась на него со всей яростью!

Теофан приветствовал это буйство природы, ибо сердце влечёт к тому, что для него всего ближе, а его сердце до того измучилось, что, казалось, вот-вот разорвётся от боли. Он встал и закричал, обращаясь к бушующей стихии! Потом помедлил и прислушался: ему показалось, что кто-то отвечает. Снова закричал, и это уже был не просто дерзкий выпад. Среди рёва бури Теофан еще раз услышал, что ему кричат в ответ – было что-то странное в голосе, звук которого способен перекрыть шум грозы. Снова и снова это был тот же самый крик, но, однажды, затихая вдаль, он напомнил смех дьявола. Этот звук леденил Теофану кровь, и его отчаяние сменилось глубоким обострённым от страха вниманием.

Гроза неожиданно кончилась: замирающие раскаты грома походили уже на слабый и далёкий стон, а вспышки молний стали не такими частыми и яркими. При свете последней молнии Теофан увидел, что он НЕ ОДИН. На расстоянии протянутой руки стоял маленький старик: на голове у него надета коническая шляпа, опирался он на трость с золотым набалдашником, но, самое главное, у него были большие ослепительно сверкающие глаза, которые студент мгновенно узнал.

Когда короткая вспышка потухла, Теофан и тот, кто был рядом,

погрузились во тьму; теперь юноша мог лишь с трудом различать его очертания.

Было долгое молчание.

– ТЫ ПОМНИШЬ МЕНЯ? – Наконец спросил таинственный незнакомец.

– ОТЛИЧНО. – Ответил студент.

– Это хорошо: я думал, ты мог и забыть. У тех, кто умён, короткая память. Но, вероятно, ты не стремишься к такой репутации.

– Вы, по крайней мере, должны знать, что я на неё не претендую, иначе не оказался бы в дураках.

– Итак, ты заключил договор, со своей стороны нарушил его, а теперь сердись, что, похоже, придётся понести наказание. Который час?

– Не знаю – мне уже недолго.

– А ОНА знает об этом? Тебе понятно, кого я имею в виду?

– Старик! – горячо воскликнул Теофан. – Убирайся! Я нарушил соглашение – это я знаю. Я должен понести наказание – об этом мне тоже известно. Я готов к тому, что оно свершится, но мой час еще не пробил: не мучь меня, оставь в покое; я буду ждать свой конец один.

– Ну, хорошо – могу сделать скидку. Ты несколько раздражителен с друзьями, но не стоит обращать на это внимание. Предположим теперь, что наказание, которому ты должен подвергнуться, может быть отменено.

В ответ студент бросил на него взгляд, полный недоверия и презрения.

– Понимаю, ты настроен скептически, – продолжал старик, – но подумай. Ты молод, энергичен, крепок телом и наделён умом.

– Что в том тебе? И даже больше, что в том мне ТЕПЕРЬ?

– Многое, но не перебивай. Ты любишь и любим.

– Говорю ещё раз, замолчи и убирайся в АД!

– Повторяю: ты молод, ты любишь и любим. СЕЙЧАС! Всё это есть у тебя сейчас, а что будет с тобой, что будет с Терезой Ангелштель завтра?

Терпение студента иссякло; он прыгнул на старика, пытаясь повалить его на землю.

Он мог бы с равным успехом помериться силами с одним из невысоких дубов, растущих рядом. Старик не сдвинулся с места – ни на долю дюйма.

– Ты утомился – и почти безрезультатно, дружок, – сказал он. – А теперь, если пожелаешь, перейдём к делу. Ты, конечно, хочешь избежать наказания за то, что не выполнил условие?

– Возможно.

– И ты бы хотел, чтобы твой жребий пал на другого?

Студент помедлил.

– Нет, я согласен понести наказание за своё безрассудство. И всё же... О, Тереза! – Он застонал от невыразимой боли.

– Что! С теми преимуществами, какие у тебя есть! Перед тобой перспектива: жизнь, полная счастья, которое ты можешь дать себе самому и, более того, подарить Терезе – и при всём том, что такое вполне достижимо, ты предпочитаешь смерть жизни? Сколько старых и бесполезных существ, у которых могла быть твоя судьба, с радостью предстали бы перед тем, о чём ты с содроганием даже думаешь.

– погоди, если я приму твоё предложение, то что будет предписано, на кого я должен буду перенести своё наказание?

– В этом случае твой срок будет продлён до двадцати четырёх часов. Отнеси часы Адриану Венцелю, ювелиру; если в течение этого времени он их продаст, то покупатель займёт твоё место, и ты будешь свободен. Но решай быстро: у меня мало времени, и у тебя его должно быть мало, если ты не отвергнешь моё предложение.

– Но кто ты, кому дана власть дарить жизнь или карать смертью, приводить в действие последний приговор или отменять его?

– Не пытайся узнать то, что тебя не касается. Ещё раз спрашиваю: ты согласен?

– Сначала скажи, какие побуждения движут тобой, когда ты предоставляешь мне такую возможность?

– Побуждения? Никакие. Мне от природы присуще сострадание. Но решай – видишь дрожащий лист вон на той ветке, он вот-вот упадёт. Если он достигнет земли до того, как ты примешь решение – прощай!

Лист сорвался с дерева. «Я согласен!» – воскликнул студент. Он взглянул на старика, но обнаружил, что остался один. В то же самое время до его ушей донёсся бой часов, возвещающих полночь: бой кончился – срок минул – А ОН БЫЛ ЖИВ!

К полудню следующего дня ювелир Адриан Венцель продал самые красивые часы в Йене. Закончив сделку, он отправился на квартиру Теофана Гушта.

– Ну, вы продали мои часы?

– Да, вот деньги, господин.

– Очень хорошо, возьмите вашу долю из выручки.

Ювелир ушел, и вскоре после этого Теофан поспешил к дому Ангерштеля, по дороге размышляя о том, как его могут принять, и чем он сумеет оправдать своё поведение накануне.

Он оказался у ворот сада ещё до того, как смог убедительно для себя разрешить этот щекотливый вопрос. Теофан колебался: его бросало то в жар, то в холод, – сердце бешено билось. Наконец, делая

большое усилие, чтобы взять себя в руки, он вошел.

У того же самого окна, в той же самой позе, что и накануне, сидела Тереза Ангерштель. Но вчерашняя Тереза была цветущей, улыбающейся и бодрой; сегодняшняя – бледной, слабой – образ безнадёжного горя, точно роза, сорванная грубой рукой. Теофан почувствовал, что у него стынет кровь; он продолжил путь и почти добрался до входа в дом, когда Тереза заметила его. С громким криком она упала со стула. Юноша вбежал в комнату и поднял её на руки.

Она очнулась, она говорила с ним. Она упрекала его за вечер накануне. Теофан обрёл слух и рассказал ей только ту часть истории с часами, которая касалась их приобретения и связанного с ним условия. Юноша утверждал, что это всего лишь шуточки дарителя: условие нарушено, а он всё еще жив. Влюблённые задавали себе вопрос – он с показным, она с неподдельным удивлением – как могло быть, чтобы кого-то прельстила мысль расстаться с такими ценными часами ради пустого удовольствия поугубить принявшего их. Однако, любовь, как всем известно, доверчива – объяснению Теофана поверили, и примирение было полным. Они беседовали около четверти часа, когда Тереза вдруг вернулась к теме часов.

– Странно, – сказала она, – что я тоже связана с часами, подобными твоим.

– Как, каким образом?

– Прошлой ночью я лежала без сна – из-за твоей жестокости, Теофан...

Теофан – поспешил повторить свои клятвы и мольбы.

– Ах, ну хорошо! Ты знаешь, я простила тебя. Но пока я лежала, мысль о часах, таких, как ты описал, пришла мне на ум – как и почему – не могу понять. Эта мысль преследовала меня всю ночь, и, когда я встала сегодня утром, она всё еще была у меня в голове.

– И что потом, дорогая Тереза? – Спросил взволнованный студент.

– Слушай, и ты узнаешь. Думая о том, как бы побыстрее избавиться от этой надоедливой «гостьи», я вышла из дома. И с тех пор не прошло и двух минут, как я увидела часы – точную копию тех, что представляла себе в идеале.

– Где, где ты увидела их?

– У нашего соседа, Адриана Венцеля.

– И ты... ты... – слова почти душили его.

– Не то, чтобы мне нужна была такая драгоценность или я желала бы её, но мною двигало какое-то необъяснимое стремление приобрести эти часы.

– Нет, нет! – Воскликнул студент, страдая от мук, сравнимых

лишь с предсмертными. – Ты не могла этого сделать! – Он сдерживал себя с усилием большим, чем то, на которое считал себя способным. Встал и отвернулся.

Теперь его страдания не могли, как раньше, найти выход в приступах гнева и ярости. Душевная тяжесть была столь велика, горе так непосильно, что обычные чувства уже не были в состоянии служить их выражением.

Он мертвенно побледнел, но взгляд был твёрд и дрожь исчезла.

– Теофан, – сказала его возлюбленная, – что гнетёт тебя, и почему мои слова произвели столь ужасное впечатление? Я...

– Ничего, ничего, Тереза, дорогая моя. Я через минуту вернусь и расскажу тебе, почему казался таким взволнованным. Я немного не в себе. Я скоро вернусь. Только прогуляюсь по дорожке и подышу воздухом: там свежо, ветерок доносится от воды.

Теофан оставил её и исчез в тени сада. «Я не могу, – думал он, – сказать ей, что она убита – и мною тоже!»

Погруженный в чувство глубокой безысходности, часто ошибочно принимаемой за спокойствие, он торопливо шел, но шел без цели, едва ли зная, куда направляется, и так миновал дорожку, идущую от дома Ангерштеля. У него не было отчетливого представления о беде, которую он навлёк на Терезу, – даже она была почти забыта, – в голове никаких мыслей, ничего, кроме смутного предчувствия смерти, неясно как, но связанной с ним самим. Столь сильным было оцепенение, что только после того, как кто-то на дороге дважды обратился к нему, он услышал вопрос:

– Который час?

Теофан огляделся вокруг и встретился с большими глазами того, кто дал ему фатальные часы – смех в этих глазах вселял ужас. Студент собрался говорить, но старик перебил:

– У меня нет времени выслушивать упрёки: ты знаешь, что навлёк на себя. Если б ты захотел избежать несчастья и спасти Терезу, я мог бы рассказать тебе, как это сделать.

Он стал шептать студенту на ухо. Тот на мгновение побледнел, но взял себя в руки.

– Она будет спасена, – спросил Теофан, – если я приму твои условия? Никаких уловок теперь – я уже понял, с кем имею дело.

– Соглашайся на то, что я сказал, через полчаса принеси сюда часы, и Тереза будет спасена от смерти. Она будет твоей и...

– Не обещаю многого или давай свои обещания тем, для кого они что-то значат. Поклянись, что она будет вне опасности! Я не прошу большего, не желаю большего в этом мире.

– Поклянись! – Повторил старик. – Почему это я должен клясться, скажи на милость? Но я обещаю – иди и принеси часы.

Помни: полчаса. Ну, так ты согласен на мои условия?!

– ДА!

Сказав так, Теофан поспешил обратно в дом, и его не удержал даже громкий смех, который, казалось, повторялся эхом за спиной. Студент забрёл дальше, чем мог и представить, и пока он преодолевал препятствия на пути, треть отведённого времени быстро прошла еще до того, как ему удалось добраться до комнаты, где оставил свою возлюбленную. ОНА БЫЛА ПУСТА!

– Тереза, Тереза! – Закричал Теофан. – Часы, часы! Ради Бога, часы!

Ему ответил лишь отраженный от стен звук собственного голоса.

Затем в состоянии, близком к безумию, Теофан стал бросаться из комнаты в комнату. Устремился в сад; мерное тиканье домашних часов донеслось до ушей – он вздрогнул. В конце главной дорожки юноша увидел Терезу.

– Часы! Часы! Как если бы речь шла о твоей и моей жизни... но скорее, скорее, – ни слова, – МИНУТА ЗАДЕРЖКИ ОЗНАЧАЕТ СМЕРТЬ.

Тереза молча кинулась в дом, Теофан последовал за ней.

– Они исчезли, – сказала девушка, – я оставила их здесь и...

– Тогда мы пропали! Прости своего...

– О, нет, нет, они здесь, – воскликнула Тереза. – Дражайший Теофан! Но почему...

Студент не слышал даже голоса Терезы: один поцелуй в лоб, один взгляд, полный муки, и он бросился бежать.

Он спешил! Он летел! Он примчался на то самое место, где оставил старика. Там – никого, а на песке начертаны слова: «ВРЕМЯ ПРОШЛО».

Теофан без чувств упал на землю.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на кровати: на него устремлены любящие, но печальные взгляды.

– Тереза, Тереза! – Воскликнул несчастный юноша. – Молись! Но душе, такой, как твоя, не в чем раскаиваться. Ах, оставь меня – этот взгляд! Прочь, прочь!

Девушка отвернулась и горько заплакала. В комнату вошла её мать.

– Тереза, милая, пойдём со мной. У нас врач.

– Какой врач, мама? Это...

– Нет, он пришел издалека, – мы его не знаем, – но нельзя терять времени, – и она увела дочь. – Ваш пациент в той комнате, – добавила она, обращаясь к врачу. Тот вошел и закрыл за собой дверь.

Едва мать и дочь достигли верхней площадки лестницы, их

остановил отчаянный крик, донесшийся оттуда, где они только что были. За ним последовал громкий и странный смех, который, казалось, сотрясал дом до самого основания.

Мать позвала своего мужа, и этот зов был скорее похож на вопль, чем на крик. Дочь попыталась распахнуть дверь в комнату больного. Но та была заперта и не поддавалась слабым усилиям девушки. А за дверью нарастал шум страшной борьбы: короткие торжествующие и яростные вскрики, стоны от боли, тяжелый топот крепких ног – всё говорило о смертельной схватке между теми, кто там был. Вдруг какой-то предмет с силой бросили на пол, и, судя по звуку, он разлетелся на тысячу кусочков.

Потом наступила мёртвая тишина, более страшная, чем шум поединка. Дверь наконец открылась.

Тереза с отцом и матерью вошли в комнату: она оказалась совершенно пуста. ПОЛ БЫЛ УСЫПАН БЕСЧИСЛЕННЫМИ ОСКОЛКАМИ ФАТАЛЬНЫХ ЧАСОВ. О ТЕОФАНЕ БОЛЬШЕ НИКОГДА НИЧЕГО НЕ СЛЫШАЛИ.

На пятый день после ужасного события простая плита из белого мрамора, установленная в церкви в ***, увековечила имя, возраст и дату смерти Терезы Ангерштель. Теперь надпись частично стёрлась, причём настолько, что, по всей вероятности, не сможет удовлетворить любопытство доброго прохожего, который пожелал бы отыскать её и уронить слезу над могилой той, кто в ней спит.

*Перевод с английского
Галины Приходько
(Омск)*



Эвелина ХАСЛЕР

Из книги стихотворений «Проба пера»

Bibliothek

Im Schein der Lampen beugen sich
Köpfe lesen die
Zeichen auf

Wörter in
stockfleckigen Büchern
werden vom Hauch der Lesenden
erlöst

Öffnen
ihre Flügel schwirren
von Lippe zu Lippe

Aus Sätzen webt sich der Teppich
trägt durch die Zeit

Zweiklang

Grün und blau
blau und grün
Zweiklang
aus dem die
Welt gemacht ist

Tag so grünblau
Nacht so blaugrün
Zweiklang
aus dem gewoben ist
das Tuch des
Lebens für
Mann und Frau

Oase

Die Wüste ist
groß

Wohl dem
der Oasen
birgt

Библиотека

В сиянье ламп склонились
Лица читают
Рукописи

Слова
древних книг
окутывают таинством пытливых
ведя

К открытиям
И тихий шепот
Губ

Несёт собой Творения
сквозь Время

Созвучие

Зеленый и синий
синий и зеленый,
Созвучием
этим
Мир сотворен

День зелено-синий
Ночь сине-зеленая
Гармония
Ставшая
Покровом
Жизни
Мужчины и женщины

Оазис

Пустыня
благодушно

Благополучие
оазиса
хранит

*Перевод с немецкого
Евгении Гагариной
(Омск)*



Уильям Сомерсет МОЭМ

(1874 – 1965)

ПРИНЦЕССА СЕНТЯБРЬ И СОЛОВЕЙ

Сказка

Сначала у сиамского короля было две дочери, и он назвал их Ночь и День. Потом появились ещё две, и он изменил имена первых двух и назвал всех четырёх по временам года: Весна, Осень, Зима и Лето. Но время шло, и у него прибавилось ещё три дочери. Тогда он снова изменил все имена. Теперь он использовал дни недели. Но когда родилась восьмая дочь, он совсем растерялся, пока не вспомнил вдруг о месяцах года. Королева, однако, сказала, что их только двенадцать, и, кроме того, её смущает, что придётся запоминать так много новых имён. Король был очень педантичен и, если принимал какое-нибудь решение, то уже ни за что не мог изменить его, даже если пытался. Он назвал своих дочерей Январь, Февраль, Март и так далее, пока не дошёл до младших, которые были названы Август и Сентябрь.

«Но в запасе у нас остались только Октябрь, Ноябрь и Декабрь», – сказала Королева, – а потом придётся всё начинать сначала».

«Нет, не придётся», – ответил Король. – Я полагаю, что двенадцать дочерей вполне достаточно для любого человека, и после рождения дорогой малышки Декабрь мне придётся, как это ни грустно, отрубить Вам голову». Говоря это, он горько плакал, потому что очень любил королеву. Конечно, Королева очень встревожилась. Она знала, как будет терзаться Король, если ему придётся отрубить ей голову. Да и для неё самой эта процедура будет не очень приятной. К счастью, им обоим больше не пришлось беспокоиться, потому что Сентябрь была их последней дочерью. После этого у Королевы рождались только сыновья, их называли буквами алфавита, и причин для волнения больше не было, потому что Королева добралась только до буквы «Й».

Из-за того, что имена дочерей сиамского короля постоянно менялись, характеры их постоянно портились. Совсем злыми были старшие дочери, ведь их имена менялись особенно часто. Но принцесса Сентябрь, которая не знала другого имени (за исключением, конечно, тех кличек, которые из-за дурного нрава придумывали ее сёстры), была приятной и милой.

У сиамского короля был обычай, который не мешало бы перенять в Европе. Он не принимал подарки в свой день рождения, а

сам дарил их. И похоже, что ему это нравилось. Он часто сожалел, что родился только однажды и потому имеет один день рождения в году. И так он с течением времени роздал все свои свадебные подарки и все верноподданнические адреса, которые преподносили ему мэры сиамских городов, и все свои собственные короны, которые выходили из моды. В один из своих дней рождения он подарил каждой из дочерей по красивому зеленому попугаю в красивой золотой клетке. Попугаев было девять, и на каждой клетке было выписано название месяца, означавшее имя той принцессы, которой клетка предназначалась. Принцессы очень гордились своими попугаями и по целому часу каждый день (ведь они были так же педантичны, как и Король) учили птиц разговаривать. Постепенно все попугаи уже говорили: «Боже, спаси короля» (а сиамский язык очень труден), и некоторые могли сказать «Милашка Поли» не менее чем на восьми восточных языках.

Но однажды, когда принцесса Сентябрь пришла сказать «доброе утро» своему попугаю, она нашла его мертвым на дне золотой клетки. Она залилась слезами, и фрейлины никак не могли её успокоить. Принцесса так сильно плакала, что фрейлины растерялись и рассказали обо всем королеве. Королева сочла все это чепухой и решила, что ребенка нужно отправить в постель без ужина. А фрейлинам хотелось поскорее отправиться на бал, поэтому они поспешили исполнить приказание королевы и оставили принцессу Сентябрь одну. Лёжа в постели и, несмотря на голод, всё еще заливаясь слезами, принцесса вдруг увидела, как маленькая птичка залетела к ней в комнату. Принцесса вытащила палец изо рта и села. А маленькая птичка запела. Она пела об озере в королевском саду, об ивах, которые смотрятся в тихую воду, как в зеркало, и о золотой рыбке, которая скользит по ветвям, отражающимся в воде. Когда птичка кончила петь, принцесса больше не плакала и уже забыла, что не ужинала.

«Какая прекрасная песня», – сказала принцесса. Птичка поклонилась, потому что у художников от природы хорошие манеры, и им нравится, когда их ценят.

«Не согласитесь ли Вы иметь меня вместо Вашего попугая?» – спросила птичка. – Правда, на меня не так приятно смотреть, но зато мой голос гораздо лучше».

Принцесса Сентябрь захлопала от восторга в ладоши, а птичка села на край ее постели и спела колыбельную песенку.

Когда на следующее утро принцесса проснулась, птичка всё ещё сидела у её ног. А когда принцесса открыла глаза, птичка сказала: «Доброе утро». Потом фрейлины принесли завтрак принцессе, и птичка съела рис из её рук и приняла ванну в её блюде. После этого воду из блюда птичка выпила. Фрейлины считали неучтивым пить воду из собственной ванны, но принцесса Сентябрь объяснила им, что

всё дело в артистическом темпераменте. Когда птичка закончила завтрак, она снова начала петь, да так красиво, что фрейлины были совершенно поражены, потому что никогда не слышали ничего подобного, а принцесса Сентябрь чувствовала себя гордой и счастливой.

«Я хочу показать тебя своим сёстрам», – сказала принцесса. Она вытянула указательный палец своей правой руки, а птичка взлетела и села на него, как на насест. Затем в сопровождении своих фрейлин принцесса Сентябрь обошла дворец, вызывая каждую из сестёр по очереди. Она всегда заботилась об этикете и поэтому начала с принцессы Январь и постепенно дошла до принцессы Август. Для каждой из принцесс птичка пела новую песенку, а попугаи могли только повторять «Боже, спаси короля» и «Милашка Поли». В заключение она показала свою маленькую птичку королю и королеве. Они были поражены и восхищены. «Как я оказалась права, когда отправила тебя в постель без ужина!» – сказала Королева.

«Эта птица поёт гораздо лучше попугаев», – сказал Король. Помоему, Вы и так устали постоянно слышать, как народ говорит: «Боже, спаси короля». Не понимаю, зачем девочкам понадобилось учить этому попугаев»

«Это чувство восхитительно, – сказал Король, – и как бы часто оно не выражалось, я не буду возражать против количества. Но я утомляюсь, слушая, как попугаи говорят: «Милашка Поли».

«Зато они говорят эту фразу на семи языках», – возразили принцессы.

«Вы правы, – ответил Король, – но это очень напоминает мне моих советников. Они способны говорить об одном и том же семью различными способами, но в любом из них всё равно нет никакого смысла».

Принцессы, чьи характеры, как уже говорилось, были крайне озлоблены, очень рассердились, а их попугаи очень помрачнели.

Принцесса Сентябрь, тем временем, бегала по всем комнатам дворца, заливаясь, как жаворонок, а птичка порхала вокруг неё и пела, как соловей, потому она и была соловьём.

Так продолжалось несколько дней. А потом все восемь старших принцесс, предварительно сговорившись, явились к принцессе Сентябрь и расселись вокруг неё, спрятав ноги, как подобает сиамским принцессам.

«Бедняжка Сентябрь», – сказали они, – мы все скорбим о смерти твоего прекрасного попугая. Это ужасно, что у тебя нет такой же птички, как у нас. Поэтому мы собрали все наши карманные деньги и собираемся купить тебе очаровательного зелёно-жёлтого попугая».

«Вы не слишком любезны», – ответила принцесса Сентябрь (что было с её стороны не очень вежливо, но сиамские принцессы бывают

иногда несколько резковаты друг с другом). «У меня уже есть любимая птица», которая поёт мне самые очаровательные песни, и я не знаю, что делать с зелёно-жёлтым попугаем».

Принцесса Январь фыркнула, затем это же проделала принцесса Февраль, потом принцесса Март и так далее строго по старшинству. Когда они, наконец, кончили, принцесса Сентябрь спросила: «Почему вы фыркаете? Вы что, все простыли?»

«Дело в том, милая, – сказали они, – что бессмысленно говорить о твоей птице, если малютка влетает и вылетает в любое время, когда ей вздумается». Они оглядели комнату и подняли брови, да так высоко, что их лбы совсем исчезли.

«У вас появятся ужасные морщины», – заметила Сентябрь.

«Будь добра, скажи нам, где сейчас твой соловей?» – спросили они.

«Он отправился нанести визит своему тестю», – ответила принцесса.

«Вот что, дорогая, – сказали сестры. – Если ты послушаешься наших советов, ты больше не станешь так рисковать. Если соловей вернётся, а тебе ещё повезет, если он вернется, помести его в клетку и держи там. Только тогда ты можешь быть уверенной в том, что он будет с тобой».

«Но мне нравится, когда он летает по комнате», – сказала принцесса Сентябрь.

«Безопасность – прежде всего», – зловеще изрекли сестры. Они поднялись и, покачивая головами, вышли из комнаты, оставив принцессу Сентябрь в тревоге. Ей казалось, что соловей отсутствует слишком долго, и она не могла понять, чем он там занимается.

Должно быть, с ним что-то случилось. Ведь он может попасть в любую беду, стоит только вспомнить о ястребах или силках, которые расставляют люди. И, кроме того, он мог забыть её или привязаться к кому-нибудь другому. Как это будет ужасно. О, ей так хотелось, чтобы он уже вернулся и находился бы в безопасности в золотой клетке. Сейчас она пустовала, но ждала какого-нибудь обитателя, потому что когда фрейлины похоронили умершего попугая, они оставили клетку на прежнем месте.

Вдруг принцесса услышала щебетанье над ухом: соловей сидел у неё на плече. Он так неслышно появился и так мягко опустил на её плечо, что она его не услышала.

«Я волновалась, не случилось ли с тобой чего-нибудь», – сказала принцесса.

«Я так и думал, – отвечал соловей. – Дело в том, что я мог сегодня не вернуться. Мой тесть давал сегодня бал, и все хотели, чтобы я остался, но я подумал, что ты будешь волноваться».

При данных обстоятельствах это замечание оказалось для соловья очень неудачным.

Принцесса Сентябрь почувствовала, как забилося ее сердце, она решила больше не рисковать. Она взяла соловья в руки, ей нравилось чувствовать, как трепещет его сердце в её ладони. А соловей привык к мягкой, теплой руке и ни о чём не подозревал. Поэтому он так удивился, когда принцесса подошла к клетке, сунула его туда и закрыла дверцу. Он так растерялся в ту минуту, что не смог ничего сказать. Но в следующее мгновение он уже вскочил на жердочку и спросил: «Что это за шутка?»

«Это не шутка, – отвечала принцесса Сентябрь. – Некоторые мамины кошки рыскают ночью по всему дворцу, и мне кажется, что в клетке ты будешь в большей безопасности».

«Не понимаю, зачем королеве столько кошек», – довольно сердито произнесла птичка.

«Видишь ли, это – особенные кошки, – отвечала принцесса. – Глаза у них голубые, хвосты загнутые. Наша королевская семья специально занимается разведением таких кошек. Не знаю, в состоянии ли ты разобраться в таких вещах».

«Конечно, в состоянии, – сказала птичка. – Но зачем ты поместила меня в эту клетку, ничего не сказав о ней заранее? Я думаю, это – не то место, которое может мне понравиться».

«Я бы глаз не могла сомкнуть, если бы не знала, что ты в безопасности».

«Ладно, я не стану возражать против одного раза, – сказал соловей, – если ты обещаешь, что выпустишь меня утром».

Он хорошо поужинал и начал петь. Но на середине песни остановился. «Не знаю, что со мной сегодня, но мне как-то не поётся», – сказал он.

«Ничего страшного, иди лучше спать», – посоветовала принцесса.

Тогда он положил головку под крыло и через минуту уже крепко спал. Принцесса Сентябрь тоже пошла спать. Но на рассвете её разбудил громкий голос соловья, он звал её: «Просыпайся, просыпайся! Выпусти меня из клетки. Я должен успеть полетать, пока роса еще на траве».

«Тебе гораздо лучше оставаться там, где ты находишься, – сказала принцесса Сентябрь. – У тебя – красивая золотая клетка. Её сделал лучший мастер папиного королевства, и папе она так понравилась, что он отрубил мастеру голову, чтобы он не мог сделать еще одну такую же».

«Выпусти меня, выпусти меня», – говорила птичка.

«Три раза в день тебя будут кормить мои фрейлины. Тебе не о чём будет беспокоиться, и ты сможешь петь в свое удовольствие с утра до вечера».

Но соловей продолжал твердить своё: «Выпусти меня, выпусти меня». Он пытался протиснуться сквозь решетку, но у него это не

получилось, он колотил в дверцу, но не мог открыть её. Потом пришли восемь принцесс и взглянули на него. Они похвалили принцессу Сентябрь за то, что она так разумно последовала их совету. Они сказали, что соловей скоро привыкнет к клетке и через несколько дней совсем забудет, что был когда-то свободным.

Птичка ничего не сказала в присутствии принцесс, но как только они ушли, она снова начала выкрикивать: «Выпусти меня, выпусти меня».

«Не будь глупышкой, – сказала принцесса Сентябрь. – Я поместила тебя в клетку, потому что я очень люблю тебя. Мне лучше знать, что для тебя полезно. Спой мне песенку, и я дам тебе ириску».

Но птичка сидела в углу клетки, смотрела на голубое небо и молчала. Она так и не запела в тот день.

«Какой смысл дуться? – спрашивала принцесса Сентябрь. – Почему бы тебе не спеть и не забыть обо всех огорчениях?»

«Как же я могу петь? – отвечал соловей. – Мне нужно видеть деревья, и озеро, и зелёные рисовые поля».

«Если это все, что тебе нужно, я возьму тебя на прогулку», – сказала принцесса Сентябрь.

Она взяла клетку и прошла с ней вдоль озера, по берегам которого росли ивы, и постояла на краю поля, которое растянулось так далеко, что глаз не мог его охватить.

«Я буду выходить с тобой каждый день, – объяснила она, – я люблю тебя и хочу сделать тебя счастливым».

Но птичка отвечала ей: «Рисовые поля, и озеро, и ивовые деревья выглядят совсем по-другому, когда смотришь на них сквозь решетку клетки».

Тогда принцесса вернулась со своим соловьём домой. Она дала ему ужин, но он ни к чему не притронулся. Принцессу это немного обеспокоило, и она спросила своих сестёр, что они об этом думают.

«Ты должна быть твёрдой», – сказали они.

«Но если он не будет есть, он умрёт», – ответила она.

«Что ж, это будет страшной неблагодарностью с его стороны, – пояснили сёстры. – Он должен понимать, что ты желаешь его же блага. Поделом ему будет, если он заупрямится и умрёт, и тебе же лучше, если ты избавишься от него».

Принцесса Сентябрь не совсем поняла, отчего ей должно стать лучше, но так как их было восемь против неё одной, и они были старше, она промолчала.

«Может быть, он привыкнет к клетке завтра», – сказала она.

И проснувшись на следующий день, принцесса бодро воскликнула: «Доброе утро!», но ответа не получила. Она выскочила из кровати, и подбежав к клетке, вскрикнула: птичка лежала на дне клетки на боку, глаза её были закрыты, казалось, она умерла. Тогда принцесса открыла дверцу, просунула туда свою руку и подняла

птичку. Она даже всхлипнула от облегчения, когда почувствовала, что маленькое сердце ещё билось.

«Просыпайся, просыпайся, птичка», – просила принцесса.

Она заплакала, и её слёзы упали на тельце соловья. Он открыл глаза и увидел, что решетки вокруг него больше не было.

«Я не могу петь, пока я не свободен, а если я не могу петь, я умираю», – сказал он. Принцесса расплакалась.

«Бери свою свободу, – сказала она. – Я заперла тебя в золотой клетке, потому что очень люблю тебя и хотела, чтобы ты принадлежал только мне. Но я не понимала, что это может убить тебя. Иди. Летай среди зелёных рисовых полей и среди деревьев, что растут вокруг озера. Моя любовь достаточно сильна, чтобы позволить тебе быть счастливым по-своему». Она раскрыла окно и мягко опустила птичку на подоконник. Соловей встряхнулся.

«Прилетай и улетай, когда ты этого захочешь, – сказала принцесса. – Я никогда больше не посажу тебя в клетку».

«Я буду прилетать, потому что я люблю тебя, маленькая принцесса, – отвечал соловей. – Я буду улетать далеко, но всегда буду возвращаться, и никогда тебя не забуду». Он ещё раз встряхнулся. «Боже правый, как я одеревенел!» – воскликнул он.

Потом он расправил крылья и улетел прямо в небо. А маленькая принцесса расплакалась, потому что нелегко поставить счастье того, кого любишь, выше собственного и потому что она почувствовала себя очень одинокой. Когда ее сёстры узнали о происшедшем, они посмеялись над ней и сказали, что соловей никогда больше не вернётся. Но он вернулся. Он опустился на плечо принцессы Сентябрь, поел из ее рук и спел ей те красивые песни, которые узнал, пока летал по прекрасным уголкам земли.

Соловей мог прилетать в любую минуту, когда он этого хотел, поэтому принцесса Сентябрь днём и ночью держала своё окно открытым, отчего лицо у неё стало очень красивым. И когда она подросла, её выдали замуж за короля Камбоджи, и всю дорогу до города, где жил Король, её везли на белом слоне. А её сестры никогда не спали при открытых окнах, поэтому они выросли очень уродливыми и сварливыми, и когда им пришлось время выходить замуж, их выдали за советников короля, а в приданое дали по фунту чая и по сиамскому коту.

*Перевод с английского
Анны Палий
(Омск)*



АНГЛИЙСКИЕ ЛИМРИКИ

* * *

Жил-был Старец, владелец волынок.
Заползла ему кобра в ботинок.
Он волынкою доброй
Прогнусавил над коброй,
И змея уступила ботинок.

* * *

Жил да был Старичок в Амстердаме.
Поклонялся он Деве и Даме.
Как-то раз поклонился,
На мосту остутился,
И упал, и угас под волнами.

Юджин ФИЛД

(1850 – 1895)

* * *

Старый Сиу достал томагавк.
Лук и стрелы достал из-под лавк.
После этого Сиу
Страшно заголосиу. —
Удивительный был кавардавк!

* * *

Жил да был Старичок в Питерборо.
С ним жила его дочка Дебора.
Как-то эта Дебора
Вышла замуж за вора,
Огорчив Старичка в Питерборо.

Космо МОНКХАУС

Прекрасная Девушка с Тибра
С улыбкой уселась на тигра.
Опасные игры!
Наездница – в тигре,
Улыбка – на морде у тигра!

* * *

Музыкант по фамилии Дворжак
Заглянул к нам однажды во дворжак.
Он играл колдовски.
Мы не знали тоски...
Вспоминаем о нём до сих поржак.

* * *

Юный Карл-Фридрих фон Доннерветер
Легче пробки. А что, если ветер?
Мы две тонны свинца
Заложили в юнца.
«К чёрту ветер!» – вскричал Доннерветер.

* * *

«Не встречает Атлантика злом». –
И уплыл, оттолкнувшись веслом.
Но акула осла
От иллюзий спасла...
Пропоём Девяностый Псалом!

* * *

Удивительный выкинул №
Старичок по фамилии Кро.:
Приобрёл у купца
Ровно два огурца,
Пожевал, пожевал да и по.!

* * *

Сумасшедший на свете жил некто.
Вот уж точность любил человек-то!
На вопрос: «Эй, вы здесь?»
Молвил: «Здесь, но не весь:
Ведь мозги у меня – в некомплекте».

* * *

Захотел Старичок из Рабата
Полететь с колокольни куда-то.
Он фуфайку стянул,
Он руками взмахнул...
Вот могила его, вот и дата.

* * *

Рисовал копиист из Равенны
Всё, что видел почти что мгновенно.
Срисовал документ
И, почти что в момент,
Он увидел тюремные стены.

Редьярд КИПЛИНГ

(1865 – 1936)

Как-то раз Старика из Монтроза
Посадили в сугроб на морозе.
На вопрос: «Как морозец?»
Удивился монтрозец:
«Разве это мороз для Монтроза?»

* * *

Старичок прискакал на Медведице.
Я спросил: «Хорошо ли вам едется?»
Ответил медвежий
Жокей мимоезжий:
«Косолапит езду гололедица!»

*Перевод
Евгения Фельдмана
(Омск)*



ЮМОР И САТИРА

Владимир ЯНЧЕВ

(Омск)

МОЙ РОМАН

По мотивам Саши Чёрного

Кто любит Аллу, кто любит Наташу,
Кто просто – свою жену.
А я люблю Распутину Машу,
Только Машу одну!

Пусть с именем Маши на нашей эстраде
Всегда какой-то скандал,
Но я – Распутиной Маши ради –
Жизнь бы свою отдал.

Кто мне покажет женщину краше?!
А голос? – Боже спаси!
Да кто сравнится с Распутиной Машей?!
Нет таких на Руси!

Она от макушки до пяток наша,
Сибирской закваски дитя.
Будет петь Распутина Маша
И тысячу лет спустя!

И, если б Маша вдруг прикололась –
Явилась в жилище моё, –
Я б умер, услышав божественный голос,

Платья коснувшись её.

Стал бы, как раб, пред ней на коленки
И, в доску от счастья пьян,
Я ей подарил бы портрет Евтушенки,
Гитару и даже баян.

Раскрыл бы настежь пред милой Машей
Шкаф холодильный свой,
Кормил бы с ложечки гречневой кашей
И угощал халвой.

Я ковриком лёг бы пред нею, гордячкой,
Мягким, для стройных ног!
Я комнатной стал бы её собачкой
И ёжиком стать бы смог.

Мечты поэта смешны и убоги,
Сбываются лишь во сне...
А в жизни – Машин директор строгий
Не пустит её ко мне.



Алексей ДЕКЕЛЬБАУМ

(Омск)

ВЕЧНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Колесо завертелось...

Изобретатель стал обивать пороги. Из академий гнали, в церквах проклинали, во дворцах сразу звали стражу. Изобретатель сменил много стран, городов и тюрем. Когда стал слишком навязчив – сожгли на собственных чертежах.

Шли годы. Сын изобретателя обивал пороги. Сына тоже гнали, высылали, отлучали и сажали. Со временем стали просто высмеивать – казалось развитие науки и культуры. Времена были помягче – продержался подольше. Когда шибко надоел – отрубили голову.

Шли годы. Внук изобретателя обивал пороги. Век был просвещенным. Ученые хохотали, общество осуждало, знакомые сочувствовали. До газет дело не дошло. Когда стал утомлять – нарекли сумасшедшим и изолировали.

Шли годы...

Правнук изобретателя плюнул на всё и открыл собственную торговлю. Праправнук изобретателя разбогател. Прапраправнук изобретателя стал сам потихоньку сажать слишком беспокойных изобретателей.

А колесо всё вертелось. Который век...

ЗАГРАНИЦА БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ!

* * *

Позавчера в Западной Европе на собрании в вермишелевом цехе макаронной фабрики имени Рокфеллера рабочие и служащие единогласно проголосовали.

* * *

В одном из парижских универмагов продавщица отдела телогреек от Кардена Сюзана К. заявила покупателям: «Мадам и месье, готовьте мелочь – сдачи нет!»

* * *

Лидер республиканской партии в округе Х. предупредил председателя местного Союза фермеров, что если к юбилею округа фермеры не завершат сев озимого маиса, то председатель Союза выложит на стол республиканский партбилет.

* * *

Чувство гнева и возмущения вызывает у всех людей доброй воли провокационный предвыборный лозунг бессамомучской хунты: «Народ и хунта едины!»

* * *

По-прежнему низок культурный уровень туземцев Средней Меганезии. Характерный пример: у них вождь племени не назначается верховным вождём, а избирается всем племенем. Дикари!

* * *

Слабеет и агонизирует реакционный режим сержанта Хулио Керамзитто. В борьбе против прогрессивных сил кровавая диктатура не брезгует никакими средствами и на днях даже провела референдум и подала в отставку.

* * *

Газеты штата У. с беспокойством отмечают крайне низкую грамотность руководства штата. Например, губернатор штата Ричард М. ухитряется на языке Шекспира говорить «ложат» и «хочут».

* * *

На побережье одного юго-восточного государства, пожелавшего остаться неизвестным, исчезли из продажи чай, кофе, сахар, носки, мыло и прочие товары первой, второй и т. д. необходимости. Вместе с товарами исчезли и магазины. Тайфун «Марина» пошёл дальше.



ПРОЧТИТЕ ДЕТЯМ

Тимофей БЕЛОЗЁРОВ

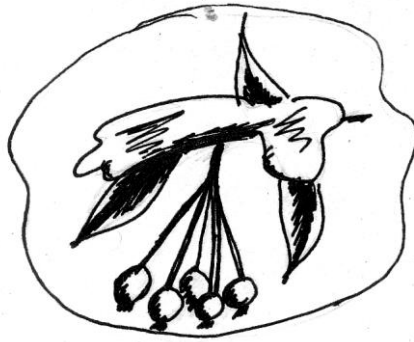
(Омск)

Кладовая ветра

Чего ни натаскано в старый овраг!
Хранится в овраге ночной полумрак,
Тугие серёжки – подарок берёзы,
Цветы иван-чая, кукушкины слёзы,
Зелёные, жёлтые бусы дождя,
Перо куропатки на шляпе груздя.
Сюда, как на дно сундука, спозаранок
Накиданы ветром холстины тумана,
В ручье, на голубеньком ситце волны,
Мерцает старинная
Брошка
Луны...

Ранетки

Нет слаще сибирских ранеток,
Когда их морозы побьют!
Мальчишки срывают их с веток,
Щеглы и синицы клюют.
С кислинкой, янтарного цвета,
Висят они, встретив пургу,
Горячими каплями лета
Горят на весёлом снегу!



Цветные голоса

Вот чудеса! Лишь зажмурю глаза –
Вижу, как в зеркале, все голоса.
Вижу я дворника голос усатый,
Шарканье ног и брюзжанье лопаты,
Вижу я серые крики ворон,
Жёлтый и красный трамвайный трезвон.
Вижу на лестнице скрип деревянный,
Голос сестрёнки, с мороза румяный,
Вот он растаял за шторой в окне,
Сбросив сосульку
За шиворот
Мне.

Двойка

Несу я двойку в дневнике...
Проходят льдины по реке,
Друг друга обгоняют
И тают, тают, тают!
Растают льдины без следа,
В реке поднимется вода,
Волна прорвёт плотину
И мне ударит в спину.
Я захлебнусь и утону,
И с дневником
пойду
ко дну.
Портфель песком затянет,
И вот мой час настанет.
Сетями выловят меня,
Наденет траур вся родня,

Придёт математичка
Худая, словно спичка.
И я ей пальцем погрожу,
Приподнимусь я и скажу:
– Мария Николавна!
Вот было бы забавно!

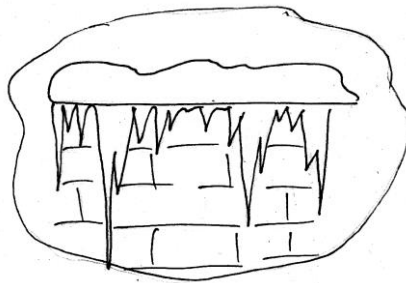
На даче

Приехал я на дачу,
Живу среди берёз.
Хочу – сижу рыбачу,
Хочу – ловлю стрекоз.
На солнечной опушке,
В ладонях гамака,
Сочувствую кукушке,
Смотрю на облака,
Свищу пичугой вольной
И не боюсь
Контрольной!

Загадки

Висит за окошком
Кулёк ледяной,
Он полон капли
И пахнет
Весной.

(Сосулька)



Гонит к морю ветерок
Сто поломанных дорог.

(Ледоход)

Дом построен
Для певца,
Ходят тучи
У крыльца.

(Скворечник)

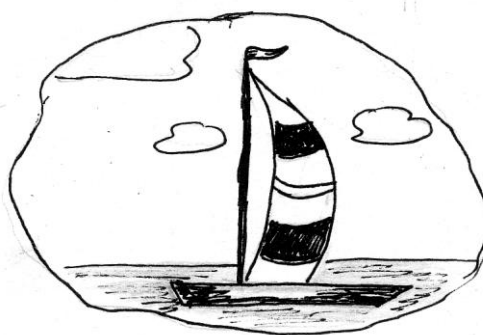


На дне, где тихо и темно,
Лежит усатое бревно.

(Сом)

Зачерпнуло ветра
Белое крыло
И катать мальчишек
В море унесло!

(Парусник)

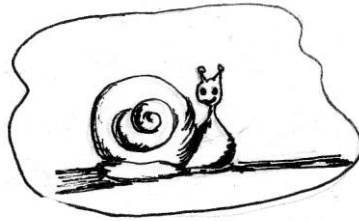


По деревянной речке
Бежит кораблик новый,
Сбивается в колечки
Дымок его сосновый.

(Рубанок)

Две антенки на макушке,
А сама сидит в избушке.
На себе её везёт,
По соломинке ползёт.

(Улитка)

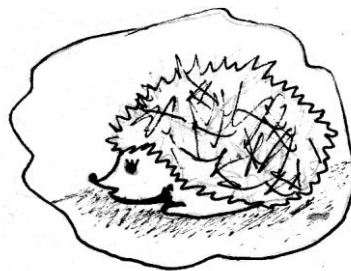


Идёт утюжок
С прокопчёной трубой,
Морщины и складки
Ведёт за собой.

(Пароход)

Спит
Под ёлкой
Колобок,
Колобок –
Колючий
Бок.

(Ёж)



Всю зиму лежал
У плетня за избой
В серебряных ножнах
Кинжал голубой.

(Ручей в сугробе)

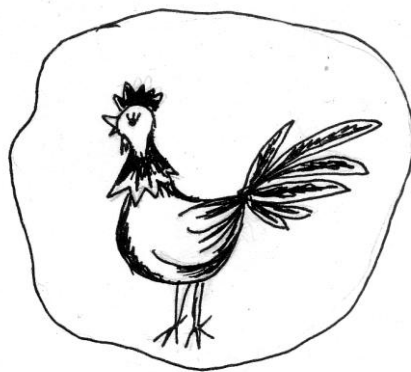
Стоит он задумчивый
В жёлтом венце,
Темнеют веснушки
На круглом лице.

(Подсолнух)



О шествии нового вешнего дня
Нарядный глашатай горланит с плетня.

(Петух)



Рисунки Н. Салюковой



Анастасия МИСТ

(Омск)

МАЛЕНЬКИЙ ТРАМВАЙ

Сказка

Жил-был маленький трамвай, который мечтал стать поездом, когда вырастет. Взрослые трамваи недоумевали, как это трамвай может стать поездом. Ведь они видели столько рельсов в своей жизни, столько по ним проехали, что знали наверняка – трамвай не может быть поездом. Да и потом железнодорожные рельсы слишком велики даже для самого большого и умудренного опытом трамвая. Куда уж этому малявке, который ездил только по одному маршруту за всю свою жизнь, да и то по самому короткому.

Но маленький трамвай продолжал верить, что когда-нибудь он станет настоящим поездом и уедет в дальние страны. Когда он ехал по узеньким переулкам города, он представлял, как будет здорово гудеть настоящим паровозным гудком, проезжая по большому мосту через реку, название которой он ещё не знал, но был уверен, что это огромная, быстрая и красивая река, бегущая через всю страну, в которой ему предстоит очутиться.

Маленький трамвай смотрел на проезжающие мимо него старшие трамваи и удивлялся тому, почему они такие печальные, почему не радуются солнцу, так приятно согревающему их вагоны, и веткам деревьев, которые иногда задевают окна. Они не радовались даже пению собственного сигнала, который раздавался лишь иногда, если кто-то из пешеходов замешкается на рельсах.

Маленькому трамваю нравилась его работа, которая была для него просто прогулкой по самым загадочным и необычным местам города. И хотя маршрут был всегда один, маленький трамвай видел всё каждый день по-новому. Он мог ездить по маленьким улочкам бесконечно долго, никогда не уставая, и под вечер, когда отправлялся домой в депо, чтобы провести там ночь, всегда был полон сил и радости. Старшие трамваи говорили, что это пройдет, и с возрастом он тоже будет еле тащиться в депо, и думать о том, когда же его, наконец, спишут и он сможет отдохнуть. Но маленький трамвай не обращал внимания на такие разговоры. Он каждый вечер мечтал о новом дне, и о том, что он принесет ему.

И вот однажды один инженер решил построить такой поезд, которого никогда раньше не было. С виду он был совсем как трамвай,

да и внутри тоже, но кое-что всё-таки нужно было поменять. Этот самый инженер выбрал маленький трамвай из всех, что ему предложили для почетной миссии стать первым поездом-трамваем. Он сделал его вагон немного шире, и поставил специальные колеса, ну и голос у трамвая стал немного другим, более глубоким и громким. А в остальном трамвай остался прежним. Теперь он ездил через большую реку по огромному мосту, как раз в той стране, которая виделась ему в мечтах.



Ольга ОВЧИННИКОВА

(Казань)

Домовой

Однажды выпал из окна
лохматый Домовой –
он был с испачканным лицом
и длинной бородой.

Упал он прямо на меня
и страшно напугал,
потом на землю быстро слез
и тихо мне сказал:

– Я настоящую звезду
могу Вам подарить!
Но не могли бы Вы помочь
моё лицо умыть?

До крана я не достаю –
я ростом слишком мал,
а так ходить уже нельзя –
весь дом перепугал!

Умытый добрый Домовой
мне подарил звезду.
Но... потеряла я её,
а вдруг опять найду?..

Счастье в ненастье

Шли в дождик по лесу
два мокрых лисёнка.
Упали к ним с неба
два ярких звёздёнка.
Упали они,
несмотря на ненастье,
И получилось
два маленьких счастья!

Цветные сны

Жил кролик цвета морской волны,
который видел цветные сны:
там жёлтый кот от зелёной мыши
спасался в тёплом гнезде под крышей;
там синий лев золотой лошадке
писал письмо на листке тетрадки;
там кит прозрачный в большую корзину
на дне морском собирал малину...
Был кролик этот ужасный соня –
заснул он прямо в моём альбоме.



Владислав ЦОЙ

(Омск)

КАПРИЗНАЯ ДЕВОЧКА

Рассказ

В одной небольшой семье жила девочка по имени Вероника. Не было у неё ни братьев, ни сестёр. И её родители всё своё внимание и любовь дарили только ей одной. Может быть, поэтому Вероника росла такой капризной, что её папа Сергей и мама Светлана ничего не могли поделать с избалованным характером дочери.

Когда мама звала Веронику покушать, та обычно спрашивала мать, что такого вкусного она сготовила. И если ей не нравилось предложенное блюдо, откровенно говорила, что не хочет это кушать. Надо заметить, что девочка сильно любила сладости больше, чем надо – шоколад, халву, пряники и тому подобное. Она часто брала без спросу с кухонного шкафа конфеты и втихомолку уплетала их за обе щёки. Естественно, перебив аппетит, ей совсем не хотелось, есть, к примеру, гречневую кашу, макароны с мясом, или вареники с картошкой. Лишь порядком проголодавшись, Вероника наконец-то съедала предложенное... Поэтому родителям приходилось идти на различные хитрости, или на маленький шантаж, т.е. говорить, если она не съест, например, куриный суп, то ни за что не получит любимое всеми детьми мороженное. А настырная девочка часто приходила в истерику и от её неугомонного рёва у всех домочадцев портилось настроение. Тогда папа доставал свой кожаный ремень, угрожая вредине надавать по мягкому месту, если та сейчас же, не прекратит концерт. Вот так, с горем пополам родители кое-как справлялись с маленькой эгоисткой. Сколько же нервов каждый раз приходилось тратить?! Просто ужас!

Но как-то однажды кто-то позвонил в дверь несчастной семьи... Открыл отец и не увидев никого, кроме белого котёнка на пороге, хотел тут же захлопнуть перед ним дверь. Но Вероника, стоявшая чуть позади отца, и увидевшая пушистое чудо, воскликнула: «Папа, миленький! Давай возьмём этого котёнка! Я буду за ним ухаживать и больше никогда не стану капризничать!» Сергей чуть-чуть опешил от ласково-умоляющих слов своей дочери, немного подумав, почти согласился. И Светлана, что находилась неподалёку, решила: «Дорогой! Я думаю, поверить на слово дочурке! А если, она не будет нас слушаться опять, выбросим мяукающего бедолагу!» Папа не

возражая, сказал: «Хорошо! Как же мы назовём это создание природы?!» Вероника, обрадовавшись, торжественно произнесла: «Ковбой! Мы назовём его Ковбой!»

– Ну, что ж, Ковбой, заходи! Надеюсь, ты будешь вести себя достойно, если не хочешь оказаться на улице! – проговорил Сергей, подмигнув Светлане, а дочке добавил – Учти, нагадит, будешь убирать за ним сама!

– Конечно, папулька! С большим удовольствием! – сказала, ставшая с тех пор послушной, девочка, взяв на руки ласкового котёнка.



КРИТИЧЕСКИЕ ЭССЕ

Станислав РАДЗИЕВСКИЙ

(Омск)

Альманах «Тарские ворота» № 1

Краткие впечатления от прочитанного

Впечатления от прочитанного отражают только моё личное восприятие и ни в коем случае не могут служить истиной в последней инстанции. Основным критерием при прочтении считал «принцип постороннего», то есть, если при начале чтения произведения возникало желание непременно довести чтение до конца, чтобы затем оценить своё отношение к прочитанному и ощутить наличие, или наоборот - отсутствие эмоций (положительных или отрицательных). Лично я считаю, всё, что автор стремился вместить в своё произведение, должно хоть как-то «царапнуть по душе» и читателя.

Поэзия и проза

Александр ПЛЕТНЁВ

Сгорая, от тебя не отрекусь...

Состоявшаяся поэтическая лирика с глубокими оттенками философского восприятия. Оставляет впечатление, как от прочтения произведений Шекспира в переводе и редакции С. Маршака. Такой же тематики по характеру, глубине, ёмкости и способу раскрытия темы. Глубоко впечатляюще и классически.

Эрнест ЧЕРНЫШЕВ
Глаза из чащобы

Другой бы эту быль воспринял, как охотничью байку у ночного костра. И всё было бы так, как в «байке», если бы не собственный охотничий опыт. Есть с чем сравнить, и признаюсь, что воспоминания далеки от приятных. В 1988 году на Кольском полуострове и севере Карелии были неоднократные встречи охотников и рыбаков со «снежным человеком». Помню, как при получении путёвок в охотсоюзе мы должны были давать подписку о неприменении оружия при встрече с йети. Потом уже, после трёхдневного перехода к лагерю, ночью у костра как то само собой решилось, что необходимо организовать охранение. Выяснилось, что практически у всех в патронташах были запасены патроны с «цепочкой», то есть с картечинами, связанными струной. Охотники знают, какую разрушительную силу имеет такой заряд, а у некоторых было ещё с собой и табельное оружие. Животный и неосознанный страх не давал спать. Понимаю автора! Человеку свойственно бояться непонятного. Особенны было страшно, когда наши зверовые лайки молча тряслись и, поджав хвосты, жались к ногам. Тот, кто не испытывал такого «адреналина», тот не поймет эту быль до конца. Однако быль по описательности весьма походит на газетный очерк времен СССР и надо бы добавить красочности, чуть (немного ощущений «от себя»).

Евгения КОРДЗАХИЯ
Мы рождены, чтоб совершать свой круг

Чувства – во-первых! Это – ли не главное при рождении рифмы?! Женщина живёт чувствами, а женщина – поэтесса,- их отражением. Как для современного читателя редкое: «В той песне отразился век и современный человек...», так присутствует и какое-то, чуть старомодное, но до боли знакомое, в единении с природой и с яркими, неожиданными по своей форме, метафорами, – нечто: «поздне-цветаевское, неоглядно – зависимо – женственно – чувственное». Конечно, есть грех «глагольной рифмы», но, согласитесь! Кто этим не грешил!? Талант грехам прощение дарит!

Елизавета ВИТМАН
Зарисовки из вагонного окна

Очевидно, этот отрывок из повести кажется автору ключевым в сюжете повести. Если это так, то всё произведение представляется мне биографическим описанием с целью отразить какие-то личные перемены в жизни на фоне собственных ощущений. Но это, может

быть, и неверно. Оценивая прочитанное в целом, получил полное его соответствие названию. Именно – зарисовка. Без приукрашивания и лишнего мудрствования показана такая реальная и знакомая всем атмосфера ненавязчивого отечественного дорожного сервиса и типичные характеристики кратковременной «вагонной коммуналки». Закрыв глаза и порывшись в памяти, вспоминается весь железнодорожно-пассажирский «букет» из влажного постельного белья, винного марева купе, запаха горелого угля от вагонного «титана», ни к чему не обязывающие дорожные знакомства с их быстрой фамильярностью и показухой, как в песне «Навру с три короба, пусть удивляются...». И основное – именно и только железнодорожный типаж проводниц и других представителей поездной бригады, как будто штампованный по отдельному ГОСТу советского времени. Написанное оставляет впечатление.

Марина УЛЫБЫШЕВА

Куда ты летишь, горевая душа?..

Общее впечатление отражает именно ДУШУ (с большой буквы), которая случайной бабочкой, попавшей в жесткие рамки, не дающие возможности полного размаха крыльев, пытается вырваться из узкости грязного и длинного тоннеля со стенами из обыденности, лжи, циничного обмана, грехов, зла и прочих «прелестей» окружающей реальности...

Однако в стихах какая-то неожиданность от вспышек метафор и скрытая философия выхода из этого давящего тоннеля.

Евгений АСТАШКИН

Замочная скважина

Как этот рассказ, так и другие, знакомые мне произведения автора неизменно вызывают ощущение ностальгической досады и тоски по тем временам, когда не всё покупалось и продавалось, когда существовали люди, которым можно просто верить и те, которые также просто – доверия не заслуживают. И сейчас довольно часто встречаются «соглядатаи и поднадзорные»... Многим нравится быть первыми, но как отвратительно быть вторыми...

Георгий БОРОДЯНСКИЙ

Любовь на длинную дистанцию

Просто, пережито, понятно... И потому – грустно. Такова проза восприятия стихов.

Елена АРОСЕВА
Казалось бы, это так просто...

Только сцена и только искусство театра может научить так философски выражать весь искристый спектр эмоций с таким величавым пренебрежением ко всему ежедневно-тленному.

Андрей ДЁМИН
Тайны записной книжки

Не знаю, та ли «Ксюша» взята за героиню рассказа, но тема раскрывается очень уж узнаваемо к предполагаемой реальной картине, перефразированной Михаилом Задорновым под именем «ксюшафобия». Лично я воспринял рассказ, как богемную сплетню. Некрасивую, скандальную, но, чёрт возьми, великолепно рассказанную!

Ольга РОДИОНОВА
Всё золотом шило, всё жгло...

И даже мимолетное, разовое впечатление от простой, житейской картины порой вызывает такую глубокую философию, отраженную в рифме.

Игорь ЕГОРОВ
Рассказы о Женьке Забродине

Ницше и домашние тапочки

Притча о том, что мёртвый, бесстыдный, беспристрастный телефонный аппарат не имеет понятия «стыд». Это идеальное средство, предназначенное для порчи настроения собеседнику, не наблюдая, а лишь представляя его реакцию. Кроме того, это проверенное средство, чтобы перебросить эмоциональную нагрузку с себя на другого, как в еврейском анекдоте : «Всё, Абрам, спи... Пусть теперь Моисей не спит!» Надо попробовать способ автора. Только вместо Ницше возьму моего любимого В. Пикуля...

Прощальный фокстрот

Видимо как раз здесь к месту было бы, скажи сексопатолог герою словами Пушкина: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей...». А вообще-то вполне рядовая жизненная ситуация. Но такое смелое её воплощение в художественной форме читать давно уже не приходилось.

Тень Дантеса

Наши сны. Наверное, самое неизученное явление человеческого мозга. Читая рассказ, вспоминал свои сновидения прошедшего времени, когда, внезапно пробуждаясь в холодной испарине, вслух шептал молитву: «Слава Богу, что это был сон!» Однако сны имеют свойство запоминаться и требуют делать из них выводы, иногда иносказательные, но вполне реальные. А в сопоставлении сна и реальности человек может прийти к неожиданному и вполне осязаемому результату. Моё мнение: Дантес – символ отрицательного героя. Что стоит хотя бы Дантесовское: «Подумаешь, убил какого-то поэта! У нас таких пруд – пруди...». И у каждого из нас есть свой «Дантес», в каком бы образе он не являлся и во сне и наяву. Я представил именно такой подтекст.

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ С привкусом тайны

Хорошо! Прекрасно ощущать вокруг себя мир, наполненный неожиданной тайной и возможностью придумать для себя сказку. Великолепно слышать сказку в дожде, птичьим щебете, в любом звуке и чувствовать себя при этом счастливым. Читаю эти стихи и как-то само пришло воспоминание счастья из далекого детства – раннее летнее тёплое утро, распахнутое окно и далёкое – далёкое «Кукареку»...

Лариса БЕРЕЗИНА Притча о красоте

Есть женское представление о счастье. Оно неизменно ассоциируется с понятиями «любовь» и «красота». Одень на женщину корону или лохмотья, но счастливой она всегда останется красавицей. «Мона Лиза» – бессмертное творение Леонардо. Кто сможет сказать, кто она – прачка, торговка или богатая горожанка? И не наряд делает её красивой, а ощущение счастья, запечатленное в улыбке...

Мой сверкающий мир

Стихи полны личным, «сверкающим», «хрупким» мгновенным мимолетным, но глубоким восприятием. При их чтении возникает желание чуть легче и бережнее держать книгу, как недолговечную и легкую конструкцию из тончайшего стекла.

Валерий ДАШКЕВИЧ
Барьер

Странные впечатления. От «Екклесиаста» «...время разбрасывать камни...» до высказываний Г.Фаллады «о правоте, или неправоте Отечества». Будто тело взлетело из одного места и приземлилось в другом, а душа взлетела и не может приземлиться там, где она чужая...

Игорь ФЕДОРОВСКИЙ
Рабочее воскресенье

Впечатление контраста описания раздела современного общества на «богатых и бедных», но только с циничной точки зрения первых. Богатые рассказа не прочитают, а у бедных он вызовет в лучшем случае - раздражение.

Дарья РЕШЕТНИКОВА
Экстракт солнца

Чисто женские стихи на дамские темы, неоднократно и разнообразно звучавшие у Ахматовой, Цветаевой, Де ла Крус, а также у большинства поэтесс всех времен. При этом богатая метафоричность и оригинальность сравнений, образов, полнота законченной «философии недосказанности», которая и делает стих причиной для размышления читателя и примеркой образа «на себя». В то же самое время присутствует попытка некоторого сюрреализма и стремительного «калейдоскопа образов», хотя это и на любителя. Однако никакой «чернухи», свойственной многим современным (особенно молодым) авторам, использующим такие приёмы с целью оставить «рубца на восприятии» в стихах не отмечается. Хочется читать стихи до конца!

Андрей КОЗЫРЕВ
Мудрые ошибки

Рискую применить к себе «размышлизм» №80, а в дополнение к №81 рискну добавить, что не каждая истина является «истиной в последней инстанции». Однако от первого до последнего пункта великолепная острота афоризма, с которой хочется спорить на философские темы.

Николай ЭЙХВАЛЬД
Жизнь без права грусти

Несмотря на общее название, чувства оптимизма от прочитанного в душе не остается. То, что автор стремился передать в стихах, как-то давит грустью и безысходным одиночеством. Вот такой «отпечаток» остался.

Марина КРАСНОУСОВА
Стихотворения в прозе

Стихотворения в прозе. Это не моё. Стих, по моему мнению, должен быть кратким философским отражением своего восприятия того или иного события, зеркальным отражением не только внутреннего состояния автора в момент, когда тема уже просится на бумагу, но и отношения автора к существу явления темы (завернул так, что самому страшно). Но написано красиво, живо, ярко, хотя для меня эти стихи в прозе – просто способ отражения визуального восприятия автора. Однако восприятия очень ярко – поэтического. Это несомненно!

Игорь ЕГОРОВ
Миниатюры

Когда в переводе на русский язык (в японском, к сожалению, не силен) читаю японскую классическую поэзию, то остается примерно такое же сходное ощущение чего-то невесомого, готового рассыпаться от малейшего прикосновения, но содержащего в себе очень глубокий философский смысл, выраженный всего несколькими словами.

Можно сравнить с японской классикой:

Я взошел на вершину горы.

Мне кажется – я выше всех в мире...

А надо мной звезда.
Бездонная бесконечность...

Николай МАЦАК
Солист

Впечатления от прочитанного почти такие же, как после деревенских рассказов В.Шукшина или «Дикольче» В.Шишкова. Какое-то облегчённое, простое чувство, будто посидел и послушал байки в заводской курилке советских времен. В каждом коллективе тогда был подобный «Иван» со своими несуразностями, особенностями, но в то же время и с золотыми руками. Вряд ли сейчас встретится такой. Язык рассказа чем-то напоминает язык В.Астафьева. Читается очень легко и улыбчиво.

Петр НЕПУТИЛОВ
Сквозь заломы судьбы...

Прочитал. Эмоционально, метафорично, но чувственно – темно. Чувствуется выстраданность каждой строчки, но поневоле где-то внутри шевельнулось нечто вроде протеста... Неужели же в стихах автора нет и не может быть ничего, кроме отражения страдания?

Вера КОЧИВАРИ
А дождь всё лил и лил...

Пронзительно и жестоко... Гениально, коротко и просто. После прочтения рассказа сделал вынужденный и очень длительный перерыв. Спасибо!

Святая простота

Впечатления от рассказа яркие, живые и какие-то близко-свои. И ожидание чего-то непременно хорошего, доброго и светлого. А ведь, вроде бы, в самом рассказе и ничего особенного нет. Вот и загадка!

Виктория СЕНЬКИНА
На тёмной стороне звезды

Осталось сильное впечатление от последнего стихотворения подборки. Видимо, от того, что сам не однажды пробовал раскрыть такую же, близкую мне, тему. Пусть по- другому, но пробовал.

Маргарита ЕФИМОВА-ДАШКЕВИЧ
Подснежник

Красивый маленький рассказ-зарисовка. После него спокойно на душе.

Синие глаза лета

Это скорее стихи в прозе, чем рассказ. Если спокойным голосом мама будет читать этот рассказ ребёнку на ночь, то уверен, что крепкий сон с мирными сновидениями тому обеспечен.

Александр БЕКИШЕВ
Моего дыхания след

Первые четыре стихотворения подборки оставили неожиданное, противоречивое и своеобразное впечатление необычным ракурсом раскрытия темы, особенно «Баллада о свиньях»... Почему-то приходит в качестве очень далёкого сравнения (или напоминания) стихотворение «Из-за утеса, как из-за угла внезапно кто-то выстрелил в орла...» Заболоцкого с его окончанием «...Чтоб враг не видел, не торжествовал.». Очень впечатляет способ раскрытия тем какое-то весёлое, злое и вызывающее, и очень впечатляющее талантливое «хулиганство». А последнее стихотворение «Наваждение» поражает своей краткой философской простотой, ничего уже невозможно ни прибавить, ни убавить.

Виктор ВЛАСОВ
Царь горы

Для рассказа, по моему мнению, представлен слишком большой отрезок времени. Но читается легко, видимо за счет того, что во второй его половине события стремительны своими скачками во времени. Общий итог и смысл рассказа не оставляет повода додумать что-то своё. Законченность. Мораль. Поучительность. Всё, как в школьной хрестоматии по литературе для старших классов.

Станислав РАДЗИЕВСКИЙ
Мой курс тяжёл, но все же – прав!..

Промолчу. Вряд ли кому-то нравится своё...

Юрий ГЕНЧ
Голая правда о приукрашенной лжи

Ложь и правда. Эти две противоположности – постоянный и неисчерпаемый сюжет для сказок, романов, повестей и притч всех времен и народов: древний Китай, позднее средневековье, Советский союз двадцатого века... После прочтения осталось горькое, досадливое ощущение, так как видимо слишком ярко вычерчена аналогия с современной Россией. А следовательно и напрашивается вывод о безысходности раскрытой (и очень хорошо раскрытой) темы. Поневоле вспоминается поговорка «Сказка – ложь, да в ней намёк...».

Татьяна ЯКОВЛЕВА
Астрономия

Я обычный земной человек. Все, кто занимается звездами (астрономией, астрологией) для меня суть люди эфемерные, отстраненные, ведь их время – ночь... Поэты, наверное, также входят в их компанию. Ночью лучше думается, легче пишется (меньше земное притяжение, свободнее рифма, больше сюжетов). После прочтения стихов перед глазами стояла картина женского профиля у тёмного ночного окна. Нечто неземное и лунно-романтическое.

Сергей БАЛОВНЕВ
Ночной прыжок пассажира

Зимняя пурга в тундре – страшное дело. Знаю. На побережье особенно снежный заряд покрывает мгновенно и накрепко. Тема близка мне. Рассказ читается на одном дыхании. Просто и соответствует жестокой реальности.

Денис КАЧУРОВСКИЙ
Вещие хороводы

После прочтения подборки осталось ощущение тихой грусти с какой-то лёгкой тенью обреченности, как в некоторых сонетах Шекспира (естественно в переводе на русский, так как в оригинале не могу читать их, не дорос до Фельдмана). Рифмы в неожиданных метафорах, как лаконично-ёмких, так и нарушающих строгий ритм стихотворения. Но несомненно одно: идёт борьба внутри себя, от «да» до «нет». А именно это и рождает в итоге настоящие стихи.

Александр МАРТ
Печальная сказка

Ещё Андерсен славился тем, что мог обернуть в сказку любое явление или вещь, вдохнув в них душу и человеческие черты (от штопальной иглы до жабы). Именно это и приходит в голову после прочтения сказки. Понятно, почему она называется «Печальной сказкой». Поневоле ставишь себя либо на место кого-либо из персонажей, либо в положение непосредственного наблюдателя.

Светлана АВБАКУМОВА-ПАРШИНА
Сюрприз

Жизненная ситуация, описанная в рассказе позволяет каждой семье сделать два вывода: с мужской и с женской точки зрения, причём в каждой семье они будут разными. Вспомните Л.Толстого «... каждая семья несчастна по-своему». Анекдотичный характер ситуации представлен, по моему мнению, мастерски. Наверняка у любого рассказ вызовет улыбку.

Монолог шляпы

Чисто женское раскрытие темы практически по Андерсену. Скорее это не рассказ, а сказка. Но как будет угодно автору. Впечатлением от прочитанного остаётся ироничная, но добрая улыбка. А читается всё на одном дыхании.

Андрей КОЗЫРЕВ
Звезда скитаний

Стихи оставили философски-насыщенное впечатление, требующее дальнейшего осмысления. Особенно впечатлило стихотворение «Разум безумца», полное какой-то перекошенной и горбатой явью. Оставляющее в понимании след, как скрежет по стеклу. Стихотворение «Децимация» как отражение запоздалого

броска вперёд от стыда за себя за то, что поддался малодушию мгновение назад. Очень впечатляет.

Дмитрий ЛИНЧЕВСКИЙ
Развод

Каковы могут быть впечатления от такого рассказа. Горькие. До конца чтения всё думал, что будет «хэппи энд»... Но написано талантливо и реалистично, в соответствии с этим сегодняшним поганым «духом времени».

Михаил СНЕГИРЁВ
Пить любви настой

Прямым отражением названия подборки мне представилось стихотворение «И любоваться красотой». Автор пытался выразить всё своё разностороннее отношение к теме именно, как поэт. Вспомните Сергея Есенина «Ну целуй меня, целуй!»

**Публикации, очерки и публицистика,
критика и литературоведение**

Чтение этих разделов альманаха было очень интересным, но высказывать своё дилетантское мнение по отношению к признанным мастерам полагаю, по крайней мере неуместным. Это дело опытных и профессиональных литераторов.

Драматургия

Наталья ЕЛИЗАРОВА
Концертный мужчина

Комедия в одном действии. Несколько явлений, три действующих лица... В моём понимании вполне достойно для жанра «СТЭМ». Однако очень хотелось бы увидеть постановку на сцене. Интересна интерпретация в «живом» виде. Сюжет заманчив.

Переводы

Увольте! Для этого жанра и при наличии авторского текста, как и при наличии первоначального перевода не осмелюсь произносить критику. Представленные в альманахе переводы весьма впечатляющие, однако без признанного знатока (имею ввиду Е.Фельдмана) не смею что либо сказать.

Прошлые мои попытки литературного редактирования переводов уместались только в перекладе на классические формы того, что по «словарному» представлялось в очень не приемлемом наборе, немного связанных по смыслу, фраз... Редактировал, (был грех), но только русские тексты после первоначального перевода. Прошу извинить. Мой путь – технический перевод с немецкого, да и то в узкой военной специализации...

А эротико-юмористические переводы из английской народной поэзии Евгения Фельдмана – это НЕЧТО гениальное, скандально-юмористическое, вызывающее восторг и, (ориентируясь на выступления недоброжелателей на презентации альманаха) – очень удачное!!! Большого не скажу, а меньшего – не имею права!

Юмор

Яков БОЛЬШАКОВ

Кирюша – барин

Воспринял эту миниатюру, как один из множества производственных анекдотов на тему парадоксов последних советских времён. Сам после увольнения в запас работал на военном заводе, причём в «руководящем звене» и помню порой неадекватные указания, получаемые относительно соблюдения трудовой дисциплины от партийного руководства. Вспомните сами хотя бы анекдотичную компанию по борьбе с нетрудовыми доходами на государственных предприятиях... В прочитанной миниатюре как раз отражено нечто подобное. Читается с ностальгической улыбкой.

В защиту лысых

Юмореска в духе раннего Жванецкого. Ведь верно: счастлив тот, кто может первым посмеяться над собой. Действительно, ведь никак не исправить, так остаётся смеяться. Именно содержание этой юморески заставляет от души сочувствовать И.Кобзону, который не нашел в себе сил посмотреть в зеркало с улыбкой. Я сам всегда смеюсь, вынимая вставную челюсть. Очень удобно; говоришь жене

утром: «Почисти мне зубы, пока я побреюсь». Давайте смеяться над собой.

Игорь ЕГОРОВ
Жил- был Муржил

При желании и наличии режиссера мог бы получиться мультик с пластилиновыми персонажами и голосом девочки за кадром примерно такой, как «Падал прошлогодний снег».

Александр МАРТ
Интервью

Моё впечатление: пародия-анекдот на многие передачи ТВ, те, что являются «жвачкой», только не «для мозгов», а «помимо мозгов».

Аукцион

Пародия на нынешний «Московский театр абсурда» из ТВ новостей. У Жванецкого было нечто подобное.

Кому как повезёт

Аналогия такова: автор «одушевил» сосульку распространенной человеческой натурой, для которой «сделал гадость – сердцу радость». Смешно.

Прочтите детям

Игорь ЕГОРОВ
Стихи для детей

Вполне может быть использовано в первом и втором классах начальной школы при развивающем обучении. Говорю, как учитель. Жаль, что в Департаменте образования нас не слышат.

Михаил ТКАЧЁВ
Жура

У Экзюпери в «Маленьком принце» есть слова «Мы ответственны за тех, кого мы приручаем». Этот рассказ может

послужить иллюстрацией к фразе, особенно для детей. Рассказ заставляет задуматься.

Альберт ДЕЕВ
Кот-рыболов

Эту «трилогию» можно опять же в школе рекомендовать для последнего класса начальной школы и для классов среднего звена. Детям будет интересно.

Николай МАЦАК
Тимка

Очень добрый рассказ. Учит человечности даже по отношению к птице. Кстати, гусь считается самой умной птицей.



СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВБАКУМОВА-ПАРШИНА Светлана Васильевна родилась в г. Омске. Окончила Омский медицинский институт, институт культуры в г. Улан-Уде (режиссёрский факультет). В настоящее время работает врачом. Автор трёх книг (стихотворных и прозаических). Публиковалась в газетах «Омская правда», «Молодой Сибиряк», «Здоровье», в альманахе «Тарские ворота», в журнале «Иртышъ-Омь» и др. изданиях.

АЛЕКСАНДРОВ Александр Иванович родился и вырос в селе Корсино Колосовского р-на Омской обл. Учился и работал по специальности топограф-геодезист в Новосибирске и Омске. По интересной, романтической, сложной изыскательской работе много ездил по стране и области. В настоящее время живёт в с. Усть-Заостровка Омского р-на Омской обл. Печатался в районных газетах «Вымпел» и «Новый вымпел», в омской газете «Автограф», в журнале «Иртышъ-Омь» (Омск), в сборнике поэтов-колосовцев «Потянулись туманы над Ошею» (в четвёртой части книги «Судьбы без Родины не вижу»). Автор стихотворных книг «Истоки» (Омск, 1993), «Свет далёкой звезды» (Омск, 2006), «Вспомним всё» (Омск, 2010), «Романтика души» (Омск, 2012).

АРЗАМАСЦЕВА Нэлли Алексеевна – преподаватель живописи, мировой художественной культуры, заведующая кафедрой художественно-эстетического образования СОШ №95. Хранитель музея художественного творчества «Омские родники» («Изобразительное искусство», «ДПИ», «Поэт и художник Аркадий Кутилов»). Автор-составитель сборников стихов А.П. Кутилова: «Ромашка», «А в детстве все до мелочей». Редактор художественно-поэтического Альманаха «Чаша» (Омск).

АСТАШКИН Евгений Иванович родился в г. Уральске в 1955 г. Окончил факультет журналистики Алма-Атинского университета. Автор более пятнадцати книг, написанных в разных жанрах. Публиковался в журналах «Нива» (Целиноград), «Литературный Омск», «Иртышъ-Омь» (Омск), во всероссийском еженедельнике «Литературная Россия», международной газете «Интеллигент», альманахах «Истоки» (Москва), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Складчина» (Омск), «Тарские ворота» (Омск), «Чаша» (Омск),

коллективном сборнике «Люблю на разных языках» (Омск, 2007), поэтической антологии омских журналистов «Заря не зря, и я не зря» (Омск, 2010), антологии произведений омских писателей для детей «На солнечной гриве» (Омск, 2011), в трёхтомной антологии омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012), хрестоматии для начальной школы по литературному краеведению «Зарничка» (Омск, 2006) и др. изданиях. Дипломант областного литературного конкурса Министерства культуры и Союза российских писателей «Лучший рассказ XXI века». Член Союза российских писателей. Заместитель главного редактора (литературный редактор) альманаха «Тарские ворота».

БЕКИШЕВ Александр Васильевич родился в 1956 г. в городе Кызыл Тувинской АССР. Окончил исторический факультет Омского государственного университета. Работал преподавателем истории в омских школах и вузах. В настоящее время – частный предприниматель. Печатался в альманахах «Складчина»(Омск), «Тарские ворота»(Омск), журналах «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория»(Омск), газетах «Молодой Сибиряк», «Омский нефтяник», «Омская правда». Участник I региональной конференции «Творческое наследие Аркадия Кутилова».

БЕЛОЗЁРОВ Тимофей Максимович (23 дек. 1929 – 15 фев.1986) родился в с. Камыши Куртамышского р-на Курганской области в многодетной семье. Детство будущего поэта прошло в Старом Карасуке Омской области, где он и окончил школу. Потом работал столяром и железнодорожником. Был учеником художника. С 1948 по 1952 год учёба в Омском речном училище. Первые его стихи были опубликованы в журнале «Алтай» в 1954 г. , а уже в 1957 году выходит сборник «На нашей реке». В 1963 году Тимофей Максимович окончил Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. Его книги выходят в разных книжных издательствах страны. В 1962 г. Белозёрова принимают в Союз писателей СССР. В 60-е годы он работает в редакции детских передач омского телевидения, а впоследствии редактором отдела литературы и искусства. С 1968 г. на литературной работе. Кто встречался с Тимофеем Максимовичем, тот никогда не забудет душевной теплоты, которая исходила от этого человека – таковы и его стихи. При жизни омского классика детской литературы издаётся 57 его книг. Всего же издано 79 книг Белозёрова общим тиражом более 18 млн. экземпляров. Тимофею Максимовичу было присвоено звание заслуженного работника культуры РСФСР, лауреата премии Омского ленинского комсомола. Его именем названа одна из улиц в Омске, есть и детская библиотека имени Тимофея Белозёрова , при которой создан музей, рассказывающий о жизни замечательного поэта. На доме, где он жил (ул. Ч. Валиханова 2),

установлен его горельеф (скульптор Ф. Д. Бугаенко). 24-го мая 2005г. танкеру «Ленанефть 2018» было присвоено новое название «Тимофей Белозёров», а 5-го августа того же года на «Аллее литераторов XX-го века» состоялось торжественное открытие памятного камня нашему знаменитому земляку. Публикация стихов в этом номере альманаха приурочена к 55-летию выхода первой книги Т. Белозёрова «На нашей реке».

БЕРЕЗИНА Лариса Игоревна родилась в г. Омске. Окончила Омский политехнический институт, академию МВД. Работала следователем. Автор поэтических сборников: «Нежность листьев осенних» (Омск, 2005), «Сквозь свет мечты (Омск, 2006), «Запах росы» (Омск, 2006). Публиковалась в коллективных сборниках «Десятое ноября» (Омск, 2005), «Люблю на разных языках» (Омск, 2007) и др., альманахах «Складчина» (Омск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Тарские ворота» (Омск), журналах «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск). Лауреат (второй приз) Всероссийского литературного конкурса МВД «Доброе слово» за цикл рассказов о милиции (2010).

БОГДАНОВ Виктор Всеволодович (р. 1972, г. Омск) – поэт, прозаик, эссеист, публицист, критик. Член Союза российских писателей с 1996 года (принят на I Всероссийском совещании молодых писателей в Ярославле по рукописи прозы, (семинар Михаила Ворфоломеева). Учился на филологических факультетах ОмГУ и ОмГПУ, работал в газетах, занимался керамикой, долгое время жил в деревне. Как писатель формировался, прежде всего, под влиянием литературы модернизма и Серебряного века. Пишет и публикуется с 1988 года. Печатался в журналах «Арион» (Москва), «Вольный лист» (Омск), «День и ночь» (Красноярск), «Журнал литературной критики и словесности» (Москва), «Омская муза», в сборнике «На первом дыхании» (Омск), в альманахах «Голоса Сибири» (Кемерово), «Складчина» (Омск), в Антологии произведений омских писателей «Сегодня и вчера. Том 1.» (Омск, 2005 г.), в Антологии произведений омских писателей «Годовые кольца» Том 2 (Омск, 2012г.), в литературных газетах «Литературная Россия» (Москва), «Очарованный странник» (Ярославль), «Складчина» (Омск) и др. Автор книг «Стихотворения» (Омск, 1993) и «Несколько моих душ. Стихотворения 1993 – 2002» (Омск, 2003). Публиковался в сборнике переводов произведений английских писателей «Поездка в ад» (Омск, 2001). Лауреат областной литературной премии им. Ф. М. Достоевского (2003).

БОЛЬШАКОВ Яков Сергеевич родился в 1947 г. в Тверской области. Окончил Рыбинский авиационный институт. Работал в

конструкторских бюро крупнейших омских предприятий, с 1991 года в системе образования. Публиковался в коллективном сборнике «Разбег» (Верхневолжское изд-во, 1966), журналах «Земля сибирская дальневосточная», «Литературный Омск», альманахе «Тарские ворота» (Омск), антологии произведений омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012) и др. изданиях.

БОРОДЯНСКИЙ Георгий Эмильевич родился в г. Омске в 1959 г. Окончил Омский институт инженеров железнодорожного транспорта, работал инженером, потом занимался издательской деятельностью, журналистикой. Лауреат ряда престижных всероссийских и международных премий в области журналистики. Стихи публиковались в областных газетах, в «Литературной газете», альманахах «Складчина» (Омск), «Тарские ворота» (Омск), журнале «Иртышъ-Омь» (Омск), в коллективном сборнике «Тревога» (Омск, 1992) под редакцией М.П.Малиновского, антологии произведений омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012), поэтической антологии омских журналистов «Заря не зря, и я не зря» (Омск, 2010). Автор поэтических книг «Перемена» (Омск, 1989) и «Хруст переломленной ветки» (Омск, 1991). Член Союза российских писателей. Член Союза журналистов России.

ВАСИЛЕНКО Светлана Владимировна родилась в посёлке Капустин Яр Астраханской области. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького и Высшие сценарные курсы. Автор нескольких книг прозы и стихов, сценариев нескольких художественных фильмов. Лауреат Горьковской литературной премии, премий имени С. Эйзенштейна и В. Набокова. Произведения Светланы Василенко переводились на многие иностранные языки. Первый секретарь Правления Союза российских писателей. Живёт в Москве.

ГАГАРИНА Евгения Николаевна родилась в с. Антоновка Нижнеомского р-на Омской области. Окончила Педагогическое училище №1 в г. Омске и Восточно-Сибирский государственный институт культуры в Улан-Уде. Много лет Евгения Николаевна в библиотеке им А. С. Пушкина в Омске заведовала Пушкинским залом. Является заслуженным работником культуры Российской Федерации. Публиковалась в омских областных газетах, в журналах «Библиография» (Москва), «Иртышъ-Омь» (Омск), редактор-составитель книги «Городской бульвар» (Омск, 1999 г.), автор вступительных статей ко многим сборникам.

ДАРКАЕВ Валерий Александрович родился 7-го октября 1954 года в г. Кемерове, окончил омский автотранспортный техникум, исторический факультет Омского государственного университета. Автор двух поэтических сборников – " Прохолодь"(Омск, 2008), "Ручейный опояс"(Омск, 2009), сборника рассказов "Золотой щучий глаз"(Омск, 2012). Печатался в альманахе "Складчина"(Омск), в литературно-художественных журналах "Литературный Омск", "Преодоление"(Омск), в журнале "День и ночь" г. Красноярска.

ДЕГТЯРЁВ Александр Афанасьевич родился 15 января 1941 года в селе Новотроицк Нижнеомского района Омской области. После окончания средней школы работал в геологоразведке на юге Красноярского края. Три года служил в Советской армии. 35 лет работал в Омском НИИ приборостроения механиком радио и электромеханических приборов. В 1996 г. на Всероссийском совещании молодых писателей в г. Ярославле по результатам обсуждения двух первых книжек в семинаре Владимира Маканина, Олега Павлова и Петра Алешковского был принят в Союз российских писателей. Изданы сборники рассказов: «Лунное затмение» (Омск, 1990), «Житейские заморочки» (Омск, 1992), «Выше крыши» (Омск, 1998), «Зазимок» (Омск, 2005), книга для детей «Любопытный Поршок» (Омск, 1996). Публикации в журналах: «День и ночь» (Красноярск), «Земля Сибирская, дальневосточная» (Омск), «Литра», «Сибирские огни» (Новосибирск), в альманахах «Голоса Сибири» (Кемерово), «Складчина» (Омск), в местных и московских газетах.

ДЕЕВ Альберт Иванович родился в с. Оконешниково Омской области в 1947 г. Окончил ОмСХИ. Публиковался в омских газетах «Огни Сибаки», «Кировец», в коллективных сборниках «И дуют ветры с реки Тишины» (Омск, 2010), «Рассказы для отдыха (на развилках ума)» (Омск, 2012), в альманахе «Тарские ворота» (Омск), журналах «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск).

ДЕКЕЛЬБАУМ Алексей Захарович родился 11 августа 1954 года в г. Омске. В 1976 году окончил Омский политехнический институт по специальности "Криогенная техника". С 1991 по 1995 гг. – учеба на заочном отделении Литературного института им. А. М. Горького (Москва) и работа редактором издательства «Любинский проспект» (до 1994 г.) С 1994 по 1997 год – главный редактор единственной к востоку от Урала юмористической газеты "Сибирик" (Омск). С 1997 по 2001 год – редактор еженедельника «"Московский комсомолец" в Омске. В 1999 году включен в состав экипажа кругосветной экспедиции яхты «Сибирь» (Омск). С 1 мая по 30 сентября 2001 года прошел матросом на «Сибири» от Кубы до Омска. За этот поход получил звание кандидата в мастера спорта по

яхтингу, награжден Почетной грамотой Омской области. С октября 2001 г. по январь 2004 г. – редактор еженедельника «Четверг» (Омск). С января 2004 г. – корреспондент газеты «Вечерний Омск». Публиковался в газетах от Карелии до Южно-Сахалинска, в центральной печати (газеты «Правда», «Век», «Труд» и т. д.), а также в журналах «Сибирские огни», «Крокодил» (Москва), «Чаян» (Казань), в газете «О'кей!» (Сан-Диего, США), в коллективных сборниках и альманахах Омска и Москвы. Авторские бенефисы в журналах «Юность» (Москва, 1992 г.) и «Вокруг смеха» (СПб, 2003 г.). Автор бардовских песен, в том числе и вошедших в компакт-диск «Музыка слов. Песни омских журналистов» (2007 г.). В киносценаристике с 2004 года. 20 сценариев короткометражных фильмов для программы «Судьба на заказ» (ГТРК «Иртыш», Омск). Диалоги к сериалу «Запретная любовь» (кинокомпания Fremantlemedia, 2006 г.). Скетчи для скетч-шоу «Женская лига» (ТНТ), «6 кадров» (СТС), «Даешь молодежь!» (СТС). Два сценария полнометражных кинокомедий «Посторонний фактор» и «Пик Придурков» (в процессе реализации). В 2004 году занесен в энциклопедию «Лучшие люди России». Член Союза российских писателей с 1993 года.

ДЕНИСЕНКО Сергей Павлович родился в 1954 г. в Омске. Журналист, поэт, прозаик, критик, член Союза российских писателей (1996), Союза театральных деятелей России (1989) и Союза журналистов РФ (1996). Публикации с 1977 года: альманахи, журналы, коллективные сборники, антологии Омска, Москвы, С.-Петербурга, др. городов. Редактор и составитель многих книг, антологий, проспектов. Основатель и редактор первого в истории Омска журнала о культуре и искусстве «Омская муза». Неоднократный лауреат региональных и всероссийских журналистских, литературных и песенных конкурсов. Член редакционных коллегий альманаха «Складчина» и журнала «Омская муза», зам. главного редактора журнала «Омск театральный». Награжден медалью «За гуманизм и служение России» (К 100-летию М.А. Шолохова). Автор книг «Подковать Пегаса» (1990), «Попытка улыбнуться» (1994), «Карточный домик» (1999), «Поэтический гороскоп» (2000), «Такая разножанровая жизнь...» (2004), «И это только Вам благодаря!..» (2009) и др. Компакт-диски: «Я пишу к Вам «на Вы»...»: песни и романсы А. Болдырева на стихи С. Денисенко в исп. С. Бородиной (2000); «Аккорд моей судьбы»: песни на стихи Сергея Денисенко (2009).

ДЁМИН Андрей Владимирович родился в 1960 г. в с. Подгорное Томской области. Окончил Омский политехнический институт, служил в армии. Автор книги рассказов «Первое января» (Омск,

2008). Публиковался в коллективных сборниках «Люблю на разных языках» (Омск, 2007), «И дуют ветры с реки Тишины» (Омск, 2010), журналах «Омская Муза», «Пилигрим» (Омск), «Иртышъ-Омь» (Омск) и др., альманахах «Голоса Сибири» (Кемерово), «Тарские ворота» (Омск).

ЕГОРОВ Игорь Владимирович родился в 1951г. в Омске. Окончил Омский политехнический институт, Международную академию менеджмента. Автор ряда книг стихов, прозы, переводов с английского. Публиковался в коллективных сборниках «Тревога» под редакцией М. П. Малиновского (Омск, 1992), «Эхо войны» (Омск, 2005), «Люблю на разных языках» (Омск, 2007), «И дуют ветры с реки Тишины» (Омск), «Рассказы для отдыха (на развилках ума)» (Омск, 2012) и др., антологии омских писателей «Сегодня и вчера» (Омск, 2005), антологии произведений омских писателей для детей «На солнечной гриве» (Омск, 2011), антологии омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012), хрестоматии по литературному краеведению «Зарничка» (Омск, 2006), альманахах «Складчина» (Омск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Тарские ворота» (Омск), «Точка зрения» (Омск), «Чаша» (Омск), Международной литературно-публицистической газете «Интеллигент», журналах «Арион» (Москва), «Капля» (Омск), «Преодоление» (Омск), «Омская Муза», «Пилигрим» (Омск), «Менестрель» (Омск), «Иртышъ-Омь» (Омск) и др. Его стихи со сцены несколько раз звучали в исполнении народной артистки России, лауреата всероссийской театральной премии им. М. И. Царёва Валентины Алексеевны Шершнёвой. Историко-приключенческая повесть «Находка» вошла в программу многих школ Омска и Омской области. Дипломант областного литературного конкурса Министерства культуры и Союза российских писателей «Лучший рассказ XXI века». Член Союза российских писателей. Главный редактор литературно-художественного альманаха «Тарские ворота» и приложения к нему (журнала) «Иртышъ-Омь».

ЕЛИЗАРОВА Наталья Владимировна родилась в Омске. Окончила филологический факультет ОмГУ. Печаталась в журналах «Москва», «День и Ночь» (Красноярск), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Омская Муза», «Звёздный век» (Омск), «Пилигрим» (Омск), «Иртышъ-Омь» (Омск), альманахах «Складчина» (Омск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Тарские ворота» (Омск), «Чаша» (Омск), антологии омских писателей для детей «На солнечной гриве» (Омск, 2011), трёхтомной антологии омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012), коллективных сборниках «На первом дыхании» (Омск, 2004), «Моё имя» (Омск, 2006), «Люблю на разных языках» (Омск, 2007),

«Рассказы для отдыха (на развилках ума)» (Омск, 2012) и др. Автор книг «Завтрак в постель» (Омск, 2004), «Королевство не для принцесс» (Омск, 2006), «Женщина-лисица» (Омск, 2006), «Ушедшие в ночь» (Омск, 2011). Лауреат областной литературной премии им. Ф. М. Достоевского (2004). Член Союза российских писателей. Кандидат исторических наук. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

ЕРЕМЕЕВА Галина Петровна, родилась 02.02.1960 г. В г. Омске, в семье медиков (отец Афанасьев Пётр Алексеевич – врач, мать Афанасьева Елена Георгиевна – фельдшер). Окончила в 1977 г. Школу № 12 г. Омска. Активно участвовала во всех делах школы, класса, отмечена грамотами и памятными подарками за ведение трудового сектора, культурно-массовой работы, успехов в изучении литературы. В 1977 г. поступила в Омский медицинский институт им. М. И. Калинина. За время учёбы участвовала в научной работе, стройотрядах, уборочных. Окончила институт успешно в 1983 г. После окончания института работала врачом в Академгородке и стажёром-исследователем в ВНИИ молекулярной биологии в п. Кольцово Новосибирской области. Вернувшись в 1986 г. в Омск, работала с 1986 – 1990 гг. в Водниковской больнице врачом-биохимиком. С 1990-1996 гг. – участковым терапевтом в МСЧ № 7. С 1996-1999 – участковым терапевтом в Городской поликлинике № 1. С 1999 – 2005 гг. – доверенным врачом в ИНМТ «Стоматология». С 2006 – 2011 гг. – врачом –экспертом в страховых компаниях «Сибирский СПАС» и «УралСиб». В 2000 г. Галина Петровна приняла участие в извлечении «капсулы-послания пионеров 20 века пионерам 21 века», в организации вечеров встреч школьников. За активное участие в жизни гимназии № 19, где учились её дети, многократно была награждена грамотами. В гимназии № 19, других школах, ВУЗах, техникумах, в кадетском корпусе проводила литературные вечера, ставила спектакли с детьми. С 1994 года является членом пушкинского клуба «Надежда». Принимала участие в городских мероприятиях с клубом, пушкинских балах, постановке спектакля Лермонтовского «Демона», который неоднократно прошёл на сценах г. Омска. И потом много лет читался ею и И. Н. Златкиной студентам и школьникам. Её доклады по творчеству А. Ахматовой, В. Шекспира и др. звучали в библиотеке им. Пушкина. За активную работу на поприще культуры имеет 2 грамоты. В 2006 – 2007 гг. занималась общественной работой при Министерстве труда и социального развития в области материнства и детства. 26.09.2006 г. приняла участие в «Первом форуме матерей Сибири» в г. Красноярске; 24.11.2006 г. – в «Форуме матерей Омской области»; 02.03. 2007 г. – в городской семейной Ассамблеи «Крепкая семья – крепка Держава!»; 19.05.2007 г. – в «Пленуме Союза женщин России». В 2004 г. с семьёй приняли участие в конкурсе многодетных

семей, а в 2005 г. – в областном празднике «Встреча трудовых династий». Галина Петровна помогла издать (полностью набрала и оформила) две книги Т.М. Ежовой: «Визиты в прошлое» - в 2009 г. и «Эхо любви» - в 2011 г. В настоящее время работает над изданием третьей книги этого замечательного автора. Она считает такие книги очень нужными школьникам, студентам и всем, кто хочет приобщиться к высокому и светлому, т.к. в этих книгах в стиле новелл, коротко, но очень интересно рассказывается о замечательных людях культуры, науки, литературы. В 2011 г. Галина Петровна, в канун своего 50-летия, выпустила собственную книгу «Что же такое мы» - об Омске и его людях. Она называет эту книгу семейной, в книге можно прочесть много интересного о её семье и о династии врачей в её семье. В планах Галины Петровны – написать о многих замечательных людях Омска, о нашем городе, провести ряд программ по этим темам к 300-летию Омска. Самой высокой оценкой достижений своей семьи считает Грамоту организационного комитета по проведению дня семьи, любви и верности в РФ и медаль, вручённые ей в 2009 г.

ЕСИН Дмитрий Михайлович родился в 1980 г. в Омске. Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков). Работает переводчиком научно-технической литературы. Публикуется впервые.

ЕФИМОВА-ДАШКЕВИЧ Маргарита Геннадьевна родилась на станции Никельтаут Новороссийского р-на Актюбинской обл. Училась в Омском педагогическом институте на художественно-графическом факультете. Публиковалась в альманахе «Тарские ворота» (Омск), в журналах «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск).

КОЗЫРЕВ Андрей Вячеславович родился в 1988 в г. Омске. Автор поэтических книг «Небо над городом» (Омск, 2008), «Мелодия для луны с оркестром» (Омск, 2009), «Терпенье корней» (Омск, 2010). Публиковался в альманахах «Складчина» (Омск), «Тарские ворота» (Омск), «Чаша» (Омск), «Точка зрения» (Омск), журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Пилигрим» (Омск), «Менестрель» (Омск), «Омская Муза», «Литературный Омск», «Иртышъ-Омь», «Вестник Омского университета» и др. омских периодических издания, в трёхтомной антологии омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012), в коллективных сборниках «Откровение» (Омск), «И дуют ветры с реки Тишины» (Омск), «Поют любовь вам ангелы-поэты» (Москва), «Мой любимый город» (Москва). Лауреат поощрительной премии им. Ф. М. Достоевского (2009), областного конкурса им. Павла Васильева (2009). Призёр городского конкурса «Омские

мотивы» (2009). Двукратный лауреат литературного фестиваля «Откровение» (2006 и 2008 гг.). Лауреат всероссийского конкурса «Юность. Наука. Культура» в Обнинске (2003). Трижды удостоен именных губернаторских стипендий Омской области (2002, 2007, 2008 гг.). В настоящее время редактор-составитель альманаха «Точка зрения» и журнала «Менестрель».

КОСИЦЫН Игорь Олегович – родился на Сахалине в 1961 г. Поэт, прозаик, драматург. Автор нескольких книг стихов, пьес. Много лет посвятил издательской деятельности. Печатался в коллективном сборнике рассказов «Тревога» под редакцией М. П. Малиновского, в журнале «Иртышъ-Омь» (Омск) и другой омской периодике. Его стихи звучали в поэтической композиции ансамбля «Экспромт» в исполнении мастера художественного слова Елены Чередовой в музее К. П. Белова. Его пьесы (написанные в соавторстве с Татьяной Чертовой) в постановке народного артиста России Валерия Алексеева с успехом шли на омских сценах.

КРОФТС Наталья родилась в г. Херсоне, окончила МГУ им. Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия), по образованию филолог-классик. Поэт, переводчик, автор книг «На маскараде душ» и «Осколки», автор журнальных публикаций («Юность», «Слово/Word», «Австралийская мозаика» и др). Живёт в г. Сидней (Австралия). Главный редактор газеты «Интеллигент» – СПб.

КУДРЯВСКАЯ Галина Борисовна родилась в городе Исилькуль Омской области в семье служащего и крестьянки, окончила Исилькульскую среднюю школу и Омский медицинский институт. Автор стихотворных сборников: «Чистый свет» (1987), «Терпение» (1991), «Предстояние» (1996), «Печаль моя, заступница...» (2004), «Свет осени» (2005); сборника стихов и прозы «Аз есмь» (2000) и двух прозаических книг: «Варварин дом» (2004) и «Сияние дня» (2007). Лауреат Премии Администрации Омской области им. Л. Н. Мартынова. Публиковалась в журналах и альманахах: «Арион» (Москва), «Дети Ра» (Москва), «День и ночь» (Красноярск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Земля Сибирь» (Новосибирск), «Литературный Омск» (Омск), «Москва» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Складчина» (Омск), «Семья и школа» (Москва), «Флорида» (США), «Хозяин» (Москва). В коллективных сборниках: «Паруса» (1986), «Омская зима» (1987), «Эхо войны» (2005), «Формула времени» (2005). В антологии Омских писателей «Сегодня и вчера» (2005), в антологии произведений омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012). Член Союза российских писателей.

КУЗИН Михаил Владимирович родился 1 августа 1963 года. Окончил филологический факультет Омского государственного педагогического университета им. А.М. Горького. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий в Чеченской республике. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством», медалью «За отвагу», медалью «За отличие в охране общественного порядка» и др. Член Союза журналистов России. Десять лет являлся бессменным автором и ведущим телевизионной программы «Территория Закона» ГТРК «Иртыш». С 1994 по 2009 гг. – сотрудник Пресс-службы областного Управления внутренних дел. Лауреат третьего областного праздника прессы в номинации «Закон и правопорядок». Стихи публиковались в газетах «Призыв», «Вечерний Омск», «Молодой сибиряк», альманахе «Складчина» (Омск), журнале «Иртыш-Омь» (Омск), коллективных сборниках: «Очарованный странник» (г. Ярославль), «Традициям верны», «Заря не зря, и я не зря!..». Автор поэтического сборника «Вспомни хорошее» (Омск, 1992 г.), сборника документальной прозы «Я сюда ещё вернусь...» (Омск, 2011). Участник первого Всероссийского совещания молодых писателей в городе Ярославле (1996 г.). Член Союза российских писателей.

КУЗЬМИНА Татьяна Ивановна родилась в 1982 г. Живёт и работает в г. Пушкино Московской обл. Преподаватель, кандидат психологических наук.

КУТИЛОВ Аркадий (Адий) Павлович (один из ярчайших российских поэтов XX-го века) (1940–1985) родился 30 мая в Иркутской области, в таёжной деревне Рысьи. Детство и юность его прошли в живописном уголке Сибири, на родине матери Марии Васильевны, селе Бражниково Колосовского района Омской области. Потом была служба в армии, затем работа в районных газетах, жизнь бездомного человека. Судьба поэта в Омске оказалась сложной и трагической. Только после его гибели, через пять лет, вышла его первая книга «Провинциальная пристань» (Омское книжное издательство), и затем в 1998 г. более полное издание его произведений «Скелет звезды» (тоже в Омском книжном издательстве), и то и другое издания явились для читателя настоящим откровением. Много сделал для сохранения его литературного наследия талантливый писатель Геннадий Великосельский. По сути дела это был его жизненный подвиг. В 2010 г. был открыт памятный камень Аркадию Кутилову и Геннадию Великосельскому на аллее литераторов в Омске. В Омской области существуют уже два музея Аркадия Кутилова. Действует литературная студия его имени (руководитель Андрей Козырев). Стихи поэта вошли в знаменитую

книгу «Строфы XX-го века» (редактор-составитель Евгений Евтушенко).

ЛАВРЕНЮК Сергей Иванович родился в Омске в 1958 году. Окончил Омский политехнический институт. Публиковался в альманахе «Тарские ворота» (Омск).

ЛАЙДИНЕН Наталья Валерьевна - поэтесса, прозаик, журналист. Родилась в Петрозаводске. Окончила Московский государственный институт международных отношений, факультет международной информации. Кандидат социологических наук. В настоящее время живёт в Москве. Регулярно публикует поэтические подборки в российских и зарубежных СМИ. Член Московской организации Союза писателей России с 2004 года. Стихи Натальи Лайдинен переведены на несколько европейских языков, были опубликованы в сборниках и альманахах в разных уголках России и в других странах.

ЛЕБЕДЕВА Дина Григорьевна родилась и живёт в республике Карелия – чудесном крае, воспетом не одним поэтом. Голубые озёра (ламбушки), высокие корабельные сосны, замшелые скалы, красота и уникальность северного приладожья не могли не отразиться в её творчестве. Она очень благодарна своим родителям, привившим ей любовь к малой родине. Стихи начала писать ещё в школе. С появлением интернета открыла свою страничку на сайте snihi.ru. В настоящее время живёт в столице Карелии г. Петрозаводске. Входит в редакторский состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент».

ЛЕКСУТОВ Сергей Владимирович (1952–2011) родился в совхозе Тракторный Жирновского р-на Саратовской области. Окончил Томский государственный университет. Работал преподавателем, инженером. Публиковался в коллективном сборнике «Тревога» (Омск, 1992) под редакцией М. П. Малиновского, в антологии произведений омских писателей «Сегодня и вчера» (Омск, 2005), в антологии произведений омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012), в альманахах «Складчина» (Омск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Тарские ворота» (Омск), в журнале «День и Ночь» (Красноярск), в интернет-источниках. Автор повести «Не ловите барса за хвост» (Омск, 1992). Член Союза российских писателей.

ЛЕОНОВ Борис Фёдорович (1900–1977) – биография Бориса Фёдоровича хорошо отражена в «Необходимом предисловии» к его «Миниатюрам» в разделе «Публикации».

ЛЬВОВА Тамара (Милена) Александровна родилась в селе Ермак Нововаршавского района Омской области. Окончила медицинский колледж. Первые стихи написала в 10-летнем возрасте. Поэзия пришла сверхчувством, обособленно, осозналось неким иным, более смелым, более откровенным миром, где душа нашла своё право быть искренней в стихах. С 1998 года член Московского литературного объединения «Вишняки». Её произведения публиковались в московском журнале «Литклуб», в журнале «Иртышъ-Омь» (Омск), и ряде поэтических сборников, таких как «Перовские страницы» (Москва), «Твой мир велик и многолик...» (г. Ханты-Мансийск), «Няганские родники» (г. Нягань). В 2004 году увидел свет её первый сборник стихов «Серебряные кружева». В феврале 2007 года был опубликован московский сборник 4-х авторов «Странствия» – в сборнике появились две поэтические работы: тексты песен к пьесе Э. Ростана «Шантеклер», и «Космогония». А в августе 2007 года вышла в свет вторая книга писателя «Дневники поэта». В этой книге проза и поэзия слились воедино, где чувство и мысль переплавились в яркое «литературное произведение». В июне 2008 года вышла в свет «Книга Ноэля» – где Тамара Львова поэтизированным языком передаёт миру свои исследования в Ангелологии, в виде апокрифа и огненных лад. В 2010 году появился сборник миниатюр и стихов «Осмысления».

МАЛИНОВСКИЙ Михаил Петрович (1933–2010) родился в Томской области. Учился в железнодорожном техникуме и в Московском военном институте иностранных языков. Работал журналистом в районной газете, электриком на Норильском металлургическом комбинате, литературным консультантом в редакции «Молодого сибиряка» и в Омской областной организации Союза писателей РСФСР. Автор нескольких прозаических книг, выходивших в Новосибирске, Москве и Омске. Член Союза писателей СССР и Союза российских писателей. Входил в редколлегию альманаха «Складчина» (Омск).

МАЦАК Николай Александрович родился в 1950 году в Омске. Окончил Омский политехнический институт. Работает заместителем директора ООО НТК «Криогенная техника». Автор сборника «Рассказы» (Омск, 2006). Публиковался в коллективных сборниках «И дуют ветры с реки Тишины» (Омск, 2010), «Рассказы для отдыха (на развилках ума)» (Омск, 2012), в альманахах «Складчина» (Омск), «Тарские ворота» (Омск), журналах «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск) и другой омской периодике, его рассказ «Тимка» был отмечен на Всероссийском литературном конкурсе им. А. П. Чехова (2010 г.). Автор рассказа вошёл в один список номинантов вместе с Василием Аксёновым.

МИЛЯЕВА Эльвира Францевна родилась в городе Данилове Ярославской области. После окончания Саратовского юридического института до выхода на пенсию работала следователем милиции. Автор поэтических сборников «Невозвратимый вальс» (Омск, 2005), «Память волны» (Омск, 2009). Стихи публиковались в журналах «Омская Муза», «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск), в альманахах «Складчина» (Омск), «Голоса Сибири» (Кемерово), в коллективных сборниках «10-е ноября» (Омск, 2005), «Странствия любви» (Омск, 2007), «И дуют ветры с реки Тишины» (Омск, 2010). Лауреат премии МВД за 2012 г. в номинации «Поэзия».

МИРОНОВА (ЗЛОТИНА) Елена Николаевна (1936, пос. Фабричный Новгородской области – 1994, Омск). Окончила отделение журналистики Ленинградского университета. Много лет проработала в редакциях газет «Омская правда», «Вечерний Омск». Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Печатала стихи и статьи в журналах и коллективных сборниках, известна также как театральный критик, член Союза театральных деятелей РФ. Автор поэтических книг «Слушайте музыку стоя» (Новосибирск, 1966), «Просторы тишины» (Омск, 1990), «Творите праздники души» (Омск, 1994), «А может быть, счастье...» (Омск, 1999). На доме (по адресу Бульварная 3), где Елена Николаевна прожила тридцать лет, 23-го августа 2012 г. состоялось торжественное открытие мемориальной доски её памяти как выдающемуся деятелю культуры и искусства.

МИСТ Анастасия Алексеевна родилась в городе Омске и в возрасте 5 лет сочинила свой первый стих. Стиль можно определить, как японское трехстишие хокку: «На дворе зима уже. Воробьи смеются. Прыгает и прыгает толстый воробей». Однако петь Анастасия начала значительно раньше, в возрасте 3-х лет, чем и занимается по сей день. Поёт в своей группе, работающей в стиле «полу-акустический аскет джаз». Первые литературные публикации состоялись в молодежных газетах «Мальчишки и Девчонки» и «Класс!».

НЕВАРДОВСКИЙ Александр Геннадьевич родился 2 февраля 1953 года в селе Пятилетка Омского района Омской области. После окончания Лузинской средней школы поступил на геолого-географический факультет Томского университета, в котором проучился два курса, но оставил после себя память, написав «Геологическую песню» («Сто тысяч раз судьбу свою кляня...»), которую до сих пор поют в компаниях подвыпившие геологи. Затем была служба в армии в солнечном Тбилиси. Потом учеба на филологическом факультете Омского госуниверситета, после

окончания которого в 1980 году получил распределение в газету «Призыв» Омского района. В дальнейшем работал в различных изданиях в городе Омске. В 1992 году в составе экспедиции географического журнала «Витус» побывал на Командорских островах. О чём была написана серия очерков. В 1994 году был принят на работу в газету «Криминал-Экспресс», параллельно работал спортивным обозревателем в Омской правде». В настоящее время является соучредителем газеты «Криминал-Экспресс», которая с недавних пор выходит как независимое издание.

«Дежа вю» – первый крупный литературный опыт автора.

ОВЧИННИКОВА Ольга – одна из молодых авторов Казани. В 2009 году окончила Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

Победитель Всероссийского литературного конкурса «Ступени» за сборник стихотворений в номинации «Произведения для детей младшего школьного возраста». Имеет Диплом Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Сказка», Диплом Пушкинского молодёжного фестиваля искусств «С веком наравне». Участница III-го Форума молодых писателей России и II-го Слёта молодых писателей России «Дети Солнца». По результатам Независимой литературной премии «Дебют» вошла в список «Сто лучших молодых авторов: гражданство – русский язык». Стипендиат Министерства культуры России.

У Ольги более сотни публикаций в различных газетах, журналах, коллективных сборниках: «Цветные сны», «Мы – дети Солнца!», «Поэзия юных», «День улыбки», «Как время катится в Казани золотое...», «Современники», «Rara Avis», «Homo Ornitus», «Белая Ворона», «Галактика любви», «Иероглиф жизнь» и др.

В 2005 году в Казани в издательстве «Зонтик» вышла её первая книга стихов для детей «Синий лев, золотая лошадка», в 2008 году – книга сказок «Мир для Лапкина».

ОМСКИЙ Вячеслав (БАРЫБОВ Вячеслав Васильевич), родился в 1942 году. Образование высшее медицинское и высшее юридическое. Учился в Омске, Тбилиси, Ленинграде, Москве. Ветеран МВД. Некоторое время проживал в Вашингтоне (DC), США. Печатался в журналах: «Острова» (Нью-Йорк), «Бег» (Санкт-Петербург), «Интеллигент» (Москва), «Литературный меридиан» (Арсеньев), «Виктория» (Омск), «Я такая» (Омск), в альманахах: «Витражи» (Мельбурн), «Праздник Парнас» (Прага), «Саксагань» (Кривой Рог), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Росток» (Красноярск), «Чаша» (Омск), «Точка зрения» (Омск), «Иртыш – Омь» (Омск), в многочисленных газетных изданиях. Автор трёх книг:

«Из века в век» (2007 г.), «Поэт» (2008 г.), «Капли» (2010 г.). В настоящее время заместитель главного редактора медийной группы «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, Нью-Йорк), соредактор альманаха «Чаша» (Омск), член редакционного совета альманаха «Тарские ворота» (Омск). Имеет правительственные награды. Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (2012 г.).

ПАЛИЙ Анна Абрамовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Омского Государственного педагогического университета (ОмГПУ). Окончила факультет иностранных языков ОмГПУ. Диссертация, монография, статьи и пособия посвящены жанровым и стилистическим аспектам творчества английских и американских авторов (У.С. Моэма, Дж. Остин, Т. Гарди, Г.К. Честертон, О. Хаксли, Дж. Фаулза, Энн Бронте, Ю. О'Нила, Т. Драйзера, С. Фитсджеральда), публиковалась в сборниках научных трудов вузов Омска, Екатеринбурга, Магнитогорска, Каунаса, Вильнюса, Москвы, Санкт-Петербурга.

ПАШКОВ Сергей Львович (г. Москва) – издатель, художник, публицист. Занимается формированием научного представления космогонии, как писаний народов мира (предания, мифология, легенды). Получил в составе авторской группы три международных сертификата Академии Естественных Наук России, Института Интеллектуальной Собственности Р. Ф., Российского Общества Оценщиков. (Программа по использованию экспозиционных субъектов Р. Ф. в качестве носителей информации, так же была признана ноу-хау). За время своей издательской деятельности даже полностью выпускал авторские альманахи «Лепесток Розы Мира» и газеты «Отражение», «Мир Загадок и Открытий». Оригинальный художественный стиль картин Сергея Пашкова несёт в себе огромную ассоциативную информацию. Картины могут сопровождаться толкованиями или такими же ёмкими ассоциативными текстами, что вызывает интерес к этому амплу творчества. Кроме авторской художественной выставки, работы Сергея Львовича публикуются в Российских и зарубежных журналах. Кроме картин он пишет прозу, стихи, пробовал себя в переводе с болгарского языка. Является одним из основных учредителей международного издания «Провинциальный Интеллигент 1». На данный момент как учредитель активно занимается продвижением медийной группы международных изданий «Интеллигент» (г. Москва), «Интеллигент» (г. Санкт-Петербург), «Интеллигент» (г. Нью-Йорк, США). За данный проект удостоен «Золотого Пера Руси» в 2011 году в номинации – Коммуникации.

ПОВАРЦОВ Сергей Николаевич родился в 1944 г. в Омске. Окончил Омский педагогический институт. В течение многих лет

преподавал в нём, а затем – в Омском классическом университете. Автор книг о Леониде Мартынове, Исааке Бабеле, сборников очерков «Омская стрелка» и «Всё прошлое с нами», посвящённых сибирской интеллигенции. Печатался во многих московских и сибирских журналах, в альманахах «Складчина» (Омск), «Тарские ворота» (Омск). Кандидат филологических наук. Член Союза российских писателей. Живёт в Краснодаре.

ПОЖАРИЦКАЯ Ирина Осиповна родилась в г. Омске. Окончила филологическое отделение Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского. В журналистике с 1998 года. Работала журналистом в московском еженедельнике «Алфавит», газетах «Московский комсомолец», «Сибирский тракт», «Омский гурман», «Четверг», «Вечерний Омск», обозревателем – в журналах «Недвижимость», «Омские новостройки». Являлась редактором журнала «Элитная недвижимость» (Издательский Дом «Премьер»). В настоящее время живёт в Болгарии. В 1994 году выпустила книгу стихов «Лю» (Омск, 1994 г.) в собственном оформлении. Печаталась в омских альманахах «Складчина» (Омск), в московском журнале поэзии «Арион», в журнале «Иртыш-Омь» (Омск), в сборнике «Стихи мои, грехи мои святые» издательства «Аркор» (Омск, 2001 г.). В область интересов Ирины входит и работа над прозаическими произведениями. Её рассказ «Что тебе больше нравится?» был отмечен Дипломом в конкурсе на лучший рассказ, проводившемся Министерством культуры Омской области и Омским отделением Союза российских писателей (2006 г.).

ПРИХОДЬКО Галина Борисовна родилась в Омске. Окончила Омский Государственный педагогический институт им. А. М. Горького. Публиковалась в коллективном сборнике переводов произведений английских писателей «Поездка в ад» (Омск, 2001), в альманахе «Тарские ворота» (Омск) и другой омской периодике. В настоящее время преподаёт английский язык в Омском автотранспортном колледже.

РАДЗИЕВСКИЙ Станислав Эдуардович. Родился в Омске в 1957 г. Окончив Севастопольское высшее военно-морское училище, служил на Севере. После аварии вынужден был оставить службу. Работает в Омске учителем. Стихи печатались в сборнике «Родина...Память...Победа...» (Омск, 2010), в периодике, журналах «Омская Муза», «Омск театральный», «Пилигрим» (Омск), «Иртыш-Омь» (Омск) и др., альманахах «Складчина» (Омск), «Голоса Сибири» (Кемерово), «Тарские ворота» (Омск). Победитель Всероссийского и регионального конкурсов «Династия учителей», «Первое сентября».

САЛАХУТДИНОВ Олег Равильевич родился в 1960 г. в Омске. Окончил Омский медицинский институт. Работает врачом. Пишет стихи и прозу. Печатался в журналах «День и Ночь» (Красноярск), «Иртышъ-Омь» (Омск), в местной периодике.

САВИЦКАЯ Светлана Васильевна, живёт в Москве. Писатель. Художник. Бард. Продюсер. Член Союза писателей России. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2000 год). Кавалер ордена «Трудовая доблесть России» (2010 г.)

СЕКЕРИНА Анна Владимировна родилась в Омске. Окончила профессионально-техническое училище по специальности «Вышивание». Печаталась в журналах «Вольный лист» (Омск), «Иртышъ-Омь» (Омск).

СИЗОВ Сергей Григорьевич (род. 25.08.1963 в г. Куйбышеве, (ныне – Самара) – доктор исторических наук (2004), доцент (1996). Почётный работник высшего профессионального образования (2012). В 1985 г. с отличием окончил ист. ф-т Омского гос. ун-та. В 1985 – 1987 преподаватель СибАДИ. В 1987–1990 – аспирант каф. социально-политических теорий МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1991 г. там же защитил кандидат. диссертацию на тему: «Развитие массовых демократических движений в Великобритании в 1980-е гг. (экологическое и антивоенное движения)». В 1991–1998 трудился ст. преподавателем, доц. каф. политологии СибАДИ. В 1998–2001 обучался в докторантуре каф. отечественной истории ОмГТУ. С 2002 г. – проф. каф. политологии СибАДИ. В 2004 защитил докт. диссертацию по теме: «Региональные органы ВКП(б) — КПСС и интеллигенция Западной Сибири в 1946 – 1964 гг.». Защита состоялась в Российской академии гос. службы при Президенте Российской Федерации. В 2005 – 2010 завкафедрой политологии СибАДИ, а с 2010 по наст. время - завкафедрой отечественной истории и политологии в том же вузе. С 2006 ведёт спецкурсы «Локальные войны и военные конфликты», «Глобалистика» в ОмГУ им. Ф.М. Достоевского. Основные исследования по истории взаимоотношений власти и интеллигенции, история повседневности Омска XX столетия, истории инакомыслия и политических репрессий в Западной Сибири. Награждён Почётной грамотой Министерства образования и науки РФ (2006). Член авторских коллективов, подготовивших издания: «Очерки истории г. Омска Т. 2. Омск. XX век» (2005), «Историческая энциклопедия Сибири» (Новосибирск, 2008), «Энциклопедия Омской области» (2010), «Энциклопедия города Омска» (2010-2011). Общее количество публикаций - 180. Соч.: Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–1964 гг. (На материалах Западной Сибири): Монография. В 2-х ч. Ч. 1. «Поздний

сталинизм» (1946 – март 1953 гг.). – Ч. 2. «Оттепель» (Март 1953–1964 гг.). – Омск, 2001; Омск в годы «оттепели»: Жизнь города в контексте эпохи (Март 1953–1964 гг.): Учеб. пособие. – Омск, 2003; «Двадцатый век – не для камина»: Историческая реконструкция судьбы репрессированного литератора Бориса Леонова: монография. – Омск, 2008. Омск в годы послевоенного сталинизма (1945–март 1953). Омск, 2012. *Лит.*: История интеллигенции России в биографиях её исследователей: Опыт энциклопедического словаря. – Екатеринбург, 2002. – С. 165–166.

СОСНИН Иван Александрович родился в г. Тюкалинске 29 июня 1975. В три года с матерью и старшим братом уехал на Кавказ, в г. Тбилиси. Детство прошло в военном городке, в атмосфере обыденной героики, вобравшей в себя встречи с «афганцами», лётчиками, солдатами, охранявшими жителей от разгула грузинских сепаратистов. В июне 1989 вынужденно вернулся в Омскую область, окончил среднюю школу, поступил в сельхозтехникум, но через полгода забрал документы. С 1994 по 1996 гг. служил в ракетных войсках стратегического назначения. После армии переехал в г. Омск, женился, освоил несколько профессий, необходимых для выживания в условиях рынка. В настоящее время воспитывает двоих сыновей, работает в структуре МЧС. В 2004 году вышла первая публикация в коллективном сборнике «На первом дыхании», через год – в журнале «Омск» и сборнике «Моё имя». Печатался в журналах «Пилигрим» (Омск, 2009), «Иртышъ-Омь» (Омск, 2012), «День и Ночь» (Красноярск, 2000), в международной литературно-публицистической газете «Интеллигент».

СОСНОВ Дмитрий Павлович. Родился в 1973 году в Омске. Окончил среднюю школу № 62 в 1991 году, в 1996 году – юридический факультет имени Ф.М.Достоевского, где работал юрисконсультom в 1996-2002 годах. Дипломант федерального фестиваля «Культурные герои 21 века»(1999). В 1994–2011 годах – литературный консультант газеты «Омский университет». В 2007–2010 – редактор-организатор литературно-художественного журнала ОмГУ «Пилигрим». Выпустил пять книг стихов: «Время земного преображения» (Омск, 1999), «Горизонты души» (Омск, 2004), «Ожидание встречи»(Омск, 2000), «Гравитация любви» (Омск, 2004), «Восхождение»(Омск, 2010).В настоящее время является менеджером по связям с общественностью литературных проектов «Тарские ворота» и «Иртышъ-Омь».

ТКАЧЁВ Михаил Михайлович родился в 1918 г. в селе Кругло-Озёрном Убинского р-на Новосибирской области. По профессии врач.

Окончил Омский медицинский институт. Более пятидесяти лет проработал в медицине. Участник Великой Отечественной войны. Несколько раз был ранен и контужен. Имеет восемнадцать правительственных наград, в том числе Орден Великой Отечественной войны, медали «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина». Как художник участвовал в шести зональных выставках произведений художников. В 1985 г. получил диплом Всесоюзного общества художников. Многие свои работы подарил городу. Пишет рассказы и мемуарную прозу. Публиковался в альманахе «Тарские ворота» (Омск), журналах «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск).

ТЛЕНЧИНОВА Балхия Сергеевна. Родилась в Омске. Окончила Омский Государственный педагогический институт им. А. М. Горького. Работает учителем в школе. Публиковалась в альманахе «Складчина» (Омск), в журнале «Иртышъ-Омь» (Омск) и др. омской периодике. Автор поэтического сборника «Крошки» (Москва-Омск, «Изд-во «Восточный ветер», 1998 г.) Лауреат поэтического конкурса, проводимого журналом «Молодая гвардия» (Москва).

ТРИГОЛОС Александра Автономовна родилась на Сахалине (родители Автоном Сидорович и Екатерина Ефимовна Тихоновы). В семье уже росли три дочери, Людмила, Наталья и Валентина. Четвертым ребенком ждали сына, и имя ему было дано Александр. Но родилась девочка. Её рождение родители приняли как рождение любимого ребёнка, и зазвучало женское имя «Александра». После Сахалина семья жила в Якутии, северном Казахстане, а потом на Родине отца, в Литве. Жили на хуторе «Альбертаво», в большом доме, где раздавались голоса уже девятерых детей, шести девочек и трёх мальчиков. Хуторская природа, среди которой выросла Александра, на всю жизнь заложила в её душу частичку прекрасного через созерцание божественного в живой природе. В Литве вышла замуж за лейтенанта Дмитрия Александровича Триголос. В 1993 году его дивизию вывели в Омск. Семье военнослужащего приходилось уезжать из Омска и опять возвращаться. Всё творчество Александры судьбой связано с Омском. Первые картины, первые стихи, первые рассказы, всё отсюда. У неё трое детей, сыновья Александр и Анатолий и дочь Мария, которая родилась гораздо позже сыновей. С её рождением открылись новые страницы творческой жизни автора. Они обе учащиеся: дочка учится в гимназии, а Александра Автономовна на 5-ом курсе в ОмГУ на режиссёрском отделении. Впереди сценарии для театров и кино и переезд в Волгоград, который был запланирован ею и её мужем. Александра Автономовна публиковалась в журналах «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск) и другой омской периодике.

УДАЛОВ Роберт Михайлович родился 8 августа 1930 года в небольшой сибирской деревеньке с мирным и покорным названием Тиханиха Омской, а по теперешнему делению – Тюменской области. Имя сыну дали родители в честь крестьянского поэта Шотландии – Роберта Бернса, писавшего великолепные стихи о любви. Роберт Михайлович окончил филологический факультет Омского педагогического института и аспирантуру при Академии педагогических наук. Печатался в московских и сибирских альманахах. Выпустил несколько книг для детей и три о ставшем родным Омске: «Сказания о славном городе Омске» (2005), «Мой Омск» (2008) и «Осколок России» (2010). Лауреат премии Министерства культуры Омска на лучший рассказ. Член Союза российских писателей.

ФЕЛЬДМАН Евгений Давыдович родился в 1949 г. в Омске. Окончил факультет иностранных языков, исторический факультет Омского государственного педагогического института. Много лет работает в области художественного, в основном поэтического перевода. Публиковался в книге «Семь веков английской поэзии» (Москва), в антологии омских писателей «Сегодня и вчера» (Омск, 2005), в антологии произведений омских писателей для детей «На солнечной гриве» (Омск, 2011), в антологии произведений омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012), во многих крупнейших академических изданиях английских авторов в качестве поэта-переводчика. Автор перевода романов Рафаэля Сабатини «Пасынок фортуны» (Омск, 1992), Ричарда Блэкмора «Лорна Дун» (Омск, 1993). Лауреат Международной литературной премии им. И. А. Бунина в номинации «Поэтические переводы» (2010). Член Союза российских писателей. Член Союза переводчиков России.

ЦОЙ Владислав Станиславович родился 18-го августа 1974 года в городе Балхаше Жезказганской области Казахской ССР. Окончил Балхашский горно-металлургический техникум по специальности «Строительство гражданских зданий и сооружений». Работал в строительных компаниях. С восемнадцати лет начал писать стихи, позже и прозу. В 1997 г. переехал в Омск. В 2001-м году впервые было напечатано его стихотворение в альманахе «Афганистан-Чечня». Публиковался в газете Телевизионного завода «Заводская Трибуна», в журналах «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск), в альманахах «Поют любовь вам ангелы поэты» (Москва), «Был в Сибири поэт!..» (Омск) под редакцией Н.А. Арзамасцевой, «Чаша» (Омск) под её же редакцией, в коллективном сборнике «Вдохновение» (Омск, 2011).

ШЕЛЛЕНБЕРГ Вероника Владимировна (1972 г.р., Омск) окончила литературный институт им А. М. Горького. Лауреат ежегодной областной литературной молодежной премии им. Ф. М. Достоевского (Омск, 1998). Дипломант Всероссийского литературного конкурса им. В. П. Астафьева (2006). Лауреат городского поэтического конкурса профессиональных авторов «Омские мотивы» (2008, 2010). Лауреат премии Губернатора Омской области за заслуги в развитии культуры и искусства им. Л. Н. Мартынова (2011).

Публиковалась в журналах и альманахах: «Арион», «День и ночь», «Дети Ра», «Сибирские Афины», «Сибирские огни», «Омская муза», «Иркутское время», «Складчина», «Голоса Сибири», «Стороны света», «Литературный Омск», «Урал», «Лоза», «Сияние лиры», «Москва», «Огни Кузбасса», «Под часами» и др.

В антологиях: современной омской литературы «Сегодня и вчера» (Омск, 2005), стихотворений омских журналистов «Заря не зря, и я не зря!..» (Омск, 2009-2010), современной русской поэзии и прозы «Лёд и пламень» (Москва, 2009), произведений омских писателей для детей «На солнечной гриве» (Омск, 2011), «Поэты «Сибирских огней. XXI век» (Новосибирск, 2011), произведений омских писателей «Годовые кольца» (Омск, 2012).

Автор семи стихотворных сборников, том числе «Полосатая корова» (стихи для детей, 2009), «Сны на склоне вулкана» (в серии «Библиотека омской лирики»; Омск, 2009). Автор публицистических книг: «От истоков...» (Омск, 2003), «Вчера... Сегодня... Завтра...» Омский институт (филиал) РГТЭУ. 50 лет» (Омск, 2011).

Член редколлегии альманахов «Складчина», «День и ночь» и журнала «Омская муза». Член Союза российских писателей.

ЭШМЕТОВ Андрей Владимирович родился 9 мая 1966 года в селе Усть-Ишим Омской области.

В 1991 году окончил факультет иностранных языков Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный лингвистический университет).

С 1990 года работает учителем английского языка средней школы.

С 1991 года живёт в селе Сосновское Таврического района Омской обл. и преподаёт английский язык в Сосновской средней школе. Печатался в журнале «Иртыш-Омь» (Омск) и др. омских изданиях. Автор книги прозы «Серым утром крик печальный» (ООО «Газетный двор», р. п. Таврическое, 2007 г.). В 2011 г. награждён дипломом в литературном районном конкурсе на премию им. К. А. Рябина (в номинации «Проза»).

ЮРТАЕВА Ирина (псевдоним, настоящее имя не раскрывается) – родилась в Омске, училась в Омском институте культуры. Печаталась в журналах «Иртышъ-Омь» (Омск), «Виктория» (Омск), в московском альманахе «Поют любовь вам ангелы-поэты», автор книги стихов «Умри – воскресни» (Омск, 2005).

ЯНЧЕВ Владимир Александрович родился в 1953 г. Учился на филологическом факультете Иркутского педагогического института. Окончил исторический факультет этого же института. Переменил великое множество профессий (по словам автора 38), был и санитаром в психо-неврологическом диспансере, и преподавателем в колонии для малолетних преступниц, и столяром, и маляром, и библиотекарем, и поваром, и ветеринарным врачом и т.д. Судьба так распорядилась, что стал жить в Омске. В нашем городе он организовал первый в стране клуб по интересам, за что был награждён почётной грамотой за подписью самого генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачёва. Стихи сочинял уже в раннем детстве, как только начал говорить. Печатался в коллективном сборнике «Рассказы для отдыха (на развилках ума)» (Омск, 2012), во многих (в основном юмористических) изданиях России, ближнего и дальнего зарубежья. Переписывался с Вениамином Кавериным.

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю.....	3
-----------------------	---

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Светлана ВАСИЛЕНКО. Проза в столбик. <i>Стихи</i>	5
Галина КУДРЯВСКАЯ. Варварин дом. <i>Рассказ</i>	7
Сергей ПОВАРЦОВ. Признание. <i>Стихи</i>	25
Александр ДЕГТЯРЁВ. Приёмыш. Паломник. <i>Рассказы</i>	28
Светлана САВИЦКАЯ. Двойное сердцебиение. <i>Стихи</i>	31
Наталья ЕЛИЗАРОВА. Неприметная. <i>Сказка</i>	34
Сергей ДЕНИСЕНКО. И давит на плечи речь, в которой так много рифм... (<i>Пять песен разножанровых</i>).....	39
Евгений АСТАШКИН. Отдача. <i>Повесть</i>	43
Эльвира МИЛЯЕВА. Это бессмертное слово «люблю»!.. <i>Стихи</i> .	125
Александр НЕВАРДОВСКИЙ. Дежа вю. <i>Детектив в жанре «фэнтези»</i>	127
Михаил КУЗИН. Пластилиновое лицо. <i>Поэма</i>	148
Валерий ДАРКАЕВ. Карасик. Кресты. Цыганка. <i>Рассказы</i>	163
Тамара ЛЬВОВА. Из цикла «Сестра милосердия». <i>Стихи</i>	167
Олег САЛАХУТДИНОВ. Анабасис. <i>Повесть</i> (1 – 4 гл.).....	170
Ирина ПОЖАРИЦКАЯ. Глядя на картину Хуана Миро. <i>Стихи из Питера</i>	192
Виктор БОГДАНОВ. Дикое существо. Домовой. <i>Рассказы</i>	197
Ирина ЮРТАЕВА. Хотелось бы жизни другой. <i>Стихи</i>	200
Андрей ЭШМЕТОВ. Притча. Потешка. <i>Рассказ</i>	203
Балхия ТЛЕНЧИНОВА. Стиховидения. <i>Стихи</i>	207
Николай МАЦАК. Фонарик. <i>Рассказ</i>	210
Дина ЛЕБЕДЕВА. Мой берег остался на той стороне... <i>Стихи</i> ...	217
Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ. <i>Стихи</i>	220
Георгий БОРОДЯНСКИЙ. Поражение. <i>Рассказ</i>	225
Маргарита ЕФИМОВА-ДАШКЕВИЧ. Снег в городе. И снова весна. <i>Миниатюры в прозе</i>	227
Наталья КРОФТС. Моя Одиссея. <i>Стихи</i>	230
Андрей ДЁМИН. О последнем поэте. <i>Неоконченная сказка</i>	233
Александр АЛЕКСАНДРОВ. Чистый свет этой жизни... <i>Стихи</i> ..	238
Игорь КОСИЦЫН. Дорогая Рейчел. <i>Рассказ</i>	250
Наталья ЛАЙДИНЕН. Именам не стереться. <i>Стихи</i>	252
Евгения ГАГАРИНА. Нижнеомские былинки. <i>Миниатюры в прозе</i>	258

Дмитрий СОСНОВ. Пространственный огонь. <i>Стихи</i>	258
Анна СЕКЕРИНА. Сказки. <i>Миниатюры в прозе</i>	263
Александра ТРИГОЛОС. Копилка. <i>Рассказ</i>	268
Татьяна КУЗЬМИНА Мы – дети времени и снов... <i>Стихи</i>	273
Александр БЕКИШЕВ. Вкус звёздной пыли. <i>Стихи</i>	281
Игорь ЕГОРОВ. Нескучеющая сила. <i>Рассказ</i>	284
Иван СОСНИН. Горечь искусства. <i>Стихи</i>	287

О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ

Сергей ЛАВРЕНЮК. Блошка. <i>Рассказ</i>	292
Станислав РАДЗИЕВСКИЙ. Фокс. (Наблюдения и впечатления пса, отображённые при помощи хозяина). <i>Повесть в рассказах</i> ...	296
Лариса БЕРЕЗИНА. Котёнок. <i>Рассказ</i>	299
Альберт ДЕЕВ. Малиновка. <i>Рассказ</i>	304

ПУБЛИКАЦИИ

К 80-летию писателя Михаила МАЛИНОВСКОГО (1933–2010)..	318
Игорь ЕГОРОВ. Душевность и такт. <i>Очерк</i>	318
Михаил МАЛИНОВСКИЙ. Ночь такая летняя. <i>Рассказ</i>	323
Памяти поэта Аркадия КУТИЛОВА (1940 – 1985).....	331
Нэлли АРЗАМАСЦЕВА. Аркадий Кутилов – отсвет жизненного ада. <i>Очерк</i>	331
Аркадий КУТИЛОВ. <i>Стихи</i>	335
К 60-летию писателя Сергея ЛЕКСУТОВА(1952 – 2011).....	340
От редакции.....	340
Сергей ЛЕКСУТОВ. Игра в фанты. <i>Рассказ</i>	340
Памяти писателя, литературоведа и театроведа Бориса ЛЕОНОВА (1900–1977).....	348
Сергей СИЗОВ. Необходимое предисловие к «Миниатюрам» Б. Ф. Леонова.....	348
Борис ЛЕОНОВ. Миниатюры.....	349

ЭССЕ

Наталья ЕЛИЗАРОВА. Рассекая Вечность (О писателе Александре Лейфере). Когда софиты гаснут (О народном артисте Валерии Алексееве). Время творить (О режиссёре Ларисе Меерсон). Магическое обаяние слова (О мастере художественного слова Елене Чередовой). Танцующие призраки (О картине Андрея Кудрявцева «Ночные звуки»).....	359
Сергей ПАШКОВ. Эссе к четырём картинам	365

ОЧЕРКИ И ПУБЛИЦИСТИКА

Вячеслав ОМСКИЙ. Вашингтонские этюды.....	368
---	-----

МЕМУАРЫ

Игорь ЕГОРОВ. Очерк об авторе «Рассказов из фронтовой жизни» Михаиле Ткачёве.....	371
Михаил ТКАЧЁВ. Рассказы из фронтовой жизни.....	373

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Галина ЕРЕМЕЕВА. Последний Омский городской голова.....	376
Роберт УДАЛОВ. Важный гость. О первом приезде А. В. Колчака в Омск.....	380

ПЕРЕВОДЫ

Дуглас ФАРР. Однажды ноябрьским вечером. Рассказ. Перевод с английского Дмитрия Есина.....	395
Джон ДОНН. Священные сонеты. Перевод с английского Андрея Козырева.....	405
РАФАЭЛЬ. Магические часы. Готическая новелла. Перевод с английского Галины Приходько.....	408
Эвелина ХАСЛЕР. Из книги стихотворений «Проба пера». Перевод с немецкого Евгении Гагариной.....	421
Уильям Сомерсет МОЭМ. Принцесса Сентябрь и соловей. Сказка. Перевод с английского Анны Палий.....	422
Английские лимрики. Перевод Евгения Фельдмана.....	429

ЮМОР И САТИРА

Владимир ЯНЧЕВ. Мой роман (По мотивам Саши Чёрного).....	433
Алексей ДЕКЕЛЬБАУМ. Вечный двигатель. Заграница без иллюзий!.....	434

ПРОЧТИТЕ ДЕТЯМ

К 55-летию выхода первой книги поэта. Тимофей БЕЛОЗЁРОВ. Стихи.....	437
Анастасия МИСТ. Маленький трамвай. <i>Сказка</i>	441
Ольга ОВЧИННИКОВА. Стихи.....	442
Владислав ЦОЙ. Капризная девочка. <i>Рассказ</i>	443

КРИТИЧЕСКИЕ ЭССЕ

Станислав РАДЗИЕВСКИЙ. «Тарские ворота» (выпуск №1), впечатления от прочитанного.....	445
Сведения об авторах.....	459

Литературно-художественное издание

Тарские ворота

литературно-художественный альманах

Выпуск 2

Главный редактор: Игорь Егоров

Корректоры: Евгений Асташкин, Вячеслав Барыбов

Технический редактор: Лариса Синдирёва

Подписано к печати 19.11.2012. Формат бумаги 60х84, 1/16.

Печать оперативная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 30,0. Тираж 250 экз.

Издательство ООО «Вариант-Омск»

644043, г. Омск, ул. Фрунзе 1, корп. 3, оф. 13.

Тел./факс: 211- 600